

Министерство образования и науки Российской Федерации

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Альманах

№ 8 (31)

**Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2016**

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

альманах

Редакционный совет альманаха:

Ю.С. Васильев, академик РАН –
председатель;

Д.Г. Арсеньев, д-р техн. наук, профессор;

А.Н. Кашеваров, д-р ист. наук, профессор;

Д.И. Кузнецов, д-р филос. наук, профессор;

В.М. Никифоров, профессор,

Чрезвычайный и полномочный посол РФ;

А.В. Прохоренко, д-р филос. наук, профессор;

В.С. Ягья, д-р ист. наук, профессор.

Редакционная коллегия альманаха:

С.Н. Погодин, д-р ист. наук, профессор –
главный редактор;

В.П. Горюнов, д-р филос. наук,
профессор – зам. главного редактора;

О.Д. Шипунова, д-р филос. наук,
профессор – ответственный секретарь;

И.И. Климин, д-р ист. наук, профессор;

В.П. Живулин, канд. филол. наук,
доцент.

С 2001 года альманах «**Россия в глобальном мире**» издавался как Приложение к научно-историческому журналу «Клио».

Альманах зарегистрирован в Международной системе периодических изданий ISSN 2304-9472. Ссылки на статьи Альманаха отображаются в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

С 2012 г. выпускается два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание на русском и английском языках под названием: «**Россия в глобальном мире**» = «**Russia in the Global World**».

Альманах зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.)

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Альманах рассылается в ведущие библиотеки страны, распространяется в России, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Адрес редакции: Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 28

Телефон: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42

E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016.

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnics University

RUSSIA IN THE GLOBAL WORLD

Almanac

№ 8 (31)

Polytechnic University Publishing House

Saint Petersburg

2016

RUSSIA IN THE GLOBAL WORLD

Almanac

Editorial Council:

Yuriy S. Vasiliev, Member of
Russian Academy of Science – Chairman;

Dmitry G. Arseniev,
Doctor of Science, Professor;

Anatoliy N. Kashevarov,
Doctor of Science, Professor;

Dmitry I. Kuznetsov,
Doctor of Science, Professor;

Valentin M. Nikiforov,
Professor, Ambassador Extraordinary and
Plenipotentiary of Russian Federation;

Alexander V. Prokhorenko,
Doctor of Science, Professor;

Vatanyar S. Yagya,
Doctor of Science, Professor.

Editorial Board:

Sergey N. Pogodin, Doctor of Science,
Professor – Chief Editor;

Valery P. Goryunov, Doctor of Science,
Professor – Deputy Editor;

Olga D. Shipunova, Doctor of Science,
Professor – Executive Secretary;

Ivan I. Klimin,
Doctor of Science, Professor;

Vladislav P. Zhivulin,
PhD, Associate Professor.

Since 2001, Almanac “Russia in Global World” was published as an Annex to scientific and historical journal “Clio”.

Almanac is registered in the ISSN system, ISSN 2304-9472. Links to the Almanac articles can be seen in the Russian Science Citation Index database.

Since 2012 Almanac is issued twice a year as an independent periodical in the Russian and English languages named: «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World».

Almanac is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Certificate of Registration PI number FS77-52142 of 11 December 2012).

In selecting articles the editorial board is guided by scientific and editorial policy of the almanac and by the principles of publishing ethics.

The views of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

The point of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

Any reproduction of materials of the almanac requires reference to the almanac.

Almanac is circulated among the leading libraries in the country, distributed in Russia, the CIS and other foreign countries.

Editorial address: 28, Grazhdansky pr., Saint-Petersburg, Russia, 195220

Phone: +7 (812) 329-47-42; + 7 (812) 606-62-42

E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

© Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, 2016

Раздел I.

**ВОЕННОЕ ИСКУССТВО И БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН.
ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

УДК 94(47).084.8

Xavier Moreno Juliá

**THE MEANING OF THE “BLUE SPAIN” FIGHT IN RUSSIA,
1941-1944***

The Blue Division was above all an amalgamation of complexities. We could define it as the Spanish fighting Unit that fought on the Eastern front during the Second World War under the German Army [1]. With this definition we refer to its military essence, but we discard other fundamental aspects, perhaps the principal ones: its politico-diplomatic aspects.

In large part, the Blue Division was the *Falange* (pseudo fascist Spanish party in Franco’s Spain) between Franco (Franco’s Regime) and Hitler (Hitler’s Regime). This a key factor in the understanding of this historic event, praised by some, despised by others and forgotten by the majority of people.

Spain, neutral from the beginning of the war, declared itself non-belligerent, occupied Tangier and offered military support to Hitler in June 1940. But, after many frustrated illusions (Hendaya’s interview between Franco and Hitler and other interviews between Foreign Affairs ministry Ramon Serrano Suñer and Hitler/Ribbentrop) on the 7th December Franco said “no” to the German request for passage in order to take the Rock of Gibraltar [2]. This

* The elaboration of this Paper has been financed with the funds that the Ministry of Economy and Competitiveness of Spain has destined to the Research Project HAR2012-30848.

opened a period of great uncertainty in the fortunes of the country.

For six months, until June 1941, the diplomatic pressures of the Germans over the Spanish government were constant and even turned into a menace. But the real danger for the integrity of Spanish territory lay in the secret preparations of the British Headquarters initiated in April. Preparations for *Operation Puma*: the occupation of one of the Canary Islands by 24.000 men at the case that the Axis Forces penetrated at the Iberian Peninsula. Even then, what Franco's Regime and a section of public opinion most feared was an eventual German invasion of Spanish territory [3].

All this changed during the early hours of Sunday June 22nd: 191 divisions of Germans and their allies (namely Romanians and Finns), more than three million men, launched into Soviet territory. Without doubt on that day Franco sighed a sign of relief.

Ramon Serrano Suñer became tense. He interpreted these circumstances as a great opportunity to recover lost power. Only one month early, in the political Spanish crisis of May 1941, Franco had seized control of the only political party permitted in Spain, the *Falange Española Tradicionalista y de las JONS*. José Luis de Arrese covered the post of Secretary General for the *Falange*. He was a man docile to Franco and very shortly was to demonstrate himself to be a declared enemy of Serrano Suñer.

For other motives tension entered into the Party with Serrano Suñer. The *Falange* had to take part in the invasion at all costs. The almost certain German victory would also mean victory for “*falangismo*” (the *Falange's* movement) over its internal enemies, especially the Spanish Army.

Falangismo, the pseudo-fascist movement, what had wanted to define the epoch but had stayed on the periphery, was now at last in a position to take hold of the reigns of the Spanish State. Of the hand of the *New Hitlerite European Order*, strengthened with the eventual Soviet defeat, a new “*Nacional-sindicalista*” Spain promised to be born. It would be the Spain of the deceased founder of the *Falange*: José Antonio Primo de Rivera, son of the dictator (1923–1930) Miguel Primo de Rivera.

Serrano Suñer started to work immediately. He visited Franco and then offered *falangista* volunteers to the German Ambassador, Eberhard von Stohrer, on the same morning of 22nd June. Also a general mobilization was organized by

the Party by way of a gathering and demonstration on 24th of June, using Serrano Suñer's famous cry "*Russia is guilty!*", and by the way of the circular of Arrese on the 26th.

However, once again, Franco stopped them. The highly decorated and Army Minister, General Enrique Varela, was decided from the beginning to send a regular army unit to the fighting. After a stormy cabinet meeting, in which Serrano Suñer and Varela launched into a violent and somewhat insulting discussion, Franco left the project in the hands of the Army (Central Headquarters guideline of the 28th). The *Falange* would supply volunteers but however would fight under military control (many *Falange* leaders, officials and two thirds of the non-commissioned officers would be soldiers).

Leaving aside internal conflicts the significant fact is that Franco's Spain was ready and willing to help Hitler's Germany in "*The Anti-Bolshevic Crusade*", as they then referred. This action not only reflected internal ambitions and the above mentioned struggles, but was also an acknowledgement of the help received for the Franco's Army from Germany during the Civil War: a payment for the *Condor Legion*.*

Not without reservations Berlin (Ribbentrop and Hitler) accepted the offer in the hope that it would be followed up by the formal declaration of war against Moscow, a declaration of war that for the fortune of Franco's Regime never was to arrive.

The meaning of the Blue Division for Germany

1) In Military Terms

Though relatively small in size, the Blue Division was a military aid for Germany. On the Eastern front the German Army had a tremendous area to cover, a task that would finally lead to its downfall. For two years, between October 1941 and October 1943, about 45.500 men covered 40 kilometres on the western bank of the River Voljov (first) and 34 kilometres around Kolpino, and industrial suburb on Leningrad (afterwards).* Furthermore, the Division created one other legacy: The Blue Legion [4] that lent 2.200 men to fight for

* Very soon the enterprise had the opposition of Great Britain (Ambassador Samuel Hoare) and the United States of North America (Ambassador Carlton Hayes).

* Permanently there were in Russia between 16.000 and 18.000 men that from time to time were relieved.

five months, between October 1943 and March 1944 (strictly it only fought in December and January). They were employed to defend 12 kilometres in the region of Kostovo, half-way between the Division's two fronts**

In short, although the Blue Division was scarcely effective as a force for the Germans as a whole, it was efficient in its fighting tasks. Hitler recognised this in January 1942 when he said the Spaniards were "*fearless in the face of death*", and in April of the same year when he said that "*they know the meaning of loyalty and courage*". Gratitude was demonstrated in 2.500 Iron Crosses, 2.200 Military Merit Crosses and numerous lesser decorations awarded. Hitler also uniquely created a special medal for them. As yet unsupported, personal sources seem to support the idea that the Division was responsible for two Soviet casualties for every one of their own. Whatever it was, the Blue Division give a good treatment to the Russian civil population.

2) In Political Terms

For the first chief of Unit, General Agustín Muñoz Grandes, and for Berlin the months of spring and summer 1942 led to a great hope for political change in the Madrid government. Franco should be an honorific chief of State and Muñoz Grandes should have the real power. A change that it fulfilled would result in Spanish entrance into the war (an entrance more necessary after November, with the Anglo-Saxon landing in North Africa).

3) In Diplomatic Terms

From the diplomatic perspective the Blue Division provoked serious problems to the German Embassy in Madrid and some Consulates in other parts of Spain. This was due to the well orchestrated action of the British Diplomatic Service. This diplomacy instigated dissatisfaction against Germany amongst repatriated Blue Division members (those suffering from venereal diseases) and the families of the deceased (who desired economic aid).

4) In Economic Terms

On an economic level Germany found itself having to assume during the war the costs derived from equipping the Unit and treatment of the convalescing wounded. After the war, in May of 1962, a bilateral agreement on pension

** Some hundreds of secret combatants also continued fighting to the end of the war at the side of Germany, some within the Armed Forces and some within the armed militias of SS.

complements was signed. This led in 1965 to the Treasury taking charge of pension complements for mutilated Division members and the families of the dead (widows and orphans). In 1994 the payments totalled 80 million Deutsche Marks.

5) In Social Terms

Finally, from the social angle, Germany generated a moment of affection for the Blue Division. This can be shown in the crowded receptions in railway stations. However, shortly afterwards, the Blue Division provoked strong tensions during its stay at the Grafenwöhr training camp, in Bavaria, due to its peculiar way of interpreting the gallantry relationship. Finally, the subjugated German people thanked the aid the Blue Division was giving by showering attention on Division members on permission and those who were hospitalized. Sentimental relationships also inevitably developed.

The meaning of the Blue Division for Spain

Finally we will analyze the meaning of the Blue Division for Spain by the same criterion that we have been applied for Germany: namely military, political, diplomatic, economic and social perspectives.

1) In Military Terms

From the military aspect the Blue Division signified the rather camouflaged official participation, as a voluntary unit, of Spain in World War Two. And more precisely in the German-Soviet War, that evolved over four years between 1941 and 1945, and which concluded in the taking of Berlin by the Red Army.

Initially the Blue Division was a contingent of 18.000 men amongst five million. It covered forty kilometres out of 2.400 in total. Finally it resulted offering 5.000 lives out of eleven million and 20.000 wounded out of 25 million.

Therefore, in strictly military terms, size-wise it was a mere drop of water in a convulsive ocean. However quality wise its participation, as we have stated, was notable. From its initiation as a rather scruffy unit indignant to participate in the attack on Moscow, it progressed into having a reputation for its men's toughness and risky actions. An example: At the beginning of 1942, following the unleashing of the first great soviet offensive, 543 Germans lay situated close to a position on the South of Lake Ilmen. The German control, overshadowed by the magnitude of the Soviet attack, requested a Blue Division expedition to liberate them. Muñoz Grandes chose the recently created Skiing

Company. They took eleven days of march in zigzag over huge fissures in the frozen lake and with temperatures as low as -50°C to conclude the operation. Meanwhile they conquered six villages on the way. The outcome: 12 fit men out of 228, 95 per cent of the total injured, 18 by amputation of both legs.

In the context of this fighting to the extreme we must weigh up three factors in order to appreciate the losses suffered by the Blue Division:

First factor: A hostile environment. The Russian steppes with temperatures which oscillated between $-20^{\circ}\text{C}/-30^{\circ}\text{C}$ in winter 1941/42. Russia was suffering its coldest winter of the century. These conditions were supported without the necessary winter equipment, because until February 1942 no winter overcoats had arrived from the German side.

Second factor: An exasperating lack of technical supplies on the armament level. Artillery was scarce or deficient. Spanish aviation pilots didn't be employed to cover some sections of the North Russian front. Concerning the Blue Division's mobile resources the Unit was not motorized rather horse-drawn, and on entering the campaign was forced to give the few trucks it possessed. In the first few months sanity care and resources were needed in the evacuation chaos and absence of support networks.

Third factor: The growing potential of Soviet forces. Initially they were poorly equipped for the first campaigns on the Voljov. However they counted on an outstanding artillery potential on the Leningrad front. From 1944 they demonstrated a crushing superiority in front of the Blue Legion, who had been obliged to pull back 140 kilometres marching in the midst of hostile partisans*.

All these factors therefore account for the high proportion of casualties - 56 per cent- suffered by the Blue Division: 5.000 deaths, 9.000 wounded, 8.000 sick, 2.000 mutilated, 1.500 frozen and 400 prisoners form part of the most tragic element of the Spanish involvement in World War II. But all these factors explain only in part the essential living experience of the war. There are many other variables to take into consideration. We will mention only three:

First: A strange diet for the Mediterranean palate. This was responsible for producing gastro-intestinal charges and was calorie-wise insufficient. It thus needed to be complemented from Spain. Also the lack at many times of black

* And they demonstrated more than crushing superiority in front of the Spanish clandestine combatants.

tobacco added to the desperation of the Spanish forces.

Second: The paradox of the initial difficult relationship with the Germans alongside the good feeling which existed between the Division and the Russian people. They shared house, home and sentimental relationships which led to all types of situations, including disguised adoptions. And the Russian population saw the Spanish, up to certain point, as a buffer against German treatment which was largely impregnated by racist elements. So there were even the reports of columns of Russians following the Blue Division in its manoeuvres. Even almost today former Division members participating in organized visits to past places had received demonstrations of affection, in part, those connected to the theme of the burial in Russian territory.

Third: The captives. On average over eleven years captives were dispersed between 20 Soviet concentration camps. They lacked all contact with the exterior and even correspondence and parcels were banned. Settlement for the prisoners did not arrive until 1954. It could have been resolved in 1947 if negotiations had taken their due course. However Franco's regime gave way to the *Truman Doctrine* and this frustrated the attempts for the liberation.

2) In Political Terms

From the political perspective the Blue Division meant several things for Spain:

– For *Falangismo*, which was weakened from the end of the Civil War, it signified its rehabilitation and war-like projection out of Spain.

– For the Armed Forces the Blue Division was an important responsibility as it fell under its control. As the campaign advanced it was responsible for recruitment.

– For both (*Falange* and Army) and a large part of volunteers the Blue Division was an anti-communist product, peculiar to the epoch, which complied with the *Anti-Komintern Pact*. This pact was responsible for the dragging of thousands of Western-European middle and upper class men onto the Russian front.

– For the entire Franco Regime it was ambiguous reality. On the side it was a stabilizing factor because it allowed the radical *Falangists* to let off steam from home. We must say that they had become very frustrated long before to the end of the Civil War, especially with the *Unification Decree* (forced unification of *Falangism* with other political forces) of April 1937. However in the hands of

General Agustín Muñoz Grandes regeneration anxieties it was also a destabilizing factor, as it was in the constant friction between *Falange* and Army.

– Finally, for nearly everybody the Blue Division was more Spanish Civil War! Hence for the obsessed Regime's volunteers it signified the chance of “*return the visit*” -in inverted commas- to the Soviet military and Advisory. This was especially the case for those who had suffered the repressive effects of the rearguard S.I.M. (*Republican Military Intelligence Service*). But as the volunteers of Republican origin –which of course there were- the Blue Division signified the possibility of avenging the defeat they had suffered in Civil War, this time by desertion on the Russian battlefields. Even out of exile the Republicans nurtured ideas of fighting the Franco's Regime, whether from Mexico or the Soviet Union.

3) In Diplomatic Terms

For Spanish diplomacy, the Blue Division was hope, cooperation and payment of a debt.

1. Hope. For a period of time the Blue Division was seen as the ideal way of placing Spain in a preferential position in the *New European Order* with the “Great Germany” (in inverted commas) at the centre. In fact, although distorted, the *New Order* was a way of understanding a part of Europe that integrated Western Europe and excluded Great Britain. The “*Anticomunist Crusade*” (more inverted commas) at the same time drew the Continent around Berlin towards the East. Thus, the Baltic Countries, Belorussia, Ukraine and Russia would be definitively inserted into the West. But the *New Order* was more: it had socially-favourable connotations for various social sectors. As stated by Professor Wayne Bowen, many shared the perception that *The Age of Progress*, destroyed by World War I, followed by *The Age of Chaos* of twenties and thirties, had finally been overcoming with *The Age of the New Order*: social peace on dictatorial basis [5].

Cooperation with Germany did have limits in nearly everybody's Spanish minds: Independence at all costs. They wanted collaboration with Hitler but without German penetration in Spanish territory. The negotiations between Hitler and Muñoz Grandes in December 1942 together with German diplomacy in Madrid in first half of 1943 both point towards the idea of help, even entry into the war, but never at the price of allowing German troops in Spain.

This idea of independence explains why Serrano Suñer aspired to entry into the *New Order* but always on equal terms with Germany. In this respect the Blue Division could contribute to this objective: Madrid would aid German victory over the Soviet Union but in autonomous manner. Of fact, it was a Unit with separate control, laws and integrity which was dependent on the Spanish Ministry of War.

2. Cooperation factor. Leaving aside hope in diplomatic terms the Blue Division was the maximum component in Spanish collaboration with Hitler, following much further behind was the sending of Spanish workers to German factories: 10.500 according with Professor José Luis Rodríguez Jiménez[6].

3. Payment of a debt. Finally in the diplomatic field the Blue Division meant the cancellation of a debt that Spain had with the Third Reich. A blood debt paid off and reversed sixteen times (5.000 died for 300 of the Condor Legion). This debt was also economic, reversed by one and a half times with relevant discounts taken in consideration.

4) In Economic Terms

From a strictly economic perspective the Blue Division was an immense cost for the ruined Spanish Treasury. Only 613 million pesetas -more than three million Euros- remained in its coffers after the end of the war in 1945.

5) In Social Terms

On the social level the Blue Division was ambiguous for Spain. On one hand it was a melting pot for a world of rich and poor, illiterate and students, town and country folk... to name but a few categories. But on the other, it was a homogeneous element: young man (normally under 30 years), bachelors (90 per cent) and with a high intellectual component in 1941 and 1942. Of fact it was a clear representation of the middle classes at the beginning, which was to evolve with military recruitment into a body fed mainly by workers, mainly agricultural ones. And the Blue Division was also a fissure in an impermeable social and political system. With the concession of ex-combatant status in Franco's Army for which four months of service in the East Front was enough, it was an opportunity for those who had fought for the Republic in the Civil War to be finally overlooked by the Franco's Regime.

Finally, to conclude, the Blue Division even today is a very complex reality which is difficult to evaluate. We hope this work has helped to shed some

light on this historical accident that forms part of the hard times surrounding the obscure Spanish civil post-war years.

REFERENCES:

1. **Xavier Moreno Juliá**. La División Azul. Sangre española en Rusia, 1941–1944. – Barcelona. 2004; **José Luis Rodríguez Jiménez**. De héroes e indeseables. La División Azul. – Madrid. 2007.
2. **Manuel Ros Agudo**. La gran tentación. Franco, el Imperio colonial y los planes de intervención en la Segunda Guerra Mundial. – Barcelona. 2008; Franco/Hitler 1940: de la Gran Tentación al Gran Engaño. – Madrid. 2009; **Xavier Moreno Juliá**. Hitler y Franco. Diplomacia en tiempos de guerra (1936-1945). – Barcelona. 2007; **Stanley G. Payne**. Franco y Hitler. España, Alemania, la Segunda Guerra Mundial y el Holocausto. – Madrid. 2008.
3. **Xavier Moreno Juliá**. Hitler y Franco... – Barcelona. 2007.
4. **Xavier Moreno Juliá**. Legión Azul y Segunda Guerra Mundial. Hundimiento hispano-alemán en el Frente del Este, 1943-1944. – Madrid. 2014.
5. **Wayne Bowen**. Spaniards and Nazi Germany. Collaboration in the New Order. – Missouri, 2000.
6. **José Luis Rodríguez Jiménez**. Los esclavos españoles de Hitler. – Barcelona. 2002.

УДК 930:94«1941/45»

А. В. Гринёв

**ОЦЕНКА БОЕВЫХ КАЧЕСТВ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ В 1941–1945 ГГ.
В НЕМЕЦКИХ МЕМУАРАХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ**

В отечественной военной историографии, особенно советского периода, неизменным мотивом является восхваление мужества и стойкости солдат Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), их героических подвигов, а также таланта советских полководцев в годы Великой Отечественной войны. Подобные оценки порождаются преимущественно патристическими и идеологическими соображениями и, безусловно, имеют под собой определенную объективную основу. Вместе с тем, порой безудержное восхваление боевых качеств собственных солдат и их командиров вряд ли может способствовать адекватной картине военного прошлого. Ведь в таком случае становится непонятным, как при всех своих позитивных возможностях Красная армия потерпела несколько крупных поражений от германского Вермахта в 1941–1942 гг., почему погибли и попали в плен миллионы советских солдат, и почему фронт откатился от западной границы СССР до Москвы, Ленинграда и Сталинграда?

Очевидно, что для более беспристрастного исторического анализа необходимо привлечение не только советских, но и германских источников, что позволит лучше понять сильные и слабые стороны Красной армии. Поэтому для раскрытия этой темы целесообразно обратиться к аналитическим обзорам и запискам высших офицеров Вермахта (большинство которых было сделано уже после завершения войны). Среди них следует отметить в первую очередь работы генерала танковых войск Ф.В. фон Меллентина (Friedrich Wilhelm von Mellenthin), офицера Германского генерального штаба Эйке Миддельдорфа (Eike Middeldorf) и генерала Люфтваффе Вальтера Швабедиссена (Walter Schwabedissen) [1, 2, 3].

Другим очень важным источником выступают военные дневники и мемуары немецких солдат, офицеров, генералов и фельдмаршалов, воевавших на Восточном фронте. Правда, следует сказать, что далеко не все из них содержат обобщающие характеристики РККА, ее рядового и командного состава. Порой авторы дневников и мемуаров ограничивались простым изложением событий в хронологическом порядке, описанием конкретных боев, указанием на число потерь и другой подобной информацией, часто подчеркивая превосходство немецких войск над противником в качественном отношении [см., например: 4, 5, 6]. Не следует забывать, что мемуаристика хотя и является важным историческим источником, однако ее использование связано с проблемой субъективного плана (преувеличение собственных заслуг и достижений и преуменьшение их у противника, замалчивание неудобных фактов и т.п.). Изредка в немецких источниках встречаются просто фантастические данные, не имеющие под собой никакой реальной основы. Так, начальник штаба Верховного командования сухопутных сил Вермахта (ОКХ, от нем. Oberkommando des Heeres) Франц Гальдер (Franz Halder)* записал 5 июля 1941 г. в своем дневнике: «Во время боев с "ордами монголов" (очевидно, личная охрана Сталина), вклинившись в тыл 6-й армии, 168-я пехотная дивизия проявила полную несостоятельность» [7, с. 86]. Тема «монголов», «азиатов» и «большевистских орд» периодически встречается и в воспоминаниях других ветеранов Восточного фронта. Так, знаменитый нацистский ас Ханс-Ульрих Рудель (Hans-Ulrich Rudel) писал о боях в Сталинграде в 1942 г.: «Две трети города уже были в руках немцев. Советы удерживали только одну треть, но защищали эту треть с упорством настоящих фанатиков. Сталинград был городом Сталина, а Сталин являлся богом для всех этих молодых киргизов, узбеков, татар и прочих разных монголов» [8, с. 89]. Вряд ли все эти измышления нуждаются хоть в каких-то комментариях.

* Здесь стоит обратить внимание на нередкое искажение в отечественной историографии немецких имен и фамилий, особенно в связи с перегласовкой звука/буквы «h» (которому соответствует русское «х» с придыханием) в немецком языке на русское «г». Соответственно, правильнее именовать генерала не Гальдер, а Хальдер, говорить не «Гитлер», а «Хитлер», а немецкое имя «Ганс» давать как «Ханс» (поскольку слово «ганс» означает в немецком «гусь»). Подобные примеры можно легко продолжить, поэтому все немецкие имена и фамилии в тексте статьи дублируются на латинице согласно немецкому правописанию во избежание возможной путаницы и искажений.

Субъективный аспект в дневниках и мемуарной литературе зависел от многих обстоятельств. Взгляд солдата на передовой и штабного генерала в глубоком тылу могли заметно различаться, а равным образом отношение к противнику убежденного в превосходстве арийской расы нациста от обычного немецкого служаки. На субъективные мнения и оценки авторов мемуаров оказывали влияние такие факторы, как происхождение, возраст, жизненный опыт, образование и т.д. И еще один немаловажный момент: характеристика боевых качеств РККА очень существенно зависела от периода военных действий: в начале войны образ противника мог быть одним, а в конце или после ее окончания уже заметно иным.

Так, еще до начала войны ее вдохновитель – Адольф Гитлер (Adolf Hitler) – был крайне невысокого мнения о боевых возможностях Красной армии, хотя и призывал к осторожности в этом вопросе. Согласно воспоминаниям немецкого генерала Курта фон Типпельскирха (Kurt von Tippelskirch), фюрер предполагал, что разгром РККА будет еще более сокрушительным, чем французской армии летом 1940 г. и что «русские вооруженные силы представляют собой глиняный колосс без головы. У них нет хороших полководцев, они плохо оснащены, но недооценивать их нельзя» [9, с. 73]. И первые дни блицкрига, казалось бы, подтверждали правоту Гитлера. Генерал Гюнтер Блюментритт (Günther Blumentritt), начальник штаба фельдмаршала Гюнтера фон Клюге (Günther von Kluge) в 1941 г., вспоминал: «По нашему первому впечатлению, русский солдат был стойким бойцом. Однако русские танки не отличались совершенством, а что касается авиации, то ее в это время мы почти не видели. Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои» [10, с.84]. Это отмечали и другие участники похода против СССР, а начальник ОКХ Гальдер уже спустя два дня после начала войны записал у себя в дневнике: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен» [7, с. 52]. И в дальнейшем он отмечал стойкость советских войск, сделав запись 29 июня 1941 г.: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен, в первую очередь там, где в войсках большой процент монгольских народно-

стей (перед фронтом 6-й и 9-й армий). Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т.п. в плен сдаются лишь немногие. [...] Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это уже недопустимо» [7, с. 66–67].

Однако упорное сопротивление советских войск имело не только позитивное значение, но, как это не выглядит парадоксальным, зачастую превращалось в недостаток. Дело в том, что стойко обороняя свои позиции, соединения РККА часто попадали в результате окружения в многочисленные «котлы», которые устраивали танковые и моторизованные дивизии противника. Командовавший III танковой группой Вермахта генерал Герман Гот (Hermann Göt) писал: «От одной заботы, которая волновала ОКХ перед войной, немецкое командование было освобождено: противник не помышлял о том, как бы ему уйти "в бескрайние русские просторы" [по примеру войны с Наполеоном 1812 г.]. Своими контратаками он останавливал наше наступление, упорным сопротивлением препятствовал охвату или сражался до последнего» [11, с. 81]. Тем не менее, во многих случаях для частей РККА было бы гораздо целесообразнее отойти на новые позиции, а не гибнуть в окружении или попадать в плен. Генерал-полковник Гот подчеркивал: «Именно упорное сопротивление, которое оказывали русские, удерживая свои позиции даже в тех случаях, когда им грозила опасность с обоих флангов, позволяло проводить подобные операции на окружение. [...] Оказывая упорное сопротивление, противник не только нес значительные потери в технике и оставлял пленных, но терял много людей во время отчаянных попыток вырваться из окружения, предпринимаемых слишком поздно» [11, с. 129].

При этом ответственность за многочисленные «котлы» лежала целиком и полностью на военном и политическом руководстве страны, а не на рядовых солдатах и командирах РККА. Одним из печальных результатов подобного «мудрого руководства» армией в 1941 г. стало, например, окружение более полумиллиона советских солдат в «Киевском котле», который военный историк А.В. Исаев охарактеризовал как «крупнейшее окружение в истории войн» [12, с. 86–209]. Известный генерал танковых войск Гейнц Гудериан (Heinz Guderian) вспоминал: «К 26 сентября закончились нашей

победой бои в районе киевского котла. Командующий 5-й армией попал к нам в плен. Я беседовал с ним и задал ему несколько вопросов: 1. Когда они заметили у себя в тылу приближение моих танков? Ответ: Приблизительно 8 сентября. 2. Почему они после этого не оставили Киев? Ответ: Мы получили приказ фронта оставить Киев и отойти на восток и уже были готовы к отходу, но затем последовал другой приказ, отменивший предыдущий и требовавший оборонять Киев до конца. Выполнение этого контрприказа и привело к уничтожению всей киевской группы русских войск. В то время мы были чрезвычайно удивлены такими действиями русского командования. Противник больше не повторял таких ошибок» [13, с. 306].

Вообще немцы в 1941 г. весьма невысоко оценивали уровень советского военного руководства. Начальник ОКХ Гальдер, в первый же день войны пометил у себя в дневнике: «Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению» [7, с. 47–48]. И первые недели боев в целом подтверждали это замечание, в частности, 3 июля Гальдер записал у себя в дневнике: «...Характер атак противника показывает, что командование противника полностью дезориентировано. Организация атак исключительно плохая. Стрелки на грузовых автомашинах и танки наступают против нашей линии обороны в развернутом строю. Следствием являются тяжелые потери противника» [7, с. 79–80].

Действительно, слепое следование приказам и страх армейского начальства нарушить спущенные сверху директивы, отсутствие инициативы и действия по шаблону вели к огромным и неоправданным потерям РККА. Так, командир IX армейского корпуса группы армий «Центр» Герман Гейер (Hermann Geyer), чье соединение стремительно продвигалось по Белоруссии летом 1941 г., писал, что «... русские демонстрировали полное отсутствие фантазии, редко меняли стратегию и редко достигали успеха» [14, с. 108, 127]. Он упоминал о бесчеловечной практике командования Красной армии, которое, совершенно не считаясь с людскими потерями, нередко организовывало бессмысленные кровопролитные атаки очень часто без должной разведки и огневой подготовки [14, с. 137]. Очевидно, таким путем некоторые советские военачальники стремились компенсировать недостатки собственных полководческих способностей за счет солдат-

ских жизней. Об этом говорят и воспоминания советских ветеранов Великой Отечественной войны [15, с. 42–46, 230–231 и др.; 16, с. 126, 131–132, 140 и др.]. Описание подобных эпизодов содержится в дневнике начальника ОКХ Гальдера за 6 июля 1941 г.: «Русская тактика наступления: трехминутный огневой налет, потом – пауза, после чего – атака пехоты с криком «ура» глубоко эшелонированными боевыми порядками (до 12 волн) без поддержки огнем тяжелого оружия, даже в тех случаях, когда атаки производятся с дальних дистанций. Отсюда невероятно большие потери русских» [7, с. 89].

Не только высшее советское командование демонстрировало невысокую компетентность в начале войны – аналогичным был уровень командиров среднего и младшего звена РККА, которые, по замечанию генерала Блюментритта, были слабо обучены и не имели боевого опыта [10, с. 73]. С ним был полностью солидарен и Гальдер: «Управление войсками в тактическом звене и уровень боевой подготовки войск – посредственные». А генерал Герман Гейер в специально изданном для своих частей документе от 16 августа 1941 г. писал: «Русский солдат не умеет использовать замечательную технику, которая имеется в его распоряжении. Мы можем видеть на примере нашего отрезка фронта, что потери убитыми и взятыми в плен у русских в 10, а то и в 20 раз больше, чем наши собственные. Поэтому каждый немецкий солдат вправе смотреть на русского сверху» [14, с. 123]. Тем не менее, он вынужден был признать: «Никто из участников нашего похода не может сомневаться в том, что русские сильны и выносливы. Однако они необразованны, и их командование никуда не годится» [14, с. 108, 123]*.

Особенно ярко эти факторы проявились в начале войны, когда в рядах Красной армии, застигнутой врасплох внезапным нападением Вермахта, царили неразбериха и смятение. В записках непосредственного участника боев на Восточном фронте унтер-офицера Готтлоба Бидермана (Gottlob Vidermann) говорится: «Начав свой поход на Советский Союз, мы очутились лицом к лицу с непредсказуемым противником, чьи поступки, сопротивление или преданность невозможно было предвидеть или даже оценить. Временами мы сталкивались с фанатическим сопротивлением

* Действительно, СССР, несмотря на масштабную индустриализацию, продолжал оставаться в значительной мере крестьянской страной. В 1939 г. только 7,7% жителей СССР имели семь и более классов образования (в Германии – 100%), а высшее – только 0,7%. Это не могло не сказаться на уровне подготовки, освоении новой техники, сознательности в принятии решений и инициативности в боевой обстановке [17, с.97].

горстки солдат, которые сражались до последнего патрона и, даже исчерпав все запасы, отказывались сдаваться в плен. Случалось, перед нами был враг, который толпами сдавался, оказывая минимальное сопротивление, причем без ясно видимой причины» [18, с. 126].

Слабая боевая устойчивость ряда соединений Красной армии в 1941 г. крылась, очевидно, в нежелании значительного числа солдат воевать за Сталина и его государство из-за жестоких репрессий, издержек коллективизации, экономического гнета, бездумных приказов командования. Г. Бидерман свидетельствовал: «Многие русские солдаты, взятые в плен в самом начале войны, выражали желание воевать бок о бок с нами против Сталина и советского правительства» [18, с. 44]. И добавлял: «В начале войны были случаи массового дезертирства из Красной армии, и многие из дезертиров шли добровольно служить в наши войска по самым различным причинам» [18, с. 130]. Особенно это было характерно для представителей неславянских национальностей и жителей Западной Украины, что отмечалось и в советских документах. Так, в Отчете военного совета 5-й армии военному совету Юго-Западного фронта о боевых действиях за 9–16 июля 1941 г. говорилось: «Приписной состав из западных областей Украины, находившийся к началу войны в частях, почти весь разбежался по домам» [19, с. 467]. И лишь спустя несколько месяцев, после того, как стали очевидны чудовищные последствия гитлеровского нашествия, вскрылись факты бесчеловечного обращения с пленными, а также после переключения советской пропаганды с коммунистических мифов на патриотическую риторику, случаи дезертирства и массовой сдачи в плен стали встречаться гораздо реже.

Успехи Вермахта в первые недели войны вскружили голову немецкому руководству. Так, 3 июля начальник ОКХ Гальдер в эйфории от побед пришел к выводу, что Германия уже победила СССР, заявив на страницах своего дневника: «... Не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней. Конечно, она еще не закончена. Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника, использующего все средства, будут сковывать наши силы еще в течение многих недель» [7, с. 81].

Но на самом деле до победы Германии было еще явно далеко. Во время развернувшегося с 10 июля 1941 г. Смоленского сражения командую-

щий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Федор фон Бок (Fedor von Bock) отметил в своем дневнике: «Нельзя отрицать, что наш основательно потрепанный оппонент добился впечатляющих успехов!» [20, с. 95]. Ему вторил Гальдер в записи от 15 июля: «Русские войска сражаются, как и прежде, с величайшим ожесточением» [7, с. 119]. Оно не снижалось и в дальнейшем. Описывая ситуацию, в которую попали его войска на плацдарме в Днепропетровске в конце августа 1941 г., командир III моторизованного корпуса генерал Эберхард фон Макензен (Eberhard von Mackensen) с сожалением констатировал, его войска не смогли добиться больших успехов из-за возраставшего с каждым днем артиллерийского огня русских, который отличался большой точностью: вскоре переправы через Днепр можно было поддерживать только по ночам: «Иногда вражеский огонь вообще прерывал любое передвижение на несколько часов» [21, с. 254].

Крайне неприятным для немцев сюрпризом было появление на поле боя новейших советских танков – среднего Т-34 и тяжелого КВ-1. Немецкие противотанковые средства с лишь большим трудом могли останавливать их атаки. Например, стрелок немецкой разведывательной бронемашины Вилли Кубек (Willi Kubik) писал в своем дневнике в начале октября 1941 г., что когда он осматривал подбитый тяжелый русский танк КВ, то смог насчитать на его броне около сотни вмятин от попаданий противотанковых снарядов, пока один из них случайно не остановил стального гиганта, успевшего уже раздавить несколько немецких противотанковых орудий [22, с. 103–104]. В это же время генерал Гудериан с тревогой отмечал: «Южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить» [13, с. 316]. И далее: «На поле боя командир [4-й танковой] дивизии показал мне результаты боев 6 и 7 октября, в которых его боевая группа выполняла ответственные задачи. Подбитые с обеих сторон танки еще оставались на своих местах. Потери русских были значительно меньше наших потерь» [13, с. 319]. А вот что сообщал немецкий танковый ас Отто Кариус (Otto Carius) в своих мемуарах: «Еще одно событие ударило по нам, как тонна кирпичей: впервые появились русские танки «Т-34»! Изумление

было полным. Как могло получиться, что там, наверху, не знали о существовании этого превосходного танка? «Т-34» с его хорошей броней, идеальной формой и великолепным 76,2-мм длинноствольным орудием всех приводил в трепет, и его побаивались все немецкие танки вплоть до конца войны» [23, с. 16]. Вместе с тем, генерал-танкист Ф.В. фон Меллентин отмечал, что на эффективности использования танковых войск РККА в начальный период войны отрицательно сказывалось отсутствие боевого опыта, слабое понимание тактики использования танков и низкий уровень подготовки младших командиров [1, с. 366–367].

То же самое в полной мере относилось и к советским ВВС, понесшим очень существенные потери уже в первый день войны в результате внезапного удара Люфтваффе по советским военным аэродромам. 22 июня фельдмаршал Ф. фон Бок записал в своем дневнике: «Судя по всему, наши военно-воздушные силы имеют подавляющее превосходство над русской авиацией» [20, с. 48]. Так оно и было на самом деле, что позволило в дальнейшем громить механизированные корпуса РККА и пехотные части, прокладывая путь на Восток для сухопутных сил Вермахта. 30 июня 1941 г. Ф. фон Бок наблюдал следующую картину: «Дорога Белосток – Волковыск на всем своем протяжении являет сцены полного разгрома. Она загромождена сотнями разбитых танков, грузовиков и артиллерийских орудий всех калибров. Люфтваффе неплохо потрудились, обрабатывая отступающие колонны. Здесь противнику был нанесен тяжелый удар» [20, с. 60]. По свидетельству российских ветеранов – очевидцев и участников событий – огромные потери понесли от авиационных ударов слабо бронированные легкие танки БТ и Т-26, составлявшие основу танковых частей Красной армии того периода [24, с. 25, 38–39 и др.]. Именно подавляющее превосходство Люфтваффе в значительной мере обеспечило успехи блицкрига в первые месяцы войны.

Причины слабости боевой авиации Красной армии, заключавшиеся в заметной технической отсталости авиационного парка и слабости подготовки летного состава, зафиксированы в немецких источниках. Так, в дневнике нацистского летчика-истребителя Хайнца Кноке (Heinz Knoke), воевавшего в самом начале войны на Восточном фронте, давалась крайне пренебрежительная характеристика советских ВВС: «Русские летчики-

истребители плохо обучены. Их знания по тактике так же примитивны, как и машины, на которых они летают» [25, с. 59]. Не впечатлила немцев и советская бомбардировочная авиация. Пехотный генерал вермахта свидетельствовал: «За эти дни [22 июня – 1 июля] мы часто видели русские самолеты – порой до 20-30 одновременно. Однако они не наносили нам большого ущерба» [14, с. 75]. Танкист Ханс фон Люк (Hans von Luck) вспоминал о начале войны на Востоке: «Наше превосходство в воздухе было совершенно очевидным, причем как в количественном, так и в качественном отношении» [26, с. 110]. При появлении советских самолетов его сослуживцы не находили нужным даже искать укрытие.

Лишь изредка ситуация кардинально менялась. Например, генерал Гудериан писал об июльских боях 1941 г. дивизии СС «Рейх», которая не смогла продвинуться с рубежа Ельни и Дорогобужа из-за сильных бомбардировочных ударов русских [13, с. 244]. Стрелок бронемашин Вилли Кубек, воевавший в то время на Украине, также записал в своем дневнике 9 июля 1941 г.: «Русские бомбардировщики и истребители постоянными налетами и обстрелами существенно затрудняют наше продвижение» [22, с. 32–35]. При этом его часть понесла потери в живой силе и технике. Однако советские бомбардировщики, действуя без истребительного прикрытия, также несли исключительно большие потери от немецких истребителей Вф-109.

Анализируя действия советских ВВС в первый год войны, генерал Люфтваффе Вальтер Швабедиссен подчеркивал низкое качество советских самолетов, неудовлетворительный уровень подготовки пилотов и слабое взаимодействие с наземными войсками [3, с. 20, 23, 45–46, 56–58 и др.; см. также: 7, с. 75]. Полковник Люфтваффе Фрайхерр фон Бойст (Hans-Henning Freiherr von Beust) характеризовал среднего советского летчика следующим образом: «...Противник, совершенно не способный вести самостоятельный атакующий воздушный бой и представлявший весьма небольшую угрозу в атаке. Часто складывалось впечатление, что в отличие от немецких летчиков, советские пилоты были фаталистами, сражавшимися безо всякой надежды на успех и уверенности в своих силах, движимые своим фанатизмом или страхом перед комиссарами». Правда, фон Бойст хорошо понимал причины сложившейся ситуации: «Как можно было ожи-

дать настоящего энтузиазма в бою от летчиков со столь безнадежно устаревшими самолетами, оружием и оснащением? Как должен был вести себя в бою летчик, уступающий противнику в технической, тактической и летной подготовке, и который был деморализован огромными поражениями Советского Союза? Хорошо известно, что советские летчики часто шли в бой за своим командиром, подстраиваясь под его действия, как автоматы, безо всякого понятия о целях, маршруте и ситуации в воздухе» [3, с. 47]. Со своей стороны генерал Швабедиссен констатировал: «Советские летчики-истребители показали слабую приспособляемость к новым условиям воздушного боя, но были смелыми до безрассудства, что временами приводило к таранным атакам. Как индивидуальный боец, советский пилот часто был недостаточно уверен в себе. Сражаясь в группе, он, напротив, являлся серьезным оппонентом. Недостатки среднего советского летчика объяснялись не столько чертами характера, сколько недостатком боевого опыта и слабой подготовкой, что создавало чувство неуверенности. Действительно высококласные пилоты были редкостью, но те, что были, практически не уступали лучшим немецким летчикам-истребителям» [3, с. 87–88].

Появление на поле боя нового советского штурмовика Ил-2 доставило немало неприятностей немецким сухопутным частям. Стрелок бронемашины Вилли Кубек, сделал запись в своем дневнике 30 сентября 1941 г. о налете таких штурмовиков: «Надо сказать, русские пилоты – люди отчаянные. Без страха снижаются до бреющего и сбрасывают бомбы. Они делают несколько заходов, атакуя зенитчиков и дорогу. У нас несколько человек убиты, а русским в очередной раз удалось улизнуть» [22, с. 98]. Подполковник Люфтваффе Греффрат (Friedrich Greffrath) писал о недооценке немецким командованием как численности, так и качества советских ВВС: «Большой неожиданностью для немцев было, например, появление у русских самолета-штурмовика Ил-2. Эта машина обладала хорошей броневой защитой и потому была трудно уязвима» [27, с. 408]. Именно пилоты советских штурмовиков отличались особым мужеством и упорством в выполнении боевой задачи. Генерал Швабедиссен вынужден был подчеркнуть: «Агрессивность советских летчиков-штурмовиков также заслуживает особого упоминания. То хладнокровие, с которым они осуществляли свои атаки, было просто удивительным» [3, с. 103].

Тем не менее, в целом советские ВВС в 1941 г. еще не представляли серьезной угрозы для сухопутных войск Вермахта. Например, генерал Герман Гот, анализируя бои, развернувшиеся в этот период на Восточном фронте, писал: «... Необходимо учитывать, что авиация противника лишь время от времени нарушала проведение операций и никогда эффективно не препятствовала их развитию» [11, с. 163–164].

По мнению немцев, главным противником Люфтваффе в 1941 г. были не ВВС РККА, а советские зенитки, чей сильный и точный огонь неоднократно отмечал в своих мемуарах нацистский ас Ханс-Ульрих Рудель [8, с. 53–55, 91 и др.] (за время войны он был сбит множество раз и всегда только зенитной артиллерией). Его мнение разделяли и другие пилоты Люфтваффе. Так, командир бомбардировочного экипажа Вольфганг Дирих (Wolfgang Deirich) неоднократно писал о «плотном, точном и очень опасном огне русской зенитной артиллерии», которая наносила тяжелые потери Люфтваффе уже в первые дни немецкого вторжения: «Шестнадцать человек из летного персонала (15 полных экипажей) погибли или пропали без вести; в одной только III группе из-за повреждений были непригодны к эксплуатации или разбились и были полностью разрушены 14 самолетов – потери 50%. [...] Старые, опытные экипажи, выполнявшие много вылетов над Францией, Англией и Югославией, не возвращались. [...] К 30 июня в [бомбардировочной эскадре] KG 51 численность самолетов и экипажей сократилась до одной трети от штатной» [28, с. 97–100]. Генерал-лейтенант Швабедиссен сделал обобщающий вывод: «Немецкие командиры сходятся в одном: все они были удивлены эффективностью вражеской зенитной артиллерии, поскольку немецкое командование представляло ее устаревшей и вряд ли опасной. Они также почти единодушны и в том, что оборонительный огонь из легкого оружия, в частности огонь пехоты, был очень опасным и привел к большим потерям с немецкой стороны». И добавлял: «Советская зенитная артиллерия, равно как и другие части ПВО, часто действовала исключительно эффективно» [3, с. 49, 57].

Но зенитным огнем нельзя было остановить безудержное продвижение Вермахта на восток, и в конце года его пехотные и моторизованные подразделения уже находились на подступах к Ленинграду и Москве. Немцы были настолько уверены в скорой победе, что не озаботились снабдить зимним

обмундированием собственные войска. По данным генерала Гудериана, в сухопутных частях зимнее обмундирование было предусмотрено только для каждого пятого солдата: «...Верховное командование думало сломить военную мощь России в течение 8 – 10 недель, вызвав этим и ее политический крах. Оно было так уверено в успехе своей безумной затее, что важнейшие отрасли военной промышленности уже осенью 1941 г. были переключены на производство другой продукции [13, с. 206–207; см. также: 10, с. 92].

Отрезвление пришло лишь после серьезного поражения гитлеровских войск под Москвой зимой 1941 г. и генерал Блюментрит вынужден был признать: «Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя» [10, с. 98]. Сменивший Гальдера на посту начальника ОКХ генерал-полковник Курт Цейтцлер (Kurt Zeitzler) писал: «В 1942 г. боеспособность русских войск стала гораздо выше, а боевая подготовка их командиров лучше, чем в 1941 г.» [29, с. 160]. Его подчиненный, офицер ОКХ Эйке Миддельдорф также отмечал: «Русское командование сумело быстро оценить опыт, полученный на первом этапе войны, и усвоило особенности ведения наступательных действий немецкой армией» [2, с. 229]. А один из наиболее талантливых полководцев Гитлера фельдмаршал Эрих фон Манштейн (Erich von Manstein) вспоминал: «Следует сказать, что Советское командование действовало достаточно энергично. Для достижения своих целей оно бросало в бой части, не обращая внимания на возможные потери. Войска русских храбро сражались и иногда приносили невероятные жертвы. Правда качество русской пехоты значительно снизилось, армия не была полностью оснащена артиллерией после потерь 1941 г. Неоспоримо также, что Советское командование многому научилось с начала войны, особенно в отношении организации и использования крупных танковых соединений» [30, с. 481].

Позитивные изменения произошли не только с командованием Красной армии, но и с рядовым составом. Так, унтер-офицер Г. Бидерман отмечал явные перемены в настроении солдат РККА: «Солдаты Красной армии теперь заметно отличались от тех, каких мы встретили вначале. Менталитет русского солдата сменился от апатии и безразличия к патрио-

тизму» [18, с. 128–130]. И хотя в летний период 1942 г. Вермахт одержал немало внушительных побед на юге советско-германского фронта и смог продвинуться до Сталинграда и Восточного Кавказа, однако немецкое военное руководство понимало, что дальнейшая борьба будет стоить немалых жертв. По мнению генерал-майора Ганса Дёрра (Hans Doerr), захват Сталинграда был крайне проблематичен: «Опыт боев с русскими давал основание считать, что они будут оборонять Сталинград даже в безнадежном положении до последнего патрона». И добавлял: «Русские превосходили немцев в отношении использования местности и маскировки и были опытнее в баррикадных боях и боях за отдельные дома; они заняли прочную оборону» [31, с. 47, 56].

Однако Сталинградская эпопея Вермахта превзошла самые мрачные прогнозы гитлеровского генерала [см.: 32]. После окружения и пленения в Сталинграде остатков 6-й немецкой армии генерал-фельдмаршал Герд фон Руншедт (правильно: Рундштедт – Karl Rudolf Gerd von Rundstedt) вынужден был констатировать: «Итог, который немецкому командованию пришлось подвести на этом участке фронта в конце января 1943 года, был поистине ужасным. За 14 дней русского наступления группа армий «Б» была почти полностью разгромлена. 2-я армия оказалась сильно потрепанной. К тому же она потеряла во время прорыва основную массу своей боевой техники. 2-я венгерская армия была почти полностью уничтожена, из 8-й [итальянской] армии спастись удалось лишь некоторым частям корпуса альпийских стрелков» [27, с. 147]. И хотя последующий контрудар немецких дивизий нанес серьезное поражение советским войскам под Харьковом, но общая ситуация для Вермахта на южном фланге Восточного фронта не внушала большого оптимизма. Попытки немцев взять реванш за поражение под Сталинградом летом 1943 г. в боях на Курской дуге в ходе операции «Цитадель» не увенчались успехом. Унтер-офицер моторизованной дивизии СС «Великая Германия» Ханс Рефельд (Hans Heinz Rehfeld) вспоминал: «Мы не доверяли своим ушам, однако приходилось признать, что вермахт провалил операцию «Цитадель». И не мог больше наступать – это был печальный вывод. Потеря в танках и личном составе была огромной» [33, с. 8].

В целом ситуация для Германии в конце 1943 г. складывалась неутешительная, как отмечал уже после войны фельдмаршал Г. фон Рун-

штедт: «Последняя попытка немцев захватить еще раз инициативу на Востоке в свои руки поразительно быстро провалилась в районе Курска. В последующих наступательных операциях летом и осенью русская армия продемонстрировала свои высокие боевые качества и показала, что она располагает не только значительными людскими резервами, но и прекрасной военной техникой» [27, с. 178–179]. В частности, резко возросла мощь советской артиллерии. Ф.В. фон Меллентин писал: «В ходе войны русские совершенствовались и развивали тактику артиллерии в наступлении. Их артиллерийская подготовка превратилась в подлинный шквал разрушительного огня» [1, с. 364]. Очевидец, попавший под такой огонь на Курской дуге, упоминал, что некоторые его товарищи просто сходили с ума во время многочасовой артиллерийской канонады [34, с. 230–232]. Немец-артиллерист, сражавшийся под Прохоровкой летом 1943 г., свидетельствовал: «Признаюсь, такого безграничного страха я не испытывал никогда, казалось, что вот еще немного, и тебя накроет очередным снарядом. Создавалось впечатление, что Красная Армия только и ждала нашего наступления, чтобы продемонстрировать нам свою безграничную мощь и тем самым обозначить коренной перелом в ходе этой войны. Какое-то время спустя поступило распоряжение: «К орудиям! Открыть ответный огонь!» Но все мы были в таком состоянии, что об ответном огне и речи быть не могло» [35, с. 21]. По воспоминаниям немецкого пулеметчика, воевавшего на Сивявинских высотах в августе 1943 г., артиллерия Красной армии наносила особенно большой урон оборонявшимся немецким частям: «Часами русские вели ураганный огонь из артиллерии по позициям наших пехотинцев. Все роты постоянно несли огромные потери личного состава» [35, с. 164].

Помимо насыщения артиллерийскими системами частей и соединений РККА, в 1943 г. на вооружение советских танковых бригад поступило множество боевых машин, обеспечив явный количественный перевес над танковыми дивизиями Вермахта. Последний, правда, получил в 1943 г. несколько сот новейших тяжелых танков «Тигр» и «Пантера», превосходивших Т-34 по целому ряду параметров. Танкист-эсэсовец Вилли Фей сообщал, что снаряды 76-мм пушки старой модели Т-34 на расстоянии 500 м не могли пробить броню его «Тигра», хотя русские танкисты стреляли метко [36, с. 31]. Тем не менее, советские танки оставались опасным противни-

ком и, обобщая мнение других ветеранов-танкистов, наводчик танкового орудия Клаус Штикельмайер (Klaus Stickelmayer) писал: «Многие из них – особенно те, кто столкнулся, часто один на один, с Иванами, как называли всех советских, на Т-34, – благодарили господ, что долгие годы советская танковая оптика была отчетливо ниже качеством, чем немецкая» [37, с. 61].

Относительно немногочисленные тяжелые танки Вермахта не могли остановить лавину Т-34, которых командование РККА бросало в прорывы немецкой обороны, организуя большие и малые «котлы». Попытки Гитлера, взявшего на себя функции главнокомандующего еще в декабре 1941 г., задержать советское наступление путем организации обороны «до последнего патрона» приводило лишь к увеличению потерь. Не без сарказма Готтлоб Бидерман отмечал: «Советы переняли тактику вермахта, а те преимущества, что были свойственны нашей военной системе, стали эффективно использоваться Красной армией. В противоположность этому, вожди в Берлине приносили огромное количество солдат в жертву все той же политике «держаться любой ценой», которая почти уничтожила Красную армию в 1941 г. Соперники поменялись местами» [18, с. 128].

В успехах Красной армии большую роль стала играть боевая авиация, едва не похороненная немецкими аналитиками еще в первый год войны. «В июне и июле 1941 года русская авиация понесла огромные потери и была доведена до такого состояния, что, казалось, ей уже никогда не удастся вновь обрести свою силу, – писал Ф.В. фон Меллентин. – Однако за этим неожиданно последовало возрождение такого масштаба, какое возможно лишь при наличии неисчерпаемых ресурсов огромной страны» [1, с. 369]. И хотя в 1942 г. ВВС РККА еще уступали Люфтваффе, но там, где советская авиация имела абсолютное превосходство в воздухе, ее удары были весьма чувствительны для врага. Фельдмаршал Эрих фон Манштейн вспоминал о боях в Крыму в 1942 г.: «Дело доходило до того, что зенитные батареи не решались уже открывать огонь, чтобы не быть сразу подавленными воздушными налетами» [30, с. 231]. Заметный урон немцам наносили иногда даже легкие ночные бомбардировщики-бипланы У-2. Правда, штабной генерал Швабедиссен невысоко оценивал их боевые возможности: «Беспокоящие ночные налеты советских бомбардировщиков оказывали значительное психологическое воздействие на немецкие войска,

однако реальные результаты таких налетов были незначительны» [3, с. 120]. Совершенно иного мнения были фронтовики [33, с. 14–15; 23, 164 и др. работы]. Более того, 4 ноября 1942 г. одна из бомб, сброшенных У-2, попала в топливный склад на аэродроме в окрестностях Армавира. Начавшийся сильный пожар быстро перекинулся стоявшие рядом немецкие бомбардировщики, заправленные горючим и бомбами. В результате пожара и детонации боеприпасов из более чем сотни бомбардировщиков Ju-88 и He-111 уцелел лишь один [28, с. 128].

Боевая мощь советских ВВС еще более усилилась в 1943 г. В авиачасти стали поступать в больших количествах современные типы истребителей и бомбардировщиков, улучшилась подготовка пилотов. Генерал Швабедиссен писал: «К осени 1943 г. в воздухе был достигнут баланс сил: численное превосходство советской авиации компенсировалось качественным преимуществом Люфтваффе. С этого момента немцы могли обеспечивать только локальное господство в воздухе за счет концентрации своих сил в течение ограниченного периода времени» [3, с. 136–137; 27, с. 422]. Там, где такой концентрации не было, а наблюдалась обратная картина, положение немецких войск было незавидным. Танкист Отто Кариус, воевавший в июне 1943 г. на северном участке советско-германского фронта, свидетельствовал: «Иваны обрушили на нас тучи истребителей, к чему мы не привыкли. Кружась вокруг и подражая нашим пикирующим бомбардировщикам «Штука» [Ju-87], они уничтожали все. Отдельные фрагменты раскромсанных тел людей и животных, разбитой техники валялись на шоссе. Это была картина, подобную которой я видел только в 1945 году вдоль дорог на западе, по которым проходили отступающие [от американцев немецкие] войска» [23, с. 35]. Немецкий артиллерист, сражавшийся в июле 1943 г. на Курской дуге, также вспоминал об ударах советских ВВС: «Полк понес страшные потери – до 50% живой силы и техники. Сильнее всего донимали шедшие на брющем штурмовики. Они всегда появлялись внезапно и нещадно косили нас из пулеметов» [35, с. 22]. По словам Ф.В. фон Меллентина, «... начиная с лета 1943 года самолеты русских висели с утра до вечера над полем боя. Хорошо бронированные штурмовики русских атаковали главным образом на брющем полете, и летчики-штурмовики проявляли при этом большую смелость и мужество.

Ночные бомбардировщики действовали, как правило, в одиночку, стремясь, видимо, прежде всего помешать ночному отдыху наших частей. Организация взаимодействия между авиацией и наземными войсками непрерывно улучшалась; в то же время качественное превосходство немецкой авиации постепенно исчезало» [1, с. 370].

Наряду с авиацией нарастала и мощь Красной армии в целом. Обычно атаки по прорыву немецких оборонительных линий начинались с массированного удара советских пехотных дивизий. Генерал Ф.В. фон Меллентин делился своими впечатлениями: «Русские дивизии, имевшие очень многочисленный состав, наступали, как правило, на узком фронте. Местность перед фронтом обороняющихся в мгновение ока вдруг заполнялась русскими. Они появлялись словно из-под земли, и, казалось, невозможно сдержать надвигающуюся лавину. Огромные бреши от нашего огня немедленно заполнялись; одна за другой катились волны пехоты, и, лишь когда людские резервы иссякали, они могли откатиться назад. Но часто они не отступали, а неудержимо устремлялись вперед. Отражение такого рода атаки зависит не столько от наличия техники, сколько оттого, выдержат ли нервы. Лишь закаленные в боях солдаты были в состоянии преодолеть страх, который охватывал каждого» [1, с. 359–360].

Действенную помощь советской пехоте оказывала артиллерия. Танкист Отто Кариус вспоминал о боях в марте 1944 г. и о сокрушительном воздействии советской артиллерии: «Только Иваны могли устроить подобный огневой вал. Даже американцы, с которыми я позднее познакомился на западе, не могли с ними сравняться. Русские вели многослойный огонь из всех видов оружия, от беспрерывно паливших легких минометов до тяжелой артиллерии. [...] Весь участок 61-й пехотной дивизии был накрыт таким огневым валом, что мы подумали, что на нас обрушился ад» [23, с. 104–105]. «Такой сосредоточенный огонь, – писал впоследствии Ф.В. фон Меллентин, – быстро разрушал немецкие позиции, не имевшие большой глубины. Как бы тщательно ни были укрыты пулеметы, минометы и особенно противотанковые орудия, они вскоре уничтожались противником. [...] Во время войны Красная Армия применяла больше тяжелых орудий, чем армия любой другой воюющей страны» [1, с. 362–365].

От артиллерии не отставали и танковые соединения РККА, получившие в 1944 г. усовершенствованные танки Т-34-85 и тяжелые ИС-2, которые могли успешно бороться с немецкими «Тиграми» и «Пантерами». По признанию генерала Ф.В. фон Меллентина, к 1944 г. танковые войска СССР стали самым грозным наступательным оружием 2-й Мировой войны, а танкисты Красной Армии закалились в горниле войны, их мастерство неизмеримо выросло [1, с. 365–367].

К этому времени превосходство в воздухе окончательно и бесповоротно перешло к ВВС РККА. «Противодействие советских истребителей начиная с лета 1944 г. настолько усилилось, что сделало невозможным успешное применение устаревших немецких бомбардировщиков типа He 111 и Ju 88 в дневное время суток», – констатировал генерал Швабедиссен и добавлял: «При этом советские летчики вели себя чрезвычайно агрессивно и более умело, чем в предыдущие годы, демонстрируя хорошую летную и тактическую подготовку. В таких воздушных боях, которые часто переходили в головокружительные схватки над самыми верхушками деревьев, советские летчики действовали беспощадно, атаковали немецкие самолеты со всех сторон и были неутомимы в преследовании» [3, с. 274, 276].

Вообще 1944 г. стал поистине роковым для Вермахта, когда в результате грандиозного летнего наступления Красной Армии фактически перестала существовать вся группа армий «Центр», располагавшаяся на территории Белоруссии [см.: 38]. Современный немецкий историк, приводя в своей работе многочисленные свидетельства очевидцев поражения Вермахта в 1944 г., обобщил результат следующим образом: «Наряду с чудовищными потерями в людях группа армий «Центр» потеряла все вооружение. Ее полный разгром стал крупнейшей военной катастрофой в истории немецких войск и вообще крупнейшей в немецкой военной истории» [39, с. 266]. Фактически Красная армия преподала Вермахту урок блицкрига там, где последний столь эффективно использовал его в 1941 г.

Успешное летнее наступление РККА в 1944 г. стало во многом заслугой советских генералов и маршалов, кардинально отточивших свое военное мастерство. По мнению генерала Ф.В. фон Меллентина, «...в ходе войны русские постоянно совершенствовались, а их высшие командиры и штабы получали много полезного, изучая опыт боевых действий своих

войск и немецкой армии, они научились быстро реагировать на всякие изменения обстановки, действовать энергично и решительно. Безусловно, в лице Жукова, Конева, Ватутина и Василевского Россия имела высокоодаренных командующих армиями и фронтами» [3, с. 358]. Генерал-полковник Гейнц Гудериан обобщил свои мысли по этому поводу следующим образом: «Во Второй мировой войне стало очевидным, что и советское верховное командование обладает высокими способностями в области стратегии» [40, с. 133]. Какой красноречивый контраст с оценками военного руководства РККА начального периода войны! Ее логическим концом стал май 1945 г., когда Красная армия поставила жирную точку на существовании когда-то непобедимого Вермахта и «тысячелетнего» Рейха.

После завершения войны настал черед ее осмысления побежденной стороной. Генерал Гюнтер Блюментрит писал: «Первые роковые решения были приняты немецким командованием в России. С политической точки зрения самым главным роковым решением было решение напасть на эту страну. Теперь нам пришлось вести войну с более сильным противником, чем тот, с которым мы встречались до сих пор. На бескрайних просторах Востока нельзя было рассчитывать на легкие победы. Многие из наших руководителей сильно недооценили нового противника. Это произошло отчасти потому, что они не знали ни русского народа, ни тем более русского солдата. Некоторые наши военачальники в течение всей первой мировой войны находились на Западном фронте и никогда не воевали на Востоке, поэтому они не имели ни малейшего представления о географических условиях России и стойкости русского солдата, но в то же время игнорировали неоднократные предостережения видных военных специалистов по России» [10, с. 64]. О недооценке возможностей РККА и советского народа писали и другие немецкие генералы и фельдмаршалы [11, с. 163; 13, с. 355–356; 20, с. 275–276 и др. работы]. Соответственно, были переоценены собственные силы и возможности Вермахта и Германии с самыми печальными для них последствиями.

Успехи Красной армии, по мнению немецких военных аналитиков, крылись в специфике российского солдата. Так, генерал Блюментрит полагал, что она определялась близостью русского человека к природе и заключалась в особенностях его жизни и мировоззрения: «Житель Востока

многим отличается от жителя Запада. Он лучше переносит лишения, и эта покорность подает одинаково невозмутимое отношение как к жизни, к смерти. Его образ жизни очень прост, даже примитивен по сравнению с нашими стандартами. Жители Востока придают мало значения тому, что они едят и во что одеваются. Просто удивительно, как долго могут они существовать на том, что для европейца означало бы голодную смерть. Русский близок к природе. Жара и холод почти не действуют на него. Зимой он защищает себя от сильной стужи всем, что только попадается под руку. Он мастер на выдумку. Чтобы обогреться, он не нуждается в сложных сооружениях и оборудовании. Крепкие и здоровые русские женщины работают так же, как мужчины. Близкое общение с природой позволяет русским свободно передвигаться ночью в туман, через леса и болота. Они не боятся темноты, бесконечных лесов и холода. Им не в диковинку зимы, когда температура падает до минус 45°C. Сибиряк, которого частично или даже полностью можно считать азиатом, еще выносливее, еще сильнее и обладает значительно большей сопротивляемостью, чем его европейский соотечественник» [10, с. 71–72].

Аналогичного мнения придерживался и генерал Ф.В. фон Меллентин, который считал положительными качествами русского солдата стойкость, отвагу и патриотизм, терпеливость и выносливость. По его мнению, благодаря исторической близости к земле и к природе, русская пехота (как и танковые войска) оказалась наиболее эффективным видом войск по сравнению с авиацией и морским флотом. В то же время он отмечал одну из тактических ошибок Красной Армии, которая состояла в «почти суеверном убеждении в важности овладения возвышенностями», следствием чего являлись большие неоправданные потери [1, с. 361]. Меллентин также указывал на недостаточное взаимодействие различных родов советских войск на поле боя, и часто наблюдаемый недостаток инициативы у рядового состава с приверженностью к коллективным, а не индивидуальным действиям: «Никогда нельзя заранее сказать, что предпримет русский: как правило, он шарахается из одной крайности в другую. Его натура так же необычна и сложна, как и сама эта огромная и непонятная страна. Трудно представить себе границы его терпения и выносливости, он необычайно смел и отважен и тем не менее временами проявляет трусость. Бывали случаи, когда рус-

ские части, самоотверженно отразившие все атаки немцев, неожиданно бежали перед небольшими штурмовыми группами. Иногда пехотные батальоны русских приходили в замешательство после первых же выстрелов, а на другой день те же подразделения дрались с фанатичной стойкостью. [...] Русский солдат с пренебрежением относится к общепризнанным тактическим принципам, но в то же время старается полностью следовать букве уставов. Возможно, все это объясняется тем, что он не мыслит самостоятельно и не контролирует своих действий, а поступает в зависимости от своего настроения, совершенно непонятного для жителя Запада. Его индивидуальность непрочна, она легко растворяется в массе; иное дело терпеливость и выносливость – черты характера, складывавшиеся в течение многих веков страданий и лишений. Благодаря природной силе этих качеств русские стоят во многих отношениях выше более сознательного солдата Запада, который может компенсировать свои недостатки лишь более высоким уровнем умственного и духовного развития» [1, с. 355–356]. Тем не менее, общий вывод Ф.В. фон Меллентина звучал так: «Несмотря на эти недостатки, русский в целом, безусловно, отличный солдат и при искусном руководстве является опасным противником» [1, с. 358].

Этот же мотив – неприхотливость, выносливость и твердость духа советского солдата – проходит красной нитью и в записках других немецких военных. Генерал-полковник танковых войск Гейнц Гудериан обобщил свои наблюдения следующим образом: «Русский солдат всегда отличался особым упорством, твердостью характера и большой неприхотливостью. [...] Русским генералам и солдатам свойственно послушание. Они не теряли присутствие духа даже в труднейшей обстановке 1941 года. Об их упорстве говорит история всех войн» [40, с. 133]. Это подтверждал и унтер-офицер Г. Бидерман, воевавший все четыре года на Восточном фронте: «Русский солдат проявил себя крайне трудным противником, который, если правильно мотивирован, может вынести самые тяжелые условия. [...] Вооруженный автоматом с объемистым магазином, одетый в форму, отвечающую местности, и живущий на скудной диете из того, что было под рукой, русский солдат проявил себя самым умелым противником» [18, с. 128–130].

По мнению Эйке Миддельдорфа, особенно успешно действовали русские войска в обороне: «Хотя русские уставы и характеризуют наступ-

ление как основной вид боевых действий, все же наиболее сильной стороной русской армии, пожалуй, следует признать оборону. Одна из причин этого заложена в самом национальном характере русских. Способность русского солдата все перетерпеть, все вынести и умереть в своей стрелковой ячейке является важной предпосылкой для упорной и ожесточенной обороны. Она дополняется сильной связью русского солдата с природой, что позволяет ему в обороне мастерски оборудовать свои позиции и прекрасно маскироваться» [2, с. 202].

Абсолютно все немецкие военные, от рядового до генерала считали русского солдата непревзойденным мастером маскировки и полевой фортификации. Уже в июле 1941 г. начальник ОКХ Гальдер записал в своем дневнике, что у противника превосходная маскировка [7, с. 103]. Танкист Отто Кариус свидетельствовал: «Каждый вечер они строили что-нибудь новое, прямо как кроты. Без сомнения, русские превосходили нас в строительстве полевых инженерных сооружений» [23, с. 92]. Генерал Ф.В. фон Меллентин также отмечал это свойство: «Солдат русской армии – непревзойденный мастер маскировки и самоокапывания, а также полевой фортификации. Он зарывается в землю с невероятной быстротой и так умело приспособливается к местности, что его почти невозможно обнаружить. Русский солдат, умело окопавшийся и хорошо замаскированный, крепко держится за "матушку-землю" и поэтому вдвойне опасен как противник. Часто даже долгое и внимательное наблюдение оказывается безрезультатным – позиции русских не удается обнаружить» [1, с. 357].

Особенно успешно действовали советские солдаты в лесной местности и в ночное время суток. Эйке Миддельдоф подчеркивал это в своем обобщающем труде: «Русские являются мастерами умелого использования местности ночью, в том числе и в тех случаях, когда она даже днем считается непроходимой» [2, с. 346–347]. Немецкий пулеметчик Хельмут Нойбуш (Helmut Neubusch), сражавшийся в районе «Демянского котла» в 1942 г., свидетельствовал: «Русские были мастерами ночного боя, они без конца бросались в контратаки на наши отсечные позиции» [35, с. 146].

Другой особенностью ведения боя советскими войсками был широкое применение метода «просачивания», который заключался в том, чтобы незаметно проникнуть в расположение войск противника мелкими груп-

пами или быстро прорваться на более слабых участках оборонительной полосы и затем атаковать с тыла. Все тот же Ф.В. фон Меллентин, анализируя результаты боев на Восточном фронте, писал, что «русские подлинные мастера просачивания – формы боевых действий, в которой они не имеют себе равных» [1, с. 360].

Перечисляя положительные и отрицательные качества русского солдата, авторы аналитических трудов почему-то почти не упоминают такую черту, свойственную многим русским, как беспечность и неосторожность. Лишь В. Швабедиссен отметил это качество в своем анализе действий советских ВВС: «... Часто характерная для русских беспечность позволяла немецкой авиации, вплоть до самого конца войны, добиваться хороших результатов при атаках аэродромов, заполненных советскими самолетами» [3, с. 325]. А вот авторы мемуаров, вспоминая бои, нередко указывают на легкомыслие (если не сказать сильнее) советских командиров, которые забывали выставить боевое охранение и организовать разведку, что нередко вело к фатальным последствиям, особенно во время внезапных танковых атак немцев [23, с. 201–202; 37, с. 90, 194–195].

Но едва ли не главным недостатком советских бойцов, по мнению ряда немецких аналитиков, являлся дефицит самостоятельности, инициативности, стремление слепо следовать уставам, что вело к шаблонности и особенно отрицательно сказывалось на действиях в бою младших командиров [1, с. 358]. Наиболее заметно это проявлялось в воздушных сражениях истребительной авиации, что было подмечено В. Швабедиссеном: «Нельзя забывать и о том, что русский менталитет, воспитание, специфические черты характера и образование не способствовали развитию у советского летчика индивидуальных бойцовских качеств, крайне необходимых в воздушном бою. Примитивное, а часто и тупое следование концепции группового боя делали его безынициативным в индивидуальной поединке и, как следствие, менее агрессивным и настойчивым истребителем, чем его немецкие оппоненты. Подавление индивидуальности в угоду коллективной сплоченности групповых схваток, которые подразумевали некую общественную храбрость и упорство, несомненно вело к потере свойственной летчикам-истребителям инициативы. У человека, привыкшего действовать и думать как все, отсутствует гибкость ума, крайне необходимая для настоящего воздушного бойца.

По этой причине русские пилоты хорошо проявляли себя в коллективе, но терялись, действуя в одиночку» [3, с. 139].

С другой стороны, в немецких мемуарах и аналитических записках неоднократно отмечалась смекалка, свойственная русскому солдату. Так, уже не раз цитируемый Гюнтер Блюментрит вспоминал: «Русские были неистощимы в различных выдумках. Например, кавалерийские дивизии часто сопровождалась пехотой на санях. Сани привязывались веревками к седлам кавалеристов. Странно было видеть, как в ясную лунную ночь передвигались по снегу длинные колонны всадников, за каждым из которых ехал на санках пехотинец» [10, с. 107]. Другой случай приводится в записках танкиста Вилли Фейя при описании боев на Украине осенью 1943 г.: «Поначалу мы были озадачены тем, как русским удавалось обеспечить снабжение войск в таком объеме по «выжженной земле», где были уничтожены все мосты, автомобильные и железные дороги. Лишь со временем данные разведки помогли ответить на этот вопрос. Оказалось, что русские доставляли припасы через Днепр по подводным мостам, построенным на 20 сантиметров ниже уровня воды. Немецкой авиаразведке долго не удавалось их обнаружить!» [36, с. 53]. Генерал Люфтваффе Швабедиссен вынужден был признать: «Такие национальные черты русских, как упорство, стойкость, бережливость и особенно послушание, вместе с безжалостными тоталитарными методами управления со стороны государства, заложили хорошие основы для подготовки авиационного персонала. Широко распространенное в те годы мнение о том, что у русских очень мало, если не сказать – совсем нет, технических способностей, было опровергнуто. Правдой оказалось совершенно противоположное» [3, с. 9]. И добавлял: «Русские оказались необычайно искусны в технической импровизации. Они очень быстро разобрались в технических особенностях трофейной техники и, например, применяли немецкие авиабомбы с превосходными результатами» [3, с. 327–328].

Победе Красной армии в войне, согласно Ф.В. фон Меллентину, способствовала жесткая тоталитарная система, сложившаяся в СССР. По его словам, руководство комиссаров, этих «отважных, умных и решительных людей», воспитало у русского солдата то, что у него отсутствовало в 1-й Мировой войне – железную дисциплину, которую не выдержала бы никакая другая армия мира и которая стала одной из причин побед РККА [1, с. 356].

Если теперь подвести итоги и обобщить данные немецких мемуаров и аналитических материалов, то в целом вырисовывается следующая картина. Красная армия и ее становой хребет – русский солдат – зарекомендовали себя в глазах немцев как крайне опасный противник, хотя и не лишенный некоторых недостатков, которые особенно заметно проявлялись в начале войны. Практически все немецкие солдаты, офицеры и генералы сходятся в оценке ряда сильных и слабых сторон советского бойца. По их свидетельству, ему свойственна крайняя неприхотливость и выносливость, мужество и смекалка. Но чем же были обусловлены эти качества? Здесь следует уточнить, что такие свойства советских солдат (о которых неоднократно упоминали немецкие военные аналитики), как близость к природе, неприхотливость и выносливость объяснялись тем, что главным источником пополнения Красной армии была деревня, где подобные качества были вопросом элементарного выживания. Это касалось также издревле присущей русскому крестьянину психологии общинности и коллективизма (всячески поощряемому советскими властями), что выражалось в слабости самоконтроля и индивидуального самосознания, порождая недостаток личной инициативы и самостоятельности. Отсюда проистекала необходимость в жесткой дисциплине и руководстве, которые были призваны поддерживать советские командиры и политруки (неслучайно по количеству офицерского корпуса РККА превосходила другие армии мира). Кроме того, поскольку основная масса соединений Красной армии формировалась за счет деревенских жителей, среди них зачастую ощущался недостаток образования и умения обращаться со сложной техникой (впрочем, этот изъян успешно преодолевался в ходе войны). В результате многим советским солдатам и младшим командирам порой не доставало выучки, инициативы в бою, очень часто они действовали по шаблону, чрезмерно зависели от не всегда умелого руководства со стороны старших офицеров и командования.

Учитывая неизбежную субъективность мнения противника, его выводы, тем не менее, необходимо иметь в виду при подготовке солдат современной российской армии. Следует всячески ориентировать их на проявление личной инициативы в боевой обстановке, всемерно совершенствовать выучку и особое внимание уделить повышению качества офицерского

корпуса, поскольку боеспособность российской армии (при недостатке солдатской инициативы) всегда напрямую зависела от этого фактора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Меллентин Ф.В.** Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. СПб., М., 1998.
2. **Эйке Миддельдорф.** Русская кампания: тактика и вооружение. СПб., 1999.
3. **Швабедиссен В.** Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941–1945 гг. Мн., 2002.
4. **Зенгер Ф. фон.** Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала. 1940–1945. М., 2003.
5. **Пабст Гельмут.** Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1941 – 1943. М., 2004.
6. **Кноблаух К.** Кровавый кошмар Восточного фронта. Откровения офицера парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг». М., 2010.
7. **Франц Гальдер.** Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942). М., 2010.
8. **Ханс-Ульрих Рудель.** Пилот пикировщика // Бомбы сброшены!: Сборник. М., 2002.
9. **Типпельскирх К.** Оперативные решения командования в критические моменты на основных сухопутных театрах Второй мировой войны // Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. Итоги Второй Мировой войны. Выводы победителей. СПб., 1998.
10. **Блюментритт Г.** Московская битва // Роковые решения. М., 1958, с.64-113.
11. **Гот Г.** Танковые операции. М., 1961.
12. **Исаев А.В.** Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005.
13. **Гудериан Г.** Воспоминания солдата. Смоленск, 1999.
14. **Герман Гейер.** IX Армейский корпус в восточном походе 1941 года // От Буга до Кавказа: Пер. с немецкого. М., 2004.
15. **Никулин Н.Н.** Воспоминания о войне. – 2-е изд. СПб., 2008.
16. **Драбкин А.В.** А мы с тобой, брат, из пехоты. «Из адов ад». М., 2012.
17. **Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К.** Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2010.
18. **Бидерман Г.** В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. 1941 – 1945. М., 2005.
19. **От Буга до Кавказа:** Пер. с немецкого. М., 2004. Приложение III. Документы.
20. **Федор фон Бок.** Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941 – 1945 гг. М., 2006.
21. **Эберхард фон Макензен.** От Буга до Кавказа. III танковый корпус в кампании против Советской России 1941 – 1942 годов // От Буга до Кавказа: Пер. с немецкого. М., 2004.

22. **Кубек В.** В авангарде танковых ударов. Фронтовой дневник стрелка разведывательной бронемашины. М., 2010.
23. **Кариус Отто.** «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. М., 2004.
24. **Першанин В.Н.** «Смертное поле». «Окопная правда» Великой Отечественной. М., 2008.
25. **Кноке Хайнц.** Я летал для фюрера. Дневник офицера люфтваффе. 1939 – 1945. М., 2003.
26. **Люк Ханс фон.** На острие танкового клина. Воспоминания офицера вермахта 1939 – 1945. М., 2006.
27. **Рендулич Л., Рунштедт Г. и др.** Провал блицкрига. Почему Вермахт не взял Москву? М., 2012.
28. **Дирих В.** Бомбардировочная эскадра «Эдельвейс». История немецкого военно-воздушного соединения. М., 2005.
29. **Цейтцлер К.** Сталинградская битва // Роковые решения. М., 1958.
30. **Эрих фон Манштейн.** Утерянные победы. Ростов н/Д., 1999.
31. **Дёрр Г.** Поход на Сталинград. М., 1957.
32. **Вюстер В.** В аду Сталинграда. Кровавый кошмар Вермахта. М., 2010.
33. **Рефельд Г.Г.** В ад с «Великой Германией». М., 2010.
34. **Сайер Ги.** Последний солдат Третьего рейха. М., 2002.
35. **Цвайгер Алоис, Нойенбуш Хельмут.** Кровавое безумие Восточного фронта. М., 2009.
36. **Фей В.** Танковые сражения войск СС. М., 2009.
37. **Штикельмайер К.** Откровения немецкого истребителя танков. М., 2011.
38. **Вольфзангер В.** Беспощадная бойня Восточного фронта. М., 2010.
39. **Бухнер А.** 10 Сталинских ударов глазами немцев. М., 2009.
40. **Гудериан Г.** Опыт войны с Россией // Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. Итоги Второй Мировой войны. Выводы побежденных. СПб., 1998.

УДК 94(47).084.8**А. Б. Гуркин****ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА**

В настоящее время все большую популярность получает такая отрасль исторической науки, как военно-историческая антропология. Предметом этой отрасли можно назвать «человеческое измерение» войны. Соответственно, главным ее предназначением считается изучение и осмысление различных проявлений жизни людей на войне и их рефлексии по поводу происходящего.

Как известно, письменные источники традиционно составляют основу исторической науки. Это касается и военно-исторической антропологии – важнейшим типом источников для нее также являются письменные свидетельства. При этом особое место среди них занимают памятники личного происхождения – дневники, автобиографии, мемуары, воспоминания и письма.

Безусловный интерес для исследователей представляют военные мемуары и воспоминания. Вместе с тем, это весьма специфичные, сложные источники, требующие от историка максимума внимания и осторожности. Прежде всего следует выяснить их подлинность – нередко под видом мемуаров и воспоминаний встречаются подделки [1]. Необходимо также учитывать, что подобные произведения обычно пишутся по истечении некоторого, иногда очень значительного, периода времени после событий. Естественно, многое стирается из памяти и искажается, а многое спустя годы начинает восприниматься совсем по-иному. Наконец, характерной чертой этих источников является их высокая субъективность, которая способна серьезно повлиять на достоверность сообщаемых сведений.

За семидесятилетие, прошедшее после Великой Отечественной войны, было опубликовано большое количество воспоминаний и мемуаров ее участников. В нашей стране до недавнего времени издавались преимущественно работы, написанные видными советскими полководцами [2]. Также на русский язык переводились мемуары немецких военачальников [3]. На

этом фоне ощущался явный недостаток воспоминаний простых участников войны, которые непосредственно сражались на передовой. К тому же выходявшие в условиях жесткой цензуры труды советских ветеранов были явно выхолощены и не давали полного представления о жизни человека на фронте. Что касается мемуаров немецких фронтовиков, то их в СССР попросту не было.

Сейчас ситуация коренным образом изменилась. Стало доступным большое число источников личного происхождения, повествующих о так называемой «окопной правде» Великой Отечественной. В последние годы был опубликован целый ряд военных воспоминаний и мемуаров, как советских офицеров и солдат, так и их противников.

Целью данной статьи является сравнительный анализ описаний и оценок одних и тех же событий людьми, воевавшими по разные стороны Восточного фронта. В основном рассматривались воспоминания авторов, которым довелось сражаться под Ленинградом.

Среди произведений отечественных ветеранов особое внимание привлекают недавно опубликованные мемуары Ростислава Мохова [4] и Николая Никулина [5]. Они в значительной степени похожи. Их писали люди, которые, будучи совсем молодыми – один сразу же после школы (Никулин), а другой с 4-го курса Ленинградского Политехнического института (Мохов) – оказались на самых кровавых участках Ленинградского и Волховского фронтов, прошли всю войну и закончили ее в Берлине. Оба текста хорошо передают атмосферу войны и ее восприятие авторами. Как пишет Никулин, его воспоминания первоначально не предназначались для публикации, и рукопись пролежала в столе тридцать лет. «Эти записки глубоко личные, написанные для себя, а не для постороннего глаза, и от этого крайне субъективные, они не могли быть объективными потому, что война была пережита мною почти в детском возрасте, при полном отсутствии жизненного опыта, знания людей, при полном отсутствии защитных реакций или иммунитета от ударов судьбы» [5, с. 3]. Поэтому вполне естественно, что мемуары эти очень жесткие, описания боев и подвигов в них сведено к минимуму, а на первый план выходят личные переживания солдата и тот негатив, с которым ему пришлось столкнуться на войне. Фактически мемуары являются попыткой автора освободиться от страшных военных воспоминаний.

Очевидной точкой отсчета для мемуаристов Великой Отечественной стало 22 июня 1941 г. Объявление о нападении Германии на СССР, как пишут почти все авторы, было воспринято в стране без паники. Большинство населения, особенно молодежь, полагало, что война скоро закончится нашей победой. «Объявление войны я и, как кажется, большинство обывателей встретили не то чтобы равнодушно, но как-то отчужденно. Послушали радио, поговорили. Ожидали скорых побед нашей армии – непобедимой и лучшей в мире, как об этом постоянно писали в газетах», – вспоминал Н. Никулин [5, с. 5].

Что касается немецких военнослужащих, то у них вступление в войну с Россией и ее начальный этап также не вызвали особых опасений, они тоже были уверены в своей быстрой победе. Вот как описывает свое восприятие начала войны Отто Кариус, автор книги ««Тигры» в грязи»: «...мы, солдаты, верили в свои способности и в удачу. И хорошо, что не могли заглянуть в будущее. Вместо этого у нас была только воля рваться вперед и завершить войну как можно скорее» [6, с. 13]. Он же приводит слова одного из унтер-офицеров своей части, произнесенные вскоре после начала военных действий против СССР: «Совсем неплохо здесь воевать...» [6, с. 11]. Такое отношение к развернувшимся событиям вполне понятно, поскольку Германия к моменту нападения на Советский Союз уже захватила большинство европейских стран, одерживая победы довольно легко и быстро. Немцы верили, что их армия способна справиться с любым противником, и успешно развивавшееся летнее наступление лишь подтверждало это. Их веру в победу не поколебали ни первые неудачи, ни жестокие реалии Восточного фронта, с которыми солдаты Германии столкнулись в последующие месяцы. Так, Готтлоб Бидерман, бывший командиром противотанкового расчета, писал про свои ощущения в канун нового 1943 г.: «Германия достигла зенита военных успехов. Наши войска удерживали громадную территорию в Советском Союзе; победа казалась неизбежной» [7, с. 168–169].

С другой, советской, стороны фронта спокойная уверенность первых дней довольно быстро сменилась растерянностью и неразберихой. Ее фактически одинаково отмечают Мохов и Никулин. С их точки зрения, в РККА среди командного состава явно прослеживалось неумение воевать. Войска ходили в лобовые атаки без артиллерийской подготовки, неся

вследствие этого огромные потери. Оба автора стали участниками затяжных боев под Погостьем, и тяжесть этого сражения в полной мере отразилась в их воспоминаниях. «Мы – пишет Р.М. Мохов, – оказались в мешке. И отступить не имели права (действовал приказ «Ни шагу назад») и наступать было не с чем: снабжение прекратилось вовсе. От недоедания и попыток согреться в шалашах или у костров (землянок не было) солдаты начали умирать. Бывало, идешь по лесу и видишь: потухший костер, а возле него три-четыре замерзших трупа» [4, с. 87]. Н.Н. Никулин описывает это время так: «В армейской жизни под Погостьем сложился между тем своеобразный ритм. Ночью подходило пополнение: пятьсот – тысяча – две-три тысячи человек. То моряки, то маршевые роты из Сибири, то блокадники (их переправляли по замерзшему Ладожскому озеру). Утром, после редкой артподготовки, они шли в атаку и оставались лежать перед железнодорожной насыпью» [5, с. 27]. К сожалению, такое положение дел было в значительной степени типичным для многих фронтов первых лет войны.

Вместе с тем, следует отметить, что почти все мемуаристы-фронтовики, наши или немецкие, склонны завышать силы противника и полагать, что он находится в более выгодном положении, нежели они. Например, утверждение Н. Никулина о том, что «немцы в теплых дотах, сытые и пьяные, наглые, все предусмотрели, все рассчитали, все пристреляли и бьют, бьют, как в тире» [5, с. 28] опровергается немецкими ветеранами, воевавшими в составе группы армий «Север». Конечно, положение советских войск под Ленинградом было очень тяжелым, а немецкие части занимали подготовленные позиции и снабжались несравненно лучше. Но предположение, что гитлеровцам приходилось легко, явно не соответствует действительности.

Вот как описывает бои осени 1942 г. один из осаждавших город Ленина: «Убийственный огонь проделывает бреши в наших рядах. Удерживать позицию становится все труднее. День и ночь мы лежим с оружием в руках в земляных норах. Положение раненых ужасное. Отсутствуют перевязочные средства и медикаменты. Снарядные осколки залетают в укрытия, в которых лежат раненые» [8, с. 373]. Другой участник осенних боев вспоминает, что только в первой, закончившейся неудачей атаке на реке Черной 22 сентября 1942 г. его 132-я пехотная дивизия потеряла 30 процен-

тов личного состава [7, с. 161]. Хассо Стахов, воевавший под Погостьем с немецкой стороны, передает детали окопного быта своих соотечественников: «...солдаты сидят в воронке, тесно прижавшись друг к другу, укрывшись от ветра и, подобно обезьянам, грызут замерзший на морозе хлеб и сосут колбасу, твердую, как кусок льда» [9, с. 137]. А по поводу потерь он приводит такие данные: немецкий батальон перед боем имел 7 офицеров, 77 унтер-офицеров и 347 солдат. После первой же атаки потери составили 6 унтер-офицеров и 41 солдата. Затем сразу прибывает пополнение, но уже через три недели в батальоне остается 4 офицера, 7 унтер-офицеров и 36 солдат. Причем, отмечает автор, «такое становится обычным явлением» [9, с. 137].

В литературе часто поднимается вопрос о том, как относились немецкие военнослужащие к тому, что в Ленинграде в период блокады многие люди умирали от голода. Некоторые немецкие мемуаристы пытаются доказать, что они ничего не знали об этом и не несут ответственности за бедственное положение ленинградцев. «В немецких штабах уже, правда, говорилось, что в Ленинграде царит голод, (...) но кто из немецких солдат мог вообразить себе, что на улицах города жители действительно замертво падали от голода?» [9, с. 12].

На самом деле гитлеровцы, конечно же, знали о ситуации, сложившейся в блокадном кольце, но их это мало волновало. Они лишь были разочарованы тем, что не воспользовались этой ситуацией и не захватили Ленинград. Яркий пример такого отношения – О. Кариус: «Мы узнали от взятой в плен женщины-врача, что город практически умирал от голода зимой 1941/42 года. Тела умерших складывались одно на другое, как штабели дров. Она рассказала, что сейчас жизнь в Ленинграде практически вошла в нормальное русло. (...) Когда потом мы узнали из показаний другого пленного, что в Ленинграде совсем не оставалось солдат в 1941 году и город в то время русскими войсками был практически оставлен, даже самому последнему шоферу солдатской столовой стало ясно, что эту ошибку никогда уже не исправить» [6, с. 39]. Упущенная возможность удручала Кариуса вдвойне, поскольку он считал, что, взяв Ленинград и используя его в качестве «краеугольного камня Восточного фронта», немецкая армия могла бы перезимовать на хорошо подготовленных позициях и развернуть победоносное наступление весной 1942 г. [6, с. 40] В книге Г. Бидермана по этому по-

воду можно найти следующие рассуждения: «Летом 1941 г. с добавлением вновь прибывших дивизий еще можно было взять город; но тогда посчитали, что население Ленинграда вымрет от голода и сдастся, избавив тем самым вермахт от многих жертв. Русские проявляли исключительное мужество и неизменную стойкость, доказав ошибочность этой идеи» [7, с. 159].

Все авторы немецких мемуаров подчеркивают храбрость и героизм солдат Рейха, которые достойно выполняли свой долг и сделали все, чтобы победить. Они, якобы, никогда не проявляли насилия и жестокости по отношению к пленным и мирному населению. Однако реальность весьма далека от такого образа немецких военнослужащих. Практически все служившие в РККА в годы войны сталкивались с проявлением крайней жестокости неприятеля. В частности, Н.Н. Никулин в своих мемуарах вспоминает: «Убедился я, что рассказы об их зверствах – не выдумка газетчиков. Видел трупы сожженных пленных с вырезанными на спине звездами. Деревни на пути отхода были все разбиты, жители выгнаны. Их оставалось совсем немного – голодных, оборванных, жалких» [5, с. 18].

Причиной, которая побуждала немецких солдат храбро сражаться, многие мемуаристы называют необходимость защищать Европу от ига большевизма. Хартвиг Польман в книге «900 дней боев за Ленинград» сформулировал это так: «...борьба здесь, на севере, была направлена не против русских, как людей, а против большевизма, представлявшего собой угрозу свободе Западной Европы» [10, с. 196]. Похожие воззрения демонстрирует в своих мемуарах Г. Бидерман, писавший о «крестовом походе против большевизма» [7, с. 169]. При этом защитники западных ценностей забывают, что не Советский Союз напал на Германию, а, наоборот, Германия вторглась в Советский Союз.

Гипертрофированное подчеркивание военной доблести, мужества, подвигов и фронтового товарищества особенно характерно для мемуаров тех, кто служил в войсках СС. Обычно авторы подобных трудов стараются обелить себя и одновременно создать героический ореол вокруг эсэсовцев [11]. Отчетливо это проявляется в воспоминаниях Викинга Йерка – под этим псевдонимом описал противостояние на Восточном фронте Эрик Валлин, шведский доброволец, вступивший в СС. «...Там, где обычный солдат потерял бы последние силы и остатки воли, наш боевой дух был с

нами. Наша судьба вела нас к окончательной победе сметающей все на своем пути силы нашего оружия. Наша вера в собственное искусство сражаться была крепка как никогда», – в таких выражениях Валлин представляет события, происходившие с ним накануне нового 1945 г. [12, с. 10]. А ведь в это время он уже находился в окружении в «Курляндском котле», вместе со всей немецкой группой армий «Север».

Таким образом, на основании рассмотренных в статье воспоминаний фронтовиков, можно достаточно отчетливо представить, насколько ожесточенный характер носили боевые действия под Ленинградом, и в каких тяжелых условиях приходилось воевать как советским, так и немецким солдатам. Побудительные мотивы участия в войне советских фронтовиков понятны – они защищали Родину. Что же касается немцев, то их высказывания о том, что они воевали, чтобы уберечь европейский мир от большевистского ига, более чем несостоятельны. Еще до нападения на СССР Германия оккупировала почти всю Западную Европу и стала насаждать там новый порядок, отнюдь не нравившийся многим европейцам. Заявления о спасительной миссии немецкого солдата, как, впрочем, и значительная часть содержания немецких мемуаров, есть ни что иное, как попытка оправдать свои действия. Особенно ярко данная тенденция прослеживается в воспоминаниях, написанных бывшими эсэсовцами. Складывается впечатление, что их авторы ни о чем, кроме своего поражения в войне, не сожалеют.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Нойман П.** Черный марш. Воспоминания офицера СС. 1939–1945 / П. Нойман. – М.: Центрполиграф, 2012.
2. **Василевский А.М.** Дело всей жизни: в 2-х кн. – М.: Политиздат, 1989; **Жуков Г.К.** Воспоминания и размышления: в 3-х тт. – М.: Новости, 1995; **Конев И.С.** Записки командующего фронтом – М.: Наука, 1972; **Рокоссовский К.К.** Солдатский долг. – М.: Воениздат, 1988 и др.
3. **Гудериан Г.** Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2005; **Кейтель В.** Мемуары фельдмаршала. Победы и поражения вермахта. 1938–1945 гг. – М.: Центрполиграф, 2004; **Манштейн Э.** фон. Утерянные победы. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999 и др.
4. **Мохов Р.М.** Записки рядового необученного. – СПб.: Вести, 2011.
5. **Никулин Н.Н.** Воспоминания о войне. – СПб.: Петроцентр, 2015.

6. **Кариус О.** «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. – М.: Центрполиграф, 2005.
7. **Бидерман Г.В.** В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. – СПб.: Центрполиграф, 2005.
8. **Хуземан Ф.** Искренне верили // Трагедия Мясного Бора. Сборник воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции / Сост. И.А. Иванова. – СПб.: Вести, 2010.
9. **Стахов Х.Г.** Трагедия на Неве. Неизвестные страницы блокады Ленинграда. 1941–1944. – М.: Центрполиграф, 2012.
10. **Польман Х.** 900 дней боев за Ленинград. Воспоминания немецкого полковника. – М.: Центрполиграф, 2005.
11. **Тике В.** Трагедия верности. Воспоминания немецкого танкиста. 1943–1945. – М.: Центрполиграф, 2014; **Вайдингер О.** Товарищи до конца. Воспоминания командиров панцергренадерского полка «Дер Фюрер». 1938–1945. – М.: Центрполиграф, 2012.
12. **Викинг Йерк.** Последние бои дивизии «Нордланд». Шведский панцергренадер на Восточном фронте. 1944–1945. – М.: Центрполиграф, 2014.

УДК 94(47).084.8:94(477)

А. А. Кайдаш

ШТУРМ САУР-МОГИЛЫ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ОСВОБОЖДЕНИИ ДОНБАССА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

*Послушай ветры над Саур-Могилой
И ты поймешь, кто эту землю спас,
Чье мужество в боях освободило,
Врагу не покорившийся Донбасс.*
Федор Серебрянский

История Донецкого края за последние два десятилетия претерпела существенных изменений, в частности частая смена политических формаций диктовала свои условия подачу определенного исторического материала. В первую очередь это касается истории Великой Отечественной войны, которая за годы так называемой «независимой Украины», на мой взгляд, была представлена в свете исторической конъюнктуры, когда глобальные события и военные операции того периода были забыты историками, по причине фактической подмены понятия «Великая Отечественная война» понятием «Вторая мировая война» и тем, что Украина хотела максимально избавиться от советского наследия, но память забыть или убить невозможно.

Так, забвению была предана Донбасская наступательная операция 1943 года, которая послужила началом к освобождению Советской Украины и ликвидации военной угрозы на Кавказе со стороны немецко-фашистских войск. Подобное отношение к указанной теме вызвано не только общей попыткой украинского исторического общества нивелировать роль «советского прошлого» и вообще забыть, что такое Великая Отечественная Война. Более того, как отмечает историк Михаил Жирохов в своей работе «Битва за Донбасс 1941–1943», что Донбасская операция «осталась в тени» побед на Курской Дуге, хотя имела не меньшее значение в деле освобождения Советского Союза от нацистских захватчиков.

Темой представляемого доклада является освещения событий 1943

года на Донбассе, в частности – боев за «высоту 277», или которую иначе называют «Саур-Могила». С этим местом связана и история семьи автора данной статьи, прадед которого погиб там в 1943 году.

Актуальность указанной темы вызвана в первую очередь общими вопросами исторической памяти о Великой Отечественной Войне, установления стратегического значения данной высоты в контексте Донбасской освободительной операции, а так же событиями, которые имели место летом 2014 года.

Целью данной работы является освещение стратегического значения штурма «высоты 277» в рамках Донбасской операции 1943 года и истории Донбасса в целом, а так же необходимостью провести исторические параллели с боевыми действиями, проходившими на «Саур-Могиле» летом 2014 года.

Обозначенная цель подразумевает решение следующих задач:

- Освещение особого географического положения «высоты 277» в природном ландшафте Донбасса;
- Изложение истории формирования «Миус-фронта», особенности фортификационных сооружений и линии обороны на данном участке фронта;
- Осмысление стратегического и тактического значения штурма «высоты 277» в прорыве «Миус-фронта» и Донбасской операции 1943 года;
- Освещение сохранения исторической памяти о боях за «Саур-Могилу» в разрезе трех эпох: советской, украинской и республиканской.

Донецкий край не является однородным в плане рельефа и условно имеет три основных ландшафта, которые в разных его районах являются доминирующими, так на северо-востоке Донбасса находится Донецкий Кряж – является возвышенностью, что существенно его отличает от всей остальной местности Донбасса. Высота 277 или «Саур-Могила» представляет собой курган на высоте 277,9 метров, который входит в состав регионального ландшафтного парка «Донецкий кряж». С вершины кургана видна степь, Амвросиевский цементный завод и терриконы шахт. В хорошую погоду с вершины кургана можно увидеть Азовское море, находящееся, практически, в 90 километров к югу. На оперативных картах это место маркировалось под названием «высота 277» и являлась доминирующей высотой в Донецком крае.

Формирование линии обороны «Миус-фронт» (Miusfront) относится к отступлению группы армий «Юг» от города Ростов-на-Дону, когда маршалом С.К. Тимошенко была предпринята удачная попытка контрнаступления в районе Ростова-на-Дону, в ходе которой фельдмаршал Герд фон Рундштедт был вынужден отдать приказ об отступлении. Однако, хорошо известно, что Гитлер не дал разрешения отвести войска на рубеж по реке Миус в ноябре-декабре 1941 года [1, с. 297]. С этого момента вся линия соприкосновения на реке Миус являлась одной большой оборонительной цепью, которая включала в себя систему траншей, минных полей, дзотов и заграждений из колючей проволоки.

Линия «Миус-фронта» тянется от Азовского побережья к востоку от города Таганрог и по берегам реки Миус. Две зимние военные кампании 1941 и 1942 годов, проведенные немцами на этой линии, были неудачными для советских войск. Данный выступ являлся частью «белгородско-харьковского плацдарма», задачи по обороне которого осуществляли следующие немецкие подразделения: 1-я танковая, 6-я армии и часть сил оперативной группы «Кемпф», в общем сложности на данном направлении было сосредоточено: 27 дивизий из которых были 5 танковых и 1 моторизованную. В первом эшелоне обороны располагалось 22 дивизии. В оперативном резерве было 5 дивизий – 3 танковые, 1 моторизованная и 1 пехотная [2].

Историки отмечают, что данная линия не была глубоко эшелонирована вглубь, а нагрузка на подразделения, которые обеспечивали оборону данного участка, была крайне велика, так некоторые исследователи отмечают в среднем 15–20 километров на дивизию, а местами эта линия достигала 30 километров. Отмечено так же, что оборона пехотных полков не имела никакой особой стратегии и являла собой одну линию, эшелонирование которой заключалось в наличии резерва от 1 до 2 пехотных батальонов и вспомогательных подразделений. Высота 277 являлась первым эшелонем обороны и являлась наиболее высокой и укрепленной точкой вблизи населенного пункта Сауровка и Шахтерского района Донецкой области.

Начало Донбасской операции связано в первую очередь с решением Ставки Верховного Главнокомандующего о начале крупномасштабной наступательной операции силами Юго-Западного и Южного фронтов под командованием Р. Малиновского и Ф. Толбухина. Начало разработки опе-

рации считается 7 июля 1943 года. По плану Генерального штаба Юго-Западный фронт под командованием Малиновского должен был нанести концентрический удар от города Изюм к городу Красноармейск, Южный фронт в свою очередь развивал наступление от населенного пункта Куйбышево (ныне село Малоянисоль Володарского района Донецкой Области) до города Сталино. Таким образом «высота 277» находилась в ведении Южного фронта. Историк Михаил Жирохов отводит «саурмогильскому» направлению второстепенное значение на линии промежуточного наступления «Амросиевка – Сталино», 5 ударная армия должна была обеспечить правый фланг ударной группировки от контрнаступлений. Более того, войска 5 ударной армии должны были нанести три удара: основной удар приходился на населенный пункт Петровский, а два вспомогательных на Саур-Могилу и на Свистуны. Исследователь Самосонов А. отмечает, что в составе армии было 9 стрелковых дивизий, отдельная танковая бригада, истребительно-противотанковая артбригада и инженерная бригада. В армии было около 100 танков, около 1300 орудий и минометов. В первом эшелоне наступало 4 дивизии, во втором – 2 дивизии из состава 31-го стрелкового и 3-го гвардейского стрелкового корпусов [3]. Наступающим дивизиям первого эшелона были приданы 7-й и 60-й отдельные гвардейские танковые полки прорыва. Кроме того, в полосе наступления армии планировалось ввести в боевые действия 4-й гвардейский механизированный корпус, с задачей идти на Колпаковку и Донецко-Амвросиевку. Атака на Саур-Могилу проводилась в два этапа: первый – это этап с 16 по 29 августа, когда силами 295, 293 и 291-го стрелковых полков 96-й дивизии были заняты подступы к Саур-Могилам с трех направлений: западного, юго-восточного и южного.

Штурм подступов к Саур-Могиле начался 18 августа 1943 года в 6:00 [1, с. 117]. Правый фланг наступления был прикрыт частями 34-й гвардейской стрелковой дивизии. Левый фланг наступления был прикрыт частями 127-й дивизии полковника Крымова. Силами 295-го, 293-го и 291-го стрелковых полков была занята высота 183,0, что повлияло на крушение линии обороны противника. Примечательно, что в мемуарной литературе есть сообщения о двух решающих артподготовках во время штурма: 1-я произошла 18 августа и представляла собой атаку САУ и реактивных минометов «Катюша» и 2-я началась непосредственно 31 августа. Основная

атака Саур-Могилы пришлась на 16 день наступления, когда части 5-й ударной армии, продвигаясь вперед по направлению Саур-Могилы – Сви-стуны, оказались у подножия Саур-Могилы, которая фактически стояла фронтов и, по мнению исследователей, представляла собой к 29 августа 1943 года основную точку концентрации войск противника в этом районе.

Первыми, кто подошел к Саур-Могиле из состава 5-й ударной армии, являлась 96-я Гвардейская Иловайская стрелковая дивизия под командованием полковника Левина С.С. [4, с. 67]. До этого момента в районе Саур-Могилы проходили исключительно разведывательные мероприятия. Так к 30 августа были совершены два разведывательных рейда под командованием младшего лейтенанта Шевченко, которые смогли дать ясную картину расположения немецких войск, путем занятия исходных позиций разведывательной группой, которая в течение суток 12 раз отбивала атаки немцев, дав возможно перегруппироваться атакующим силам и начать наступление на Саур-Могилу. По одной из версий, после гибели младшего лейтенанта Шевченко его окровавленную нательную рубашку вместо знамени использовали бойцы его подразделения, дабы пометить себя и избежать артобстрела [4, с. 68].

К первой группе вскоре пробилась вторая под командованием полковника А.А. Сошальского. Лейтенант Шевченко посмертно был награжден орденом Красного знамени, полковник Левин был награжден орденом Красного знамени за взятие «высоты 277», окончательно высота была занята 31-го августа 1943 года. В ходе штурма за Саур-Могилу по официальным данным погибло 23 238 солдат и офицеров 5-й ударной армии [1, с. 283].

Взятие Саур-Могилы позволило развивать наступление по направлению к городу Сталино, с тактической точки зрения прорыв обороны на этом участке фронта позволил советской армии углубиться на 55–60 км. в тыл противника в районе населенного пункта Кутейниково и Иловайск.

В 2014 году история вновь повторилась, только теперь высоту пришлось удерживать от натиска современных последователей идей «национального превосходства», так в период с 12 июля по 26 августа 2014 года на Саур-Могиле велись боевые действия [5], которые фактически привели к замыканию так называемого «Изваринского котла». Окончательно Саур-Могилы перешла под контроль Вооруженных Сил Донецкой Народной Рес-

публики 26 августа 2014 года. В ходе боевых действий был разрушен мемориальный комплекс «Саур-Могила» созданный в 1967 году.

Так, созданный руками ветеранских организаций со всего Советского Союза был открыт в 1967 году, с тех пор ежегодно на Саур-Могиле проводились памятные мероприятия посвященные Дню Победы и Дню освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков. Так было до 2014 года, когда к этому памятнику тянулись люди со всех точек бывшего Советского Союза. Разрушенный монумент навсегда останется в глазах и сердцах жителей нашего региона молчаливым напоминанием, о тех, кто сломил фашизм тогда и тех, кто сломил его сегодня. Этот памятник теперь не просто молчаливое архитектурное сооружение, а напоминание о поэтических строках «Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано» [6, с. 112].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Жирохов М.А.** Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941–1943 гг. – М.: Издательство Центрполиграф, 2011. – 319 с.
2. **Самсонов А.** Сражение за Донбасс. Прорыв Миус-фронта. Часть 2. [Электронный ресурс]/ А. Самсонов. – Режим доступа: <http://topwar.ru/31514-srazhenie-za-donbass-proryv-mius-fronta-chast-2.html> .
3. **Самсонов А.** Сражение за Донбасс. Прорыв Миус-фронта. Часть 3. [Электронный ресурс]/ А. Самсонов. – Режим доступа: <http://topwar.ru/31514-srazhenie-za-donbass-proryv-mius-fronta-chast-3.html> .
4. **Грицюк В.** Стратегічні та фронтіві операції Великої Вітчизняної війни на теренах України/ В. Грицюк . – К.: НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ, 2010. – С. 150 с.
5. **Купинов М.** Ветры над Саур-Могилой [Электронный ресурс]/ М. Купинов. – Режим доступа: <http://www.segodnia.ru/content/141832> .
6. **Беспощадный П.** Избранное. Стихи. Песни. Поэмы. — К.: Дніпро, 1965. – 384 с.

УДК 94(47).084.8:355.40

А. М. Плеханов

**ВОЕННАЯ КОНТРАЗВЕДКА НКВД
В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(22 ИЮНЯ 1941 – 20 АПРЕЛЯ 1942 ГГ.)**

Первые месяцы войны наложили свой отпечаток на весь ее дальнейший ход. Именно в это время части Красной армии приобрели первый боевой опыт в борьбе с противником, в органах госбезопасности проведена реформа, позволившая сосредоточить в одном ведомстве борьбу с разведывательными и контрразведывательными службами не только Германии, но ее союзников. В условиях военного времени была перестроена кадровая политика, мобилизованы силы и средства на отпор врагу, определены правовое положение органов и войск Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и основные направления, формы и методы борьбы с противником, налажено взаимодействие с другими ведомствами.

При подготовке к войне против Советского Союза нацисты сделали основную ставку на свои вооруженные силы, но вместе с тем в планах гитлеровского военного командования важнейшее место отводилось спецслужбам. Для подрыва военной мощи Красной армии из общего количества вражеских агентов непосредственно в зону боевых действий в 1941 г. направлялось 55%, а в 1942 г. – 54% [1, с. 11].

В начале войны лазутчики из специальных диверсионно-разведывательных формирований абвера: «Бранденбург-800», «Нахтигаль», «Эрна» и др., проникали в армейские тылы для дезорганизации управления советских войск, захватывали мосты и военные узлы коммуникаций, деморализовали населения. Значительную помощь вермахту и абверу оказали националисты Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии. Они нападали на мелкие группы военнослужащих, милиционеров, советских и партийных работников, совершали террористические акты, сеяли панику среди населения, буквально охотились за чекистами, командирами и политработниками Красной армии.

С продвижением частей вермахта в глубь нашей территории германская и итальянская разведка перешли к упрощенным методам вербовки. Было установлено, что немецкие и итальянские разведчики в широких масштабах вербуют своих агентов среди попавших в окружении военнопленных, женщин, а также детей от 8 до 14 лет прежде всего из числа уголовно-хулиганского элемента и беспризорных. Вербовку взрослых агентов немцы закрепляли выдачей коммунистов, советских активистов и партизан, фотографированием в обществе германских офицеров и т.п. Так, задержанный агент абвера В.В. Никитин показал, что при вербовке немецкий офицер отобрал у него подписку, в которой было указано, что «в случае невыполнения данной подписки мои родственники будут расстреляны и в случае поимки меня – буду расстрелян и я» [2, с. 434].

В связи со значительными потерями квалифицированных агентов и недостаточно эффективной работой массовой агентуры, немецкая разведка уделила большее внимание качественному отбору вербуемых элементов и их подготовке. Возросла численность школ и на оккупированной территории. Если здесь в 1941 г. действовало 13 школ, в которых к концу года обучалось свыше 5 тыс. человек, то уже в мае 1942 г. органами абвера дополнительно было организовано 16 разведывательно-диверсионных школ, в которых в течение 1942 г. обучалось свыше 10 тыс. человек [3, с. 478].

К концу июня 1941 г. спецслужбам Германии и ее союзников противостояли отделы 3-х управлений НКО и НКВМФ СССР, 3-ий отдел НКВД СССР, территориальные органы НКГБ и НКВД. В частях и соединениях Действующей армии они были нацелены на: выявление агентуры противника как непосредственно в войска, так и в зоне боевых действий; розыск шпионов, диверсантов и террористов; борьбу с изменниками, дезертирами, паникерами и распространителями провокационных слухов; оказание помощи военному командованию и политическим органам в охране секретов и укреплении боевой готовности частей и соединений.

В организации борьбы с противником особое значение для военной контрразведки имела совместная директива ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 29 июня 1941г., определившая основные задачи всех партийно-государственных органов в условиях войны. Каждый наркомат издал руководящие указания о действиях своих сотрудников. Они, как правило, носили

общий характер и не учитывали реальной обстановки на фронте. Но с первых недель была начата разработка единой системы борьбы с подрывной деятельностью немецко-нацистских разведывательных органов. Она включала оперативные, заградительные и профилактические и другие мероприятия.

После тяжелых потерь в приграничном сражении политическое руководство Советского Союза предприняло срочные меры по перестройке работы государственных и общественных организаций в условиях военного времени. Органы военной контрразведки также подверглись коренному реформированию. Этот процесс продолжался и в дальнейшем, но особенно он был болезненным в начале войны. Отступление армий, утрата военным командованием управления войсками, непредсказуемость развития событий, окружения, большие людские потери, дезорганизация агентурно-осведомительной работы, а нередко и неразбериха, не давали возможности контрразведчикам сосредоточиться на решении главных задач.

Новая реорганизация началась 17 июля 1941 г. В этот день И.В. Сталин подписал постановление ГКО № 187сс:

«1. Преобразовать органы Третьего управления как в Действующей армии, так и в военных округах (от отделений в дивизиях и выше) в особые отделы, а Третье управление – в Управление особых отделов.

2. Подчинить Управление особых отделов и особые отделы Народному комиссариату внутренних дел, а уполномоченного особотдела в полку и особотдела в дивизии одновременно подчинить соответственно комиссару полка и комиссару дивизии.

3. Главной задачей особых отделов на период войны считать решительную борьбу со шпионажем и предательством в частях Красной армии и ликвидацию дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе.

4. Дать особым отделам право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте.

5. Обязать НКВД дать в распоряжение особых отделов необходимые вооруженные отряды из войск НКВД...» [4, с. 337–338].

20 июля 1941 г. последовала новая реформа советских органов безопасности. Указом Президиума Верховного Совета СССР НКВД и НКГБ были объединены в Народный комиссариат внутренних дел СССР во главе с Л.П. Берией [4, с. 366].

С началом войны была перестроена кадровая политика. Потребность в квалифицированных кадрах диктовалась многими причинами, в том числе и расширением объема работы НКО, НКГБ и НКВД СССР. В результате чисток и репрессий, особенно фальсифицированного «заговора в НКВД» в 1930-х гг., были потеряны ценнейшие агентурные позиции, необходимые для обеспечения безопасности страны. Ущерб, который понесли органы госбезопасности после «Большого террора» и «чистки» кадрового аппарата, был несравним с ущербом, нанесенным спецслужбами зарубежных государств. В ходе войны были значительными потери военных контрразведчиков. Только с 22 июня 1941 по 1 марта 1943 г., за 2 года и 9 месяцев в боях с врагом погибло 3727 армейских чекистов, пропало без вести 3092, ранено – 3520 [5, с. 154]. Все это требовало пополнения личного состава особых отделов. Поэтому была расширена сеть учебных заведений, в ОО НКВД направлены сотрудники территориальных органов, выпускники военных училищ, особисты, вышедшие из окружения, ветераны и др. Только из территориальных и транспортных органов госбезопасности прибыло около 20 тыс. оперативных работников, из них в особый отдел Ленинградского фронта 1,5 тыс. человек [6, с. 366].

Для подготовки и переподготовки военных чекистов была развернута сеть курсов, школ, обучение в которых проводилось в максимально сжатые сроки. При этом значительное внимание уделялось воспитанию чекистов. Решение этой задачи усложнялось отсутствием необходимого времени, частыми изменениями в личном составе подразделений, отсутствием необходимого опыта. Хотя основные задачи решались партийно-политическим аппаратом, командирами и комиссарами, партийными и комсомольскими организациями, в стороне не оставались и руководители спецслужб, отделов и управлений. Решительно пресекались противоправные действия, в том числе и крайними мерами. Так, 10 июля 1941 г. заместитель наркома И.А. Серов подписал приказ о привлечении к ответственности шести сотрудников органов НКГБ, которые «во время военных действий проявили недопустимую для чекиста трусость и, бросив исполнение служебных обязанностей, выехали в тыл» [7, с. 107].

В борьбе со спецслужбами Германии и ее союзников, а также с антисоветскими элементами внутри страны в условиях военного времени

совершенствовались силы и средства, прежде всего агентурно-осведомительный аппарат.

Исходя из сложившейся военно-политической и оперативной обстановки, Коммунистическая партия и Советское правительство приняли практические меры по определению правового положения военной контрразведки. Основные принципы ее деятельности были сформулированы в ряде постановлений партийно-советского руководства, приказах и директивах НКО, НКГБ и НКВД.

Следует иметь в виду, что накануне войны НКВД и НКГБ СССР имели необходимые права, в том числе судебные и внесудебные полномочия. Но начавшаяся война, жесточайшее противоборство внесли свои коррективы в деятельность всех государственных структур, сотрудники которых начали работать в чрезвычайных условиях растерянности, потери управления и отсутствия четких указаний по важнейшим вопросам судебной и внесудебной политики. И ведомственные подзаконные акты НКВД нередко вступали в противоречие с конституционными нормами. Недостатки в законоприменительной практике, произвольное толкование норм права негативно отражалось на оперативно-следственной работе, вело к деформированному восприятию оперативной обстановки руководящим и оперативным составом, что создавало почву для различных фальсификаций.

Надзор за деятельностью судебных органов и органов госбезопасности осуществляла военная прокуратура. Но следует иметь в виду, что ее надзор не был эффективным, так как проводился от случая к случаю, и с ним не очень-то считались. Над решениями прокуроров довлело сознание ужесточения репрессивных мер к различного рода военным преступлениям.

Основными направлениями деятельности военной контрразведки НКВД в начале войны были: информация высшего политического руководства и командования Красной армии, борьба со шпионажем, дезертирством и изменой Родине, охрана тыла действующей армии, поддержание режима секретности и сохранности военной тайны, с распространителями ложных слухов и враждебных листовок, ликвидация антисоветских организаций и зафронтная работа.

Одной из важнейших задач, возложенных на органы госбезопасности, стало систематическое информирование советского руководства и военного командования Красной армии. Собираемые спецслужбой, преиму-

щественно негативные сведения, предназначенные для узкого круга партийных и советских руководителей, отражали реальное положение дел, что исключало возможность обмана, потому что она была всеобъемлющей и давала четкое представление о происходивших событиях на различных участках фронтов и в тылу.

Наступивший в первые дни войны короткий, но очень болезненно воспринятый информационный вакуум, кардинально повлиял на характер и дальнейшее ее развитие. «Приходилось, – писал Г.К. Жуков, – предположительно определять развитие событий, но такой метод, как известно, не гарантирует от ошибок» [8, с. 42].

И военной контрразведке НКО, НКГБ и НКВД СССР пришлось приложить немало усилий для выяснения истинного положения на фронтах. Своевременная и точная оперативная информация в военное время приобретала важное значение, потому что от этого зависели пресечение вражеской деятельности антисоветских элементов и устранение всех недочетов в обеспечении боевой деятельности частей и соединений Красной армии. Поэтому только по линии НКГБ 22 и 24 июня, 1, 4 и 5 июля были изданы директивы, определившие задачи по сбору сведений военного характера [9, с. 250].

Руководство военной контрразведки приложило немало усилий для того, чтобы информация давала полный анализ обстановки на том или ином участке фронта, в частях и соединениях Красной армии; носила предупредительный характер; предназначалась для глубокого изучения причин негативных явлений; была целеустремленной и конкретной и не допускала искажения фактов и очковтирательства.

Качеству и своевременной информации важнейшее значение придавал ГКО и лично И.В. Сталин. Так, внимательно изучив сообщения об обороне Ленинграда, 17 сентября 1941 г. он заявил Г.И. Кулику: «Вы вчера обманули меня дважды. Насчет моста у станции Свирь. Скажите, наконец, у кого мост? У врага или у нас? Желаете ли ликвидировать проволоку у моста или предпочитаете оставить врагу? Кто Вы, наконец, друг или недруг?». 1 декабря И.В. Сталин и В.М. Молотов выразили недовольство поведением А.А. Жданова, который «не чувствует потребности придти к аппарату и потребовать кого-либо из нас для взаимной информации в столь

трудную минуту для Ленинграда. Если бы мы, москвичи, не вызывали вас и к аппарату, пожалуй, тов. Жданов забыл бы о Москве и москвичах, которые могли бы подать помощь Ленинграду. Можно полагать, что Ленинград во главе с тов. Ждановым находится не в СССР, а где-то на острове в Тихом океане. Сообщите, чем вы заняты, как у вас дела и как Вы думаете выбираться из нынешнего положения?» [10, л. 12].

Одной из важнейших задач советской военной контрразведки с первых дней Великой Отечественной войны стала борьба с паникерством, трусостью, дезертирством и изменой Родине.

Первая директива № 34794, направленная центральным аппаратом военной контрразведки НКО СССР 22 июня 1941 г., потребовала немедленно форсировать работу по созданию резидентур, активизировать разработку подучетного элемента, предотвращать дезертирство, измену Родине, распространение антисоветских листовок, провокационных слухов; направить агентурно-осведомительную сеть на вскрытие недочетов, отрицательно влияющих на выполнение задач, поставленных перед войсками, немедленно через командование ликвидировать выявленные недочеты и пр. [4, с. 37–38].

Военным контрразведчикам порой сложно было различить, кто сдался, то есть добровольно перешел на сторону врага, пусть даже в критической обстановке, а кто попал в плен, либо будучи в безнадежном состоянии – без оружия, без снарядов и патронов, раненным или контуженным, либо по трагическому стечению других обстоятельств: будучи окруженным перед вооруженным врагом. Но следует иметь в виду, что под категорию дезертиров часто попадали отставшие от своих частей, пропавшие без вести, сдавшиеся и захваченные в плен.

Борьба особистов с предателями Родины и дезертирами на фронтах велась по четырем основным направлениям: информирование командования о состоянии дисциплины в частях; профилактическая работа по недопущению случаев измены Родине и дезертирства; оперативные мероприятия по обнаружению намерений военнослужащих покинуть свою часть; организация заградительной службы.

16 августа 1941 г. председатель ГКО И.В. Сталин, его заместитель В.М. Молотов, маршалы С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошников и генерал армии Г.К. Жуков подписали приказ

Ставки ВГК № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». В приказе подчеркивалось, что «если начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен, уничтожать их всеми средствами» [4, с. 482–486]. Данному приказу до сегодняшнего дня даются разные оценки: от положительных до отрицательных. Можно согласиться с Маршалом Советского Союза К.К. Рокоссовским, который считал приказ поспешно подготовленным, без учета реальной обстановки и действий командиров и военачальников [11, с. 73–74].

Спецификой карательной политики в борьбе с дезертирами и изменниками Родины было применение чрезвычайных мер в отношении их родственников. На наш взгляд, даже в условиях военного времени круговая порука вряд ли были оправданной мерой. Тем не менее, она широко применялись. Но, несомненно, больше пользы приносила оперативная работа и профилактические действия сотрудников особых отделов.

С 22 июня по 20 декабря 1941 г. органами НКВД по подозрению в дезертирстве и измене Родине было задержано в тыловых районах и прифронтовой полосе 638 112 человек. Из них арестовано 82 865, передано в военкоматы и войсковые части – 555 247 человек [12, с. 262].

И все же, при анализе причин дезертирства, нельзя не учитывать того, что абсолютное большинство советских воинов покидало поле боя не из желания не воевать, а в силу неорганизованности, неразберихи, беспечности и нераспорядительности командиров. А мероприятия военной контрразведки способствовали укреплению политико-морального состояния личного состава РККА и РККФ, повышению боевой готовности частей и соединений советских войск и в конечном счете сохранению в бою многих тысяч жизней красноармейцев и командиров.

Существенную роль в разоблачении агентуры противника сыграла проводимая особыми отелами фильтрация советских военнослужащих, выходивших из окружения или бежавших из нацистского плена.

Учитывая сложное положение в прифронтовой полосе и, прежде всего незащищенность тыла частей и соединений Красной армии, по постановлению СНК СССР от 25 июня 1941 г за № 1756-762сс на пограничные войска НКВД была возложена охрана войскового тыла фронтов Действующей Красной армии для наведения и поддержания порядка, ловля де-

зертиров, очистка путей сообщения, регулирование подвоза и эвакуации, обеспечение бесперебойной связи и ликвидация диверсантов.

21 октября 1941 г. Ставка ВГК приказом Жукова в каждой стрелковой дивизии Красной армии также были созданы заградительные отряды из расчета по одной роте на полк. Они должны были не допускать бегства с поля боя «одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия» [13, с. 385].

В единой системе мер имела заградительная служба. Она не была чем-то новым в защите тыла воюющей армии и существовала во многих армиях с давних времен: в войнах, которые вели войска Македонского, Чингисхана, Наполеона. Была она и в Российской императорской армии. Например, во время Первой мировой войны. В июне 1915 г. по 8-й армии генерал от кавалерии А.А. Брусиллов издал приказ: «...по сдающимся должен быть направлен и ружейный, и орудийный огонь, на отходящих или бегущих действовать таким же способом, а при нужде не останавливаться также и перед поголовным расстрелом...Слабодушным нет места между нами, и они должны быть истреблены!» [14, с. 202].

Создавать заградительную службу в Красной армии фактически пришлось с нуля. В тактике охраны тыла против диверсионно-разведывательных групп противника ведущую роль играла заградительная служба по принципу охраны государственной границы. Она включала КПП, заградотряды войск НКВД и оперативные заслоны особых отделов.

13 марта 1942 г. Абакумов предложил «мобилизовать агентурную сеть на выявление подозрительного элемента, появляющегося в прифронтовой полосе; усилить тщательную проверку документов у всех подозрительных лиц как вблизи фронта, так и в тылу частей Красной армии, обращая особое внимание на их подлинность; проверять вызывающие подозрения отдельные подразделения, передвигающиеся в расположении частей Красной армии в пешем порядке или на лошадях, обыскивать и задерживать до выяснения» [15, с. 256–257].

Результаты службы частей по охране войскового тыла фронтов на 1 января 1942 г., по неполным данным, составили: задержанных военнослужащих, отставших и потерявших свои части – 562 856 чел., находившихся в плену у противника – 19 847, уклонившихся от службы в Красной армии –

82 089, мародеров – 246, бежавши со строительства оборонительных сооружений – 4260, лиц без документов и прочих – 16 322 чел. [15, с. 170].

В условиях отступления и оборонительных сражений, перестройки всей работы советские органы военной контрразведки основные усилия сосредоточили на разоблачении агентов абвера, которые занимались шпионажем, вели подрывной деятельности и разложение личного состава Красной армии и флота. Повышенный интерес абвер проявлял к штабам, всей системе военного управления, к госпиталям и тыловым частям и учреждениям, где зачастую царил преступная беспечность и не было критического отношения к подбору кадров, особенно его вольнонаемной части.

Анализ документов 1941–1942 гг. свидетельствует о том, что руководство ОО НКВД приняло решительные меры в борьбе со шпионажем: усилена проверка личного состав частей и учреждений, прежде всего вольнонаемного состава; при помощи командования очищен тыл от лиц, не внушавших доверия; прием на работу вольнонаемного состава стал производиться только с санкции особых отделов; улучшена информация по отдельным фактам для постановки вопросов перед Военными советами фронтов и др. меры.

В разоблачении шпионов значительный вклад внесла радио-контрразведывательная служба, которая постоянно контролировала работу вражеских радиостанций, в ряде случаев расшифровывала коды, определяла районы, откуда вражеские агенты вели радиопередачи. Специальные оперативные группы вели розыск диверсионных групп и агентов [15, с. 64].

Приказы НКО, НКГБ и НКВД а затем и Управления ОО НКВД СССР обращали внимание командования и сотрудников на охрану шифров, «совершенно исключив возможность попадания их в руки противника». Однако такие случаи были нередкими. Так противнику удалось захватить шифровальные документы 11 и 13-й армий. Основной причиной данного явления были беспечность и недисциплинированность военнослужащих, недооценка важности шифровальной работы в Красной армии. Не случайно генерал-фельдмаршал Федор фон Бок в «Дневниках 1939–1945)», выпущенных в Смоленске издательством «Русичи», на стр. 259 писал: «Весьма радует, что русские не считают необходимым зашифровывать львиную долю своих радиосообщений...» [16, с. 259]. Сохранению военной тайны мешали многочисленные нарушения скрытого управления войсками, выра-

жавшиеся в несоблюдении режима секретности. И речь идет не о примитивной секретности, когда все «карандаши», «огурцы», «спичечные коробки» наверняка вызвали здоровый смех у немецких радистов, прослушивавших переговоры советских командиров. Немцы по голосу, говору и фамилиям телефонистов легко узнавали новые и старые названия, а, следовательно, и тех, кого они обслуживали [17, с. 86]. В большей мере нарушение скрытого управления частями и соединениями выразилось в отдаче распоряжений в переговорах по телефону, открытым текстом по телегафу и радио. Поэтому начальникам ОО НКВД армий было предложено самым решительным образом добиваться через командование запрещения открытых передач, дающих противнику сведения о действиях, расположении и передвижении частей Красной армии, а также о местонахождении складов и баз. 23 июля 1941 г. И.В. Сталин и Г.К. Жуков подписали приказ «Об улучшении работы связи в Красной армии». В нем отмечалось, что опыт войны показал зависимость неудовлетворительного управления войсками от плохой организации работы связи, и, в первую очередь, игнорирования радиосвязи, как наиболее надежной формы связи [18, л. 40–41].

Когда речь идет о сохранении военной тайны, то следует иметь в виду, что на особом контроле у сотрудников военной контрразведки было обеспечение охраны реактивных систем (боевых машин БМ-13 («Катюш») системы Костикова), данных о танке Т-34. Появление их на поле боя стало для немцев полной неожиданностью. Генерал Гюнтер Блюментрит, участник битвы за Москву, писал: «В районе Вереи танки Т-34, как ни в чем не бывало, прошли через боевые порядки 7-й пехотной дивизии, достигли артиллерийских позиций и буквально раздавили находившиеся там орудия. Понятно, какое влияние оказал это факт на моральное состояние пехоты. Началась так называемая «танкобоязнь» [19, с. 93–94].

Благодаря усилиям ОО НКВД только Западного фронта с 22 июня по 28 декабря 1941 г. были арестованы и разоблачены 505 агентов немецкой разведки [2, с. 480]. Следует иметь в виду, что многие немецкие агенты не желали выполнять задания абвера. Только в марте-апреле 1942 г. из заброшенных в глубокий тыл Советского Союза агентов 30,3% сдались добровольно [7, с. 102].

По мере ухудшения положения дел на фронте, физической и психологической усталости населения активизировались «социально-чуждые

элементы» и часть служащих, рабочих и колхозников. Стала проявляться тенденция к объединению и стремление к установлению контактов с наступающими частями вермахта и с забрасываемой агентурой спецслужб противника. Усилилось распространение провокационной устной антисоветской агитации, вражеских листовок. Важнейшей задачей по стабилизации политического положения и оперативной обстановки в стране была ликвидация различных антисоветских организаций и групп в частях Красной армии и прифронтовой полосе. Поэтому борьба особых отделов с враждебными элементами приобрела особую актуальность на начальном этапе войны. Характерной ее особенностью было то, что в условиях войны часто к числу «антисоветских элементов» относили не только военнослужащих и гражданских лиц из бывших кулаков, добровольцев белой армии, церковников, членов революционно-демократических партий, исключенных из ВЛКСМ и ВКП (б), но и тех, кто объективно критиковал руководство страны или командование Красной армии, высказывал сомнения в победе над фашистами. Поэтому не всегда меры военной контрразведки являлись адекватными самим поступкам военнослужащих.

30 августа 1941 г. Берия приказал взять под наблюдение лиц, интересовавшихся фашистскими листовками, содержащими призыв к измене; через партийные и комсомольские организации и органы Политуправления усилить сбор и уничтожение сбрасываемых фашистами листовок, не допуская, чтобы они попали в руки бойцов; тех же, кто проявляет изменческие намерения и у кого окажутся спрятанными листовки, служащие пропуском для перехода к врагу, немедленно арестовывать, каждый случай измены тщательно расследовать, выявляя сообщников и укрывателей, устанавливать виновность оперативного состава в ослаблении агентурной работы [4, с. 555].

Одним из важнейших направлений оперативной деятельности военной контрразведки НКВД на начальном этапе войны была зафронтовая работа. Чем дальше отступала Красная армия от государственной границы, тем более актуальной она становилась. В директиве от 26 августа 1941 г. прямо указывалось, что среди других функции органов 3 Управления НКО СССР является и функция «работы на территории противника», прежде всего для ведения разведки, содействия выходу из окружения частей Крас-

ной армии и оказания помощи партизанскому движению. Так, 30 июня 1941 г. для розыска корпусов дивизий Западного фронте, которые остались в тылу противника, было послано 10 разведывательных групп в составе 7 оперативных работников, каждая с задачей разыскать потерянные части, установить с ними нормальную связь и вывести в тыл [4, с. 189].

Для подавления все возрастающего сопротивления населения в борьбе с оккупационным режимом нацисты бросили на подавление народного сопротивления части вермахта, спецслужбы и своих пособников. В этих условиях ОО НКВД фронтов с учетом оперативной обстановки развернули разведывательно-диверсионную работу, оказывали всемерную помощь партийному подполью и партизанскому движению. При активной помощи сотрудников ОО в конце июня-июле 1941 г. только в Ленинградской области было сформировано и направлено в тыл врага 6 партизанских полков, 30 отрядов и групп общей численностью около 4800 человек [20, с. 421].

Следовательно, в трагические и героические первые месяцы Великой Отечественной войны сотрудники особых отделов находились как при штабах фронтов, армий, корпусов, дивизий и полков, так и в первых эшелонах наступавших и оборонявшихся войск. Они действовали в чрезвычайных условиях ожесточенных оборонительных боев, отступающей армии, паники, растерянности, потери управления войсками. Наряду с решением чисто «чекистских задач», они выполняли многие обязанности, не имевшие прямого отношения к оперативной работе и отвлекавшие значительные силы и средства. Тем не менее, советская военная контрразведка успешно противостояла спецслужбам Германии, защищая части и подразделения Красной армии от происков противника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Коровин В.В.** Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003.
2. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000.
3. 1941 г. Сб. документов. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2011.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. Начало 22 июня – 31 августа 1941 г. М., 2000.
5. **Надтачаев В.Н.** Военная контрразведка Белоруссии: Судьбы, трагедии, победы... Минск: Кавалер, 2008.

6. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Том шестой. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М., 2013.
7. **Демидов А.М.** Деятельность территориальных органов госбезопасности в сфере военной экономики. 1941–1945 гг. (на архивных материалах). – Бишкек, 2007.
8. **Жуков Г.К.** Воспоминания и размышления. Новое, доп. изд. В трех томах. Т. 2. – М., 1990.
9. **Максимов А.Б.** Разведка Великой Отечественной. Нетрадиционный взгляд на мастерство разведки советской госбезопасности. – М., 2010.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 487.
11. **Рокоссовский К.К.** Солдатский долг. – М., 1968.
12. Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. – М., 2011.
13. **Петров Б.Н.** 1941: Работа над ошибками. От летней катастрофы до «чуда под Москвой». – М., 2012.
14. **Яковлев Н.** 1 августа 1914. Изд. третье. Дополненное. – М. 1993.
15. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. «Крушение «Блицкрига». (1 января-30 июня 1942 года). – М., 2003.
16. **Бок Ф.** Я стоял у ворот Москвы. Военный дневник командующего группой армий «Центр». – М., 2011.
17. Великая Отечественная катастрофа 1941 год // Причины трагедии. /А. Исаев, В. Бешанов, В. Гончаров и др. – М., 2007.
18. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 495.
19. Роковые решения. Пер с англ. – М. 1958.
20. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945 гг.). М.: Граница, 2008.

УДК 93/94

С. Н. Рудник, Д. А. Шмачков

ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ: ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ В ИЮНЕ – ИЮЛЕ 1942 ГОДА

Гитлеровское руководство хорошо понимало стратегическое значение Крымского полуострова. С началом войны с Крымского плацдарма советская авиация наносила удары по портам и нефтеносным районам Румынии, столь важным для военной машины Германии. После захвата полуострова Гитлер планировал выселить всех жителей из Крыма и превратить его в «немецкую Ривьеру». 24 сентября 1941 года 11-я немецкая армия Э. фон Манштейна и румынский горный корпус перешли в наступление на Перекоп. В октябре гитлеровцы прорвали слабую оборону 51-й Отдельной армии и начали стремительно продвигаться по просторам Крыма. К середине ноября немцы захватили весь Крым, за исключением Севастополя.

В октябре 1941 г. Отдельная Приморская армия и личный состав Одесской военно-морской базы были перевезены без потерь на кораблях в Севастополь. Город готовился к осаде. Севастопольцы возвели почти 100 км оборонительных рубежей. Под землей, в штольнях, подвалах были оборудованы госпитали, склады, оружейные мастерские. Советское командование во главе с командующим Черноморским флотом вице-адмиралом Ф.С. Октябрьским разделило оборонительный район на четыре сектора. 30 октября вражеские войска предприняли первый штурм Севастополя. Оплотом обороны города были береговые башенные батареи. 30 октября 1941 г. первой в бой с врагом вступила батарея № 54, располагавшаяся на берегу моря в 40 км севернее Севастополя. Ее гарнизон насчитывал около 150 человек. Вооружение состояло из четырех 102-мм морских орудий. Отрезав батарею от Севастополя, немцы три дня обстреливали и бомбили ее. Защитники батареи уничтожили более 30 бронемашин и другой техники противника. 2 ноября немцы ворвались на батарею. Командир батареи старший лейтенант И.И. Заика с группой бойцов прикрывали отход оставшихся

в живых защитников батареи. Заика пробрался к партизанам и долго сражался в их рядах. 1 ноября открыла огонь по скоплению вражеской техники у ст. Альма самая мощная батарея № 30, находившаяся на Северной стороне города. Командовал ею капитан Г.А. Александер. Гитлеровцы называли эту батарею «Максим Горький I», а батарею № 35 такого же калибра – «Максим Горький II». Экипажи моряков сходили на берег и шли навстречу врагу. Первый штурм города продолжался три недели. 7 ноября немцы захватили Ялту. Но взять Севастополь с ходу им не удалось.

На рассвете 17 декабря враг предпринял второе наступление, которое также было отбито. Большую роль в отражении наступления врага сыграли авиация и корабли Черноморского флота. Каждую ночь в Севастополь приходили корабли и транспортные суда с пополнением, боеприпасами и снаряжением. В море экипажи этих кораблей подстерегали мины, вражеские подводные лодки, торпедные катера. Гитлеровская авиация не щадила никого. Так, 7 ноября 1941 г. недалеко от Ялты фашистский самолет торпедировал теплоход «Армения», на борту которого было несколько тысяч раненых бойцов и эвакуируемых граждан. Корабль, шедший с отличительными знаками санитарного транспорта из Севастополя на Кавказ, затонул за 4 минуты. Спасти удалось только восьмерых.

В результате Керченско-Феодосийской десантной операции (декабрь 1941 г. – январь 1942 г.) советские войска освободили Керченский полуостров, города Керчь и Феодосию (правда, 18 января враг вновь отбил город). Гитлеровское командование вынуждено было прекратить атаки на Севастополь и перебросить часть сил на Керченский полуостров.

В мае 1942 года советские войска потерпели тяжелое поражение в районе Керчи (в плен попало около 180 тыс. человек) и вынуждены были оставить Керченский полуостров. Обстановка в районе Севастополя резко ухудшилась. Немцы сосредоточили на аэродромах Крыма и на посадочных площадках вблизи Севастополя авиацию, что позволило противнику установить воздушную блокаду окруженного города. Гитлеровское командование рассчитывало захватить Севастополь в течение четырех-пяти дней, а высвободившуюся после этого 11-ю армию направить на Кавказ для захвата нефтяных районов. План командующего немецкой 11-й армии генерал-полковника Э. фон Манштейна предусматривал нанесение двух охватыва-

ющих ударов – с севера и юго-востока – с целью окружения наших войск в районе восточнее города. Гитлеровцы дали этой операции по захвату Севастополя кодовое название «Лов осетра». Решающей силой врага была артиллерия и авиация. Гитлеровцы сосредоточили под Севастополем 2045 орудий и минометов. По признанию Манштейна, «во второй мировой войне немцы никогда не достигали такого массированного применения артиллерии, как в наступлении на Севастополь» [1, с. 274]. В числе артиллерии были два специальных орудия типа «Карл» калибра 600 мм. Кроме того, под Севастополь гитлеровцы доставили знаменитую пушку «Дора», изготовленную для обстрела французской линии Мажино, но использовать ее там не успели. Длина ствола орудия составляла около 30 м, вес снаряда – около 7 т, калибр – 800 мм, а лафет достигал высоты трехэтажного дома. Как вспоминал Манштейн, «потребовалось около 60 железнодорожных составов, чтобы по специально проложенным путям доставить это чудовище на огневую позицию. Для его прикрытия постоянно стояло наготове два дивизиона зенитной артиллерии» [1, с. 274]. Не понятно, почему комендант береговой обороны генерал-майор П.А. Моргунов в своих мемуарах сомневался, что «Дора» стреляла по Севастополю. Более того, он полагал, что ее там вообще не было. «Некоторые наши раненые командиры, попавшие в плен, а затем бежавшие, говорили, что слух об этом орудии, будто бы стрелявшем по Севастополю, был специально пущен гитлеровцами», – утверждал П.А. Моргунов [2, с. 309]. Манштейну был придан и 8-й авиационный корпус. С 20 мая враг ежедневно обрушивал на город тысячи бомб и снарядов. На некоторые участки фронта одновременно совершали налеты 200–250 немецких самолетов. 17 дней немцы обстреливали и бомбили город. Особенно интенсивным обстрелам Севастополь, его окрестности, боевые позиции советских частей были подвергнуты в первую неделю июня. Так, Особый отдел НКВД Приморской армии сообщал, что 4 июня «противник группами по 20–30 самолетов в течение дня бомбардировал боевые порядки, артиллерию, командные пункты частей, группы самолетов непрерывно бомбят город, сброшено 2000 фугасных и много зажигательных бомб. Город третьи сутки горит. Артиллерия противника мощными огневыми налетами в течение дня обстреливает тылы, боевые порядки, артиллерию, командные пункты. Доты обстреливают тяжелой артиллерией,

включая 400-мм мортиры, выпущено 5000 снарядов» [3, с. 498]. Участник обороны, матрос – связист Г.Е. Замиховский вспоминал о тех днях: «Начиная с первого июня, немцы бомбили без перерыва и круглосуточно обстреливали из тяжелых орудий, а где-то с 5-го июня, мы уже своих «сталинских соколов» в воздухе фактически не видели. Небо было черное от немецких самолетов. Помню свои доклады в те горькие дни: «Сектор 18 – вижу сто немецких самолетов, сектор 22 – вижу семьдесят немецких бомбардировщиков». Они нас просто с землей ровняли. От этих бомбежек люди сходили с ума в буквальном смысле. Становилось жутко. Весь город пылал от огня пожаров, горизонт утонул в дыму» [4].

В эти дни (2–7 июня) немецкая авиация сделала свыше 9 тыс. самолето-вылетов, сбросила до 45 тыс. авиабомб весом 100, 250 и 1000 кг. А артиллерия выпустила 126 тыс. снарядов крупного калибра. На каждый метр передового рубежа обороны противник израсходовал до 1,5 т металла (снарядов, мин, авиабомб). В Севастополе было разрушено 4640 и повреждено 3000 зданий [5, с. 130].

Немецкая авиация непрерывно бомбила советские корабли с боеприпасами и продовольствием для защитников города. Командующий Севастопольским оборонительным районом (СОР) вице-адмирал Ф.С. Октябрьский неоднократно обращался с просьбой о помощи к командующему Северо-Кавказским фронтом С.М. Буденному, начальнику Генштаба А.М. Василевскому и наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову. Помощь приходила, но ее было явно недостаточно, новые соединения и вооружение фактически перестали поступать. 28 мая 1942 г. в Севастополе была получена директива командующего Северо-Кавказским фронтом 00201/оп, в которой говорилось:

«1. Противник к наличному составу сил, блокирующих Севастопольский оборонительный район, с 20 мая начал интенсивную переброску войск к Севастополю с целью начать в ближайшем будущем активные действия. По данным всех видов разведки, перебрасывается около четырех пехотных дивизий, одной танковой дивизии и одной легкой пехотной дивизии.

2. Севастопольский оборонительный район имеет прочную систему обороны, могущую противостоять любому наступлению противника.

Приказываю:

1. Предупредить весь командный, начальствующий, красноармейский и краснофлотский состав, что Севастополь должен быть удержан любой ценой. Переправы на Кавказский берег не будет.

2. Создать армейский резерв: кроме того, иметь резерв в секторах обороны для нанесения мощных контрударов.

3. В борьбе против паникеров и трусов не останавливаться перед самыми решительными мерами.

Буденный, Исаков, Захаров» [6, с. 248].

Как видно из приказа, главной задачей перед защитниками города было любой ценой удержать город. Но командование фронта и Ставка переоценили возможности СОРа. По мнению ряда исследователей, «обстановка в конце мая – начале июня позволяла флоту резко усилить снабжение советских войск всем необходимым. Однако доставлять с Кавказа было почти нечего. Изменить положение могла только Ставка. Этого не было сделано» [5, с. 145].

Перед началом третьего наступления противник сосредоточил под Севастополем 54-й и 30-й армейские корпуса и горнострелковый корпус румын, некоторые отдельные специальные части и подразделения. Советская оборона на 34-километровом фронте состояла из четырех секторов обороны. Комендантами секторов были, соответственно, командир 109-й стрелковой дивизии генерал-майор П.Г. Новиков, командир 386-й стрелковой дивизии полковник Н.Ф. Скутельник, командир 25-й стрелковой дивизии генерал-майор Т.К. Коломиец и командир 95-й стрелковой дивизии полковник А.Г. Капитохин. В резерве командующего Приморской армией генерал-майора И.Е. Петрова находилась 345-я стрелковая дивизия (полковник Н.О. Гузь). Гитлеровцы имели существенный перевес в живой силе и технике: 1060 самолетов против 91, 150 танков против 47, 203800 солдат против 118890. Наконец на рассвете 7 июня сотни немецких орудий и минометов, множество пикирующих бомбардировщиков обрушили удар по боевым порядкам защитников Севастополя. В 05.00 немецкая пехота перешла в наступление. Описывая ожесточенные бои, продолжавшиеся «беспрерывно около месяца в самое жаркое время года (уже рано утром температура достигала 50 градусов)» Манштейн вынужден был признать, что

сила «отчаянного сопротивления» советских частей, заключались не только «в благоприятной для него местности», но и «в выносливости и невероятной стойкости русского солдата» [1, с. 278].

Однако с каждым днем силы севастопольцев таяли, заканчивались резервы. В условиях полной блокады врагом Севастополя с суши снабжение войск СОР всем необходимым осуществлялось только морем. Потери Черноморского флота были значительны. Например, начальник особого отдела НКВД Черноморского флота Ермолаев 16 июня шифротелеграммой № 1492 сообщал, «что в последние дни авиация противника, господствуя в воздухе, при недостатке боезапаса зенитного огня батареями Главной базы в Севастополе, потопила один эсминец, один тральщик, один катер-охотник и два лучших транспорта, груженных боеприпасами и войсками» [3, с. 504]. Поставки морем не компенсировали потерь. Тот же Ермолаев 22 июня донес: «Маршевое пополнение идет слабо, за 2 дня поступило до 700 человек. Доставка боезапаса не покрывает дневного расхода. Севастополь имеет до 35000 мин при ежедневном расходе 5000... Активные действия авиации противника в течение всего времени действуют на моральное состояние войск» [3, с. 508]. Другой пример: за первые шесть дней немецкого наступления было доставлено маршевого пополнения около 5 тыс., а потери составили 10650, в том числе только убитыми почти 4 тыс. человек [6, с. 268, 271, 273, 277, 279].

Особенно ожесточенные бои развернулись ст. Мекензиевы Горы. На Северной стороне Севастополя держала оборону 365-я зенитная батарея (немцы дали ей название форт «Сталин»). 13 июня гитлеровцы прорвались к позициям батареи. У ее защитников не осталось орудий, снарядов. И тогда старший лейтенант И.С. Пьянзин передал в эфир: «Отбиваться нечем. Личный состав весь выбыл из строя. Открывайте огонь по нашей позиции, по нашему командному пункту» [7, с. 163]. Это были его последние слова.

17 июня 1942 г. немцы вышли к Инкерману и к Сапун-горе через третий сектор обороны. В тот же день батарея № 30 («Максим Горький I») была окончательно блокирована противником. Расстреляв все снаряды, окруженный гарнизон батареи (около 200 человек) во главе с командиром Г.А. Александром продолжал сражаться с противником, ведя огонь из ам-

бразур. Гитлеровцы неоднократно предлагали сдаться, но в ответ слышали одно: моряки живыми в плен не сдадутся. Тогда фашисты забили выхлопные трубы дизелей песком, и они остановились. Противник пытался выкурить защитников батареи из помещений с помощью подрывных зарядов, бензина и горючих масел. От удушливого дыма раненые задыхались, многие умирали. Герои-артиллеристы взорвали башни, дизели, приборы стрельбы. На батарее не стало воды, продуктов питания. Подорвав входные бронированные двери, враги ворвались внутрь. 25 июня Г.А. Александеру и нескольким бойцам удалось вырваться через водосток, но через сутки предатель из местного населения опознал майора и выдал фашистам. Александера пытали в тюрьме в Симферополе, а затем расстреляли.

К исходу 20 июня гитлеровцы заняли Северную сторону бухты, за исключением четырех опорных пунктов (в районах Константиновской и Михайловской батарей, Инженерной пристани), небольшие гарнизоны которых стояли насмерть. До последнего сражался гарнизон Сухарной балки под командованием начальника артиллерийского арсенала базы майор Н.К. Федосеев. В ходе боев противник потерял более десятка танков, сотни солдат и офицеров, но продолжал рваться к отвесным скалам, в которых для размещения боеприпасов были устроены глубокие штольни с бронированными воротами. Развязка наступила 25 июня. Когда немцы ворвались на площадку в районе штольни № 1, краснофлотец А.К. Чикаренко ценой собственной жизни подорвал ее вместе с двумя сотнями гитлеровцев. Вскоре советские воины подорвали и другие штольни блокированного гарнизона в Маячной балке. Майор Н.К. Федосеев разрешил всем желающим переправиться через бухту вплавь, а сам с небольшой группой бойцов остался в Сухарной балке до конца. Майор погиб, замкнув цепь проводов к заминированным воротам площадки штольни № 11, и взорвав вместе с собой десятки вражеских солдат и офицеров. Только к исходу 28 июня немцам удалось овладеть практически пустыми штольнями.

Как пишет Г.И. Ванеев, по сути, с падением Северной стороны судьба города «была уже предрешена. Однако тогда никто не говорил об этом, как и в послевоенные десятилетия». Командование СОР продолжало настаивать на поставках подкрепления в Севастополь. Вице-адмирал Ф.С. Октябрьский 21 июня сообщил начальнику Генштаба, что для восста-

новления положения на Северной стороне потребовалось бы не менее 10 тыс. человек, не менее одной стрелковой дивизии и одной стрелковой бригады. После войны вопрос о целесообразности снабжения Севастополя после 20 июня вызывал споры среди участников обороны города. Одни утверждали, «что поскольку судьба города была предрешена, то и все поставки следовало прекратить; другие, наоборот», полагали, что «они должны были быть более интенсивными» [5, с. 206].

Для снабжения войск СОР были направлены транспортные самолеты ПС-84 («Дуглас») московской авиагруппы особого назначения (командир майор М.В. Коротков). Вылетали самолеты с Кубани так, чтобы быть в Севастополе после полуночи. За ночь на Херсонесском аэродроме приземлялось 12–13 машин, доставляя в среднем по 2 т боезапаса каждая. Обратными рейсами вывозили на каждом самолете по 14–16 человек раненых или ценные грузы.

25 июня гитлеровцы демонстративно разбомбили и подожгли музей–панораму «Оборона Севастополя». Жители города и моряки бросились спасать его. Для того чтобы вынести полотно из огня, пришлось разрубить его топорами на 86 отдельных кусков. На другой день произведение Ф. Рубо погрузили на корабль «Ташкент». Это был последний рейс надводного корабля. Связь с Севастополем теперь поддерживалась только самолетами и подводными лодками, которые вывозили из осажденного города раненых, стариков, женщин и детей. 26 июня вражеская авиация разбомбила аэродром Херсонесский маяк, разрушив летное поле и выведя его из строя. В третьем секторе обороны части 25-й дивизии и 3-го полка морской пехоты упорно оборонялись, но все их попытки не допустить выхода немцев в Инкерманскую долину оказались безуспешными.

В ночь на 29 июня немецкие войска под прикрытием дымовой завесы переправились на катерах и шлюпках с северного берега бухты на южный берег. Последние дни обороны Севастополя стали для его защитников настоящей трагедией. В эти дни героически сражался гарнизон Малахова кургана. Только когда умолкло последнее орудие 701-й береговой батареи, оставшиеся в живых защитники кургана ночью прорвали кольцо окружения и отошли в район мыса Фиолент. 30 июня наступил критический момент – у защитников Севастополя практически закончились артбоеприпа-

сы. У них оставалось всего 1259 снарядов для полевой артиллерии среднего калибра и ни одного снаряда для тяжелой артиллерии [5, с. 131]. Утром этого дня командующий СОР вице-адмирал Ф.С. Октябрьский отправил телеграмму командованию Северо-Кавказским фронтом и наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову, в которой, отметив тяжелую обстановку, предположил, что войска продержатся «максимум 2–3 дня». И далее Октябрьский просил разрешить ему «в ночь с 30 июня на 1 июля вывезти самолетами 200–250 человек ответственных работников, командиров на Кавказ, а также, если удастся, самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя, генерал-майора Петрова». Об этой телеграмме никто из руководящего состава СОР не знал [5, с. 232].

Вечером 30 июня 1942 г. командование СОР получило разрешение Ставки ВГК на эвакуацию только высшего и старшего комсостава, а также партактива города. В 19.30 в одном из казематов 35-й батареи началось совместное заседание Военных советов ЧФ и Приморской армии. Вице-адмирал Ф.С. Октябрьский предложил оставить старшим в Севастополе генерал-майора И.Е. Петрова. Последний выразил готовность остаться и сделать все, чтобы выполнить боевую задачу. Однако члены Военного совета Приморской армии И.Ф. Чухнов и М.Г. Кузнецов выразили сомнение в целесообразности такого шага. В итоге было решено старшим в Севастополе оставить командира 109-й стрелковой дивизии генерал-майора П.Г. Новикова со штабом, так как его сектор оборонял район Херсонесского мыса и войска других секторов отходили туда же.

В ночь на 1 июля 1942 г. командующий Северо-Кавказским фронтом С.М. Буденный приказал заместителю командующего флотом контр-адмиралу И.Д. Елисееву «все находившиеся в строю катера МО, подлодки, сторожевые катера и быстроходные тральщики последовательно направлять в Севастополь для вывоза раненых, бойцов и документов» [5, с. 235]. Однако приказ об эвакуации войск запоздал, поскольку Черноморский флот был уже не в состоянии осуществить ее своими силами. На самолетах и подводных лодках удалось выбраться лишь руководству гарнизона. В ночь с 30 июня на 1 июля двумя подводными лодками и 14 транспортными самолетами «Дуглас» (ПС-84) было вывезено 600 человек руководящего состава. Когда командующий Черноморским флотом и СОР вице-адмирал

Ф.С. Октябрьский и член Военного совета флота дивизионный комиссар Н.М. Кулаков подошли к последнему самолету, покидавшему Херсонесский аэродром, то их узнали. Скопившиеся на аэродроме измученные боями, голодом и жаждой, усталые бойцы возмущенно зашумели, началась беспорядочная стрельба в воздух. В этой угрожающей обстановке военком 3-й особой авиагруппы главной базы полковой комиссар Б.Е. Михайлов, который должен был улететь вместе со всеми, объяснил бойцам, что командование улетаёт, чтобы организовать эвакуацию защитников Севастополя, а сам остается с бойцами. Генерал-майор И.Е. Петров и командный состав Приморской армии покинули Севастополь на подводной лодке «Щ-209». В последующие дни на сторожевых катерах, тральщиках, подводных лодках, буксирах и других плавсредствах было эвакуировано еще 2415 человек.

В такие тяжелые дни люди проявляли лучшие человеческие качества. Знаменитый севастопольский хирург, военврач первого ранга В.С. Кофман мог улететь из города, «у него был посадочный талон на один из последних самолетов, покидавших Севастополь. Но он отдал его медсанбатовской медсестре Кононовой, у которой был маленький ребенок». Она спаслась, а военврач В.С. Кофман «добровольно остался с ранеными, разделив их трагическую судьбу», и, как еврей, был расстрелян немцами [4].

Начальник Управления Особых отделов НКВД СССР В.С. Абакумов в справке от 1 июля 1942 г. сообщал: «В беседе со мной [...] командующий Черноморским флотом т. Октябрьский, находящийся в Новороссийске, о положении в Севастополе сообщил: [...] в ночь с 30 июня на 1 июля противник ворвался в город и занял районы: вокзал, Исторический бульвар, Херсонесский аэродром и др. Оставшиеся бойцы дерутся героически, в плен не сдаются, при безвыходном положении уничтожают сами себя. [...] Севастополя, как города, нет, разрушен» [3, с. 495].

Враг стремился в первую очередь уничтожить береговые батареи. 1 июля на батарею № 14, располагавшуюся на берегу Стрелецкой бухты, двинулись в атаку танки и пехота. Моряки вели огонь прямой наводкой, пока не кончились снаряды. Находясь в окружении, гарнизон не сдался врагу. В своей последней радиограмме командир батареи старший лейтенант Г.И. Халиф передал: «Боеприпасов нет, фашисты атакуют, идем в контратаку. Прощайте, товарищи!» [2, с. 453]. В этой контратаке командир

батареи и большая часть моряков погибли. На правом фланге обороны до последнего снаряда сражалась 18-я батарея старшего лейтенанта Н.И. Дмитриева.

Береговая батарея № 35 до конца сражалась на оставшемся клочке Севастопольской земли – Херсонесском полуострове. Ее выстрелы были последними в героической обороне Севастополя. В ночь с 1 на 2 июля советские воины взорвали башни. 4 июля 1942 г. город был оставлен. Тысячи голодных, израненных бойцов, отстреливаясь до последнего патрона на скалах Херсонеса, все еще надеялись на эвакуацию. Враги прочесывали пулеметно-автоматным огнем скалы, бросали вниз на головы наших бойцов сотни ручных гранат. Генерал-полковник фон Манштейн вспоминал о неоднократных попытках советских воинов «прорваться в ночное время на восток в надежде соединиться с партизанами в горах Яйлы. Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии. Нередко впереди всех находились женщины и девушки-комсомолки, которые, тоже с оружием в руках, воодушевляли бойцов» [1, с. 288].

Исчерпав все возможности к сопротивлению, израненные и изнуренные в непрерывных боях, без еды и воды, оставшиеся в живых защитники Севастополя были обречены на смерть и плен. Погиб полковой комиссар Борис Евгеньевич Михайлов. Гитлеровцы захватили в плен генерал-майора Петра Георгиевича Новикова. В августе 1944 г. он был убит охраной в концлагере Флессенбург. Утром 9 июля гитлеровцы на катерах подошли к берегу и блокировали осажденных с моря. Еще через три дня немцы стали «зачищать» берег, обстреливая и забрасывая его гранатами. По разным данным, гитлеровцы захватили в плен от 75 до 80 тыс. защитников Севастополя. Такого мрачного развития событий Ставка не ожидала.

До сих пор не объяснены причины отказа Ставки от организации масштабной эвакуации всех войск из Севастополя на Кавказ. Спустя годы, 18–19 мая 1961 года в Севастополе состоялась военно-историческая конференция, посвященная 20-летию начала обороны города. В работе конференции приняли участие 800 человек – участников обороны, среди которых было до 80% побывавших в плену. Всех участников волновал вопрос: почему не была эвакуирована Приморская армия? С таким вопросом в пре-

зидиум конференции поступило огромное количество записок. Участник той встречи Г.Е. Замиховский вспоминал: «люди вставали в зале с мест и спрашивали прямо у сидящих за длинным столом, на сцене, наших бывших руководителей обороны: «Почему нас предали? Почему нас бросили?». Октябрьский с трибуны: «Успокойтесь товарищи. У нас был приказ Сталина и Буденного оставить город, с целью организации эвакуации оставшихся защитников, морем на Кавказ» [4]. Адмирал Ф.С. Октябрьский привел в своем докладе данные о численном составе защитников Севастополя в июне 1942 года. По его словам, в обороне Севастополя в июне 1942 года участвовало всего 127238 человек, куда входят численный состав войск оборонительного района по состоянию на 6 июня 1942 года и все пополнения, поступившие с Большой земли в течение этого же месяца. При этом в срок до 30 июня было эвакуировано 23000 раненых; вывезено в ночь на 1 июля и в последующие дни различными видами транспорта 2937 человек.

Объясняя причины несостоявшейся эвакуации, адмирал Октябрьский сказал: «Обстановка сложилась тогда очень тяжелая. Севастополь был блокирован противником с земли и моря. В конце июня блокада при помощи воздушных сил достигла наивысшего предела, даже подводные лодки не были в состоянии достичь берегов Севастополя, а о достижении их надводными кораблями и говорить не приходилось. В этих условиях встал вопрос – как быть? Если эвакуировать армию, то были бы потери и армия, и флот, оказавшийся сильно уменьшившимся из-за потерь в боях. В конечном счете, была потеряна армия, но сохранен флот» [8, с. 223–224].

Героическая оборона Севастополя имела важное стратегическое значение. Советские воины сорвали планы противника, намечаемые на весну 1942 г., в значительной степени способствовали задержке вражеского наступления к Волге и на Кавказ. Рядовой 142-й отдельной стрелковой бригады Ф.П. Землянский, находившийся в 35-й батарее и взятый в плен 12 июля запомнил, как немец-переводчик перед строем пленных сказал что «мы своим бессмысленным сопротивлением задержали отправку немецких войск на Кавказский фронт» и когда он кончил говорить, то из строя пленных вышел подполковник или полковник и сказал следующее: «Дорогие мои товарищи, защитники Севастопольской обороны, мы сейчас в плену у врагов, но мы не сдались, мы стойко и честно защищали наши священные

рубежи. И если кому из нас доведется остаться в живых, то передайте соотечественникам о том, что мы свой воинский долг выполнили до конца, пусть знают об этом люди!» [9].

Таким образом, история последних дней обороны Севастополя требует своего дальнейшего изучения, так как многие вопросы до сих пор остаются без точных ответов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Манштейн Э.** Утерянные победы. Ростов-на-Дону, 1999. – 640 с.
- 2. Моргунов П.А.** Героический Севастополь. М., 1979. – 516 с.
- 3. Черепков А.П.** Донесения военной контрразведки о положении в Севастополе // Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. – М., 2012.
- 4.** Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны [электрон. ресурс] URL: <http://iremember.ru/memoirs/krasnoflotsi/zamikhovskiy-grigoriy-efimovich/>
- 5. Ванеев Г.И.** Севастополь, 1941–1942: Хроника героической обороны. Кн. 2. – Киев, 1995. 252 с.
- 6.** Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 2. – М., 1946.
- 7. Ванеев Г.И.** Черноморцы в Великой Отечественной войне. – М., 1978. – 382 с.
- 8. Пискунов Д.И.** Заключительный этап обороны Севастополя. Лето 1942. – Севастополь, 2013. – 224 с.
- 9. Маношин И.С.** Героическая трагедия: О последних днях обороны Севастополя (29 июня–12 июля 1942 г.) [электрон. ресурс] URL: http://militera.lib.ru/h/manoshin_is/02.html

УДК 94(47).084.8:623.62

Л. М. Труфанова

**«ВОЙНА В ЭФИРЕ»:
РАДИОИГРЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ
КАК ВКЛАД В ПОБЕДУ (1941–1945 ГГ.)**

Великая Отечественная война... Это четыре не только тяжелых трагических, но и судьбоносных года как для нашей страны, так и для всего человечества. Военные годы это время, когда советский народ отстаивал независимость своей Родины, жизнь и свободу десятков миллионов граждан, право на существование не только нашего государства, но и народов Западной и Восточной Европы, оказавшихся под пятой гитлеровской Германии. Никто и никогда не сможет забыть этого, и память войны всегда будет возвращает к патриотизму, героизму и мужеству защитников Отечества в борьбе с фашизмом. Немаловажный вклад в Великую победу внесли и отечественные спецслужбы, в том числе и органы контрразведки. Их вклад в Победу без сомнения оценивается очень высоко. Ведь недаром бытует мнение, что «без разведки армия слепа, а без контрразведки – беззащитна».

На протяжении всего периода существования института органов безопасности, в истории нашей страны, основной задачей их была, как известно, защита государства от внешних и внутренних угроз. В годы Великой отечественной войны главной и основной угрозой для органов советской контрразведки являлась подрывная деятельность германских спецслужб, в первую очередь со стороны Абвера. Однако, ни один замысел Абвера не являлся тайной для чекистов. Важную роль в разгроме фашистской Германии, а так же ее союзников в годы Великой отечественной войны, сыграли органы военной контрразведки. Нельзя не согласиться с мнением А.И. Цветкова, утверждавшего, что органы безопасности «в трудной борьбе выиграли поединок с хорошо отлаженной машиной фашистских спецслужб, которые накануне второй мировой войны превратились в важнейший инструмент осуществления внешней и внутренней политики герман-

ского фашизма» [1]. Для достижения своих целей Германия поставила спецслужбы на первый план среди других звеньев государственного механизма. Была создана сложная, широко разветвленная организация, приспособленная к ведению тотальной разведывательно-подрывной деятельности против других стран и, прежде всего, против СССР. Такая деятельность должна была обеспечить, с одной стороны, добывание политической, экономической, военной и военно-технической информации о потенциальных противниках Германии, а с другой – их непосредственный подрыв изнутри [1].

Следует отметить, что в связи со сложной внешнеполитической обстановкой, органы безопасности в 1941 году дважды подверглись реорганизации [2, с. 46–54]. Так 3 февраля 1941 г., Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о разделении Народного комиссариата внутренних дел СССР на два наркомата: Народный комиссариат внутренних дел СССР и народный комиссариат государственной безопасности СССР. Данное решение объяснялось «необходимостью максимального улучшения агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности и возросшим объемом работы НКВД СССР и ее многообразием» [3]. Спустя пять дней, 8 февраля 1941 года совместным постановлением ЦК ВКП (б) и СНК органы военной контрразведки были переданы в ведение Наркомата обороны и Наркомата военно-морского флота СССР [2, с. 47]. Однако уже в июле 1941 года Президиумом Верховного совета СССР, было принято решение об объединении данных ведомств, в связи с «переходом от мирного времени на военные условия работы» [2, с. 53]. В результате чего 3-е Управление НКО было преобразовано в Управление Особых Отделов НКВД СССР [4, с. 616]. Главной задачей Особых отделов на период войны являлась борьба со шпионажем и предательством в Красной армии и ликвидация дезертирства в прифронтовой полосе.

В апреле 1943 года Управление особых отделов НКВД вновь было реорганизовано в Главное управление контрразведки Народного комиссариата обороны СССР «Смерш» и Управление контрразведки Народного комиссариата Военно-Морского Флота СССР «Смерш». Это были два очень мощных, хорошо организованных управления военной контрразведки, призванных обеспечить безопасность армии и флота, оберегать оперативные планы командования, помогать ему в укреплении и повышении бо-

его готовности и боеспособности боевых соединений Красной армии и Военно-морского флота [2, с. 56].

21 апреля 1943 года было принято Постановление Государственного комитета обороны (ГКО) № 3222СС/ОВ, утвердившее положение о ГУКР «Смерш» НКВ СССР [5, с. 624]. Согласно положению на органы «Смерш» возлагались следующие задачи:

- борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;

- борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной армии;

- принятие необходимых агентурно-оперативных и иных мер, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта;

- борьба с предательством и измене родине;

- борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;

- проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену;

- выполнение специальных заданий Народного Комиссара обороны [5, с. 624].

Контрразведка «Смерш» просуществовала чуть более трех лет. Однако за этот короткий временной промежуток она заняла свое особое место в истории органов государственной безопасности. Следует отметить, что органы «Смерш» являлись строго централизованной организацией, которая по роду своей деятельности проводила большое количество спецопераций в годы Великой отечественной войны, и в первую очередь в отношении немецкого «Абвера». Основными формами деятельности органов «Смерша» по проведению спецопераций в годы войны являлась деятельность разведывательно-поисковых групп, деятельность диверсионно-разведывательных групп и радиоигры. Автор предлагает в данной статье рассмотреть некоторые примеры именно этой новой для военного времени формы деятельности отечественной военной контрразведки.

Во время второй мировой войны спецслужбы противоборствующих государств освоили и активно использовали для проведения радиоразведки и радиоконтрразведки новую область военно-политического противобор-

ства – радиоэфир. Радиоигры с противником стали одним из новых направлений деятельности контрразведки в годы войны, в результате которых удалось осуществить целый ряд операций по стратегической дезинформации немецкой разведки, а так же по внедрению своих агентов в разведывательно-диверсионные школы Абвера. Тысячи обезвреженных агентов-диверсантов, огромное количество захваченного оружия, боеприпасов и взрывчатки, десятки попавших в засады и уничтоженных самолетов противника – таков еще не полный перечень ущерба, нанесенного врагу в ходе радиоигр [6, с. 126].

Советская контрразведка начала «войну в эфире» с германскими спецслужбами в 1942 году. Так, 16 декабря 1942 г. принято Постановление ГКО СССР № 2633 «Об организации в Красной армии специальной службы по забивке немецких радиостанций, действующих на поле боя». На его основании впервые были созданы части радиопомех – отдельные радиодивизионы специального назначения. В 12 стратегических и фронтовых операциях Великой Отечественной эти части спецназа сорвали более 24 тысяч оперативных радиোগрам в тысяче радиосетей и радионаправлений [7].

В начале данными спецоперациями занимались несколько подразделений: 4-е Управление под руководством П.Судоплатова, [8]. 1 отдел 2 Управления, а так же территориальные органы. О масштабах «войны в эфире» говорит тот факт что в отдельные периоды военной контрразведки и территориальным органами одновременно велось до 70 радиоигр из прифронтной полосы и глубокого тыла страны [6, с. 127].

Всего за годы войны органами военной контрразведки было проведено подряд более 180 радиоигр с противником, ставших по сути единой «Большой игрой» радиоэфире [8, 150].

По своим основным целям радиоигры, которые проводили советские контрразведчики в отношении немецких разведывательных центров, можно разделить на следующие виды:

- 1) борьба с вражеской агентурой в прифронтной полосе. Данные радиоигры преследовали цель – создание (с помощью захваченных или сдавшихся вражеских диверсантов) уверенности у противника в активных действиях их агентов в прифронтной полосе, что рождало у противника известную самоуспокоенность и удерживало его от дальнейшей активности;

2) противодействие разведывательно-диверсионным действиям немецких агентов на транспортных коммуникациях СССР, в этом случае радиоигры были весьма эффективным способом создания у гитлеровского командования впечатления об активном действии своей агентуры в тылу противника, а чекистам позволяло фактически парализовывать шпионскую деятельность;

3) борьба с германским шпионажем в промышленных центрах Урала и Сибири;

4) противодействие немецким шпионам и диверсантам за пределами СССР.

В ходе «радиоигр» сотрудники НКВД-НКГБ постоянно совершенствовали формы и методы борьбы с противником. В частности, большое внимание уделялось радиоконтрразведке и дешифровке полученных данных с использованием новейших оперативно-технических средств. Для фиксации работы агентурных радиостанций противника на территории, занятой советскими войсками, формировались специальные розыскные радиопеленгаторные группы. На активизацию этой работы и координацию действий всех советских спецслужб нацеливал приказ НКВД СССР № 00566 от 20 марта 1942 г., в котором говорилось: «...Учитывая необходимость усиления радиоконтрразведывательной работы, наркомам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам управлений краев и областей, где дислоцированы контрольно-слежечные радиостанции и пеленгаторные пункты, обеспечить тесную связь между 2 и 5-м спецотделами для использования расшифрованных материалов радиоперехвата в интересах контрразведывательной работы.

В этих же целях обеспечить тесную связь вторых спецотделов с оперативными отделами и следственными частями... Кроме того, необходимо уделить серьезное внимание радиоразведывательным станциям и пеленгаторным пунктам и оказать необходимую помощь в их работе» [9].

Следует отметить, что каждая радиоигра, проведенная советской военной контрразведкой являлась уникальной творческой агентурной операцией с использованием широкого арсенала сил и средств, например, таких радиоигр как «Двина», «Танкист» [8, с. 193–194].

Образцом оперативного искусства военной поры стала крупномасштабная операция, длившаяся практически всю войну, имевшая на каждой

ее стадии разные названия «Монастырь», «Курьеры», а затем «Березино» [10, с.244–250]. Замысел операции сводился к доведению до немецкого разведцентра целенаправленной информации о якобы существующих в Москве антисоветской церковно-монархической организации. Легенда базировалась на использовании официальной доктрины фашистской разведки о существовании в СССР «пятой колонны», а так же на объективно имевшихся в НКВД материалах о намерении некоторого Бориса Садовского сформировать в Москве подобную организацию и связаться с немцами для оказания им помощи в борьбе с режимом. Однако его деятельность постоянно находилась в поле зрения органов безопасности [8, с. 245].

Не менее успешной для отечественной военной контрразведки стала радиоигра «Дуэт». Автор предлагает рассмотреть более подробно данную спецоперацию. Итак, в ночь на 27 сентября 1943 года в районе деревни Долшино Рязанской области были сброшены два выпускника Брайтенфуртской разведшколы агенты Кедров и Сагайдачный, которые имели следующее задание:

1) Создать базу для разведывательной работы в городе Уральске или Сарапале с предварительным заездом Кедрова в Москву для сбора сведений о работе авиапромышленности.

2) Установить заводы авиационной промышленности и предприятия, связанные с выпуском самолетов, выяснить типы самолетов и авиамоторов, создаваемых этими предприятиями.

3) Собирать сведения о формировании и дислокации частей Советской Армии и аэродромов, о передвижении воинских грузов по железным дорогам.

4) Выяснить количество и типы вооружений, прибывающих из США и Англии по лендлизу.

5) Выявить политико-моральное состояние личного состава частей Советской Армии и рабочих промышленных (оборонных) предприятий.

«Гостей» арестовали почти сразу после приземления, поскольку советский агент в разведшколе заранее предупредил о «визите». Немецкие агенты согласились сотрудничать со «Смершем». Игра продолжалась до ноября 1944 года и была прекращена только после того, как советские войска взяли Вену, итогом ее стало огромное количество дезинформации, а после разведцентр прекратил свое существование [11].

В ходе контрразведывательных операций, проведенных за годы Великой отечественной войны органами безопасности была пресечена подрывная деятельность нескольких тысяч агентов германских спецслужб; захвачено 631 радиостанция, более 80 из которых использовались в радиоиграх с Абвером и СД для передачи дезинформации, захвата агентуры противника. Активные действия советских спецслужб фактически парализовали немецкие разведорганы. Огромные материальные ресурсы, выделенные для разведывательно-подрывной деятельности против СССР, были потрачены безрезультатно. Показательным примером может являться, сорванная Лубянкой, попытка организовать покушение на И.В. Сталина осенью 1944 г. Только на подготовку этой операции VI управление РСХА «выбросило на ветер» два миллиона рейхсмарок [9]. Как видно, по масштабам и эффективности проводимых в эфире спецопераций и по использованию других форм деятельности органов «Смерша» советскую контрразведку не превзошла ни одна из иностранных спецслужб ни в период войны, ни после ее окончания [12, с. 6–7].

Таким образом, вклад контрразведки в Победу посредством использования «радиоигр» конечно значителен. Организуя радиоигры, советская контрразведка ставила перед собой несколько приоритетных целей. Во-первых, необходимо было парализовать работу вражеских спецслужб, прежде всего Абвера, а во-вторых, оказать реальную помощь Красной армии на полях сражений, что достигалось путем дезинформирования противника об истинных планах и намерениях советских вооруженных сил. В результате проводимых спецопераций, значительно снижалась результативность подрывных действий противника, то есть как на конкретном участке фронта, так и в тылу диверсионная деятельность немецких спецслужб часто оказывалась парализованной. Значительная, часть агентуры была перевербована, и в дальнейшем осуществляла свою «работу» под контролем «Смерша». Следует особо отметить, что радиоигры, как средство дезинформации противника относительно планируемых и проводимых военных операций не только обеспечивали успех этих операций, но и спасали тысячи жизней военнослужащих Красной армии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. См. **Цветков А.** Органы государственной безопасности в годы войны. Обзоритель. // http://observer.materik.ru/observer/N05_00/05_04.HTM
2. **Коровин В.В.** История отечественных органов безопасности. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА, 1998. – С. 46–54.
3. См.: Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О разделении Наркомата внутренних дел СССР» от 3 февраля 1941 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой отечественной войне. Сборник документов. Т.1. Кн.2. (1 января – 21 июня 1941г.). М., 1995.
4. Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ 1917 – 1991. Справочник документов / составители: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: МФД, 2003.
5. См.: Положение о Главном Управлении контрразведки Народного Комиссариата Обороны («Смерш») // Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ 1917–1991. Справочник документов / сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: МФД, 2003.
6. Военная контрразведка. История, события, люди / В.С. Христофоров, С.А. Коренков, А.Ю. Бондаренко и др. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 126.
7. См. «Война в эфире». Учительская газета, № 15 от 11 апреля 2006 года // <http://www.ug.ru/archive/13306>
8. **Судоплатов П.** Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.
9. **Макаров В., Тюрин А.** Как появился «Опыт». Радиоигры «Смерша» в годы Великой Отечественной войны // Военно-промышленный курьер. – 2007. – № 37. <http://www.chekist.ru/article/1856>.
10. Подробнее о данной спецоперации см.: Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. – М.: Издательство объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники и Картолитография», 1999.
11. http://www.nnre.ru/istorija/sudoplatov_protiv_kanarisa/p3.php#metkadoc2.
12. «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М.: Изд. Главархива Москвы; 2003.

Раздел II.

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

УДК 94(47).084.6

А. Н. Мичурин

**СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Отношения между Россией и Китаем в настоящий момент переживают период тесного сотрудничества и политического взаимодействия. Наши страны объединяют многие проекты в экономике и политической сфере. Залогом политического сближения с Китайской республикой, в том числе, являются и схожие оценки истории, природы и итогов Второй мировой войны. Одной из самых интересных страниц российско-китайских отношений является период 30-х – начала 40-х годов 20 века. Это эпоха начала Второй мировой войны и ее активной фазы, когда СССР и Китай были объединены общими целями и идеями – победы в мировой войне, и имели общего геополитического противника – Японию.

Японский империализм в этот период не скрывал своих захватнических целей и пользовался любым поводом к войне для развязывания активных боевых действий и отторжения Китайской территории. В самом Китае велись активные боевые действия между гоминдановскими войсками и различными антиправительственными силами (региональными и национальными) и конечно же особый драматизм ситуации придавало противостояние китайских коммунистических сил и вооруженных сил под командованием Чан Кайши. Да и отношения между СССР и Китаем в конце 20-х – начале 30-х годов были фактически прекращены из-за конфликта в районе КВЖД в

1929 году [1]. В самом Китае в 1931 году начался поход войск Чан Кайши против коммунистических отрядов и контролируемых ими территорий [2].

Японская агрессия в таких условиях имела все шансы на успех. Квантунская армия Японии находилась в районе Южно-Маньчжурской железной дороги и занималась ее охраной, что облегчало Японии развязывание боевых действий в Китае. 18 сентября 1931 года воспользовавшись провокацией против этой дороги, Япония начала активные боевые действия на севере Китая. В течение нескольких дней японские войска захватили главные города и железнодорожные узлы северо-востока Китая. Полностью завершив оккупацию китайских провинций Ляонин, Гири и Хэйлунцзян, японская администрация в марте 1932 года создала на их территории марионеточное государство Маньчжоу-го. В 1931–1932 годах Япония продолжала активные боевые действия в Китае. В начале 1933 года японские войска заняли провинцию Жэхэ и подошли к Пекину. В марте 1933 года Япония вышла из Лиги Наций, что облегчило ее дипломатические маневры по захвату территории Китая. В 1935 году была захвачена провинция Чахар и велось наступление на провинцию Суйюань [3, с. 264]. 2 июля 1935 года генерал Хэ Инуинь подписал с генералом Умэдзу соглашение, по которому все гоминдановские войска отзывались из провинций Хэбэй и на территории этой провинции прекращали свою деятельность все гоминдановские организации; одновременно нанкинское правительство обязалось на всей территории Китая запретить любые антияпонские выступления, рассматривая их как коммунистические [4].

Контакты Советского Союза и Китая на таком фоне резко интенсифицировались [5, с. 210-211]. Еще в 1932 году были восстановлены дипломатические отношения СССР и Китая.

Правительство СССР оказывало довольно активную экономическую и военную помощь отдельным регионам Китая и до японской агрессии, преследуя свои политические цели [6, с. 444–446]. Несмотря на это, 26 июня 1932 года представитель Китая в Комитете по разоружению в Женеве Янь Хойцинь сделал наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову официальное предложение правительства Китайской республики восстановить дипломатические отношения между странами и подписать договор о ненападении между Китаем и СССР. Китай явно рассчитывал на втягива-

ние СССР в войну с Японией, на что указывал и советский полпред в Китае Д.В. Богомолов [7]. Это совершенно не входило в планы СССР в тот период, тем более, что СССР оказывал активную помощь компартии Китая, подрывая тем самым обороноспособность нанкинского правительства. Правительством СССР переговоры о пакте о ненападении было решено начать только после нормализации дипломатических отношений в полном объеме [8, с. 257–273].

В 1933 году открылись советские полпредства в Нанкине, Шанхае, Тяньцзине и Пекине. Полпредом СССР в Китае стал Д.В. Богомолов [9, с. 165–195]. Однако, советское правительство продолжало оказывать военную и иную помощь отдельным регионам Китая и помимо связей с центральным правительством (Синьцзян, Внешняя Монголия и др.).

После занятия Японией Маньчжоу-го и выхода 27 марта 1933 года из Лиги Наций, СССР начал оказывать более последовательную военную помощь центральному правительству Китая и оказывал помощь армии Су Бинвэя в ее переходе через китайско-советскую границу [2, с. 126]. Одновременно допускалось и сотрудничество властей СССР с властями Маньчжоу-го на выгодных для СССР условиях. Были открыты консульства Маньчжоу-го в Чите и Благовещенске, но Японии и Маньчжоу-го так и не удалось добиться открытия посольства в Москве.

Для улучшения непростых советско-китайских отношений 3 августа 1933 года на Политбюро ЦК ВКП(б) были утверждены директивы по работе в Синьцзяне, гласившие, что СССР больше не должен поддерживать лозунг независимости Синьцзяна. Это подтверждалось и в переписке И.В. Сталина с руководителем Синьцзяна Шэнь Шицаем и разъяснениями НКВД СССР советскому полпреду Богомолову. При этом вопрос о степени влияния СССР в Синьцзяне в 1933–1937 году требует более полного раскрытия, как и цели советского правительства. Но ясно одно, в условиях японской интервенции в СССР совсем не хотели видеть отделение этой провинции от Китая. Это привело бы к немедленному подрыву всех, с таким трудом налаженных, советско-китайских отношений. 21 марта 1935 года нарком иностранных дел М.М. Литвинов в беседе с послом Китая Янь Хойцинем придерживался позиции, что «никакие вождедения в отношении Синьцзяна, ни в отношении других частей китайской территории мы не

имеем. Наше сотрудничество с местной властью укрепляет суверенитет Китая. Мы заинтересованы лишь в том, чтобы Синьцзян не попал под влияние третьих стран, в сохранении торговли с Синьцзяном, одинаково полезной и нам, и синьцзянскому населению» [10, с. 359–368].

В этой непростой обстановке Советский Союз принял решение и о продаже своей доли в КВЖД Японии за 140 миллионов йен и эвакуации советских сотрудников из ее зоны. Это был вынужденный шаг, призванный избежать провокаций и трений как в зоне КВЖД со стороны Манчжжоу-го и Японии, так и советско-японских провокаций на границе. Это противоречило советско-китайским договоренностям 1924 года и в очередной раз обострило советско-китайские отношения.

Но главным вопросом, несмотря на все трения, был вопрос о военной помощи Китаю и уже в июле 1935 года, китайская сторона сама поставила вопрос о подписании пакта о взаимопомощи. Мотивом к этому стали как активизация компартии Китая во внутренних районах страны, так и заявления Японии о том, что она желает автономии северных провинций Китая, понимая под этим их отторжение и выход из под контроля нанкинского правительства. 23 марта 1936 года советский полпред направил в НКВД письмо, в котором сообщал, что усиление темпов японской агрессии должно, по его мнению, «увеличить интерес Чан Кайши к достижению соглашений с другими группировками и партиями [в Китае], включая КПК» [7].

Еще до этого письма, полпред в Китае Богомолов встретился с Чан Кайши в декабре 1935 года, который предложил, чтобы основой советско-китайских договоренностей стало соглашение Сунь Ятсена – А.А.Йоффе (полпреда СССР в Нанкине в 1923 году), о невозможности существования в Китае коммунистического строя и организаций. В 1935–1936 годах это соглашение уже не было так выгодно советскому руководству и этот план был отклонен. Вместо этого СССР и Китай договорились о поставках военного снаряжения для войны с Японией через Синьцзян, причем Китай вернулся в августе 1936 года к вопросу о пакте о взаимопомощи. СССР со своей стороны взял курс на затягивание переговоров, не желая брать на себя политические обязательства, которые могли привести к войне с Японией. 19 января 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) согласовало директивы для ЦК КПК, в которой содержался курс на поддержку всех мероприятий Гоминь-

дана, направленных на прекращение гражданской войны и объединение всех сил китайского народа в борьбе против японской агрессии [11, с. 44].

Вместо двустороннего советско-китайского военно-оборонительного союза Советское правительство в этот период активно поддержало идею коллективной безопасности, выдвинутую австралийским правительством, предложившим всем государствам, заинтересованным в сохранении мира на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, заключить Тихоокеанский региональный пакт. Этот вопрос обсуждался 11 марта 1937 года народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым с китайским послом в Москве Цзян Тинфу [12, с. 46]. В мае–июне 1937 года советская дипломатия стремилась продвинуть идею Тихоокеанского пакта в Лондоне и Вашингтоне. Американское правительство считало, что без Японии пакт не имеет смысла и уповало на свои вооруженные силы, что и было объяснено советскому послу в США А.А. Трояновскому [13, р. 295–316].

В свою очередь и официальный Китай проявлял сдержанность в отношениях с СССР до 1937 года. Однако такая двойственная позиция стала более не возможной в условиях прямой японской агрессии. 7 июля 1937 года начались столкновения в городе Ваньпин, переросшие в открытые боевые столкновения по всей территории Китая, которые привели к занятию японскими войсками Пекина и Тяньцзина. В августе 1937 года начались бои за Шанхай, что поставило Китай на грань полного военного поражения.

1 июля 1937 года в директиве Москвы советскому полпреду поручалось сообщить китайской стороне, что непременным условием военных поставок является предварительное заключение пакта о ненападении. В ходе переговоров 8 августа Чэнь Лифу выразил пожелание китайского руководства, чтобы обе стороны – полпред СССР в Китае и министр иностранных дел Китая при подписании пакта о ненападении устно дали заверение, что ни Китай, ни СССР не подпишут с Японией пакт о не агрессии до окончания японо-китайской войны. Взаимная подозрительность двух правительств привела к заключению не договора о военном союзе между СССР и Китаем, а только договора о ненападении, что не отрицало более тесные закулисные контакты и военную помощь Китаю. Договор был подписан 21 августа 1937 года сроком на 5 лет с продлением его на 2 года с согласия обеих сторон [14, с. 84]. Фактически договор создал юридическую

основу помощи официальному правительству Китая по всем каналам и осуждал японскую агрессию, однако от подписания договора о взаимопомощи в 1938 году СССР уклонился [15, с. 29].

Не оставляя попыток коллективного давления на Японию [16, с. 585], СССР прямо перешел к прямой экономической и военной помощи Китаю. Еще с 1937 года в Синьцзяне действовала трасса Сары-Озек – Ланчжоу, проходившая и через Урумчи, по которой шли поставки военного снаряжения китайскому правительству. Общее руководство переброской грузов осуществлялось из Алма-Аты. Часть снаряжения перебрасывалась в 1937–1939 годах и морским путем из Одессы в порты Индокитая и далее в центральные районы Китая автомобильным транспортом. Для финансирования поставок СССР и Китай подписали договор об открытии кредитной линии объемом 50 миллионов долларов на 5 лет. Уже в 1938 году Китай воспользовавшись этим кредитом получил оружия на 27 миллионов долларов [17, с. 67]. Начиная с 5 июля 1938 года по 1 сентября 1939 года по этим контрактам были доставлены в Китай 320 самолетов и комплекты оборудования к ним, 2420 пулеметов и 5 миллионов патронов к ним и 200 полевых пушек [18, с. 131]. 1 июля 1938 года было подписано второе соглашение о предоставлении кредита на 50 миллионов долларов и 13 июня 1939 года третье соглашение на 150 миллионов долларов. В итоге с октября 1937 года по сентябрь 1939 китайская сторона для борьбы с японским агрессором получила из Советского Союза 985 самолетов, 82 танка, более 1300 орудий, свыше 14 тысяч пулеметов [19, с. 75].

16 июня 1938 года был подписан советско-китайский торговый договор на 3 года, предусматривавший режим наибольшего благоприятствования в торговле. В Москве при посольстве Китая было открыто торговое представительство, регулировавшее всю торговую деятельность на территории СССР [18, с. 428]. Договор активно применялся и по нему количество поставленных из СССР автомашин и тракторов в Китай составило 1850 штук, 1235 самолетов, 16000 орудий разных калибров [18, с. 431].

Поставки техники обеспечили Китаю возможность сопротивляться японской агрессии намного более активно, но техника требовала навыков обслуживания [20]. Проблемы возникли и в управлении войсками. Поэтому особую роль приобрели советские военные советники на территории Ки-

тая. Первая группа советских военных советников и специалистов (27 человек) прибыла в Китай в конце мая – начале июня 1938 года (к октябрю 1939 года их число возросло до 80). Тогда же, в мае 1938 года, после отъезда немецкой миссии генерала Фалькенхаузена (оказывавшей военную помощь Китаю в 30-е годы), на пост главного военного советника китайской армии был назначен комкор М.И. Дратвин, который прибыл в Китай еще в конце ноября 1937 года в качестве военного атташе при посольстве СССР и оставался им до августа 1938 года [21]. В конце 1939 года в различных родах войск в качестве советников уже работали 80 человек, в том числе, в соединениях сухопутных войск и штабах – 27, в артиллерии – 14, в саперных войсках – 8, в частях связи – 12, в химических частях – 2, в службе тыла и транспорта – 3, в медслужбе – 2.

В эти годы главными военными советниками являлись А.И. Черепанов (август 1938 – август 1939 гг.), К.М. Качанов (сентябрь 1939 – февраль 1941 гг.), В.И. Чуйков (февраль 1941 – февраль 1942 гг.). В.И. Чуйков одновременно являлся и советским военным атташе. В 1938–1940 гг. военными атташе при посольстве СССР в Китае были Н.П. Иванов и П.С. Рыбалко. Всего в Китае работало свыше 300 военных советников и более 5000 специалистов [22, с. 24]. Среди них – будущие маршалы Советского Союза П.Ф. Батицкий и В.И. Чуйков, маршалы родов войск П.С. Рыбалко, П.В. Рычагов, П.Ф. Жигарев, К.П. Козаков, генералы М.И. Дратвин, А.Н. Боголюбов, А.Г. Рытов, А.Я. Калягин, А.И. Черепанов, Р.И. Панин, И.П. Алферов, Г.И. Тхор, М.И. Блохин, Н.В. Славин и другие. К 1939 году был сформирован устойчивый штат советников и специалистов, оказывавший помощь Китаю как на фронте так и в тылу. Усилиями военных советников были разработаны сотни оборонительных и наступательных операций (Наньчанскую, Уханьскую, Чаншаскую, Ичанскую). Ситуация на фронте была принципиально изменена, что вместе с переориентацией Японии на иные внешнеполитические задачи привело к снижению военных успехов японских войск и активности ведения ими боевых действий. Всего под руководством советских специалистов в Китае прошли переобучение и подготовку 90000 человек [23, с. 171].

В августе 1939 года советские военные специалисты помогли Китаю открыть в Инине (Синьцзян) авиашколу. До середины 1940 года здесь про-

шли подготовку под руководством советских инструкторов 328 человек летного состава. Подготовка летчиков продолжалась в 1940–1941 годах. Часть китайских летчиков прошла непосредственное обучение в Советском Союзе. Так, в 1938 году в советских авиашколах обучалось 200 китайских летчиков, в 1939 году – 1045 летчиков и 8354 авиатехников. Был построен и авиазавод для пополнения китайских военно-воздушных сил [24, с. 97–101]. В период 1937–1940 годов при содействии советских военных специалистов в Урумчи была открыта и работала школа по подготовке командных кадров для частей и соединений Вольной армии. Советское оружие и военное снаряжение позволило переформировать китайскую армию. Уже к началу 1938 года китайская авиация насчитывала три авиагруппы, из них две были полностью вооруженные самолетами из Советского Союза. В начале и в разгар антияпонской войны Китая Советский Союз поставил Китаю 1285 самолетов, в том числе 777 истребителей, 408 бомбардировщиков и 100 учебных самолетов. Истребители были представлены в основном самолетами И-15, И-16. С 1937 по 1941 год истребители И-16 были главной силой китайской авиации [25].

Среди 408 поставленных Китаю бомбардировщиков было 30 самолетов ДБ-3, 328 средних бомбардировщиков СБ-2 и 50 тяжелых бомбардировщиков ТБ-3. Для них было поставлено всего 215 тысяч авиабомб. Были созданы вооруженные советскими орудиями артиллерийские части. В помощь Китаю было поставлено 1600 пушек различного калибра и 2 миллиона снарядов к ним. В 1938 году китайское правительство сформировало единственный в то время в Китае бронетанковую часть (советник майор Чесноков). СССР поставил Китаю 82 танка, в основном Т-26. Большая группа советских летчиков-добровольцев Указом Президиума Верховного Совета СССР была награждена орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды. 16 ноября 1938 года «Правда» напечатала Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении 14 летчикам звания Героя Советского Союза и награждении орденами за проявленное мужество и славные боевые заслуги советских летчиков-добровольцев, воевавших с японскими агрессорами в Китае. С 1937 по 1941 год на территории Китая воевали в боевых частях более 3,5 тысяч советских добровольцев [26]. Из них погибли 211 человек. Они похоронены в 20 с лишним населенных пунктах

страны. Правительство и местные власти Китая поддерживают памятники и захоронения советских воинов, отдавая должное их героизму и мужеству в защите Китая.

Китайское правительство отдавало себе отчет в значимости для их страны советской помощи. 27 марта 1940 г. Чан Кайши направил И.В. Сталину письмо, в котором сообщал о назначении в Москву нового посла – Шао Лицзы – и выражал благодарность СССР за сочувствие и помощь китайскому народу. В первой половине 1940 года официальные лица Китайской Республики неоднократно направляли руководителям СССР послания, в которых благодарили за помощь и высказывали надежду на ее продолжение. Оказывал СССР и помощь в налаживании взаимоотношений гоминдановского правительства и Коммунистической партии Китая, которые были крайне сложными [27, с. 166–168]. 16 октября 1940 г. в письме Чан Кайши И.В. Сталин писал, что в сложной и противоречивой международной обстановке главной задачей Китая является сохранение и укрепление китайской национальной армии: «Национальная китайская армия есть носитель судьбы, свободы и независимости Китая. Если Ваша армия будет сильна, Китай будет неуязвим» [28, с. 18–29].

После подписания 13 апреля 1941 года советско-японского договора о нейтралитете у руководства Китая ещё оставалась слабая надежда на то, что Япония вслед за Германией всё-таки нападёт на Советский Союз. Это бы привело к его вступлению в войну на Дальнем востоке и изменило бы там расклад сил. 2 июля 1941 года гоминдановское правительство выступило с заявлением о разрыве дипломатических отношений с Германией и Италией и о присоединении Китая к антифашистскому блоку государств. Однако официального объявления войны Японии со стороны гоминдановского правительства не последовало. Вместе с тем, в китайской печати подчеркивалась твердая решимость Китая продолжать сопротивление агрессору.

Советское правительство продолжало отрицательно относиться к предложению китайского правительства о заключении пакта о взаимопомощи, которое то предлагало с 1938 года. Равным образом, было отклонено и неоднократное предложение правительства Китая о заключение пакта о взаимопомощи на случай нападения Японии на СССР, выдвинутые в июле–ноябре 1941 года. 8 декабря 1941 года Чан Кайши вручил советскому

послу декларацию, в которой выражалась надежда, что СССР вступит в войну с Японией, а также содержалось заявление о готовности Китая вступить в войну против «держав оси». 8 декабря 1941 года Чан Кайши выступил так же перед официальными представителями США и Англии с предложением выработать общий план военных действий в зоне Тихого океана. Он настаивал на подписании военного пакта между Китаем, США, Англией, Голландией и Советским Союзом. 12 декабря 1941 года Советское правительство официально отклонило предложение Чан Кайши. СССР справедливо опасался, что взаимные обязательства, в том числе военного характера, с Китаем приведут к войне между Советским Союзом и Японией, что не входило в планы советского руководства до 1941 год. И уж тем более это стало не возможным после нападения фашистской Германии на СССР 22 июня 1941 года. Война на два фронта одновременно (с Германией и Японией) не устраивала СССР ни при каких обстоятельствах. Однако 30 декабря 1941 года вице-министр иностранных дел Китая Фу Бинчан сделал заявление, из которого следовало, что китайское правительство заинтересовано в советско-японской войне и что оно глубоко верит в ее неизбежность [29], что прямо задевало интересы СССР. К концу 1942 года надежда на продолжение сотрудничества с официальным правительством Китая по вышеперечисленным причинам становилась всё более призрачной. После нападения Японии на США 7 декабря 1941 года в Китай начали прибывать и американские военные миссии (С. Мэгрудера, Л. Кэрри и др.), в китайской армии появились советники из США. Одновременно, все более четко стала проявляться внешнеполитическая ориентация гоминдановского руководства на США [30, с. 94–97]. В этих условиях, дополняемых тяжелой ситуацией на советско-германском фронте, Советское правительство приняло решение об отзыве советских военных советников из Китая в феврале 1942года [31]. Еще раньше, в 1941 году, в СССР были отозваны и советские летчики.

Итогом советско-китайских отношений накануне Второй мировой войны стало сохранение возможности правительства Китая сопротивлению японской агрессии, что сделало возможным присоединение Китая к державам победительницам в войне. В этот период СССР значительно увеличил свое влияние как на внутреннюю политику Китая, так и влияние на отдельные регионы Китайской республики. Вместе с тем, понимая ограни-

ченные возможности советского правительства в дипломатических маневрах, вызванных нежеланием втягиваться в военное противостояние с Японией, можно констатировать, что советская дипломатия так и не смогла преодолеть противоречия во взаимоотношениях компартии Китая и Гоминдана, что привело к снижению влияния СССР, в дальнейшем, на нанкинское правительство. Это обусловило рост влияния США в Китае в годы Второй мировой войны и необходимость для СССР выбрать иные способы взаимодействия с Чан Кайши и его окружением, опираясь в большей степени на свои возможности в рамках антигитлеровской коалиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аблова Н.Е.** История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). – Минск.: БГУ, 1999. – 316 с.
2. **Мировицкая Р.А.** Советский союз в стратегии Гоминдана (20–30-е годы). – М.: Наука, 1990. – 237 с.
3. **Тихвинский С.Л.** Путь Китая к объединению и независимости 1898–1949 гг. / С. Тихвинский. – М.: Восточная литература, 1996.
4. **Галенович Ю.М.** Цзян Чжунгжэн, или Неизвестный Чан Кайши / Ю. Галенович. М.: Муравей, 2000. 368с.
5. **Тихвинский С.Л.** Дипломатия: исследования и воспоминания. – Москва: Институт Российской Истории РАН, 2001.
6. **Шматов В.Г.** Роль Советского Союза в «оздоровлении» социально-экономической жизни провинции Синцзян (1934–1937 гг.) // 2013. № 6(43). С. 444-446
7. Русско-китайские отношения в XX в. Т. III. Советско-китайские отношения в 1932 – нач. 1937 гг. М.: Изд-во ПИМ, 2010. 850 с.
8. **Тихвинский С.Л.** Избранные произведения. Кн. 4. Отечественная и всемирная история. – М.: Наука, 2006.
9. **Соколов В.В.** «Забытый дипломат» Д.В. Богомолов (1890–1938) // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С.165-195.
10. **Усов В.Н.** Советская разведка в Китае. 30-ые годы XX века. – М.: «Товарищество научных изданий КМК», 2007.
11. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
12. Русско-китайские отношения в XX веке. Том IV : Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2000.
13. **Garver J.W.** Chiang Kai-shek's Quest for Soviet Entry into the Sino-Japanese War // Political Science Quarterly. 1987. Vol. 102, № 2.

14. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. – М.: Воениздат, 1975.
15. Китай в период войны против японской агрессии (1937–1945) / Отв. ред. В.И. Глупин. – М.: Наука, 1988.
16. Международные отношения на Дальнем Востоке (1840–1949) / Под ред. Е. М. Жукова. – М.: Политиздат, 1956.
17. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. – М.: Воениздат, 1975.
18. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем / М. Сладковский. – М.: Внешторгиздат, 1957.
19. История второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. – М.: Воениздат, 1974.
20. Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза 1936–1939 гг. – М.: Наука, 1987. – 335 с.
21. Варганов В. Н. Операция "Z": Советские добровольцы в антияпонской войне китайского народа в 30–40-е гг. – М.: Ин-т воен. истории МО РФ, 1992. – 160 с.
22. По дорогам Китая, 1937–1945: Воспоминания советских военных советников и специалистов. – М.: Наука, 1989.
23. Бородин Б. А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937–1941 / Б. Бородин. – М.: Мысль, 1965.
24. Шматов В. Г. «Советские крылья» китайской авиации (о строительстве и деятельности авиасборочного завода в Синьцзяне в 1938–1941 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-1 (80). С. 097-101.
25. Воспоминания советских добровольцев 1925–1945. Сост. и отв. ред. Ю. Чудодеев. – М. Наука, 1974. – 372 с.
26. Галенович Ю. М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 1: От октября 1917 г. до октября 1949 г. – М.: ИДВ, 1992. – 170 с.
27. СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. Отв. ред. В. В. Наумкин. – М.: Институт востоковедения РАН, 2010.
28. Мировицкая Р. А. Советский Союз и Китайская Республика. 1930-е годы, проблемы внутривосточной стабильности в Китае / Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. – М.: ИДВ РАН, 2012.
29. Каткова З. Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны (1937–1945) / З. Каткова. – М.: Наука, 1978. 240 с.
30. Ополев В. Г. Роль Чан Кайши в Советско-Китайских отношениях (вопросы отечественной историографии) // Омский научный вестник. 2007. № 4 (58). С. 31-34
31. Мировицкая Р. А. Китайская государственность и советская политика в Китае: Годы Тихоокеанской войны, 1941–1945. М.: Памятники ист. мысли, – 1999. – 311 с.

УДК 94(47)084.1

К. Е. Нетужилов

ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА (1937–1945) В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

История японо-китайской войны (1937–1945) или, как принято ее именовать в китайской историографической традиции «Восьмилетней войны сопротивления Японии» изучена в нашей стране достаточно подробно. Существует большое количество специальных работ отечественных историков, посвященных данной теме, среди которых следует упомянуть монографии А.М. Дубинского, З.Д. Катковой, Р.А. Мировицкой, Б.Г. Сапожникова и др. [1–4] Между тем, данная тема не потеряла актуальности. Японо-китайская война стала важным информационным поводом, который позволил советской периодической печати широко освещать развитие событий в Китае по упрощенной формуле военного противостояния, не путаясь больше в достаточно сложном и противоречивом взаимодействии различных сил политического процесса «нанкинского десятилетия» (1928–1937) (что порождало тогда определенную «волнообразность» в его оценках). Не будет преувеличением предположение о том, что именно в первые годы этой войны, благодаря обширному информационному и пропагандистскому воздействию, советская периодическая печать впервые сформировала у миллионов граждан СССР устойчивые представления о Китае.

Данная статья посвящена описанию результатов анализа содержания двух крупнейших советских органов периодической печати – ежедневных центральных газет «Правда» и «Известия» за период с 1937 по 1945 гг. на предмет отражения ими событий японо-китайской войны.

Газета «Правда» являлась официальным изданием ЦК ВКП(б), газета «Известия Советов депутатов трудящихся СССР» издавалась Верховным Советом СССР. По-существу, это были две главные советские газеты, отражавшие официальную точку зрения руководства страны в том виде, в котором считалось необходимым и достаточным доносить ее до широких

масс населения. Обе газеты были рассчитаны на массового читателя, выпускались огромным тиражом и были не только полностью доступны для населения, но и фактически обязательны для большинства социальных групп. «Правда» и «Известия» были главными инструментами в деле информирования советских людей о международных событиях и формировании картины мира. Обе газеты являлись ориентиром для местной периодической печати, для многочисленных агитаторов, пропагандистов и лекторов, освещающих международное положение.

Методом механической выборки был осуществлен контент-анализ газетных материалов, размещенных в «Правде» и в «Известиях» в период с 1937 по 1945 гг.

Весь массив публикаций, тематическая направленность которых связана с японо-китайской войной, распределен по отдельным годам неравномерно. Максимальное количество публикаций приходится на 1938 г., минимальное на 1944 г. Приведенная ниже таблица иллюстрирует динамику публикаций на тему японо-китайской войны за весь ее период:

	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
«Правда»	508	763	642	601	330	194	131	98	158
«Известия»	379	414	325	345	279	119	94	85	146

Нетрудно заметить, что с началом Великой Отечественной войны количество публикаций, посвященных войне в Китае резко сократилось и продолжало сокращаться с каждым годом. Безусловно, это стало следствием доминирования на страницах печати темы советско-германского противостояния. Но отчасти это связано и с ухудшением отношений между СССР и Китаем ввиду значительного сокращения советской военной помощи и взаимной торговли. Из-за тяжелого положения на фронте Москва была не в состоянии поддерживать прежний уровень военных поставок. Чан Кайши опасался победы Германии и неизбежного затем усиления Японии на Дальнем Востоке [5, с. 245]. В это же время начинается активная поддержка Китая со стороны США. В СССР старались не задевать лишней раз Японию, дорожа договором о ненападении. Некоторое увеличение количества публикаций фиксируется только во второй половине 1945 г. в связи с объявлением СССР войны Японии.

Обычно материалы о японо-китайской войне располагались на пятой полосе в «Правде» и на второй полосе в «Известиях», где в данных газетах традиционно были разделы посвященные обзору международной политики. Иногда, в случае чрезвычайных обстоятельств, публикации выносились и на первую полосу. Так было, например, в период военного конфликта между СССР и Японией у озера Хасан в 1938 г., когда сообщения о боях в Китае в виду их большей актуальности в данный момент размещались на первой полосе.

В течение 1937–1938 гг. тема японо-китайской войны находилась в центре внимания центральной печати и занимала ежедневно в среднем около $\frac{1}{4}$ полосы, уступая в объеме лишь теме гражданской войны в Испании, которая доминировала в эти годы на страницах советских газет в разделе международных отношений. Начиная с 1939 г. размер рубрики постепенно уменьшился в среднем до $\frac{1}{8}$, а с 1941 г. до $\frac{1}{16}$ и $\frac{1}{32}$ полосы.

Основным жанром публикуемых материалов на протяжении всего периода была текущая хроника военных действий, для чего в обеих газетах существовали постоянные дублирующие друг друга рубрики под заголовком «Военные действия в Китае». Текущая хроника часто сопровождалась публикацией поясняющих карт-схем. Качество этих схем чаще всего было невысоким ввиду их произвольного масштабирования и плохой печати. Дополнительную трудность для массового малообразованного читателя представляли многочисленные незнакомые географические названия, упоминание которых почти никогда не сопровождалась привязкой к известным ориентирам. Позже, с началом военных действий между США и Японией в 1941 г. название рубрики изменилось, она стала называться «Японо-китайская война» и превратилась в подраздел отдельного постоянного блока материалов «Война на Тихом океане». С этого времени в ней размещались лишь сухие сводки о боевых действиях, часто с пометкой «замедленно доставкой».

Подавляющее большинство публикаций осуществлялось без указания их авторства, имея лишь пометку «ТАСС». При этом количество корреспондентов ТАСС в Китае в течение всей войны было ничтожно мало, а корреспондентов, работавших там было всего несколько человек, среди которых самый известный П.П. Власов (Владимиров), кадровый разведчик,

дневники которого позднее были опубликованы [6]. В силу этого обстоятельства сотрудниками редакций широко использовалось привлечение сообщений иностранных телеграфных агентств – Дейли Телеграф, Рейтер, Лондон-ньюс, Централ-ньюс, Эко де Пари и др. Достаточно часто встречаются материалы, помеченные ссылкой на японское телеграфное агентство Домей Цусин. Необходимо заметить, что японская военная администрация на китайской территории создавала препятствия для деятельности иностранных корпунктов. Об этом позволяет судить выписка из письма В.Н.Рогова руководству ТАСС при СНК СССР. В.Н. Рогов – профессиональный китаист, в 1937–1940 гг. работавший в Шанхае, Нанкине и Чунцине в качестве корреспондента ТАСС и писавший для «Правды» и ряда других газет. По его словам, японские власти в Шанхае и Нанкине препятствовали почтово-телеграфному сообщению с СССР и обязали советские корпункты пересылать корреспонденцию в Москву только через Токио. По словам В.Н. Рогова: «Работать через Токио будет невозможно, т.к. они безбожно задерживают телеграммы и не несут за это никакой ответственности» [7, с. 60]. Кроме того, все пересылаемые телеграммы подлежали теперь обязательной проверке японской военной цензурой и поэтому должны были составляться не на русском, а на английском языке. Это обстоятельство и задерживало доставку телеграмм в СССР на несколько дней, о чем сказано выше.

Время от времени, особенно в первый период войны (1937–1938), в газетах размещались обзорно-аналитические статьи. Их авторами, как правило, были штатные сотрудники международных отделов редакций. Наиболее часто встречаются имена Г. Анбора, Л. Перова, П. Крайнова и других известных советских журналистов- международных работников того времени. Характерно, что среди авторов вообще не было профессиональных востоковедов – китаистов и японистов (Г. Анбор, например, был специалистом по истории международного, главным образом, английского рабочего движения), но не следует забывать, что именно в эти годы отечественное востоковедение понесло тяжелейшие потери в результате репрессий. В 1938–1939 гг. автором ряда статей обзорного характера в «Правде» выступил постоянный представитель компартии Китая в Исполнительном комитете Коминтерна Чжен Лин.

9 мая 1938 г. в «Правде» была опубликована большая статья Чжен

Лина «Что означает лозунг затяжной войны в Китае». К этому времени японская армия уже одержала ряд важных тактических побед. Автор статьи указывал, что Япония вооружена новейшей военной техникой, обладает мощными воздушными и морскими силами. Но живая сила ее армии ограничена, ощутим дефицит военного сырья, промышленность не справляется с требованиями войны. При этом Китай – страна отсталая в экономическом отношении, у него нет современных вооружений. Но, с другой стороны, Китай на порядок превосходит Японию по площади территории, по естественным богатствам; население Китая насчитывает 450 млн. человек, а Японии 70 млн. Затяжная война неизбежно истощит Японию, а Китай, наоборот, укрепиться. Обширность театра военных действий, недостаток путей сообщений, сложный рельеф местности – идеальные условия для сочетания действий регулярной армии и партизанского движения. Завершалась статья характерным для советского издания этого периода заверением об укреплении и сплочении всех сил Китая после «очищения страны от троцкистских бандитов и предателей нации» [8, с. 5]. Судя по неоднократному цитированию Мао Цзе-дуна, статья Чжен Лина представляет собой адаптированный для советского читателя пересказ одного из его выступлений того времени. Основные положения статьи Чжен Лина в дальнейшем широко использовали в обзорных статьях этого периода советские авторы. Характерно, что в самом СССР незадолго до этого времени доктрина массовой партизанской борьбы в случае вражеской агрессии была объявлена вредительской.

Общий тон обзорно-аналитических публикаций указывал, что симпатии советских людей безусловно должны были быть на стороне Китая. Достигалось это без каких-либо упоминаний о советско-китайских договоренностях, военном сотрудничестве (о них, кстати, не сообщалось в печати вообще ничего). Стойкое отношение к участникам военного конфликта формировалось среди читателей благодаря постоянному использованию характерных для советской печати пропагандистских клише. Так, если речь шла о Японии, то говорилось о «японской военщине», «японском агрессоре», «грабительской политике японских захватчиков» и т. п. Уже в первые дни войны «Правда» обозначила Японию как «военно-фашистское государство» [9, с. 5]. Соответственно, обращаясь к Китаю, авторы публикаций не скупались на газетные штампы другого рода (типичный пример: «Ки-

тайский народ воодушевлен горячим желанием защитить свою родную землю от посягательства чужеземного агрессора»).

С началом японо-китайской войны в советской периодической печати было наложено негласное табу на любую критику правительства Гоминьдана. Если еще совсем недавно, на рубеже 20–30-х гг. применительно к нанкинскому правительству в газетах употреблялись достаточно жесткие штампы, т. к. положительным героем, посвященных Китаю публикаций была только китайская компартия. Теперь же о правительстве Гоминьдана писалось нейтрально или благожелательно. О прежнем противостоянии вооруженных сил Гоминьдана и Коммунистической партии Китая в советских газетах в это время не вспоминали. В сентябре 1937 г. Гоминьдан и КПК заключили соглашение о единстве действий, по условиям которого отряды КПК становились 8-й и 4-й армиями гоминьдановских войск, КПК прекращала борьбу с Гоминьданом, а Гоминьдан разрешал КПК легально работать в Китае. 1 июля 1938 г. был создан Национально-политический совет, объединивший представителей разных политических партий Китая. Таким образом, был создан антияпонский блок, основу которого составили Гоминьдан и КПК. В советских газетах об этих важных изменениях китайского политического ландшафта ничего не сообщалось. Зато уделялось много внимания пропаганде идеи национального единства китайского народа перед лицом военной опасности. Однако Гоминьдан и КПК не отказались полностью от борьбы друг с другом. Уже в конце 1939 г. Гоминьдан, обеспокоенный быстрым ростом вооруженных сил компартии, попытался оказать на нее силовое давление. Гоминьдановские войска блокировали базы КПК, прекратилось снабжение 4-й и 8-й армий. Вследствие этого советское правительство временно приостановило военные поставки. В январе 1941 г. между гоминьдановскими и коммунистическими войсками произошёл вооружённый конфликт, который поставил союз двух партий на грань развала. Со своей стороны КПК в 1941 г. приказала своим отрядам временно прекратить активную борьбу с японцами. Это вызвало серьезный дипломатический демарш со сторон СССР, который сразу отразился на тональности газетных публикаций – они стали значительно суше. А после того, как 13 апреля 1941 г. был заключен советско-японский пакт о нейтралитете из советских газет практически полностью исчезла прежняя ан-

тияпонская риторика, публикации ограничивались теперь сводками военных действий.

В газетах регулярно печатались официальные сообщения китайского руководства: заявления нанкинского правительства, тексты выступлений главы национального правительства Цзян Чжун-чжэна (Чан Кай-ши), министра иностранных дел Го Тай-ци, генерала Сун-Чже-Юаня и других. Необходимо заметить, что публиковались не оригинальные тексты выступлений и обращений, а их отредактированные пересказы с включенными авторскими фрагментами, что позволяло редакции не только экономить место в газете, но и расставлять по своему усмотрению необходимые акценты. Так, например, в конце 1938 г. «Правда» опубликовала заявление Чан Кай-Ши, в тексте которого авторская речь составляла лишь несколько процитированных строк [10, с. 6]. Исключение делалось лишь для публикации протокольных документов – поздравительных и ответных телеграмм к памятным датам СССР и Китая за подписью М.И. Калинина и Чан Кай-ши.

Отдельного упоминания заслуживает кажущаяся теперь несколько курьезной ситуация с двойным именем главы национального правительства Китая. Советские газеты именовали его то Чан Кай-Ши, то Цзян Чжун-чжэн, причем нам не удалось выявить ни одного указания, что речь идет об одном и том же лице. У мало осведомленного в традициях китайской культуры массового советского читателя не могло не возникнуть недоумения по этому поводу.

На страницы газет принципиально не попадали материалы, связанные с советско-китайским дипломатическим, экономическим и военным сотрудничеством – это сотрудничество было засекречено и советским читателям ничего о нем не сообщалось. Но практически каждый важный эпизод сближения СССР и Китая поддерживался информационно-пропагандисткой компанией на страницах газет. Так, например, когда 14 сентября 1937 г. в Москве завершились переговоры китайской делегации с руководством НКО СССР и был заключен договор о поставках в Китай военной техники и снаряжения за счет будущих кредитов (с обязательным условием передачи 1/5 части оружия КПК), в постановлении ЦК по этому поводу содержалось решение не упоминать в печати о военной помощи Китаю, о советских инструкторах и советниках в частях китайской

армии. При этом «Правда» на следующий день разместила обширную подборку материалов под общим заголовком «Расширение японской агрессии в Китае». Более половины полосы было отведено под вошедшие в данную подборку статьи «Начало военных действий в Шанхае», «Нанкин призывает к борьбе», «Подробности боев у Нанкоу».

Время от времени, хотя и достаточно скупо, газеты публиковали и фотоматериалы. Первоначально они предоставлялись в редакции государственным трестом «Союзфото», имевшим с середины 1920-х гг. собственную сеть представительств по всему миру. Но в октябре 1938 г. между редакцией «Известий» и трестом «Союзфото» возник открытый конфликт в связи с грубой ошибкой при публикации фотографий из Китая. 2 октября 1938 г. в «Известиях» была опубликована фотография командующего 8-й китайской армией Чжу Дэ. На следующий день газета была вынуждена извиниться перед читателями, т. к. оказалось, что на фотографии изображен другой китайский военачальник – командующий 3-й армией Чжу Пей-дэ, умерший за полгода до этого. «Известия» отметили «возмутительную расхлябанность и беспечность в аппарате «Союзфото», вводящего в заблуждение редакции газет, а следовательно, и миллионы советских читателей». В дальнейшем советские газеты стали чаще размещать на своих страницах фотографии, перепечатанные из ведущих иностранных газет с обязательной на них ссылкой. При этом на фотографиях редко фигурировали поддающиеся строгой идентификации герои, фотографии обычно отражали события типа «Бойцы китайской армии на марше», «Партизанский отряд на привале» и т. п. В случае публикации портретных снимков, герой представлялся без указания идентификационных данных (например, под фотографией женщины в военной форме подпись: «Политработник одного из подразделений китайской армии» и т. п.).

В заключение, подводя итоги, следует признать, что отражение событий японо-китайской войны, тон и характер публикаций в советской периодической печати соответствовали общей политической культуре СССР 1930–1940-х гг. и присущей ей информационной модели. Советские средства массовой информации лишь отчасти воспроизводили реальную политическую ситуацию. Создаваемые печатью образы Китая были больше связаны с советской идеологией того времени, а также, отчасти, с внешнепо-

литическим курсом советского правительства и вытекающими из него задачами чем с реальным положением вещей. В значительной степени положительный образ Китая служил противовесом отрицательному образу врага (Японии).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Дубинский А.М.** Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937-1945 гг. – М., 1980.
- 2. Каткова З.Д.** Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны (1937–1945). – М., 1978.
- 3. Мировицкая Р.А.** Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30 гг.). – М., 1990; Китайская государственность и советская политика в Китае: 1941–1945 гг. – М., 1999.
- 4. Сапожников Б.Г.** Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937-1941). – М.: Наука. 1970.
- 5. Мировицкая Р.А.** Китайская провинция Синьцзян в советско-китайских отношениях (1930–1940-е годы) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2010. № 15. С. 237-247.
- 6. Владимиров П.П.** Особый район Китая. 1942–1945. – М.: Агентство печати «Новости», 1973.
- 7. Цит. по: Хохлов А.Н.** Журналист-китаист В.Н.Рогов в Китае в период антияпонской войны 1937–1945 гг. // Восточный архив. 2007. № 16. С. 56-65.
- 8. Чжен Лиин.** Что означает лозунг затяжной войны в Китае // Правда.1938, 09.05.
- 9. Анбор Г.** Уроки Люкоуцзяо // Правда. 1937. 25.07.
- 10. Крепнет в борьбе с агрессором мужество китайского народа. Заявление Чан Кай-ши** // Правда. 1938. 30.12.

УДК 94(47).084.8

Е. А. Самыловская, К. Ю. Эйдемиллер

**АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ «РЕЙХСКОМИССАРИАТА
КАВКАЗ» И «РЕЙХСКОМИССАРИАТА ТУРКЕСТАН»:
ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР**

Третий Рейх, как государственное образование, даже по историческим меркам, просуществовал символическое количество времени (с 16 августа 1934 г. по 23 мая 1945) г., но след, оставленный этим государством в мировой истории совершенно не пропорционален тем считанным годам, за которые это образование было создано и уничтожено мировым сообществом. Под основу его создания, была разработана и взята на вооружение доктрина административно-территориального построения т.н. «Тысячелетнего Рейха», с его экспансией на сопредельные территории от Северной Африки до Восточного Туркестана, и от Скандинавии до региона Судано-Сахеля. Исключительно силой одного лишь оружия подчинить себе столь огромные территории не представлялось возможным ни тогда, ни даже в настоящее время. По этой причине, одним из главных инструментов при строительстве будущего государства должна была стать дифференцированная пропаганда. Исходя из этих соображений, политическим руководством Третьего Рейха были разработаны две друг друга взаимодополняемые программы – «Жизненное пространство на Востоке» (нем. Lebensraum im Osten) по линии Архангельск-Астрахань (нем. AA-Linie) и политика территориально-политической экспансии Третьего рейха на территории, где планировалось ставить у власти марионеточные режимы. Обе программы перекликались между собою, но с геополитической точки зрения отличались друг от друга, поскольку программа по организации «Жизненного пространства на Востоке» воспринималась как создание территорий, пригодных для заселения и жизни гипотетических колонистов, в то время как другая

программа должна была создать ряд союзно-санитарных буферных государств-территорий, целью которых было ограждение по суше «земли фольксдойче» преимущественно от «азиатских орд и набегов прочих варваров».

«Слово» как «мягкая сила» стало играть ведущую роль в становлении нацистской власти на оккупированных ею территориях во время Второй мировой войны (ВМВ). Грамотно построенная политическая пропаганда, ставила упор на конкретные административные инструменты, которые позволяли решать поставленные геостратегические и геополитические вопросы первостепенной важности: прежде всего те, что были связаны с контролем территорий, мобилизационным потенциалом и т.п., оперируя и опираясь прежде всего на свои собственные внутренние ресурсы и резервы. Процесс духовного коллаборационизма и реакции на него захлестнул практически все территории, попавшие под нацистскую оккупацию, вне зависимости от их доминирующей религиозной и идеологической принадлежности и идентичности. Как это происходило на оккупированных территориях СССР, было пространно раскрыто в трудах отечественных историков Б.Н. Ковалёва [4; 5], С.В. Кулика [5; 6; 7] и др.

Инструмент нацистской пропаганды, в качестве мягкой силы был направлен по всему географическому радиусу, но наиболее активно он действовал по вектору в тех территориях, где был особенно высок градус националистических настроений. В этом спектре хотелось бы выделить регионы с преимущественно католическим и мусульманским населением, а также регионы с компактным проживанием смешанного населения, в которых чаще всего присутствовали и были в последствии задействованы оба этих фактора. Идеологи Третьего Рейха искренне верили в то, что ими созданный уникальный инструмент нацистской пропаганды способен превратить разрозненные, зачастую разобщённые и разделённые регионы в части единого «Тысячелетнего рейха» или сделать их его сателлитами.

В качестве успешных примеров такого плодотворного сотрудничества на Балканах, можно отметить создание из местного населения оккупированных территорий особых мусульманских подразделений, входивших в составе СС. При непосредственной поддержке муфтия Иерусалима А. аль-Хусейни и лично А. Гитлера, были созданы такие подразделения, как 13-я горная дивизия СС «Ханджар» (1-я хорватская), 23-я горная дивизия СС

«Кама» (2-я хорватская), Восточно-тюркское соединение СС и мн. др. Таким же образом и по тому же шаблону, при прямом благословении части клира католической церкви, создавались особые национальные дивизии СС, такие как: 28-я добровольческая танко-гренадерская дивизия СС «Валлония» (1-я валлонская) или 14-я ваффен-гренадерская дивизия СС «Галиция» (1-я галицийская/украинская). Заметим, что католическая церковь во многом была обязана фашистам и их сателлитам, поскольку именно при фашистском режиме Б. Муссолини по Латеранским соглашениям от 11 февраля 1929 г. Ватикан, состоялся как государство [11, p. 461].

В отличие от той национальной политики, какую декларировала СССР, применение «мягкой силы» со стороны нацистской Германии в регионах, населённых преимущественно мусульманским населением, было направлено на развитие не национального, а прежде всего религиозного, в данном конкретном случае исламского фактора. Фактора исламской идентичности индивида. Самым ярким и наиболее успешным примером подобного симбиоза нацистской идеологии и религиозного фактора может служить пример режима Усташей в Независимом государстве Хорватия, когда 6 июля 1941 г. министр культуры и образования правительства А. Павелича, М. Будак объявил, что усташа признали боснийских мусульман частью НГХ. Позднее в 1974 г. тоже самое сделал И.Б. Тито продолжая свой социалистический эксперимент по созданию «единой общности югославской нации» в отношении мусульманского населения Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), закрепил за боснийскими мусульманами в югославской конституции 1974 года статус ««мусульманской нации» федеративной республики» [10, с. 78–79]. Возвращаясь же к нацистской политике по формированию административно-территориального деления, необходимо особо отметить тот факт, что конечной целью Третьего Рейха было создание на оккупированной территории или на территории предполагаемой оккупации уникальной административно-территориальной единицы, которая, по истечению определённого срока времени, должна была быть переформатирована в унитарную административно-территориальную единицу либо в качестве части самого Третьего Рейха, либо его союзника.

Несмотря на то, что на некоторых территориях военные или гражданские администрации нацистов и их сателлитов присутствовали считан-

ные месяцы или существовали в исключительно виртуальном виде на дистанционном управлении, так и оставшись в деле на бумаге под сукном, их проекты даже после падения и безоговорочной капитуляции Третьего Рейха в ходе ВМВ, продолжали жить своей, уже собственной жизнью, получая своё развитие исходя из внутреннего движения исторического процесса на уже заблаговременно созданном местными националистами и европейскими нацистами фундаменте. Примером такого рода сугубо гипотетических и виртуальных административно-территориальных образований на мусульманских территориях могут служить «Рейхскомиссариат Кавказ» и «Рейхскомиссариат Туркестан», которые ниже, в настоящей статье мы разберём более подробно и детально.

Рейхскомиссариат Кавказ (нем. *Reichskommissariat Kaukasus*) – предполагаемое автономное генерал-губернаторство (рейхскомиссариат) в составе Третьего Рейха. Его столицей планировали сделать грузинский город Тбилиси. Административно-территориально должен был состоять из принадлежавших СССР на момент начала войны земель Северного и Южного Кавказа, а также некоторых территорий, прилегающих к нему от границ с Турцией и Ираном на юге, и до рек Дон и Волга на севере (включая территорию Астраханской области) [1; 12, р. 170.]. За основу политики административно-территориального деления был взят принцип экономической, политической и религиозной составляющей. И если, форматируя и составляя свои регионы, первых двух принципов советская власть всегда придерживалась неукоснительно, то последний был чужд ей, чего нельзя сказать о всей внешней политике нацистской идеологии. Порой, при обособлении тех или иных территорий, религиозный фактор для них являлся доминирующим.

В составе рейхскомиссариата планировалось создать национальные образования в качестве автономных и практически свободных регионов, но в рамках единицы рейхскомиссариата. Особенность национального строительства этого региона наиболее ярко и полно отражены в трудах отечественных историков А.Х. Даудова, Д.И. Месхидзе [2; 3] и мн. др. Предполагаемая площадь «Рейхскомиссариат Кавказ» оценивалась в 500 тыс. кв. км., с населением в 18-19 млн. жителей, половину из которых должны были бы составлять мусульмане. Основой экономики конкретно этого образования должна была стать добыча нефти и сельское хозяйство. Присутствие в реги-

оне Третьего Рейха, давало ему возможность оперативного вмешательства в происходящие на территории практически всей Западной и части Центральной Азии. Решение этого вопроса, было главной задачей военной администрации на Кавказе. Религиозная составляющая отдавалась на откуп рейхскомиссара А. Шикеданца, начальника СС и полиции рейхскомиссариата Кавказ обергруппенфюрера Г. Корзермана и местных духовных авторитетов.

Согласно сохранившимся документам, административно-территориальное деление Рейхскомиссариата Кавказ должно было производиться следующим образом: Рейхскомиссариата Кавказ (аналогично по статусу: в Третьем Рейхе – генерал-губернаторству, в Британской империи – доминиону с элементами протектората, в СССР – статусу ССР) состоял из 7 Генеральных комиссариатов (нем. *Generalkommissariat*), которые в свою очередь делились на зондеркомиссариаты (нем. *Sonderkommissariat*) или же сразу на крайскомиссариаты (нем. *Kreiskommissariate*), низшей же административно-территориальной единицей данного рейхскомиссариата было деление на районы (нем. *Raions*).

Генеральные комиссариаты **Рейхскомиссариата Кавказ:**

- **Азербайджан** (нем. *Generalkommissariat Aserbeidschan*). Столица – город Баку. Опорой немецкой политики в Азербайджане должен был стать Азербайджанский легион и мусаватистское правительство. Отдельным административно-территориальным образованием должна была стать **Бакинская область**, имевшая как для Третьего Рейха, так и для СССР стратегическое значение. Состав: районных комиссариатов – 30, сельских поселений – 87.

В составе зондеркомиссариатов:

- **Нахичевань** (нем. *Sonderkommissariat Nachitschewan*). Столица – город Нахичевань.

- **Нагорный Карабах** (нем. *Sonderkommissariat Berg-Karabach*). Столица – город Ханкенди.

- **Армения** (нем. *Generalkommissariat Armenien*). Столица – город Ереван. Для реализации генерального комиссариата был создан Армянский легион Вермахта. Состав: районных комиссариатов – 12, сельских поселений – 42.

• **Грузия** (нем. *Generalkommissariat Georgien*). Столица – город Тифлис. Он же предполагаемый административный центр всего Рейхскомиссариата Кавказ. Опорой немецкой политики в Грузии должен был стать Грузинский легион. Состав: районных комиссариатов – 20, сельских поселений – 75.

В составе зондеркомиссариатов:

Абхазия (нем. *Sonderkommissariat Abchasien*). Столица – город Сухум.

Аджария (нем. *Sonderkommissariat Adscharien*). Столица – город Батум.

Южная Осетия (нем. *Sonderkommissariat Südossetien*). Столица – город Цхинвалю.

• **Кавказские горы** (нем. *Berg-Kaukasien*). Столица – относительный географический центр региона и самого Рейхскомиссариата Кавказ город Владикавказ. На территории Горского комиссариата действовало ополчение горцев Батальон особого назначения «Бергманн» («Особый отряд Горец») (нем. *Sonderverband Bergmann*) [9]. Из штаб-квартир в Берлине на территории Северного Кавказа начали функционировать: Национал-социалистическая партия северокавказских братьев (нем. *Nationalsozialistische Partei der Nordkaukasischen Brüder*), идеология которой соединяла в себе федерализм, ксенофобию и прогерманскую внешнюю политику с частичным пантюркским акцентом, которая выражалась в лозунге: «Кавказ будет свободным!» и Чечено-горская национал-социалистическая подпольная организация (нем. *Nationalsozialistische Illegale Tschetscheno-Bergorganisation*), которая выдвинула вместе с Особой партией кавказских братьев (ОПКБ), лозунг: «Кавказ – кавказцам!» (что предусматривало уничтожение либо выселение евреев, цыган, русских и других «пришлых» народов) и поставила перед собой следующие задачи: а) обеспечить полную дезорганизацию тыла и остатков советской военщины на Северном Кавказе. б) ускорить гибель большевизма на Северном Кавказе. в) активно содействовать поражению России в войне с Германией, г) после победы Германии создать на Северном Кавказе свободную братскую федеративную республику – государство братских народов Кавказа по мандату Германской империи (он

же и есть, изначальный – Рейхскомиссариат Кавказ) [8]. Состав: районных комиссариатов – 30, сельских поселений – 93.

В составе зондеркомиссариатов:

Дагестан (нем. *Sonderkommissariat Dagestan*). Столица – город Махачкала. Состав: районных комиссариатов – 10, сельских поселений – 32.

Чечено-Ингушетия (нем. *Sonderkommissariat Tschetscheno-Inguschetien*). Столица – город Грозный. Состав районных комиссариатов и поселений неизвестен, также, как и их количество.

Северная Осетия (нем. *Sonderkommissariat Nord-Ossetien*). Столица – город Владикавказ. Состав: районных комиссариатов – 3, сельских поселений – 10.

Кабардино-Балкария (нем. *Sonderkommissariat Kabardino-Balkarien*). Столица – город Нальчик. Состав: районных комиссариатов – 5, сельских поселений – 15.

Карачай (нем. *Sonderkommissariat Karatschai*). Столица – город Карачаевск. Состав: районных комиссариатов – 2, сельских поселений – 6.

Черкесия (нем. *Sonderkommissariat Tscherkessien*). Столица – город Черкесск. Состав: районных комиссариатов – 1, сельских поселений – 4.

Адыгея (нем. *Sonderkommissariat Adyge*). Столица – город Майкоп. Состав районных комиссариатов и поселений неизвестен, также, как и их количество.

• **Калмыкия** (нем. *Generalkommissariat Kalmückien*). Включая Калмыцкую АССР, Астраханский регион (Астраханский округ Сталинградской области) и юго-восточную часть Ростовской области. Столица – город Астрахань. Состав районных комиссариатов и поселений неизвестен, также, как и их количество.

• **Кубань** (нем. *Generalkommissariat Kuban*). Столица – город Краснодар, включая Ростовскую область. Состав: районных комиссариатов – 30, сельских поселений – 85.

• **Терек** (нем. *Generalkommissariat Terek*). Столица – город Ставрополь. Состав: районных комиссариатов – 20, сельских поселений – 60 [13, s. 53].

Ещё одной предполагаемой автономной областью (рейхскомиссариатом) в составе Третьего Рейха с преимущественно мусульманским населением, должен был стать **Рейхскомиссариат Туркестан** (нем. *Reichskommissariat*

Turkestan), он же «**Великий Туркестан**». По первоначальному замыслу в состав рейхскомиссариата Туркестан планировалось включить территории пяти среднеазиатских ССР (Казахской ССР, Киргизской ССР, Узбекской ССР, Туркменской ССР и Таджикской ССР) на основе их единой принадлежности к тюркскому этносу и одному религиозному направлению – суннитскому исламу. Исключением являлись лишь таджики, т.к. этнически, они относились к иранскому этносу, и значительная их часть являлась шиитами-исмаилитами.

Но первоначальный замысел, постоянно подвергался корректировке, так М. Шокай – видный идеолог борьбы за свободу и независимость Единого Туркестана – предлагал И. Риббентропу присоединить к Рейхскомиссариату Туркестан территории Алтая, Татарской АССР, Башкирской АССР, а также Чкаловскую и Челябинскую области для связности и усиления тюркской (опять же – преимущественно мусульманской) составляющей. Были ещё варианты с вхождением в состав Рейхскомиссариата Туркестан территорий финно-угорских народов с компактным проживанием в них тюркского населения – это прежде всего касалось Марийской и Удмуртской АССР. Но немецкие войска не смогли к началу 1942 г. перейти на левый берег Волги, после чего Японская империя предложила Третьему Рейху разделить территорию СССР по 70-ому меридиану, что разрубало предполагаемый Рейхскомиссариат Туркестан практически на две равные части, между «Тысячелетним Рейхом» и Великой восточноазиатской сферой взаимного процветания.

- Несмотря на то, что главой Имперского министерства оккупированных восточных территорий (*нем. Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete (RMfdbO)*) А. Розенбергом аппарат управления рейхскомиссариатами Кавказ и Туркестан был сформирован еще в 1941 г., перейти к реальному управлению туркестанскими и кавказскими территориям у нацистов и их союзников не вышло, т.к. Вермахту так и не удалось выйти на линию «Архангельск – Астрахань», на предполагаемую восточную границу Третьего Рейха, которая и должна бы установиться в случае победы немецких войск над Красной Армией. В свою очередь Экспедиционная армия в Китае и Квантунская армия Японской империи не решились атаковать СССР на Дальнем Востоке. Впоследствии предполагалось окончательно

«добить» СССР и сомкнуться Третьему Рейху с Японской империей по реке Енисей, а на вновь оккупированной территории образовать пять новых рейхскомиссариатов [14, p. 235; 16, p. 19.].

Всем этим планам в реальности не дано было сбыться, так что по итогам ВМВ, они, так и остались только лишь на бумаге. За реальное или предполагаемое сотрудничество с оккупантами, народы уличённый в пособничестве врагу и коллаборационизме на территории СССР были подвергнуты массовой депортации в считанные дни с февраля по август 1944 г., ещё за год с лишним до окончания ВОВ, и за полтора до окончания ВМВ. Справедливости ради, необходимо отметить, что некоторые народы, такие как российские немцы, финны-ингерманландцев, корейцы, а также диаспоры греков, армян, итальянцев и мн. др. также были подвергнуты массовой депортации (преимущественно в Среднюю Азию), ещё до начала боевых действий на территориях их поселения или компактного проживания. Это было сделано с потенциальной презумпцией на их пособничество врагу и массовый коллаборационизм [15].

Таким образом, мусульманское население Северного Кавказа с исторической и географической точек зрения, разделило судьбу немцев и малых финно-угорских народов Северо-Запада бывшей Российской империи, значительно пострадавших в ходе всего XX в. начиная с событий Первой мировой войны, и повторило собственную историю столетней давности по окончанию Кавказской войны. Ряд малых народов Северного Кавказа, из числа сосланных в Сибирь и Среднюю Азию, которые до депортации составляли 9 чеченских тукхумов и 7 ингушских шахаров, прекратили своё существование, а некоторые национально-территориальные образования как таковые, на несколько десятилетий перестали существовать на административно-территориальной и политической карте СССР. Границы большинства из них были изменены и до сих пор, спустя 70 лет с момента окончания ВМВ так и не были восстановлены. Некоторые территории, как к примеру Пригородный район в составе РСО-Алания, являются зонами социального напряжения и потенциального конфликта, т.к. соседняя с ней республика Ингушетия по праву считает эти территории своей частью (Западной Ингушетией). Практически все проблемы послевоенного переустройства в регионе Кавказа проявились, как только СССР как единое государство, стал давать

серьёзную трещину, а процессы, который как казалось, было бы остановлены навсегда, трансформировавшись, с ещё более угрожающей силой начали развиваться вновь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Гилязов И.А.** Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». Казань, 2005. 383 с.
- 2. Даудов А.Х.** Горская АССР (1921–1924гг.). Очерки социально-экономической истории. СПб., 1997. 232 с.
- 3. Даудов А.Х.** Месхидзе Д. И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 г.). СПб., 2009. 224 с.
- 4. Ковалев Б.Н.** Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. 372 с.
- 5. Асташкин Д.Ю., Ковалев Б.Н. Кулик С.В.** Оккупация. Сопротивление. Возмездие. Великий Новгород, 2016. 276 с.
- 6. Кулик С.В.** Особенности конфликтных ситуаций в процессе создания советских органов управления на оккупированной территории России (1941–1944 гг.) // Государственная власть и местное самоуправление. М., 2012. №2. С. 44–48.
- 7. Кулик С.В.** Православная Церковь на оккупированной территории Северо-Запада России (1941–1944 гг.) // Альманах. Чело. 2009. №1(43). С. 20–27.
- 8. Пыхалов И.В.** «Кавказские орлы» Третьего Рейха // Отечество. 2002. №4. С. 23–32
- 9. Романько О.В.** Мусульманские легионы во Второй мировой войне. – М., 2004. 312 с.
- 10. Эйдемиллер К.Ю.** География мусульманских общин на постюгославской территории // Вестник факультета географии РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. № 11 С. 78–80.
- 11. Kulik S., Matveichuk E., Samylovskaya E., Eidemiller C.** The Catholicism and Sunni position and role in the Fascism and National Socialism ideological coordinate system at the turning point of the Second World War. 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2015. Aug 26-Sept 01; Book 3. Vol. 1. P. 455–462.
- 12. Müller R.-D.** An der Seite der Wehrmacht. Hitlers ausländische Helfer beim Kreuzzug gegen den Bolschewismus. 1941–1945. Links Verlag, Berlin, 2007. 280 s.
- 13. Pohl D.** Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München, Verlag Oldenbourg, 2008. 399 s.
- 14. Rich N.** Hitler's War Aims: Ideology, the Nazi State, and the Course of Expansion. NY, W.W. Norton & Company Inc., 1973. 352 p.
- 15. Sakal H.B.** Başka Bir Dünya Savaşı: İkinci Dünya Savaşı Sırasında Almanya Tarafında Savaşan Türkistanlılar. Ötüken Neşriyat, Türkiye, Ankara 2013. 404 s.
- 16. Weinberg G.L.** Visions of Victory: The Hopes of Eight World War II Leaders. England, United Kingdom, Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 320 p.

УДК 94(4)

А. В. Фомичев, Л. С. Фомичева

**ЭТА ПОЛИТИКА ИМЕЛА НАЗВАНИЕ:
«ПОЛИТИКА УМИРОТВОРЕНИЯ АГРЕССОРА»**

В Великобритании, США, других западных странах, а теперь порой и в России предпринимаются попытки бездоказательно, вопреки истине возложить ответственность за развязывание второй мировой войны на Советский Союз. Заключенный советским руководством 23 августа 1939 года договор о ненападении с Германией и секретный «дополнительный протокол» к нему, полагают они, расчистили фашистской Германии путь к реализации планов по переделу мира и позволили немецким войскам первого сентября 1939 совершить нападение на Польшу [1, с. 3].

Возможно, эти суждения и следует принять во внимание, если руководствоваться не жестокой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени. Между тем, анализ международной обстановки и внешней политики советского государства в 30-е годы XX в. позволяет усомниться в подобных суждениях. Факты свидетельствуют: в этот период СССР последовательно выступал за создание системы коллективной безопасности и сдерживание агрессоров. Последнее означало, прежде всего, сохранение Версальско-Вашингтонской системы и коллективные действия против агрессора.

Коллективного отпора агрессорам, как известно, не получилось. Механизм сдерживания агрессоров не сработал. Почему? Дать ответ на этот вопрос не получится, не уяснив суть так называемой «политики умиротворения», которую западные демократии проводили в период 30-х годов.

В словарях можно найти различные, подчас существенно отличающиеся толкования этой политики. Так в «Энциклопедии американских внешних сношений» ее авторы пишут, что в 30-е годы «этим термином обозначались уступки возмущенным (тем или иным ходом событий) странам, чьи обиды или недовольство имели определенное основание, в

надежде разрядить обстановку и добиться восстановления мира и доброжелательных отношений (между сторонами конфликта). Умиротворяющая сторона действует с позиции силы, но ее поведение мотивируется не страхом или неуверенностью, а сознанием того, что именно так надо управлять государственными делами и применять концепцию ограниченных уступок, которые (как считает эта сторона), не будут угрожать ее жизненно важным национальным интересам» [2].

Иное толкование понятия «умиротворение» мы находим в российских энциклопедиях. В частности, в российской Википедии оно трактуется как «политика, основанная на уступках и потаканиях агрессору. Состоит в урегулировании искусственно разжигаемых государством-агрессором международных споров и разрешении конфликтов посредством сдачи стороне, ведущей агрессивную политику, второстепенных и малозначимых, с точки зрения авторов этой доктрины, позиций и вопросов» [3].

Термин «умиротворение» в литературе наиболее часто употребляется для обозначения внешней политики британского правительства во главе с Невиллом Чемберленом в отношении нацистской Германии, особенно явственно проявившейся в период 1937–1939 гг. Определяя задачи кабинета в этой сфере, премьер-министр, как известно, исходил из того, что опасность для международной безопасности в Европе заключалась вовсе не в агрессивных намерениях Германии, а в недооценке западными демократиями остроты международного кризиса. Для того чтобы устранить нарастающие угрозы, следовало, по Н. Чемберлену, сохранять контакты со всеми участниками международного конфликта и решать существующие проблемы на основе взаимных уступок» [4].

Представляется необходимым уточнить: политика «умиротворения» в предвоенные годы проводилась не только Англией, но и другими западными демократиями; она касалась не только Германии, но и Италии, а вне европейского театра действий – также и Японии. Особо подчеркнем: политика «умиротворения» преподносилась ее апологетами мировой и собственной общественности как политика урегулирования международных споров и разрешения конфликтов посредством разумных переговоров и нахождения компромисса во избежание вооружённых столкновений и насильственного пути решения проблемных вопросов. Проводя такую

политику, Англия и Франция полагали, что им удастся удовлетворить разумные амбиции фашистских государств и остановить агрессоров.

Иная оценка политике «умиротворения» давалась руководством СССР. Суть этой политики, считало последнее, сводилась к тому, чтобы путём территориальных, военных, экономических и политических уступок связать Германию, Италию, Японию определёнными обязательствами и направить их агрессию против СССР. Замысел творцов такой политики, по мнению отечественных историков, «состоял исключительно в том, чтобы в конечном итоге привести либо к разгрому Советского Союза и насыщению фашистских держав до такой степени, что они перестали бы угрожать интересам западных демократий, либо к взаимному ослаблению воюющих сторон, но в любом случае – к обеспечению односторонней безопасности «умиротворителей». В действительности всё получилось наоборот. Политика «умиротворения», которая реально сводилась к бесконечным уступкам агрессорам, самым непосредственным образом подорвала безопасность многих стран Европы и Азии (в том числе и ее инициаторов). Жизнь показала, что она не столько сдерживала агрессоров, сколько поощряла экспансионистов к развязыванию крупномасштабной войны за новый передел мира [5, с. 26].

Советская историческая наука исследованию политики «умиротворения» уделяло пристальное внимание. На взгляд советских ученых, этот исторический феномен может быть разделён на 4 этапа. Первый этап – с сентября 1931 по декабрь 1935 года. Его начало связано с вторжением в сентябре 1931 года Японии в Манчжурию. Однако в силу того, что японская агрессия в перспективе своей имела антисоветский вектор развития ни Англия, ни Франция, ни другие западные страны не предприняли никаких шагов для её прекращения. Не был использован и миротворческий потенциал Лиги Наций. Понимание целостности и неделимости мира не было характерным для общественного сознания того времени. В результате на планете появился *первый очаг* войны.

На этом этапе прямым актом «умиротворения» явилась так же принятая в декабре 1932г. на Женевской конференции по разоружению Декларация о «довооружении» Германии, т.е. её праве на равенство в вооружениях. Это впоследствии поощрило германский реваншизм. Поскольку де-

кларация не сопровождалась какими-либо решениями об ограничении вооружений, она подхлестнула всеобщую гонку вооружений.

С приходом к власти в Германии фашистской диктатуры, не скрывавшей своих реваншистских устремлений, в мире образовался *второй очаг* войны. Не желая идти на какие-либо компромиссы по военным вопросам, Германия в октябре 1933 года покинула конференцию по разоружению и вышла из Лиги Наций. Предпринимая эти шаги, гитлеровское правительство учитывало благожелательную позицию Италии, Англии и Франции, подписавших с ним летом 1933 года так называемый «пакт четырёх» о сотрудничестве на основе признания права Германии на довооружение. Хотя в силу общественного возмущения «пакт четырёх», как известно, не удалось ратифицировать, правительства западных держав на практике следовали намеченному курсу. Например, когда в марте 1935 года, односторонне расторгнув военные статьи Версальского мира, Германия ввела всеобщую воинскую повинность, они ограничились лишь чисто формальными протестами. Англия, к тому же, не замедлила подписать с Германией военно-морское соглашение, допускавшее значительное увеличение германского флота. Таким образом, лидеры западных демократий не видели причин для смены политического курса, который проводился ими в 20-е годы и был нацелен на постепенное ослабление тягот унижительной для Германии Версальской системы.

Концом первого этапа политики «умиротворения» можно считать 1935 год, когда Англия и Франция (план Хора-Лавалея) сорвали робкие попытки Лиги Наций выступить против нападения Италии на Абиссинию, являвшуюся её равноправным членом. Тем самым Лиге Наций был нанесён смертельный удар: вера народов и правительств в неё как инструмент мира и безопасности быстро угасла [6, с. 90–95, 170–172.].

Второй этап политики умиротворения начался в конце 1935 года после провала плана Хора-Лавалея и продолжался до октября 1938 года. За эти неполные 3 года нацистская Германия серьёзно укрепила свои позиции. В марте 1936 года, пользуясь попустительством со стороны Англии и Франции, её войска в нарушение Локарнских обязательств безнаказанно вступили в демилитаризованную Рейнскую область, и вышли на французскую границу. В том же 1936 году Германия совместно с фашистской Ита-

лией, выступив на стороне мятежного генерала Франко, предприняла интервенцию против республиканской Испании. Интервенция осуществлялась на фоне политики «невмешательства» Англии и Франции при «нейтралитете» США, что в угоду интервентам на деле обеспечило фактическую блокаду Испании. В последующем эти страны признали, сначала де-факто, а после поражения правительства Народного фронта и де-юре, фашистское правительство генерала Франко. В марте 1938 года гитлеровская Германия осуществила аншлюс Австрии. Как и в предыдущих случаях, Англия и Франция, являвшиеся гарантами суверенитета Австрийской Республики, ограничились лишь формальным осуждением этой акции [6, с. 187–194].

В июле 1937 года продолжила военную экспансию в Китай империалистическая Япония. Её войска вторглись в северные и центральные районы этого государства. Однако, западные державы, как и в 1931 году, фактически ничего не сделали для пресечения агрессии. На созванной ими в ноябре 1937 года Брюссельской конференции по этому вопросу, они, не скрывая своего желания втянуть СССР в войну с Японией, отказались принять какие-либо коллективные меры.

В ходе разбойничьих войн оформился союз агрессивных государств. В октябре 1936 года соглашение о военно-политическом сотрудничестве заключили Германия и Италия. Месяцем позже был подписан пресловутый «антикоминтерновский пакт» между Германией и Японией. Год спустя к нему присоединилась Италия. Тем самым был создан блок фашистских и милитаристских государств (так называемая ось Рим-Берлин-Токио), представлявший весьма серьёзную угрозу всеобщему миру [5, с. 27–28].

Кульминацией и завершением второго этапа явилось Мюнхенское соглашение (октябрь 1938 г.) четырёх государств (Англии, Франции, Италии и Германии), предусматривавшее отторжение в пользу Германии Судетской области Чехословакии, населенной немцами. Скрытый замысел западных стран по поводу Мюнхенского соглашения состоял в том, чтобы застраховав себя соглашениями с Германией, подтолкнуть её к войне с СССР. Вернувшись в Лондон, премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен предъявил публике на аэродроме подписанное соглашение со словами: «Я привёз мир для целого поколения» [4]. Однако уже в следую-

щем году стало ясно, что политика «умиротворения» не принесла Европе долгожданного мира.

Третий этап политики «умиротворения», наступивший после Мюнхенской сделки, продолжался до сентября 1939 года. В этот период соответственно Англия и Франция подписывают с Германией Декларации о разрешении возникающих между ними спорных вопросов путём переговоров, т.е. фактически договариваются о ненападении. Затем в марте 1939 года позволяют ей полностью оккупировать оставшуюся часть Чехословакии, в результате чего Чехия превратилась в «Протекторат Богемии и Моравии», а Словакия, формально оставаясь независимым государством, в сателлита Германии. В апреле 1939 года фашистская Италия безнаказанно вторглась в Албанию, а гитлеровское правительство аннулировало военноморское соглашение с Англией и принудило Литву уступить Мемельскую область (современная Клайпеда). Вскоре, разорвав договор о ненападении с Польшей, Германия потребовала от последней территориальных уступок: сначала предоставления экстерриториальной сухопутной дороги до Восточной Пруссии, а затем – проведения референдума о принадлежности «польского коридора».

После предоставления Польше гарантий её независимости со стороны Великобритании и Франции становится ясно, что война Германии с этими государствами очень вероятна. Так и случилось: 1-го сентября 1939 г., спровоцировав нападение на Польшу, Германия разожгла пожар новой мировой войны. Таким образом, внешняя политика Великобритании и Франции, «скармливавших» Гитлеру по частям Европу в надежде на обеспечение таким путем собственной безопасности и направлении германской экспансии на Восток, с треском провалилась.

Однако на этом политика «умиротворения» агрессоров не заканчивается. Ничем иным, как её продолжением, а, следовательно, и *четвёртым этапом* следует считать время «странной войны» (с сентября 1939 года по май 1940 года). Естественно, в течение этих месяцев «умиротворение» осуществлялось уже в новых, весьма своеобразных условиях, когда Англия и Франция формально находились в состоянии войны с Германией. И только с вторжением последней во Францию и началом бомбардировок Англии политике «умиротворения» был положен конец. Ублажать агрес-

соров за счёт самих себя оказалось, увы, невозможным. Страны – «умиротворительницы» оказались вынужденными защищаться. Но воевать пришлось уже в условиях крайне неблагоприятных. Превосходство противника стало очевидным, а время изменить ситуацию было упущено. Таким образом, история предъявила свой счёт «умиротворителям» и заставила их расплатиться за свою политику сполна [5, с. 29].

Такова вкратце интерпретация основных вех и итогов политики «умиротворения», как она представлена в советской историографии. Вместе с тем, причины и содержание этой политики в советской исторической науке трактуются, на наш взгляд, несколько однобоко. Главным мотивом, объясняющим проведение такой политики, советские ученые считали слепую ненависть к социализму правящих кругов Запада, их стремление любой ценой направить экспансионистские устремления Германии и Японии в сторону СССР. Между тем, мотивировать политику «умиротворения» только классовой ненавистью к СССР, значит упрощать проблему. Данный подход не учитывает ряд весьма существенных факторов и уже поэтому не может быть признан полным и достаточным. При анализе международной обстановки в предвоенный период, на наш взгляд, следует принять во внимание следующее:

1. В 30-е гг. в странах-победительницах господствовали устойчивые пацифистские настроения. Соппротивление агрессорам требовало мужества, использования силы, готовности к определенным жертвам. Однако сама мысль об этом для людей, которые совсем недавно пережили страшную трагедию, казалась невозможной. Население боялось повторения ужасов мировой войны. Поэтому общественность стран-победительниц выступала категорически против использования силы в международных отношениях. С этими настроениями правящий класс Англии и Франции не мог не считаться. Что касается Китая и Эфиопии, то эти страны казались западным демократиям слишком далекими, чтобы видеть в них реальную угрозу европейской безопасности.

2. Приход в Германии к власти фашистов западные демократии не сразу восприняли как потенциальную угрозу. Планы нацистов о мировом господстве не воспринимались всерьез, расценивались как дань националистической риторике. Гитлер рассматривался как сильный национальный

лидер, демонстрирующий стремление к восстановлению справедливости в отношении униженной поражением в войне страны. Это вполне коррелировалось с политической линией, проводившейся странами-победительницами в 20-е – начале 30-х годов, и исходившей из необходимости постепенного ослабления для Германии бремени Версальской системы. Можно смело утверждать, что правительства Англии и Франции долгое время видели в А. Гитлере (как и в Б. Муссолине!) политическую фигуру, с которой вполне можно договариваться. Вероятно, этим объясняется отсутствие должной реакции западных демократий на агрессивные действия фашистов, демонстрировавших полное презрение к международному праву.

3. Способность западных демократий к противодействию агрессивным действиям Германии, Италии и Японии оставалась крайне невыразительной на фоне экономического кризиса 30-х годов и обострения взаимного соперничества стран-победительниц в поисках путей его преодоления. Внимание общества, политических и экономических элит этих стран было сфокусировано на внутренних проблемах, на путях преодоления экономических трудностей, которые рассматривались как приоритетные по отношению к международным.

4. Как известно, особенно больно мировой экономической кризис 1929–1932 гг. ударил по США, вызвав тяжелые последствия для национальной экономики и материального положения миллионов людей. Поиск путей выхода из этого крайне разрушительного кризиса породил в американском обществе стремление отгородиться от мировых проблем в своей «американской крепости». После принятия в 1935 году закона о нейтралитете, США с их огромными ресурсами и способностью влиять на мировые дела полностью устранились от вмешательства в мировую политику. Это резко повысило шансы агрессоров, как в Азии, так и в Европе.

Такие общественные настроения, господствующие в странах Запада, нашли отражение в политике «умиротворения», пассивности и излишней осторожности в отношении агрессивных устремлений стран оси.

5. Свою долю ответственности за выбор Западом политики «умиротворения», на наш взгляд, несёт и Советский Союз. Между внешней и внутренней политикой страны, безусловно, существует тесная связь. Тота-

литарный режим с его ультралевым экстремизмом, идеологическим мессианством, извечными поисками внутреннего и внешнего врага породили недоверие и страх по отношению к политическому руководству СССР. Развязанный Сталиным в мирное время «большой террор» не только вызывал недоумение, но и создавал впечатление двуличности и лицемерия советской политики, сочетавшей в себе декларативную приверженность демократии с антигуманной практикой [5, с. 32]. Сталинизм превратился в глазах миллионов людей в своеобразное пугало. Наконец, террор и репрессии в СССР создавали в западных странах впечатление его внутренней нестабильности. Это не могло не формировать благоприятной среды для тех сил на Западе, которые ратовали за отказ от сотрудничества с СССР [7, с. 120]. Убеждая общественность в «слабости и неподготовленности» Советского Союза, политическое руководство Запада стремилось оправдать не только капитуляцию перед требованиями Германии и ее союзников, но так же демонстрировало стремление избавиться от нежелательного и тягостного союзника.

Конечно, не прошёл бесследно и дуализм советской внешней политики 20-х годов. Западные страны считали большевиков идеологически враждебными, поэтому не видели в советском руководстве равноправного и полноценного партнера в проведении европейской политики. Западных политиков сдерживали, прежде всего, опасения, что в случае создания антигитлеровской коалиции с участием СССР, последний резко усилит своё влияние в Европе, а в случае войны с Германией и ее вероятного поражения – добьется большевизации последней. Этот страх оказался сильнее опасений чрезмерного усиления гитлеровского рейха.

Думается, все эти обстоятельства во многом проясняют вопрос, почему попытки создания системы коллективной безопасности в Европе в 30-е годы потерпели неудачу. В заключение отметим: внешней политике всех ведущих держав в этот период были присущи общие черты: 1) приоритет национально-государственных интересов над интересами интернациональными, что выражалось в торжестве национального эгоизма над коллективистскими началами при решении международных проблем; 2) крайняя идеологизация внешнеполитических доктрин, что мешало установлению доверительных, дружественных и равноправных отношений в мировом сообществе [5, с. 33]. Однако это не дает оснований возлагать от-

ветственность за развязывание второй мировой войны в равной степени на все стороны конфликта. Безусловно, основную вину за развязывание второй мировой войны несли гитлеровская Германия и ее союзники. Попытки западных политиков, историков, журналистов представить Советский Союз пособником фашистов в деле развязывания войны – неправомерно. Факты свидетельствуют, что начиная с 1932 г. СССР последовательно выступал за создание системы коллективной безопасности и сдерживание агрессоров. Однако именно Англия и Франция предпочли политике коллективной безопасности политику «умиротворения» агрессора, и этим сорвали предложения СССР по противодействию агрессивным действиям Германии, Италии и Японии. По этому поводу авторы упоминавшейся американской энциклопедии справедливо резюмируют: «Следующие один за другим поражения лишь укрепляли намерения умиротворителей достичь поставленных целей путем интенсификации своих усилий. Но в результате политика, задуманная с благородными целями, выродилась в политику интриг и махинаций и, в конце концов, завершилась унижительной капитуляцией» [2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. См.: **Наджафов Д.Г.** Советско-германский пакт 1939 года и его исторические последствия // Вопросы истории. 2006. № 12. С.3-22
2. Цит. по: **Pipes D., Stilman M.** // Jerusalem Post. 05.07 2000.
3. [http: ru.wikipedia](http://ru.wikipedia). Политика умиротворения
4. Цит. по: [http: ukrmap. Su](http://ukrmap.Su). Всемирная история. Политика «умиротворения» агрессора и ее крах.
5. **Фомичев И.В.** Международная обстановка: курс на войну или упрочение мира? // Вторая мировая: до и после. – Воронеж, ВИПКРНО, 1993.
6. См.: История второй мировой войны 1939-1945. В двенадцати томах. Том первый. – М.: Воениздат, 1973.
7. **Фомичев А.В.** Послевоенный мир: противоречия и борьба систем (1945–1955) // Вторая мировая: до и после. – Воронеж, ВИПКРНО, 1993.

Раздел III.

**ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА,
ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

УДК 94(47).084.8

С. В. Кулик

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

В самом начале Отечественной войны (1941-1945) во все оккупированные районы были направлены руководящие партийные и советские работники, которые провели организацию партизанских отрядов, диверсионных групп, подпольных ячеек и истребительных батальонов, перешедших затем с оккупацией районов на положение партизанских отрядов. Одновременно в районах были созданы скрытые базы оружия, боеприпасов, продовольствия и обмундирования. Но небольшое количество времени, хаос начала войны, слабая подготовка будущих партизанских кадров крайне негативно отразились на этой важной и ответственной работе.

Многие из этих баз с продовольствием и вооружением оказались разграбленными местным населением, о многих схронах очень быстро становилось известно гитлеровцам и их пособникам – первые партизаны очень плохо осознавали важность конспирации.

Партизанами себя называли не только представители народного сопротивления гитлеровцам. Красную ленточку на головной убор могли нацепить и дезертиры, пытающиеся пересидеть в лесу войну, и лжепартизаны, выполнявшие задания немецких спецслужб. Но и сами советские партизаны были неоднородны.

По принципу формирования все партизанские отряды можно

разделить на три основных группы, отличающиеся друг от друга. Боевая первоначальная деятельность партизанских отрядов была направлена на расчистку близлежащих населенных пунктов от немецких ставленников в оккупационной администрации, полицейских и осведомителей. Такие меры диктовались сложившейся обстановкой в тылу врага. Они создавали благоприятные условия для расширения и укрепления связи с местным населением, включения их в борьбу с захватчиками.

Самые первые из отрядов были сформированы еще до оккупации западных областей России, летом – осенью 1941 года, из числа бойцов истребительных батальонов. С оккупацией районов созданные отряды и группы оставались для борьбы с противником в его тылу. Основное ядро этих отрядов составляли местные коммунисты и комсомольцы, в качестве командиров, комиссаров и начальников штабов – руководящие партийные и советские работники в лице секретарей райкомов и горкомов ВКП (б), заведующих отделами и инструкторов, а также председателей и работников исполкомов районных советов депутатов трудящихся и руководителей хозяйственных организаций и предприятий.

Эти отряды изначально были вооружены и имели возможность создавать в лесу продовольственные базы. Впоследствии с уходом в леса они пополнялись за счет бойцов и командиров Красной армии, попавших в окружение, а также за счет других советских граждан, продолжающих с оружием в руках вести борьбу против немецких захватчиков.

Далеко не всегда работа по созданию этих отрядов проходила успешно. Так в докладе Политуправления Северного фронта «Об организации и действиях истребительных батальонов по Ленинградской области» от 18 июля 1941 г. указывалось, что руководство Солецкого и Гдовского районов само эвакуировалось и ничего не сделало для организации истребительных батальонов, партизанских отрядов и групп самообороны. В Батецком, Мстинском, Валдайском районах руководство в связи с наступлением немцев растерялось. Так что до приезда представителей Политуправления и обкома партии партизанские отряды не были созданы [1, с. 429].

Из-за голода осенью 1941 г. значительная часть этих партизанских отрядов распалась. На настроение советского сопротивления большое

влияние оказывало отсутствие информации о положении на фронтах, о судьбе Москвы и Ленинграда. Все это обусловило разброд и шатания внутри самих партизан.

Вторую группу составляли наиболее крупные и боеспособные отряды, организованные в декабре 1941 года – феврале 1942 года из бойцов и командиров регулярной армии, попавших в окружение или бежавших из плена. Эти отряды обычно начинали свою деятельность с маленькой группы военнослужащих, которая сама выбирала командира и объявляла себя партизанским отрядом.

Очень часто не звания и прочие регалии, полученные до войны, играли решающую роль в избрании руководства. Ведь многие офицеры, выходя из окружения, снимали с себя знаки отличия, уничтожали документы. Таким образом, они уравнивали себя с простыми красноармейцами. Лишь самые хорошие организаторы, смелые и ответственные люди, заслуживали доверие со стороны своих товарищей.

В течении несколько недель такая группа превращалась в большую силу. Основным требованием при вступлении в этот отряд было то, что каждый вступающий должен иметь оружие, а также согласие всего отряда. Независимо от военного звания каждый вновь прибывший становился рядовым бойцом.

Широкое вливание окруженцев в образовавшиеся партизанские отряды придавало им четкую организованность, военную мобильность, боевую активность. Для большинства партизан, впервые взявшихся за оружие, военнослужащие были первыми наставниками и командирами, примером поведения в бою и постижении сурового солдатского быта.

Таким образом, можно отметить, что военнослужащие, оказавшиеся в окружении или бежавшие из плена, сыграли значительную роль в организации и становлении первых партизанских отрядов. Их численность в отрядах в этот период доходила до 50 и более процентов всего личного состава. Так летом 1942 г. доля бывших окруженцев в партизанских отрядах Ленинградской области составляла 28%, [2, с. 275].

Значительную группу партизанских отрядов составили отряды, организованные зимой 1941–1942 гг. из групп местной самообороны. Эти группы изначально создавались для защиты от мародеров. Они не имели

большого боевого опыта и были гораздо менее обеспечены, чем первые две группы партизан. В их рядах находились, в основном, женщины, подростки и пожилые мужчины. С оружием больших проблем не было, ведь в ходе советского отступления 1941 года немалое количество его оказалось у местного населения. Но владеть им могли единицы. Еще хуже силы «самообороны» были обучены военному делу [3, л. 18].

Характерная особенность развития партизанского движения осенью и зимой 1941–1942 г. состояла в том, что наряду со сложившимися отрядами во многих населенных пунктах образовались и действовали подпольные партизанские группы. Они накапливали оружие и боеприпасы, вели среди населения антифашистскую пропаганду, выявляли единомышленников, проводили различные диверсионные акты. Переход к открытой вооруженной борьбе сдерживался, как правило, отсутствием оборудованных лесных лагерей, запасов продовольствия, суровыми условиями зимы.

Существенную роль в сопротивлении оккупантам играло подполье. По сути своей оно было партийным, так как создавалось партийными комитетами и руководилось, в основном, партийными функционерами, хотя в него вовлекались также комсомольцы и беспартийные граждане. Не только партизаны и подпольщики выполняли задания Советского командования. Начиная с конца 1941 года, на оккупированную территорию из советского тыла стали засылаться партийные группы, состоявшие из коммунистов. Эти группы формировались зимой 1941–1942 г. в оперативной полосе Северо-Западного фронта, но носили они рейдовый характер, с возвращением в советский тыл. Во время выполнения операции рейдовые группы распространяли советские газеты и листовки, встречались с населением, одна из задач заключалась в сборе материалов разведывательного характера [4, с. 195].

Вследствие сурового оккупационного режима, слабого знания обстановки на местах большинство партийных групп понесло значительные потери. Некоторые из них не смогли пробраться через линию фронта в свои районы или же прекратили свою деятельность в первые дни и недели.

Весной 1942 года Ленинградский штаб партизанского движения (ЛШПД) решил, что группы должны быть стационарными, охватывая

своей работой конкретный район области. В группу входило 5-7 человек, иногда и больше. Возглавлял её партийный организатор обкома ВКП(б). Они забрасывались с задачей развёртывания партийно-политической работы среди населения, организации в этих районах партизанских отрядов из местного населения и систематической разведки тылов противника. Всего за 1942 год было заброшено более 20 групп в составе 150 человек [4, с. 195].

Нельзя однозначно оценить эффективность этих боевых подразделений. В первые месяцы войны они часто создавались по формальным признакам, т. е. в них включали активных членов партии, имевших минимальный опыт обращения с оружием, физически подготовленных. Задания они получали самые широкие и часто взаимоисключающие друг друга: распространение листовок среди местного населения и немецких солдат, сбор разведывательной информации, диверсионно-террористические акты.

Слабое знание оперативной обстановки, положения на местах, вера в классовую солидарность «немецких рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели», привело к тому, что большинство этих партийных групп были уничтожены. Лишь единицам удалось выйти в советский тыл.

Негативный опыт начального периода войны был учтен штабами партизанского движения, в особенности Ленинградским ШПД. Уже с начала 1942 г. в группы стали обязательно включаться люди, хорошо знающие местные условия, а также радисты. Личный состав обычно вооружался гранатами и автоматами ППШ.

Боевые задачи конкретизировались. Так 10 партгруппа, действовавшая в Новгородском, Шимском и Батецком районах, получила следующее задание:

а) Вести партийно-массовую работу среди населения временно оккупированных районов Ленинградской области путем печатной и устной пропаганды.

б) Создавать, по возможности из местного населения, партизанские отряды и диверсионные группы, действующие в тылу противника.

в) Вести всевозможную военную разведку сил противника, их дислокацию, номера частей, род войск, количество и их передвижение [5, л. 2].

Но основной задачей являлось осуществление активной антифашистской пропаганды всеми доступными способами. Для этого большинство партийных групп получали в свое распоряжение портативные переносные типографии со шрифтом и запас чистой бумаги.

Если в 1941 году партийные группы, заброшенные в немецкий тыл, распространяли листовки, полученные в центре, обычно написанные в Москве и Ленинграде, то уже к 1942 году эта ситуация начинает меняться. Руководство партизанским движением начинает понимать, что только оперативная информация и местный материал дают наибольший пропагандистский эффект.

18 мая 1942 года Ленинградский штаб партизанского движения, обсудив содержание политической работы на оккупированной территории, принял решение «Об организации и засылке партийных групп в тыл противника». Необходимость этого начальник ЛШПД М. Н. Никитин обосновал тем, что «...мы не рассчитывали на такую длительность военных действий на территории нашей области, а вследствие этого в первые месяцы войны, когда ещё на оккупированной территории был относительно слабый административный режим, мы не предприняли своевременных мер к перестройке подпольной работы» [6, с. 164].

Заброска партизанских отрядов в фашистский тыл в течение первого года войны на Северо-Западе России производилась исключительно походным порядком через наиболее слабо охраняемые участки линии фронта.

По мере того, как линия фронта, оставаясь постоянной, всё больше осваивалась противником и насыщалась огневыми средствами, проходы отрядов через линию фронта стали сопровождаться большими потерями. Вследствие трудности наземной переброски отрядов на Ленинградском и Волховском фронтах в июле 1942 года штабом было принято решение перебрасывать отряды и группы десантами с самолётов на парашютах. С этой целью на аэродромах Хвойная и посадочной площадке Александровское были созданы оперативные пункты и базы для переброски партизан и грузов в тыл противника.

Почти весь состав забрасываемых в тыл противника партизанских отрядов предварительно проходил подготовку от 15 дней и до 1 месяца на

учебном пункте Ленинградского штаба партизанского движения вначале в Парголово, а затем на станции Хвойная. Кроме того, подготовка проходила при оперативных группах штаба на Волховском и Северо-Западном фронтах.

В процессе этой подготовки изучалось стрелковое и подрывное дело, топография, лыжное дело, совершались тренировочные походы. Радисты и разведчики готовились по специальной программе [7, л. 260].

Значительно активизируется взаимодействие большинства партизанских отрядов и соединений с командованием Красной армии. Весной 1942 года Военный совет Северо-Западного фронта создал партизанский отдел. На него были возложены следующие задачи:

а) организация партизанских отрядов в полосе фронта, их вооружение, подготовка к боевым действиям и руководство их оперативной деятельностью;

б) разработка боевых заданий для партизанских отрядов и посылка своих представителей в отряды для контроля и помощи им;

в) изучение и обобщение опыта партизанской борьбы;

г) учет личного состава военнослужащих, находящихся в партизанских отрядах [8, с. 52].

Основной задачей партизанского движения в тылу Вермахта весной-летом 1942 года руководство партизанским движением считало дезорганизацию сил противника мелкими диверсионными группами в составе трех – пяти человек путем разрушения коммуникационных линий (организация крушений поездов, подрыв мостов, железнодорожных путей и повреждение линий связи), уничтожение складов боеприпасов, снаряжения, горючего и продовольствия. Необходимо было так же регулярно сообщать командованию Красной Армии о расположении, численности и передвижении войск противника. Идеологическая борьба против различных мероприятий оккупантов и их пособников являлась одним из важных вопросов сил советского сопротивления.

Противодействие оккупационной политике немцев происходило в очень сложных условиях: военные успехи немцев и антисоветские настроения определенной части населения дополнялись просчетами местного руководства в организации партизанского движения.

По признанию секретаря ОК ВКП (б) и начальника Ленинградского

штаба партизанского движения М. Никитина, «мы не рассчитывали на такую длительность военных действий на территории нашей области. Вследствие этого в первые месяцы войны, когда еще на оккупированной территории был относительно слабый административный режим, мы не приняли мер к перестройке подпольной работы. Быстрое течение военных действий на территории области не позволило оснастить подпольные организации средствами связи (радио), специальными типографиями и множительными аппаратами, на оккупированной территории ощущался большой недостаток советских газет, листовок. Не были также предусмотрены все особенности подпольных организаций и групп в населенных пунктах, что нередко приводило к разрушению подпольных организаций и групп» [6, с. 220].

Наглядно это видно на примере Ленинградской области. Из 129 городских и 158 сельских партизанских отрядов, действовавших на оккупированной территории с начала войны, по состоянию на 1 января 1942 г. в тылу врага осталось 20 городских (397 человек) и 40 сельских (1568 человек) партизанских отрядов. Судьба остальных сложилась по-разному: многие вышли в советский тыл или распались, значительное число погибло в боях с карательными войсками [2, с. 274].

Партизанское движение в различных районах развивалось неравномерно. Это зависело от многих факторов: успехов Красной Армии, природных географических условий, наличия у партизан оружия и боеприпасов, помощи со стороны советского тыла и условий оккупационного режима. Но самым главным фактором было отношение к партизанам населения. Опыт показал, что без поддержки населения партизанское движение было бы обречено на затухание и даже полное поражение.

Огромное организующее влияние в развёртывании партизанского движения на Северо-Западе России оказал город Ленинград. Уже один только факт героической стойкости обороны Ленинграда сам по себе превратился в исключительно действенный моральный фактор, вызывающий и обостряющий партизанскую войну в тылу врага. Защита Ленинграда и борьба за освобождение его из блокады превратились в основную задачу, которой было подчинено партизанское движение в Ленинградской области.

Наряду с партизанскими отрядами и группами, созданными Ленинградским обкомом и горкомом ВКП (б), были сформированы и заброшены в тыл ряд партизанских отрядов из трудящихся города Ленинграда.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что зарождение партизанского движения на захваченной врагом территории началось сразу же после оккупации западных районов нашей страны.

За период с 1 июля 1941 года и по 1-е января 1942 года только на территории Ленинградской области было создано 191 партизанский отряд, насчитывающие 9218 человек; из них местных 98 отрядов в составе 3993 человека, и из города Ленинграда в не оккупированных районах области 93 отряда в составе 5220 человек. Кроме того, по инициативе Жданова и Ворошилова были сформированы из трудящихся города Ленинграда, вступивших в народное ополчение, 6 специальных партизанских полков, насчитывающих более 1000 человек каждый [7, л. 418].

В результате больших понесённых потерь в ожесточённой борьбе с врагом и присоединения ряда отрядов и специальных партизанских полков из ополченцев и действующим частям Красной Армии в составе отрядов произошли изменения. На 1 января 1942 года в тылу противника насчитывалось только 60 действующих отрядов, объединяющих 1965 партизан, в том числе, 45 отрядов местных и 15 сформированных в Ленинграде [7, л. 418].

Организованным к тому времени штабом партизанского движения при Ленинградском Обкоме ВКП (б), а в дальнейшем Ленинградским штабом были приняты меры к исправлению положения. Большое количество партизан, переданных в части Красной Армии, было отозвано, сформировано ряд отрядов за счёт населения не оккупированных районов области, а также и города Ленинграда. Всего за 1942 год создано и заброшено в тыл 107 отрядов и 27 диверсионных и специальных групп в составе 2953 человека [7, л. 418].

Кроме того, действующие партизанские отряды и бригады в 1942 году пополнялись за счёт бежавших из плена бойцов Красной Армии, а также местного населения оккупированных районов. Так только одна 2-я партизанская бригада за 1942 год приняла в свои ряды около 300 человек [7, л. 418].

С первой половины 1942 года Ленинградским штабом партизанского движения основное внимание в руководстве боевой деятельностью партизан было направлено на развёртывание диверсий на железнодорожных коммуникациях противника.

С этой целью партизанским отрядам и бригадам было приказано выделять из своего состава специальные небольшие (численностью в 5–10 человек) диверсионные группы и закреплять их за определёнными участками железных дорог для совершения диверсий.

В результате этих мер, диверсионная деятельность стала занимать основное и решающее место в боевых операциях партизан на весь последующий период партизанского движения в области.

Партизаны стали наносить всё более ощутительные удары по железным дорогам противника, парализуя движение на них, срывая тем самым регулярные переброски войск, боеприпасов, вооружения, техники противника к Волховскому, Северо-Западному и особенно к Ленинградскому фронтам.

Оккупированные районы Ленинградской области, в которых действовали партизанские бригады и отряды, почти все являлись ближайшими тылами противника, где с самого начала оккупации огромное количество немецких войск в значительной мере снабжалось продуктами за счёт поголовного ограбления местного населения. Если учесть, что основные запасы продовольственных ресурсов (государственные, кооперативные, колхозные) были эвакуированы или уничтожены при отходе частей Красной Армии, а огромные земельные площади в 1942 и 1943 гг. в значительной своей части остались незасеянными (из-за отсутствия тягловой силы, семян, а также рабочей силы), то станет очевидным чрезвычайно тяжёлое продовольственное положение населения оккупированных районов.

Вследствие этих причин партизаны переносили исключительные трудности в тылу противника в деле продовольственного и вещевого снабжения. Созданные для партизан в начале войны базы продовольствия, одежды, боеприпасов ещё до января 1942 года были исчерпаны.

Несколько лучшие условия снабжения партизан продовольствием до осени 1942 года были в ряде районов «Партизанского края», которые

контролировались партизанами. Но после действий здесь немецких войск 4-ой карательной экспедиции, Край этот полностью был разорён и разграблен. Деревни сожжены, а урожай 1942 года или уничтожен огнём на полях, или конфискован на 100 % [7, л. 451].

В условиях отсутствия возможностей получать продовольствие за счёт местного населения, большинство отрядов и групп, особенно действующие севернее Пскова, Порхова и до линии Ленинградского и Волховского фронтов, переносили лишения, часто неделями голодали, умирали от голода и вынужденно выходили в советский тыл.

Соблюдая все меры предосторожности, необходимую выдержку и учитывая непредвиденные обстоятельства, партизаны, идя на задание, должны иметь с собой запас продуктов на трое – пять суток. Командование бригады и командование отрядов не в состоянии этим запасом обеспечить. Больше того, за последние дни, провожая партизан в разведку или на диверсионную работу, не могут дать даже сухаря» [7, л. 451].

Поиск продовольствия, для того чтобы спастись от голодной смерти, занимал большую часть времени в этих партизанских отрядах. «Основным питанием в отрядах в апреле и в начале мая был суп – кисель из гнилой прошлогодней картошки, которую партизаны ежедневно ходят собирать на полях выжженных деревень, в 10–15-ти километрах от лагеря. Последнее время партизаны стали употреблять в питание листья от подорожников и молодую крапиву.

В апреле и в начале мая партизаны получили всего – на всего по 600 граммов сухарей и 800 граммов концентратов. Кроме этого, три раза в месяц было выдано по 400 граммов на бойца конины» [7, л. 9]. Немецкое командование всячески способствовало усилению продовольственной блокады.

Огромной проблемой для советского сопротивления являлось обмундирование. Многие люди оказались в лесах в летней одежде. Партизаны в этих условиях широко практиковали изъятие у местного населения военного обмундирования, которое в большинстве своем оказалось у него при отходе Красной Армии.

Полностью использовалось трофейное обмундирование, для чего с убитых немцев и их союзников снимались одежда и обувь. Кроме того,

некоторые отряды смогли захватить большие склады с немецким обмундированием. Большинство отрядов организовывало мастерские по выделке кожи, из которой для бойцов шили сапоги. Многие отряды были вынуждены организовать плетение лаптей. К этой работе привлекались старики из семей партизан. Но несмотря на все эти мероприятия, вопрос снабжения партизан обувью на протяжении всей войны стоял очень остро [3, л. 19].

Гитлеровцы делали все, чтобы дискредитировать партизанское движения в глазах мирного населения. Немецкая пропаганда изображала их как «сталинско-еврейских выродков», воюющих против собственного народа и его настоящих освободителей – немцев. Большую опасность представляли лжепартизанские отряды, созданные самими оккупантами. Они грабили и убивали, а вину за эти преступления нацисты возлагали на советскую сторону. Кроме этого, как отмечали партизаны в своих донесениях, в борьбе с ними противником применялись следующие методы:

«а) устраивают засады в лесу и нападают на небольшие партизанские группы;

б) надевают партизанскую одежду, к головному убору прикалывают красную звездочку с красной лентой;

в) засылают фальшивки (немецкие листовки и всякого рода обращения к партизанам и их семьям – делают попытки разложить и запугать партизанские отряды» [7, л. 309].

В условиях перелома в Великой Отечественной войне, несмотря на все трудности, партизанские отряды значительно активизировали свою деятельность. Анализируя причины успехов и неудач боевых действий сопротивления в тылу врага, подпольные партийные комитеты и командование отрядов пришли к выводу о необходимости объединения небольших разрозненных отрядов. Организационные формы слияния партизанских сил первоначально были самыми разнообразными: объединенные отряды, батальоны, районные штабы, оперативные центры, полки, бригады, дивизии. Каждое из этих формирований проверялось жесткой практикой борьбы с оккупантами, в арсенале народного движения оставались самые эффективные, совершенные и жизнестойкие.

Опыт борьбы в качестве основной формы объединения партизанских отрядов закрепил бригаду. Организационное и боевое преимущество ее состояло в том, что, объединив отряды в единый военный организм под общим командованием и имея все достоинства крупного соединения, она в то же время сохраняла за отрядами автономность в дислокации, материальном обеспечении, пополнении личным составом, а также самостоятельность в решении собственных боевых задач. Объединенными силами всех отрядов бригада выступала только при проведении крупных наступательных операций, рейдов и при отражении карательных экспедиций противника.

В ходе второго периода войны (19 ноября 1942 – декабрь 1943 г.) партизанское движение достигло своего наибольшего размаха. Он характерен бурным ростом партизанских сил, численность которых к концу 1943 г. увеличилась вдвое и достигла 250 тыс. человек. Благодаря возросшему боевому мастерству, установлению тесной связи с советским тылом, откуда поступала помощь оружием и боеприпасами, партизанская война приобрела небывалую активность и эффективность [9, с. 315].

Из всех способов боевых действий на первое место выступили диверсии на коммуникациях противника, причинявшие оккупантам наибольший урон, и разведка в интересах Красной Армии.

В этот период задача ЛШПД заключалась в том, чтобы, используя сложившуюся чрезвычайно благоприятную обстановку, еще больше активизировать партизанское движение на территории области. Необходимо было, правильно руководя его развитием, сорвать все эвакуационные мероприятия немецкого командования, окончательно дезорганизовать переброски противника по железной дороге и шоссейным магистралям и тем самым существенно помочь войскам Красной Армии.

События на Курской дуге, завершившие коренной перелом в Великой Отечественной войне, и подготовка крупномасштабного наступления Красной Армии под Ленинградом поставили перед партизанами и подпольщиками задачу срыва немецких планов по эвакуации населения и вывозу материальных ценностей из центральных и западных районов области.

Стремясь затормозить рост партизанского движения, изолировать его от народа, обезопасить свои коммуникации, гитлеровское командование

приняло решение выселить всё население с территории от линии фронта до позиций "Пантера", которые являлись северным участком "Восточного вала" и проходили по западной границе Ленинградской области. Фашистам не удалось полностью осуществить свои планы, а в ряде районов (в первую очередь в местах дислокации 2 и 5 партизанских бригад) они были сорваны. Партизанское движение в Ленинградской области вступило в новый этап – подготовке к совместным с РККА боевым действиям по полному изгнанию оккупантов с территории Северо-запада РСФСР.

Оперативным отделом ЦШПД было указано Ленинградскому штабу на особую важность и необходимость широкого развертывания диверсионно-истребительной и разведывательной деятельности в городах и крупных населенных пунктах области. По этому указанию Ленинградский штаб развернул соответствующую работу, результатом которой явился ряд ценных и очень эффективных диверсионных операций, проведенных партизанской агентурой в городах Порхов, Пушкинские Горы, Сольцы, Псков, Остров. Перед командованием партизанских отрядов и бригад были поставлены задачи по усилению подобной деятельности. За каждой бригадой и отрядом были закреплены города и крупные населенные пункты, находящиеся в районе действий партизанских формирований.

Количество контролируемых партизанами районов значительно увеличилось, что не могло не сыграть важной роли зимой 1943–1944 гг. в наиболее сильный период подъема партизанского движения. Накануне крупномасштабного наступления Красной Армии под Ленинградом зимой 1944 года силами Советского сопротивления удалось освободить от захватчиков значительные районы в тылу врага.

В 1944 г. ни одна крупная наступательная операция Красной Армии не планировалась без привлечения партизанских сил. Накануне наступления советских войск в январе 1944 г. под Ленинградом на территории области действовало 13 партизанских бригад (14 полков и 65 отрядов) и несколько отдельных отрядов, всего 35 тыс. человек. Основная их часть находилась в тылу 18-й армии противника. Накануне наступления Военный совет Ленинградского фронта поставил перед ними конкретные задачи: уточнить силы противника, расположение штабов, систему обороны, местонахождение аэродромов, складов и т. д. Особое внимание

обращалось на срыв железнодорожного движения в тылу врага, чтобы не допустить перегруппировки вражеских соединений и подхода резервов. Партизанам предписывалось захватывать и удерживать до подхода советских войск важные опорные пункты, железнодорожные станции, крупные населенные пункты, переправы, мосты, отрезать возможные пути отступления врага. Обычно партизаны избегали столкновений с кадровыми соединениями.

Партизанские отряды сражались с немецкими оккупантами в тесном сотрудничестве с командованием Красной Армии. По сути своей они стали регулярными частями РККА, выполняющими задания советского командования в особых условиях.

Победы патриотов достигались очень дорогой ценой. За годы войны погиб каждый седьмой партизан и подпольщик. Оккупация и связанное с нею сопротивление останутся в памяти потомков. В нем участвовали сотни тысяч партизан и подпольщиков, а миллионы жителей захваченных территорий, ежедневно и ежечасно рискуя жизнью, сочувствовали и помогали им, чтобы приблизить момент освобождения своей Родины.

Историческая заслуга партизанского движения в годы Великой Отечественной войны состоит в том, что оно организационно объединило сопротивление народных масс непосредственно в тылу врага, превратив его фактически во второй фронт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 1. С. 429.
2. Война и общество. 1941 – 1945. Кн. 2. С. 275.
3. РГАСПИ, Ф. 69, Оп. 1 Д. 911, Л. 18.
4. Юденков А.Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории 1941–1944. М., 1971. С. 195.
5. ГАНИНО, Ф. 260, Оп. 1, Д. 106, Л. 2.
6. Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944 гг., С. 164.
7. РГАСПИ, Ф.625, Оп.1 Д. 11, Л, 260.
8. В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1942 г. Сборник документов. Л. 1981. С. 52.
9. История второй мировой войны. 1939-1945. М., 1976. Т. 7. С. 315.

УДК 94(470.6).084.8

С. И. Линец

**КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ИСТОКИ, ПРОЯВЛЕНИЯ, МАСШТАБЫ**

В годы Великой Отечественной войны в военных и вспомогательных формированиях вермахта, в других силовых структурах фашистской Германии несли службу почти 1,2 млн. советских граждан [1, с. 68]. В немецких источниках содержится информация об их национальной принадлежности: русские – 300 тыс., украинцы – 250, белорусы – 70, казахи, узбеки, туркмены и другие народы Средней Азии – около 70 тысяч; казаки – 70; латыши – 150; эстонцы – 90; литовцы – 50; азербайджанцы – 40; грузины – 25; армяне – 20; народы Северного Кавказа – до 30; волжские татары – 12,5; крымские татары – 10; калмыки – 7 тыс. человек [1, с. 68]. В том числе в войсках СС служили: русские – 18 тыс. человек, казаки – 30, татары – 10, украинцы – 30, белорусы – 10, латыши – 25, эстонцы – 15 тыс. человек [2, с. 414].

Чтобы осознать масштабы всех этих цифр, укажем для сравнения, что число активных участников партизанского движения, боровшихся с врагом на временно оккупированной территории СССР, также составило более 1 млн. человек [3, с. 351].

О серьезности проблемы коллаборационизма применительно к истории Великой Отечественной войны, о необходимости ее дальнейшего глубокого изучения, говорит следующий, весьма неприятный и тяжелый для нашего государства факт: «...по численности граждан, в разных формах сотрудничавших с оккупантами, Советский Союз стоит на первом месте среди других подвергшихся оккупации стран Европы» [2, с. 12]. Это в абсолютном выражении. Что касается численности коллаборационистов пропорционально количеству населения СССР, то она также была «довольно высокой» [2, с. 463].

Все еще спорным остается и в современной российской, и в зару-

бежной исторической литературе вопрос о причинах сотрудничества советских людей с гитлеровскими оккупантами в годы минувшей войны. Разброс мнений здесь весьма широк. От утверждений, что переход на сторону немцев происходил по политическим мотивам для последующей борьбы со сталинским режимом, и до мнений о желании спасти собственную жизнь и служить кому угодно, лишь бы платили за это и давали шанс обустроить сносное существование. В последние годы российские историки все активнее обращают внимание именно на политическую подоплеку такого сотрудничества.

Думается, что среди коллаборационистов все же преобладали люди, которые шли на сотрудничество с врагом вынужденно. Но были и такие, кто действовал по своему твердому убеждению в необходимости беспощадной борьбы со сталинской властью. В целом же, действительно, как справедливо, на наш взгляд, считают исследователи Н.А. Кирсанов и С.И. Дробязко: «Пособничество врагу и сотрудничество с ним становились способом выживания под пятой оккупантов, попыткой определенных групп заслужить соответствующие политические и социальные преимущества» [1, с. 64].

Коллаборационизм на Северном Кавказе был неотъемлемой составной частью этого явления, получившего широкое распространение на оккупированной немцами территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Но в то же время можно говорить и об его особенностях применительно к Северо-Кавказскому региону. Здесь сотрудничество с врагом было обусловлено наличием целого ряда специфических факторов: национального, религиозного, социально-политического, морально-психологического.

Еще на стадии разработки своих планов по захвату Северного Кавказа гитлеровское руководство делало ставку на многонациональный состав его населения. По оценкам немецкого командования, на Северном Кавказе и в Закавказье проживало 12 млн. человек и из их числа нерусские народы следовало в первую очередь привлечь к сотрудничеству с Германией [2, с. 384]. Нацисты рассчитывали на лояльное отношение горцев к немецкому «новому порядку», считая, что в массе своей они недовольны советской властью. Фашистское руководство допускало, что «... на Кавказе можно разрешить многие общенациональные группировки...», т.е. местные националистические правительства [2, с. 374]. Даже для Прибалтики такие

послабления оккупанты не считали возможными.

Возлагали надежды гитлеровцы и на рост горского националистического сепаратизма. Северокавказским народам фашисты «напоминали» о колонизации их земель царской Россией еще в XIX в. Накануне вступления частей вермахта на Северный Кавказ институт в Ванзее летом 1942 г. издал книгу «Кавказ», предназначенную для служебного пользования. В ней большое место занимало детальное описание всех сторон жизни народов Кавказа, а также давались практические советы, как использовать эти народы в интересах рейха [2, с. 383].

Солдаты и офицеры группы армий «А» были предварительно проинструктированы на предмет уважительного отношения к традициям и обычаям горских народов. Об этом, в частности, говорил в своем воззвании к личному составу 1-й танковой армии ее командующий генерал фон Клейст. В составе его армии, продвигавшейся летом-осенью 1942 г. по территории Северного Кавказа, находился бывший германский военный атташе в Москве Кестринг, считавшийся специалистом по кавказским народам и казачеству [2, с. 384]. Командир 44-го армейского корпуса 17-й армии генерал де Ангелис в приказе от 8 августа 1942 г. подчеркивал: «Здесь действовать иначе, чем на Дону. Восстание горских народов Кавказа ... может иметь тяжелые для нас последствия» [4, л. 45; 2, с. 239].

В городах, станицах, селах и аулах Северного Кавказа немецкая оккупационная власть проводила, как уже подчеркивалось, активную религиозную политику. В противовес гонениям советской власти на церковь и насаждение атеизма, гитлеровцы всемерно способствовали возрождению церкви, мечетей и молельных домов. Определенная часть населения, особенно пожилого возраста, воспринимала такие шаги немцев с одобрением.

Большие надежды возлагали фашисты на сотрудничество с донским, кубанским и терским казачеством. В расовой теории Гитлера казаки занимали своеобразное положение, находясь на более высоких ступенях, чем славяне и другие народы Советского Союза. Более того, Гитлер называл казаков представителями арийской расы, имевшими в древности родственные корни с германцами [5, с. 55]. Такое подчеркнуто уважительное отношение к казачеству также не могло не служить причиной перехода части казачьего населения на сторону врага. Не изжили казаки до конца и обиды на советскую власть за ее политику расказачивания, проводившуюся

в годы гражданской войны. В 20-30 годы трагедия казаков продолжалась: были вооруженные выступления, а в ответ на них советская власть осуществляла по отношению к казачеству террор. В довоенный период в Советском Союзе было репрессировано около 2 млн. казаков, из них 1,1 млн. уничтожено физически [2, с. 92].

Колхозное крестьянство в 1932-1933 гг. пережило на Северном Кавказе «организованный голод» и, следовательно, также имело основания быть недовольным политикой Сталина. Задавленная тоталитарной системой, особенно в конце 30-х годов, городская интеллигенция готова была присмотреться к гитлеровскому «новому порядку» и сделать свой выбор.

Летом 1942 г. население Северного Кавказа пережило глубокое морально-психологическое потрясение, вызванное внезапным вторжением немецко-фашистских войск. Сводки Совинформбюро, как известно, не всегда отличались объективностью и вводили в заблуждение миллионы людей. Кто знает теперь, сколько советских граждан, особенно евреев и коммунистов, не смогли вовремя эвакуироваться на восток, доверившись этим сообщениям. Отступавшие по территории Кубани, Ставрополя и республик Северного Кавказа, понесшие огромные потери в предыдущих боях, части Красной Армии производили на местных жителей тяжелое впечатление. В то же время входившие в города и станицы немецкие танковые и моторизованные части подавляли воображение обывателя своей мощью и количеством. Вот одно из свидетельств очевидца тех дней: «...поражало все, что было связано с армией завоевателей. Ибо перед глазами еще стояло убожество советской военной техники того периода войны, обмундирования и вооружения наших солдат, где сапоги заменяли обмотки, а автоматы – тяжеленные винтовки со штыками, где лошадь оставалась основным «мотором» многих родов войск» [6, с. 55].

21 августа 1942 г. немецкие альпийские стрелки из 1-й и 4-й дивизий 49-го горнострелкового корпуса поднялись на Эльбрус и установили на нем фашистские штандарты. Геббельсовская пропаганда сразу же широко оповестила об этой новости весь мир. Все эти события угнетающе воздействовали на сознание оставленных, как тогда говорили, «под немцем», советских граждан. Многие из них преждевременно поверили, что дни советской власти сочтены и новая немецкая власть установлена надолго. Следовательно, чтобы жить, растить детей, работать, надо было не только

приспосабливаться к ней, но в интересах своей семьи даже идти на сотрудничество с оккупантами.

По свидетельству гитлеровских солдат и офицеров 1-й танковой армии генерала Клейста: «Население, состоявшее из коренных кавказцев, настроено дружелюбно и приветствует немцев как освободителей. И никуда не деться от факта, что целые общины и села записываются в добровольцы и даже против желания высшего немецкого командования готовы участвовать в борьбе против Красной Армии» [7, с. 341].

Однако в целом же, на оккупированных территориях Северного Кавказа все население в политических своих воззрениях разделилось на три группы. Вот как определял их по состоянию на 8 декабря 1942 г. в своем политическом донесении немецким властям начальник полиции одного из городов Ставропольского края (его название в документе не указано – С.Л.): 60% населения поддерживают «новый порядок» и ориентируются на Германию; 10% – желают победы Красной Армии и возврата большевиков; 30% – неустойчивые обыватели, готовые примкнуть к любой стороне, в зависимости от успехов каждой из них [8].

Разумеется, к приведенным выше фактам и статистическим данным следует относиться критически и крайне осторожно. Особенно к цифре, свидетельствующей об отношении жителей края к оккупационному нацистскому режиму. Но вместе с тем можно определенно утверждать, что в Северо-Кавказском регионе количество населения, благосклонно относившегося к «новому порядку», было большим, чем, скажем, в Белоруссии или в Смоленской области. В силу тех причин, о которых говорилось выше.

Коллаборационизм в оккупированных районах СССР проявлялся и развивался в двух формах. Во-первых, в виде военного сотрудничества с немецкой армией бывших советских солдат и офицеров. Это были либо военнопленные, по разным причинам решившие перейти на службу к фашистам, либо дезертировавшие из частей Красной Армии военнослужащие.

О численности дезертиров информация появилась в отечественных источниках только в последнее десятилетие. Их количество за все время Великой Отечественной войны составило, по одним данным – 1487834 человека [9, с. 94], а по другим – более 1,6 млн. человек [10, с. 286].

Во-вторых, как добровольное согласие части гражданского населения поступить на работу в различные охранно-карательные, администра-

тивны́е, хозяйственные, культурные и другие органы немецкой власти на оккупированных территориях. На Северном Кавказе наряду с отмеченными формами сотрудничества части советских граждан с немецкими властями, имели место и другие, характерные только для данного региона.

Еще до войны политическая обстановка на Северном Кавказе была нестабильной. С началом Великой Отечественной войны она резко ухудшилась. По данным отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР в 1941–1943 гг. всего по Советскому Союзу была ликвидирована 7161 вооруженная группа общей численностью в 54130 человек, в том числе в Северо-Кавказском регионе – 963 группы с 17563 бандитами. Следовательно, здесь находилась в вооруженных бандформированиях 1/3 всех участников этого движения, действовавшего на территории СССР. В первой половине 1944 г. по СССР было пресечено действие 1727 групп численностью 10994 человека, из них на Северном Кавказе – 145 групп с числом участников в 3144 человека, т.е. снова почти 1/3 [11, с. 33].

Особенно сложное положение сохранялось на территории Чечено-Ингушской АССР, где постоянно существовали очаги бандитизма и антисоветских выступлений. Опубликованные в последние годы в печати ранее секретные документы красноречиво свидетельствуют об этом. Среди них материалы из «Особой папки И.В. Сталина». В одном из документов данного источника, в частности, говорится, что на территории Чечено-Ингушетии «политбанда Саадули Магомадова (6 чел.) действует с 1920 года. Кулак. Периодически соединяется с бандой Махмудова Сарали. За 10 лет совершили свыше 30 убийств красноармейцев, погромы ...» [12]. Среди жертв бандитов были также партийные и советские работники из числа чеченцев и ингушей.

С первых же дней войны криминогенная ситуация в республике обострилась еще больше. Отдельные акты бандитизма стали быстро перерастать в повстанческое движение, охватившее ряд районов республики. По информации органов НКВД на территории Чечено-Ингушетии было образовано пять повстанческих округов, а число активных борцов с советской властью определялось в 24970 человек [12]. 10 января 1942 г. руководители повстанцев планировали поднять восстание в республике. При этом в числе активистов повстанческого движения, судя по рассекреченным документам, находился даже нарком внутренних дел Чечено-Ингушской

республики Албогачиев. В одном из его писем от 10 ноября 1941 г. прямо говорится о связях руководителей повстанцев с секретными германскими агентами, через которых сведения о положении в республике поступали в Берлин [12].

В начале ноября 1941 г. в Шатоевском районе Чечни было пресечено вооруженное выступление повстанческой группы во главе с М. Басаевым. Вместе с ним были арестованы еще пять активных участников этой группы. Все они ранее поклялись на Коране вести непримиримую борьбу с советской властью. На допросе М. Басаев заявил, что повстанцы распускали среди чеченцев слухи о близком крушении советского строя и призывали население готовиться к вооруженному выступлению [2, с. 821]. Реакция Москвы на усиливавшуюся в республике антисоветскую деятельность была жесткой. Весной 1942 г. советская авиация дважды осуществляла бомбардировку ряда горных районов Чечни, где могли скрываться повстанцы. Следовательно, «...руководство страны фактически поставило повстанческое движение в республике на один уровень с внешним врагом – фашистской Германией» [13, с. 218].

В 1942 г. немецкие спецслужбы значительно активизировали свою деятельность на Северном Кавказе. Им в этом существенную помощь оказывали представители горской эмиграции. В 1942 г. с благословения германского правительства они создали Северо-Кавказский национальный комитет (СКНК), помогавший, в частности, немецкому военному командованию формировать восточные легионы. В пропагандистских целях для усиления влияния исламского фактора немцы привезли из Турции на Северный Кавказ и ввели в состав СКНК внука Шамиля – Саид Бея Шамиля. И.Ш. Алискеров в этой связи справедливо, на наш взгляд, подчеркивает: «В отличие от белой эмиграции, часть которой в трудное для Родины время встала за рубежом на патриотические позиции..., горская эмиграция из разных стран стянулась в фашистскую Германию и стала служить ей...» [14, с. 89].

Летом 1942 г. в Северо-Кавказский регион началась интенсивная заброска диверсионно-разведывательных групп, в том числе из числа бывших белоэмигрантов и советских военнопленных. С 25 августа 1942 г. и до начала января 1943 г. в Галашкинском районе Чечено-Ингушетии действовала одна из таких групп, выброшенная на парашютах с немецкого самолета

та. Она состояла из пяти человек во главе с Османом Губе-Сайдиуровым, уроженцем Дагестана. Ему немцы присвоили звание полковника вермахта и обязали подготовить к приходу на Кавказ гитлеровских войск антисоветское восстание. Однако расчеты на массовое выступление горцев против советской власти не оправдались. Пробыв практически безрезультатно в горах около полугода, диверсанты затем были обезврежены органами госбезопасности [15, с. 44].

Всего, согласно архивным данным из фондов НКВД, на территорию Чечено-Ингушской республики различными немецкими спецслужбами было заброшено только воздушным путем восемь диверсионно-разведывательных групп, общей численностью 77 человек. В том числе в июле–августе 1942 г. – пять групп из 57 человек и три группы из 20 диверсантов в августе 1943 г., т.е. уже после освобождения восточной части Северного Кавказа от оккупантов [16, с. 24]. Национальный состав разведчиков-диверсантов был весьма разнообразным: немцев – 15 человек, кабардинцев – 3, чеченцев – 13, грузин – 2, осетин – 21, русских – 1, ингушей – 16, казахов – 1, дагестанцев – 5. При этом лишь две группы находились под командованием немцев, а во главе других стояли осетины, ингуши и чеченцы. Передвигаясь по территории республики, диверсанты создавали в ее населенных пунктах группы поддержки немецкой армии. Однако лишь очень небольшая часть жителей Чечено-Ингушетии готова была стать под знамена фашистов. Так, группа во главе с обер-лейтенантом Ланге сумела организовать всего четыре такие повстанческие антисоветские ячейки общей численностью 41 человек [16, с. 24].

По данным органов госбезопасности Дагестанской АССР на территорию республики во время битвы за Кавказ проникли 152 шпиона, в том числе 50 парашютистов. За период с августа по ноябрь 1942 г. в Дагестане было выявлено и арестовано 42 специально обученных фашистских разведчиков и диверсантов. Летом 1942 г. участились случаи вооруженных нападений на предприятия связи. Так, в августе были разрушены линейные телефонные сооружения и аппаратура в семи сельских советах Цумадинского района, в сентябре – в пяти сельсоветах Цунтинского района. Такие же диверсии имели место, по меньшей мере, еще в пяти районах Дагестана [17, с. 41]. По данным В.П. Сидоренко, немецкие шпионы и диверсанты, которые забрасывались на Северный Кавказ, готовились гитлеровскими спецслуж-

бами в разведывательных центрах в Пятигорске и Евпатории [18, с. 134].

В период с августа по октябрь 1942 г. немецкие войска захватили большую часть Северного Кавказа. В эти тревожные для Красной Армии месяцы ситуация крайне тяжелой была не только на линии фронта, но и в тыловых районах, которыми стали территории Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской автономных республик. Причем врагу удалось захватить часть земель этих республик. Началась активизация деятельности бандитских формирований в тылу наших войск. Коллектив авторов из института всеобщей истории Российской Академии наук в своем труде дает следующую оценку данному факту: «Необходимо отметить, что именно в это время в тылу Северо-Кавказского фронта развернулась еще одна война – на этот раз советские военные части и подразделения НКВД боролись против бандитских формирований, организованных националистами на территории Чечено-Ингушской АССР и в ряде других областей Северного Кавказа» [19, с. 89–90].

Между тем, в Чечено-Ингушетии активизация деятельности бандформирований отмечалась особенно ярко в августе 1942 г., когда немцы стали подходить к границам республики. Повстанцы стали теперь открыто нападать на районные центры с целью грабежа и расправы над партийными и советскими активистами. Они захватывали колхозное имущество и скот, терроризировали местное население.

Нападениям грабительских банд подвергнулся эвакуированный из Ставропольского края в Дагестан колхозно-совхозный скот. В докладной записке на имя заместителя председателя СНК СССР А. Микояна руководители края М. Суслов и В. Шадрин сообщали, что особенно распространенным это явление было на территории Чечено-Ингушской АССР. Так, в районе аула Мескен-Юрт Шалинского района банды чеченцев в ночь на 31 августа 1942 г. отбили и угнали в горы 200 голов крупного рогатого скота, принадлежавшего Ессентукскому совхозу ВЦСПС [20, л. 50]. На следующую ночь в этом же районе чеченцы похитили 28 лошадей из стада одного из колхозов Ставропольского края. Местная милиция отказывалась выезжать в предполагаемые места укрытия похищенного скота, заявляя, что там следует появляться только в составе многочисленных и хорошо вооруженных отрядов. Обращения к властям Шалинского района и к правительству республики

ничего не дали. Понятно, что такого рода информацию в Москве тщательно изучали, добавляя ее к уже имевшейся ранее и свидетельствовавшей о серьезном политическом положении в Чечено-Ингушетии.

Особенно удручающим для Москвы был тот факт, что в рядах местных коллаборационистов оказалось довольно значительное число руководящих партийных, советских и правоохранительных работников Чечено-Ингушетии. Среди них были: первый секретарь Итум-Калинского РК ВКП(б) Тангиев, второй секретарь этого же района Садыков, председатель Галашкинского исполкома райсовета Албаков, начальник Старо-Юртовского РО НКВД Эльмурзаев, командир истребительного батальона Пригородного РО НКВД Оруханов [16, с. 18]. По данным органов госбезопасности с бандитами, в частности, активно сотрудничали, оказывая им всестороннюю помощь, Межиев – начальник Итум-Калинского районного отделения НКВД и Исаев – начальник Шатоевского РО НКВД. Среди рядовых сотрудников органов внутренних дел Чечено-Ингушской республики факты связей с бандитскими группами исчислялись десятками [21]. Всего летом 1942 г. бросили работу и скрылись в горах около 80 партийных и советских работников районного уровня. За период с 22 июня 1941 г. и по 3 ноября 1943 г. на территории Чечено-Ингушетии органами НКВД и частями Красной Армии было арестовано или уничтожено в ходе боев 3665 повстанцев из состава националистических формирований. Чеченцев и ингушей среди них насчитывалось 2690 человек [16, с. 19].

Столь же сложная обстановка с началом боев на Северном Кавказе сложилась в Кабардино-Балкарской АССР, особенно в Средней Балкарии. И это несмотря на то, что в борьбу с бандитами были вовлечены крупные силы: части Красной Армии, войска НКВД, местный истребительный батальон. Осенью 1942 г. масштабы бандитизма в Кабардино-Балкарии значительно увеличились. Дело дошло до того, что «местное население аулов Куркужин, Шардаково, Каменноостское, Сармаково ликвидировало советскую власть еще до прихода гитлеровцев, а в числе старост и полицаев оказалось несколько коммунистов», – говорилось в одном из донесений правоохранительных органов [22, с. 41]. В начале сентября 1942 г. два партизанских отряда Кабардино-Балкарии – Чегемский и Балкарский, общей численностью в 138 человек, были направлены на борьбу с бандами в Нижне-

Чегемское ущелье и район Кошкотоу [23, л. 35].

В Нальчике оккупантами было создано марионеточное правительство, получившее название «Представительства интересов Кабардино-Балкарии». В него входили как некоторые местные бывшие советские чиновники, так и эмигранты. К последним относились: князь З. Келеметов, князь Шекманов, А. Узденов. Кроме них, в составе правительства находились князь Давлат-гери Тавкетов, Махдев, Хотищев и Призенко [24, с. 249].

С отступлением частей 37-й армии из Балкарии националистические бандитские отряды открыто стали захватывать населенные пункты, грабить местное население и расхищать имущество колхозов. Антисоветские формирования настолько осмелели, что стали даже нападать на армейские подразделения, захватив, в частности, военное имущество 11-й дивизии НКВД и зенитное орудие 772-го артиллерийского полка вместе с его расчетом. Бандиты заставили красноармейцев стрелять по своим, и когда артиллеристы отказались это сделать, их расстреляли. Двум военнослужащим удалось убежать от бандитов и рассказать о случившемся военному командованию [22, с. 41].

Реакция штаба 37-й армии на это сообщение была быстрой и крайне трагичной для местного населения. По воспоминаниям бывшего первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) З.Д. Кумехова, командующий 37-й армии генерал П.М. Козлов отдал приказ «уничтожить всех бандитов и тех, кто их поддерживает» [25, с. 158]. В двух селениях Черекского района батальоном капитана Накина из 11-й стрелковой дивизии НКВД в период с 27 по 30 ноября 1942 г. было убито 1500 человек. В своем донесении Накин сообщал, что «...из них 90 чел. бандитов, 400 человек мужчин, имеющих связь с бандой, остальные – пособники бандитов» [25, с. 160]. Полностью истребленными оказались семьи рода Темирхановых – 85 человек, Миссировых – 133 человека, Гумовых – 31 человек и другие семьи семи родов общей численностью в 1500 человек. Дома этих семей были сожжены вместе с трупами их хозяев. Был расстрелян даже инвалид Великой Отечественной войны А. Миссиров, только накануне вернувшийся из госпиталя, где ему ампутировали правую руку. Расстрелян, несмотря на то, что предъявил солдатам внутренних войск свою историю болезни о ранении и инвалидности.

В ответ на противоправные действия советских войск, в Эльбрусском и Чегемском районах, населенных преимущественно балкарцами, возмущенные жители стали создавать партизанские отряды, воевавшие и с немцами, и с подразделениями Красной Армии [13, с. 223]. При этом отмечались факты поддержки этих отрядов со стороны части местного населения. Как и в Чечне, ряд партийных и советских работников оказались вовлеченными в стан таких бандитов-партизан. В частности, одну из банд возглавил председатель исполкома Черекского районного совета [2, с. 467].

Всего, по подсчетам органов НКВД в Кабардино-Балкарской АССР в 1943 г. насчитывалось около 30 бандитских групп численностью более 500 человек. Немало было бандитов-одиночек, а также дезертиров, занимавшихся разбоем. В течение 1942–1943 гг. в Балкарии за антисоветскую деятельность было арестовано 1227 человек, из них коммунистов и комсомольцев – 186 человек. Затем, при отступлении немцев с территории Кавказа, с ними ушли из горной Балкарии 362 человека [2, с. 467].

Следует отметить, что и после отступления немецких войск с Северного Кавказа германское командование продолжало активно поддерживать националистические и повстанческие отряды, действовавшие в Кабардино-Балкарии. На территорию республики гитлеровская авиация постоянно забрасывала группы парашютистов. Так, летом 1943 г. немецкие спецслужбы выбросили в Кабардино-Балкарию 10 диверсионных групп, участниками которых были, в основном, представители местного населения. Они вели здесь активную антисоветскую деятельность, как пропагандистскую, так и военно-диверсионную [13, с. 223]. Даже в 1944 г., когда надежд на возвращение немецкой армии на Кавказ уже не было, активность гитлеровских спецслужб не уменьшилась. В ночь на 2 августа 1944 г. дозоры НКВД зафиксировали в районе селения Заюково появление шести парашютистов. Вскоре три диверсанта явились в колхозную бригаду, где они «...покушали и ушли». На вопрос колхозников к парашютистам, кто они и откуда, последние ответили: «Мы – мусульмане, если Вы нам плохого не сделаете, мы Вас также не тронем» [25, с. 369].

Были приняты меры к установлению личностей вражеских агентов и затем, через их родственников, проведена работа с целью склонить парашютистов-диверсантов к добровольной явке в правоохранительные советские органы. Всего за июнь–июль 1944 г. на территорию республики

было выброшено с немецких самолетов 86 парашютистов. К началу августа органы НКВД и НКГБ уничтожили 18 диверсантов, а 29 взяли в плен. Пять человек явились с повинной. После допросов пленных парашютистов-диверсантов чекисты полностью выяснили национальную принадлежность всех 86-ти агентов: 64 кабардинца, 20 балкарцев, один осетин и один черкес [25, с. 370]. В последующие недели продолжались операции по уничтожению остальных 34 парашютистов.

На территории Карачаевской автономной области, входившей тогда в состав Ставропольского края, еще до вступления сюда гитлеровских войск, правоохранительными органами также отмечались отдельные факты деятельности антисоветских сил. С осени 1941 г. в горных районах Карачая активизировались бандитские группы, для борьбы с которыми потребовались значительные силы. Начальник НКВД по Ставропольскому краю Панков сообщал краевому партийному и советскому руководству, что банды грабят местное население, нападают на учреждения власти, на колхозные фермы. Так, банда К. Кучукова осуществила разбойное нападение на золотой прииск Мушта, ограбив магазин и убив четырех жителей [26, с. 215]. В этом же районе оперировала банда Батчаева, среди членов которой были и дезертиры, и уголовники, и националисты, и даже несколько местных милиционеров. В селении Верхняя Теберда председатель сельсовета поддерживал тесную связь с бандитами, призывая жителей оказывать всестороннюю помощь повстанцам [26, с. 215].

Еще одну бандитскую группу возглавлял К. Байрамуков, действовавший со своими немногочисленными сторонниками в горно-лесистой местности Учкуланского района. Немецкая разведка была хорошо информирована о существовании и деятельности его группы, и 6 мая 1942 г. в горах Карачая был выброшен с немецкого самолета отряд диверсантов в количестве 11 человек. Он направлялся к Карачаевску, чтобы соединиться с отрядом Байрамукова для совместных действий в тылу советских войск. Однако уже на следующий день чекисты запеленговали рацию диверсантов. На их захват было направлено четыре поисковых отряда [27]. 13 мая 1942 г. вражеских агентов, а это были бывшие советские военнопленные и дезертиры, настигли и обезвредили. Семь диверсантов было убито. У них чекисты обнаружили различные документы: коды, шифры, инструкции и записи, имевшие важное значение для органов госбезопасности. У каждого

из убитых диверсантов-разведчиков изъяли удостоверение личности, в котором говорилось: «Предъявитель сего горец-националист (фамилия) является сотрудником германской армии, ведущей кровавую победоносную войну с врагами всех горцев и всего человечества – с большевиками. Кто осмелится ему помешать в его деле, будет рассматриваться германским командованием как изменник и предатель» [16, с. 23].

Сложнее обстояло дело с ликвидацией местных бандитов, хорошо знавших горы, и потому долго остававшимися безнаказанными. К августу 1942 г. на территории Карачая и Черкесии действовало 12 повстанческих групп, ставших опорой немецкой власти [13, с. 221]. Точное количество банд, находившихся в Карачае после освобождения области от оккупантов, т.е. с января 1943 г., их численный и национальный состав все еще остаются проблемами спорными.

Ни один народ Советского Союза, в том числе русские, украинцы, чеченцы, карачаевцы, калмыки, армяне, грузины и другие, не избежал такой участи – и героизма, и предательства.

О коллаборационистских настроениях части многонационального населения Карачая в период оккупации автономной области свидетельствуют очевидцы с немецкой стороны. Автору этих строк удалось связаться с бывшими военнослужащими вермахта, воевавшими в составе 49-го горнострелкового корпуса генерала Конрада на Северном Кавказе. От них, в частности, получены материалы, документы и личные воспоминания о пребывании в горах и населенных пунктах Карачаевской автономной области в 1942–1943 гг., о взаимоотношениях с местным населением.

Так, бывший лейтенант 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» Вернер Якоби пишет в книге о своем пребывании в конце августа 1942 г. в горах в районе Микоян-Шахара (ныне – Карачаевск). Он свидетельствует, что местное население относилось к немецким солдатам не враждебно. Некоторые мужчины, таившие обиду на советскую власть, даже оказывали помощь в снаряжении лошадей, предупреждали о неприятеле, просили оружие для борьбы с партизанами [28, с. 56]. Горцы-пастухи в качестве проводников проводили немецкие отряды по горам. Правда, при этом автор не уточняет, добровольно или под принуждением шли они на такой шаг. В одном из свидетельств Якоби говорится об ауле, где часть жителей вооружена автоматами и пистолетами. У них есть удостоверения, что они добровольно помога-

ют немецкой армии и имеют право на ношение оружия [28, с. 58].

Следует отметить, что вопрос о разрешении горцам открыто носить оружие, обсуждался германским руководством еще до оккупации Северного Кавказа. В плане А. Розенберга «О преобразовании Кавказа» в этой связи отмечалось: «Учитывая предполагаемую готовность этих народов сотрудничать с Германией, можно им, в отличие от других народов разрешить ношение легкого оружия» [29, л. 190]. В пропагандистских целях вручение холодного оружия – «большого кавказского кинжала и сабли» предполагалось облечь в торжественную форму. В дальнейшем, указывал А. Розенберг: «Возможно, изучив обстановку, мы сумеем местами оставить кавказцам и винтовки» [29, л. 190].

Военные корреспонденты газеты «Панцер, форан!», печатного органа 1-й немецкой танковой армии, в начале сентября 1942 г. писали о своих впечатлениях о Кавказе и местных жителях. Они, в частности, свидетельствовали о доброжелательном отношении горцев к немецким альпийским стрелкам. В статье говорится о карачаевце, который восемь лет скрывался в горах от советской власти и с группой своих единомышленников из восьми человек все эти годы вел борьбу с большевиками. Теперь он готов показать немецкому отряду проход по труднодоступному ущелью по направлению к перевалу. Интересно, что сами корреспонденты называют его «бандитом», который «снова созвал свой старый добровольческий отряд из карачаевцев, в котором каждый выглядит отважнее и диче другого» [30].

Для привлечения на свою сторону местного населения оккупанты создали на территории автономной области «Карачаевский национальный комитет». О его количественном и национальном составе в региональной исторической литературе имеются различные суждения. Так, по мнению В. Гнеушева и А. Попутько немцы главным критерием подбора руководителей комитета считали их антисоветскую деятельность и классовое происхождение [31, с. 109]. Не случаен, поэтому тот факт, что старшиной «Карачаевского национального комитета» стал бывший кулак К. Байрамуков. Его заместителем был выходец из помещичьей семьи М. Байчоров. Авторы приводят в своей работе и другие фамилии членов комитета: М. Кочкарова, М. Лайпанова, Х. Алиева, А. Абайханова и других.

В оккупированной Черкесской автономной области гитлеровцы со-

здали еще одно марионеточное правительство – Черкесскую управу. Ее возглавляли А. Якубовский, М. Дышеков, И. Нартиков [32, с. 110]. Они проводили такую же работу, как и другие руководители профашистских органов власти на Северном Кавказе: боролись с партизанами и подпольщиками, выявляли и передавали в руки гестапо коммунистов и работников НКВД, осуществляли экономические мероприятия в интересах немецкой оккупационной администрации.

Однако все эти «правительства» оказались недолговечными. Они просуществовали ровно столько, сколько сохранялся на территории Северного Кавказа немецко-фашистский оккупационный режим. С его крахом закончилась и деятельность марионеточных органов власти в национальных районах Кавказа. Активные деятели этих структур ушли вместе с немецкой армией на Запад, понимая, что советская власть не простит им сотрудничества с врагом.

Исходя из вышеизложенного материала, можно сделать вывод, что Северный Кавказ в годы Великой Отечественной войны, наряду с Прибалтикой и Западной Украиной, был одним из регионов страны, в котором коллаборационизм получил довольно широкое распространение. Причинами этого явления был целый ряд обстоятельств:

На Северном Кавказе с довоенного времени состав населения был весьма пестрым, как по национальному и религиозному, так и по социальному и экономическому признакам. Эта особенность, наряду со значительным количеством недовольных советской властью групп населения, стала одной из причин сотрудничества немалого числа местных жителей с оккупантами. И колхозное крестьянство, и казачество, и мусульманское население национальных республик и автономных областей Северного Кавказа подвергались в 20–30-е годы репрессиям со стороны сталинского режима; теперь же, в период оккупации, коллаборационизм стал своеобразным ответом на эти гонения.

Коллаборационизм активной формы был все же меньшим по масштабам, чем коллаборационизм пассивный, вынужденный. Из-за угроз со стороны оккупационных властей трудоспособному населению надо было выходить на работу в поле, на заводы, в учреждения. Альтернативой такому насилию было сопротивление и борьба с нацистами. Но таких людей на оккупированной территории Северного Кавказа было не много...

В целом же такое негативное для советской власти явление как коллаборационизм, должно было показать советскому руководству, что предвоенная политика в Северо-Кавказском регионе проводилась с большими ошибками и, следовательно, нуждалась в существенной корректировке. Однако, к сожалению, был сделан другой вывод, обернувшийся трагедией для части народа многонационального Кавказа. Сталинский режим усилил репрессии и обвинения в адрес целых народов в пособничестве врагу. В этом и состоит поистине трагическая страница проявлений коллаборационизма как следствия оккупационной немецкой политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Кирсанов Н.А., Дробязко С.И.** Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60-75.
- 2. Семиряга М.И.** Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000.
- 3.** Великая Отечественная война 1941-1945: Словарь-справочник. 2-е изд., доп. – М., 1988.
- 4.** Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.Р. 897. Оп. 1. Д. 9.
- 5. Андреева Е.** Генерал Власов и русское освободительное движение. Пер. с англ. – Лондон, 1990.
- 6. Беликов Г.** Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. – Ставрополь, 1998.
- 7. Карелл П.** Дорога в никуда: вермахт и Восточный фронт в 1942 г. / Пер. с нем. Уткина А.Л. – М, 2003.
- 8.** Ставропольские губернские ведомости. – 1995. – 22 марта.
- 9. См., Кривошеев Г.Ф.** О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 94.
- 10. См., например:** Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии. – М., 1992.
- 11. Бугай Н.Ф.** Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 32-44
- 12.** Независимая газета. – 2000. – 29 февраля.
- 13. Марченко Г.** Депортация // Дон. – 1998. – № 4.
- 14. Алискеров И.Ш.** Влияние региональных и этнических факторов на военнополитическую обстановку на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Материалы «Круглого стола», посвященного 50-летию Победы. 13 апреля 1995 г. – М., 1995.

15. **Галицкий В.П.** «...Обязуюсь... помочь германской армии» // Военно-исторический журнал. 2000. № 3. С.43.
16. **Галицкий В.П.** «...для активной подрывной диверсионной деятельности в тылу у Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. № 1. С. 17–25
17. **Бутаев М.Д.** Дагестан в период обороны Кавказа (анализ малоизвестных документов) / Годы суровых испытаний и народного подвига. Сборник статей. – Махачкала, 1995.
18. **Сидоренко В.П.** Особые оборонительные районы Северного Кавказа / Органы внутренних дел на пути к правовому государству. Сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып.1. – СПб., 1993.
19. **Кульков Е., Ржешевский О.** Война 1941–1945. Факты и документы. – М., 2001.
20. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.Р. 1852. Оп. 12. Д. 33.
21. Кубань сегодня. – 2001. – 18 мая.
22. **Семин Ю.Н., Старков О.В.** Кавказ. 1942-1943 годы: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. №8. С. 35–43.
23. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 4372. Оп. 1. Д. 7.
24. **Некрич А.** Наказанные народы // Нева. 1993. № 9, 10. С.251
25. Лики войны. Сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Нальчик, 1996.
26. **Селюнин В.А.** Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941-1945 гг. – Ростов-на-Дону, 1997.
27. Ставропольские губернские ведомости. – 2000. – 6 мая.
28. **Якоби В.** Молодежь в войне 1940-1945. Военный дневник (на нем. яз). – Мусберг, 1995.
29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7445. Оп. 2. Д. 9.
30. Пятигорское эхо. – 1942. – 6 сентября.
31. **Гнеушев В., Попутько А.** Партизанский заслон. – Ставрополь, 1985.
32. **Койчуев А.Д.** Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Ростов-на-Дону, 1998.

УДК 327.2

В. И. Мусаев

СТРАТЕГИЯ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ВОСТОКЕ

Война против Советского Союза имела особое значение для политического и военного руководства нацистской Германии, она выходила за рамки обычного военного столкновения. А. Гитлер, рассуждая о задачах германской политики на Востоке в своей книге «Майн Кампф», подходил к ним с точки зрения своей теории «жизненного пространства» (“Lebensraum”). По мнению Гитлера, «свобода существования для народа может быть обеспечена лишь одним способом: через жизненное пространство». «Когда же мы говорим о новой земле», продолжал фюрер, «мы можем думать в первую очередь о России и подчиненным ей окраинным государствам» [1, S. 19]. В понятие освоения «жизненного пространства» входило не только традиционное завоевание территории и покорение других народов, но и заселение завоеванных земель немцами. Расширение германского «жизненного пространства» Гитлер обосновывал прежде всего якобы насущной необходимостью обеспечить питанием немецкий народ. Территориальное протяжение этого «жизненного пространства» в «Майн Кампф» выглядит несколько туманно, хотя Гитлер успел уже подумать о черноземных областях Украины и юга России и нефтяных месторождениях Кавказа, «где есть нефть, зерно и вообще все, что необходимо для обеспечения жизненного пространства, земля, где текут молочные реки с кисельными берегами» [2, S. 187]. Достоянием гласности стало еще одно высказывание фюрера, которое он сделал в узком кругу высших руководителей Рейха незадолго до нападения на СССР: «Нам самим должно быть совершенно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем... Империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужой армии... В основном виде дело сводится к тому, чтобы освоить огромный пирог с тем, чтобы мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли и, в-третьих, эксплуатировали» [3, с. 49–50].

Гитлер ожидал конкретной экономической пользы от завоеванного пространства. Тем чаще он оправдывал нападение на Советский Союз аргументами хозяйственного характера. Эти экономические интересы надо учитывать, чтобы понять планы эксплуатации по отношению к советской территории. Однако не следует рассматривать хозяйственные интересы в отрыве от мировоззренческих. Вопрос заключался не в приоритете мировоззрения или экономики. Скорее следует исходить из тесного переплетения идеологии с экономическим мышлением, которые взаимно обуславливали друг друга и влияли друг на друга. Уже при подготовке «плана Барбаросса» внимание уделялось экономическому использованию завоеванной территории. Те, кто составлял хозяйственные планы Третьего Рейха, рассчитывали в течение следующего года войны поднять снабжение немецкого гражданского населения до возможно более высокого уровня. Баланс питания в Германии развивался негативно. В Рейхе никто еще не голодал, но запасы зерна в 1940–1941 гг. существенно убавились. Правительство было серьезно озабочено таким ходом дела, так как в националистических и консервативных кругах твердо укоренилось убеждение, что Первая мировая война была проиграна из-за крушения тыла, вызванного, в свою очередь, неудовлетворительным продовольственным снабжением. Готового решения проблемы под рукой, однако, не имелось. Блокада с моря в значительной степени отрезала Германию от морских транспортов, а возможности поставок из стран Южной Европы были на исходе.

Такое развитие событий не было неожиданностью. Уже в августе 1939 г. составители плана прогнозировали, что континентальная Европа без «хозяйственного присоединения России» не сможет противостоять блокаде. В ситуации, сложившейся на международной арене в 1939–1940 гг., правительство Рейха могло рассчитывать на рост поставок зерна из Советского Союза, однако этого можно было добиться лишь ценой поставок промышленных товаров и военной продукции. Тогда пришлось бы заплатить и политическую цену: Германия могла бы оказаться в сильной зависимости от Советского Союза. Советское правительство могло увеличить поставки лишь за счет ограничения внутреннего потребления. Германско-советское сотрудничество для Гитлера с самого начала было чисто тактическим ходом. 11 августа 1939 г., за две недели до подписания договора о ненападении с

Советским Союзом, он изложил свою стратегию в разговоре с комиссаром народного союза в Данциге К. Я. Буркхардтом: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад будет слишком глух и слеп, чтобы это понять, мне придется договориться с русскими, чтобы нанести удар Западу, а после его поражения я со всеми своими силами обращусь против Советского Союза. Мне нужна Украина, чтобы нам не пришлось, как в последнюю войну, снова голодать» [2, S. 188].

Когда началось составление планов «похода на Россию», возникла следующая «проблема»: как будут снабжаться три миллиона солдат вермахта в Советском Союзе? Весь поход был задуман в огромных масштабах так, что проблемы со снабжением не могли не возникнуть. Глубина операции составляла до 2000 километров, что делало невозможным снабжение дорожным транспортом: потребовалось бы слишком много бензина. Поэтому основную роль должны были сыграть железнодорожные перевозки, однако возникала проблема приспособления к более широкой российской железнодорожной колее. К тому же Советский Союз связывали с Западом лишь несколько линий. Так что имелась возможность ввозить в страну лишь самое необходимое. Решение проблемы заключалось в том, чтобы три миллиона солдат вермахта снабжали сами себя на месте.

В германских планах войны на Востоке, наряду с экономической составляющей, присутствовала идеологическая. Для нацистской верхушки это была не только война за «жизненное пространство», за возможность хозяйственной эксплуатации завоеванной территории и получения дарового продовольствия, сырья и других ресурсов. Борьба с Советским Союзом трактовалась как столкновение двух мировоззрений, как новый крестовый поход на Восток. Выступая 30 марта 1941 г. перед представителями высшего немецкого генералитета, Гитлер отмечал, что новая война будет радикально отличаться от войны на Западе: «Речь идет о войне на уничтожение. Если мы не поймем это, мы не сможем до конца победить врага, и через 30 лет мы снова окажемся лицом к лицу с коммунистической угрозой. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего врага» [4, S. 50]. Свою роль играла и нацистская расовая теория, которая трактовала славянские и другие народы как «низшую расу», предназначением которых должно было стать подчинение «арийской расе» господ. Гитлер, говоря об экс-

плуатации захваченных территорий на Востоке, проводил аналогии с британским колониальным господством в Индии. Население «германской Индии», то есть, Советского Союза, было для него не более, чем массой «белых рабов» [1, S. 19–20]. При достижении поставленных целей следовало отбросить какие бы то ни было моральные соображения. Еще 25 мая 1940 г. Г. Гиммлер письменно доложил Гитлеру соображения об обращении с населением захваченных территорий, которые были одобрены и утверждены фюрером в качестве директивы под названием «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей». Как видно из этого документа, нацистская политика была рассчитана на физическое уничтожение и полную ликвидацию отдельных славянских народов [5, с. 20].

На протяжении месяцев, предшествовавших нападению на Советский Союз, в Германии формировались политические и хозяйственные структуры, которые должны были осуществлять управление оккупированными восточными территориями. 10 декабря 1940 г. верховное командование представило первый подробный доклад, в котором были изложены соображения об использовании ресурсов на Востоке. В феврале 1941 г. был образован штаб «Ольденбург» и обрисован круг его компетенции; «Ольденбург» стал затем кодовым названием для образованного месяцем позже «Хозяйственного штаба Ост» («Wirtschaftsstab Ost»). Штаб находился под надзором Г. Геринга, постоянным представителем которого был статс-секретарь П. Кёрнер. Фактически работой штаба заправлял генерал-лейтенант доктор фон Шуберт, старый офицер рейхсвера. При каждой группе армий на фронте Шуберт имел своего уполномоченного – «экономического инспектора». В работе штаба принимал участие, помимо прочих, генерал Г. Томас, руководитель «Управления военной экономики и вооружения ОКВ»* («Wehrwirtschafts- und Rüstungsamt im OKW»). Несколько позже в системе штаба был учрежден пост «генерального инспектора по сбору и использованию сырья в оккупированных восточных областях». На эту должность был назначен генерал-лейтенант В. Виттинг, связанный с угольно-металлургическим концерном Ф. Флика [4, S. 55].

Также в марте началась разработка будущей политической организации завоеванных территорий, которые предполагалось расчленить на не-

* ОКВ (OKW) – Верховное командование Вермахта (Oberkommando Wehrmacht).

сколько областей, среди которых выделялись Великороссия (Московия), Белоруссия, Украина и Крым, Прибалтика, Донецкая область, Кавказ и Туркестан. Основная роль в разработке этих планов принадлежала ведомству А. Розенберга. 20 апреля Розенберг был назначен уполномоченным по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями. Незадолго до нападения на СССР Розенберг представил план образования на будущей оккупированной территории четырех обширных областей – «рейхскомиссариатов»: Остланд, в который должны были войти Прибалтика и Белоруссия, Украина, Москва и Кавказ [1, S. 65]. Эти территории подлежали переводу под гражданское управление.

Весной–летом 1941 г. был принят ряд инструкций и директив, в которых определялась система политических и хозяйственных мероприятий на оккупированных территориях. Одной из основных среди них была «Инструкция об особых областях к директиве № 21 (плана Барбаросса)», датированная 13 марта 1941 г. и подписанная верховным главнокомандующим фельдмаршалом В. Кейтелем. Из этого документа следует, что неотъемлемой частью плана «Барбаросса» была ликвидация советского государства как политического целого, его расчленение на отдельные области. Командующие войсками в соответствующих областях и рейхскомиссары наделялись полномочиями верховной военной власти с неограниченными правами в отношении гражданского населения. Ведомство Г. Гимmlера должно было выполнять «специальные задачи» (Sonderaufgaben) по подготовке политического управления, т. е. по установлению жестокого террористического режима на оккупированных территориях. Ему вменялось в обязанность действовать, исходя из идеи «решительной борьбы двух противоположных политических систем». «Специальные задачи», осуществление которых целиком передавалось в руки генералов и офицеров СС, и право действовать «самостоятельно и на свою ответственность» означали невиданный террор, грабежи, насилия и убийства военнопленных и мирных граждан [4, S. 61]. Через несколько дней, 26 марта, генеральный штаб армии представил проект приказа о координации взаимодействия между органами полиции безопасности и СД и армией. Этот проект лег в основу приказа «О принципах деятельности полиции безопасности и СД в войсковых соединениях» от 28 апреля 1941 г., подписанного командующим арми-

ей В. фон Браухичем. Приказ предусматривал размещение подразделений СД в тыловых областях армий и групп армий и подчеркивал коллективную ответственность органов СД и армии за проведение планируемых карательных операций [4, S. 64]. С формировавшейся системой террора и насилия был связан и так называемый «комиссарский приказ», проект которого представил 6 мая 1941 г. генерал Э. Мюллер, прикомандированный к командующему армией для выполнения особых задач. В проекте предусматривалось немедленно расстреливать политруков Красной Армии и других партийных функционеров, а также «иных значительных политических деятелей, которые попадут в руки войск». Приказ, в несколько переработанном виде, под названием «Директивы по обращению с политическими комиссарами» был подписан 6 июня 1941 г. по поручению Кейтеля начальником «отдела сухопутной обороны» (Abteilung Landesverteidigung) при штабе Вермахта генералом В. Варлимонтом [4, S. 61–62].

29 апреля Гитлер проводил совещание с руководителями отделов Вермахта по обсуждению хозяйственного раздела плана «Барбаросса» (плана «Ольденбург»). В протоколе совещания речь шла о назначении Г. Геринга уполномоченным по управлению экономикой захваченных советских территорий, причем заблаговременно планировалась организация центров оккупационного режима в отдаленных от западной границы городах. Директива «О военной подсудности в районе “Барбаросса” и об особых полномочиях войск» от 13 мая за подписью фельдмаршала В. Кейтеля требовала применения к советскому населению на захваченных территориях «массовых насильственных мер» и снимала с военнослужащих Вермахта ответственность за любые насилия над мирными гражданами. Наконец, еще один документ, «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими», инструкция, подписанная уполномоченным по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретарем Г. Бакке от 1 июня, провозглашала оккупационный режим на территории СССР «вечным» и требовала от чиновников германской оккупационной администрации «проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия» [5, с. 17–18].

2 мая 1941 г. руководитель «Хозяйственного штаба Ост», генерал-лейтенант фон Шуберт, пригласил государственных секретарей ключевых хозяйственных министерств и других чиновников хозяйственных органи-

заций для беседы относительно «плана Барбаросса». Здесь цели Германии в оккупированных советских областях были обозначены следующим образом: «1. Вести войну дальше только в том случае, если весь Вермахт на третий год войны будет накормлен за счет России. 2. При этом миллионы людей безусловно погибнут от голода, если мы будем вывозить из страны то, что нам необходимо» [4, S. 59]. В частности, предусматривался вывоз 10 миллионов тонн зерна в течение первого года войны и еще семи миллионов в течение следующего года. Интересы населения оккупированной территории при этом вообще не принимались во внимание [6, p. 88]. Здесь надо выделить два ключевых пункта немецкой эксплуатационной политики. В первом пункте завоевание и эксплуатация Советского Союза представлены как условие продолжения всей войны. Во втором пункте открыто говорится, за чей счет эта эксплуатация должна проходить. Голодная смерть «нескольких миллионов» являлась неотъемлемой частью эксплуатационной концепции, она была рассчитана заранее.

Эта программа была конкретизирована в «Хозяйственно-политических директивах хозяйственного штаба Ост», принятых 23 мая 1941 г. Его авторами были упоминавшийся выше Г. Бакке и его ближайший сотрудник Х.-Й. Рике, руководитель группы сельского хозяйства в «хозяйственном штабе Ост». Их расчеты исходили из продолжения похода на восток до линии Архангельск–Астрахань. Исходный пункт проекта состоял в том, что российский экспорт сельскохозяйственной продукции по сравнению с годами перед Первой мировой войной заметно сократился, хотя площадь возделываемых полей в России значительно увеличилась и урожаи остались примерно на прежнем уровне. Сокращение экспорта Г. Бакке и Х.-Й. Рике объясняли ростом собственных потребностей, к которому привел рост численности населения России, особенно городского. Отсюда следовало заключение: «Излишек зерна в России определяется не размерами урожая, а размерами внутреннего потребления». Вывод из этого анализа был прост: «Так как Германия и Европа при любых обстоятельствах нуждаются в увеличении импорта, это потребление должно быть соответственно снижено». Посредством простых расчетов они высчитали, что при сокращении годового потребления на душу населения с 250 кг зерна до 220 «освобождается» излишек в 8,7 миллионов тонн [2, S. 189].

Следовало, однако, добиться такого сокращения потребления. Предпосылки для этого были в России, по мнению авторов проекта, особенно хороши, «так как производящие области резко отделены от потребляющих». Здесь в качестве «производящей области» или «области излишек» (“Überschußgebiet”) были определены черноземные районы на юге и юго-востоке Советского Союза – Украина, юг России и Северный Кавказ, а в качестве «потребляющей» (“Zuschußgebiet”) – «лесная зона» с подзолистыми почвами – территория Белоруссии и Северной и Центральной России до Урала, включая Ленинград и Москву. Так как излишки, производившиеся в черноземных областях, потреблялись северными районами, следовало черноземные области отделить от них и использовать излишки урожая для покрытия потребностей Вермахта, Германии и остальной Европы. В «директивах» говорилось: «Следствием является прекращение поставок во всю лесную зону, включая западные промышленные центры Москву и Петербург», что повлечет за собой «как неизбежный паралич промышленности, так и вымирание значительной части населения бывшей потребляющей области» [7, S. 404–405].

Речь шла, таким образом, об искусственно организованном голоде (в немецкой исторической литературе позднее писали о «голодной политике» или «голодной стратегии»). Эта «голодная политика» рассматривалась, однако, не как средство достижения цели при эксплуатации занятой территории, а как «неизбежное» следствие перекачки продовольственных припасов на нужды армии и в Германию. До того речь шла лишь о сокращении потребления, а теперь вся Северная и Центральная Россия оказывалась лишена какого бы то ни было продовольственного снабжения и предоставлена сама себе. То, что последствием такой политики был бы «несомненный голод», учитывалось составителями плана в хозяйственном штабе Ост: «10 миллионов человек в этой области являются лишними, они должны умереть от голода или отправиться в Сибирь» [2, S. 190].

Отсюда явствует собственно «решение проблемы». Чтобы добиться получения излишков российской сельскохозяйственной продукции в размерах периода до Первой мировой войны, нужно было «восстановить» тогдашнее соотношение населения. Прежде всего, надо было обратить вспять рост городского населения на 30 миллионов. Крестьянам на юге следовало

обеспечить приемлемые условия существования, чтобы они могли производить необходимые излишки. Всех же «лишних едоков» надо было привлечь к «практическому труду» или выслать в «лесную зону». Бакке и Рике оправдывали эту политику голода тем, что попытки накормить советское население стали бы делаться за счет жителей Германии, которое могло бы проявить недовольство.

Эти «директивы» не пропали даром. Согласно письму доктора Ф. Рихтера, референта Геринга по восточным вопросам, «тезисы Бакке» «оказали значительное влияние на хозяйственное планирование восточного похода». Бакке рассчитал, что около 30 миллионов человек в Советском Союзе должны пасть жертвой голодной политики. Отныне этой цифрой оперировали также те, кто принимал политические решения в Третьем Рейхе. На встрече группенфюреров СС в Вевельсбурге Гитлер заявил, что «целью русского похода является сокращение славянского населения на 30 миллионов», а Геринг объявил министру иностранных дел Италии графу Г. Чиано: «В этом году в России умрут от голода от 20 до 30 миллионов человек. Возможно, это неплохо, что численность некоторых народов будет сокращена» [8, S. 365].

В июне 1941 г., появился еще один документ: «Директивы по хозяйственному руководству в недавно занятых восточных областях», известные как «Зеленая папка» (“Grüne Mappe”), предписания которой подлежали исполнению со стороны не только хозяйственных органов, но и военного руководства. «Зеленая папка» предусматривала: «Полное овладение всем имеющимся в оккупированных советских областях хозяйственным имуществом, которое представляет интерес для дальнейшего ведения войны Германией, в первую очередь концентрация продукции сельского хозяйства, равным образом всего другого сырья, важного в военном отношении, которого не имеется в достаточном количестве в Германии и остальных занятых странах и областях Европы; безусловное обеспечение Вермахта питанием посредством непреклонной конфискации запасов, имеющихся в оккупированных областях, и использования продукции сельского хозяйства; восстановление и пуск предприятий, которые служат вышеуказанным задачам, при одновременном угасании остальной промышленности, поскольку она не требуется для целей вооружения и задач по непосредственному

обеспечению Вермахта» [4, S. 55–56]. Документы «Зеленой папки» подтверждают преднамеренность немецких планов расчленения и ограбления советских территорий.

Планируя поход на Восток, нацисты не забыли подумать и о грабеже культурных богатств своего будущего противника. Центральное руководство этой «деятельностью» на протяжении всей войны осуществлял специальный айнзацштаб, подчиненный Розенбергу. В период непосредственной подготовки к войне было образовано «Центральное ведомство по изъятию и хранению культурных ценностей в занятых восточных областях», которым руководил Г. Утикаль. Его задача состояла в том, чтобы собирать ценные документальные материалы и научные работы в архивах и библиотеках, произведения искусства в музеях, картинных галереях и т.д. и отправлять их в Германию. С этой целью при каждой армии были образованы айнзацштабы ведомства Утикаля. В инструкции генералквартирмейстеру армии от 5 апреля 1941 г. ОКВ требовало создавать уполномоченным Розенберга «благоприятные условия для работы, чтобы они могли быстро и беспрепятственно выполнять свои задачи» [4, S. 60].

Накануне нападения на Советский Союз, 20 июня 1941 г., А. Розенберг на секретном совещании узкого круга нацистских лидеров выступил с большой речью, в которой он суммировал прежние высказывания, свои и своих товарищей по партии, по вопросу о политических целях войны. Содержание этой речи не оставляло сомнений в том, что нацисты стремились не только уничтожить социалистический строй и советское государство, но и лишить русский народ всякой государственности. Война, говорил Розенберг, «ведется не во имя образования неделимой России, а для проведения германской мировой политики». Её цель состояла в том, чтобы «выкроить из огромной территории государственные образования и направить их против Москвы, освободив тем самым Германскую империю на будущие века от восточной угрозы» [9, с. 121]. «Целью германской восточной политики по отношению к русским является то, чтобы эту первобытную Московию вернуть к старым традициям и повернуть лицом на Восток», резюмировал Розенберг [5, с. 17].

Из всего вышеизложенного со всей очевидностью явствует, что вторжение германской военщины в СССР 22 июня 1941 г. вовсе не было

превентивным ударом с целью упредить готовившееся нападение Советского Союза на Германию. Можно спорить о том, действительно ли И. В. Сталин собирался первым начать войну (аргументы в пользу этого тезиса в последнее время приводятся некоторыми зарубежными и отечественными исследователями и публицистами). Несомненно другое: военно-политическое руководство нацистской Германии долго и основательно готовилось к восточному походу, преследуя при этом вполне определенные захватнические цели.

Менее чем через месяц после нападения на СССР, в середине июля 1941 г., нацистские главарь приступили к практическому осуществлению задуманных мероприятий по «освоению» занятых территорий. 16 июля состоялось совещание в ставке Гитлера по вопросам об организации управления на Востоке. На следующий день последовал приказ Гитлера о гражданском управлении на оккупированных территориях. Общее управление этими территориями возлагалось на Министерство по делам оккупированных восточных областей, которое возглавил А. Розенберг. «Гражданские власти», гласил второй пункт приказа, «во вновь оккупированных восточных областях подчинены рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей, если эти области не входят в компетенцию администрации пограничных с Рейхом или с генерал-губернаторством (Польшей – В. М.) территорий». Приказ устанавливал, что подчиненные рейхсминистру оккупированные области подразделяются на рейхскомиссариаты. Последние, в свою очередь, делятся на генеральные округа (Generalbezirke), а те – на округа (Gebiete). В тот же день, 17 июля 1941 г., Гитлер подписал указ о полицейской охране оккупированных восточных областей, которая возлагалась на рейхсфюрера СС и начальника полиции Г. Гимmlера, который наделялся правом отдавать рейхскомиссарам распоряжения по данному вопросу. Для осуществления полицейской охраны к каждому рейхскомиссару прикомандировывался старший начальник СС и полиции, непосредственно и лично подчиненный рейхскомиссару [1, S. 95–96; 9, с. 124–125].

Оккупированная советская территория, помимо тех областей, которые подлежали передаче государствам – союзникам Германии, была разделена на две части: территории, находившиеся под военным и под гражданским управлением. Первая часть, в свою очередь делилась на две зоны.

Первая – театр военных действий сухопутных войск – включала в себя территорию от линии фронта до тыловых границ групп армий и подразделялась на районы боевых действий и тыловые районы армий. Каждый район боевых действий (Kampfzone) подразделялся на корпусные округа (Korpsgebiete). Вся полнота власти в этих районах находилась в руках командных инстанций войсковых соединений. Тыловые районы групп армий (rückwärtigen Heeresgebiete) примыкали к тыловым районам отдельных армий. Тыловые районы как армий, так и групп армий подразделялись на полевые и местные комендатуры, которые территориально примерно совпадали с прежним советским административным делением [1, S. 107].

Далее к Западу находились территории, подлежащие передаче под гражданское управление. Передача оккупированных областей в гражданское управление началась 20 августа, а 1 сентября на этих территориях были образованы рейхскомиссариаты. Из четырех комиссариатов, образование которых было запланировано Розенбергом, фактически были образованы только два: «Остланд» и «Украина». Оба рейхскомиссариата имели в своем составе четыре главных отдела, ведавших национальной и расовой политикой, религией, правом, финансами и налогами, промышленностью, сельским хозяйством, транспортом и другими вопросами. Поставленные во главе их рейхскомиссары (соответственно Х. Лозе и Э. Кох) формально были ответственны непосредственно перед Розенбергом, фактически же обладали значительной самостоятельностью. В каждый рейхскомиссариат, наряду с органами гражданского управления, был назначен воинский начальник, имеющий под своим началом соответствующий военный контингент и располагающий широкими полномочиями; он имел право предпринимать любые меры, которые он считал необходимым для охраны оккупационного режима. Рейхскомиссариатам были также приданы подразделения полиции и СС. Рейхскомиссариат «Остланд» был разделен на четыре генеральных комиссариата – Литвы, Латвии, Эстонии и Белоруссии, в главе с генерал-комиссарами. Во всех прибалтийских республиках были созданы «самоуправления». Генеральный комиссариат Белоруссии и «самоуправления» Литвы, Латвии и Эстонии имели аппарат, копирующий аппарат рейхскомиссариата. Вся оккупированная территория РСФСР до самого конца оккупации оставалась под военным управлением, так же как

часть территории Белоруссии и Украины и Крым. План создания рейхскомиссариатов «Москва» и «Кавказ» так и остался на бумаге [1, S. 102, 105, 110; 4, S. 75].

В июле–августе 1941 г. последовала целая серия указов, приказов, распоряжений по вопросам оккупационной политики. 5 августа было издано распоряжение Розенберга о введении трудовой повинности в оккупированных восточных областях для всех жителей в возрасте от 18 до 45 лет. Лица, уклоняющиеся от выполнения трудовой повинности, подлежали заключению в каторжную тюрьму, оговаривалось, что «в особо тяжелых случаях может быть применена смертная казнь». 23 августа Розенберг подписал указ о вынесении специальными судами смертных приговоров лицам, не повиновавшимся оккупационным властям. «Все лица, осуществляющие акт насилия против немецкой империи на территории восточных оккупированных областей, подлежат смертной казни, а в менее тяжелых случаях – заключению в каторжную тюрьму», гласил приказ [9, с. 125–126].

Оккупационные власти уничтожили все советские выборные органы государственной власти. В областных центрах и некоторых других более крупных городах размещались резиденции окружных комиссаров – начальников округов. В районных центрах были назначены управы во главе с бургомистрами, в других населенных пунктах – старшины и старосты. Все местное население, проживавшее на оккупированной территории, строго учитывалось. Новые лица, появившиеся в городах и деревнях, должны были немедленно регистрироваться в полиции. Жителям запрещалось без особого разрешения властей отлучаться из населенных пунктов. Передвигаться по улицам можно было только в светлое время суток [5, с. 24–25].

В занятых областях оккупационные власти немедленно приступали к грабежу природных богатств и продуктов сельского хозяйства и промышленности. На основе директив «Зеленой папки» начали создаваться различные акционерные общества: Главное управление угольной промышленности Востока, Metallургические объединения «Восток», «Герман Геринг» и др. Они начали захватывать советские промышленные предприятия. Немецкие солдаты на Восточном фронте снабжались продовольствием за счет оккупированных территорий. В общей сложности они получили более 4 миллионов тонн зерна, 2 миллиона тонн картофеля, 400 тысяч тонн мяса, 300

тысяч тонн овощей, 120 тысяч тонн масла, 800 миллионов штук яиц. Одновременно происходил вывоз продовольствия в Германию. Всего с июля 1941 по март 1944 г. в Германию из оккупированных областей СССР было вывезено более миллиона тонн зерна, более 700 тысяч тонн жиров и растительного масла, 70 тысяч тонн мяса, 60 тысяч тонн сахара [1, S. 381, 386].

В ноябре 1941 г. Г. Геринг впервые озвучил мысль об использовании восточной рабочей силы на территории Рейха. 24 февраля 1942 г. последовало первое распоряжение по осуществлению массового принудительного перевода рабочей силы с оккупированных восточных территорий. Предполагалось направить 380 тысяч человек для использования в германской промышленности и 247 тысяч – в сельском хозяйстве [1, S. 442]. Общая политика, лежавшая в основе применения рабского труда, была сформулирована генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы Заукелем. 20 апреля 1942 г. он отмечал: «Необходимо максимально использовать имеющиеся людские ресурсы на захваченной советской территории. Если нам не удастся получить необходимое количество рабочей силы на добровольных началах, тогда мы должны немедленно ввести мобилизацию и принудительную повинность...». В специальных «Указаниях по обращению с иностранными рабочими из гражданского населения, находящимися в империи», разработанных гитлеровскими рабовладельцами, говорилось: «Восточных рабочих следует содержать в закрытых лагерях, которые они могут покидать только для производства работ, под постоянной охраной часовых или начальника лагеря. На мелких сельскохозяйственных предприятиях или в единоличных хозяйствах, где разрешено использование восточной рабочей силы, можно помещать рабочих вне лагеря в хорошо запирающемся помещении, где есть немец мужчина, который может взять на себя функции контроля» [5, с. 31, 33]. В марте 1942 г. в Германии находилось около 50 тысяч остарбайтеров (восточных рабочих), летом того же года – более миллиона, а к середине 1943 г. – около двух миллионов. Только из оккупированной части Ленинградской области за два года было угнано в Германию 254 230 жителей [10, л. 1]. Всего же до 30 июня 1944 г., по официальным немецким данным, с оккупированных советских территорий на принудительные работы было направлено 2 792 669 человек [1, S. 465].

Такова была теория и практика «восточной политики» нацистской

Германии. На всех оккупированных советских территориях, независимо от того, под каким типом управления они находились, осуществление этой политики означало откровенный грабеж государственной и личной собственности и неприкрытый террор в отношении местного населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Dallin A.** Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. – Düsseldorf: “Droste”, 1958. – 727 S.
2. **Ganzenmüller J.** “...die Stadt dem Erdboden gleichmachen”. Zielsetzung und Motive der deutschen Blockade Leningrads // St. Petersburg – Leningrad – St. Petersburg. Eine Stadt im Spiegel der Zeit. – Stuttgart: Dt. Verl. Anst., 2000. – 350 S.
3. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944). – М.: «Экономика», 1985. – 325 с.
4. **Müller N.** Wehrmacht und Okkupation 1941–1944. Die Rolle der Wehrmacht und ihrer Führungsorgane im Okkupationsregime des faschistischen deutschen Imperialismus auf sowjetischem Territorium. – Berlin: Militärverlag der DDR, 1971. – 432 S.
5. **Болтин Е. А., Шевченко Ф. П., Кравченко И. С.** Политика немецко-фашистских оккупантов на захваченной территории СССР в 1941–1944 гг. // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). Сборник статей / Под общ. ред. проф. Е.А. Болтина. – М.: «Политиздат», 1965. – 388 с.
6. **Schulte T. J.** The German Army and Nazi Politics in Occupied Russia. – Oxford: Oxford Press, 1989. – 512 p.
7. **Hürter J.** Die Wehrmacht vor Leningrad 1941/42. Krieg und Besatzungspolitik der 18. Armee im Herbst und Winter 1941/42 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – В. 49. – 2001. – 3. Heft.
8. **Heim S.** Vordenker der Vernichtung. Auschwitz und die deutschen Pläne für eine neue europäische Ordnung. – Frankfurt a. M., 1993. – 427 S.
9. **Заставенко Г. Ф.** О роли германского министерства восточных оккупированных областей // Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). Сб. статей / Под общ. ред. проф. Е. А. Болтина. – М.: «Политиздат», 1965. – 388 с.
10. Центральный государственный архив С.-Петербурга. Ф. 3355. Оп. 12. Д. 11.

УДК 94(47).084.8

А. П. Скорик

ФАШИЗМ С РУМЫНСКИМ ЛИЦОМ НА ЗЕМЛЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В ОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД 1942 ГОДА

Традиционно, когда речь заходит о фашизме и фашистах в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., то обычно вспоминают о немцах и/или разного рода коллаборационистах, скажем, тех же бандеровцах. Гораздо реже вспоминают о сателлитах фашистской Германии в реализации планов «Барбаросса» (военно-стратегического) и «Ост» (оккупационного). Однако не меньше морального и материально-экономического урона нанесли нашему народу румыны, естественно, в тех местах, где румынские части дислоцировались, где они участвовали в создании фашистского оккупационного режима на российской земле. Но до сих пор как-то не слышно, чтобы румыны в целом как нация покаялись за преступления против человечности в годы Второй мировой войны, как это публично и многократно сделали и делают немцы. Да, Румыния в свое время стала социалистической страной, и в Советском Союзе предпочитали помалкивать о военно-оккупационных преступлениях румын, но они ведь от этого не стали, образно говоря, «белыми и пушистыми». Злодеяния румыны творили на донской земле вместе с немцами и отдельно, или как обобщенно их называли на Дону местные жители, тяжело пережившие фашистскую оккупацию, «немецко-румынские банды» [1, л. 62, 65].

Румыны осуществляли весь без исключения спектр оккупационных мероприятий на захваченных территориях. Чтобы подтвердить свои тезисы, мы взяли для исторического примера территорию двух северных районов Ростовской области (ближе к местам Сталинградской битвы), где во второй половине 1942 г. хозяйничали румыны, территорию Милютинского и Селивановского районов со значительной численностью казачьего населения. Как нам удалось установить, в этих местах дислоцировались и воевали 7-я пехотная румынская дивизия [2, л. 46] из состава 1-го корпуса 3-й

румынской армии (командир дивизии в период со 2 августа 1942 г. по 20 марта 1943 г. бригадный генерал Константин Трестиоряну), 7-я, 9-я, 11-я моторизованные румынские дивизии [3, 10 об.]. Штаб 3-й румынской армии с 20 ноября 1942 г. находился в близлежащем городе Морозовск. Очевидно, в рассматриваемом нами районе действовали и иные румынские части, но мы не ставили перед собой задачи выявления наименования всех румынских частей. Главное для нас – взаимодействие с местным населением румынских оккупантов, особенности функционирования фашистского оккупационного режима по-румынски. Подчеркнем, румыны участвовали во многих карательных операциях немцев, но мы использовали лишь те архивные материалы, где есть точное и однозначное указание на действия только румын, которых местное население научилось четко отличать от немцев и указывать на злодеяния именно румын, описывая порой в деталях, что, как и почему делали румыны на оккупированной территории Ростовской области, буквально истязая местное население, независимо от возраста, пола, национальной принадлежности.

26 декабря 1942 г. в хуторе Марьевка Петровского сельского совета Милютинского района немцы совершили очередное зверство над мирными жителями. Они расстреляли совсем безвинных людей, причем уничтожали тогда даже целые семьи. В частности, погибла вся семья Ковалевых: Филипп Андреевич, 40 лет; его жена Христиния Ивановна, 40 лет; дочь Анна Филипповна 20 лет; сын Михаил Филиппович, 14 лет; дочь Нина Филипповна, 8 лет; дочь Наталия Филипповна, 10 лет. В этой карательной операции участвовали и румыны. Тела троих отдельно расстрелянных местных жителей позже обнаружили в яме под скирдой за территорией хутора. Их три часа держали совсем без одежды и обуви в зимние морозы. Среди этих безвинно убиенных жителей хутора Марьевка оказался 41-летний Дейнекин Василий Петрович, «которому было порезано кинжалом туловище и лицо, он вырвался и убежал, после чего румыны догнали и пристрелили» [1, л. 54].

26–27 декабря 1942 г. «при отступлении немецко-румынских банд» в хуторе Золотовском Орловского сельского совета Милютинского района были расстреляны пять местных жителей: Ковалева Валентина Леонтьевна, Лазарев Николай Иванович, Любченко Василий Иванович, Черножуков

Савелий Самойлович, Яровой Яков Александрович. Также расстреляли военнопленных, проживавших в хуторе Золотовском: Афанасьева Александра Тихоновича, Бузунова Павла (отчество в документе не указано – А.С.), Ковшарева Григория Алексеевича, Курова Андрея Сергеевича, Просвинова Николая Поликарповича, Синицына Федора Георгиевича. Кроме этого, оккупанты расстреляли взятых ранее в плен 23 красноармейцев (их фамилии не установлены), которых «предварительно пытали, учиняли им казни, а именно: отрезали уши, языки, щеки, руки, ноги, половой член, выкалывали глаза, вырезали с боков полосы и др.» [1., л. 62].

26–27 декабря 1942 г. «при отступлении немецко-румынских банд» в хуторе в хуторе Семеновка Орловского сельского совета Милютинского района «были расстреляны 3 человека жителей, которые были в партизанском отряде: 1. Писаревский И.А., 2. Курочкин С.И., 3. Зайцев Г.Г.» [1, л. 65].

У румын были основания ненавидеть местных партизан. В сентябре 1942 г. партизанский отряд Григория Ивановича Чёрного (Багрикова) при прохождении румынских частей через территорию Милютинского района в направлении Сталинграда заразил дизентерией личный состав батальона, расквартированного в хуторах Борисовка и Николовка. Примечательно, что к своим действиям в этом случае советские воины привлекли румынского повара Дмитрия [2, л. 16 об.] (или Думитру, по-румынски – А.С.). Кроме того, партизаны сумели заразить специфическими болезнями животных конский состав артиллерии противника. В ноябре 1942 г. дизентерия с помощью партизан охватила части 7-й румынской пехотной дивизии [2, л. 46], дислоцировавшиеся в хуторах Борисовка и Николовка. Постоянные физиологические позывы к неестественным актам дефекации практически сводили к нулю боевую готовность румынских оккупантов. В октябре 1942 года группа милютинских партизан в составе 7 человек под командованием младшего лейтенанта Н.И. Полиенко отравилась в Первомайский район, где совершила успешное нападение на румынские части, переправлявшиеся через реку Дон. В результате этой боевой операции партизаны уничтожили полевую кухню, 11 повозок, около 30 солдат и офицеров противника [2, л. 16 об.]. В период 20–24 ноября 1942 г. группа милютинских партизан под руководством Г.И. Чёрного (Багрикова) и В.А. Баранова в соседнем городе Морозовск целенаправленно организовала в стане ненавистного про-

тивника панику, в результате которой немцы и румыны открыли беспорядочную стрельбу между собой. Тогда партизаны под видом румын проникли на станцию Морозовскую и демонстрировали беспорядочное отступление от наступающих подразделений Красной Армии. В сложившейся обстановке безотчётного ужаса и сложно контролируемого сознания, возникшей одновременно в двух группах оккупантов, запылал склад с боеприпасами и оружием [2, л. 16 об., 46 об.]. Местные партизаны провели и ряд других успешных операций немецко-фашистских оккупантов, где однозначно погибли и/или были захвачены в плен румыны. Но вряд ли только откровенной нечеловеческой злобой в отношении местных партизан можно объяснить бесчинства фашиствующих румын на донской земле, в чем они практически не знали никакого предела.

Отличились румыны в дни фашистской оккупации в одном из колхозов Селивановского района, территория которого входила в новую административно-территориальную единицу, именовавшуюся оккупантами Подтелковской волостью (бывший Подтелковский сельский совет; удивительно, но название сохранилось, хотя Ф.Г. Подтелков был известным на Дону борцом за советскую власть). В присутствии бывшего колхозника М.Г. Каргина румыны избивали «военнопленного, проживавшего в колхозе без документа, в военной форме, сочли за партизана». Местного жителя Попова Николая Константиновича «избивали прикладом румыны за невыход на окопы» (то есть строительство защитных оборонительных сооружений). Семенова Николая Федоровича «избивали румыны неизвестно за что». Поскольку Чупрынин Ефим Иванович «не давал продукты брать», то его «избивали румыны прикладом». Попова Марфа Петровна «не давала мануфактуру», и ее «избивали румыны кинжалом» [4, л. 49]. Тем самым, румыны не просто стремились поддерживать определенный порядок на оккупированной территории, а занимались банальным грабежом беззащитного мирного населения, чтобы оперативно решить свои материально-хозяйственные вопросы. Причем, к колхознице колхоза имени И.В. Сталина Подтелковского сельского совета Селивановского района Анне Михайловне Лебедевой румыны нагрянули с грабительскими целями ночью. Естественно, они избили ее «за то, что сопротивлялась и ударила грабившего в ночное время ее имущество румынами» [4, л. 51].

В колхозе имени В.М. Молотова Подтелковского сельского совета Селивановского района румыны практиковали жестокое избиение местных жителей палками. Кондратов Никифор Герасимович пострадал «за то, что охранял колхозный скот и не позволял румынам в ночное время уводить его». Лебедева Григория Ефимовича избили палками «за то, что не открывал дверь своей квартиры, ломившимся в нее в ночное время румынам». Михеев Степан Степанович был наказан палками «за то, что не предъявил документы румынскому патрулю» [4, л. 52].

В колхозе имени И.В. Сталина Кутейниковского сельского совета Селивановского района румыны избивали преимущественно женщин, причём возраст для них не имел никакого значения. В частности, Волоцкова Екатерина Максимовна, 1894 года рождения, «была бита румынами поленом»; Волоцкову Лукерью Аверьяновну, 1910 года рождения, румыны «избивали прикладами»; Воронкову Екатерину Филоновну, 1908 года рождения, «румыны били и крутили руки»; Евсикову Анастасию А. (отчество не дописано в документе – А.С.), 1876 года рождения, «били румыны»; Елисева Меланья Платоновна, 1890 года рождения, «была бита румынами поленом»; Майданникову Дарью Дмитриевну, 1888 года рождения, также избивали румыны; Майданникова Екатерина К. (отчество не дописано в документе – А.С.), 1908 года рождения, «была бита румынами прикладом»; Писарева Евдокия Винит. (отчество не дописано в документе – А.С.), 1896 года рождения, «была бита румынами»; Селезнева Прасковья Федоровна, 1904 года рождения, «была бита румынами». О целях избиения приходится только догадываться, но очевидно не только для того, чтобы ограбить беззащитных женщин. Пострадали от избиений румын в колхозе имени И.В. Сталина Кутейниковского сельского совета и трое мужчин: Беляков Сергей Алексеевич, 1891 года рождения, «был бит румынами поленами»; Сафонова Иосифа Васильевича, 1913 года рождения, «избивали прикладами румыны»; Сафонова Павла Ефимовича, 1912 года рождения, «избивали румыны прикладами» [4, л. 58].

В колхозе имени В.П. Чкалова Кутейниковского сельского совета Селивановского района румыны проявили всю свою фашистскую, в буквальном смысле слова звериную, оккупационную сущность в полном масштабе: от простых грабежей до диких групповых изнасилований.

Панкратов Иван Михайлович свидетельствовал: «Я был зав[едующим] колхозной плантацией, однажды приехали румыны и стали рубить капусту и уничтожать растения помидор, огурцов. Я обозвал их разбойниками, тогда один из них схватил кнут и стал избивать меня кнутом и кулаками». Герасименко Ульяна Силовна рассказывала: «Однажды к нам пришли румыны и потребовали свинью. Я не давала, они стали избивать меня прикладом автомата и забрали свинью». Оверченко Елизавета Ивановна после ухода румынских оккупантов говорила: «Я была дома одна, к нам забежали румыны и стали что-то искать в моем сундуке, взяли перчатки и мое платье. Я стала отбирать, и они меня начали избивать кулаками, и когда я упала, стали избивать ногами и разными предметами». Просто чудом избежала изнасилования 18-летняя Тырникова Вера Трофимовна: «Однажды ночью в избу ворвались румынские солдаты и, заметив ее на койке, стали приставать к ней. Отец и мать стали было заступаться, тогда они взяли их под оружие, положив на пол. При борьбе Веры с солдатом, она ударила его в лицо и, воспользовавшись его замешательством, выбила окно и ушла, чем спаслась от изнасилования». Мягко говоря, не повезло Белоконевой Пелагее: «Группа румын во главе с полковником произвели изнасилование» [4, л. 59–60, 61]. В этом случае, как мы полагаем, комментарии излишни. Однако, еще раз подчеркнем, в архивных документах рядом описаны и другие формы издевательств фашистских оккупантов, но мы указывали исключительно лишь те, где четко прописаны указания на жестокое обращение с населением непосредственно румын.

Итак, на основе лишь архивных документов мы описали действия румынских фашистов. Увы, но остается историческим фактом ситуация, когда, казалось бы, добродушный румынский крестьянин или горожанин берет в руки оружие и на чужой земле буквально превращается в изверга рода человеческого: грабит, бесчинствует, публично избивает, насилует, и т.п. Румыны в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории нашей страны мало, чем отличались от гитлеровцев в плане зверств в отношении местного населения. Конечно, нельзя исключить наличия в рядах румынских оккупантов относительно порядочных лиц, своим поведением отчасти подпитывавших «постельный коллаборационизм». Увы, но неединичные примеры такого рода в Милютинском районе

также встречались. В частности, этим видом коллаборационизма занимались местные жительницы Дарья Ч., Евдокия С., Мария Л., чьи фамилии по этическим соображениям мы здесь не указываем (ведь у них от этих так называемых «занятий» могли родиться и дети). Женщины без принципов не только откровенно «сочувствовали немцам и румынам, кроме этого пили и гуляли с ними» [2, л. 7, 13 об.]. Однако такие факты сотрудничества с румынами местных жителей вряд ли могут затмить отвратительную сущность оккупационного режима на донской земле, который активно формировался румынами совместно с немцами и закреплял господство фашизма на завоеванных ими территориях Ростовской области. Зверства румын носили порой даже более низменный, бесчеловечный характер, нежели отвратительные, по сути, поступки немецко-фашистских оккупантов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 1886. Оп. 1. Д. 6.
2. ЦДНИ РО. Ф. 69. Оп. 2. Д. 8.
3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), ф. 3424, оп. 1, д. 18, л. 10об.
4. ЦДНИ РО, ф. 1886, оп. 1, д. 9, л. 49.

УДК 94(477).084.8

В. В. Савельев

**ДОНБАСС НЕПОКОРОЕННЫЙ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДПОЛЬНЫХ
ГРУПП ГОРОДА СТАЛИНО В ПЕРИОД
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ В 1941–1943 гг.**

22 июня 1941 года фашистская Германия совершила дерзкое нападение на территорию Советского Союза. Уже в октябре немецко-фашистские войска вторглись в Донбасс. 26 октября 1941 года ими была захвачена столица Донбасса – город Сталино (Донецк). На захваченной территории фашисты установили режим террора, который продолжался почти 700 дней. По нашему мнению, ни один оккупированный промышленный район СССР в годы Великой Отечественной войны не испытал таких ужасов, какие достались на долю Донбасса. Однако, не взирая на все трудности, жители Донбасса продолжали бороться с врагом, ожидая светлого часа освобождения. Более того, пережив все ужасы оккупации, жители Донбасса нашли в себе силы возродить родной край, вернув ему достойное звание «всесоюзной кочегарки». Поэтому тема изучения подпольного движения в городе Сталино является актуальной и заслуживает внимания со стороны историков.

Данная тема нашла свое отражение в работах краеведов и исследователей истории Донбасса в годы Великой Отечественной войны. Среди работ следует назвать исследования Б.А. Красникова в его книге «Партизаны Донца 1941–1943 гг. Книга первая», где рассказывается о партизанском движении в городе Сталино (Донецк); С.И. Наконечного в его работе «Партизанские портреты». Необходимо также отметить значение работы историка М. Жирохова, в которой были отражены вопросы деятельности советских подпольщиков в Донбассе.

Немецко-фашистские войска захватили столицу Донбасса 21 октября 1941 года. Необходимо отметить, что до войны в городе Сталино проживало почти 450 тысяч человек. За время оккупации, которая длилась с октября 1941 года по сентябрь 1943 года, фашисты уничтожили около 270 тысяч

человек. Установив оккупационный режим, фашисты создали в Сталино несколько концлагерей. На территории Дома культуры Донецкого металлургического завода и Центральной клинической больницы, в концлагере на Петровке фашисты замучили около 92 тысячи советских военнопленных. Своих жертв оккупанты и их пособники сбрасывали в 360-метровый ствол шахты 4-4 «бис» в Калининском районе. Историкам до сих пор не удалось установить точное число советских граждан заживо погребенных в стволе этой шахты. По различным данным число жертв составляет от 75 до 100 тысяч человек [1]. Фашисты планомерно уничтожали еврейское население оккупированного города. Так, в ночь с 30 апреля на 1 мая 1942 г. в ствол шахты 4-4«бис» было сброшено 5000 жителей местного еврейского гетто, которое находилось в карьере, где находится сейчас цирк «Космос».

В этих условиях советское подполье г. Сталино вело активную борьбу с оккупантами. Еще в августе 1941 года по решению ЦК КП(б) Украины в городе была учреждена специальная школа, которая готовила будущих партизан и подпольщиков. [2]. В рекордно-короткие сроки там прошло обучение более 800 человек области. Их первоочередной задачей было вербовать местное управление и организовывать подпольное движение, пока фронт военных действий не приблизился к самому городу. С момента начала фашистской оккупации, внутри города начинали свою деятельность подпольные группы. Многие возвращались с Большой Земли (так называлась территория СССР, которая еще не была оккупирована) для создания собственных подпольных групп, в дополнение уже существующим на период оккупации [3]. Непосредственно для работы во время оккупации были созданы 5 районных подпольных организаций, к которым потом присоединились еще 11 отдельных. Информация о них представлена в таблице 1.

Таблица 1

Подпольные партийные и комсомольские организации, патриотические группы, действовавшие на территории города Сталино [4]

№	Название	Руководители	Период деятельности	Источник
1.	Сталинский подпольный обком КП (б) Украины	Щетинин С.Н. Иванов А.Ф. Поляков Н.И.	июль 1941 – сентябрь 1943	ГАДО – Ф5000, оп. 1, д. 1
2.	Буденовский подпольный РК КП (б) Украины	Корниецкий И.П.	июль 1942 – конец 1942	ГАДО – Ф5000, оп. 1, дела 1 и 5

3.	Буденовский район, поселок Чулковка	Ненепя П.И.	Лето 1942 го- да	ГАДО – Ф5000, оп. 1, дела 1, 103, 166
4.	Петровский подпольный РК КП (б) Украины	Стрельников Н.А.	июль 1942 – ноябрь 1942	ГАДО – Ф5000, оп. 1, д. 15
5.	Петровский район, пос. Трудовское	Шарах С.Ф.	октябрь 1941 – январь 1942	ГАДО – Ф5000, оп. 1, д. 119, 288, 330
6.	Петровский район, пос. Мандрыкино	Кузнецов И.Т.	осень 1941 – сентябрь 1943	ГАДО – Ф5000, оп. 1, дело 107
7.	Ленинский район, парторганизация завода им. «15-летия ЛКСМУ»	Стрельченко И.А.	октябрь 1941 – сентябрь 1943	ГАДО – Ф5000, оп. 1, д. 254
8.	Авдотьинско- Буденновская комсомольско- молодежная подпольная организация	Матёкин С.Г., Скоблов С.В., Орлов Б.И. Льговская Н.Д.	ноябрь 1941 – сентябрь 1943	ГАДО – Ф5000, оп. 1, д. 1, 3, 5, 66
9.	Калининский район	Дейнеко А.П	декабрь 1942 – август 1943	ГАДО – Ф5000, оп. 1, д. 140
10.	Ворошиловский район, подпольная группа «Свобода»	Пархоменко В.С.	осень 1942 – август 1943	ГАДО – Ф5000, оп. 1, дело 140
11.	Киевский район, подпольная группа Дудко Я.Ф	Дудко Я.Ф.	январь – август 1943	Б.А. Красников «Участники подпольно- партизанского антифашистско- го движения в г. Донецке»
12.	Кировский район, подпольная группа Васильевой А.М	Васильева А.М.	октябрь 1941 – январь 1942	ГАДО – Ф5000, оп. 1, д. 260
13.	Буденовский район, подпольная группа Баркалова Е. П	Баркалов Е.П.	январь 1942 – сентябрь 1943	ГАДО – Ф5000, оп. 1, д. 299
14.	Буденовский район, подпольная группа Целика П.З.	Целик П.З.	октябрь 1941 – сентябрь 1942	ГАДО – Ф5000, оп. 1, д. 1, 3, 4, 15, 26, 26, 101, 161
15.	Калининский район, подпольная группа Подшивалова В.Н.	Подшивалов В.Н.	декабрь 1941 – февраль 1943	ГАДО – Ф5000, оп. 1, д. 323, 325
16.	Кировский район, подпольная группа Кондратьева И. В.	Кондратьев И.В.	декабрь 1941 – лето 1942	ГАДО – Ф5000, оп. 1, д. 416, 435

Эти подпольные группы расклеивали листовки, составленные по сводкам Советского Информбюро, организовывали побегі военнопленных из лагерей, собирали информацию о численности, продвижении и местах дислокации немецких войск. Руководил советским подпольем С.Н. Щетинин – секретарь Сталинского подпольного облкома, который находился в Горловке. По его распоряжению курировал деятельность подпольных организаций в городе Сталино старший политрук А.А. Шведов. Ему удалось связаться с тремя подпольными группами, которые уже действовали в городе и вместе с ними координировать все действия. К сожалению, ввиду серьезных проблем с формированием официального подполья внутри оккупированных регионов Донбасса, большинство групп были раскрыты и уничтожены в начале 1942 года, а остатки партизанских отрядов и групп были отброшены вслед за отступающей Красной Армией. Тем не менее, в советском подполье в городе Сталино было задействовано, по разным сведениям и источникам, около 4000 человек. Цифры эти колебались в зависимости от успехов Красной Армии и успехов самих организаций.

Наиболее активно действовали подпольные группы на территории Петровки [5]. Этот район, находясь на окраине города, был одним из опаснейших на территории Сталино. Там находились концлагеря, которые располагались вблизи шахт имени Челюскинцев № 5 и № 10. Поэтому первоочередной задачей подпольных групп было освобождение или помощь в побеге военнопленных. Петровка имела в своем наличии несколько подпольных групп. Координируя свои действия, подпольщики наносили удары по оккупантам, захватывая оружие врага и организовывая побегі советских военнопленных из концлагерей.

Еще одной подпольной группой, действовавшей на территории оккупированного города Сталино, была группа Саввы Матёкина. Она действовала в районе Буденновки-Авдотьино [6]. Данная организация считалась наиболее действенной подпольной организацией в оккупированном Сталино. Во главе данной подпольной группы стоял заведующий учебной частью сталинской школы № 68, Савва Григорьевич Матёкин. Согласно данным архива, он в 1941 году, ушел на фронт. Войсковая часть, где он находился, попала в окружение, и он был взят в плен, но ему удалось бежать. Устроившись работать в школу, в которой работал до войны, он орга-

низовал подпольную группу в г. Сталино, состоящую из учителей и учеников. Кроме Саввы Матёкина весомую роль в организации играли Степан Скоблов и Борис Орлов. Они составляли фундамент всей группы. В самой группе находилось 18 человек [7]. На собрании подпольной группы было решено дать ей название «Непокоренные».

Подпольщики в большинстве случаев собирались в доме у Матёкина и изучали искусство войны. Жена Саввы занималась санитарным делом. У группы был радиоприемник и с помощью подпольной типографии, листовок, они распространяли листовки со сводками советского информбюро. Первые 30 листовок были написаны от руки и распространены 22 ноября 1941 года.

Члены подпольной организации имели свои непосредственные обязанности. Так, Борис Орлов добывал оружие и боеприпасы. Кроме того, он был специально устроен на работу в «Донэнерго» чертежником, чтобы иметь возможность фабриковать различные справки для организации и документы для военнопленных на печатной машинке. Также он систематически совершал диверсии, срывы работ, порчу линий передач и трансформаторов. Степан Скоблов печатал и распространял антифашистские листовки, а также копировал штампы и печати немецких властей. Савва Матёкин, кроме того, что руководил работой группы, проводил деятельную антифашистскую агитацию среди преподавателей и учеников. Уже в ноябре 1941 года подпольщик Валерий Гончаренко добыл первые шесть винтовок и три ящика с патронами. Подпольщики Николай Градов и Евгений Диденко похитили из немецкой штабной машины секретные документы, в том числе и план наступления на Ростов и передали эту информацию представителям Красной Армии. В январе 1942 года Валерий Клименко и Володя Кирилов испортили 20 немецких машин, которые готовились для отправки на фронт на участок «Миус-фронта» [8].

В июле 1942 года Савва Матёкин устанавливает связь со Сталинским подпольным облкомом и штабом Южного фронта Красной Армии. С этого момента боевая деятельность организации еще более активизировалась. Подпольщики стали совершать налеты на лагеря, освобождая военнопленных и мирных людей, устраивать диверсии на дорогах, которыми пользовались гитлеровские солдаты и местные коллаборационисты, захватывать боеприпасы и различные документы.

В августе 1942 года был арестован Савва Матёкин. Его схватили во

время встречи с одним из связных. Имя доносчика до сих пор осталось неизвестным. Оккупанты в течение двух месяцев допрашивали непокоренного подпольщика. Никого не выдав, глава подпольной организации был казнен фашистами и сброшен в шурф шахты 4-4 бис.

После гибели Саввы Матёкина подпольную организацию возглавил Степан Скоблов. Он организовал новые диверсии, атаки на склады и распространение информации от Совинформбюро. Дом семьи Льговских, который находился на улице Искры, стал, по заключению Украинского ШПД, «Штабом подпольной работы Буденновского района». Именно там находили убежище скрывавшиеся от ареста члены подпольной организации, проходили сборы участников, писались и распространялись антифашистские листовки, поступали и передавались через линию фронта важные разведданные. Южный фронт партизанского движения постоянно поддерживал связь с подпольем.

Одна из наиболее дерзких акций подпольщиков была операция по уничтожению вражеского продовольственного склада, находящегося по улице Телеграфной на поселке Буденновка. Эту операция состоялась в начале мая 1943 года. Но уже 22 мая 1943 года фашисты арестовали 18 комсомольцев-подпольщиков. После долгих пыток, гестаповцы не в силах узнать от них нужную информацию о подпольных группах города Сталино, решили их расстрелять. Молодых героев подполья казнили в посадке возле поселка Караванной-Мандрыкино.

30 мая 1943 года рано утром немцы расстреляли Степана Скоблова, Бориса Орлова, Лидию Каравацкую, Варвару Тарарчук, Льва Кадыкова, Антонину Романчук, Николая Градова, Ивана Григорюка, Василия Романчука и Николая Лящука. Еще спустя два дня около станции Караванная были расстреляны Клавдия Каравацкая, Надежда Дорохина, Василий Худокормов, Ида Брилева, Владимир Шустецкий и Василий Карасев. Того же дня у развалин кирпичного завода в городе Сталино каратели расстреляли Надежду Льговскую, Марию Краснощекову и Павла Колодина. 3 июня 1943 года были казнены Евгений Диденко и Василий Гончаренко.

Так прекратила свое существование комсомольская подпольная организация, которая своими действиями внесла свой вклад в деле освобождения Донбасса от немецко-фашистских оккупантов.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на фашистский

террор, советские патриоты города Сталино продолжали бороться с оккупантами. В годы Великой Отечественной войны жители города Сталино продемонстрировали высокий патриотизм и неудержимую волю к победе над врагом. Они с честью преодолели трудности и все испытания военного времени, вышли победителями неравной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, что очень точно выразил в своих стихах замечательный поэт Павел Беспощадный:

*Донбасс никто не ставил на колени
И никому поставить не дано!*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны(1941–1945 гг.) : Сб. докум. и матер. – Донецк: Донбасс, 1982. – 308 с.
2. **Жирохов М.А.** Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941–1943 гг. – М.: Издательство Центрполиграф, 2011. – 319 с.
3. Справочник по боевым действиям Красной Армии, партизан и подпольщиков на территории Донецкой области. – Донецк: Донбасс, 1996. – 127 с.
4. **Красников Б.А.** Партизаны Донецка 1941-1943 гг. Книга первая. – Донецк: Донбасс, 2006. – С. 5–8
5. **Степкин В.П., Гергель В.И.** Полная история Донецка. – Донецк: Апекс, 2008. – 560 с.
6. **Тронько П.** Бессмертие юных // Комсомолец Донбасса. – № 245 (4514) от 11 декабря 1957 года. – С. 2.
7. **Наконечный С.И.** Партизанские портреты: истор.-докум. очерки о донецком подполье (1941–1943 гг.) /С.И. Наконечный. – Донецк: КП «Регион», 2003. – С.14–20.
8. **Омельяненко И.Я.** За наше правое дело // Герои подполья: о подпольной борьбе Совет. патриотов в тылу нем.-фашист. захватчиков в годы Великой Отечеств. войны. – М.: Политиздат, 1968. – С. 96–114.

Раздел IV.

**НАУКА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
НАУКА И ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС СССР И
ЕГО РОЛЬ В ПОБЕДЕ НАД АГРЕССОРОМ**

УДК 941(430)

И.В. Аладышкин

**«ЭТА ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ...»
СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАУКИ
НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ**

«Эта печальная история поучительна для всех стран и народов» – такой вывод о судьбе немецкой науки в годы нацистского режима [1, с. 203] не редкость в отечественной историографии. Наоборот. Просматривая публикации последних лет, в той или иной степени сопряженные с оценкой научной жизни Германии 1930–1940-х гг., в первую очередь сталкиваешься с устойчивыми, идущими ещё из послевоенных десятилетий, стратегиями анализа и нормами оценки. Ревизия советской историографической традиции репрезентации национал-социализма в качестве апогея германского империализма нередко оборачивается воскрешением концепции «разрыва» и «несчастливого случая» в немецкой истории. В оценках развития научно-интеллектуального пространства Германии 1930–1940-х гг. подобные взгляды естественно приводят к противопоставлению двух «наук» – до и после прихода Гитлера к власти с соответствующим «очищением» от нацистской скверны первой науки и всемерным осуждением второй.

Здесь напрашивается вопрос о том, а возможен ли в отечественной историографии сегодня анализ научной жизни в нацистской Германии вне повышенной пристрастности исследований, вне однозначности осуждения

с сохраняющимся пафосом победителей. Судя по публикациям последних лет, стремления «свернуть» с обозначенного маршрута в сторону непредвзятого анализа сталкивается одновременно и с вновь усиливающимся прессом официально-идеологической позиции всемерного осуждения, и с публицистической тягой к «интригам и расследованиям». Показательно, что относительно беспристрастные работы отечественных авторов связаны не столько даже с собственно исследованиями истории науки в Германии рассматриваемого периода, сколько с анализом зарубежной историографии. Примером может служить статья Л.Н. Корневой «Наука и культура в нацистской Германии в оценке германских историков» [2, с. 57–62].

Следует заметить, что наука в условиях нацистской Германии – тема далеко не самая популярная среди отечественных исследователей, обращавшихся к истории Третьего Рейха, но пользующаяся устойчивым спросом в последнее десятилетие на волне востребованности проблем политизации науки и социокультурной обусловленности научного знания. Смещение исследовательских приоритетов в купе с ослаблением прежде нерушимых оснований критики национал-социализма и усилением куда более абстрактных антитоталитаристских установок [3, с. 71–75; 4, с. 58–62] привели к очевидной двойственности оценок и общей противоречивости выводов. С одной стороны, по-прежнему господствует избирательная и пристрастная критика с акцентированием внимания на негативных последствиях превращения науки в послушное орудие всемерно осуждаемого режима, когда изучение оборачивается поиском изъянов, подтверждающих осуждение. С другой, даже самая ретивая критика редко обходится без признаний очевидных достижений науки Третьего Рейха, особенно, в её точных и естественных областях. Подобные признания получают заметную поддержку неугасаемого интереса к изрядно мифологизированному в массовой культуре «сумеречному гению» Германии, порождающему завышенные ожидания «открытия» неких тайн нацистской научной мысли.

История Третьего Рейха давно превратилась в своего рода исследовательский маршрут с разветвлённой системой указателей и наличием целого ряда инстанций, контролирующих правила исторического анализа проблем, сохраняющих свою злободневность. Необходимо понимать, что позиции всемерного осуждения, заметно ограничивающие возможности

исторического анализа, поддерживаются многими факторами, выходящими далеко за границы официальных точек зрения. Очень трудно, если вообще возможно, отстраниться от представлений о полном крушении немецкой культуры и «закате» науки в период нацистской диктатуры столь длительное время господствовавших в европейском общественном сознании. Эти представления сохраняют своё влияние и сегодня, хотя связаны они скорее с давними оценками нацизма как погружения Германии в варварство, а также с обстоятельствами Второй мировой войны.

В противоречивости оценок сказывается и общая слабость историографии. Ведь крупных обобщающих исследований отечественных авторов по истории научной жизни в нацистской Германии нет, а те публикации, что посвящены данной проблематике, преимущественно привязаны к юбилейным датам, тематическим приоритетам (разгрома фашистских войск, цены победы, преступлений нацизма), которые изначально задают общий тон исследований. К тому же в этой области за последние десятилетия появилось так много «специалистов», не имеющих никакого отношения к исторической науке, что полки книжных магазинов буквально пестрят сомнительными «историями», «антологиями», «сборниками документов» о сверхсекретных научных разработках и тайнах фашистской науки. Некоторая парадоксальность ситуации заключается в том, что сегодня исследователям открыты многие ранее засекреченные документы и богатейший массив материалов западной историографии. В то же время лавина претенциозной публицистики, переворачивающей с ног на голову не только науку Третьего Рейха, но и само представление о нацизме, спала ещё в прошлом десятилетии, а вместе с ней сглаживалась острота самой проблематики германского ультранационализма.

Казалось бы, сегодня расширилась возможность появления новых исследований, освещающих научную жизнь Германии с разных позиций, с беспристрастным анализом её просчётов и достижений, сильных и слабых сторон. Однако за редким исключением повторяется то, что было уже написано и «по-новому» культивируются всем известные положения. Такая тенденциозность неизбежно сказывается на материалах исследований, на самой их структуре и содержании. Большая часть статей, увидевших свет за последние годы, уже традиционно начинается с констатации того, что до

прихода нацистов к власти в 1933 г. Германия отличалась высоким уровнем развития науки, что подтверждается перечислением частных открытий и нобелевских лауреатов. А далее уже следует резкий поворот оценочных суждений с констатацией того негативного влияния на состояние немецкой науки, что оказал приход к власти нацистов, в свою очередь иллюстрируемый перечнем общеизвестных факторов негативного воздействия. На первом месте привычно фигурирует активная антисемитская политика, вызвавшая эмиграцию крупных ученых, которая дополняется идеологизацией и политизацией науки с превращением последней в услужливый элемент функционирования режима и идеологической пропаганды, а также мобилизация всех мыслимых научных ресурсов на подготовку к агрессивной войне [5, с. 409–415].

Безусловно, в интеллектуальном пространстве Германии 30-х и первой половины 40-х гг., в частности, в научной сфере, немало признаков кризиса, а доминирование приспособления/пособничества режиму дарует богатые материалы для выводов об угасании научного потенциала. При этом как то забываются кризисные моменты научной мысли Германии, особенно в тех её областях и в тех кругах научных сотрудников, что были более иных расположены к «новому порядку» [6, с. 522]. В то же время как стремление представить национал-социализм своего рода социокультурной девиацией тех лет и в известной мере оправдать германскую культуру, подталкивает к констатации полного разрыва некоей «нацистской науки» с богатейшими традициями страны в этой области [1, с. 200].

Очевидные связи с пропагандой и «руководство» нацистами наукой настойчиво побуждают к отказу видеть в ней какое-либо развитие и перспективность, возможно, за исключением отдельных направлений в прикладных науках, связанных с вооружением. В свете осуждения выстраивается изрядно преувеличенный образ некоей «нацистской науки» с её расовыми установками и общей научной беспринципностью, с обязательными ссылками на бесчеловечные «научные опыты» над людьми, антигуманные военные технологии [7, с. 440]. В числе «тупиков» нацистской науки непременно присутствует «псевдонаучная разработка расовой теории», будто бы инспирированная для оправдания ксенофобии в глазах мировой общественности, а для наглядности в который раз вспомнят «Аненербе» со

ссылками на анатомический институт при Страсбургском университете с небезызвестной коллекцией скелетов из Освенцима.

Между тем, говорить о нацистской науке в целом можно лишь относительно, предполагая, прежде всего, отдельные научные области, институты или же некий отвлеченный идеал, в согласии с которым действовала правящая верхушка. Связи различных наук с действовавшим режимом, глубина проникновения в теоретико-методологические основы и познавательные установки расовых принципов были качественно различны. Одно дело медицина, анатомия, психиатрия, юриспруденция, социальные науки, педагогика, т.е. те области, что оказались тесно связанными с нацистской идеологией и политикой. И совсем иное положение наблюдается в отношении естественных и технических наук. Многие западные авторы, оценивая позицию естествоиспытателей, считают, что физики и многие другие учёные дисциплинированно исполняли свои функции, но убеждения, что их государство «правильное», у них не было. К слову, исторической науке в ряду иных гуманитарных дисциплин, подвергшихся деформации, связанной, главным образом, с геополитическими и расовыми притязаниями нацистов, приспособление к потребностям режима далось быстро и безболезненно [8, с. 132–133].

Самое интересное начинается тогда, когда осуждение некоей «нацистской науки» стремится опереться на доказательства её малоэффективности, причём примеры нередко говорят об обратном и тогда изобличения науки выстраиваются на её достижениях. Примером может служить ставшая хрестоматийной история крупнейшего германского химического концерна «И.Г. Фарбениндустри», которая каждый раз воспроизводится по исследованию Дж. Боркина «Преступление и наказание «И.Г. Фарбениндустри»: Рассказ о зловещем сговоре Адольфа Гитлера с крупнейшим германским химическим концерном» [9], заглавие которого наглядно демонстрирует направленность книги. Действительно, она повествует, прежде всего, об участии руководства химического концерна в подготовке агрессивных войн и в событиях, приведших к приходу к власти Гитлера, а также разоблачает участие руководителей концерна в зверствах германского фашизма. При этом в тени остаются достижения концерна в области изучения и получения в промышленных масштабах искусственного жидкого топлива

(ИЖТ) или же синтетического каучука (СК), которые в послевоенные времена вполне успешно осваивались и США, и СССР.

Собственно, распространявшееся в конце войны иностранной пропагандой под влиянием общего военного психоза утверждение о том, что германская наука добилась лишь незначительных результатов, и что в стране, где нет свободы, наука вообще не способна на многое, было вскоре опровергнуто многочисленными выступлениями самих иностранных ученых. И нельзя исключать того, что стремление к дискредитации немецкой науки были продиктованы реалиями эксплуатации «нацистского научного наследия» и желанием «прикрыть» куда более веские причины упадка научной мысли послевоенной Германии. Ведь все результаты научно-исследовательской работы, включая патенты, были утеряны и рассеяны по странам-победительницам, основная масса ведущих немецких специалистов оказалась на территории государств – бывших противников, а большая часть оставшихся в Германии исследователей подверглась дискриминации.

По итогам политической чистки, проведенной еще при Гитлере, 1628 доцентов были изгнаны с кафедр и из исследовательских институтов, т.е. 9,5% всего преподавательского состава высших учебных заведений Германии (каждый десятый ученый). Тогда как жертвами следующей политической чистки, в 1945 году, пали еще 4289 доцентов, что составило уже 32,1% всех ученых. Таким образом, в 1945 году каждый третий немецкий преподаватель высших учебных заведений потерял и свою кафедру, и возможность продолжать научно-исследовательскую работу [10, с. 6–7; 1, с. 200–202].

Среди аргументов, призванных доказать общую низкую эффективность научных разработок в нацистской Германии, фигурирует констатируемая с несколько наигранным удивлением раздробленность управления. Действительно, в «государстве фюрера», которое насильно подчиняло себе даже самые приватные области жизни, как это ни покажется странным, не было создано настоящей всеобъемлющей, планирующей в государственном масштабе научной организации, которая возглавила бы всю исследовательскую работу. В реалиях имелось множество частных учреждений, работавших каждое в своей области и, в сущности, независимых друг от друга. Однако эта «раздробленность» системы управления и сохранявшаяся научно-исследовательская конкуренция нередко, наоборот, оказывала положительное влияние, подстёгивая темпы разработок и апробации [11, с. 15–17].

В любом случае, даже самые ретивые критики вынуждены каждый раз признавать, что немецкая система образования по-прежнему обеспечивала подготовку научных кадров весьма высокого уровня квалификации; сохранявшаяся автономия университетов, пусть и в идеологически-усечённом варианте, содействовала успеху развития немецкой науки, а правительственные задания на проведение исследований строились по существу на инновационных принципах с одновременным созданием объектов, основанных на использовании результатов исследований. С целым рядом оговорок, нередко отменяющих прежние выводы о незначительности и слабости науки в нацистской Германии, делаются заключения о том, что 30-е и первая половина 40-х гг. были периодом и тех научных исследований, что послужили серьезным вкладом в мировую науку, некоторые из которых позднее были также удостоены Нобелевской премии, как и работы их коллег в Кайзеровской, а затем и Веймаровской Германии.

Про научные разработки Германии можно написать не одну научную работу: от расщепления ядра до изобретения реактивного двигателя, создания баллистических ракет, электронного микроскопа, инжекторного двигателя, развития технологий по производству искусственного каучука, синтетического топлива и т.д. Странно было бы даже доказывать, что немецкая наука и при нацистском режиме отнюдь не сводится к оправданию шовинизма, репрессиям, антигуманным опытам и военным технологиям. При нацистах довольно плодотворно работали Рихард Кун, получивший в 1938 г. Нобелевскую премию за свои исследования в области химии, Герман Штаудингер, удостоенный Нобелевской премии позже – в 1953 г., а также другой Нобелевский лауреат химик-органик Ханс Эйген Фишер. В 1930-х гг. группа ученых под руководством макробиолога Герхарда Домагга синтезировала красный протозил – первое антибактериальное средство, препараты для химиотерапии туберкулеза и опухолей. Их работа в 1939 г. была также удостоена Нобелевской премии. В условиях нацистской диктатуры продолжал трудиться и профессор теоретической физики Лейпцигского университета Вернер Гейзенберг, один из создателей квантовой механики, ставший лауреатом Нобелевской премии еще в 1933 г. Именно в 30-е гг. он опубликовал труды по структуре атомного ядра, релятивистской квантовой механике, единой теории поля, теории ферромагнетизма, философии естествознания.

В период нацистской диктатуры наметилось новое направление в исследованиях высшей нервной деятельности, постепенно оформившееся в самостоятельную науку – этологию, изучающую поведение животных в естественных условиях. Одним из основателей этой науки стал профессор Карл фон Фриш, ещё один Нобелевский лауреат. Перечисление крупных работ, выполненных немецкими учеными в 1930–1940-е гг., можно без труда продолжить. Кроме вышеназванных в это время в Германии работали такие выдающиеся ученые, как Генрих Отто Виланд, Адольф Виндаус, Арнольд Зоммерфельд, Паскуаль Иордан, Макс фон Лауэ, Вальтер Нернст, Вальтер Боте, Отто Фриш, Адольф Бутенандт, Отто Генрих Варбург, Ханс Шпеман, Феодор Линен и др.

За всеми идеологическими издержками и командными просчётами нацистского руководства в отношении образования и науки, которых было действительно не мало, в том числе и в силу характера самого утвердившегося в стране режима, проступают черты широкомасштабной научной работы, успехам и достижениям которой отдали должное, правда, в довольно своеобразной форме, все страны победительницы. И вряд ли уместно списывать создание новых видов вооружения, искусственных материалов, открытие новых научных методов и профилей наук исключительно на усердие отдельных людей, которые во всех областях науки работали с полной отдачей своих сил и способностей с параллельной компрометацией «жалкой организации «руководителей»». Неужели неприемлемость идеологических оснований и целого комплекса методов режима неизбежно отказывает возможности взвешенного анализа результативности механизмов Третьего Рейха по управлению и контролю научными разработками?

По всей видимости, двойственность и противоречивость оценок, обусловленные влиянием критики нацистской политики, напрямую сопряжены с затянувшейся в России «историзацией» нацизма. Если уж говорить о неизбежности, то неизбежен скорее переход Третьего Рейха из современной истории в историю прошлого с сопутствующей ревизией оценок. Смягчение суждений, снижение уровня экспансивности и тенденциозности в анализе достижений немецких ученых в годы фашистского режима, открытие очередных «неудобных» страниц истории эксплуатации «нацистского научного наследия» лишь вопрос времени, не более. И успехи в этом

направлении во многом показательны для развития уже отечественной исторической науки.

Пока же на страницах научных публикаций действует правило преемственности и сохранения традиций осуждения прошлых лет. В то время как постсоветская публицистика, подчас склоняется к обратной реакции, своего рода «негативам» действовавших прежде разоблачительных установок, в которых цель оправдывала средства. По крайней мере, попытки реабилитации немецкой науки в годы нацистского руководства помимо откровенно конъюнктурных интенций непременно несли в себе реактивный импульс, т.е. в конечном итоге были обусловлены всё теми же принципами осуждения [12, с. 116].

Тот факт, что современный историк не в состоянии игнорировать успешные статьи традиционными установки в трактовке национал-социалистического режима, удивления не вызывает. Как не удивляет проблематичность выхода за рамки идеологического контекста в рассмотрении любых сфер жизни немецкого общества тех лет, да и, признаться, необходимость подобного выхода кажется сомнительной. Немецкая наука в своем не лишенном драматизма развитии прошла много различных эпох и стадий и одной из переломных фаз между ними оказался как раз опыт «нового научного порядка», того опыта без которого полноценное осмысление специфики немецкой научной жизни и германского научного пространства вряд ли возможно. Как невозможно и понимание последующего развития германской науки.

Для историка же, взгляд на состояние науки в нацистской Германии в любом случае будет задан конкретными моделями оценки Третьего Рейха, моделями согласованного исторического «единства» науки и политики. И эта взаимосвязь будет, если не идейной, так административной, если не прямой, так опосредованной третьими лицами, идеями, инстанциями и т.д., но даже в отношении локальных участков научного пространства нацистской Германии они в любом случае будут рассматриваться «в тени свастики», объединяющей крайне неоднородную и противоречивую научную жизнь тех лет.

Скорее характер дальнейшего изучения науки в Германии 30–40-х гг. будет зависеть от формулировки взаимосвязи режима и науки, а также от того, насколько будут сильны изменения/отклонения от действующих

ныне форм пристрастия. Максимально перспективной представляется вариант признания возможности сосуществования ряда дистанцированных маршрутов развития научной мысли и разнородных порядков функционирования научных и образовательных систем с разнонаправленным движением при относительности их сопричастности идеологии и политики Третьего Рейха. Возможно тогда анализ, построенный не по принципам осуждения научной жизни соответствующей нацистскому режиму в Германии, а на соприкосновениях и пересечениях с идеологией и политикой фашизма разнонаправленных траекторий научного развития, в отношении последних снизит уровень малообоснованных обобщений и всепоглощающей дискредитации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Левин В.И.** Наука в Германии при нацистах // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2010. № 1. Т. 16. С.199-204
- 2. Корнева Л.Н.** Наука и культура в нацистской Германии в оценке германских историков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1. Т. 4. 4-1 (52). С. 57-62
- 3. Левин В.И.** Наука при тоталитаризме: Германия. 1933 – 1945 // Alma mater: (Вестник высшей школы). 2010. № 1. С. 71-75
- 4. Магаршак Ю.** Тоталитарная наука // Знание-сила. 2007. № 6(960). С.58-62
- 5. Капитонов Е.Н., Капитонов И.Е.** Ситуация в немецкой науке при нацистах // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2008. Т. 14. № 2. С. 409-415
- 6. Рингер Ф.** Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933 / Пер. с англ. Е. Канищевой и П. Гольдина. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- 7. Дубгорин А.А.** Врачи нацистской Германии // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. № 2. Т. 3. 2013. С. 440
- 8. Хряков А.В.** Карл Великий и немецкая историография 30–40-х гг. XX века // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 132-138
- 9. Боркин Дж.** Преступление и наказание И.Г. Фарбениндуэри Рассказ о зловещем сговоре Адольфа Гитлера с крупнейшим германским химическим концерном. – М.: Прогресс, 1982. – 333 с.
- 10. Беркович. Е.** Парадокс Радзиховского // Еврейское слово. 2008. №25 (395).
- 11. Уолкер М.** Наука при национал-социализме // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 1. С. 3-30
- 12. Умланд А.** Современные концепции фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2003. № 5(31).

УДК 061.62:53(09)

Б. Б. Дьяков

ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЭВАКУАЦИИ

Эвакуация во время войны – демонстрация организационных и мобилизационных возможностей государства, народа и научного сообщества. В течение месяца с начала войны миллионы людей, тысячи предприятий начали грандиозное переселение на восток с тем, чтобы в кратчайшие сроки на новом месте наладить выпуск продукции для обороны страны. Среди этого потока выделялся поток интеллектуальной элиты, направляемый для организации важнейшей для обороны творческой работы, чему вскоре будет подчинена вся жизнь каждого советского ученого.

Ленинградский Физико-технический институт (ФТИ) на 1 января 1941 года по штатному расписанию имел 315 человек – от директора до строительного рабочего – довольно значительный научно-исследовательский институт по тому времени [1].

22 июня 1941 г. – начало войны и заметка в «Правде» о сдаче здания циклотрона – крупнейшего в Европе. Событие, которое имело продолжение спустя два года – оборудование было перевезено в Москву, в Лабораторию № 2, чтобы как можно скорее начать важнейшие работы по Атомному проекту, что было в условиях непрекращающихся военных действий осуществлено сотрудниками ФТИ Л.М. Неменовым и П.Я. Глазуновым.

Но задачи были настолько насущны, что циклотрон в Ленинграде был построен и пущен в декабре 1946 г.

В промежутке между этими датами прошло много важнейших событий...

6 июля 1941 г. – письмо вице-президента АН СССР О.Ю. Шмидта зам. Председателя Совета народных комиссаров (СНК) А.Н. Косыгину о необходимости эвакуации ФТИ и Института химической физики. 16 июля создан правительственный совет по эвакуации во главе с Н. А. Шверником

(А.Н. Косыгин – его заместитель и уполномоченный по Ленинграду). 3 августа 1941 г. отправлен первый эшелон с сотрудниками института в Казань, место постоянной его дислокации во время войны, которое, вместе с другими академическими институтами, было определено решением совета от 16 июля 1941 года. Отправлены были лаборатории, в довоенное время работавшие на оборону: радиолокации, броневая, размагничивания и ряд других. Так начало реализовываться решение о перестройке тематики научных учреждений Академии наук «на выполнение задач по укреплению военной мощи нашей социалистической Родины».

Первый эшелон прибыл 11 августа. Второй эшелон – основной – с А.Ф. Иоффе и другими ведущими сотрудниками и членами их семей отбыл 23 августа и пробыл в пути почти 10 дней. Это был один из последних поездов, вышедших из Ленинграда, которой стремительно становился уже не просто прифронтовым городом, а городом осажденным...

Перерезана Октябрьская железнодорожная магистраль (20 августа), 30 августа потеряна станция Мга – последняя связь со страной. 8 сентября взят Шлиссельбург – и кольцо осады замкнулось...

Что сделано в годы войны и эвакуации?

Радиолокация: перед самой войной на флоте только один корабль, крейсер «Молотов», был снабжен радиолокационной станцией (РЛС). Еще существовал ряд опытных станций, проходивших испытания. Они настолько себя хорошо зарекомендовали и по дальности обнаружения, и по направлению, что сразу же были приняты на вооружение. Импульсная схема, позволявшая работать с одной приемо-передаточной антенной, была самой прогрессивной разработкой у нас в стране. Перед самой войной разработки коллектива лаборатории Ю. Б. Кобзарева были отмечены Сталинской премией [2], и в дальнейшем они успешно наращивали выпуск новейших РЛС. В частности, 3 марта 1943 г. вышло распоряжение ГКО (Государственного комитета обороны – высшего органа власти в стране во время войны) о мерах по оснащению кораблей ВМФ радиолокационной аппаратурой.

Размагничивание кораблей и судов Военно-морского флота СССР (Сталинская премия 1942 г.): с первых дней войны потребовались самоотверженные усилия самих разработчиков, чтобы оборудовать в течение буквально считанных недель «системой ЛФТИ» более 50 кораблей на КБФ, в

частности, крейсера «Киров», спасателя «Нептун» и других. Это особенно сыграло свою роль в тяжелейших условиях Таллиннского перехода – одной из крупнейших операций флота в Великой Отечественной войне. Успеху этих усилий способствовало и существенное пополнение группы размагничивания под руководством А.П. Александрова, будущего Президента АН СССР, другими сотрудниками ФТИ, занимавшимися иной тематикой. Наиболее известен из них И.В. Курчатов, фактический руководитель исследований по ядерной физике, создатель крупнейшего в то время в Европе циклотрона ФТИ. Отметим, что выдвижение таких фигур в роли руководителей важнейших областей отечественной науки – огромная заслуга А.Ф. Иоффе, умевшего выбрать не только носителей идей, не только ученых, способных вникнуть во все тончайшие детали исследований, но обладавших организаторским талантом, высокой ответственностью, которую они могли внушить своему коллективу. О том, сколь кропотливой и ответственной была эта работа, свидетельствует, например, недавно обнаруженная в архиве ФТИ рабочая тетрадь по размагничиванию И.В. Курчатова.

Работа по размагничиванию успешно была осуществлена в Севастополе (А.П. Александров, И.В. Курчатов), на Северном флоте (В.М. Тучкевич, будущий академик и директор института), Волжской флотилии в дни и ночи Сталинградской эпопеи (группа под руководством Александрова), на других флотах и флотилиях, где работало свыше 20 работников ФТИ.

Конечно, успеху работ способствовало тесное взаимодействие ученых ФТИ с офицерами службы размагничивания, старшинским и рядовым составом ВМФ, каждый из которых на своем посту выполнял свой долг. На ученых лежал еще необходимый труд созданию всеобъемлющих и детальных инструкций, руководств, нормативов и практического осуществления всего комплекса работ. Здесь большую роль сыграли теоретические расчеты магнитных полей кораблей, систем токовых обмоток и стендов, проведенные будущим нобелевским лауреатом по физике И. Е. Таммом, в годы войны бывшим сотрудником Казанского филиала ФТИ (о чем свидетельствует памятная доска на фасаде Казанского университета и стенды постоянной выставки).

По документам, обнаруженным в архиве ФТИ, выявлено, что в работах по усовершенствованию магнитометра участвовал и Г.Н. Флеров, бу-

дущий участник Атомного проекта СССР. Бесменным организатором работ, как директор ФТИ и вице-президент АН СССР (сменивший на этом ответственном посту академика О.Ю. Шмидта), был А.Ф. Иоффе.

О заслугах сотрудников института свидетельствует еще один документ, датируемый 29 ноября 1945 года – Письмо Президиума АН ССР в адрес института с благодарностью командования ВМФ за работу по размагничиванию кораблей от имени заместителя народного комиссара Военно-морского флота адмирала Л.М. Галлера. В заключении письма, подписанного президентом АН СССР С.И. Вавиловым, говорится: «Президиум Академии наук считает своим долгом выразить Вам, Абрам Федорович, и всем участникам этой работы благодарность за образцовое и самоотверженное ее выполнение в трудных условиях военного времени» [3, с. 35–51].

Работы броневой лаборатории: при исследовании брони возникла идея – использование дополнительной преграды перед основной броней в виде решетки из стальных прутьев («экранирующая броня»). При столкновении с ней снаряд менял направление и принимался основной броней его боковой частью. Задача была столь остра, что после внезапной смерти в командировке заведующего лабораторией В.Л. Куприенко во главе броневой лаборатории поставлен И.В. Курчатов. Вместе с Л.И. Русиновым – его правой рукой по довоенным атомным делам [4].

Результаты были отражены в монографии сотрудников института «Экспериментальные данные и соображения к вопросу о конструктивной броней» в 17 печатных листов, представленной на соискание Сталинской премии в 1945 году. К сожалению, как и первая заявка броневой лаборатории в 1943 г. «Броня, экранированная решетчатой преградой» под руководством И.В. Курчатова не была принята.

В ходе военных действий многие танкисты на фронте самостоятельно ставили решетки из стальных прутьев на броне своих танков

А уже после войны идеи, изложенные в монографии, были приняты практиками и по указанию министра транспортного машиностроения В.А. Малышева изданы в закрытой печати.

Броня танков, бронекатеров, защита бензобаков торпедных катеров, самолетов – все это было поставлено на строго научную основу, чему в немалой степени способствовали работы в годы войны выдающегося учено-

го-прочниста Н.Н. Давиденкова [5, с. 86–108; 6, с. 389–393], удостоенного Сталинской премии.

Сугубо научная работа тесно переплеталась с практической. Так, например, эпопея с испытаниями пикирующего бомбардировщика Пе-2. Воспользовавшись своим длительным студенческим знакомством с замнаркома авиационной промышленности, Русинов пишет ему письмо (без особой надежды на положительный ответ, впрочем) о необходимости полномасштабных испытаний Пе-2, да еще проводить их с оружием врага [7]. Каково же было удивление разработчиков, вскоре получивших для испытаний три экземпляра бомбардировщика! А ведь испытания были особенно необходимы для сложной системы бензобаков самолета (в некоторых модификациях имелось 11 бензобаков в крыльях и в корпусе). По свидетельству летчиков, этот один из самых «задействованных» фронтовых бомбардировщиков «Горел плохо»!

Сам А.Ф. Иоффе, кроме многотрудного руководства всем академическим «хозяйством» и институтом, был научным руководителем работами по термоэлектричеству (по совокупности трудов в этой области ему была присуждена Сталинская премия). Эти работы в годы войны воплотились в осуществление практической задачи – разработаны источники электроэнергии для партизанских радиопередатчиков от костров! Дальность действия таких передатчиков была свыше 1000 км. Группа помощников Иоффе занималась этими приборами вплоть до непосредственного участия в партизанских действиях!

Еще нужно отметить работы физиков-теоретиков института, направленные для решения как и новых практических задач, так и сугубо теоретических. Я.И. Френкелем была решена проблема теории жидкого состояния, а Г.А. Гринбергом – разработаны новые методы решения задач математической физики. Оба труда потребовали годы напряженной работы в тяжелых «производственных» и бытовых условиях эвакуации. Значение работ, оказавшихся классическими, было столь велико для науки, что вскоре после окончания войны они были удостоены Сталинских премий (книга по кинетической теории жидкостей Я.И. Френкеля и книга по математической физике Г.А. Гринберга).

Отметим также и начало (5 мая 1942 г.) экспедиции ученых ФТИ во

главе с А.И. Алихановым на Кавказ для изучения космических лучей.

Но главнейшим событием в ученом мире, оставшемся поначалу мало-заметным по причине высшего грифа секретности, стало распоряжение ГКО от 28 сентября 1942 г. «Об организации работ по урану». Этим событием положено начало советскому Атомному проекту по созданию атомной бомбы.

Документальная сторона вопроса [8] хорошо освещена в литературе. Вот что было связано с событиями в ФТИ в эвакуации. 10 мая 1943 г. происходит назначение И.В. Курчатова научным руководителем Распоряжением АН СССР. «Подзаконный» акт – выделение 11 сотрудников института в состав Лаборатории № 2 во главе с И.В. Курчатовым. Он и ранее был руководителем работ по ядерной физике в СССР, и потому его назначение выглядит вполне закономерным. Поэтому приказ А.Ф. Иоффе по институту, датированный 14 августа 1943 г., никого не удивляет. Но за этим лежит большая и многотрудная работа, которая только начинается.

Общеизвестны только основные вехи этой работы. Первые достижения, связанные с выдающимся открытием – выявление роли спонтанного деления урана (а затем и тория) К.А. Петржака и Г.Н. Флерова [9, с. 67], первым эскизным проектом атомной бомбы, первыми организационными мероприятиями маленького тогда еще коллектива Лаборатории № 2, постепенно наполнявшегося новыми сотрудниками, вначале, в основном, Физико-технического института.

Еще малозаметное событие, но имеющее для заинтересованных лиц очень большую важность – Академия наук собирает вагон с продовольствием в осажденный Ленинград...

Одной из сопровождающих вагона была сотрудница института Н.С. Иванова, оставившая волнующие воспоминания об этом событии [10]. Голодающий, но не сдавшийся врагу Ленинград, произвел на нее неизгладимые впечатления... Но это обстоятельство имело потом неожиданные последствия.

Резэвакуация. Решение СНС было принято 5 августа 1944 г., и институт начал погрузку в вагоны эшелона. Надо ли говорить, с каким энтузиазмом это делалось. Но вскоре вышло другое Постановление – отмене предыдущего решения (17 августа 1944 г.).

Тогда А.Ф. Иоффе обратился с письмом в адрес А.А. Жданова, чле-

на Политбюро ВКП(б) [11, с. 112–113]. В нем сообщалось, что институт, собственно, никогда не прерывал связей с оставшимися в Ленинграде сотрудниками. Там, также как в эвакуации проходила напряженная научная жизнь, проводились оборонные работы, защищались диссертации, оборудование, которое не могло быть вывезено из города, полностью сохранилось. Более того, напоминалось о той роли, которую сыграли ленинградцы-сотрудники ФТИ в создании «Дороги Жизни» через Ладогу. И каким самоотверженным трудом отмечен этот подвиг.

Доводы возымели действие. Вопрос рассматривался на самом верху и было вынесено положительное решение: институт восстанавливался в своих правах на старом месте в прежнем качестве.

Доказывая это, сотрудники сразу по прибытии в разрушенный город активно включались в восстановление института. Фактически еще до официального решения группы их прибывали по командировочным удостоверениям, и здание института быстро возвращалось в строй. Основные силы прибыли 22 февраля 1945 г.

Еще одним событием, отмеченным в истории ФТИ, было праздновании 15-летия основания института, «отложенное» по случаю войны (институт был основан в 1918 году, и его первым директором был избран, согласно Уставу, мало изменившимся с тех пор, А.Ф. Иоффе).

Декабрьская сессия в ФТИ подвела итог важнейшему этапу в жизни института, сражавшемуся вместе со всей страной до полной Победы в Великой Отечественной войне.

Началась новая эпоха.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Физико-технический институт в годы Великой Отечественной войны (сост. Б. Б. Дьяков). СПб., 2006.
2. Вайнштейн О.Л. (отв. ред.). Лауреаты Сталинских премий в области науки 1939–1949. Л., 1949.
3. Дьяков Б. Б. О создателях системы противоминной защиты кораблей в Физико-техническом институте // Фундаментальная и прикладная гидрофизика. 2012. Т. 5. № 2. С. 35-51.
4. Гринберг А.П., Френкель В.Я. Игорь Васильевич Курчатов в Физико-техническом институте (1925–1943 гг.). Л., 1984.

5. **Давиденков Н.Н.** О твердости // Некоторые проблемы механики материалов. Л., 1943.
6. **Давиденков Н.Н.** Получение диаграмм растяжения на основании определения твердости // ЖТФ. Т. 13. № 7–8. 1943.
7. Личное дело Л. И. Русинова // Архив ФТИ. Ф. 3. оп. 3. № 1891.
8. Атомный проект СССР (ред. Л. Д. Рябев, сост. Л. И. Кудинова). Т. 1, Ч. 1, 2. М., 1998; 2002.
9. **Петржак К.А., Флеров Г.Н.** К работам: спонтанное деление урана и спонтанное деление тория // Доклады Академии Наук. 1942. Т. 37. № 2. ISSN: 0869-5652
10. Иванова Н.С. Командировка в осажденный город // Эстафета вечной жизни (ред. К. А. Логинова и др.). СПб., 1995.
11. Письмо Иоффе А. Ф. первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Жданову // Атомный проект СССР (ред. Л. Д. Рябев, сост. Л. И. Кудинова). Т. 1, Ч. 1, 2. М., 1998; 2002. С. 112–113.

УДК 94(47).84.8-057.36

А. В. Заблоцкий

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ КАК ГЛАВНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ОБРАЗА СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ В СОЗНАНИИ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война стала новой вехой в развитии военного дела. Никогда ранее боевая техника не играла такой значительной роли и, соответственно, не занимала совершенно особого места в официальной идеологии и пропаганде. Это была индустриальная война, в которой технико-технологические факторы стали решающими в формировании и реализации военной стратегии, а успешность действий армии в значительной степени зависела от овладения техникой солдатами. В общем контексте бытия человека на фронте сложился образ советской боевой техники в сознании участников Великой Отечественной войны. Такой образ становился достоинством каждого фронтовика и, вместе с тем, являлся одним из проявлений народного духа, характерологическим срезом общественного сознания в экстремальных военных условиях.

В рамках изучения Великой Отечественной войны современные исследователи уже обращались к изучению образов выдающихся общественных явлений в массовом сознании, прежде всего – образа врага. В рамках военно-антропологического подхода плодотворным является постановка А.С. Сенявской вопроса о психологических особенностях бойцов, сложившихся под влиянием системы «человек-машина» [1, с. 48]. То есть, в историографии определены общие методологические и методические подходы, но проблема образа советской боевой техники в общественном сознании участников Великой Отечественной войны специально еще не исследовалась.

Цель статьи – проанализировать персонифицированные образы советских боевых машин в сознании фронтовиков (1941–1945 гг.).

Что касается источниковой базы исследования, то возможность изу-

чения образа техники существует, прежде всего, благодаря его многоканальной объективации в вербальной и визуальной формах. Вербальная – зафиксирована и сохранилась во фронтовом фольклоре, письмах, дневниках, бытовых высказываниях, в художественной литературе, воспоминаниях. Визуальными средствами фиксации образов являются фотографии, кинохроника, произведения изобразительного искусства.

Сложность реконструкции образа советской техники в общественном сознании обусловлена, с одной стороны, многогранностью объекта восприятия (множество типов боевых машин, которые имели очень разные характеристики), а с другой – неоднородностью субъекта восприятия. Ведь советские солдаты имели разное происхождение, возраст, образование, звание, служили в разных родах войск. Особенностью основной, объединяющей восприятие фронтовиками боевых машин, выступает их персонификация. Одухотворение материальной сферы жизни восходит еще к первобытному анимизму, им пропитана вся традиционная культура. Если в условиях стабильного, спокойного развития современных обществ одухотворение вещей проявляется преимущественно в календарно-трудовой, семейно-бытовой обрядности, то в кризисные периоды соответствующие представления актуализируются.

Персонифицированное восприятие солдатами боевых машин прочно закреплено на лексическом уровне. Проведенный автором анализ фольклорного материала, собранного в 1944–1945 гг. специалистами Института народного творчества и искусств (сейчас – Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рылеевского), показывает, что обозначения техники сопровождаются глаголами и прилагательными, обычно применяемыми к живым существам, а часть этих метафор прочно вошла в речь: танки – идут, ждут боя, стоят наготове; пушки – говорят, кричат, охают, замолкают, угощают; самолет – беззаветный, «Катюша» – любимая, милая, веселая, славная, храбрая [2].

В анекдотах, сказках, песнях, стихах боевые машины ведут себя, как люди: говорят, обладают своими характерами, ссорятся, влюбляются. Зенитки, обращаясь к немецкому бомбардировщику, «вверх морды задрав: «Кому? Кому? Кому?» (построенный на звукоподражании популярный шуточный рассказ) [3, с. 350]. Миномет «кашляет ... тихо охнет – / И десяток

фрицев сдохнет» (частушка) [2, арк. 59], танк «танкетку полюбил, / В рощу с ней гулять ходил» (частушка) [4].

Самолеты, танки и орудия в сознании участников Великой Отечественной войны выступали не просто живыми существами, а самостоятельными борцами с врагом. Образ боевой машины-воина нашел воплощение во всех жанрах фронтового фольклора. В фотографическом и кинодокументальном воплощении различных аспектов создания и применения техники в 1941–1945 гг. легко считаются этапы жизни и боевого пути солдата. Первый шаг – это рождение машины, то есть ее изготовление на заводе. Путь техники на фронт имеет прямые параллели с распространенными фоторепортажами об отправке солдат на войну. Наиболее показательными, хотя и немногочисленными, являются фотографии, на которых отдельные боевые машины непосредственно вступают в противостояние с противником и побеждают его. Самый известный из подобных снимков – таран танком Т-34 капитана Кокушкина вражеского PzKwII. Несмотря на постановочный характер (советский танк снят спереди, то есть фотограф должен был находиться среди вражеских боевых порядков) этот и подобные ему снимки были призваны продемонстрировать доминирование советских машин над противником. Единично отражено в фотодокументалистике трагическое завершение боевыми машинами своего фронтового пути. Малочисленность таких сюжетов доказывает, что операторы сознательно и бессознательно избегали образов гибели техники так же, как и гибели своих бойцов.

Следует отметить, что отношение участников Великой Отечественной войны к персонифицированной технике не было отстраненным – машины воспринимались, как боевые товарищи. Наиболее эмоционально такое личностное отношение проявлялось в ситуациях прямого обращения бойцов к машинам в моменты острого – трагического или радостного – нервного напряжения. В военном дневнике А.Н. Ржевской январем 1943 г. датирована запись рассказа красноармейца о воздушной атаке противника и его собственной реакции на появление истребителей конструкции КБ А.С. Яковлева: «Я с дикого ума как стал курит и, представьте, одного немца зажег. Хвост задымил. Попал! А здесь наши летят. «Яшки», давайте! – Кричу – «Яшки» [5, с. 140]. Летчик Коротков в письме к жене в Сталино от

28 мая 1944 г. описал свой последний воздушный бой, в котором был тяжело ранен: «Обнаружили аэродром «фоков», штурман без сознания. А «фоки» все атакуют, но не могут сбить, ибо очень низко летим, и «фока» может врезаться в землю. Один мотор отказал совсем. Рука правая висит плетью. ЛЕЧУ И ГОВОРЮ МОТОРУ: «НУ, РОДНОЙ, ТЯНИ, ТЯНИ, ЕЩЕ НЕМНОГО» [6, с. 163].

Армейское командование оценило потенциал персонифицированного отношения бойцов к военной технике. Так, в директиве ГоловПУ РККА от 23 октября 1944 г. отмечалось, что в частях, где партийные и комсомольские организации привили солдатам «любовное отношение к технике», в несколько раз превышает гарантийный срок эксплуатации танков и самоходных артиллерийских установок. Образ техники-воина широко использовался воплощавшими идеологические установки художниками-плакатистами, карикатуристами.

О выходе очеловечивания боевой техники на уровень ее индивидуализации свидетельствует широкая практика наделяния машин прозвищами и именами. М.К. Азадовский отмечал, что это явление нельзя считать чисто лексическими, такие прозвища является художественным воплощением глубинных слоев мировоззренческих представлений [3, с.6].

Прозвища боевых машин – один из наиболее развитых жанров фронтового фольклора. В составленном в военные годы В.Ю. Крупянской сборнике был выделен раздел: «Прозвища орудий, техники» [7, с. 81–82]. Наиболее распространенными были прозвища отдельных моделей техники. Часто они происходили от настоящего названия машины: бомбардировщик Пе-2 – «пешка» («пешка»), морской самолет МБР-2 – «амбар», истребитель И-16 – «ишак», 152-мм гаубица-пушка МЛ-20 – «Емелька», 122-мм гаубица дивизионная М-30 – «матушка». Также прозвища могли отражать внешние особенности машин. Бомбардировщик Пе-2 имел еще прозвища «сом» и «ласточка»: в зависимости от точки обзора самолет напоминал или большую толстую рыбу, или хрупкую птицу. Из-за длинного, похожего на нос рыбы, ствола пушки и «хищного характера» танк ИС-2 называли «щукой», небольшой по габаритам 50-мм миномет – «Чижиком».

Во фронтовом быту солдаты привязывались к конкретным машинам, давали им имена. В 1942 г. один из танков на Западном фронте назы-

вался «Таня» – в честь разведчицы-диверсантки Зои Космодемьянской, которая в немецком плену назвалась этим именем. Над смотровой щелью машины был закреплен портрет девушки [7, с. 81]. Герой Советского Союза Георгий Костылев рассказал в 1942 г. писателю Николаю Чуковскому, что свой первый самолет назвал «Коломбиной» – за красоту, а после того, как сбил на ней (использован именно женской род) 10 немецких самолетов, заменил имя на «Сказку» [8, с. 8]. Капитан танковых войск Е.И. Зудов в 1942 г. сообщил фольклористам, что одна из пушек в его полку носила имя «Мария Ивановна» [7, с. 81].

Кроме бытовавших в устной традиции, существовали имена, связанные с надписями и рисунками на бортах боевых машин. В таких надписях наглядно прослеживается мировоззренческое взаимовлияние власти и населения, на которое обращают внимание исследователи тотальной войны. Чаще всего надписи на боевой машине указывали, за кого хотят отомстить солдаты, воюющие на ней. В женском авиационном полку после гибели в авиакатастрофе в 1943 г. во время перелета на фронт его командира М.М. Расковой на нескольких пикирующих бомбардировщиках Пе-2 появились надписи: «За нашу Марину» [9, с. 79]. Пилот штурмовика Ил-2 Ю.Г. Афанасьев, который начал службу в ВВС в 1943 г., рассказал: «Командир моего звена, Кононов Борис, погиб тогда, когда у меня было вылетов 20, и после этого командиром звена стал я. Его экипаж, механик, оружейницы, упросили меня написать на моей «девятке» «За Бориса» [10].

Нередко надписи и лозунги наносились на технику еще на заводе. Так, П.А. Филоненко запомнил эпизод, когда он вместе с другими солдатами забирал новые танки на заводе. К ним вышел мальчик с несколькими трафаретами и спросил, какую надпись делать. На выбор были: «За Родину!», «За Сталина!» и другие подобные [11]. Выделялись соответствующими надписями машины, построенные на средства граждан. Так, на всех самолетах Як-9 в эскадрилье, деньги на которую собрали жители Донбасса, было размещено ее название: «Освобожденный Донбасс». Танк, построенный на средства детей Сибири, носил название «Малютка». Рисунки на машинах могли означать результативность действий экипажа. На истребителях звездочки соответствовали количеству сбитых самолетов противника. На самолетах бомбардировочной авиации рисовались бомбочки, каждая

из которых означала боевой вылет. В сухопутных войсках количество уничтоженных машин противника обычно символизировали полосы на стволе пушки.

Таким образом, в общественном сознании фронтовиков в период Великой Отечественной войны сложился целый спектр персонифицированных образов боевых машин:

- живые существа или люди как таковые;
- самодостаточные воины;
- верные боевые товарищи, члены семей бойцов;
- личности с собственными прозвищами и именами.

Образ советской боевой техники служил первичной формой постижения техники красноармейцами, формой, в которой знания о боевых машинах совмещались с культурным опытом, мировоззренческими и ценностными принципами, основами самоидентификации. Освоение окружающего мира путем его очеловечивания, установление своеобразного эмоционального контакта с машиной психологически облегчали жизнь бойцов в сверхтяжелых условиях, давали возможность удовлетворять эстетические потребности, восстанавливать духовные силы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Сенявская Е.С.** 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование / Е.С.Сенявская. – М.: Ин-т российской истории РАН, 1995. – 220 с.
- 2.** Фольклор Великої Вітчизняної війни, Ч. II, 1945 р. – Наукові архівні фонди рукописів та фонозаписів Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського, ф.14-3, спр.56. – 678 арк.
- 3.** Русский фольклор Великой Отечественной войны / Под. ред. В.Е. Гусева. – М.–Л.: Наука, 1964. – 478 с.
- 4. Пушкарев Л.Н.** Юмор на фронте (из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // Я помню: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iremember.ru/drugie-voyska/pushkarev-lev-nikitich/stranitsa-12.html>
- 5. Ржевская Е.М.** За плечами XX век / Елена Ржевская. – М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2011. – 640 с.
- 6.** Письма с фронта. Очерки, дневники, письма, фотографии. – Донецк: Донбасс, 1974. – 176 с.

- 7. Крупянская В.Ю.** Фронтной фольклор / В.Ю. Крупянская; под ред. и с предисл. М.К.Азадовского. – М.: Гослитмузей, 1944. – 132 с.
- 8. Чуковский Н.** Рассказы летчиков / Николай Чуковский. – Б/м.: Военмориздат, 1942. – 40 с.
- 9. Долина М.** Дочери неба: «дневные ведьмы» на пикировщиках / М.Долина. – К.: «Довіра», 2010. – 229 с.
- 10. Афанасьев Юрий Сергеевич** [интервью и лит. обработка: Артем Драбкин] // Я помню: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iremember.ru/letchiki-shturmoviki/afanasev-uriy-sergeevich.html>
- 11. Филоненко Петр Алексеевич**, 1930 г. рождения, запись сделана автором 15 августа 2011 г., г. Киев.

УДК 94(470.4).084.8

Е. Е. Красноженова

**ОБОРОННАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
ОБЛАСТЕЙ И РЕСПУБЛИК НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)**

Нижнее Поволжье – один из крупнейших регионов СССР, включавший в период Великой Отечественной войны территорию Саратовской, Сталинградской и Астраханской (с декабря 1943 г.) областей и Калмыцкую АССР (до декабря 1943 г.). Необходимо отметить существенный вклад местных органов государственной власти региона – городских комитетов обороны, партийных органов, Советов – в организацию его обороны и оказание социальной помощи населению и, тем самым, в Победу в Великой Отечественной войне.

Оборонная работа, проводимая в Нижнем Поволжье, сыграла значительную роль в Победе советских войск под Сталинградом. Сталинградская битва имела огромное военно-политическое и международное значение, она ускорила Победу советского народа в 1941–1945 гг. и определила итоги войны в целом. В результате коренного перелома в ходе войны, обеспеченного Победой советских войск под Сталинградом, Красная Армия овладела стратегической инициативой, развернув зимой 1942–1943 гг. наступление на фронтах и освободив значительные территории от Кавказа до Ленинграда, оккупированные немецко-фашистскими войсками.

Близость региона к фронту способствовала скоплению в нем вражеских диверсантов, дезертиров и нарушителей режима военного положения. Поэтому работа по укреплению обороноспособности имела в годы войны существенное значение и явилась важным условием Победы. Для обеспечения непосредственной обороны городов Нижнего Поволжья в случае прорыва к ним немецко-фашистских войск на территории региона формировались отряды народного ополчения и истребительные батальоны.

Создание отрядов народного ополчения было возложено на секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии и передавалось в ведение городских комитетов обороны. В начальный период Великой Отечественной войны у государства не было необходимых финансовых средств для централизованного снабжения создаваемых ополченческих формирований, поэтому решение проблем, связанных с их оснащением, было полностью возложено на региональные органы государственной власти и осуществлялось за счет мобилизации местных ресурсов.

Процесс формирования отрядов народного ополчения был ускорен летом 1942 г., когда немецко-фашистские войска прорвались к Волге, создав реальную угрозу Сталинграду, Астрахани, Саратову и другим городам региона. Особое внимание уделялось организации местной самообороны Сталинграда. Решением исполкома Сталинградского облсовета и обкома ВКП(б) в городе была создана 1-я стрелковая дивизия народного ополчения в составе 5 саперных батальонов, 5 стрелковых полков, батальона связи, корпусного железнодорожного полка и корпусного танкового полка. Кроме того, в состав Сталинградского ополчения входили отдельный артиллерийский дивизион, танковая бригада, дивизион минометчиков и Донская казачья кавалерийская дивизия.

23 августа 1942 г. 14-й немецкий танковый корпус прорвал советскую оборону и вышел к Волге в районе рабочих поселков Спартановка и Рынок, оказавшись всего лишь в нескольких километрах от Сталинградского тракторного завода (СТЗ). Немецкая авиация осуществляла по несколько тысяч вылетов в день. С сентября 1942 г. бои велись уже на окраинах города. Немецко-фашистским войскам удалось пробиться к рабочим поселкам заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады». Отряды народного ополчения и истребительные батальоны, созданные Сталинградским городским комитетом обороны, местными партийными и советскими органами, совместно с регулярными войсками приняли активное участие в обороне северной части Сталинграда, в районе рабочих поселков Спартановка и Рынок, сорвав здесь наступление немецко-фашистских войск.

В 1941–1942 гг. в действующую армию было призвано абсолютное большинство бойцов Сталинградского ополчения. Поэтому к началу оборонительного сражения город нуждался в проведении срочных мер,

направленных на укрепление его формирований. Подобные меры содержались в постановлении Сталинградского городского комитета обороны «О состоянии и мерах укрепления частей ополчения» от 11 июля 1942 г. В процессе его реализации в городе была укомплектована стрелковая дивизия численностью 6900 бойцов, в Баррикадном районе сформированы два артиллерийских дивизиона с 1400 бойцами, созданы специальные подразделения автоматчиков, минометчиков, снайперов. Выполняя решения городского комитета обороны, подобные формирования внесли значительный вклад в укрепление правопорядка и обеспечение охраны важнейших промышленных предприятий, способствовали пресечению немецко-фашистской пропаганды.

При возникновении непосредственной угрозы Сталинградскому тракторному заводу и северным окраинам города от немецко-фашистских войск части народного ополчения и истребительные батальоны СТЗ были немедленно направлены на фронт [1, с. 145]. Подобное решение городским комитетом обороны было принято 23 августа 1942 г.

Организация обороны Сталинградского Тракторного завода находилась в центре внимания городского комитета обороны, в постановлениях которого указывалось на необходимость «срочно собрать, вооружить и направить на фронт в северной части города формирования народного ополчения и истребительные батальоны заводов СТЗ, «Красный Октябрь», «Баррикады», Держинского, Ворошиловского, Ерманского и частично Кировского районов». Общая численность их составила 2,5 тыс. человек. В последующие дни численность ополченческих формирований, участвующих в обороне северных районов Сталинграда, достигла 5284 бойца.

В начале Великой Отечественной войны был расширен круг военизированных структур, которые наряду с войсками НКВД, милицией, рабочими отрядами промышленных предприятий обеспечивали охрану тыла. Таковыми явились вооруженные отряды из гражданского населения – истребительные батальоны.

Они формировались на основании постановления СНК СССР от 24 июня 1941 г. «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» и приказа НКВД СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой по-

лосе» от 25 июня 1941 г. Большое значение при создании истребительных батальонов придавалось решениям региональных партийных комитетов. Так, решение о формировании истребительных батальонов в городах и районных центрах Саратовской области было принято на бюро обкома партии 26 июня 1941 г. Численность саратовских батальонов определялась местными условиями и составляла от 70 до 500 бойцов [2, л. 44]. На территории Сталинградской области в военный период было образовано 82 истребительных батальона [3, л. 29]. Всего же в городах Нижнего Поволжья функционировало более 130 истребительных батальонов [4, л. 79]. В первом полугодии 1943 г. воины истребительных батальонов Саратовской области задержали свыше 2200 человек, в их числе – 6 диверсантов, 29 военнопленных, 140 нарушителей режима военного положения, 54 нарушителя уголовного законодательства [5, л. 17].

Победа советских войск под Сталинградом и в других операциях Красной Армии во многом обеспечивалась активной подготовкой боевых резервов для фронта, которая велась и в Нижнем Поволжье. Территория региона стала важнейшей базой, откуда шла непрерывная помощь воюющей Красной Армии. В Нижнем Поволжье было размещено свыше 30 военно-учебных заведений, которые вели подготовку командных кадров. В их числе – как местные училища, курсы и школы, так и учреждения, эвакуированные в начале войны из других регионов. Во второй половине 1942 – начале 1943 гг. они осуществили несколько выпусков командного состава для армии. Только военные училища и школы Саратовской области подготовили свыше 20 тыс. офицеров [5, л. 25].

Подготовка боевых резервов для фронта осуществлялась и в других районах Нижнего Поволжья. Так, в Калмыцкой АССР было подготовлено около 18 тыс. бойцов и ополченцев. Более 80 тыс. человек прошло обучение в республике на курсах противовоздушной и противохимической обороны. Воинские подразделения, сформированные в Нижнем Поволжье, непосредственно участвовали в боевых операциях Красной Армии.

Реализация решений местных органов власти Нижнего Поволжья способствовала увеличению выпуска военной продукции на промышленных предприятиях региона. Сталинградский тракторный завод осуществлял выпуск танков Т-34. Сборка танков Т-60 производилась на заводе «Су-

доверфь». Производство боевой техники не прекращалось даже во время прорыва немецко-фашистских войск к городу 23 августа 1942 г. В Сталинграде было сосредоточено и крупное производство артиллерии. Завод «Баррикады» к началу 1942 г. увеличил выпуск 76-мм пушек более чем в 2 раза. Около 9 % всей производимой для оборонной промышленности стали выпускалось на сталинградском заводе «Красный Октябрь».

Производством продукции для фронта занимались и промышленные предприятия Саратовской области. Так, завод «Трактородеталь» обеспечивал выпуск мин, боеприпасов, авиационных бомб, противотанковых ружей. Производство навигационных и артиллерийских приборов, горючего для фронта было налажено на крекинг-заводе им. С.М. Кирова. Саратовский паровозоремонтный завод выпускал корпуса танков. На заводе № 292 производилось обмундирование, изготавливались предметы фронтового быта. Значительное внимание уделялось производству самолетов-истребителей Як-1 на Саратовском авиационном заводе.

Через территорию Нижнего Поволжья шли важнейшие железнодорожные пути подвоза боевой техники и войсковых резервов для фронта: Саратов-Сталинград, Кизляр-Астрахань, Астрахань-Урбах, Кизляр-Саратов и другие. Они приобрели важнейшее стратегическое значение во время наступления немецко-фашистских войск под Сталинградом и в районе Кавказа летом 1942 г.

Значительное количество принимаемых в регионе решений было посвящено организации железнодорожных перевозок. Наступление немецко-фашистских войск в 1942 г. создало угрозу уничтожения многих промышленных предприятий и железнодорожных узлов края. В период Сталинградской битвы налётам вражеской авиации неоднократно подвергались Астрахань, Саратов, железнодорожные станции Ртищево, Палласовка, Урбах, Балашов, Красный Кут и др.

Поэтому одним из направлений деятельности по укреплению обороноспособности городов и сельских населенных пунктов Нижнего Поволжья, проводимой местными комитетами обороны, партийными организациями и советами, стала работа по организации противовоздушной и противохимической обороны. Она была существенно усилена в период Сталинградской битвы, когда в регионе разрабатывались мероприятия в области оказания

помощи Сталинграду. Для выполнения вышеуказанных задач в регионе неоднократно принимались соответствующие решения [6, л. 155].

С деятельностью по укреплению обороноспособности городов Нижнего Поволжья была тесно связана работа по светомаскировке промышленных объектов. Частичная светомаскировка в регионе вводилась местными комитетами обороны уже в первые месяцы войны. В Сталинграде и Астрахани с 24 июля, в Саратове – с 12 августа ими объявлялось полное затемнение [7, л. 12]. Подобные решения принимались всеми органами власти областей Нижнего Поволжья [8, л. 93]. Прорыв немецко-фашистских войск к Сталинграду побудил местные комитеты обороны ввести в регионе режим угрожаемого положения [9, л. 60]. В полную боевую готовность были приведены средства противовоздушной обороны города, бомбо – и газозубежища [9, л. 62].

В период битвы под Сталинградом в регионе было усилено внимание к проблемам обеспечения общественного порядка и усиления паспортного контроля. В условиях войны данная процедура была необходимой, поскольку позволяла освобождать города с высокой концентрацией стратегически важных промышленных объектов от «преступных элементов», бороться с уклонением от призыва в армию.

Реализация комплекса мероприятий в области обеспечения общественной безопасности, разработанных решениями местных органов власти Нижнего Поволжья, позволила усилить контроль за пропиской лиц, приезжающих в регион, организовать проверку домовладений, гостиниц, общежитий, провести облавы на рынках, вокзалах, пристанях, предприятиях и других местах скопления публики [10, л. 10].

Важнейшим вкладом областей и республик Нижнего Поволжья в Победу в Великой Отечественной войне стала организация в регионе материальной и финансовой помощи фронту. Ее основные направления сложились уже в июле 1941 г. В этот период особую остроту приобрела финансовая проблема, поскольку для отпора вражеским войскам требовались значительные людские и материальные ресурсы, без которых невозможно было организовать военное производство и обеспечить всем необходимым действующую Армию.

В регионе получило развитие движение за создание фонда Сталин-

градского фронта. В фонд зачислялась произведенная сверх плана продукция. К концу 1942 г. объемы ее выпуска на предприятиях, участвующих в движении по производству сверхплановой продукции, составили 8–10% от годового плана.

В конце 1942 г. в регионе возникло движение по сбору средств на покупку боевой техники. Колхозники артели «Сигнал революции» Ворошиловского района Саратовской области на личные средства приобрели боевой самолет на местном авиационном заводе. Колхоз «Год Великого перелома» Саратовской области одним из первых в регионе принял решение о сборе средств на строительство Сталинской эскадрильи истребителей. С конца 1941 г. в области производился сбор средств на танковые колонны им. В.И. Чапаева и «Саратовский комсомолец». К февралю 1942 г. на указанные цели поступило 9,5 млн. руб., в том числе 7 млн. руб. было собрано на строительство танковой колонны им. В.И. Чапаева и свыше 2 млн. руб. – на сооружение колонны «Саратовский комсомолец» [11, л. 125].

Наряду с коллективными формами сбора финансовых средств для фронта предприятиями, учреждениями и колхозами, в Нижнем Поволжье в период Сталинградской битвы зародилось движение по сбору личных, индивидуальных пожертвований на приобретение боевой техники. Одним из первых в стране колхозник Ново-Покровского района Саратовской области Ф.П. Головатый 15 декабря 1942 г. на личные средства приобрел три боевых самолёта-истребителя для Сталинградского фронта и внес в фонд обороны 100 тыс. руб. Всего же за военный период населением Саратовской области в фонд обороны было собрано свыше 270 млн. руб., на которые для действующей Армии было построено 1520 самолётов [12, л. 63].

В Сталинградской области около 4 млн. руб. было собрано на строительство авиаэскадрильи и танковой колонны им. Сталинградского комсомола [12, л. 63]. Во время оборонительного сражения под Сталинградом от жителей региона поступали средства на авиаэскадрильи «Героический Сталинград» и «На защиту Сталинграда» [13, л. 170]. Около 17 млн. руб. внесли на строительство авиаэскадрильи «Героический Сталинград» жители Астрахани. На средства рыбаков колхоза «Новый путь» Володарского района Астраханской области была построена танковая колонна «Рыбак Волго-Каспия» [14, л. 34]. Свыше 3 705 880 руб. было собрано населением

Калмыцкой АССР на сооружение танковой колонны «Советская Калмыкия». На строительство самолетов поступило 1 584 979 руб. республиканских средств.

Территория Нижнего Поволжья стала основной продовольственной, промышленной и сырьевой базой. Здесь, в первую очередь в Калмыцкой АССР и Астраханской области, получило развитие движение за формирование продовольственных фондов для снабжения воинов Красной Армии, сражающихся под Сталинградом.

Относительно успешное решение продовольственных проблем в регионе было обусловлено значительным вниманием к формированию местной производственной базы и развитию предприятий пищевой промышленности.

В начале войны было введено нормированное распределение продовольствия и промышленных товаров посредством перехода на карточную систему снабжения. Это позволило обеспечить экономное расходование ресурсов и гарантировать их получение городским населением. В Нижнем Поволжье подобные меры были реализованы на основании постановления Сталинградского обкома ВКП (б) «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в городах Сталинград, Астрахань и Камышин» [15, л. 180]. В список нормированных товаров в Сталинграде вошли мясные и рыбные продукты, жиры, крупы и макаронные изделия [16, л. 334]. Ввиду ограниченности ресурсов потребления местными органами власти сокращались нормы выдачи продовольствия. Так, Астраханским городским комитетом обороны в 1943 г. были существенно снижены нормы выдачи населению хлеба [10, л. 6].

В военный период существенно возросла роль Волго-Каспийского рыболовного бассейна. Рыболовецкие колхозы и рыбный завод «Улан хальмг» Приволжского улуса Калмыцкой АССР к лету 1942 г. план лова рыбы выполнили на 321%, обеспечив потребности Красной Армии и гражданского населения. Подобную тенденцию можно было наблюдать и на других предприятиях отрасли — Лаганском рыбоконсервном комбинате, Образцовском рыбозаводе Калмыцкой АССР, астраханском рыбозаводе им. Красина.

С началом боевых действий под Сталинградом в городе была прекращена работа торговых точек и общественных столовых, хлебозаводов и

продовольственных складов. Местные органы государственной власти региона разрабатывали меры по выявлению сохранившихся в регионе продовольственных ресурсов, организации точек питания и палаток для снабжения жителей. Трудности в их работе были обусловлены тем, что практически все районы города, кроме Кировского, были оккупированы немецко-фашистскими войсками.

В период, когда вооруженная борьба была перенесена в пределы Сталинграда, по указанию комитета обороны для оставшегося в городе населения организовывались пункты продовольственного обеспечения. Недостаточность централизованных продовольственных фондов и невысокие нормы снабжения значительной доли населения региона привели к необходимости поиска дополнительных источников питания. Комитетом обороны была организована выпечка хлеба в полевых печах, балках и оврагах, налажен выпуск сухих продуктов, солений и концентратов [1, л. 201]. Формирование местной продовольственной базы в регионе осуществлялось путем создания подсобных хозяйств, развития коллективного и индивидуального огородничества, централизованных заготовок пищевых продуктов, реализации иных мер, направленных на обеспечение роста товарных фондов.

В организации продовольственного снабжения населения большое значение сыграли и мероприятия местных органов власти в области восстановления работы предприятий местной пищевой промышленности. Так, в Сталинградском Доме Грузчика была открыта пекарня. В городской пекарне № 5 организован лапшевой цех, выпускающий в сутки 800–900 кг продукции. Кондитерский цех ежедневно производил 400 кг печенья. Были полностью закончены восстановительные работы на Сталинградском хлебозаводе № 3. Его мощность достигала 60 т хлеба в сутки. По решению Сталинградского городского комитета обороны в августе 1943 г. в городе было открыто 7 столовых и 40 полевых хлебопекарен. Необходимо отметить, что в условиях недостаточности централизованных фондов восстановление и использование в регионе местной продовольственной базы помогло избежать в 1941–1945 гг. массового голода.

В годы войны в регионе заметно возросла роль предприятий общественного питания. К их услугам приобщались различные группы населения: члены семей военнослужащих и инвалиды войны, дети, рабочие и др.

Повысилось значение колхозной торговли как источника удовлетворения потребностей граждан и важного фактора улучшения продовольственного положения городов региона.

В городах Нижнего Поволжья местными органами государственной власти неоднократно проводились проверки торговых точек, в ходе которых вскрывались большие финансовые недостатки, факты завышения цен, обмера и обвеса покупателей, продажи товаров «из-под прилавка», несоблюдения норм закладки продуктов в столовых. В целях ликвидации подобных фактов Астраханским городским комитетом обороны 29 ноября 1941 г. было принято постановление «О состоянии торговли на рынках Астрахани и мерах борьбы со спекуляцией» [17, л. 58].

Рост производства потребительских товаров на предприятиях местной промышленности региона отмечен в 1943 г. Существенную роль в нем сыграли предприятия, восстановленные к указанному периоду и освоившие выпуск новых видов продукции бытового назначения. В Астраханской и Саратовской областях в 1943 г. было отмечено перевыполнение планов производства ширпотреба на 144% [14, л. 34].

Жизнеобеспечение населения Нижнего Поволжья зависело от состояния социальной сферы. Война усугубила сложное положение здравоохранения и жилищно-коммунального хозяйства. В этих условиях комплекс санитарно-эпидемических мероприятий, реализуемых в регионе, помог избежать осложнений санитарно-эпидемиологической обстановки. Во время боевых действий в Сталинграде подверглись уничтожению поликлиники, больницы, амбулатории, диспансеры, родильные дома, ясли, санэпидемстанции, молочно-контрольные станции, лаборатории. Необходимо отметить достаточно быстрое восстановление медицинских учреждений после окончания боевых действий в городе. Так, уже к сентябрю 1943 г. начала функционировать 3 – я поликлиника в Ерманском районе, был открыт врачебный прием при первой больнице Дзержинского района [18, л. 33].

Ухудшение продовольственного снабжения и качества питания населения способствовало росту в регионе инфекционных заболеваний. Острая нехватка продуктов сельского хозяйства, дефицит белков и витаминов, снижение калорийности употребляемого в пищу продовольствия привели к повышению уровня заболеваемости. Проблемы, связанные с медицинским обслуживанием населения Нижнего Поволжья, были вызваны и

дефицитом медицинских кадров, увеличением численности населения в связи с прибытием в регион эвакуированных граждан, которые часто становились разносчиками инфекционных заболеваний, недостаточностью финансирования учреждений здравоохранения, в которых отсутствовали необходимые лекарственные средства и вакцины, инвентарь и оборудование. При этом было необходимо сохранить сеть медицинских учреждений для гражданского населения, организовать специализированную помощь больным и раненым воинам, поступающим из ближайших госпиталей.

Решения городских комитетов обороны и советов Нижнего Поволжья в области организации противоэпидемической работы основывались на постановлении ГКО «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и в Красной Армии» от 2 февраля 1942 г. [19, л. 195]. Его реализация в регионе способствовала расширению больничной сети, усилению противоэпидемической работы и снижению заболеваемости. Уже в 1943 г. Астраханская сеть медицинских учреждений увеличилась до 8 больниц, 6 поликлиник, 10 амбулаторий, 13 врачебных здравпунктов, 27 фельдшерских здравпунктов [14, л. 18]. В больнице им. Бехтерева была организована работа хирургического корпуса. В городе открылось более 30 дезокамер, 4 противоэпидемических изолятора [14, л. 20].

В процессе оказания медицинской помощи в Нижнем Поволжье наблюдался дифференцированный подход к различным категориям населения в зависимости от их социальной значимости. Социальная помощь в первую очередь оказывалась семьям фронтовиков, инвалидам войны, рабочим промышленных предприятий, детям и эвакуированным. Так, на основании постановления СНК СССР «О мероприятиях по укреплению здоровья детей в летний период 1943 г.» от 12 мая 1943 г. в Сталинградской области было создано 1930 детских площадок [20, л. 208]. Медицинское обслуживание семей военнослужащих осуществлялись на основании приказа Народного Комиссариата Здравоохранения РСФСР «О работе органов здравоохранения по оказанию помощи семьям военнослужащих» от 4 февраля 1943 г. Приказом разрабатывались мероприятия по улучшению процесса оказания медицинской помощи членам семей фронтовиков, обеспечению их медикаментами, расширению санаторно-курортной базы для их обслуживания [20, л. 209].

В условиях военного времени осуществлялась обширная программа защиты материнства и детства. Многодетным матерям и детям-сиротам были увеличены льготы в области материального обеспечения и медицинского обслуживания. Для детей фронтовиков разворачивалась сеть детских дошкольных учреждений. Однако, несмотря на реализуемые в регионе мероприятия, материально-бытовые условия жизни населения оставались тяжелыми, что иллюстрируют многочисленные жалобы, поступившие от граждан в адрес местных чрезвычайных органов власти [21, л. 5].

Таким образом, необходимо отметить огромный вклад органов государственной власти областей и республик Нижнего Поволжья в Победу в 194–1945 гг. Победа под Сталинградом и в других операциях Красной Армии обеспечивалась постоянным ростом производства военной техники в регионе, строительством стратегически важных железных дорог, формированием отрядов народного ополчения и истребительных батальонов, подготовкой боевых резервов для фронта, организацией эффективной медицинской помощи раненым солдатам и офицерам Красной Армии и гражданам.

Территория Нижнего Поволжья стала важнейшей продовольственной базой, позволившей обеспечить продуктами питания не только местное население, но и оборонявшие Сталинград воинские части. Победа в Великой Отечественной войне обеспечивалась и организацией в Нижнем Поволжье движений по оказанию материальной и финансовой помощи фронту, по сбору средств на строительство боевой техники.

Особое значение в регионе приобрела проблема восстановления социальной сферы Сталинграда. Ее решение осуществлялось путем восстановления жилищно-коммунального хозяйства, организации работы предприятий местной пищевой промышленности и промартелей, учреждений здравоохранения, образования и культуры города.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Чуянов А.С.** На стремнине века. Записки секретаря обкома. – М.: Изд-во политической литературы, 1976. – 288 с.
- 2.** Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСО). Ф. 594. Оп. 5. Д.13.
- 3.** Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 12. Д.4.

УДК 629.78(092)

В. Н. Куприянов

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ С.С. ЛАВРОВА – ОДНОГО ИЗ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ ПРАКТИЧЕСКОЙ КОСМОНАВТИКИ

Святослав Сергеевич Лавров родился в Петрограде 12 марта 1923 года в семье Сергея Флегонтовича (1873–1937 гг.) и Татьяны Владимировны (1892–1972 гг.) Лавровых. Святослав был вторым ребенком, появившимся на свет после кончины его старшей сестры, умершей в младенчестве. Естественно, он был окружен особой заботой его родителей [1].

Читать Святослав начал рано – в три с половиной года, а писать – в четыре. Из письма его мамы: «Книги для его личной детской библиотеки, насчитывающей двести с лишним названий, подбирались ему отцом с исключительной любовью, вниманием и дальновидностью...» [2].

С.С. Лавров окончил среднюю школу в 1939 г. в Ленинграде. В 1937 году вступил в ряды ВЛКСМ (комсомольский билет № 6066351) [3]. В 16 лет поступил в Университет на математико-механический факультет, к июню 1941 года он успел окончить два курса, получая только отличные оценки, последний экзамен – физика был сдан 30.06.1941 г. [4].

С началом войны С.С. Лавров добровольно вступил в народное ополчение Васильевского острова, был определен в артиллерийский полк. Там был принят курсантом в Военную воздушную академию. К 16.08.1941 г. академия была эвакуирована в г. Йошкар-Ола. Старшему технику-лейтенанту С.С. Лаврову диплом об окончании Инженерного факультета Ленинградской Военной Воздушной Академии Красной Армии по специальности «инженер-механик» с присвоением квалификации «военный инженер-механик В.В.С. К.А.» был выписан 23.06.1944 г. Отправка в действующую армию состоялась 08.08.1944 г. С.С. Лавров стал техником авиазвена в 515 истребительном авиационном полку 1-ого Белорусского фронта, расположенном близ города Кобрин в Западной Белоруссии [5]. За время участия в боевых действиях с 18.09.1944 г. по 09.05.1945 г. [3].

Со своим полком С.С. Лавров прошел путь от Белоруссии до Берлина. За участие в боевых действиях С.С. Лавров был награжден: орденом Красной Звезды; медалями: «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», и «За победу над Германией».

В Германии в 1946 году состоялась и первая встреча С.С. Лаврова с С.П. Королевым. Святослав Сергеевич вспоминал, что во время беседы речь шла о работе на “новой технике”. Вместе с тем, С.П. Королев уже тогда говорил и о том, что со временем займемся “косметикой”, так он почему-то называл полеты в космос [6]. 04.05.1946 г. С.С. Лавров ещё служит в 515 Истребительном авиационном Померанском ордена Богдана Хмельницкого полку, 193 Истребительной Демблинской ордена Суворова дивизии. Спустя некоторое время С.С. Лавров был вызван в штаб своей воздушной армии и отправлен в Нордхаузен, где приступил к работам по изучению трофейных Фау-2. С 18.05.1946 г. он жил в г. Блейхероде [2].

Служа в Бригаде особого назначения, С.С. Лавров стал заместителем начальника группы. Он занимался кинотеодолитными наблюдениями за полетом ракеты на ранней фазе полета, изучал методику, аппаратуру, участвовал в заказе новых восьми кинотеодолитов на фирме «Аскания», ранее изготовлявшую эти кинотеодолиты для Вернера фон Брауна. Они потом долго использовались на полигонах: сначала в Капустином Яре, а потом и в Тюратаме. Получив предложение от С.П. Королева перейти на работу в ОКБ-1, уволился из Армии (24.01.1947 г.), приехал в Москву в феврале 1947 года и 08.03.1947 г. С.С. Лавров был принят на работу в НИИ-88 МВ СССР – «начальником группы». 09.06.1951 года С.С. Лавров переведен на должность зам. начальника отдела №3 ОКБ-1, 20.05.1954 г. – на должность зам. начальника отдела и начальника сектора ОКБ-1 в составе НИИ 88 МВ СССР. 14.08.1956 г. уволен с переводом и в тот же день принят с тем же набором должностей в ОКБ-1 МОП СССР, в связи с выделением ОКБ-1 в самостоятельную организацию [6].

С.С. Лавров вспоминал, что работал сначала – в группе баллистики, а потом – в проектно-модельном отделе.

Собственноручно им были написаны полетные задания на все первые пуски, сначала трофейных Фау-2, потом их аналогов, построенных

уже в СССР. И, наконец, ракет, разработанных и изготовленных полностью самостоятельно.

Сохранилось фото, сделанное после пуска первой ракеты А-4, на нем в числе, ставших потом академиками, С.П. Королева, В.П. Глушко, Н.А. Пилюгина, М.С. Рязанского, В.И. Кузнецова мы видим и С.С. Лаврова.

Работая у С.П. Королева, С.С. Лавров в октябре 1947 г. поступил на механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, и окончил его с отличием по специальности математика. 25 июня 1954 г. Государственная комиссия присвоила ему квалификацию «математика с правом преподавания математики в ср. школе».

О предмете своих занятий С.С. Лавров писал так: «Баллистика – это тот узел, куда стягиваются практически все характеристики «изделия» (ракеты или, впоследствии, космического аппарата) – весовые, энергетические, многочисленные параметры системы управления, – и где должны быть надежно определены его тактико-технические данные: дальность полета (параметры орбиты), «полезный» груз, рассеивание у цели. Делается это на всех этапах разработки – от согласования с военным заказчиком технического задания, по ходу эскизного и рабочего проектирования, до подготовки и проведения летных испытаний (запусков космических аппаратов).

Не в силу каких-либо личных качеств, а благодаря этой особой роли баллистики я был участником разнообразных совещаний, где собирались вообще-то люди, на несколько ступенек выше меня по должности (выделено мною – *К.В.*). Совещания проходили и у Главного конструктора, и на полигоне (где я отвечал за подготовку полетного задания на каждый пуск), и в иных инстанциях. Там обсуждались и принимались, обычно в условиях острого столкновения интересов (военных и промышленности, КБ и министерств, Главных конструкторов изделия в целом и отдельных систем), важнейшие решения» [7].

Почти каждый год за время работы в ОКБ-1 С.С. Лавровым помимо отчетов, обеспечивающих выполнение основной работы, выпускался один или два отчета, в которых содержались материалы, отражавшие его методические разработки, связанные с выполнявшимися работами: механика тел переменной массы, уравнения движения ракеты, проектные баллистические расчеты (быстрые, но грубые оценки дальности полета), точные

расчеты траектории, то же касательно рассеивания параметров траектории и координат точки падения, назначение гарантийных запасов топлива (остающихся в баках к моменту выключения двигателя при номинальных характеристиках ракеты и ее систем, но расходуемых в большей или меньшей степени при неблагоприятном сочетании этих характеристик), выбор формы траектории выведения ракеты (на участке работы двигателя). К 1956 году этих материалов стало столько, что появилась возможность издать их отдельной книгой. Этот учебник инженерной академии им. Ф.Э. Дзержинского, конечно, в то время вышел с грифом «секретно». Позднее уже в 1966 году эта работа увидела свет в издательстве «Наука», в соавторстве с Р.Ф. Аппазовым, который считает себя учеником Святослава Сергеевича, и В.М. Мишиным [8]. Иногда С.С. Лаврову приходилось вторгаться и не совсем в свою область – заниматься точной теорией работы того или иного прибора или даже системы управления (как правило – управления дальностью). Все эти материалы выпускались в небольшом числе экземпляров и несли на себе достаточно высокий гриф секретности, даже если базировались только на общеизвестных методах математики и механики.

В 1958 году Святославу Сергеевичу по совокупности работ было присвоено звание доктора технических наук, 14.04.1965 г. С.С. Лавров утверждается в ученом звании профессора по специальности «Механика», а 01.07.1966 г. избирается членом-корреспондентом АН СССР по отделению механики и процессов управления по специальности «автоматическое управление». Надо сказать, что выдвижение в АН СССР начиналось еще по инициативе С.П. Королева. С.С. Лавров в разговоре с С.П. Королевым сказал, что получение звания мало что добавит к его знаниям. На что С.П. Королев ответил: «Это даст вам больше свободы».

Работая в ОКБ-1, с 1959 года занимался преподавательской деятельностью по совместительству – профессор (до 1963 г. – и.о.), заведовал кафедрой мехмата и ФВМиК МГУ (1959-1971 гг.) [7].

С.П. Королев требовал, чтобы любой из руководителей основных подразделений его собственного КБ постоянно присутствовал на полигоне, добивался того же от других Главных конструкторов – начальников смежных КБ. Поэтому С.С. Лавров часто выезжал на полигон в Капустин Яр на испытания. Сохранилось его письмо, адресованное Н.С. Королевой, в нем

он в частности пишет: «Я не был «вхож в дом» Вашего отца, но обычно, улетая на полигон, он брал меня на тот же рейс... Нередко он сажал меня и в свою машину...» [2]. Напомним, что за десять первых лет работы на вооружение было принято пять основных типов ракет, не считая модификаций.

20.04.1956 г. С.С. Лавров был награжден орденом Ленина за успешный пуск ракеты с ядерным боезарядом, состоявшимся 20 февраля 1956 года. Сам С.С. Лавров, никогда не связывал это награждение с этим фактом. За участие в работах по созданию первого в мире советского искусственного спутника Земли по списку, куда входил и С.П. Королев, по Указу от 18.12.1957 г., С.С. Лаврову был вручен диплом лауреата Ленинской премии с удостоверением № 121. Вручение диплома и знака лауреата с № 129 состоялось 31.12.1957 г.

Во время полета первого человека в космос С.С. Лавров входил в группу поддержки, которая работала в кабинете С.П. Королева в Подлипках. Именно ему пришлось срочно оценивать возможные последствия того, что при выведении на орбиту Ю.А. Гагарина апогей гагаринской орбиты оказался несколько выше расчетного [9, с. 171–173]. За работы по подготовке и осуществлению полета Ю.А. Гагарина С.С. Лавров был награжден вторым орденом Ленина (№ 344222) по Указу от 17 июня 1961 года [10, с. 243].

По рассказам С.С. Лаврова С.П. Королев был сложной личностью, например, он вспоминал о таком случае. На одном из совещаний С.П. Королев резко критиковал своих ближайших соратников и удалил их с совещания при попытке спорить с ним. С.С. Лавров попросил слова и высказался в том смысле, что удаленные хотели донести свое видение проблемы до С.П. Королева и они имели право сделать это. С.П. Королев строго спросил у С.С. Лаврова: «Вы хотите выйти за ними?». Лавров ответил: «Нет». С.П. Королев сказал: «Тогда садитесь». Однако, уже после кончины С.С. Лаврова, мне довелось прочесть воспоминания Павла Ильича Ермолаева, в них с датой 15 июня 1962 года есть упоминание об этом совещании: «Крюков стал защищаться – и был удален из кабинета... После этого Королев обвинил меня... Я ответил... после чего последовало и мое удаление...»

Минут через 15 последовал звонок от С.П., он пригласил нас вернуться. Как потом выяснилось, после моего ухода резко выступил С.С. Лавров, обвиняя хозяина кабинета в неправильном поведении и неуваже-

нии к подчиненным и ближайшим помощникам. Королев был обескуражен, пытался оборвать Свят. Сергеевича, но тот продолжал, пока не высказался. Это произвело сильное впечатление на присутствующих и на самого главного... Только один из присутствующих осмелился отреагировать на несправедливость...» [11, с. 68–79.]. По-моему, это дополнение к рассказу С.С. Лаврова много стоит, характеризуя его личность. Из общения со Святославом Сергеевичем я вынес убеждение, что при всей «мягкости» своего поведения, он умел твердо и ясно выражать свою позицию, не допуская неопределенности в ее понимании.

Заметив интерес С.С. Лаврова к вычислительной технике, С.П. Королев поручил ему создание вычислительно центра ОКБ-1. В его подчинении было около 300 человек, из них десятка полтора – программисты.

Несомненно, что годы работы в ОКБ-1 оставили ярчайший след в биографии С.С. Лаврова, там он сделал первые шаги в новой науке, которой он отдал большую часть своей жизни – информатике, развитию вычислительных методов и программированию. Здесь у него были впечатляющие достижения.

С.С. Лавров вспоминает об этом так: «Во второй половине 50-х годов все баллистические расчеты выполнялись на БЭСМ. Она была в единственном экземпляре, стояла в здании ИТМиВТ (Институт точной механики и вычислительной техники), в Москве на Ленинских горах... Требовалось не одну траекторию сосчитать, а несколько десятков, чтобы выбрать оптимальную. Пока шла работа над «Пятеркой» (ракета Р-5, примечание авт.), каждую траекторию обсчитывали на электрических клавишных машинах. А когда дошли до «семерки», требования к точности наших расчетов возросли в несколько раз. Понятно, что вручную их уже не сделаешь. Вот тогда мы активно начали использовать вычислительную технику, отвоевали уже две ночи в неделю».

В рассказе о событиях того времени необходимо снова обратиться к научной автобиографии С.С. Лаврова: «Год 1960 был ознаменован тремя событиями. В мире – было опубликовано "Сообщение об алгоритмическом языке Алгол 60", в стране – была выпущена первая заводская серия из четырех вычислительных машин М-20, одна из которых попала к нам в ОКБ, во мне – созрело решение посвятить себя впредь уже не баллистике (по-

явилось немало весьма опытных и самостоятельных моих учеников, на которых можно было положиться), а программированию» [7].

«Алгол 60 при всех его слабостях воспринимался мной, как язык качественно иного уровня и мне захотелось испытать свои силы в работе над транслятором с этого языка. Две группы – одна в ВЦ СОАН под руководством А.П. Ершова, другая в ИПМ АН, возглавлявшаяся М.Р. Шура-Бурой и Э.З. Любимским, уже объявили о своем намерении заняться подобной работой. Той и другой я предложил услуги свои и уже образовавшейся у нас группы программирования. Та и другая это предложение отвергли. Тогда я решился.

К осени 1960 года у меня сложился проект собственного транслятора (программирующей программы, как тогда говорили) и я доложил его в серии докладов на семинаре нашей группы. Вместе мы решили испытать свои силы на реализации этого проекта. Сам я в написании программ транслятора не участвовал, но постоянно следил за ходом дела и помогал в трудных случаях принимать необходимые решения. Непосредственное руководство программированием взял на себя В.А. Степанов, и только его самоотверженный труд и ответственное отношение к делу обеспечили его успех. Достаточно сказать, что ему приходилось завершать работу, начатую тем или иным членом группы и по каким-либо причинам выбывшим из нее. Наиболее сложную часть работы – трансляцию процедур – выполнил В.Н. Попов. Самые добрые слова должны быть адресованы и другим участникам работы. Первая версия транслятора заработала весной 1962 года – даже раньше, чем трансляторы, создававшиеся другими группами в академических институтах.

В 1963 году состояние работ по автоматизации программирования (так тогда именовалась разработка трансляторов) обсуждалась на заседании Президиума АН СССР. Докладчиками были М.Р. Шура-Бура и я. Результаты наших работ получили достаточно высокую оценку в выступлении Президента Академии – М.В. Келдыша и в решении Президиума.

С подачи А.П. Ершова, я написал статью «Об экономии памяти в замкнутых операторных схемах» (Журнал вычислительной математики и математической физики, 1961)» [7]. Это была первая в академическом журнале открытая публикация, написанная С.С. Лавровым, несмотря на

лапидарность стиля, статья оказалась несколько громоздкой в силу своей математизированности (формальные определения, леммы, теоремы).

От времени работы в ОКБ-1 у С.С. Лаврова остался в памяти эпизод, который он назвал своим личным рекордом. «Помню, во время подготовки полета нашей межпланетной станции к Марсу нужно было очень быстро написать программу для расчета траектории с учетом притяжения Солнца, Луны, Марса, естественно, и других планет. Программу эту мы назвали «Планетарий». Так вот эту программу, около 400 команд на машинном языке, я написал и отладил за сутки» [12, с. 36–41].

После кончины Сергея Павловича довольно скоро С.С. Лавров перешел работать в ВЦ АН СССР, став заведующим Отделом математического обеспечения ЭВМ Вычислительного центра АН СССР (1966–1971).

Позднее он вернулся в Ленинград в Университет, на свой родной факультет, где в течение многих лет возглавлял кафедру математического обеспечения, стал профессором, зав. кафедрой математического обеспечения матмеха ЛГУ (1971–1977). В личном архиве С.С. Лаврова хранится диплом Лауреата Университетской премии (28.01.1974 г.) второй степени за книги «Универсальный язык программирования» и «Введение в программирование»

Потом была работа в Институте Теоретической Астрономии АН СССР, где он был директором с 1977 по 1987 гг. Став директором ИТА АН СССР, он способствовал широкому внедрению вычислительной техники в практику работы института, причем был одним из зачинателей использования машин, которые по существу являлись прообразами персональных ЭВМ, которые позднее появились во множестве.

А с 1988 года и до кончины Святослав Сергеевич являлся советником при дирекции Института Прикладной Астрономии РАН. Уже находясь в преклонном возрасте, С.С. Лавров подключился к решению проблемы построения изображений по радиолокационным измерениям. И в этом направлении работ он получил результаты, высоко оцениваемые специалистами. Свой последний учебник по программированию для высшей школы он увидел вышедшим из печати в 2001 году [13, с. 114–118].

О наградах, которыми был удостоен С.А. Лавров за годы работы в ОКБ-1, мы уже говорили. 17 сентября 1975 года С.С. Лавров награжден

орденом Трудового Красного Знамени (№756055), а 11 марта 1983 года орденом Октябрьской Революции (№110167). В 1996 году С.С. Лавров был награжден специальной медалью РАН им. Ф.А. Цандера. Вокруг Солнца вращается малая планета № 2354, названная его именем [14].

Начиная с 1963 года С.С. Лавров регулярно выезжал в научные командировки за границу, всего за время с 1963 года по 1987 год состоялось 25 командировок во Францию (III-1963; VI-1970; IX-1970; VII-1981), Польшу (X-1966; VIII- 1970), Норвегию (V-1967), Англию (VII-VIII -1968; I-1969; IV-1971), ФРГ (XII-1968), ЧССР (IX-1969; X-1982; VI-1984), США (X– XI-1969), Болгарию (II-1971; V-1978; VI-1979; 1986; IX-1986), ГДР (X-1971). Кубу (IX- X-1980), Венгрию (VII -1982 (личная поездка по приглашению с женой и дочкой); VII -1985), Данию (X-1987) [15].

С.С. Лавров состоял в КПСС – в 1949 г. он был принят кандидатом в члены тогда ВКП (б), в 1950 г. – в члены партии, на короткое время в августе 1959 г. был переведен в кандидаты члена КПСС (из-за развода в первом браке), а в 1960 г. вновь принят в члены КПСС, в которой состоял до ее роспуска.

В 1947 г. С.С. Лавров женился на Шманичевой Зое Павловне, фактически брак распался в начале 1958 года, в течение полугода родственники полагали, что все, может быть, восстановится. Официальное расторжение брака случилось в 1960 г. От первого брака родились две дочери: Ирина (1949 г.), Ольга (1951 г.). С 1960 г. С.С. Лавров был женат на Чернявской Ирине Борисовне (28.05.1928 – 22.03.2011), любопытно, что отсчет своего брака они вели с 12.04.1959 года, когда состоялось само торжество в кругу друзей, от второго брака родились: дочь Екатерина (1960 г.), сын Петр (1963 г.).

Ирина Борисовна Лаврова, в 1954 г. окончила 1 педагогический институт иностранных языков в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). Сначала по распределению, работала три года в школе учителем английского языка в Пскове, потом вернулась в Ленинград и стала заниматься техническим переводом в филиале Московского Электротехнического института. Должность ее называлась архивариус и переводчик. В этом качестве она проработала полтора года. Это время совпало с тяжёлой болезнью и потерей отца, а через некоторое время она вышла замуж за С.С. Лаврова и уехала в

подмосковные Подлипки. В Подлипках в клубе детского творчества вела кружок английского языка. В 1971 году после переезда всей семьи в Ленинград Ирина Борисовна стала преподавать английский язык в Ленинградском Государственном Университете, где проработала до ухода на пенсию.

Интересно отношение С.С. Лаврова к религии, об этом говорит маленький фрагмент его воспоминаний: «В детстве по семейной традиции я был крещен. **Отец, хотя и был совершенно не верующим человеком,** уважал религиозные чувства других. **Я еще в раннем детстве стал так же относиться к религии** (выделено мною – *К.В.*). Мама, хоть и считала себя верующей, скорее всего, брала из религии лишь христианские заповеди – то, что шире называется общечеловеческими ценностями. В церковь она не ходила, обрядовую сторону религии не считала существенной. Однако она познакомила меня с Евангелием, обратив особое внимание на Нагорную проповедь Христа, на то ее место, где, обращаясь к своим ученикам, он говорит им: «Вы – соль земли». Как часто приходится слышать в этой фразе местоимение первого лица вместо второго! Но трудно найти два изречения, столь сходных по форме и разительно противоположных по содержанию: наставление Учителя и пустейшее бахвальство.

Впрочем, настоящее понимание, что от людей следует ждать и требовать (если это твои подчиненные) лишь того, что находится в пределах их возможностей, пришло позже» [15]. Этот фрагмент проясняет многое в его жизненных принципах, не поступаться которыми ему удавалось всю жизнь.

С.С. Лавров сохранил рациональное отношение к жизни. Об этом говорит фрагмент его письма (2002 год) своему другу Р.Ф. Аппазову, который считал себя учеником С.С. Лаврова: «Я не могу согласиться с его (имеется ввиду точка зрения на религию, развиваемая в последние годы жизни Б.В. Раушенбахом) позицией, но читается с интересом» [2].

Скончался С.С. Лавров 18 июня 2004 года. Гражданская панихида состоялась в Научном Центре РАН на Васильевском острове. В соответствии с его волей прощание прошло по-светски, без церковной службы. Похоронен Святослав Сергеевич Лавров на Серафимовском кладбище 22 июня 2004 года.

Автор выражает благодарность П.С. Лаврову за предоставленные материалы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Свидетельство о рождении С.С. Лаврова, № записи 1963 от 13 апреля 1923 г. дата рождения 12 марта 1923 г. г. Петроград.
2. Переписка семьи Лавровых, из архива автора.
3. Наградной лист старшего техника лейтенанта С.С. Лаврова, из архива автора.
4. Зачетная книжка С.С. Лаврова № 7254.
5. **Куприянов В.Н.** Фау-2 и Р-7 разнятся примерно так же, как мопед и гоночная машина класса Формула-1. // Санкт-Петербургский университет. № 10 (3565), 13 апреля 2001. <http://www.spbumag.nw.ru/2001/10/4.html>
6. **Куприянов В.Н.** Материалы к научной биографии С.С. Лаврова – одного из зачинателей практической космонавтики // Вторые Уткинские чтения, 14–15 апреля 2005 г. Балтийский Государственный Университет, СПб., Мат-лы конф. т. 3, 2005. с. 65–72.
7. **Лавров С.С.** Научная автобиография //Компьютерные инструменты в образовании. 2003. № 2. С.4–12.
8. Баллистика управляемых ракет дальнего действия. / Соавторы Р.Ф. Аппазов, В.П. Мишин. – М.: Артиллерийская инженерная академия им. Ф.Э. Дзержинского. – 1956. – 332 с. (публичное издание М.: Наука, 1966. – 308 с.)
9. **Куприянов В.Н.** Космическая одиссея Юрия Гагарина. – СПб.: Политехника. 2011.
10. Первый пилотируемый полет. Российская космонавтика в архивных документах. В 2-х книгах. Под редакцией ВА. Давыдова. Книга 2. Федеральное космическое агентство. – М.: Издательство «Родина МЕДИА», 2011.
11. **Ермолаев П.И.** «...Все таки не зря протекает наша жизнь...» // Сергей Сергеевич Крюков: о товарище, руководителе, личности // Из плеяды создателей ракетно-космической техники. – Калуга: «ФЭСТПРИНТ», 2008.
12. Интервью С.С. Лаврова корреспонденту журнала «Магия ПК» №5 (61) за май 2003 г.
13. **Куприянов В.Н.** Святослав Сергеевич Лавров – путь в космонавтику, Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию 2010 / Санкт-Петербургский научный центр РАН. – СПб.: Наука, 2011.
14. **Финкельштейн А.М.** Российская Академия Наук между Марсом и Юпитером, – СПб.: Наука, 2001, с.152–153.
15. П.С. Лавров, частное сообщение.
16. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 773. Оп. 1. Д. 1.
17. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 7. Д. 11.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 218.

19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 527.
20. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1244.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 504.
22. ГАСД АО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18.
23. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 4. Д. 43.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 592.
25. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 62.
26. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 756.
27. ГАСД АО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 549.
28. ГАВО. Ф. 2115. Оп. 3. Д. 19.
29. ГАСД АО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1.
30. ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 5.
31. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 20.
32. ГААО. Ф. 3205. Оп. 3. Д. 127.
33. ГАСД АО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1164.

УДК 94(47).084.8:061.5

В. М. Марасанова

ЗАВОД В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ: ЯРОСЛАВСКИЙ «КРАСНЫЙ МАЯК»

Великая Отечественная война показала многочисленные примеры героизма и личного мужества советских людей на фронте и в тылу. Вся жизнь страны в 1941–1945 гг. была приспособлена к нуждам военного времени. Советские люди героически сражались на фронтах, а в тылу самоотверженно трудились на промышленных предприятиях и железных дорогах, в сельском хозяйстве, приближая своими усилиями победу над фашизмом. Доблестный труд компенсировал простои, был мощным двигателем производства, он являлся конкретным проявлением патриотизма.

Ярославский завод «Красный маяк» – одно из старейших предприятий Ярославля и всей России. Его история началась в 1786 г. со свинцово-белильного завода купцов Сорокиных, о котором написал Владимир Гиляровский в очерке «Обреченные» (1885 г.). Тогда ярославский завод позволил заострить внимание общества на злободневных проблемах положения рабочих в России. Пример данного предприятия позволяет показать типичные черты ярославской промышленности в разные периоды.

В 1934 г. завод перешел на производство бытовой техники, а затем строительного электроинструмента. В период Великой Отечественной войны «Красный маяк» находился в подчинении Наркомата минометных вооружений (НКМВ) и стал «номерным» заводом № 777.

«Красному маяку» уже были посвящены отдельные издания, но только в одном из них приводились небольшие по объему материалы по истории завода в годы войны [5]. Изучение истории завода позволяет углубить представления о развитии промышленности в военный период. Источниковую базу для этого составляют архивные документы и материалы периодической печати.

В Ярославской области в годы войны насчитывалось 419 промыш-

ленных предприятий. На долю продукции машиностроительной и оборонной промышленности приходилось 33,4%. Основные трудности в работе были связаны с мобилизацией на фронт квалифицированных рабочих, перебоями в материально-техническом снабжении, нарушении сложившейся производственной кооперации. Особенно сложная ситуация сложилась в конце 1941 г., когда фашисты подступили на 50 км к границам области.

В первый день мобилизации, 23 июня 1941 г., с завода «Красный маяк» на фронт ушли 95 рабочих. Всего за 1941 г. в Красную Армию были призваны или ушли на фронт добровольцами 391 человек. 64 работника завода погибли, защищая Родину.

Первой военной продукцией завода стали противогазные коробки и лотки к 50 мм и 82 мм миномётам. Выпуск продукции в 1941 г. вырос по сравнению с 1940 г. с 18 до 19,4 млн. руб., но выполнение плана составило 96,2%. Необходимо было преодолеть это отставание даже в условиях ухода на фронт квалифицированных рабочих. Это достигалось за счет увеличения продолжительности рабочего дня, повышением интенсивности труда, обязательными сверхурочными работами, работой в две смены и по выходным, отменой очередных отпусков.

Конечно, война изменила состав рабочих – на мужскую работу приходили женщины и молодежь. Об этом на примере завода № 777 писала газета «Северный рабочий»: «Зое Клементьевой 18 лет. Два года назад она стала работать на маленьком револьверном станке. Ушел на фронт сосед – освоила большой револьверный... По 500-600 изделий снимает с одного сверла, на ответственных изделиях перевыполняет норму в 2-3 раза» [8].

Производственную программу 1942 г. завод выполнил на 108,4%. При увеличении выпуска продукции количество работающих на заводе практически не менялось. Вот данные по численности рабочих завода за 1942 г.: март – 1261, июль – 1166, декабрь – 1126 человек. Таким образом, весь прирост производства достигался за счет интенсификации труда и применения более совершенных способов организации производства. Численность рабочих на заводе в 1943 г. составляла 1232 человека, а на 1 января 1944 г. возросла до 1683 человек.

Для производства военной продукции были спроектированы и в кратчайшие сроки изготовлены несколько конвейерных линий, и на предприятии впервые в Ярославской области внедрялась поточная сборка с

принудительным движением изделий. Ленточные конвейеры использовались в производстве деталей и сборке основных изделий. Внедрение поточного метода позволило вдвое сократить движение деталей и ускорить производственный цикл. Это также дало возможность на треть уменьшить количество вспомогательных рабочих сборочных цехов и на 80% увеличить суточную выработку на одного рабочего. Организация поточной системы позволила не только увеличить производство, но и значительно сократить брак. Качество каждого собранного узла проверялось уже на следующей операции, и поэтому все дефекты быстро выявлялись.

В целом по заводу № 777 выработка на одного рабочего увеличилась в 1943 г., по сравнению с 1941 г., почти в 2,45 раза. Успешно выполнив план 1942 г., завод в 1943 г. вдвое увеличил объем выпускаемой продукции. Новый поточный метод работы стали использовать и для других изделий, а бюро Ярославского обкома ВКП(б) рекомендовало опыт завода для использования другим предприятиям. В частности, на Ярославском автомобильном заводе были установлены шесть прямоточных линий механической обработки. В судостроительной промышленности переход на поток дал возможность увеличить выпуск продукции на 25% и снизить себестоимость изделий на 15%.

В 1943 г. завод успешно справился с поставленными задачами; выпуск продукции увеличен по сравнению с 1942 г. на 32 млн руб., а производительность труда – на 130%. В январе 1944 г. директор завода Д.Н. Крутов отмечал: «В 1943 г. программа по выпуску товарной продукции выполнена на 100,03%, по валовой продукции на 102,1%. Объем производства увеличен против 1942 г. на 144%, причем прирост этот достигнут не за счет увеличения числа рабочих, которое только на 3,8% больше 1942 года, а в результате роста производительности труда. Производительность труда в 1943 году в 2,3 раза выше, чем в 1942 году. Себестоимость продукции снижена против уровня 1942 года на 38,3%» [2, л. 1, 5]. Среди ближайших задач предприятия намечалось увеличить выпуск продукции в 1944 г. в полтора раза по сравнению с 1943 г., и снизить брак на 30%. Процент брака в 1943 г. составил 5,19% против 3,69% в 1942 г., что было понятно в связи с освоением новой продукции и резким наращиванием темпов производства.

Завод № 777 выполнил крупный заказ Государственного комитета

обороны (ГКО) на производство ранцевых огнеметов «РОКС-2». Еще одним важным вкладом в общее дело победы над врагом стали корпуса противотанковых авиабомб. Массовый выпуск авиабомб ПТАБ-1,5 с весом 1,5 кг – изделия «77» – был налажен заводом через 10 дней после получения задания ГКО. За май 1943 г. было изготовлено 20 тыс. корпусов авиабомб, что составило 167% к плану. В дальнейшем их выпуск превышал 325 тыс. в месяц, и за первые полгода производства к ноябрю 1943 г. было выпущено 1,3 млн таких бомб. На Курской дуге было уничтожено 1,5 тыс. вражеских танков, и большинство из них вывели из строя бомбы типа «ПТАБ». В 1944–1945 гг. завод продолжал производить детали противогозов и минные взрыватели МП-82.

Задачам военного времени была подчинена деятельность общественных организаций – партии, комсомола, профсоюзов. В чрезвычайных условиях военного времени использовались такие стахановские методы как многостаночное обслуживание, совмещение профессий, скоростная технология производства. Стахановцам принадлежали инициативы движения «двухсотников» (две нормы и более за смену), а затем «тысячников» (1000% нормы), создания «фронтных бригад».

В 1942 г. на заводе № 777 было 69 двухсотников, а в 1943 г. – 221. На фоне общей ударной работы были и те, кто работал «сверхударно». Так, рабочий А. Паутов взял обязательство выдавать за сутки по три нормы. В 1943 г. количество стахановцев составляло 896 человек (1941 г. – 395 стахановцев, т.е. рост в 2,6 раза), ударников – 141, двухсотников и выше – 283 (при 1654 работающих на заводе, из них производственных рабочих – 819) [2, л. 9]. К марту 1944 г. численность стахановцев достигла 950 человек; и, несмотря на двукратный пересмотр норм, на заводе № 777 не было рабочих, не выполняющих нормы.

На заводе шло соревнование на звание лучшего цеха (с вручением переходящего Красного знамени и премии), лучшей фронтной бригады и лучшего рабочего по профессии (победителям вручались почетная грамота и премия). Итоги соревнования подводились ежемесячно. Из цехов чаще других звание «лучшего» удостоивался цех № 5 (начальник цеха Е. А. Диева), выполнявший производственные задания на 110–140%.

В 1942 г. на заводе началось соревнование бригад за право называться фронтными. Первой это звание получила бригада Надежды Фёдо-

ровой, а вслед за ней – бригады Валентины Киселевой, Любви Румянцевой, Людмилы Черновой, Тамары Мельницкой, Марии Кукушкиной. Они вырабатывали до трех норм за смену. В 1942 г. на заводе было 14 фронтовых бригад, в 1943 г. – уже 30. В 1943 г. выполнение норм фронтовыми бригадами доходило до 284%. Причем звание фронтовых бригад могло не только присваиваться, но и отниматься. Бригады, где имел место хотя бы один случай нарушения трудовой дисциплины, лишались этого звания.

На заводе начали создаваться комсомольско-молодёжные бригады. В 1944 г. из 115 бригад на заводе (639 человек) 91 была комсомольско-молодёжной (473 человека), что составляла около 74%. К концу войны ими было охвачено уже 78% рабочих и работниц. В 1944 г. из 33 комсомольско-молодёжных бригад (290 человек) на заводе 17 носили звание фронтовых (в них работали 163 человека), т.е. более половины работали с опережением плановых показателей.

На многих заводах распространился почин бригады сварщиков Егора Агаркова, который в 1944 г. на Уральском заводе бронекорпусов объединил две бригады сварщиков и монтажников в одну комплексную, добившись повышения производительности труда. В результате бригада начала давать увеличенную выработку меньшим числом работающих. На заводе № 777 в Ярославле этому примеру последовали 12 бригад, в том числе бригады Железняковой, Егоровой, Кораблева. К концу войны количество рабочих завода, охваченных разными формами социалистического соревнования, составило около 70%. Среди передовиков производства много женских имён. Женщины заменяли ушедших на фронт мужчин и осваивали, казалось бы, неженские профессии, принимали на себя о необходимости чрезвычайной интенсификации труда и все тяготы военного времени.

Итоги работы завода показали значительный рост производительности труда к концу военного периода. По сравнению с 1940 г. производительность труда в 1941 г. составляла 104,1%, в 1942 г. – 107,4%, в 1943 г. – 252,8%, а в 1944 г. – 271,3% [3, л. 300]. Эти цифры фиксируют героический самоотверженный труд заводчан для Великой Победы. За самоотверженную работу в годы войны коллективу завода трижды присуждалось Красное знамя Государственного Комитета Обороны. Завод неоднократно занимал высокие места в соревновании заводов своего наркомата и Ярославской области.

В 1945 г. группа работников предприятия получила ордена и медали СССР, а слесарю инструментального цеха В.И. Макарову вручили высший Орден Ленина. Главный инженер завода Борис Николаевич Гуртьев был награжден орденами Трудового Красного знамени и «Знак Почета». Ордена «Знак Почета» также получили секретарь партбюро Леонид Георгиевич Белозеров, начальник ОТК Георгий Сергеевич Каныгин, револьверщица цеха № 1 Зоя Михайловна Клементьева (Тихомирова), начальники цехов Николай Николаевич Плешанов и Анатолий Сергеевич Шутаев, слесарь инструментального цеха Константин Иванович Свечарев, начальник производства Виктор Фёдорович Скориков (через несколько лет он станет директором завода). Медалью «За трудовую доблесть» были награждены мастер Борис Фёдорович Смирнов и начальник отдела снабжения Василий Матвеевич Соколов. Медаль «За трудовое отличие» вручили строгальщику инструментального цеха Константину Алексеевичу Марковкину. 707 работников завода получили медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В военное время на предприятии не прекратилась деятельность рационализаторов и изобретателей. Как говорили на партийных собраниях, «рабочая смекалка» помогала производству. За первые три месяца войны было внесено 45 предложений, давших значительную экономию. Общая экономия от внедрения рацпредложений в 1941 г. составила 597 тыс. руб., в 1942 г. – 769 тыс. руб., в 1943 г. – 110 тыс. руб., а в 1944 г. – 333 тыс. руб. (в 3 раза больше чем в 1943 г.). В частности, эффективным нововведением стала технология упрощенной травки металла, предложенная в 1944 г. инженером Сосницким и рабочим Сениным. Предложение бригадира сверловщиц цеха № 3 О.В. Соколовой позволило получить экономию 3417 руб., а сама рационализатор получила премию – 300 руб. [7, л. 31].

Ярославцы принимали участие в строительстве оборонительных рубежей за пределами своей области в районах Осташково – Валдай – Боровичи – Волхов. В конце 1941 г. там работало более 30 тыс. жителей Ярославской области. Строительство продолжалось до начала 1942 г., и только в январе люди стали возвращаться домой. Кроме этих работ жители области регулярно отправлялись на лесозаготовки, а также работали на строительстве автодороги Ярославль – Кострома. В конце 1941 г. и в начале 1942 г. более 400 рабочих, ИТР и служащих завода № 777 строили оборонитель-

ные рубежи около Ярославля. После смен по ночам приходилось дежурить и тушить пожары. Завод находился рядом с железнодорожным мостом через Волгу и постоянно находился под угрозой бомбежек фашистской авиации. Массированным налетам вражеской авиации Ярославль подвергался вплоть до лета 1943 г., что требовало усиленной противовоздушной обороны завода и подготовки противопожарных звеньев.

Как и другие жители Ярославской области, работники завода в годы войны собирали средства на строительство танковой колонны «Иван Сусанин» и подводной лодки «Ярославский комсомолец», отдавали часть заработной платы в Фонд Обороны, подписывались на Государственные военные займы, сдавали теплые вещи для посылок в Красную Армию, шефствовали над госпиталями, помогали эвакуированным из Ленинграда блокадникам, особенно детям, дежурили в отрядах самообороны.

Подлинно народным движением стала помощь военным и эвакогоспиталям. Только в Ярославле действовало 4 военных и 25 эвакуационных госпиталей, 1 сортировочно-эвакуационный госпиталь. Над каждым госпиталем шефствовали промышленные предприятия, общественные, хозяйственные организации, школы или колхозы. Завод № 777 оказал помощь госпиталям № 1147 и № 2495 в оборудовании кабинетов, «в частности, световое лечение обмороженных конечностей, ремонт помещений, для обслуживания больных выделено 25 чел. и рабочей общественности два политрука (Вороничева и Заславский). В госпиталь 2495 было выделено около 40 человек для постоянного дежурства в помощь обслуживающему персоналу» [7, л. 28].

В годы войны Ярославская область и город Ярославль приняли несколько сот тысяч жителей блокадного Ленинграда, в том числе много детей. Эшелоны с эвакуированными ленинградцами начали прибывать в область с декабря 1941 года. Для помощи эвакуированному из Ленинграда населению с помощью завода № 777 был развернут стационар на 100 коек. А на партийном собрании работников завода в 1944 г. было зачитано письмо молодого человека, попавшего из блокадного Ленинграда в Ярославль: «Я хочу выразить свою глубокую признательность и благодарность всем тем, что создали здесь в г. Ярославле, в школе № 1 прекрасные условия, быстро восстановившие мое здоровье за 10 дней моего пребывания здесь. В лице руководящих работников – начальника т. Ковалевой, врача тов. Кручининой, коменданта Лисковец и всего обслуживающего персонала санатория, я ясно

ощущал действительно Сталинскую заботу о человеке и всегда буду вспоминать с благодарностью людей, создавших прекрасные условия. М. Штриммер, студент акад. художествен. Сталинский стипендиат» [7, л. 28].

Для Красной Армии собирали теплое белье, валенки, полушубки. Так, 30 сентября 1941 г. передали деньги и вещи: Молчанов Г.А., начальник цеха № 3 – «120 р., шапка, полотенце, простынь»; Костров Е.М., зам. начальника цеха, – «90 р., джемпер»; Гришаев Н., старший мастер – 20 руб.; Оскома П.М., старший мастер – 50 руб.; Богородская А.И., мастер – «портянки, вязаная рубашка»; Смирнов, мастер, – 25 руб. [1, л. 59, 67].

Местная газета «Северный рабочий» написала о том, как завод узнал о Великой Победе: «Около пятисот рабочих ночной смены завода «Красный маяк» собрались вместе, чтобы разделить радость, счастье, переполнявшие их сердца. Каждое слово директора завода товарища Крутова, поздравлявшего коллектив с победой, прерывалось аплодисментами, криками «ура». Жёны, дочери, сёстры фронтовиков, помогавшие своим трудом завоевать победу, со слезами радости вновь и вновь слушали желанное, самое лучшее слово – победа.

Стахановки Люся Чернова, отец которой с первого дня на фронте, мать Люси, Мария Чернова – тоже работница этого завода, Подсевалова, Сверчкова – обе жёны фронтовиков, чьи фамилии названы в почётном списке двухсотниц и трёхсотниц, десятки других с законным чувством гордости могли сказать в эти волнующие минуты:

«Мы вложили свою долю в великое дело победы» [4].

История завода № 777 в годы войны была типичной для оборонных предприятий СССР этого периода. Поэтому изучение «Красного маяка» позволило увидеть не только историю отдельного взятого предприятия, но и промышленную жизнь крупного индустриального центра страны – Ярославля, и общие для всей страны реалии военного времени. «Спецпродукция» небольшого по размерам предприятия (максимальная численность работающих – 1,7 тыс. человек) стала весомым вкладом в Великую Победу над врагом. Завод выпускал корпуса мин, снарядов и авиабомб, а также комплектующие к противогазам, корпуса осветительных ракет, взрывателей и трубок стабилизаторов для мин. Освоение производства новых изделий и организация их массового выпуска, как и проведение необходимых ремонтных работ, всегда проводились в самые сжатые сроки. На «муж-

ские» профессии приходили женщины, большинство рабочих участвовало в социалистическом соревновании, практически не было прогулов и нарушений трудовой дисциплины. Впервые в Ярославской области примененный на заводе метод конвейерной поточной сборки позволил значительно увеличить объемы производства, и был использован несколькими ярославскими предприятиями. Пример «Красного маяка» подтверждает, что трудовой подвиг, работа с максимальным напряжением сил в военные годы для советских людей стала нормой и правилом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 154.
2. ГАЯО. Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 157.
3. ГАЯО. Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 162.
4. Северный рабочий. 1945. 10 мая.
5. **Солеников А.П.** Завод «Красный маяк»: К 200-летию предприятия. 1786–1986. – Ярославль, 1986. – 40 с.
6. **Хаунен Н.** Когда требует родина... // Северный рабочий. 1941. 27 авг. № 201.
7. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 332. Оп. 1. Д. 56. Л. 28.
8. **Черток А.** Три поколения начальника цеха Тархунова // Северный рабочий. 1943. 2 июня. № 115.
9. List of references
10. Gosudarstveny Archive Yaroslavskoy oblasti (GAYAO). F. R-2350. Op. 1. D. 154.
11. GAYAO. F. R-2350. Op. 1. D. 157.
12. GAYAO. F. R-2350. Op. 1. D. 162.
13. Severny rabociy. 1945. 10 maya.
14. **Solenikov A.P.** Zavod «Crasny mayak»: K 200-letiyu predpriyatya. 1786–1986. – Yaroslavl, 1986. – 40 s.
15. **Whaunen N.** Cogda trebuet rodina... // Severny rabociy. 1941. 27 avgusta. № 201.
16. Cshentr Documentacshii noveishei isrorii Yaroslavskoy oblasti. F. 332. Op. 1. D. 56. L. 28.
17. **Chertok A.** Three pokoleniya nacshalnika csheha Tarhunova // Severny rabociy. 1943. 2 iunya. №115.

УДК 94(47)

А.А. Михайлов, Р.А. Панов

ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКАЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война (1941-1945), без сомнения, относится к историческим событиям, определившим весь ход мировой истории. Победа СССР над нацистской Германией избавила человечество от поистине чудовищной угрозы, спасла от гибели целые народы и государства. Развернувшаяся борьба потребовала от всего многомиллионного населения Советского Союза мобилизации всех сил и ресурсов, в том числе – интеллектуальных. Борьба с отлично оснащенными силами вермахта была невозможна без создания новой и совершенствования имевшейся военной техники, вооружения, боеприпасов и др. Активное участие в этой работе принимали ученые вузов Ленинграда, в том числе – Ленинградского Политехнического института (ЛПИ).

Изобретательская и производственная деятельность ЛПИ в годы войны неоднократно привлекала внимание исследователей истории вуза. Уже в 1945–1947 гг. В.П. Гурьевым был составлен очерк «Ленинградский политехнический институт в дни блокады» (его рукопись хранится в Фундаментальной библиотеке СПбПУ). Большую работу по сбору материалов о деятельности вуза в военные годы в целом (включая исследования) провел Н.Н. Сторонкин [1]. Сведения о военной и производственной деятельности ЛПИ в 1941–1945 гг. нашли также отражение в работах И.Д. Мордасова [2], Е.Л. Мильштейн [3], Ю.С. Васильева [4], В.А. Смелова [5], в брошюре «Политехнический институт в годы блокады и эвакуации» [6] и др.

Документальные материалы по проблеме также весьма многочисленны и разнообразны, но при этом рассредоточены по многим архивам, что создает определенные трудности для комплексного анализа материалов. Помимо архива Санкт-Петербургского Политехнического университе-

та Петра Великого (Архив СПб ПУ), сведения о работе политехников в военные годы можно найти в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) в Москве и др.

Стоит заметить, что исследования в области военной техники активно велись в Политехникуме еще в период Первой мировой войны. Продолжались они также и в межвоенный период, несмотря на крупные реорганизации, которые переживал вуз. Так летом 1936 г. директор Индустриального института, который в то время вобрал в себя многие структурные подразделения Политехнического института, В.Г. Евдокимов обратился к начальнику Главного управления учебных заведений Наркомата Тяжелой промышленности Д.А. Петровскому с письмом, в котором предложил обширный план военно-технических исследований. «Ленинградский Индустриальный институт, – говорилось в нем, – ставя перед собой задачу в нашей научно-исследовательской работе оказать наиболее эффективную помощь в деле обороны страны, – используя через свой научно-исследовательский сектор всю нашу широкую научно-техническую лабораторную базу и научный опыт ведущих специалистов, – наметил к разработке в наступившем учебном году ряд наиболее актуальных оборонных тем» [7, л. 30–34].

Всего план содержал 8 тем, среди них такие актуальные, как изыскание неадсорбционных методов удаления отравляющих веществ (Руководитель С.З. Рогинский). Стоит отметить, что в конце 1930-х годов многие военные специалисты считали, что в случае войны широкое применение получит химическое оружие.

17 октября 1936 г. В.Г. Евдокимов направил Д.А. Петровскому еще один список из 13 тем оборонного характера [7, л. 38–49]. Среди них: Конструирование «облегченных разборчатых плотин» для временного затопления местности. (Руководители – инженеры К.А. Костромин и Зацепин); создание электрофильтра «компактной, высокопродуктивной конструкции» для газоубежищ и противогаров (Руководитель – профессор Ю.В. Баймаков); разработка конструкции легкого дизеля для торпедного катера. Руко-

водитель (Ю.В. Гиттис) и др. Предлагалась, даже, тема, связанная с разработкой электрического артиллерийского орудия (руководитель М.П. Костенко): его идея в то время была очень популярна [8].

К началу Великой Отечественной войны Ленинградский Политехнический институт (директор П.А. Тюркин) обладал научными кадрами и оборудованием, способными обеспечить решение важнейших проблем в военно-технической области. Благодаря этому, институт смог с первых дней войны развернуть исследования и конструкторскую работу в интересах действующей армии и военной промышленности.

5 июля 1941 г. газета «Ленинградская правда» опубликовала письмо группы ученых, среди которых был и политехник А.А. Байков. Его авторы призывали коллег: «Разрабатывать сейчас только те темы, которые необходимы для обороны страны, которые принесут быструю реальную помощь фронту, разрабатывать их денно и нощно, не щадя сил и времени» [9].

Уже в первые дни войны в Ленинграде было создано несколько комиссий, имевших целью организацию научных исследований в военно-оборонных целях. В их работе активно участвовали видные ученые ЛПИ. Так, 27 июня Ленинградское отделение Всесоюзного научного инженерно-технического общества (ВНИТО) сформировало Комиссию по оказанию помощи Местной противовоздушной обороне (МПВО). Возглавил комиссию академик Б.Г. Галеркин [10, с.17]. При Ленинградском Горкоме партии была создана Комиссия для руководства строительством оборонительных сооружений, в состав которой вошли: А.А. Байков, Б.Г. Галеркин, А.Ф. Иоффе, М.А. Шателен, Н.Н. Семенов, А.А. Морозов.

Значительный вклад в организацию научной работы в Ленинграде внесла Комиссия по реализации оборонных предложений, созданная 25 июля 1941 г., при Ленинградском городском комитете партии. Ее председателем стал Н.Н. Семёнов, в состав вошли, среди прочих, виднейшие ученые Политехнического института: Б.Д. Галеркин, А.Ф. Иоффе, М.А. Шателен, Я.Б. Зедьдович и др. Только за первые месяцы работы комиссия рассмотрела свыше 800 предложений ученых и конструкторов, многие проекты заслужили положительную оценку и были направлены на предприятия

В самом ЛПИ в июле 1941 г. был создан Комитет по оборонным ра-

ботам под председательством профессора М.А. Шателена. Комитет определял тематику исследований, координировал деятельность ученых института, оказывал им различную помощь и поддержку [3, с. 56].

Лаборатории и кафедры института сразу же приступили к изготовлению необходимых для фронта изделий. Например, лаборатория автоматики и телемеханики изготовила для Военно-Морского Флота специальные прерыватели и опытные замыкатели.

Кафедра аналитической химии наладила изготовление светящихся красок – люминофоров, которые были нужны для производства светящихся шкал навигационных приборов, ночных указателей, опознавательных знаков и т.д. Производили краски на основе сульфидов цинка, кальция и стронция. Организатором и мастером с начала войны и по ноябрь 1941 г. был доцент А.С. Андреев. В работе участвовали: преподаватель Т.Э. Степанова, О.Ф. Садикова, С.М. Гохберг, Е.А. Анфертьева и др. [6, с. 48–49]. О важности данной работы свидетельствует тот факт, что ею, наряду с ЛПИ, занималось еще несколько научных и учебных центров Ленинграда [11, с. 52].

В лаборатории электропечей под руководством доцента А.В. Донского шла отливка корпусов гранат. Гранаты-лимонки отливались также в лаборатории кафедры литейного производства.

Важная работа была выполнена, по поручению городского руководства, доцентом М.Е. Зубковым и аспирантом Н.Э. Ульманом. Они произвели все необходимые технологические и конструкторские расчеты для производства корпусов мин коробчатой формы, подготовили необходимые чертежи вытяжных штампов. Сделанные штампы были отправлены в холодноштамповочный цех завода «Вулкан», где было налажено производство «коробок» глубокой вытяжкой. Любопытно, что начинка мин взрывчаткой производилась в цеху кондитерской фабрики им. Микояна (ныне «Азарт»). Мины коробчатой формы, по отзывам военных, оказались весьма эффективными [6, с. 49].

В июне–декабре 1941 г. ученые ЛПИ вели исследования по таким важным темам, как проверка предложений ученых по противотанковой защите и механизация строительства оборонительных сооружений.

Сотрудники лаборатории общей электротехники и технологии электроизмерений разработали особый козырек к каске для защиты глаз бойца

от мелких осколков и изготовили опытный образец этого приспособления. В лаборатории гидротехники был подготовлен проект быстровозводимых земляных плотин для оборонительных сооружений.

В лаборатории Аэродинамики сконструировали установку для быстрой дегазации улиц при заражении воздуха отравляющими веществами. Стоит отметить, что многие военные специалисты того времени считали применение врагом химического оружия вполне вероятным [12]. К октябрю 1941 г. в ЛПИ вступила в строй специальная химическая лаборатория для анализа боевых отравляющих веществ, сотрудники которой получили подготовку на курсах, организованных штабом МПВО г. Ленинграда.

Немало предложений и разработок, подготовленных учеными ЛПИ, носили подлинно новаторский характер. Так, заведующий кафедрой Физические и механические приборы Л.С. Фрейман в 1941 г. предложил проект устройства для защиты летчика от перегрузок. Профессором Я. И. Френкелем велись исследования по выработке способа точного наведения зенитной артиллерии на движущиеся в воздухе цели [3, с. 43].

Доцент Е.П. Шольп разработал оригинальное по конструкции устройство для разбрасывания листовок с самолета. Заведующий кафедрой «Металловедение» (в будущем – директор Центрального научно исследовательского института тяжелого машиностроения) профессор И.А. Одинг создал проект «самоходной мины» [3, с. 43].

Заведующий кафедрой радиофизики ЛПИ профессор В.В. Цимбалин в 1941 г. сконструировал электрический обогреватель для летного состава советской авиации. Стоит заметить, что военной тематикой Цимбалин занимался и прежде: в 1930-е годы он работал в Ленинградском электрофизическом институте (ЛЭФИ), где участвовал в создании радиолокационных средств обнаружения самолетов. Кроме того, еще в годы Советско-финской войны он предложил методику лечения обморожений токами высокой частоты.

Реалии войны нередко требовали решения принципиально новых, не встречавшихся в мирной обстановке, проблем. Так, в лаборатории техники высокого напряжения Политехнического института, под руководством А.В. Донского, разрабатывался способ уменьшения демаскирующего действия электрической дуги, которая возникала при отрыве приемника тока у трамвайного вагона [6, с.54.].

Одной из серьезнейших трудностей для промышленности Ленинграда стал порожденный вражеской блокадой дефицит практически всех видов сырья. В этих условиях особое значение принимала экономия материалов, особенно нужных для производства оружия и боеприпасов. Лаборатория сплавов цветных металлов составили сплав для кремней бытовых зажигалок, который не требовал дефицитного церия. Ученые также разработали технологию изготовления безцериевых кремней на заводах местной промышленности. Важность новации определялась, как широким распространением зажигалок в военном быту, так и ценностью самого церия: его использовали в металлургии (как легирующую добавку) и при изготовлении пиротехнических составов.

Под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР И.П. Кобеко, который одновременно работал в ЛПИ и Ленинградском физико-техническом институте, было налажено производство нового изоляционного материала «эскапон»¹, необходимого различного оборудования. В январе 1945 г. газета «Политехник» напечатала о И.П. Кобеко пространную (по масштабам газеты) статью, в которой говорилось: «Ленинград остался (с началом блокады – А.М.) без высокочастотных изоляционных материалов, необходимых армии. Еще до войны в институте, где работал Павел Павлович, был предложен новый изоляционный материал «эскапон». Но опыты с ним не выходили за пределы лаборатории, а сейчас нужно было дать его в промышленных масштабах. И ученые взялись за решение этой задачи. Производство эскапона было налажено»[13, с. 1].

Важным направлением в изобретательской и рационализаторской деятельности ученых Политехнического института стала разработка различных видов боеприпасов и вооружения для борьбы с танками, которые в полном смысле слова являлись ударной силой вермахта.

Значительный интерес, в связи с этим, представляет «огнеметная мина» разработанная осенью 1941 г. доцентом Политехнического института В.С. Захаренко. Документы об этом проекте сохранились в ЦАМО [14].

«Огнеметная мина, – говорилось в обосновании проекта, – предназначена для поджигания автомобилей, бронемашин, танков и прочего транспорта противника, пересекающего определенный отрезок местности

¹ Изготавливался из синтетического каучука.

или дороги. Горючее, содержащееся в mine, автоматически, т.е. без непосредственного воздействия человека выбрасывается на проходящий мимо объект огненной струей и поджигает его» [14, л. 6].

Отличительной чертой мины Захаренко была весьма оригинальная система приведения ее в действие. Мина представляла собой цилиндрический резервуар с соплом, наполненный зажигательной смесью и снабженный деревянным или пластмассовым поршнем. В днище резервуара располагалась зарядная камера с пороховой петардой, тротиловой шашкой и сухим электрическим элементом. На сопло крепился колпачок зажигания, внутри которого находилась ампула с серной кислотой, окруженная смесью бертолетовой соли и сахарной пудры. К электрическому элементу подсоединялся резиновый баллончик, обернутый медными полосками, который, в свою очередь, соединялся с длинной резиновой трубкой, один конец которой был открыт («сообщен с атмосферой»). Изобретатель предлагал укладывать трубку на пути следования вражеского транспорта, маскируя ее грунтом. При наезде на трубку танка или автомобиля в ней повышалось давление, воздух раздувал баллончик, замыкавший электрическую цепь; ток проходил через электрозапал мины и воспламенял его, запал зажигал пороховую петарду, пороховые газы поднимали поршень в корпусе мины. Поршень выдавливал огнесмесь, она, на выходе из сопла, разрушала ампулу с кислотой, кислота вступала в реакцию с бертолетовой солью и сахаром, воспламеняя порошок. Смесью воспламенялась, и на вражескую технику обрушивался буквально шквал огня.

Любопытно, что проект мины Захаренко предусматривал также ее самоуничтожение (для этого в конструкцию и была включена тротиловая шашка), «чтобы противник не мог воспользоваться ею и узнать ее конструкцию». Указывая на достоинства своего проекта, Захаренко подчеркивал, что мина будет изготавливаться «из недефицитных, дешевых материалов: фарфор, стекло, дерево или пластмасса» [14, л. 8].

Испытание мины Захаренко, состоявшиеся 13 и 24 октября 1941 г., прошли вполне успешно, но в производство ее, к сожалению, запустить не удалось: военные специалисты посчитали изобретение слишком сложным. Тем не менее, сама идея изобретателя представляется очень интересной и новаторской. Показательно также, что, как отметила комиссия, «Все проде-

ланные исследования огнеметной мины производились по собственной инициативе автора без финансирования этой работы какой-либо организацией» [14, л. 11].

Конструированием оружия занимался также доцент М.А. Дементьев (хотя специализировался в области гидродинамики) который усовершенствовал конструкцию ручной гранаты.

Наряду с преподавателями, свой вклад в военно-техническое обеспечение армии вносили студенты ЛПИ. В военной технике в то время разбирались, среди молодежи, многие. Всего через несколько дней после начала войны, при подведении итогов конкурса студенческих научных работ, был премирован студент тепломеханического факультета Б.Ф. Ефремов за работу «Конструкция диско-магазина к пулемёту системы Дегтярева» [6, с. 18]. В течение 1941 г. интересную работу выполнил студент Тарасов, предложивший тележку для перевозки раненых собственной конструкции.

Следует особо подчеркнуть, все перечисленные изобретения и рационализаторские предложения были сделаны учеными института в первый, самый тяжелый, год войны и в условиях вражеской блокады Ленинграда. При этом, многие изобретения и рационализаторские предложения очень оперативно внедрялись в производство. А.Ф. Иоффе впоследствии отмечал: «Никогда и нигде я не видел таких стремительных темпов перехода научных идей в практику, как в Ленинграде в первые месяцы войны» [15, с. 57].

Зима 1941–1942 г., для сотрудников и студентов ЛПИ, как и для всего города, оказалась тяжелейшим испытанием. Бомбежки, артобстрелы, перебои с подачей электроэнергии, голод и холод стали страшной повседневностью. В.П. Гурьев вспоминал об этом времени: «В начале декабря в городе начались перебои с электроэнергией, трамвай стал работать с перебоями, а 11 декабря он совсем прекратил работу. Все больше и больше появлялось больных истощением, а в декабре большинство студентов, преподавателей, рабочих и служащих не могли работать. Учебная жизнь Института прекратилась. Перебои в снабжении электроэнергией стали сказываться на работе ОМПИ (объединенных мастерских Политехнического института – А.М.) и действующих лабораторий – производство падало с каждым днем, а в декабре, из-за болезни и истощения, совсем прекратилось» [6, с. 105–106].

В феврале 1942 г. часть ученых Политехнического института была эвакуирована по Дороге Жизни сначала в Пятигорск, а затем в Ташкент, где

возобновились учебный процесс и исследования. Сотрудники и студенты, оставшиеся в Ленинграде, перенесли вся тяготы Блокады. Но, несмотря на голод, холод, вражеские обстрелы, они оказывали помощь городу и защищавшей его армии.

До марта 1942 г. продолжала работать лаборатория электропечей, в которой шло изготовление гранат. Затем, согласно решению Государственного комитета обороны, все оборудование лаборатории было из Ленинграда вывезено (частично в Москву) [6, с. 49].

Разнообразные и чрезвычайно важные исследовательские работы вела кафедра «Электрометаллургия цветных металлов», которой руководил Ю.В. Баймаков. По его воспоминаниям, еще в 1941 г. здесь развернулась работа по совершенствованию фильтров для газобезопасности. «Мне, И.И. Мейлаху, М.М. Ботвиннику (чемпион мира по шахматам) – писал Ю. Баймаков в статье, опубликованной газетой «Политехник» в 1968 г., – была поручена задача создания высокоинтенсивных электрофильтров для очистки воздуха бомбоубежищ, если немцы применяют отравляющие дымы. С этой задачей мы справились. Ботвинник успел эвакуироваться, а И.И. Мейлах погиб от голода» [16]. Это сообщение весьма интересно, особенно учитывая упомянутых в нем лиц: выдающегося шахматиста, крупного специалиста в области кибернетики Михаила Ботвинника и сотрудника лаборатории Высоких Напряжений Иосифа Мейлаха. Вообще работа ученых ЛПИ по обеспечению защиты города от отравляющих веществ явно заслуживает отдельного исследования.

Весной 1942 г. лаборатория кафедры наладила получение кислорода для госпиталей. Была смонтирована установка, в которой путем электролиза вырабатывался кислород, им наполняли подушки, которые затем и передавали в госпитали. Ю.В. Баймаков вспоминал: «В лаборатории электрометаллургии с помощью А.И. Морозова и С.С. Семёнова мы поставили получение кислорода для госпиталей. Энергию мы получали от дизелей лаборатории двигателей внутреннего сгорания, а в июне 1942 года получили ток с... Волховской гидроэлектростанции посредством кабеля, проложенного по дну Ладожского озера...» [16].

В июне 1942 г. кафедра занялась чрезвычайно важной проблемой: усовершенствованием бутылки с зажигательной смесью. Стоит отметить,

что этот нехитрый боеприпас занимал в арсенале защитников города видное место. Директор Государственного института прикладной химии (ГИПХ) П.П. Трофимов вспоминал: «Уже на второй, может быть, на третий день [после начала войны] к нам приехал секретарь горкома партии Павел Терентьевич Сухомехов с одним-единственным вопросом: что можно делать для армии сейчас, не дожидаясь каких-то планов и указаний сверху. Мы выбрали бутылки с зажигательной жидкостью» [12, с. 29].

Такой выбор понятен: стандартные бутылки являлись массовым изделием с налаженным производством, не требовавшим дополнительных издержек. Однако имела «стеклянная артиллерия» и существенные недостатки. Во-первых, дальность броска бутылки ограничивалась мускульной силой бойца. Ученые Ленинграда потратили немало сил на создание приспособлений для создания приспособлений для метания бутылок: от ручейных мортирок до рычагов в духе старинных катапульти [17].

Другой задачей было снабжение бутылок надежными огненными смесями и запалами. И те, и другие имели несколько видов. Весьма эффективным оказался запал в виде ампулы со сплавом металлического калия и натрия, который помещался в бутылку, наполненную керосином с небольшим добавлением воды. Когда бутылка разбивалась, щелочные металлы зажигали керосин. Производство калиево-натриевого сплава поручили кафедре ЛПИ [6, с.50, 54].

«В мае 1942 г., – вспоминал Ю. Баймаков, – нам было дано задание разработать способ получения горючего металлического сплава калий-натрий, для снаряжения противотанковых бутылок. Сплав добывался электролизом. В работе участвовали С.С. Семенов, Е.И. Бадаева, А.Ю. Баймаков, в то время студент, ныне доцент. Это производство было далеко не безопасно. Происходили вспышки. А.Ю. Баймаков пролежал с ожогами лица больше года в госпитале. В месяц мы получали до 50 кг. этого опасного сплава» [16].

А.Ю. Баймаков вспоминал еще об одной, важной теме, которую разрабатывала кафедра. «В городе, – писал он в заметке на страницах «Политехника», – не хватало спичек. Для кремниевых зажигалок потребовался металлический кальций. Его производство также было налажено на кафедре ЭЦМ» [18]

Некоторое представление о тематике и масштабах научных исследований 1942 г. дает справка, составленная Н.Н. Сторонкина. В ней приведен список научных тем, который разрабатывались семью лабораториями по состоянию на 1 июля 1942 г. [6, с.51].

Созданная весной 1942 г., лаборатория адсорбции с 8 мая 1942 г. по заданию МПВО занималась разработкой и освоением методики испытания фильтров для газобезопасности города. Разрабатывались также новые типы фильтров и масла для них. Руководил работой доцент И.Л. Повх.

Лаборатория аналитической химии и физической химии с 1 июня 1942 г. по поручению ГИПХ работала над темой «Установление методики микроанализа и оптических методов анализа в отношении неизвестных веществ». Руководили работой профессора С.П. Гвоздов и В.П. Ильинский.

Лаборатория аэродинамики с 11 июня 1942 г. занималась испытанием и ремонтом кислородных ингаляторов. Заказчиком работ выступило Санитарное управление Ленинградского фронта, ответственным исполнителем состоял доцент А.С. Кельзон.

Лаборатория радиофизики выполняла заказы Научно-исследовательского санитарного института РККА и командования ВВС Ленинградского фронта. По первому заказу разрабатывались способы стерилизации перевязочных материалов токами УВЧ. По второму – шло изготовление неоновых трубок для аэродромов. Руководил работами В.В. Цимбалин.

Об этих работах упоминает, кстати, и Ю.В. Баймаков в цитируемых выше воспоминаниях. «В.В. Цимбалин – радиофизик и Г.А. Морозов, – пишет он, – собрав коллектив сотрудников ЛПИ, организовали производство неоновых газосветных ламп для аэродромов» [16].

В литейной лаборатории по заказу Ленинградского металлического завода им. В.И. Ленина в марте-сентябре 1942 г. осваивалась плавка чугуна в вагранке на «смешанной топливной калоше торфа с дровами и другими видами топлива» [6, с. 51]. Значимость работы диктовалась жестоким дефицитом топлива в блокированном городе. Руководивший работами, В.М. Андреев еще в 1941 г. рассчитал оптимальный режим плавки чугуна при сжигании торфа вместо кокса. В марте 1942 г. он был эвакуирован в Москву, но начатые им исследования в ЛПИ продолжались.

В лаборатории электрометаллургии цветных металлов, как отмече-

но выше, производили кислород для госпиталей.

В интересах госпиталей, а также детских учреждений, велись работы в лаборатории общей химии. Здесь доценты Л.Н. Шалин и Е.Ф. Ковалевская-Заозерская наладили изготовление витамина «С» и получение ксероформа (препарат-антисептик) [6, с. 51]. Витамин «С» получали из местного сырья: листьев липы, берёзы, рябины, вереска и др. На кафедре готовили также витаминный напиток из хвои.

Производились в ЛПИ и некоторые другие пищевые добавки. Профессор С.П. Гвоздов предложил заняться производством сахарина для нужд сотрудников института. По разработанной им методике работала группа, в которую вошли Н.А. Поспелова и И.И. Иванова [6, с. 54].

Выпускница инженерно-физического факультета Е.Ф. Тарасова в своих воспоминаниях сообщала о работе нескольких из перечисленных лабораторий: «В июле 1942 года устроилась работать на кафедру «Аэродинамика», которая находилась в первом корпусе. Заведовал лабораторией доцент И.Л. Повх. Ремонтировали ингаляторы для самолетов под руководством доцента А.С. Кельзона (октябрь 1942 г.), а потом меня перевели во второй учебный корпус в лабораторию радиофизики, возглавляемую доцентом В.В. Цимбалиным, которая занималась выпуском неоновых газосветных ламп для аэродромов. Я занималась откачкой неоновых ламп под руководством преподавателей Е.К. Петровой и М.Ф. Мошкова. С ноября 1942 года из-за холода сотрудников лаборатории перевели в химкорпус (квартира М.А. Павлова), где продолжали эту работу. С В.В. Цимбалиным работал А.С. Кельзон, а также приглашали сотрудников завода «Светлана». За 1942 год было полностью обеспечено такими лампами 13 военных аэродромов. Затем меня перевели в лабораторию адсорбции (№100)» [6, с. 51, 53.].

17 сентября 1942 г. лаборатории адсорбции, аналитической химии и физической химии, электрометаллургии цветных металлов, аэродинамики, литейная лаборатория ЛПИ были включены в число действующих предприятий [10, с.365], что является убедительным свидетельством значимости проводимых в них работ.

В 1943 г. ученые ЛПИ вели работы по новым проблемам и расширяли исследования прежних тем. По заданию МПВО города при лаборатории адсорбции был организован цех № 2, в котором изготавливались филь-

тры для бомбоубежищ. В организации производства фильтров активно участвовали А.И. Морозов и И.И. Иванова, в цехе работали: Е.Ф. Тарасова, А.Н. Трофимова, Е.В. Федько, Ф.Ф. Лясковская, О.Е. Федорова, механики П.А. Павлихинский и А.Я. Власов.

Многие ученые ЛПИ в период блокады активно работали над темами, имевшими военное значение, в составе исследовательских коллективов научных институтов, в различных группах, бюро и др. Ярким примером тому является Ленинградский Физико-технический институт АН СССР. Одним из важнейших направлений его деятельности стала работа по размагничиванию кораблей, их защите от вражеских магнитных мин.

Большой вклад внесли ученые-политехники в обеспечении деятельности ледовой трассы – «Дороги жизни». Группа ученых под руководством П.П. Кобеко исследовала физические свойства льда Ладожского озера. Физик Н.М. Рейнов (выпускник Политехнического института) сконструировал «прогибограф», который позволял автоматически определять деформацию ледового покрова. Были выработаны четкие рекомендации, с какой скоростью и на каких участках движение машин может быть относительно безопасным.

Список ученых, работавших в годы войны, которые имели с ЛПИ связь (были его выпускниками, работали ранее и др.), получился бы чрезвычайно пространным, включая, при этом, поистине золотой фонд отечественной науки: А.Ф. Иоффе, Я.Б. Зельдович, Ю.Б. Харитон, Н.М. Райнов, Н.Л. Духов, Г.М. Бериев, Н.Н. Поликарпов, В.А. Никитин и многие другие.

Для характеристики деятельности собственно ЛПИ в тяжелейшие блокадные годы важно рассмотреть, помимо научной и изобретательской работы на кафедрах и в лабораториях, работы которые велись в мастерских института. Их анализ, безусловно, заслуживает самостоятельного научного очерка. Стоит, однако, упомянуть, что созданные в июле 1941 г. объединенные мастерские Политехнического института (ОМПИ) выполнили целый ряд важнейших оборонных заказов: корпуса снарядов и гранат, штампы для изготовления корпусов мин, детали для различных видов военной техники, включая легендарные «Катюши», металлические поддоны. Работы велись в тяжелейших условиях, часто с неподходящим оборудованием.

Своим трудом, стойкостью и мужеством, истинной самоотвержен-

ностью в условиях ежедневных и ежечасных испытаний ученые, профессора, преподаватели, студенты Политехнического института внесли значительный вклад в обеспечении армии и Ленинграда техникой, боеприпасами, средствами защиты, в развитие той научно-технической базы, которая во многом определила победу Советского Союза над сильным и отлично оснащенным врагом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Горюнов И.П.** Чтоб не прервалась связь времён... (О рукописном фонде Н.Н. Сторонкина в Фундаментальной библиотеке СПбГТУ) // Научно-технические ведомости СПбГТУ. 1997. №3. С.116-121.
2. **Мордасов И.Д.** Политехники в Великой Отечественной войне. – Л.: ЛПИ им. М.И. Калинина, 1984. 72 с.
3. **Мильштейн Е.Л.** Ленинградский политехнический институт в годы Великой Отечественной войны. – Л.: ЛГТУ, 1990. 84 с.
4. **Васильев Ю.С.** Ученые-политехники – делу победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов // Научно-технические ведомости СПбГТУ. 1995. № 1. С. 5-9.
5. **Смелов В.А.** Вклад политехников в победу Советского Союза в Великой Отечественной войне. Обзор литературы. – Л.: ЛПИ им. М.И. Калинина, 1984. – 72 с.
6. Политехнический институт в годы блокады и эвакуации. (Ред. коллегия: Ю.С. Васильев, В.Г. Манчинский, К.П. Селезнев) – СПб.: Изд-во ГТУ, 1997. – 207 с.
7. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 3121. Оп. 26. Д. 33.
8. **Коршунов Э.Л., Михайлов А.А.** «Предлагаемый вид вооружения, резко отличный по принципу действия от существующих видов огнестрельного оружия» // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2012. №1 (71). С. 115–120.
9. Ленинградская Правда. № 158 (7951). 5 июля 1941 г.
10. **Буров А.В.** Блокада день за днем. 2-е изд., перабот. и доп. – СПб.: «Геликон Плюс», 2011. – 688 с.
11. **Соболев Г.Л.** Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – М.-Л.: Наука, 1966. – 172 с.
12. **Коршунов Э.Л., Михайлов А.А.** Предотвращенная угроза. Реализация конструкторских идей ученых-химиков в дни блокады Ленинграда // Военно-исторический журнал. 2015. № 2. С. 27–31.
13. **Александрова Л.** В одном строю. Ленинградский ученый // Политехник. №4 (1030). 25 января 1945 г.
14. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф.217. Оп.1238. Д.16.

- 15. Левшин Б.В.** Советская наука в годы Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1983.
- 16. Баймаков Ю.** Дорогие воспоминания // Политехник. №3 (2060). 22 января 1868 г. С. 3.
- 17. Михайлов А.А., Коршунов Э.Л.** Ампулометры и ружейные мортирки для метания бутылок с зажигательной смесью: использование и совершенствование в годы Великой Отечественной войны / Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т.11. Военно-химическое дело (специальный выпуск). СПб.: ИД «Бранко», 2014. С. 95–105.
- 18. Баймаков А.** ...Приближали, как могли! // Политехник. №16 (2769). 3 мая 1984 г. С. 3

УДК 94(47)(1-04)

Ф. С. Мусин

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ЗАЩИТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В ПОГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Проблемы обеспечения экономических интересов в пограничном пространстве занимают особое место в системе национальной безопасности Российской Федерации. Надежная защита интересов на государственной границе – необходимое условие обеспечения суверенитета, территориальной целостности и экономической безопасности Российской Федерации. Государственная граница России – не только линия на географической карте, но и геополитическое пространство, в котором осуществляется разностороннее взаимодействие с другими государствами и народами. Поэтому от того, насколько эффективно оно будет использовано, зависят роль и место России в мировом сообществе.

Обеспечение экономической безопасности в пограничной сфере – важнейшая составная часть национальной безопасности, которая представляет собой состояние защищенности экономических интересов государства в пограничном пространстве Российской Федерации, охватывающем государственную границу, приграничную территорию, воздушное пространство, континентальный шельф и исключительную экономическую зону.

Рассматривая вопросы обеспечения экономической безопасности в пограничном пространстве необходимо упомянуть о государственной пограничной политике России, которая обеспечивается согласованными действиями всех элементов системы обеспечения безопасности в пограничной сфере за счет реализации комплекса мер организационного, нормативного правового и информационного характера.

Пограничная политика успешно реализуется через четко выраженную пограничную стратегию, цели и задачи которой непосредственно обусловлены интересами защиты государства на приграничной территории. О

том, что пограничная политика является значимым явлением общественной жизни и практической деятельностью государства свидетельствует создание в 2003 г. Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина Государственной пограничной комиссии. Согласно положению о комиссии этот орган координирует деятельность органов государственной власти всех уровней при формировании и реализации пограничной политики России.

Приоритетным направлением пограничной политики выступает обеспечение пограничной безопасности. Сущность обеспечения пограничной безопасности заключается в создании государством условий для развития такой системы пограничных отношений, которая оптимизирует взаимосвязи и взаимодействия системы пограничной деятельности с другими системами этой деятельности при соблюдении баланса интересов.

Кроме того, пограничная безопасность государства заключается в создании и обеспечении эффективного функционирования системы обеспечения интересов России в пограничной сфере, способствующей прогрессивному развитию общества и надежно защищающей от негативного воздействия внешних и внутренних угроз, а также в придании государственной границе облика, отвечающего изменениям в жизни общества и международной практике. Исходя из того, что определяющее значение для развития любого общества имеют экономические отношения, обеспечение пограничной безопасности должно быть направлено, с одной стороны на гарантированное пресечение противоправной деятельности в пограничном пространстве, наносящей ущерб экономическим интересам страны, с другой – на создание максимально комфортных условий для развития межгосударственных связей, укрепление экономических основ страны в целом [1].

Эффективное решение пограничной политикой вопросов, связанных с пограничной безопасностью государства, имеет единый методологический подход: установление характера интересов в пограничном пространстве в соответствующей сфере деятельности, выявление реальных угроз, противодействующих их достижению, определение комплекса мероприятий по предупреждению и парированию (национальных) угроз. Чтобы обоснованно определить интересы государства и угрозы в пограничном пространстве необходимо объективно оценить состояние безопасности в соответствующей сфере деятельности. Без этого, как свидетель-

ствуется исторический опыт, трудно спрогнозировать комплекс обоснованных мероприятий по противодействию угрозам [2, с. 12].

С целью формирования единой концептуальной основы пограничной политики государства была разработана и утверждена решением Государственной пограничной комиссии от 28 января 2005 г. Концепция формирования системы обеспечения интересов Российской Федерации в пограничной сфере. В Концепции определены необходимые условия для согласования усилий федеральных органов исполнительной власти, всех субъектов пограничных отношений по реализации пограничной политики.

Согласно Концепции одной из главнейших задач по обеспечению экономических интересов Российской Федерации в пограничной сфере является создание благоприятных условий для осуществления хозяйственной деятельности на государственной границе и приграничной территории России, способствующих ее социально-экономическому развитию.

Значительную проблему для защиты экономических интересов страны представляет незаконный оборот алкогольной продукции. Масштабы распространения незаконного производства алкогольной продукции в России угрожают не только экономической безопасности страны, но и нормальному состоянию промышленности, и главное – безопасности населения страны. Почти все взрослое население России с той или иной частотой потребляет алкогольную продукцию. Растущее число фактов незаконного производства и распространения алкоголя стимулируется интенсивной алкоголизацией страны. В настоящее время алкогольную продукцию потребляет более 80 % лиц в возрасте 12–22 лет. Растущие потребности населения в алкоголе удовлетворяются за счет нелегально производимого, более дешевого алкоголя. Такой товар не проходит санитарно-технического контроля, опасен для жизни и здоровья потребителей [3, с. 179–180].

Серьезную озабоченность вызывает незаконное проникновение контрафактной алкогольной продукции через государственную границу. Всестороннее изучение проблемы ограждения отечественного рынка от проникновения некачественной алкогольной продукции показало, что данная проблема является не новой. Во второй половине XIX в. государственные органы России были всерьез обеспокоены чрезвычайным возрастанием на европейском участке границы империи потока контрабанды, среди которой первое место занимал спирт.

Развиваясь в зависимости от постепенного повышения таможенных пошлин и акциза на хлебное вино внутреннего приготовления, контрабандный промысел достигал таких размеров, при которых Государственное казначейство несло ежегодно миллионные потери в доходах, а отечественная промышленность и торговля встречала в нем опасного противника на пути своего развития.

Наиболее сложным направлением в отношении противодействия контрабанде была западная сухопутная граница Российской империи с Пруссией и Австрией. Здесь были сосредоточены наиболее благоприятные условия для развития контрабандной деятельности. Среди них можно было выделить большую плотность населения по обе стороны границы, более высокий по сравнению с Россией уровень развития промышленности и весьма низкий размер питейного акциза в сопредельных государствах. Это обуславливало сравнительную дешевизну спирта, отсутствие естественных преград, затруднявших передвижение людей и т.п.

Противозаконный пронос (провоз) и сбыт спиртной контрабанды имел существенные отличия от других видов контрабанды. Тогда как товары, удовлетворявшие потребности более зажиточных классов населения переправлялись через границу с помощью налаженных каналов, контрабандный спирт перемещался в исследуемый период на прусской и австрийской границах повсеместно и постоянно. И в исключительной степени имел целью удовлетворить потребности местного приграничного населения. В силу этого в занятии контрабандой участвовало поголовно почти все приграничное население западных губерний Российской империи.

В ближайших сопредельных населенных пунктах ежедневно встречались целые толпы населения с посудой для переноса спирта. При таких условиях осуществления противоправной деятельности, когда каждый метр пограничной черты служил местом проноса контрабанды, а ближайшая к патрульной дороге изба – местом ее сокрытия и потребления, единственной мерой противодействия контрабанде спирта представлялось усиление охраны границы силами пограничной стражи. Вследствие чего руководством министерства финансов, на которое было возложено защита экономических интересов на границе, принимается решение об усилении частей западных бригад пограничной стражи.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, Министерство финансов (вопросы охраны государственной границы решал Департамент таможенных сборов Министерства финансов) пришло к выводу, что при такой малочисленности чинов пограничной стражи, было совершенно невозможным остановить контрабандную деятельность в приграничном пространстве, которая причиняла немалый ущерб государственной казне.

С постепенным возрастанием в Российской империи размера акциза в Пруссии стали появляться страховые общества с целью обеспечить проникновение и распространение контрабандного спирта в России. Они принимали на себя всю ответственность за безопасный провоз (пронес) спирта в ближайшие от границы населенные пункты. Наняв агентов и провожатых они взимали от 3 до 5 коп. с ведра проносимого спирта. Прибыль от страхования контрабандного спирта была очевидной. Так, цена одного ведра спирта крепостью в 80 градусов в Пруссии составляла 3 руб. 20 коп. Поэтому если принять среднюю норму страхового сбора в 4 коп., то соотношение количества задержанного спирта к общему количеству всего продукта, сбываемого в Россию, составляло 1 : 80. В результате этого страховые общества ничего не теряя, ничего бы и не выручали. Сумма, полученная за страхование 80 ведер, целиком поглощалась стоимостью одного задержанного ведра [4, л. 570]. Но сам факт существования подобных обществ приводил к выводу, что вышеприведенная пропорция должна была быть еще менее благоприятна, то есть контрабандного спирта задерживалось меньше чем одно ведро на 80 ведер.

Недобором акцизного дохода убыток, причинявшийся государству контрабандой спирта, не ограничивался. Прямым последствием явилось также постепенное закрытие винокуренных заводов в приграничных с Пруссией и Австрией местностях, несомненно, повлиявших на понижение доходов государства в сфере сельского хозяйства. В то же время в приграничной местности сопредельных государств по мере повышения в Российской империи акциза число винокуренных заводов увеличивалось.

Независимо от вышесказанного развитие контрабанды спиртом создавало также благоприятные условия для тайного проникновения в империю и других товаров. Житель пограничной губернии, составлявший костяк контрабандной деятельности приобщался к этому занятию постепен-

но. Главным образом в силу частого соприкосновения с владельцами заграничных заведений, продававших алкоголь. Эти же заведения служили и складами тайного хранения контрабандного спирта. В прямых интересах этих владельцев было спаивание крестьян, чтобы таким путем привлечь к контрабандной деятельности. Постепенно крестьянин под влиянием соблазна легкой наживы становился контрабандистом, совершенно забросив собственное хозяйство.

Значительные экономические потери и пагубные для благосостояния целого края последствия чрезмерного развития контрабанды спиртом вызвали со стороны государственных органов настоятельную потребность неотложного принятия самых решительных мер. Так, после всестороннего обсуждения всех предложений, наиболее целесообразной и эффективной мерой для противодействия контрабанде алкоголем было выбрано направление надежной охраны австрийской и прусской границ посредством увеличения численного состава расположенных на ней частей пограничной стражи.

Радикальной мерой против алкогольной контрабанды с теоретической точки зрения являлось понижение акциза со спирта в пределах приграничной полосы России, чем уничтожилась бы существовавшая разница в ценах на спирт в империи и за границей, а, следовательно, основная причина спиртной контрабанды, лежавшая именно в разнице обложения отечественного алкоголя в сравнении с иностранным. Но понижение акцизного налога в приграничной полосе поставило бы эту местность в привилегированное с остальными губерниями государства положение. Кроме того, понижение в России акциза на спирт в приграничной полосе могло вызвать соответственные меры со стороны правительств Пруссии и Австрии с целью поддержать невыгодное для империи соотношение цен на спирт по обе стороны границы. Вследствие чего установленные в приграничных районах нормы акциза пришлось бы вновь понижать. Таким образом, признав данное предложение трудно осуществимым на практике, единственной эффективной мерой, рассчитанной на устранение причины существования спиртной контрабанды, органы государственного управления видели с одной стороны в конфискационно-карательных, а с другой – предупредительно-охранительных решениях:

установление наказания за тайный переход или переезд государствен-

ной границы – распространением действия Таможенного устава для Царства Польского на весь европейский участок границы Российской империи, так как в таможенном законодательстве имелся пробел в этом отношении;

изменение существовавших правил о подсудности и порядке рассмотрения дел о контрабандных товарах вообще и контрабанде алкоголем в частности. Предлагалось вопрос о конфискации задержанных товаров во всех случаях передавать ведению одних таможенных учреждений с ограничением компетенции суда вопросом о личной ответственности контрабандистов и владельцев контрабандных товаров и сократить число инстанций и процессуальных сроков в порядке административного производства конфискационных дел;

изменение размера награды лицам, принимавшим участие в задержании контрабандного спирта в сторону увеличения и устранения зависимости получения премии за задержание контрабандиста от состоятельности последнего к уплате определенной пени;

изменение размера штрафов за контрабанду алкоголем и усиление ответственности виновных в организации спиртной контрабанды, а также распространения на рецидивистов статей закона за повторное участие в контрабанде;

пересмотр правил об условиях выдачи пограничным жителям «легитимационных билетов» для перехода и переезда границы с целью ограничения свободы передвижения лиц, привлеченных за занятия контрабандой;

обустройство пограничной черты (линии границы) в соответствии с требованиями пограничного надзора. Установка на ней повсюду пограничных столбов, расчистка вдоль границы патрульных дорог, закрытие проезжих дорог, выходящих на нейтральную полосу, постепенное удаление от пограничной черты жилых и всякого рода других строений и вообще устранение условий, благоприятствовавших бесконтрольному переходу границы незаконными путями и способами и затруднявших успешное выполнение чинами пограничной стражи службы по пограничному надзору;

улучшение качественного состава пограничной стражи путем обеспечения материальных условий с целью привлечения и удержания на службе способных, добросовестных и честных людей, а также облегчением порядка перевода в части русской армии из пограничной стражи неблаго-

надежных нижних чинов;

пересмотр инструкции и правил для действий чинов пограничной стражи и правил об употреблении оружия при выполнении служебных обязанностей с целью улучшения способов и приемов пограничного надзора в соответствии с реальными требованиями и поднятия авторитета пограничной стражи в глазах местного населения, а также для самоуверенности действий чинов стражи;

увеличение численности пограничной стражи до количества, обеспечивавшего возможность надежной и эффективной охраны границы.

Кроме того, были подготовлены предложения по усилению акцизного надзора в приграничном районе и установлению новых правил относительно производства, хранения, продажи и провоза алкоголя. Понимая относительную важность и значение вышеуказанных мер, Правительство не могло не понимать того, что все они не обещали значительных результатов в борьбе против контрабанды алкоголем. Поэтому именно в увеличении состава пограничной стражи виделось, прежде всего, решение вопроса о средствах борьбы против спиртной контрабанды.

Принимая во внимание, что спиртная контрабанда причиняла государству ежегодный убыток на сумму до 12 000 000 руб., а для усиления пограничного надзора необходимо было до 3 000 000 руб., то, по мнению Министерства финансов, вышеуказанные меры привели бы к значительному сокращению убытков, не считая увеличения таможенных сборов вследствие уменьшения контрабанды другими товарами.

Исходя из вышеизложенного, Правительством России было принято решение по усилению пограничной стражи. Так, с учетом необходимости усиления на западном участке границы пограничного надзора была создана новая самая многочисленная Ченстоховская бригада пограничной стражи, которая приступала к деятельности с 1 мая 1885 г.

Таким образом, значимость исследования исторического опыта деятельности Российского государства по обеспечению в пограничном пространстве безопасности в настоящее время возрастает, так как угрозы экономическим, политическим, военно-стратегическим и иным интересам в последние годы с еще большей очевидностью стали проявляться непосредственно вблизи государственной границы и в пределах пограничного про-

странства. Вполне очевидно, что современные реалии требуют принципиально нового подхода к защите экономических интересов, рассматриваемой как составной и одной из приоритетных направлений национальной безопасности государства. При этом положительный исторический опыт по обеспечению в пограничном пространстве интересов государства, несомненно, является востребованным и чрезвычайно важным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1.** Концепция формирования системы обеспечения интересов Российской Федерации в пограничной сфере. – М.: Граница, 2005.
- 2.** Гришин М.Л., Губченко В.Н., Дмитриев В.А. и др. Проблемы пограничной политики государства и пути их решения. – М.: Изд. группа «БДЦ – пресс», 2001.
- 3.** **Вохмянина Ю.В.** Структура незаконного производства алкогольной продукции как разновидности преступного бизнеса / Преступность, национальная безопасность, бизнес. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2012.
- 4.** Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 402, оп. 1, д. 256, л. 570.

УДК 631.544:061.62(09)

В. А. Павлюшин, М. М. Левитин

**ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ ВСЕСОЮЗНОГО
(НЫНЕ ВСЕРОССИЙСКОГО) ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ РАСТЕНИЙ**

Постановлением СНК от 25 июня 1929 г. на базе отдела прикладной энтомологии и лаборатории микологии и фитопатологии Государственного института опытной агрономии (ГИОА) в системе Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ) был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт защиты растений (ВИЗР). Перед институтом были поставлены задачи: научные исследования в области защиты растений; выявление закономерностей и постановка прогноза размножения вредителей и болезней растений; разработка систем мероприятий борьбы с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений; разработка методик энтомологических и фитопатологических исследований. При организации института ему был передан Елагин дворец на Крестовском острове Санкт-Петербурга, в помещениях которого до 1941 года находился ряд научных подразделений. С 1941 до 1974 г. институт размещался на ул. Герцена, 42 в доме бывшего Министерства государственных имуществ. В апреле 1974 г. ВИЗР переехал в комплекс зданий в г. Пушкин. В 1941 г. буквально перед войной директором института был назначен Иван Михайлович Поляков – выдающийся деятель сельскохозяйственной науки, видный ученый в области фитопатологии, основоположник отечественной фитотоксикологии.

Началась Великая Отечественная война, и многие сотрудники ВИЗР ушли на фронт. 8 сентября 1941 г. Ленинград оказался в блокаде. ВИЗР оставался в осажденном городе до 16 января 1942г. 10 января было получено распоряжение из ВАСХНИЛ об эвакуации института в г. Котлас Архангельской области. Ответственным за эвакуацию был назначен зам. директора по научной части П.В. Сазонов. Он занимал эту должность с 1941 по 1948 г. На его плечи легла эвакуация института, налаживание деятель-

ности института в местах эвакуации, в организации реэвакуации и восстановления работы института после возвращения в Ленинград. П.В.Сазонов считается одним из крупнейших ученых в области энтомотоксикологии. 16 января 1942 года в институте было издано распоряжение № 4 об эвакуации 40 сотрудников института в г. Котлас. В г. Ленинграде оставалось 8 человек во главе с проф. С.М. Тупеневичем.

Здание института на Исаакиевской площади было освобождено под военный госпиталь, часть оборудования, библиотека и всемирно известный гербарий проф. А.А. Ячевского – «золотой фонд» института были размещены в здании Всесоюзного института растениеводства (ВИР). В подвале Елагиного дворца хранилось большое количество пестицидов, которые в дальнейшем использовали в подсобных хозяйствах. В июне издается приказ № 37 о мобилизации сотрудников для обеспечения защиты растений в г. Ленинграде. Несмотря на тяжелейшие условия блокады, оставшиеся в городе сотрудники института, оказывали посильную помощь производителям сельскохозяйственной продукции. На Исаакиевской площади стали раскапывать огороды, и сотрудники помогали выращивать капусту, а в хозяйствах Приморского и Октябрьского районов города проводили защитные мероприятия по борьбе с вредителями и болезнями овощных культур и картофеля. Были организованы курсы для руководителей хозяйств, агрономов, бригадиров, проводились консультации для индивидуальных огородников. Ежеженедельно, несмотря на тяжелейшие условия блокады, сотрудники обследовали фитосанитарное состояние культур в подсобных хозяйствах. Принимались меры борьбы с блошками на крестоцветных культурах, с капустной молью, с черной ножкой картофеля и другими вредными организмами. В феврале 1943 г. в Ленинграде была организована станция защиты растений. В мае 1943 г. Бюро горкома ВКП(б) приняло решение об ответственности директоров подсобных хозяйств и совхозов за своевременное выявление и подавление очагов вредителей и болезней растений. Была утверждена система профилактических мероприятий по защите овощных культур.

Эвакуация института в Котлас оказалось временной. Это был неудачный пункт для выполнения задач поставленных ВАСХНИЛ и поэтому вскоре институт переехал в Восточный Казахстан в г. Зыряновск. Однако,

некоторые лаборатории, в частности, лаборатория систематики грибов во главе с проф. Н.А. Наумовым до 1943 г. находилась в п. Губино Котласского района. Н.А. Наумов крупнейший ученый фитопатолог, чл.-корр. АН СССР, в течение 19 лет был руководителем лаборатории микологии и фитопатологии. Под его руководством за время нахождения в Архангельской обл. был изучен видовой состав болезней растений Котласского района. Составлена система мероприятий по борьбе с болезнями сельскохозяйственных культур Архангельской области.

Эвакуированная в г. Зыряновск основная часть института приступила к выполнению двух важнейших Правительственных спецзаданий: создание инсектицидов для борьбы со вшами и разработка мер защиты ценнейшего каучуконосного растения кок-сагыза. Для решения первого задания был использован овечий помет, который разгоняли по фракциям и тестировали каждую фракцию на вшах. И действительно, удалось отобрать одну очень эффективную фракцию и тем самым выполнить это спецзадание. Для выполнения второго задания пришлось провести большую работу по изучению вредителей кок-сагыза в Восточном Казахстане, описать более 30 видов вредителей, среди которых жуки, полужесткокрылые, трипсы, двукрылые, прямокрылые, повреждающие эту стратегически важную культуру, и предложить комплекс защитных мероприятий.

В Зыряновске институт пробыл около года, а затем переехал в г. Павловск Алтайского края. В Павловске к ним присоединились сотрудники, которые до этого времени оставались в Котласе. Перед институтом были поставлены следующие задачи:

1. Разработать методы снижения расхода дефицитных инсектоfungицидов и изыскать заменители пестицидов.
2. Изучить состояния вредителей и болезней в освобожденных зонах.
3. Разработать и внедрить эффективные и доступные методы борьбы с вредными организмами.
4. Оказать научно-производственную помощь при внедрении новых агроприемов.
5. Решение вопросов, предлагаемых институту по спецзаданиям.

В условиях, когда не было ни техники, ни агрохимикатов, ни одежды, когда пахать приходилось на коровах, институт успешно выполнял

поставленные перед ним задачи. Были предложены пестициды, созданные на основе побочных продуктов от переработки нефти и отходов Ангорского металлургического завода. Энтомотоксикологи предложили в борьбе с медяницей плодовых культур концентрат зеленого масла – побочный продукт при переработке нефти. Для борьбы с вредителями в восточных областях Сибири был создан препарат № 12. Он был изготовлен из продуктов Ангорского металлургического завода. Предложен противоголовневый препарат 12а. Фитотоксикологи провели производственное испытание «голубого опрыскивания» – 5% бордосской жидкостью и рекомендовали этот прием в борьбе с болезнями плодовых культур. Из-за отсутствия протравителей был испытан и рекомендован для протравливания семян против головни проса 10% раствор суперфосфата и раствор известково-серного отвара.

Микологами была охарактеризована алтайская микофлора, фитопатологами изучены гельминтоспориозы яровой пшеницы, оценена роль севооборота и зяблевой вспашки как мощных факторов в борьбе с корневыми гнилями. Н.А. Наумов составил Определитель болезней культурных растений (сдан в ВАСХНИЛ в 1944 г.), а К.М. Степанов создавал новое направление в фитопатологии – эпифитотиологию. Проводилась иммунологическая оценка многих сортов пшениц к ржавчине и головне, разрабатывались меры борьбы с вирусными болезнями растений.

Небольшая лаборатория зоологии в составе проф. Б.Ю. Фалькенштейна и одного младшего научного сотрудника разработали приманочные методы борьбы с грызунами. Инструкция по применению приманок из люцерны и клевера для борьбы с грызунами была передана Наркомзему СССР.

Лаборатория биометода разработала метод борьбы с червецом-комстока – опасным вредителем шелковицы. Из Дагестана был завезен Симферобиус – хищник червца-комстока. Он был размножен, прижился, а затем эффективно использовался на деревьях шелковицы. Часть сотрудников института, занимающихся разработкой биологического метода борьбы с вредителями растений, была эвакуирована в Среднюю Азию. Под руководством проф. Н.Ф. Мейера они приняли активное участие в организации и проведении мероприятий по защите зерновых культур от вредной черепашки. Для борьбы с ней был использован яйцеед теленомус, опыт массо-

вого разведения которого был накоплен ранее. Сотрудники Джамбульского опорного пункта и института организовали ряд колхозных биолaborаторий, в которых нарабатывали в больших количествах теленомуса и успешно применяли его в борьбе с вредной черепашкой. После войны эти разработки получили дальнейшее развитие и применялись в других регионах страны.

В течение всего военного периода в институте работала аспирантура. В 1943–1944 гг. в аспирантуре института (по архивным данным) обучались более 10 человек. В эти годы были приняты новые аспиранты, в их числе Т.М. Мокеева, проводившая исследования по разработке модели динамики популяций грызунов и принципов прогнозирования их численности, В.И. Потлайчук, в последующем доктор наук и известный ученый по болезням плодовых культур, О.П. Камышко – впоследствии крупный специалист по почвенным патогенам. В годы войны в аспирантуре учились И.Д. Шапиро и В.А. Шапиро – в будущем известные специалисты в области иммунитета растений к вредителям и биологической защиты.

По мере освобождения от оккупации территорий страны восстанавливалась работа станций института. В 1944 г. стали функционировать Воронежская, Ростовская, Краснодарская станции института, Михайловский опорный пункт ВИЗР в Кировоградской области Украины. Фитосанитарная обстановка на полях была ужасающей. За годы немецкой оккупации увеличилась засоренность полей, численность вредителей и зараженность растений болезнями, в то же время отсутствовали средства борьбы с вредными организмами, уничтожен был парк машин для обработки растений. Воронежская станция ставит тему: «Составление системы мероприятий по борьбе с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений в освобожденной от немецких захватчиков районах». Составляется прогноз развития вредителей и болезней на 1945 г. и соответствующие агроуказания. Сотрудники станции участвуют в областном агрономическом совещании, в областном совещании передовиков урожайности. Выходит из печати брошюра по просяному комарику и две статьи в газете по борьбе с головней хлебов.

На Ростовской станции начинают проводить оценку устойчивости сортов овса к головне, пшеницы к бурой ржавчине, ячменя к карликовой ржавчине.

Славянская станция ВИЗР на Кубани сообщает, что в результате ок-

купации размножились калифорнийская щитовка, яблоневая моль, долгоносики, листовертки, парша яблони. На полях массовое распространение мышевидных грызунов, ржавчины, головни. В связи с этим ставится тема: «Мероприятия по борьбе с вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур в освобожденной зоне».

Михайловский опорный пункт сообщает, что вследствие большой засоренности полей за годы немецкой оккупации значительно возросла численность свекловичного долгоносика, увеличилась вредоносность свекловичной блохи. Недостаточная оснащенность химией и техникой выдвигает на первый план борьбы с вредителями использование кур на всех полях севооборота.

В послевоенный период наступает важный этап развития исследований ВИЗР, которые приобретают новую концептуальную основу, базирующуюся на системном принципе формирования комплексных мероприятий с учетом реконструирования отечественного растениеводства, усиления экологичности всех блоков систем, изменений в составе вредной фауны и флоры агробиоценозов. В работе все больше начинают развиваться биоценологические аспекты. Усиливаются связи института с научными учреждениями АН СССР – Ботаническим институтом им. В.Л. Комарова, Зоологическим институтом, Главным ботаническим садом АН СССР, устанавливаются тесные научные контакты с МГУ и ЛГУ.

Необходимо было придать новый импульс в развитии исследований в области химических средств защиты растений. С середины 50-х годов ВИЗР приступает к оценке пестицидов для защиты растений. В институте создаются лаборатории новых ядов (рук. Д.М. Пайкин) и гербицидов (рук. Н.А. Шипинов). 20 января 1960 г. издается Постановление ЦК КПСС и Совета министров № 85–30 «О развитии производства химических средств защиты сельскохозяйственных культур в 1960–1965 гг.». Согласно Постановлению при МСХ СССР была организована Государственная комиссия по химическим средствам борьбы с вредителями, болезнями растений и сорняками. В развитии этого Постановления ВАСХНИЛ издает приказ об организации токсикологических лабораторий, руководство которыми было возложено на ВИЗР. К началу 1961 г. в различных зонах страны были сформированы 43 токсикологических лабораторий.

С 1946 г. расширяются исследования по выявлению видового состава и хозяйственного значения патогенов. В этой работе нужно отметить многих ученых ВИЗР: Н.А. Наумова, М.К. Хохрякова, Н.С. Новотельнову, В.И. Потлайчук, В.В. Котову, Т.И. Захарову, О.П. Камышко, М.А. Элбакян, М.Ю. Степанову и др. В процессе работы были описаны новые заболевания, среди которых – милдью и белая ржавчина подсолнечника, церкоспореллез зерновых, афаномицетная корневая гниль зернобобовых и др. Под руководством проф. К.М. Степанова с участием А.Е. Чумакова, И.И. Минкевича, Н.А. Шибковой, Р.И. Щекочиной разрабатываются принципы и методы долгосрочного и краткосрочного прогноза болезней, прежде всего ржавчины и мучнистой росы пшеницы, фитофтороза картофеля и др. Одновременно была продолжена работа по районированию территории страны на основе проявления вредоносности наиболее опасных возбудителей болезней растений.

Институт включается в широкое изучение расового состава ржавчинных грибов и совершенствование мер защиты посевов пшеницы от заболевания (В.В. Шопина). Усиливаются исследования генотипического состава популяций фитофторы (М.В. Патрикеева). Устанавливаются теснейшие связи лаборатории иммунитета к болезням с селекционными учреждениями страны (Т.И. Федотова).

В конце 40-х – начале 50-х годов на юге страны произошло массовое размножение вредной черепашки. Организуется несколько крупных экспедиций по изучению вредителя и нахождению надежных методов защиты зерновых культур от вредной черепашки. В исследованиях участвовали многие специалисты института: Е.М. Шумаков, Д.М. Пайкин, П.В. Сазонов, М.П. Шабанова, В.А. Щепетильникова, А.А. Евлахова, Г.А. Чигарев, П.Ф. Менде, К.В. Новожилов, С.В. Андреев, Н.М. Виноградова, Т.А. Шехурина, Н.Г. Лесовая, Н.М. Гампер, К.А. Панафидин, К.В. Каменкова, Л.Е. Степаненко и др. Всесторонне были изучены биологические особенности черепашки, роль различных энтомофагов в размножении вредителя, разработана система борьбы с вредителем.

В 1956–1960 гг. в Северном Казахстане произошло массовое размножение зерновой совки. Для разработки мероприятий по защите посевов пшеницы организуется комплексная экспедиция ВИЗР под руководством

К.В. Новожилова (с 1960 г. К.В. Новожилов зам. директора по научной работе, видный ученый в области экологической энтомотоксикологии, доктор наук, профессор, академик РАСХН, заслуженный деятель науки РФ, с 1971 по 1998 г. директор ВИЗР). В экспедицию входили сотрудники всех ведущих лабораторий института. За короткий срок были выполнены важные исследования и получен обширный материал, раскрывающий направленность процессов формирования вредной и полезной фауны на вновь осваиваемых землях и разработана система мероприятий по защите посевов пшеницы от зерновой совки. Многие ученые были награждены медалью «За освоение целинных земель».

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о ведущих ученых Института – участниках Великой Отечественной войны.

Евгений Маркович Шумаков (1910–1997) – энтомолог, эколог, доктор биологических наук, профессор. Внёс значительный вклад в изучение экологии стадных саранчовых, разработку мер борьбы с особо опасными вредителями (вредная черепашка, совки, листовёртки и другие). Создатель принципиально новых направлений в защите растений: химическая стерилизация и разведение насекомых на искусственных средах, изучение феромонов и гормонов насекомых. С 1941 по 1946 находился в зенитно-артиллерийской части Ленинградского фронта. Награжден Орденами Отечественной войны I и II степени, медалями «за боевые заслуги» и «оборону Ленинграда» и др.

Михаил Кузьмич Хохряков (1905–1990) – известный миколог и фитопатолог, доктор биологических наук, профессор, прошел от Ленинграда до Берлина в составе Второй гвардейской танковой армии. В начале войны добровольно вступает в ряды народного ополчения Ленинграда, принимает участие в оборонных работах. С июля по 15 сентября 1941 г. роет траншеи в окрестностях города и области. В июле 1942 г. его призывают в армию рядовым. Когда выяснили, что Хохряков как бы «врач растений», его определили санитаром в походный госпиталь. Так Михаил Кузьмич стал бойцом бактериологической лаборатории госпиталя. Позже его командировали в Москву на переквалификацию с миколога на микробиолога и присвоили звание майора медицинской службы. М.К. Хохряков становится начальником подвижной лаборатории санитарно-эпидемиологического отряда Вто-

рой гвардейской танковой армии, задача которого состояла в профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями. В составе Второй гвардейской танковой армией М.К. Хохряков дошел до Берлина. Имеет много боевых наград. После демобилизации в феврале 1946 г. возвращается в ВИЗР.

Илья Яковлевич Поляков (1912–1992) – зоолог, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор сельскохозяйственных наук, профессор. Более 40 лет руководил лабораторией прогнозов размножения массовых вредителей (в настоящее время – лаборатория фитосанитарной диагностики и прогнозов), основатель отечественной школы прогнозистов в защите растений. С 1941 по 1946 находился в рядах Красной Армии. Воевал на Ленинградском фронте в зенитно-артиллерийском полку и награжден «Орденом Отечественной войны II степени», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и многими другими.

Геннадий Владимирович Гусев (1922–1986) – известный специалист в области биологической защиты растений. В ноябре 1940 г. его призывают в армию. Служит в Ленинградском военном округе, на Карельском перешейке. Там его застаёт война. Осенью 1941 года – весной 1942 года принимает участие в боях на Невском пятачке. Этот плацдарм на левом берегу Невы был одним из самых напряженных и кровопролитных территорий Ленинградской области. Тысячи погибших, горы тел которые служили своего рода укрытием для живых. Весной 1942 года связист Гусев был тяжело ранен. После госпиталя и последующей вынужденной демобилизации он возвращается на учебу в Московский университет на биологический факультет. В 1967 г становится руководителем лаборатории биометода в ВИЗР. Награжден орденом Отечественной войны I степени и 10 медалями.

Тамара Семёновна Гладкина (1919–2011) зоолог и эколог, доктор биологических наук. С 1941 по 1945 годы находилась в армии на Ленинградском и Белорусском фронтах. Старший лейтенант медицинской службы. Более 40 лет работала в лаборатории прогнозов распространения вредителей сельскохозяйственных культур под руководством профессора И. Я. Полякова. Ее труды в области прогнозов распространения грызунов стали классическими в сельскохозяйственной териологии.

Александр Александрович Бенкен (1925–1986) пришел в ВИЗР в 1956 г. после окончания Ленинградского государственного Университета.

Но, в 1943 г. был призван в ряды Советской Армии, участвовал в Великой Отечественной войне, а затем до 1950 г. служил в группе Советских войск в Германии.

Можно вспомнить еще многих сотрудников института, участвовавших в Великой Отечественной войне, беззаветно служивших своей родине. Среди них Хомякова Валентина Осиповна, энтомолог лаборатории фитосанитарной диагностики и прогнозов. Во время войны, будучи еще совсем молоденькой девушкой, она на грузовике перевозила людей по Дороге жизни, спасая многие человеческие судьбы.

Надо отдать дань глубокого уважения и признательности ученым ВИЗР за их нелегкий труд в военные и послевоенные годы (фото).

первый ряд (слева направо): Ликвентов А.В., Гусев Г.В., Хохряков М.К., Шумаков Е.М., Поляков И.Я.; второй ряд (слева направо): Велецкий И.Н., Панафидин К.А., Чумаков А.Е., Быковский В.А., Воеводин А.В.

УДК 94(47).084

С. Б. Ульянова

**ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ
СОВЕТСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ДИСКУРСА
(1920-е – 1930-е гг.) ***

Создание и развитие современной промышленности представляло собой один из самых масштабных политических проектов в советской истории. Начиная с принятия плана ГОЭЛРО в 1920 г., партия большевиков использовала индустриальный дискурс для укрепления своей власти. РКП(б) объявила себя «партией пролетариата», которая действует в крестьянской стране, поэтому рост пролетариата, неразрывно связанный с восстановлением и реконструкцией промышленности, соответствовал избранному ими имиджу. Советская программа форсированной индустриализации в годы первой пятилетки представляла собой своеобразное сочетание политического и экономического, элитарного и массового, романтического и мобилизационного аспектов. Важную роль в ней играло создание «атмосферы осажденной крепости», формирование в широких массах идеи о необходимости «крепить военную мощь страны Советов».

Различным проблемам советского индустриального модернизационного проекта посвящена обширная отечественная и зарубежная литература [1, с. 2–4; 2, с. 239–315; 3]. Историки изучают взгляды отдельных большевистских вождей на проблемы развития промышленности, форсированной индустриализации и т.п., отмечают, что промышленный вопрос занимал существенное место во внутрипартийных дискуссиях [4; 5; 6]. Р. Дэй показал, что для Л.Д. Троцкого, например, проблемы организации промышленного производства были схожи с проблемами военного строительства, и даже сугубо хозяйственные вопросы (например, борьба за качество промышленной продукции) преподносились как политически значимые [7].

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект «Советский индустриальный политический проект: подготовка и начало реализации (1920—1932 гг.)» (№ 15-01-00383)

Традиционно большой интерес исследователей вызывают экономические аспекты советской индустриализации [8, с. 218-228; 9; 10; 11; 12, р. 221-258]. По мнению многих из них, промышленное развитие России было основано на формировании государством принципов и институтов, замещающих необходимые условия роста, характерные для западных экономик. Военно-стратегические аспекты индустриальных программ в СССР освещены в работах Н.С. Симонова, О.Н. Кена, Л. Самуэльсона, В.Н. Абрамова.[13; 14; 15].

И с экономической, и с политической точки зрения целесообразность советского индустриального проекта основывалась, прежде всего, на формировании и развитии мощного военно-промышленного комплекса. Этот императив был сконструирован, закреплён и легитимизирован с помощью публичного дискурса [16, с. 13]. Источником составлявших его устных и письменных текстов были, в основном, представители политической элиты.

Примечательно, что индустриальный дискурс проявлялся в речах, статьях, официальных документах, лозунгах и пр., создававшихся по различным информационным поводам. Так, идея о взаимосвязи промышленного роста с обороноспособностью страны нашла отражение в утверждавшихся ЦК РКП(б) / ВКП(б) лозунгах к годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции. Например, в 1924 г. партия призывала рабочего: «Повышая производительность труда – усиливай боевую мощь мировой революции» [17, л. 49]. А в 1927 г. юбилейные лозунги пугали людей «военной угрозой», связанной с разрывом англо-советских дипломатических отношений: «Мировая буржуазия грозит пролетариату новой войной. Все как один против империалистской войны, на защиту завоеваний Октября!»; «Наш ответ империалистам всех стран – усиление военной подготовки рабочих и крестьян, укрепление боеспособности Красной армии и флота»; «Рабочие и крестьяне, в десятую годовщину Октября, помните о военной опасности, изучайте военное дело, вступайте в ОСО-Авиахим, крепите оборону Советского Союза» и пр. [18]. Эти призывы нагнетали напряженность в советском обществе, создавали ощущение неизбежности конфликта. Страна оказалась в ситуации «имитации войны».

«Военная тревога» повлияла и на советское мобилизационное планирование, в том числе на разработку нового пятилетнего плана развития вооруженных сил и подготовки промышленности, тем более что восстано-

ление мощностей военно-промышленных производств по состоянию на начало 1927 г. в СССР, в лучшем случае, было завершено наполовину [19; 14]. Впрочем, Л. Самуэльсон, исследуя становление военно-промышленного комплекса в СССР, отмечает, что толчком к перевооружению послужила не военная тревога 1927 г., а конкретная угроза войны в конце 1931 г. В 1927 г. советские военные лидеры видели необходимость лишь в создании общей структуры современной оборонной промышленности [20; 15].

Еще до 1927 года военные аспекты индустриализации были обозначены в ходе кампании в поддержку Воздушного флота (1923 г.).

Идея проведения кампании возникла в военной среде, а ее инициатором выступил Л.Д. Троцкий (именно ему проблемы военной авиации были ближе и понятнее, чем другим политикам). 15 февраля 1923 г. в «Известиях» нарком по военным и морским делам СССР опубликовал статью «Перед вторым пятилетием Красной армии». В ней Л.Д. Троцкий заявил о необходимости поставить военную промышленность в особо благоприятные условия, причем акцент сделал на развитии авиации: «Этот род оружия и эту отрасль промышленности мы должны на ближайший год поставить в центре внимания всей страны. Это тем более осуществимо, что в области авиации чисто военные потребности плотнее и непосредственнее всего сочетаются с хозяйственно-культурными интересами страны. Авиация есть наиболее высокий, наиболее современный способ преодоления пространства. Перед ней неизмеримое будущее».

Лозунг, провозглашенный Л.Д. Троцким, – «Энтузиазм помножить на искусство и численность – на технику» – был подхвачен и стал лозунгом масштабной агитационной кампании в поддержку Воздушного флота. 2 апреля 1923 г. Общество Друзей Воздушного Флота (ОДВФ) обратилось ко всем гражданам СССР с призывом «Пролетарий – на самолет!» Большая часть обращения была посвящена важности авиации в народном хозяйстве (транспортное средство, помощь сельскому хозяйству и т.п.), менее подробно говорилось о ее значении в современной войне [21, с. 234–236]. В том же духе была выдержана и статья председателя агитационной секции ОДВФ, начальника Политуправления РВС В.А. Антонова-Овсеенко, опубликованная в журнале «Коммунистическая революция» 1 июня 1923 г. Но в ней акцент делался уже на военный аспект проблемы [22, с. 12].

Статьи Л.Д. Троцкого, В.А. Антонова-Овсеенко, обращение Общества Друзей Воздушного Флота наметили основные установки агитационно-политической кампании, в рамках которой проводились доклады, лекции, живые газеты, издавались плакаты, листовки, популярные книги и брошюры. Самой яркой частью кампании стала проводившаяся в начале июня 1923 г. Неделя Воздушного флота.

На средства, собранные населением, было построено 55 боевых самолетов и заказано еще 65 (всего за 1923/24 хозяйственный год на отечественных авиационных заводах было построено около 200 машин, а к началу 1926 г. на вооружении РККА имелось 694 самолета) [23, с. 8; 24, с. 156]. Но, пожалуй, самый важный результат состоял в формировании позитивного базового консенсуса в отношении советского «авиационного проекта».

Яростная полемика относительно индустриальных перспектив СССР развернулась между большевистскими вождями в ходе внутривнутрипартийной борьбы. Вопреки обыденным представлениям о том, что основным ее содержанием было стремление отдельных политиков к безоговорочному лидерству, можно утверждать, что в 1923–1928 гг. сталкивались различные экономические программы, различное видение того курса, которым должна двигаться страна (что совсем не исключает значения личных амбиций И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева и др.).

Так, например, пытаясь осмыслить «кризис сбыта» 1923 года, Е.А. Преображенский выдвинул лозунг «диктатуры промышленности», считая именно ее ведущим началом народного хозяйства, обозначил проблему планирования развития государственного промышленного комплекса [25, с. 32]. Таким образом, в центре политической дискуссии оказался вопрос о том, что является ведущим началом в советской экономике – промышленность или сельское хозяйство?

Спустя короткое время внутривнутрипартийная дискуссия сосредоточилась на проблеме поиска источника капиталов для реконструкции промышленности. К 1925 г. восстановление народного хозяйства в основном завершилось. Для дальнейшего индустриального рывка требовались огромные средства. Причем, как отмечал М.М. Горинов, если оборот капиталов в легкой промышленности был быстрым, то при развертывании тяжелой промышленности (а именно эту задачи советские политические лидеры счита-

ли первоочередной, исходя из геополитических и военных реалий) отдачи можно было ждать лишь через 5–6 лет [26, с. 7].

Обширную полемику вызвала теория «основного закона социалистического накопления» Е.А. Преображенского, в которой он указывал, что победа революции в России, стране отсталой в технико-экономическом отношении, находившейся во враждебном капиталистическом окружении, могла быть закреплена только на основе ускоренной индустриализации, которая требовала мобилизации всех ресурсов страны [27].

На общегосударственном уровне идея индустриализации получила толчок после XIV съезда ВКП(б). В резолюции съезда по отчету ЦК отмечалось: «Относительная стабилизация и так называемое «замирение» Европы под гегемонией англо-американского капитала привели к целой системе экономических и политических блоков, последним из которых является конференция в Локарно и так называемые «гарантийные договоры», острием своим направленные против СССР. Эти блоки и договоры <...> означают по сути дела не что иное, как расстановку сил для новой войны». Учитывая это, съезд потребовал «вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратилась в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял собой самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически и способную благодаря своему экономическому росту служить могучим средством революционирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний» [28, с. 427].

На XV съезде ВКП(б) при обсуждении директив к составлению первого пятилетнего плана было заявлено: «Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время» [29, с. 276].

И.В. Сталин, который еще в середине 1920-х гг. не имел четкой индустри-

стриальной программы, в годы первой пятилетки (1927/28 – 1932 гг.) неоднократно в своих статьях и речах высказывался за высокие темпы, обосновывая их необходимость именно военными соображениями [30, с. 245–246].

В 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) В.М. Молотов в докладе о третьем пятилетнем плане заявил, что, благодаря усиленному развитию тяжелой промышленности, «мы заставили наиболее агрессивных империалистов в отношении СССР быть посмирнее» [31, с. 284–285]. Военная мощь страны по-прежнему являлась важнейшей характеристикой индустриального дискурса.

Подводя итоги, можно сказать, что в советском обществе в начале 1930-х гг. сложился определенный «индустриальный консенсус». В отличие от начала XX века, когда необходимость ускоренной индустриализации отрицалась многими социальными группами, в годы первых пятилеток идея форсированного превращения СССР в индустриальную державу не вызывала возражений, несмотря на крайне высокую цену этой модернизации. Это обстоятельство сыграло существенную роль в годы Великой Отечественной войны, когда, образно говоря, «Магнитка победила Рур».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Антоненко С.** План ГОЭЛРО: Образ опережающей модернизации // Родина. 2011. № 1. С. 2–4.
2. **Коткин С.** Новые времена : Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия: Сб. ст. – СПб. : Летний сад, 2001. – С. 239–315.
3. **Мухин М.Ю.** Авиапромышленность СССР в 1921-1941 гг. – М.: Наука, 2006. – 320 с.
4. **Горелов О.И.** Цугцванг Михаила Томского. Штрихи к портрету – М. : РОССПЭН, 2000. – 288 с.
5. **Коэн С.** Бухарин: Политическая биография. 1888-1938. – М.: Прогресс, 1988.
6. **Сахаров В.А.** «Политическое завещание» Ленина : реальность истории и мифы политики. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 713 с.
7. **Дэй Р.** Лев Троцкий и политика экономической изоляции. – М.: Дело, 2013. 469 с.
8. **Эллман М.** Советская индустриализация : выдающийся успех? // Экономическая история. – Обозрение. 2007. №. 13. С. 218–228. (<http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB13/ellman.pdf>)
9. **Аллен Р.С.** От фермы к фабрике : новая интерпретация советской промышленной революции. – М. : РОССПЭН, 2013. – 389 с.
10. **Грегори П.** Политическая экономия сталинизма. – М.: РОССПЭН, 2006. 400 с.
11. **The economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / R. W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft (ed.).** – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1994. – 381 p.

12. **Fischer S.** Russia and the Soviet Union Then and Now // The Transition in Eastern Europe. – Vol. 1. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1994. – P. 221–258.
13. **Кен О.Н.** Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). – СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2002. – 472 с.
14. **Симонов Н.С.** Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е гг. : темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. – М. : РОССПЭН, 1996. – 333 с.
15. **Самуэльсон Л.** Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. – М. : АИРО-XX, 2001. – 294 с.
16. **Тён А. ван Дейк.** Дискурс и власть : Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 344 с.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 60. – Д. 413.
18. Правда. – 1927. – 26 октября.
19. **Кен О.Н.** Мобилизационное планирование в контексте внутренней политики и международного положения СССР (1927–1935 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / О. Н. Кен. – СПб., 2003. – 36 с.
20. **Самуэльсон Л.** Танкоград: секреты русского тыла. 1917–1953. – М.: РОССПЭН, 2010. – 375 с.
21. **Попов Т.Т.** К истории советских общественных организаций (Сб. архивных документов) / Т. Т. Попов, Д. Т. Субботин. – М.: Высшая школа, 1970. – 440 с.
22. Коммунистическая революция. – 1923. – № 10. – С. 3–14
23. Самолеты страны Советов : Сб. / под ред. Б.Л. Симакова. – М. : ДОСААФ, 1975. – 263 с.
24. **Симонов Н.С.** «Крепить оборону страны Советов» // Отечественная история. 1996. № 3. С. 155–161
25. **Преображенский Е.** Экономические кризисы при нэпе. Стенограмма доклада, читанного в Социалистической академии 1 ноября 1923 г. – М.: Соц. академия, 1924. – 51 с.
26. **Горинов М.М.** Альтернативы и кризисы в период нэпа // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 3–18
27. **Преображенский Е.А.** Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. – Т. 1. – М. : Ком. академия, 1926. – 336 с.
28. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 3. – 1922–1925. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1984. – 494 с.
29. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 4. – 1926–1929. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1984. – 575 с.
30. **Сталин И.В.** Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б) // Сочинения. – Т. 11. – 1928 – март 1929. – М. : Госполитиздат. – С. 245–290
31. XVIII съезд ВКП(б). 10–21 марта 1939 г. : Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1939. – 742 с.

УДК 94(47)084.9"193"

А. А. Хлевов

И. В. СТАЛИН И МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: РАССТАНОВКА АКЦЕНТОВ

70-летие Победы отмечается на фоне существенных перемен в международной обстановке, корректировки геополитического курса Российской Федерации, пересмотра стратегических приоритетов и существенной редакции списка вызовов и внешних угроз. И, хотя этот процесс объективно перманентен, не вызывает сомнения известная исключительность переживаемого момента: вероятно, ближайшие аналогии могут быть найдены лишь в событиях эпохи деконструкции Советского Союза.

На этом фоне особый интерес представляет послевоенный период истории СССР и оценка деятельности высшего руководства страны и Вооружённых сил по обеспечению национальной безопасности в кардинально меняющихся условиях.

Ситуация, в которой оказалась страна в 1945 г., была в целом беспрецедентна. С одной стороны, в активе была победа над Германией, колоссальный рост боевых возможностей армии (прежде всего сухопутных войск и авиации), накопление серьёзного тактического и стратегического опыта. Нет ни малейшего сомнения в том, что Красная Армия образца 1945 г. не имела себе равных в проведении операций фронтового масштаба. Единственная армия, которую можно было в тот момент с ней сравнить – американская – к тому времени имела в своём активе либо десантные операции на островах Тихого океана, либо организацию на европейском театре наступлений, не идущие ни в какое сравнение с масштабами битв Восточного фронта. К тому же, как показал опыт сражения в Арденнах, при малейшем серьёзном сопротивлении наступление союзников фактически захлабывалось. В этом контексте, кстати, приходится признать, что открытие второго фронта в Европе ранее 1944 г. для войск союзной коалиции в са-

мом деле являлось бы техническим самоубийством. О британской армии, как и об армиях доминионов, разумеется, говорить как о сопоставимой с Красной Армией самостоятельной силе не приходилось.

Как известно, благодаря постоянно иницируемой И. В. Сталиным чрезвычайно интенсивной работе как само производство военной продукции, так и НИОКР находились на высоком уровне. На вооружении стояли многочисленные передовые образцы военной техники, и гораздо более солидные разработки либо запускались в производство, либо готовились к нему. Маховик военной машины Красной Армии и оборонной промышленности, привыкший за два с лишним года непрерывного наступления к постоянному движению, был остановлен в определённой мере искусственно – впрочем, как это обычно и бывает с армиями великих держав в конце больших войн.

Качество операторов этой техники и командного состава, всей системы управления войсками, а также само по себе оперативно-тактическое искусство находились к концу войны на весьма высоком уровне. Красная Армия научилась достаточно эффективно воевать, и в 1944–1945 гг. гарантированно решала все возникавшие задачи на полях сухопутных сражений. Непосредственно после капитуляции Германии советские ВС на европейском, да и на азиатском ТВД представляли собой неоспоримую силу, обладавшую инерционной мощью, которой бывшие союзники не были в состоянии что-либо противопоставить, возникни у них такое желание.

Пассив, однако, впечатлял не меньше. За спиной Красной Армии находилась страна с разорённой промышленностью, разрушенной инфраструктурой, подорванным и неэффективным сельским хозяйством. По оценкам ЦСУ Госплана СССР, общий экономический ущерб, нанесённый стране (с учётом прямых и косвенных потерь), примерно в 14 раз превышал все инвестиции в народное хозяйство за все довоенные пятилетки вместе взятые [1, с. 192]. Как образно отметил в начале 60-х в одной из своих последних речей президент США Дж. Ф. Кеннеди, потери СССР в войне были примерно эквивалентны потере США всех территорий к востоку от Чикаго.

Любые репарации и конфискации имущества побеждённых противников даже в малой степени не могли компенсировать беспрецедентный

понесённый ущерб в краткосрочной перспективе. Существенный эффект могли дать (и давали) лишь прямые заимствования технологий и опытно-конструкторских разработок инженеров Германии, вывоз в СССР конструкторских кадров.

В целом главной чертой военно-политической обстановки последнего сталинского периода (1945–1953) стала кардинальная смена расклада сил на мировой арене с далеко идущими последствиями. США, длительное время проводившие сознательно изоляционистскую политику, в кратчайший срок сосредоточили в своих руках как финансово-промышленную, так и военно-стратегическую инициативу в глобальном масштабе. Прежний лидер, Великобритания, фактически уже в 1940–1942 гг. стала стратегическим подразделением американских сил и самым крупным штатом Америки, органично встраиваясь в новый миропорядок. Европе же, благополучно самоистребившей собственные силы в шестилетней внутренней войне, в самостоятельной роли в новом мироустройстве было фактически отказано.

Совокупный потенциал сил, противостоящих СССР, определялся в послевоенные годы, разумеется, почти исключительно возможностями англо-американской военной промышленности, поскольку в силу объективных и субъективных причин остальные европейские страны оказались в основном выключены из этого соревнования. Приведём лишь одну строку статистики, дающую представление о масштабах проблемы. СССР за годы войны произвёл 157 тыс. самолётов всех типов. За этот же период в США было выпущено 324 750 самолётов, в Великобритании – 131,5 тыс., в странах Британского Содружества – ещё 19,5 тыс. самолётов. Арифметическое трёхкратное превосходство «англо-саксонского мира» дополнялось ощутимым превосходством в технологиях и общей технической культуре. Так, с июля 1944 в Великобритании находились на вооружении реактивные истребители, применение автопилота всю войну было нормой и в стратегической, и в ближней бомбардировочной авиации, а парное, бок-о-бок, расположение пилотов и бортовые туалеты делали боевую работу даже на обычных двухмоторных машинах вполне комфортной. Заметим, что мы коснулись лишь одной точки противостояния двух военных систем, а было и множество других. Так, количество кораблей всех типов только в ВМС США в 1945 г. составляло примерно 68 000, а судостроительная промыш-

ленность обладала принципиально несопоставимым с СССР потенциалом. Для сравнения, 10-летняя программа развития отечественного флота, принятая в 1945 г., предусматривала постройку 1811 боевых подводных и надводных кораблей и 3759 вспомогательных и гражданских судов.

Важнейшим фактором было появление ядерного оружия и наличие у США флота бомбардировщиков для его доставки; это оружие в ближайшей перспективе (несколько лет) могло быть применено в достаточно массовых масштабах, а СССР до конца 1940-х гг. таковым не располагал.

Из этого проистекало, прежде всего, явное смещение приоритетов военного строительства и военной идеологии. Если до войны и в ходе неё Сталину противостоял принципиально аналогичный противник (концепция вооружённых сил Германии была в целом сопоставима с советской и исходила из близких установок), то теперь требовалась коренная смена парадигмы. В традиционной общевойсковой войне любого масштаба у англо-американского блока шансов на успех практически не было; в масштабной войне «через океан», с задействованием стратегической авиации и ВМФ, к нулю стремились уже шансы СССР. Известная из античной истории классическая ситуация асимметричного противостояния Афин и Спарты в Пелопоннесской войне в очередной раз повторилась – но уже в глобальном масштабе.

При общей патовости положения в военной сфере резкая разница между блоками в промышленном потенциале и отсутствие у СССР ядерного оружия вновь «обеспечивали» Сталину позицию догоняющей стороны. В краткосрочной перспективе положение Советского Союза было хуже, чем перед войной: если в 1930-е гг. можно было рассчитывать на относительный качественный паритет в военной технике и на существенное количественное превосходство, «давить массой», то теперь о количественном перевесе говорить не приходилось. Как показал послевоенный и послесталинский опыт, отчётливое превосходство в численности СССР удалось реализовать лишь всё в тех же сухопутных силах и бронетехнике.

При этом угроза превращения «холодной войны» в войну горячую – по инициативе США – была вполне реальной и несколько раз могла реализоваться: «...сразу же после окончания второй мировой войны американское военное командование и Объединенный Комитет начальников штабов

стран Северо-Атлантического блока разрабатывали варианты военно-стратегического плана ведения боевых действий против СССР и его восточно-европейских союзников с применением ядерного оружия и больших масс войск. Это – планы под кодовым названием «Тоталити» (1945 г.), «Троуджэн» (1948 г.), «Троян» и «Оффтэкл» (1949 г.). Наиболее зловещую известность приобрел план «Дропшот», утвержденный президентом США в конце 1949 года. В нем начало войны против СССР ориентировочно намечалось на 1 января 1957 года. Предполагалось, что к моменту нападения стратегический арсенал США будет насчитывать не менее 300 атомных бомб и 840 бомбардировщиков дальнего радиуса действия. СССР же, по расчетам разработчиков плана, имел бы в то время в лучшем случае 200 стратегических бомбардировщиков и ни одной единицы ядерного оружия» [1, с. 191]. Как было однажды сказано, эти годы были временем «безудержного оптимизма» для американских стратегов.

Именно поэтому показательны усилия, предпринятые Сталиным в те несколько лет, которые были отведены ему после войны.

Важнейшим решением была оптимизация расходов на оборону в соответствии с принципами разумной достаточности. Бюджетные ассигнования на ВПК сократились в три раза в 1945–1947 гг., в четыре раза была сокращена за тот же период численность армии. Основные средства перенаправлялись на восстановление и модернизацию промышленности в целом. Приоритетное внимание уделялось внедрению технических новинок: планами предусматривалось рассмотрение и оценка порядка 225 тыс. патентов, имеющих преимущественно немецкое и американское авторство.

Вместе с тем, катастрофическое состояние промышленности и финансов приводило к регулярному недовыполнению планов производства как гражданской, так и военной продукции. Позитивные тенденции наметились в отечественной экономике лишь в 1948–1949 гг.

Однако достаточно чётко сформулированные приоритеты позволили добиться ощутимых результатов. Концентрация сил на ядерном проекте и создании реактивной истребительной и действенной стратегической авиации являлись, вне всякого сомнения, абсолютно верными в создавшейся ситуации. Единственным сдерживающим фактором в противостоянии с США и Великобританией, монополизировавшими владение ядерным ору-

жием, могло быть создание собственных ядерных зарядов в количестве хотя бы нескольких десятков и, самое главное – собственных мощностей, способных существенно наращивать выпуск ядерных зарядов в перспективе. Именно решение этой задачи создало предпосылки для отказа от планирования американским генералитетом прямой бомбовой атаки СССР на рубеже 1940–1950-х гг. Отметим попутно, что инсинуации по поводу якобы непонимания Сталиным роли ядерного оружия в годы войны, а также советской атомной бомбы, являющейся будто бы результатом исключительно шпионских усилий, до сих пор встречаются в печати и в массовом сознании. Они, как минимум, недобросовестны, поскольку первые концепты ядерных боеприпасов предлагались, рассматривались и отвергались ещё до войны (проект ХФТИ 1940 г.), а активизация советского атомного проекта произошла в мае-октябре 1942 г., когда НКВД была получена и осмыслена информация о развитии работ по аналогичным программам за рубежом, а результаты этого осмысления представлены Л. П. Берией Верховному Главнокомандующему. Достаточно ясное представление о принципах ядерной реакции и боевой мощи ядерного оружия было у Сталина с осени 1942 г., то есть ещё до Сталинградской битвы. В этом смысле нужно было обладать интеллектом и информированностью Гарри Трумэна, чтобы искренне рассчитывать удивить или напугать Сталина в Потсдаме сообщением о взрыве в Аламогордо.

Куда важнее другое. Никакие «подсказки» со стороны разведки не могли заменить колоссальной работы по созданию инфраструктуры и мощностей для серийного производства ядерных боеприпасов. Отсутствие разведывательной информации могло задержать создание советского ядерного устройства на несколько лет, не более. В этом смысле вновь отдадим должное И. В. Сталину и в отношении своевременного выделения части катастрофически недостающих сил на реализацию атомной программы, и в плане внимания, уделённого его спецслужбами зарубежному опыту. Впрочем, интересующихся подробностями отошлём к обширной специальной литературе, в частности – к объёмной статье А.Н. Медведя «К истории создания отечественной ядерной бомбы», опубликованной в шести последовательных номерах журнала «Двигатель» (вып. 3, 4, 5, 6 за 2009, вып. 1 и 2 за 2010 гг.) [2].

Не менее важными были усилия по созданию современной истреби-

тельной авиации. Многочисленные опыты с жидкостно-реактивными двигателями, а также разработки отечественных воздушно-реактивных двигателей, ведшиеся с 1933 г., увенчались достаточно скромными успехами. В итоге к концу войны советские авиаконструкторы, располагая достаточно совершенными поршневыми моторами, не имели в своём распоряжении пригодного к использованию ТРД. Выход был найден прямым копированием трофейных немецких Junkers-004 (РД-10) и BMW-003 (РД-20), а также закупками британских Rolls-Royce Nene и Rolls-Royce Derwent, после определённой переделки ставших ВК-1 (первоначально РД-45) и РД-500 [3, 4]. В первом случае имел место факт репарации, во втором – отчасти промышленного шпионажа, поскольку британцы оговорили неиспользование купленных двигателей в боевой авиации. Однако нельзя оценить нарушение этого соглашения иначе как положительно: в условиях откровенного ядерного шантажа бывшими союзниками соблюдение моральных нормативов выглядело бы противоестественно. Как бы то ни было, истребительная авиация СССР, как показал корейский опыт её применения, получила возможность эффективно отражать воздушные атаки стратегической авиации нового поколения, нанося агрессору неприемлемые потери, что всегда было весьма болезненно для американско-английских ВВС. Отметим, что достигнуто это было ещё при жизни Сталина и, следовательно, именно ему должны быть отданы лавры создания нового щита ПВО СССР, поскольку адекватную защиту от стратосферных бомбардировщиков могла обеспечить вплоть до начала 60-х гг. только истребительная авиация. Показательно, что принятие на вооружение МиГ-15, МиГ-15бис и МиГ-17 (с 1949 по 1951 гг.) и развёртывание их массового производства было осуществлено чрезвычайно быстро для послевоенного состояния отечественного военпрома.

До создания и принятия на вооружение межконтинентальных баллистических ракет (1957–1960) оставалось ещё почти десятилетие. Основным носителем ядерных зарядов всё это время оставались стратегические бомбардировщики. Учитывая вышеприведённые данные о потенциале авиапрома, рассчитывать на паритет в этой сфере с США было бы безумием. Однако создание действенной современной стратегической авиации всё равно стояло в повестке дня. Советские ВВС должны были, во всяком случае, обозначить действенную угрозу примерно десятку баз США в Ев-

ропе, на Дальнем Востоке и к югу от СССР – речь о существенном ущербе территории и промышленности США не шла в силу технической невозможности его реализации в то время. В этом смысле весьма прозорливым следует признать решение Сталина о копировании и серийном выпуске весьма удачного и во многом опережающего своё время американского бомбардировщика В-29 «Стартофортресс». История эта общеизвестна, отметим лишь, что основными её последствиями стал существенный качественный технологический скачок отечественной промышленности (не только и даже не столько авиационной), а также выпуск в достаточно сжатые сроки более чем 1200 Ту-4, обозначивших ответную угрозу вполне зримо. Не менее значимым было и начало серийного производства в 1949 г. реактивного фронтового бомбардировщика Ил-28, обеспечивавшего, в частности, применение тактического ядерного оружия на возможных европейском и азиатском ТВД.

В целом стоит признать, что приоритеты оборонных разработок в послевоенные годы оценивались И. В. Сталиным вполне верно. Интенсивная опытно-конструкторская работа велась параллельно с созданием базы для массового выпуска как традиционных, так и принципиально новых видов вооружения и военной техники. Всё это позволило в крайне неблагоприятных условиях, в отсутствие союзников и при наличии реальной ситуации «осаждённой крепости» (гораздо более реальной, чем в 1930-х гг.) предотвратить развязывание Соединёнными Штатами войны против СССР. Угроза этой войны была абсолютно реальна и не могла быть снята никакими миролюбивыми шагами СССР в силу его абсолютной несовместимости с принципами нового миропорядка, который пытались выстроить наши недавние союзники. Единственным противоядием могла быть растущая боеготовность.

За послевоенное пятилетие, по данным Отдела ЦК ВКП(б) по машиностроению, были достигнуты следующие результаты: «1. В авиационной промышленности создано более 20 типов самолетов, из которых 9 приняты в серийное производство; 30 образцов новых моторов и реактивных двигателей, 2 реактивных двигателя начали осваиваться в серийном производстве. Удельный вес реактивных самолетов в производстве авиационной техники увеличился с 1% в 1946 г. до 65% в 1950 году. Под опытное

производство передано 12 предприятий с 520 тыс. кв. метров площадей и 40 тыс. рабочих и ИТР. Вновь созданы радиолокационный институт и 7 ОКБ по радиолокации. 2. В промышленности вооружений. Разработано и подготовлено к испытанию 55 типов оптических приборов и 156 типов опытных образцов вооружения, из которых 10 начали осваиваться в серийном производстве. Производственные площади и парк станков выросли в 1,5 раза, количество НИИ и КБ – более чем в 5 раз. 3. В промышленности боеприпасов. Созданы и проходят испытание несколько новых видов боеприпасов: гамма-бронебойные снаряды и гамма-авиационные бомбы, усилена мощность зенитного и морского выстрелов. Отработаны и осваиваются в серийном производстве 87 новых элементов боеприпасов (взрыватели, трубки, заряды, капсулы и т.д.). Организованы 7 новых НИИ и 4 КБ (в системе Министерства сельскохозяйственного машиностроения). 4. В бронетанковой промышленности. Принят в серийное производство новый средний танк Т-54, который по вооружению, проходимости и маневренности превосходит средний танк Т-34. Разработан новый тип тяжелого танка «730» и артиллерийского самохода «530», приняты на вооружение плавающий танк «740» и гусеничный бронетранспортер «750». В течение 1946–1949 гг. план по выпуску новой бронетехники не выполнялся в связи с конструктивной доработкой, технологической и производственной неподготовленностью предприятий Министерства транспортного машиностроения к выпуску новых машин. Отечественные станко-строительные заводы не обеспечили предприятия по производству бронетанковой техники специальным оборудованием (токарными полуавтоматами и зубодолбежными станками крупных размеров и т.д.). 5. В военном судостроении. Решена задача постройки цельносварных корпусов боевых надводных и подводных кораблей из сталей повышенной прочности. Освоен метод сборки корпусов из плоскостных и объемных секций, с применением специальной технологической оснастки. В результате внедрения мероприятий по стандартизации, нормализации и унификации на 55% сократилась номенклатура механического и судового оборудования, применяемого на кораблях. Из-за затягивания строительства новых судостроительных заводов плановые сроки сдачи боевых кораблей пока не выдерживаются» [1, с. 202, 203].

Может возникнуть ощущение, что морская составляющая оборонной

мощи несколько страдала на фоне воздушно-ядерного противостояния. Однако и здесь нельзя не признать рациональности сталинского подхода. Разумеется, абстрактно было бы неплохо обеспечить ВМФ авианосными соединениями, как этого хотели наиболее прогрессивные адмиралы и, в частности, Н.Г. Кузнецов [5]. Однако в реальности СССР, безусловно, не мог себе позволить не только авианосцев, но и тяжёлых крейсеров, столь ценимых Сталиным. В итоге «проект 24» [6] так и остался на стадии разработки, а ВМФ СССР отводилась в послевоенные годы явно второстепенная, оборонительная по преимуществу, роль – как, впрочем, и до войны. Принцип «по одежке протягивай ножки» в данном случае соблюдался неукоснительно.

При этом надо понимать, что Сталин прекрасно осознавал – единственным возможным театром широкомасштабной войны оставалась Европа. Именно поэтому исторически сложившаяся за годы войны и во многом предельно оптимальная структура ВС в целом сохранялась, огромный опыт их применения тщательно анализировался и фиксировался. Видимо, допустимо сказать, что сталинская РККА довоенного образца была грандиозным и устрашающим механизмом, не прошедшим реальных войсковых испытаний, «потенциальной великой армией», чьи возможности неадекватно оценивались и в СССР, и за рубежом. Столкновение с реальностью выявило, пожалуй, больше проблем, чем достоинств этого механизма. Поэтому сталинская СА послевоенного образца с полным на то основанием должна быть признана не менее грандиозной машиной, но прошедшей жесточайшую и всестороннюю обкатку в боевой обстановке. Её потенциал был абсолютно реален и, в целом, адекватно оценивался и друзьями, и противниками. Именно эта «реальность» боевых возможностей, без сомнения, обеспечила возможность сохранения государственного суверенитета СССР и преемственность его политической системы в послевоенные годы. Заслуга Сталина в этом чрезвычайно велика, и нам ни при каких обстоятельствах не стоит упускать из виду, что угроза существованию России-СССР в конце 1940-х гг. была едва ли не большей, чем в иные исторические периоды.

Напоследок нельзя не сказать несколько слов о роли И. В. Сталина в создании новой системы международных отношений и в обеспечении Советского Союза новыми реальными и потенциальными союзниками. Эта деятельность была органическим продолжением – или второй стороной –

военно-технического переоснащения страны.

Как уже было отмечено, расклад сил на мировой арене существенно изменился. С одной стороны, произошла отчётливая поляризация англо-американского «полумира», своего рода «англо-саксонской оси», которая вот уже семь десятилетий играет одну из важнейших ролей в мироустройстве. Сталин, кстати, одним из первых осознал потенциальную опасность этого процесса и ясно артикулировал её, назвав вещи своими именами. В знаменитом ответе корреспонденту «Правды» по поводу открывшей Холодную войну речи Черчилля в Фултоне, Сталин в марте 1946 г. заметил: «По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок, – у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки. Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира. По сути дела господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, – в противном случае неизбежна война» [7, с. 25–30]. Сталин одним из первых уловил основной вектор послевоенной политики Запада – основанный на неоднократно озвучиваемом Черчиллем концепте «англоговорящих народов» курс на построение *Pax Americana*, принципиально неотличимый от расовых теорий довоенной эпохи.

Внятные альтернативы Сталиным были намечены также достаточно ясно. Послевоенный военно-дипломатический курс СССР преследовал не-

сколько отчётливых целей.

Прежде всего, это создание пояса безопасности в Восточной Европе. В основном к концу 1940-х гг., при активном вмешательстве Сталина, был завершён демонтаж остатков довоенных государственных систем в бывшем «санитарном кордоне» на западных границах СССР и на Балканах. В результате возникла система народных демократий, в основном достаточно лояльных к СССР – будущая европейская составляющая Социалистического Содружества. Можно спорить о ценности Польши, Румынии, Венгрии, ГДР, Чехословакии как военных союзников в случае начала полномасштабной войны в Европе. Скорее всего, она была бы невелика. В отдельные периоды СССР тратил больше усилий на умиротворение членов Варшавского договора, нежели в принципе мог получить от него отдачи как от военной силы. Однако огромная важность установления Сталиным контроля над этими странами заключалась в вынесении в самый центр Европы передовой линии атакующей Советской Армии. Если бы Третья Мировая война в самом деле началась, марш-бросок танковых армий к Ла-Маншу «на одной заправке» НАТО вряд ли смогло бы не только парировать, но и ощутимо задержать. А без портов Западной Франции и Бенилюкса ответное вторжение и реванш в Европе были технически малоосуществимы. Во всяком случае, на западном направлении Сталин сделал всё, что было возможно. Явным и серьёзным провалом была политика в Югославии, хотя фактор личности Тито, скорее всего, не оставлял шансов на длительный союз с таким лидером, как Сталин.

Во-вторых, исключительную важность имело развитие военно-дипломатических усилий на Дальнем Востоке. В лице возглавляемого коммунистами Китая Советский Союз получил с 1949 г. один из самых весомых козырей в давлении на США и их союзников. Северная Корея картину усугубила. Новый расклад сил в корне изменял привычную конфигурацию международных отношений в Восточном полушарии, да и в мире в целом. Во всяком случае, потенциал системы СССР-КНР был исключительно велик. Не вызывает сомнения, что неспособность Н. С. Хрущёва наладить адекватный диалог с китайскими коллегами в силу патологического и искусственного антисталинизма усилила противоречия, в иной ситуации могущие уйти в тень. Во всяком случае, развал советско-китайского стратегического партнёрства в 1950-60-х гг. стал одним из важнейших факторов

усиления американо-английского альянса и реакционных сил в мире в целом. Представляется, что создание оси Москва-Пекин должно рассматриваться как один из наиболее значимых военно-стратегических успехов И.В. Сталина.

Наконец, в-третьих, важнейшим направлением становилась работа в «третьем мире» – развивающихся странах. Правда, при жизни Сталина конфигурация этого процесса лишь намечалась: распад колониальной системы пошёл лавинообразным темпом в основном после его ухода. Вероятно, проникновение в Африку, Индокитай, Латинскую Америку, стань оно реальностью сразу после войны, открыло бы перед нами новые стороны личности Сталина-стратега и существенно изменило многие стороны развития военно-промышленного комплекса СССР – во всяком случае, со всей откровенностью поставило бы в ближайшую повестку дня вопрос создания океанского флота. Однако этого не произошло. И всё же есть одно направление, на котором Сталин успел более чем активно проявить себя – Ближний Восток. Безусловно, здесь в центре событий оказалось создание государства Израиль – один из наиболее удивительных процессов не только новейшего времени, но, возможно, и всей мировой истории. Редко когда столь взаимоисключающие и противоречивые тенденции оказывались соединены, а отдельные политики действовали бы столь вопреки традиции. Во всяком случае, на фоне активизирующейся антисемитской кампании в СССР откровенное лоббирование создания сионистского государства на территориях, ревностно контролируемых Британской империей, являлось одновременно и частью большой, тщательно продумываемой игры Сталина, и безусловно качественно новым шагом в его военно-политической стратегии. Сжатое и предельно ёмкое изложение перипетий этого процесса читатель найдёт в соответствующей главе капитального исследования В.Л. Вихновича [8, с. 500–527]. Ограничимся лишь согласием с тем, что в этой политике просматривается явно более сложная мотивация, чем стремление «насолить» англо-американскому миру, но скорее искреннее стремление Сталина к более справедливому устройству межгосударственных и международных отношений и явное «бескорыстие сталинской дипломатии и политики» [8, с. 518–522].

Впрочем, ещё раз подчеркнём: развивающийся мир был ещё настолько непостижимой и нелинейной системой, что строить здесь долго-

срочные планы было просто нереально. Так, явным просчётом была недооценка потенциала арабских государств и необходимости тесных контактов с ними – однако в тот момент никто не представлял нефтяного потенциала Ближнего Востока. Вряд ли можно было вполне прогнозировать ту конфигурацию арабо-израильского противостояния, которая является основной интригой не только региона, но и мировой политики уже около 70 лет. Да и в остальных частях Азии и Африки таились многочисленные неожиданности и подводные камни, начавшие выходить на поверхность в массовом порядке лишь с распадом Британской и Французской империй. Но – ни до громких побед, ни до катастрофических поражений Сталин не дожил. Блок с социалистическим Китаем и затяжная война в Корее, конец которой ему уже не суждено было увидеть, стали последними стратегическими операциями И.В. Сталина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Авиационные турбореактивные двигатели РД-45Ф и РД-45ФА. Техническое описание. – М.: Оборонгиз, 1971.
2. **Васильев А.М., Морин А.Б.** Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». – М.: Коллекция, Яуза, ЭКСМО, 2008.
3. **Вихнович В.Л.** 2000 лет истории евреев в России. – СПб.: Академия исследования культуры, 2012.
4. **Кузнецов Н.Г.** Крутые повороты: из записок адмирала. – М.: Молодая гвардия, 1997.
5. **Медведь А.Н.** К истории создания первой отечественной ядерной бомбы // Двигатель. 2009. № 3(63), № 4(64), № 5(65), № 6 (66); 2010. № 1(67); № 2(68).
6. **Симонов Н.С.** Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996.
7. **Сталин И.В.** Сочинения. Т. 16. с. 25–30.
8. **Фельдман Е.Л.** Авиационный турбореактивный двигатель РД-3М-500. – М.: Транспорт, 1968.

Раздел V.

**ОТРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ В ИСКУССТВЕ.
ИСКУССТВО НА ВОЙНЕ**

УДК 821.161.1

А. А. Бочаров

ИЗ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ Н. Н. ШПАНОВА

Жизнь и обширное литературное наследие писателя Николая Николаевича Шпанова (1896–1961) почти не привлекали внимания исследователей. Взыскательные критики не находили и не находят в его творчестве больших литературных достоинств, а к самому имени этого писателя еще в 1940 – 50-х годах прочно приклеился ярлык конъюнктурщика и официального автора, популяризовавшего в своих книгах установки советской пропаганды. Тем не менее, его биография и произведения заслуживают большего внимания. В них отразились многие характерные черты развития советского общества и его менталитета в 1920–1950-е годы.

Биографические сведения о Шпанове весьма скудны и ограничиваются статьями в литературных словарях и энциклопедиях, а также материалами, размещенными в Интернете. Данная статья отражает предварительный этап изучения биографии и творчества Шпанова и основана главным образом, помимо упомянутых источников информации, на сведениях о Шпанове, которые можно почерпнуть в самих его произведениях, и на немногих обнаруженных мемуарных свидетельствах.

Н. Н. Шпанов родился в городе Никольск-Уссурийский в семье железнодорожного служащего, по одним сведениям 10/22 июня 1896 г. [1], по другим – 22 июня/4 июля 1896 г. [2]

Согласно устному свидетельству одного из современников Шпанов происходил из обедневшего остзейского рода фон Шпанофф, потомки ко-

того во второй половине XIX века переселились из Эстляндии на Дальний Восток [1]. Проверить это утверждение пока не представилось возможным.

С детства Шпанов интересовался авиацией и другими видами техники. Учился на кораблестроительном отделении Санкт-Петербургского политехнического института, где окончил два курса. Во время Первой мировой войны ушел в армию. Окончил Высшую офицерскую воздухоплавательную школу (1916), участвовал в боях. В 1918 добровольцев вступил в Красную армию, на службе в которой состоял вплоть до 1939 г.

К сожалению, не удалось проверить достоверность сообщения одного из мемуаристов о службе Шпанова в органах ВЧК [3, с. 137–138].

Печататься стал с середины 1920-х годов. Заведовал отделом печати Центрального аэрогидродинамического института, редактировал ведомственные журналы «Техника воздушного флота», «Самолет» и другие. Первые публикации Шпанова связаны с пропагандой авиации как средства укрепления обороноспособности страны, развития транспорта и связи. Участвовал в качестве корреспондента газеты «Известия» в экспедиции на ледоколе «Красин» по спасению экипажа итальянского дирижабля «Италия», потерпевшего крушение в Арктике в 1928 г.

Опубликовал книги очерков: «Наш полет в лесные дебри» (1926), «По автомобильной трансевразии. На автомобиле по Уссурийскому бездорожью» (1930), «Во льды за «Италией» (1929). С рубежа 1920–1930-х годов стал публиковать художественные произведения: сборник рассказов «Загадка Арктики» (1930), повесть «Лед и фраки» (1932). В середине 1930-х годов активно популяризировал историю науки и техники. Автор книг об известных изобретателях: «История одного великого неудачника» (о французском физике Д. Папене), «Джемс Уатт» (обе 1936).

Опубликованная в 1939 г. повесть Шпанова «Первый удар. Повесть о будущей войне» стала одним из известнейших произведений советской военной фантастики второй половины 1930-х годов. С 1939 г. состоял в Союзе писателей СССР.

В романе «Поджигатели» (1949) предпринял попытку показать историю подготовки Второй мировой войны с позиций официальной советской пропаганды. Продолжением его стали романы «Заговорщики» (1951) и «Ураган» (1961). Много работал в жанрах приключенческой и детективной

литературы: сборники повестей и рассказов «Искатели истины» (1955), «Похождения Нила Кручинина» (1956), «Красный камень» (1957), роман «Война невидимок» (1958). Шпанову также принадлежат сценарии фильмов: «Глубокий рейд» (1937, в соавторстве с П. П. Малаховым), «Морской ястреб» (1941, в соавторстве с Михайловским), «Генерал и маргаритки» (1963, в соавторстве с М. Е. Чиаурели и А. А. Филимоновым) [4, с 410–411].

Остановимся на некоторых эпизодах биографии Шпанова и рожденных ими литературных произведениях.

В 1924 г. Общество друзей воздушного флота организовало Первые всесоюзные воздухоплавательные состязания. 12 сентября 1926 г. Союз Авиаким СССР вторично провел воздухоплавательные состязания. В них приняли участие пять аэростатов, а фактически вылетели на состязание четыре, в том числе аэростат, пилотировавшийся профессором М.Н. Канищевым и помощником пилота Шпановым.

Вопреки предсказаниям аэрологов, сообщивших о том, что аэростатам предстоит идти с ветрами незначительной скорости (до 4–5 метров в секунду), все шары попали в сильный ветер, несмотря на то, что шли на различных высотах. Затем скорость ветра еще повысилась, и в отдельных местах аэростаты неслись со скоростями до 90 километров в час. По мнению одного из свидетелей состязаний, «только скверное качество газа, не позволившее забрать нормальное количество балласта, не дало возможности развить достижения настоящих состязаний в совершенно исключительные не только для нас, но и для всех заграничных состязаний» [5, с. 8].

Все аэростаты шли до полного израсходования балласта, составлявшего менее половины нормального запаса. Лишь аэростат пилота Федосеенко («Авиаким СЗО») не израсходовал своего балласта и мог продолжать полет. Его заставила сесть гроза. По абсолютной дальности полета именно он занял первое место. По пройденному расстоянию (по прямой от Москвы) аэростаты заняли следующие места: аэростат «Авиаким СЗО» (пилот Федосеенко, помощник Елифтерьев) – 1003 километра; аэростат «Союз Авиаким СССР» (пилот Канищев, помощник Шпанов) – 923 километра; аэростат «ОСО Академии возд. флота» (пилот Карелин, помощник Ланкман) – 817 километров; аэростат «Мосавиахим» (пилот Константинов) – 436 километров.

Аэростату под управлением Канищева и Шпанова не было присуж-

дено какого-либо места в результате состязаний, несмотря на высокие качества полета, так как его экипаж нарушил правила регламента. Попав в тяжелые условия, аэронавты не доставили в Москву свой барограф (прибор, записывающий высоту полета), будучи вынужденными бросить его в пути [5, с. 8–9].

Вот как описал Шпанов первые минуты полета:

«Крепкий, точно рубящий слова, голос:

– Дать свободу!

– Вынуть поясные!

И восхищенно-растерянные физиономии мальчишек, тесным кольцом обступивших старт, уходят вниз. Сердце болит, глядя на то, как с места в карьер Канищеву приходится травить балласт, чтобы не напороться на мачты радио, так некстати плывущие нам навстречу. Но вот и они уже в стороне. Теперь мы на чистом пути. Внизу плывет в каких-нибудь двух метрах Москва, отчетливо кричащая гудками авто и уходящими быстро шумами трамваев. /.../

Меньше домов, больше деревьев; тусклой желтоватой листвы, спаленной дымным дыханием заводов, буро-красными коробками обступивших город. Но кончаются и они. Свежеют деревья, свободней тянутся к небу их зеленые шапки, и расплывчатые пригороды Москвы тонут в буйной зелени садов. Как браслетом отрезает «пределы города» Окружная дорога, и мы за границами столицы» [5, с. 10, 11].

Пролетев над Ростовом-Ярославским и над Волгой к югу от Ярославля, аэростат под управлением Канищева и Шпанова углубляется в малонаселенные лесные районы. Рано утром следующего дня аэронавты пытаются выяснить свое местоположение:

«Надо воспользоваться присутствием там внизу нескольких белых и красных рубах:

– Ка-а-ка-я губе-е-рния?

– Куды летишь?

– Губерния какая?..

– Садись к нам...

– Отвечайте же, черт побери, какой уезд?..

– Никольский... Северо-Двинской...» [5, с. 18–19].

Аэростат теряет высоту и ему не удается дотянуть до намеченной

цели – Усть-Сысольска. Следует вынужденная посадка в безлюдной тайге северного Урала между Сольвычегодском, Яренском и Усть-Сысольском. Восемь бутербродов, полфунта печенья, плитка шоколада и полбутылки портвейна – вот весь запас продуктов, оставшийся у неудачливых аэронавтов. Пять дней Канищев и Шпанов блуждают по лесным дбрям, прежде чем им удастся встретиться с местными жителями, а затем, после отдыха, сесть на пароход, следовавший по Вычегде.

Завершая рассказ о полете и последовавших странствиях, Шпанов писал: «Приключение кажется просто интересной темой для журнальной статьи. Только подсохшие ссадины рук да гнойная рана ноги говорят о том, что борьба была не такой уж легкой, и победой над этими дюймами (два дюйма – расстояние на карте между местом посадки и жильем – А. Б.) мы можем гордиться» [5, с. 48].

Участие Шпанова в походе ледокола «Красин» с целью спасения итальянской экспедиции У. Нобиле на дирижабле «Италия», потерпевшей крушение в Арктике (1928) обогатило писателя массой впечатлений, отразившихся в нескольких его произведениях. По горячим следам события была создана книга очерков «Во льды за «Италией», ставшая, пожалуй, самым увлекательным описанием экспедиции на «Красине».

Автор предисловия к ней, полярный летчик Б. Г. Чухновский писал: «Книжка Ник. Шпанова не претендует на то, чтобы быть техническим отчетом о действиях нашей экспедиции. Это прежде всего впечатления журналиста, корреспондента газеты, напитавшего свой дневник всем наиболее типичным и сочным, что ему попадалось на глаза на самом корабле, и тем, что ему удавалось извлечь из случайных персонажей, приходивших в соприкосновение с «Красиным», вроде целого ряда иностранцев, так или иначе приходивших в соприкосновение с нашей экспедицией. /.../

На мой взгляд, большим преимуществом книги Шпанова является то, что автор как техник, причастный к воздушному делу, редактор специального авиационного журнала, смог отразить в своих записках некоторые черты специальной нашей летной работы, не представлявшиеся имеющими значение для непосвященного наблюдателя, но в действительности игравшие огромную роль в нашей работе. /.../

Ник. Шпанов говорит, что в его дневнике нет эпопеи, в нем не следует искать героев, там есть только будни и обыкновенные люди, состав-

ные звенья одной мощной рабочей цепи, двигавшей механизм всей экспедиции. Это верно именно в том, что у нас не было героев, а были только обыкновенные люди, исправно делавшие свое обыкновенное, очень тяжелое будничное дело без позы, без выкриков. /.../

По-моему и залог успеха книжки именно в том, что у автора ее нет ни героев, ни эпоса. Это рядовой дневник рядового участника экспедиции, в котором отражается жизнь корабля так, как она должна отображаться у тех, кто не стремится предрешисть судеб экспедиции своей волей. Не сбиваясь на роман, Шпанов сумел напитать дневник достаточно интересными эпизодами, которые несомненно с интересом будут читаться» [6, с. 9–11].

Шпанов подробно описывает плавание «Красина» из Ленинграда к берегам Норвегии, а затем к Шпицбергену. Вот как автор рассказывает о первой встрече корабля с полярными льдами:

«Скрежет и удары льдин о железные борта ледокола будят меня. Влезли в сплошную массу огромных льдин. «Красин» медленно крошит их, раскидывая в стороны, переворачивая, разламывая на большие голубые куски. Льдины лезут друг на друга, встают «на попа» и, увлекаемые мощным носом «Красина», долго сопровождают его, вздымая волны пенистой воды. Из-под нашего носа куски расколотых льдин вырываются окрашенными в красный цвет от соприкосновения с ржавым днищем «Красина» [6, с. 61].

В книге нарисованы колоритные, подчас несколько иронические образы участников экспедиции и журналистов – корреспондентов советских и зарубежных газет и журналов. Вот как Шпанов описывает итальянского журналиста Жюдичи и его борьбу с холодом: «Хотя температура не падала ниже 5° Цельсия, Жюдичи успел поверх пальто и трех фуфаяк, которых он не снимает даже в постели, натянуть на себя вонючий овчинный тулуп. Из-под тулупа юмористической юбочкой торчат широкие модные брюки для гольфа, перехваченные у тонких щиколоток пестрыми серыми гамашками» [6, с. 72].

Еще один иронический образ журналиста: корреспондентка газеты «Труд» Любовь Воронцова. «В редкие минуты Любовь Воронцова отрывается от чтения огромных, толстых, как кирпич, романов ЗИФа (издательство «Земля и фабрика» – А. Б.). Страницы романов пожелтели от обвевającego их едкого дыма папирос «Совет», выкуриваемых старательной читательницей. В эти минуты Воронцова жалуется на неприятности: с так называемого вечера до так называемого утра Ксения (каютная уборщица –

А. Б.) мешает ей спать, возясь с бельем. В дверь беспрерывно стучат бесконечные клиенты Ксении. У Любви Воронцовой расстроены нервы, стуки отравляют ей жизнь. Она уходит на верхний мостик и там стоит закутанная в матросский овчинный тулуп и в валенках, над которыми игриво светится в черном шелковом чулке большая дырка. Здесь предается она лирическим размышлениям о судьбе «бедненьких итальянцев, которым вероятно ужасно, ужасно холодно». Иногда, правда очень редко, Любовь Воронцова пишет очередной фельетон для «Труда». В этих фельетонах неизменно фигурируют «волосатые руки» начальника экспедиции профессора Самойловича и «пение клавиш под тонкими пальцами» Чухновского» [6, с. 75–76].

Шпанов рассказывает о нехитрых развлечениях полярников: охоте на тюленей, лыжных походах по ледяной поверхности.

Наконец, наступает решающий момент экспедиции: летчик Чухновский готовится поднять свой самолет с ледового аэродрома и отправиться на поиски итальянцев. «Комендантом» аэродрома на льдине становится Шпанов. «Предстоит выбрать на этой отвратительной льдине стартовые дорожки в различных направлениях, чтобы дать возможность совершить взлет и посадку при различных ветрах. Все препятствия на этих дорожках нужно снести. /.../ К четырем часам утра 9 июля мы закончили выбор стартовых дорожек и предварительную их разметку. Я набиваю карманы шоколадом и в сопровождении нескольких кочегаров отправляюсь на аэродром для приведения дорожек в порядок» [6, с. 95–96].

Но вылет затягивается из-за тумана. К 16 часам 10 июля туман расходится. Шпанов должен помочь развернуться самолету Чухновского. «Мы бросаемся к левому крылу машины, чтобы дать возможность Чухновскому развернуться на месте и встать в направлении старта. Но чтобы пробежать двадцать шагов, которые отделяют нас от машины, нужно потратить много времени и усилий. С каждым шагом проваливаюсь все глубже, у самого крыла ухожу по пояс в глубокий снег. Вода холодными струйками льется за высокие болотные сапоги. Но об этом некогда раздумывать. Судорожно вцепляемся мы в колышущееся алюминиевое крыло, и, работая правым мотором, самолет круто разворачивается на 180°» [6, с. 100]. Трудный взлет осуществлен успешно.

Шпанов одним из первых беседует с Цаппи (одним из двух спасенных итальянцев) и слышит от него рассказ о гибели «Италии», злоключе-

ниях ее команды на льдине и попытке Цаппи, Мариано и Мальмгрена достичь Шпицбергена. Затем следует рассказ о спасении еще одной группы итальянских исследователей – так называемой группы Вильери.

«Мы уходим в Ставангер, на юг, где под лучами яркого солнца зеленеют луга и голубеют теплые воды фиордов. «Красин» уходит на юг, чтобы лечить свои раны, полученные в тяжелых боях с полярными льдами», – так заканчивается эта увлекательная книга Шпанова [6, с. 222].

Впечатлений и знаний, полученных Шпановым во время экспедиции, хватило еще на несколько книг. Так, в 1929 г. выходит научно-популярная книжка «В страну вечных льдов», посвященная Северу и его исследованиям. Приведем названия глав этой работы: «Что такое полярная область», «Важность изучения полярной области», «Трудность и опасность полярных путешествий», «Великие исследователи севера», «Почему СССР интересуется северной полярной областью», «По воздуху через полюс». В книге дана характеристика природных условий северных полярных областей, кратко изложена история исследования полярных областей с упором на исследования с помощью авиации и воздухоплавания. Упомянута шведская экспедиция на воздушном шаре под руководством инженера Андре в 1897 г., воздушные экспедиции норвежца Амундсена (1925 и 1926), полеты американцев Берда (1926) и Вилькинса (1928).

«О чем говорят все эти удачные полеты? Да о том, что человек отраслил себе уже настолько сильные крылья, что может смело пускаться на завоевание неприступных льдов. А раз так, то подробное и всей полярной области, изучение всех ее островов делается особенно необходимым. Нужно знать каждый клочок земли, который может послужить станцией для великого северного воздушного пути. Нужно изучить климат Ледовитого океана, чтобы знать, когда и в каком направлении над ним можно летать» [7, с. 29–30].

В 1939 г. выходит произведение Шпанова, принесшее ему широчайшую известность. Это повесть «Первый удар. Повесть о будущей войне» (1939). Она стоит в одном ряду с такими известными произведениями советской военной фантастики второй половины 1930-х годов, как фильмы «Если завтра война» (1938, режиссеры Е. Дзиган, Л. Анци-Половский, Г. Березко, Н. Кармазинский) и «Эскадрилья № 5» (режиссер А. Роом, 1939), роман П. Павленко «На востоке» (1936–1937).

Повести предпослан эпитафия из В. И. Ленина: «...Есть войны, кото-

рые рабочий класс должен назвать единственно справедливыми войнами – это борьба за освобождение от рабства, от гнета капиталистов, и такие войны должны быть, так как иначе, как в борьбе, мы не достигнем освобождения».

Книга посвящена первым двенадцати часам будущей войны между СССР и Германией. Происхождение войны Шпанов рисует следующим образом: Август 19... года. Германия требует передела колоний. Захват ею португальских колоний в Африке. Франция отдает Германии Мадагаскар. Италия требует от французов Ниццу и Савойю. Англия давит на Париж, требуя уступить немецким требованиям и отдать Германии Лотарингию. Италия требует права на участие в эксплуатации Суэцкого канала и лишения Франции такого права. Германия начинает мобилизацию. Изолированная Франция решает не сопротивляться и отдать Лотарингию. Народные демонстрации во Франции с протестом против бездействия правительства. СССР готов выступить на помощь французам! «По улицам Парижа женщины несли увитые цветами портреты советских вождей» [8, с. 19]. Германия решает атаковать Советский Союз.

Герои повести – советские военные летчики, мечтающие о рекордах покорения высоты и готовые в любой момент выступить на защиту Родины. Один из них – лейтенант Сафар. «Горячий и темпераментный в быту, спокойный и выдержанный на работе, Сафар не терпит одного: попыток доказать, что в воздухе может быть что-либо более полезное, чем хороший скоростной бомбардировщик дальнего действия» [8, с. 3].

18 августа, сразу же после приземления майора Гроза, только что поставившего рекорд высоты, раздается объявление по радио:

«Всем, всем, всем! Сегодня, 18 августа, в семнадцать часов крупные соединения германской авиации перелетели советскую границу. Противник был встречен частями наших воздушных сил. После упорного боя самолеты противника повернули обратно, преследуемые нашими летчиками» [9, с. 28].

Советская авиация наносит сокрушительный ответный удар: «В 18 часов 20 минут /.../ вылетели первые соединения тяжелой советской авиации, предназначенные для бомбардирования транспортных магистралей и узлов прифронтовой полосы, занятой немецкими войсками /.../» [8, с. 37].

Далее события развиваются стремительно. Благодаря усилиям авиации, СССР выигрывает войну в течение ее первых двенадцати часов.

«Первый удар» сыграл заметную роль в пропагандистском обеспечении советской военной доктрины конца 1930-х годов, выражавшей уверенность в возможности победить врага малой кровью и на его территории. Реальность начавшейся 22 июня 1941 г. войны между СССР и гитлеровской Германией оказалась далеко не столь радужной, какой ее изобразил Шпанов.

Спустя несколько десятилетий авиаконструктор А. Яковлев вспоминал книгу Шпанова в контексте размышлений о причинах неудач советской авиации в первый период Великой Отечественной войны: «В тяжелые и беспокойные дни и ночи начала войны мысли невольно обращались к недавнему прошлому. Многие искали ответа на мучительный вопрос: как получилось, что к войне наша авиация оказалась неподготовленной? Ведь все были уверены, что, «если завтра война», враг будет немедленно сломлен и разбит, что наша могучая авиация нанесет по врагу уничтожающий удар. Об этом много говорилось в книгах, кинофильмах, в песнях...».

Оценивая «Первый удар», Яковлев писал: «Не один командир с горечью вспоминал впоследствии о недоброй «фантастике», которой, к сожалению, пронизывалась наша пропаганда перед войной, сеявшая иллюзии о том, что война, если она произойдет, будет выиграна быстро, малой кровью и на территории противника» [9, с. 237].

Великая Отечественная война, во время которой писатель работал военным корреспондентом, дала новые впечатления, отразившиеся, в частности, в малоизвестном произведении Шпанова, рассказе «Спор, оставшийся нерешенным». В нем от имени советского летчика рассказано о совместной службе английских и советских летчиков в Заполярье.

«Дело было на севере. Там, где дальше – только море и небо. Полярные сумерки надвигались на нас с неумолимостью, приводившей в уныние тех, кто впервые зимовал под этими широтами. Мы работали бок о бок с англичанами. Командир их группы фляйт-коммандер Арчибальд Крисс близко сошелся с Прохором. Они охотно наносили друг другу визиты. Может быть даже несколько чаще, чем того требовала взаимная вежливость. Я подозреваю, что одной из причин был тост, неизменно поднимаемый ими друг за друга и за своих летчиков при встрече» [10, с. 15].

Центральный эпизод рассказа – спор между советским и английским летчиками по поводу воздушных таранов. Советский летчик обвиняет

англичан в нежелании таранить самолеты и корабли противника: «Не разводите мне ваших теорий. Скажите мне прямо и ясно, почему ваши ребята не таранят? Почему они никогда не таранят фрицев? Кишка тонка, а?»

Англичанин утверждает, что не наблюдал ни одного воздушного боя, который не был бы закончен раньше, чем летчики израсходуют свой боекомплект.

«— А если ваш летчик израсходует боекомплект?

— Он поступит, как ему подскажут долг и разум» [10, с. 16].

В ответ на завуалированное обвинение в трусости английский летчик обижается: «Голубые глаза англичанина становились все более серыми, холодными, почти бесцветными, по мере того как он глядел на собеседника. Рыжая щетинка волос на продолговатом черепе пламенела в багровом отсвете камелька. Пальцы руки, в которой был зажат стакан, сжимались все тесней» [10, с. 16].

Получив боевое задание, летчик вылетают. После успешного боя от адъютанта Крисса — «молодого веселого лейтенанта» Коннора советские летчики узнают, что Крисс планировал таранить немецкий танкер (этого не потребовалось, так как в ходе боя на танкер упал подбитый немецкий самолет).

«— Вы уверены, что правильно поняли его? — спросил я. — Крисс хотел таранить танкер?

— Ведь другого способа уничтожить судно не было — пожал плечами лейтенант.

Я посмотрел в сторону друзей. Рыжая голова Крисса ярко светила над лампой. Он спокойно объяснял Прохору правила поккера — нового увлечения моего командира» [10, с. 17].

Автор рассказа, с симпатией изобразивший союзников СССР по борьбе с Германией, едва ли предполагал, что спустя несколько лет станет писать об англичанах и американцах совсем иначе.

В 1940-х годах Шпанов становится одним из самых издаваемых писателей Советского Союза. Но даже в этот период у него возникали проблемы с цензурными органами. Так, была раскритикована и отвергнута пьеса «Медальон» как «идеализирующая высшие круги офицерства царской армии» и «призывающая советских командиров учиться долгу и чести у старых офицеров» [11, с. 216].

В рамках данной статьи нет возможности подробно рассмотреть

произведения, опубликованные Шпановым после Великой Отечественной войны. Наиболее известны среди них романы «Поджигатели» (1949), «Заговорщики» (1951) и «Ураган» (1961), в своеобразной форме отразившие политические идеи своего времени и установки советской пропаганды, возлагавшей значительную долю вины за развязывание Второй мировой войны, наряду с Германией, на правящие круги США и Великобритании. Эти почти забытые сейчас произведения заслуживают специального изучения в связи с политической обстановкой времени их создания. Весьма интересен также вопрос о влиянии содержания упомянутых книг Шпанова на современные конспирологические теории, популярные в некоторых кругах российского общества.

После смерти Сталина новые политические и идеологические веяния сделали произведения Шпанова неактуальными. Писатель, за несколько лет до этого являвшийся одним из наиболее востребованных в СССР и издававший свои книги огромными тиражами, публикуется все реже. Официозный характер многих его произведений отталкивает как собратьев по писательскому цеху, так и новое поколение читателей.

Последние несколько лет жизни тяжело больной Шпанов провел в Эстонии на купленном им заброшенном хуторе, что, возможно, подтверждает версию о его остзейском происхождении. Шпанов скончался 2 октября 1961 г. в Москве, почти забытый современниками. По сообщению Л. Н. Качера, на похороны Шпанова (зашифрованного мемуаристом под Ш-ова) пришло всего около десяти человек, в том числе двое родственников. Мемуарист сообщает, что среди писателей не удалось найти желающего сказать несколько слов у гроба [12, с. 10–13].

Не вдаваясь в историко-литературный анализ творчества Николая Николаевича Шпанова, скажем, что его литературная биография четко делится на два периода. Первый (до конца 1930-х годов) связан с популяризацией географических исследований, науки, техники и особенно авиации. Пожалуй, именно в произведениях, созданных в этот период, в наибольшей степени проявились литературные способности писателя. Во многом это объясняется хорошим знанием материала, на котором были основаны тогдашние произведения Шпанова, – различных отраслей науки и техники, приобретенным в годы обучения в Политехническом институте, воздухоплавательной школе, а также во время службы в авиации. Труднее охарак-

теризовать произведения второго периода (с конца 1930-х годов). В это время Шпанов, возможно, поддавшись соображениям конъюнктурного характера, ступил на путь создания книг, в художественной форме популяризовавших идеи и установки советской военной и политической пропаганды сталинского времени. Следует отметить, что и в книгах этого периода самые удачные страницы связаны с любимой Шпановым темой авиации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Лепехин М.П.** Шпанов Николай Николаевич (22.06.1896–02.10.1961): <http://www.az-libr.ru/Persons/000/Src/0010/de0d5c70.shtml>.
- 2. Чуванов В.Н.** Шпанов, Николай Николаевич // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 779.
- 3. Прут И.Л.** Неподдающийся: О многих других и кое-что о себе. М.: Вагриус, 2000. 379 с.
- 4. Шпанов Николай Николаевич** // Советские детские писатели: Биобиблиографический словарь (1917–1957). М.: Гос. изд-во детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1961.
- 5. Шпанов Н.** Наш полет в лесные дебри. М.: Изд-во Союза Авиахим СССР и Авиахима РСФСР, 1926. 48 с.
- 6. Шпанов Н.** Во льды за «Италией». М.-Л.: Молодая гвардия, 1929. 222 с.
- 7. Шпанов Н.** В страну вечных льдов. М., 1929.
- 8. Шпанов Н.** Первый удар. Повесть о будущей войне. М.: Воениздат, 1939. 136 с.
- 9. Яковлев А.** Цель жизни. (Записки авиаконструктора). Изд. 4-е, доп. М.: Политиздат, 1974. 591 с.
- 10. Шпанов Н.** Спор, оставшийся нерешенным // Краснофлотец. 1942. № 1. С. 15–17.
- 11. Бранденбергер Д.Л.** Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб.: ДНК, 2009. 415 с.
- 12. Качер Л., Беляева Л.** Спецпохороны в полночь. Записки «печальных дел мастера». М.: Политекст, 1991. 160 с.

УДК 791.43(09)

А. А. Бочаров, В. Н. Фотуньянц

**СОВЕТСКИЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ И КИНЕМАТОГРАФ
В КОНЦЕ 30 – 40-Х ГОДАХ XX В.**

Пропагандистское и воспитательное значение кинематографа было осознано руководством военно-морского флота еще в дореволюционный период. Морское ведомство Российской империи предпринимало усилия по внедрению кинематографа в жизнь флота в качестве средства воспитания, пропаганды и досуга. Сотрудничество флота и кинематографических фирм носило активный и плодотворный характер [1, с. 136–143]. После 1917 г. флот продолжал участвовать в создании художественных фильмов исторической тематики [2, с. 35–44].

В данной статье мы рассмотрим сотрудничество военно-морского флота и кинематографа в деле создания учебных фильмов для флота и отражение деятельности советского флота в художественном и документальном кино конца 1930-х – 1940-х годов.

В 1930-х годах распространилась практика создания учебных фильмов для нужд флота. Материалы РГАВМФ содержат информацию о сотрудничестве флота с киностудией «Лентехфильм» в деле создания учебных фильмов. Согласно «Ведомости расхода кредитов на производство учебных фильмов в 1939 и 1940 гг.», в производстве по состоянию на 1 июня 1940 г. находились следующие учебные фильмы для флота: «Траление параван-тралом и змейковым», «Минная постановка с надводного заградителя», «Управление кораблем», «Противохимическая оборона корабля», «Техника постановки дым. завесы», «Главный калибр лид. «Ленинград», «Борьба за живучесть надводного корабля», «Живучесть подводного корабля», «Работа штаба в морской операции», «Крейсер в бою» [3, л. 2].

В проект тематического плана на 1941 г., представленный Комитетом по делам кинематографии при Совете народных комиссаров СССР на утверждение в СНК СССР, по Наркомату ВМФ были включены следующие

ленты: «Торпедирование с малых и средних высот», «Действие истребительной авиации в системе ПВО базы», «Процесс изготовления артсистемы», «Взаимодействие механизмов артсистемы при выстреле», «Торпедная атака с подводной лодки», «Торпедная атака с надводного корабля», «Фрагменты по морской практике». 27 декабря 1940 г. Главное управление по производству научных и учебно-технических фильмов предложило Управлению военноморских учебных заведений предусмотреть в финансовых планах Наркомата ВМФ ассигнования на производство этих фильмов [4, л. 180, 180 об.].

Архивные материалы свидетельствуют об активном участии военных моряков в создании сценариев учебных фильмов. Иногда первоначальные варианты сценариев вызывали критику со стороны заинтересованных представителей флота. В качестве примера приведем выдержки из заключения по сценарию фильма «Борьба за живучесть надводного корабля», подписанного начальником Центральной кинобазы Управления военноморских учебных заведений ВМФ военным инженером 2 ранга Подкольским (26 июня 1940 г.).

«Сценарий представляет собой нагромождение совершенно ненужного материала, в котором тонут лучшие по теме кадры. Фильм больше похож на художественный, чем на учебный (в частности, везде музыка, совершенно ненужная в учебном фильме, и сплошной дикторский текст). /.../ Сценарий должен быть резко сокращен /.../» [4, л. 33].

Не менее резким был отзыв того же Подкольского о сценарии фильма «Управление маневрами корабля» от 4 июля 1940 г. В нем можно прочесть: «В 5 части увлечение «игровизмом» и некритическое пользование приемами художественной кинематографии (пресловутая «драматургия» творческих работников) приводит к тому, что фильм утрачивает серьезный характер учебного пособия (например, на стр. 38 абз. 5 «командир корабля даже вспотел!») и принимает облик популярного. Все поведение вахтенного командира и самого командира второго миноносца дискредитирует в глазах зрителей молодых командиров и вряд ли может способствовать поднятию авторитета начсостава» [4, л. 42].

Руководство флота, зная о большом опыте Германии в деле создания учебных фильмов для флота, получившего распространение еще перед Первой мировой войной, высказывало мысль о сотрудничестве с Германи-

ей в этой области. Так, 8 мая 1940 г. начальник ВМУЗ ВМФ флагман 2 ранга К.И. Самойлов писал наркому ВМФ СССР флагману флота 2 ранга Н.Г. Кузнецову:

«Создание военно-морских учебных кинофильмов является для нас новой отраслью работы и опыт наш как в области производства, так и применения учебных фильмов весьма мал. /.../

В целях освоения накопленного в течение более тридцати лет методического опыта и для ознакомления с имеющимся фактическим материалом прошу Вашего приказания Главному морскому штабу и Отделу внешних сношений о приобретении в Германии учебных кинофильмов военной, военно-морской, кораблестроительной и авиационной тематики» [4, л. 30].

Сведений о том, было ли реализовано это предложение, обнаружить не удалось.

Обратимся к художественному кино конца 1930–1940-х годов, связанному с военно-морской тематикой.

Морякам-пограничникам на Дальнем Востоке был посвящен фильм «Морской пост», поставленный в 1938 г. на Одесской киностудии режиссером В. Гончуковым (автор сценария Л. Линьков, композитор Н. Крюков, песни В. Лебедева-Кумача, в ролях Н. Новосельцев, Г. Юмашева, Н. Ивакин, П. Аржанов). Действие разворачивается на небольшом острове в Тихом океане. Морские пограничники на сторожевом катере «Чекист» патрулируют окрестные воды, пресекая попытки браконьерства со стороны японцев. В содержании фильма морская романтика причудливо сочетается с модной в 30-е годы темой борьбы с вражеским шпионажем и вредительством «троцкистов». Можно было бы много написать об этом по-своему интересном фильме, но, строго говоря, к нашей теме он относится лишь косвенно – морские части пограничных войск НКВД не входили в состав военно-морского флота.

В фильме «Четвертый перископ» режиссера В. Эйсымонта («Ленфильм», 1939, авторы сценария Г. Венецианов и Г. Блауштейн, композиторы Б. Гольц и В. Пушкин) деятельность советского флота показана в авантюрном ключе.

Во время морских маневров три подводные лодки должны «атаковать» линейный корабль. На горизонте неожиданно появляется четвертый

перископ. Линкору может угрожать опасность, если неизвестная лодка окажется вражеской. Однако перископ может принадлежать и советской подлодке «Спрут», с которой потеряна связь. Командир эсминца «Отважный» Владимир Крайнев (Б. Блинов) решает таранить неизвестную лодку. Она тонет, а действия Крайнева признаны правильными. Но не потопили ли моряки советскую лодку, которой командует брат Крайнева, Григорий (В. Честноков)? Водолазы обследуют затонувшую подлодку и выясняют, что она иностранная. Советская лодка «Спрут» в это время лежит на грунте с повреждениями, полученными во время нападения вражеской шхуны, замаскированной под норвежское рыболовное судно. Чтобы выяснить обстановку, командир посылает на поверхность матроса. Он захвачен пиратами, местоположение лодки раскрыто. Но на горизонте появляется советская эскадра. Пираты снова маскируются, на этот раз под шведскую паровую шхуну «Хильда». Заметив «Хильду», командир «Отважного» высаживает на нее досмотровую группу. Она захвачена бандитами. Точным выстрелом «Отважный» выводит из строя рулевое управление «Хильды». Пиратское судно захвачено советскими моряками. В это время на поверхность всплывает «Спрут».

Одним из ярких образцов военной кинофантастики стал фильм режиссера В. Брауна «Моряки», снятый в 1939 г. на Одесской киностудии (автор сценария И. Зельцер, композитор Ю. Милютин, песни В. Лебедева-Кумача, консультант капитан 1 ранга Ф. Челпанов).

Первая половина фильма в идиллических тонах рисует мирную жизнь краснофлотцев и командиров. На борту корабля матросы поют под баян, на берегу застолье красных командиров в честь дня рождения одного из героев, падающего на 28 мая (годовщина Цусимского боя), что не преминут вспомнить участники празднества.

Вторая половина картины посвящена столкновению советского флота и «объединенного неприятельского флота», завершающемуся быстрой победой советских моряков. В «объединенном неприятельском флоте», на наш взгляд, угадывается скорее английский, чем немецкий. Забавно на этом фоне выглядят слова советского адмирала «Родина ждет, что каждый выполнит свой долг», являющиеся фактически калькой слов английского адмирала Нельсона перед Трафальгарской битвой. Впрочем, учитывая рас-

пространенное в 1930-х годах предположение советского военно-морского руководства о том, что потенциальным противником нашего флота в Черном море является флот фашистской Италии, можно усмотреть в «объединенном неприятельском флоте» и итальянский. Советский флот в «Моряках» предстает гораздо более сильным, чем он был в действительности накануне Второй мировой войны. Так, в фильме упоминаются вымышленные линейные корабли «Кремль», «Перекоп» и «Сталинская конституция». Роль командира советской подводной лодки Александра Беляева стала одной из ярких работ известного актера С. Столярова, затем неоднократно снимавшегося в фильмах на военно-морскую тему.

Фильм «Моряки» стоит в одном ряду с такими произведениями советской военной фантастики второй половины 1930-х годов, как фильмы «Если завтра война» (1938, режиссеры Е. Дзиган, Л. Анци-Половский, Г. Березко, Н. Кармазинский) и «Эскадрилья № 5» (режиссер А. Роом, 1939), роман П. Павленко «На востоке» (1936-1937) и повесть Н. Шпанова «Первый удар» (1939). Можно предположить, что демонстрация морской мощи Советского Союза на киноэкране производила сильное впечатление на зрителей. Тем не менее, единственный обнаруженный нами отзыв рядового зрителя на фильм весьма сдержан: «...Обычная оборонная картина – будущая морская война. Ответ на «Цусиму» и т. д.» [5, с. 346].

Деятельности Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) посвящен фильм «Гибель Орла» (1940, киностудия «Союздетфильм», автор сценария Г. Гребнер, режиссер В. Журавлев, композиторы В. Мурадели и Д. Блок). 1920 год. Капитан парохода «Орел» Федор Чистяков обещает революционно настроенным матросам оставить корабль в Новороссийске, к которому приближается Красная армия. Но пароход захватывают белогвардейцы, и Чистяков вынужден выполнить их приказ увести «Орел» в Стамбул. В пути пароход гибнет при невыясненных обстоятельствах. Двадцать лет спустя сыну Чистякова, тоже Федору (С. Столяров), ставшему водолазом-рекордсменом, удается открыть тайну гибели «Орла» и снять со своего отца подозрение в том, что он помогал белым. Федор с группой подводников опускается на дно моря и в каюте затонувшего парохода находит железный ящик с судовым журналом. Его страницы рассказывают о гибели «Орла». Капитан вместе с моряками потопил пароход,

чтобы не отдать его врагам революции. Поднятый «Орел», под новым названием «Капитан Чистяков» становится плавучим дворцом пионеров.

В 1941 г., буквально накануне начала войны появилась статья М. Лучанского «Кино – должник флота». В ней были рассмотрены советские художественные фильмы на морскую тему, созданные в 1930-е годы, и сформулированы задачи по пропаганде военно-морского флота и его истории в кино.

В первую очередь в их числе автор назвал пропаганду подводного флота: «Подводный флот нашей родины по праву занимает первое место в военно-морских силах. /.../ Боевые подвиги орденосных экипажей краснофлотских подводных лодок составляют героические сюжеты для целой серии замечательнейших драматических сценариев».

Следующая задача – пропаганда идеи «большого океанского и морского флота», направленная на то, чтобы «миллионам людей жизнь на море, требующая самоотверженности, беззаветной смелости и величайшего мужества, стала родной и близкой, чтобы миллионы юношей стремились идти по пути русских моряков».

С точки зрения автора, требовало художественного воссоздания в кино и участие красных моряков в Гражданской войне: «Героический корабль «Гавриил», отбивший нападение на Кронштадт английской торпедной флотилии, корабли Маркина, сражавшиеся на Волге и Каме, Сладков, Железняк и многие другие герои гражданской войны ждут образного восстановления их дел в кинофильмах».

Далее Лучанский писал о необходимости создания фильмов, способствующих «всемерному укреплению военной дисциплины, росту интереса к флоту, к изучению морского дела у всего нашего народа и в первую очередь – в советской молодежи».

Наконец, указывал автор, «надо выпустить и серию учебно-технических фильмов, посвященных отдельным вопросам сложной военно-морской техники и которые помогли бы нашим краснофлотцам в их учебе».

«Советский Военно-Морской флот выполняет свои обязанности перед Советской страной, перед советским народом, перед партией, перед великим Сталиным. Советская кинематография должна выполнить свой долг перед нашим славным Военно-Морским флотом», – этими словами

автор статьи завершил ее [6, с. 56–57].

Фильм В. Брауна «Морской ястреб» (авторы сценария Н. Шпанов и А. Михайловский, композитор Г. Варс, в главных ролях И. Переверзев (советский офицер Найденов) и А. Файт (командир немецкой подводной лодки), съемки которого начались в 1941 г. на Одесской киностудии, был закончен в 1942 г. в Ташкенте.

Картина, вероятно, задумывавшаяся как произведение военной фантастики, стала после начала войны восприниматься в качестве отражения реальных событий. Близ советских берегов появляется немецкая подводная лодка без опознавательных знаков, замаскированная под парусник. Она в провокационных целях топит иностранные торговые суда. Открыто отправить на поиски лодки боевой корабль нельзя – ускользнет. В море выходит торговое судно с командой из военных моряков на борту – пароход «Вятка», получивший новое название «Чайка» и призванный стать «судном-ловушкой». 21 июня 1941 г. происходит первая встреча советского судна с подлодкой. 22 июня, в день начала войны, «Вятка», замаскированная вновь, уже под лесовоз «Морской ястреб», дает врагу решающий бой, в котором советские моряки одерживают победу.

Этот первый советский фильм военного времени снимался в осажденной Одессе. Съёмочной группе с трудом удалось покинуть город на пароходе «Пестель». Написанная композитором Ю. Милютиным песня «Отходит от берега ястреб морской» (стихи Е. Долматовского) стала одной из популярных песен военных лет.

Бакинская киностудия в 1943 г. выпустила фильм «Подводная лодка Т-9» (режиссер А. Иванов, авторы сценария А. Штейн, И. Зельцер, композитор Б. Зейдман, в главной роли (командир подводной лодки) О. Жаков). Советская подводная лодка на Балтике топит вражеский транспорт, затем проникает в порт и топит еще два транспорта. Но они уже разгружены. Десант подводников минирует железнодорожный мост и взрывает эшелон с войсками и техникой противника. Противник настойчиво атакует советскую подлодку, которая вынуждена лечь на грунт. Исчерпав запасы кислорода, лодка всплывает, готовая дать последний бой, но командир обнаруживает, что над местом ее пребывания находятся уже советские корабли.

В 1944 г. на Тбилисской киностудии был снят фильм «Малахов кур-

ган» (режиссеры А. Зархи и И. Хейфец, авторы сценария А. Зархи, И. Хейфец и Б. Войтехов, композитор А. Баланчивадзе, в ролях Н. Крючков, Б. Андреев и др.). В центре фильма судьба пяти матросов, спасшихся с затонувшего эсминца «Грозный», и их командира (Н. Крючков). Они участвуют в обороне Севастополя в 1942 г. Матросы гибнут, ценой собственной жизни преграждая путь немецким танкам, командир прикрывает эвакуацию из Севастополя последних защитников и уходит вместе с группой бойцов к партизанам. «Мы еще вернемся к этим берегам», – патетически восклицает герой Н. Крючкова в финале фильма.

Согласно свидетельствам современников, фильм производил сильное впечатление на молодых зрителей. Так, почти через три десятилетия писатель-маринист В. Конецкий писал о «Малаховом кургане»: «/.../ этот фильм сыграл в моей жизни серьезную роль. Посмотрев его в шестнадцать лет, я решил идти на военный флот – юнгой, или воспитанником, или кем угодно, но в военный флот! Я хотел быть с теми матросами, которые докуривают одну на всех махорочную закрутку перед тем, как броситься под танки со связкой РГД на поясах. Прошло двадцать семь лет, «Малахов курган» и я постарели, но матросы, которые бросаются под танки, остались молодыми» [7, с. 246–247)].

В 1944 г. на «Мосфильме» режиссером И. Савченко по сценарию Л. Соловьева был поставлен фильм «Иван Никулин – русский матрос». Он стал одним из первых советских цветных кинофильмов. Лето 1942 г. Матросы Черноморского флота Иван Никулин (И. Переверзев) и Василий Клевцов (С. Никонов) возвращаются в свои экипажи. Путь эшелону преграждает немецкий десант. Краснофлотцы дают отпор, но вынуждены далее следовать своим ходом. Моряки организуют партизанский отряд во главе с Никулиным и продолжают путь к Черному морю. Запоминается яркий актерский ансамбль фильма. Помимо Переверзева, это известные актеры Б. Чирков, З. Федорова, В. Санаев, Э. Гарин.

Еще один фильм о подвигах советских моряков на суше в годы войны был снят в 1944 г. на «Ленфильме». Это «Морской батальон» режиссеров А. Минкина и А. Файнцимера (автор сценария А. Штейн, композитор В. Пушков, песни А. Прокофьева). Сентябрь 1941 г. Последняя группа советских бойцов и командиров покидает Таллин и эвакуируется в Ленин-

град. Для защиты Ленинграда из личного состава команд кораблей Балтийского флота формируются батальоны морской пехоты. В одном из них служат Сергей Маркин (А. Абрикосов) и Петр Яковлев (П. Алейников), влюбленный в сестру Маркина санитарку Варю (Л. Смирнова). В осажденном Ленинграде умирает мать Маркина, его невесту Галю, попавшую в плен, искалечили немцы. Январь 1942 г. Яковлев гибнет во время рейда с целью уничтожения вражеской батареи, обстреливавшей город. 27 января 1944 г. Ленинградцы и защитники города ликуют, узнав о полном снятии блокады. Сентябрь 1944 г. Моряки Балтийского флота, а среди них и Маркин, возвращаются в освобожденный Галлин.

Судьба фильма оказалась непростой. Его первоначальный вариант был признан неудовлетворительным после просмотра в Художественном совете при Комитете по делам кинематографии СССР. Творческому коллективу пришлось переработать картину, после чего она вышла на экраны [8, с. 29–30].

Военно-морские сюжеты находили отражение и в документальном кино. В 1942 г. Сталинской премии второй степени был удостоен документальный фильм «Черноморцы» (режиссер В. Беляев). «Нельзя без волнения смотреть этот фильм о героях-черноморцах, о севастопольцах, стоявших на вахте города русской матросской славы и доблести», – писал автор заметки о фильме в журнале «Краснофлотец» [9, с. 39].

Режиссер В. Беляев принял участие и в создании другой документальной картины о боевых действиях советского флота: «69-я параллель», рассказавшей о войне на Крайнем Севере СССР. «Таков опасный и самоотверженный труд войны, – писали авторы рецензии на этот фильм. – Он запечатлен в фильме, который делали операторы Донец, Мищенко, Овсяников, Ошурков, Урусевский, режиссеры Беляев и Ошурков, писатель Леонид Соболев. В документальных кадрах кинорепортажа запечатлены куски жизни героических защитников Севера. Это сложная и вдохновенная жизнь, до краев наполненная жаждой победы, дерзанием и подвигами» [10, с. 40].

В 1947 г. на «Ленфильме» режиссером А. Файнциммером была поставлена художественная картина «За тех, кто в море» по одноименной пьесе Б. Лавренева (автор сценария М. Котов, композитор А. Спадавеккиа). Попытаемся взглянуть на нее глазами человека, который под влиянием

просмотра этого фильма выбрал военно-морскую профессию:

«Мечта стать моряком потихонечку начала созревать во мне еще в блокадные годы /.../ Она окончательно созрела после того, как я увидел фильм «За тех, кто в море», героями которого были морские офицеры, воевавшие на торпедных катерах. Обаятельный и уже знаменитый Михаил Жаров играл в этом фильме командира дивизиона торпедных катеров, а молодой и такой же обаятельный Даниил Сагал, игравший одного из командиров катеров, в перерывах между выходами в море играл на гитаре и обворожительно пел. Зрелище торпедных катеров, идущих в атаку на полном ходу, совершенно очаровало меня, и я окончательно заболел морской романтикой» [11, с. 14–15].

Тысячи мальчишек, детство которых было опалено войной, затаив дыхание смотрели фильмы о подвигах советских моряков. И многие из них в эти минуты сделали свой жизненный выбор. Они стали воспитанниками нахимовских и подготовительных, а затем курсантами высших военно-морских училищ. Именно это поколение дало Родине замечательных командиров подводных и надводных кораблей, командующих соединениями и флотами.

Кстати, популярности нахимовских училищ также поспособствовало художественное кино. Жизни воспитанников этих училищ был посвящен фильм «Счастливого плавания!», снятый в 1949 г. режиссером Н. Лебедевым на «Ленфильме» (автор сценария А. Попов, композиторы В. Соловьев-Седой и Л. Ходжа-Эйнатов). Узнав о подвиге юного моряка Сергея Столицына, ребята из нахимовского училища приглашают его к себе учиться. Однажды свободный от дежурства воспитанник Лавров случайно дает сигнал боевой тревоги. Подозрение падает на дежурившего Столицына. Опытный воспитатель (Н. Черкасов), понимая состояние Лаврова, помогает ему преодолеть ложный стыд и признать свою вину.

Вспомним еще несколько фильмов, выпущенных в первые послевоенные годы, но посвященных событиям войны. В 1946 г. на «Ленфильме» был снят «Остров Безымянный» (режиссеры А. Бергункер и М. Егоров, автор сценария Б. Бродский, композитор В. Пушков, актеры Н. Симонов, Ю. Толубеев, А. Кузнецов, С. Филиппов, О. Жаков и др.). Крайний Север. Радиостанция острова Безымянный посылает в эфир сигналы, служащие

ориентирами для советских кораблей и конвоев союзников. Немцы бомбят радиостанцию, а затем высаживают на остров десант. Но радиостанция продолжает работу, так как на заброшенной шхуне метеоролог Ася (Н. Мазаева) успевает установить запасную рацию. Советский корабль, обнаружив немецкую подводную лодку, завязывает бой. Враг торпедирует корабль, и моряки вынуждены искать спасения. Вылетевший им на помощь гидросамолет совершает успешную посадку на отколовшейся льдине. В сюжете присутствует и любовная интрига: командир затонувшего корабля и спасший его летчик влюбляются в Асю.

Событиям на Крайнем Севере посвящен и фильм «Повесть о «Неистовом», поставленный в 1947 г. на «Мосфильме» (режиссер и исполнитель одной из главных ролей Б. Бабочкин, сценарист П. Фурманский, композитор В. Шебалин). Среди исполнителей ролей, помимо Бабочкина можно вспомнить известных актеров И. Переверзева и М. Глузского. Корабль Северного флота «Неистовый» должен провести через зону действия немецких подводных лодок танкер с горючим. В пути «Неистовый» вступает в бой с немецкой подводной лодкой. Поврежденная взрывами глубинных мин лодка пытается спастись. Командир советского корабля Никитин (Б. Бабочкин) решает прекратить преследование и вернуться к танкеру. Танкер благополучно прибывает к месту назначения. На обратном пути «Неистовый» таранит всплывшую подлодку и разрезает ее надвое. В порту командующий флотом поздравляет команду «Неистового» с награждением корабля орденом Красного Знамени.

Окончание войны сделало актуальными сюжеты, связанные с мирными (но порой не менее опасными, чем военные) буднями военноморского флота. Так, разминирование акватории Черного моря стало темой фильма «Голубые дороги», снятого в 1947 г. на Киевской киностудии (режиссер В. Браун, автор сценария Г. Колтунов, композиторы В. Гомоляка и Я. Цегляр). В фильме подробно показаны поиск, обнаружение и подрыв советскими моряками немецких мин. Центральный эпизод картины, в котором главные герои, капитан 3-го ранга Ратанов (П. Кадочников) и старшина Разговоров (С. Столяров) обезвреживают мины неизвестной ранее конструкции, держит зрителя в большом напряжении.

Создатели художественных и документальных фильмов с разной степенью таланта воплощали на экране тему советского флота. Независимо

от больших или меньших художественных достоинств, рассмотренные нами фильмы стали выразительными документами времени, отразившими трудный и героический период истории нашей Родины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Бочаров А.А.** Кинематограф в жизни военно-морского флота России в начале XX в. // Вопросы истории. 2013. № 9.
- 2. Бочаров А.А.** Флот и становление отечественного кинематографа // Елагинские чтения. 2014. Вып. 7. СПб.: Гиперион.
- 3.** Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГАВМФ). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1128.
- 4.** РГАВМФ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1211.
- 5. Бранденбергер Д.Л.** Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931 – 1956. СПб.: ДНК, 2009. 415 с.
- 6. Лучанский М.** Кино – должник флота // Краснофлотец. 1941. № 4.
- 7. Конецкий В.** Рассказы и повести разных лет. М.: Высшая школа, 1988. 397 с.
- 8.** В Художественном совете // Искусство кино. 1945. № 1. С. 29-30.
- 9.** Фильмы, созданные лауреатами Сталинской премии // Краснофлотец. 1943. № 7. С. 39.
- 10.** 69-ая параллель // Краснофлотец. 1943. № 1. С. 40.
- 11. Карпов Э.Г.** Я вырос в Советском Союзе. СПб., 2007.

УДК 784.4(09)

К. В. Заблоцкая

МЕДИЦИНСКИЕ СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ В ПЕСЕННОМ ФРОНТОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ (1941–1945 гг.)

Война, минувшая семидесятилетие назад, была поистине Отечественной. Каждый человек сражался с врагом на своем месте, в меру своих сил. Солдат боролся с врагом в окопах, рабочий – за станком, а медик – спасая жизни больных и раненых. Военным врачам, медсестрам, санитарам возведены памятники, но главным монументом, вопреки течению времени, остается человеческая благодарность и память, воплощенные, в частности, в народном творчестве.

Советской военной медицине 1941–1945 гг. посвящены многочисленные специальные исследования, касающиеся ее общей организации, широкого круга специальных вопросов. В частности, высочайшая оценка дана разработанной и внедренной системе этапного лечения раненых и больных с их эвакуацией по назначению, что принципиально отличалось от предыдущих войн, в ходе которых раненых вывозили в тыл без лечения. Однако для изучения отношения к медицинским работникам, реконструкции образа медиков в общественном сознании недостаточно использования историко-медицинских источников. Такую возможность предоставляет обращение к фронтовому фольклору, который в яркой, образной форме одновременно сохраняет информацию о действительности и воплощает ее восприятия народом.

В научной литературе исследовались основные сюжеты, жанры, художественные особенности фронтовой фольклора, народные предания [5], но к изучению медицинских сюжетов и образов в народных песнях еще никто не обращался.

Цель статьи – проанализировать образы медицинских работников в народных песнях, которые бытовали среди фронтовиков в 1941–1945 гг.

Что касается источниковой базы исследования, то сбор фронтового

фольклора в годы войны наиболее активно осуществляла В.Ю. Крупянська [4]. В Украинской ССР подобная работа развернулась сразу после ее освобождения от фашистских захватчиков. Был подготовлен «Сборник фольклора Великой Отечественной войны», но книга так и не увидела свет. Материалы экспедиций, несколько вариантов рукописи сборника и исходные материалы сохранены в архивных фондах Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рыльского [2].

Ветераны в своих воспоминаниях особо подчеркивают необычайную популярность в тяжелых фронтовых условиях лирических песен. Связанные с медициной мотивы, сюжеты и образы широко присутствуют в солдатских песнях балладного типа, которые относятся к числу любимых народных произведений. Они часто исполнялись и, соответственно, сообщались сборщикам фольклора. В годы войны наиболее распространенными стали сюжеты о встрече солдата с матерью, сестрой или любимой на фронте: санитарка спасает раненого на поле боя, он оказывается ее братом (чаще всего), женихом или сыном; в госпиталь доставляют тяжело раненого бойца, попытки медсестры и врача спасти его оказываются тщетными, а затем женщина узнает умерго. Драматические коллизии подаются в романтическом ключе, но в то же время присутствуют реалистические детали. Иногда используется эпистолярный прием: раненный солдат в госпитале диктует медсестре письмо домой. В таких песнях выразительный образ женщины, которая спасает, лечит, ухаживает и оказывается близким любимым человеком, становится воплощением милосердия.

Своим художественным уровнем выделяется украинская двухстрочная песня «У дні, як ревіли гранати» («Розпочався бій жорстокий») [2, л.357–358], со сквозным интонационным строем. Жестокому бою, во время которого «навкруги рехло, стогнало, всюди смерть літала / І людей в свої обійми міцно пригортала» противопоставляется светлый образ женщины:

*А то що за жінка ходить, смерті не боїться?
То бійцям життя рятує сестра-жалібниця.
Кров гарячу швидко спинить, рану перев'яже,
Щоб забрали у лікарню, санітарам скаже.*

На поле боя женщина встречает сына, которому «куля голову пробила, та не кинув зброї він», мать перевязывает ему рану. Так же, как сын,

она самоотверженно выполняет свой долг: «Рятувала поранених, не жаліючи життя». Пісня завершується зустріччю матері й сина в госпіталі.

Песни с похожими сюжетами на русском языке были скорее не романтически, а сентиментально окрашены, по жанру приближались к городскому романсу. Среди них часто встречались тексты, известные еще с Первой мировой и гражданской войн. Из числа последних зафиксировано особенно много вариантов песни «В лазарете» [2, л. 14].

По наблюдениям исследователей фольклора, героическая песня, особенно созданная по инициативе политических органов, только тогда попадала в репертуар фронтовиков, когда имела лирическую составляющую. Именно этим можно объяснить популярность среди женщин, проходивших в годы Великой Отечественной войны военную медицинскую службу, песни «Давно в боях расчеты огневые ...» Ее текст, в частности, записал М. Гайдай в 1944 г. во время восстановления Киева, сделав пометку: «Пісня безумовно літературного походження, я записав її для порівняння мелодії й отримання варіацій з іншими подібними записами». По словам сообщившей текст монтажницы, эту песню исполняли девушки военно-санитарного поезда, в котором она работала:

*Давно в бою расчеты боевые
Гудит земля, разбужена войной;
Идут на фронт подружки боевые,
И позади остался дом родной.
...
Над ним летят встревоженные птицы,
Он слышит грохот грозных батарей,
Ты подползи и дай ему напиток,
И защиты и словом обогрей [2, л.233].*

Фольклористом-фронтовиком С.А. Валовым был опубликован вариант, записанный в 1942 г. [1].

Для фронтового фольклора характерным является использование готовых формул, мелодий, ходов для изображения новых реалий. Часто перерабатывались тексты народных песен, романсов, песен из кинолент. Возникла даже своего рода «специализация». Так, героями песен «Коногон», «Кочегар» становились летчики, танкисты. О девушках-медсестрах чаще

пели переработанный «Синий платочек». Среди многочисленных фронтовых переделок песни выделяется вариант, который сообщил фольклористам в 1945 г. двадцатилетний боец Михаил Левчук. В песне лирический сюжет сочетается с профессиональной медицинской лексикой, характерными деталями госпитального быта, что придает тексту юмористическую окраску:

*Беленький скромный халатик
Лучше, чем синий платок.
Ты говорила,
Что не забудешь
Дать мне для сна порошок [7, л.278].*

Совершенно особое место во фронтовом фольклоре занимают народные варианты песни М. Исаковского и М. Блантера «Катюша». И.Н. Розанов в написанной в 1944–1945 гг. статье «Песни о Катюше как новый вид народного творчества» обосновал свой вынесенный в название вывод тем, что многочисленные фольклорные тексты были не подражанием, не переделкой, а продолжением оригинала, т.е. песня стала началом своеобразного цикла [6, с.310–325]. Существовало два основных варианта: пели о гвардейском миномете по прозвищу «Катюша» или о дальнейшей судьбе девушки Катюши. В военную пору она или ждала любимого с войны, или сражалась сама: становилась партизанкой, уходила на фронт медсестрой, спасала раненых:

*Катя слово раненому скажет
Так, что в сердце песня запоем,
Катя раны крепко перевяжет,
На руках из боя унесет [3, с.111].*

Таким образом, фольклорным произведениям, в которых присутствуют медицинские сюжеты, присущи основные особенности фронтового песенного народного творчества периода Великой Отечественной войны: особая популярность лирических песен, переработка готовых сюжетов. Сохранным народным творчеством воплощением милосердия среди военного лихолетья, антитезой жестокости времени, надежды и даже самой жизни в сознании фронтовиков стал образ самоотверженной и нежной женщины – медицинской сестры или санитарки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Валов С.А.** Творчество фронтовиков периода Великой Отечественной войны / С.А.Валов, 1979 // Открытый текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opentextnn.ru/museum/nn/aetnolog/vov/?id=3564&txt>
- 2.** Збірник фольклору Великої Вітчизняної війни 1941–1945 рр., 1945 р. – Наукові архівні фонди рукописів та фонозаписів Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського, ф.14-3, спр.95. – 534 арк.
- 3. Крупянская В.Ю.** Материалы по истории песни Великой Отечественной войны / В.Ю.Крупянская, С.И.Минц. – М.: изд-во АН СССР, 1953. – 212 с.
- 4. Крупянская В.Ю.** Фронтной фольклор / В.Ю.Крупянская; под ред. и с предисл. М.К.Азадовского. – М.: Гослитмузей, 1944. – 132 с.
- 5. Пазяк Н.М.** Поетика фольклорної прози східнослов'янських народів про другу світову війну: автореф. дис... канд. філ. наук.: спец. 10.01.09 «Фольклористика» / Пазяк Н.М. – К., 1993. – 20 с.
- 6.** Русский фольклор Великой Отечественной войны / Под. ред. В.Е. Гусева. – М.–Л.: Наука, 1964. – 478 с.

УДК 821.112.2:94

Е. А. Зачевский

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВРЕМЁН «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

В силу недолговечности Третьего рейха Вторая мировая война и, в частности, война против Советского Союза, не нашла своего масштабного отражения в немецкой литературе тех лет. В основном это были очерки, дневники и поэзия как наиболее мобильные средства отражения событий времени. Однако даже то немногое, что было создано в эти годы, даёт ясное представление о характере восприятия писателями тех лет «похода на Восток», как называли нацисты войну против Советского Союза. Такие разные авторы как Эдвин Эрих Двингер, Герхард Шуман, Ганс Бауман, Мартин Рашке, Хорст Ланге оставили любопытные свидетельства об этом «походе», которые позволяют лучше понять не только литературу тех лет, но и дух времени.

Война против Советского Союза воспринималась многими писателями как «правое дело», завещанное немцам от предков. Германия, говорится в заявлении верховного командования вермахта, «выполняет в этой борьбе задачу, выпавшую на её долю с начала своей истории – быть стражем против опасности, исходящей из восточных степей», и поэтому не только необходимость «спасения Европы» от «большевизма», но и «сама история оправдывает в большей степени поход на Восток» [1, с. 10]. При этом солдатам и населению внушалась мысль о лёгкой победе, ибо немецким войскам противостоит не армия, как вещал Й. Геббельс, а сборище «недочеловеков», движимых лишь «криминальными инстинктами» [2, с. 409]. В таком же духе наставляла свою паству и церковь, оправдывая «крестовый поход» против «недочеловеков» [2, с. 407].

В этом смысле примечателен настрой той части немецких авторов, которые исповедовали нацистскую идеологию и принимали непосредственное участие в «походе на Восток». Здесь, прежде всего, нужно назвать

имя Эдвина Эриха Двингера (Dwinger, Edwin Erich, 1898–1981). Он родился в семье офицера. Мать его была русская, и с детских лет обучала ребёнка русскому языку, знание которого сыграло большую роль в дальнейшей судьбе писателя. В 1915 году Двингер попал в русский плен, был отправлен в Сибирь. После ряда побегов, службы в армии Колчака, Двингер возвращается в 1921 году в Германию.

На основе своих лагерных дневников он создаёт трилогию, получившую название «немецкие хождения по мукам», – «Армия за колючей проволокой» («Die Armee hinter Stacheldraht. Das Sibirische Tagebuch», 1929), «Между белыми и красными» («Zwischen Weiß und Rot. Die russische Tragödie. 1919–1920», 1930) и «Мы взываем к Германии» («Wir rufen Deutschland. Heimkehr und Vermächtnis. 1921–1924»), 1932). Книги эти принесли Двингеру мировую известность. Он стал в Германии своего рода специалистом по проблемам взаимодействия русских и немцев, создав в своих книгах образ народа, жестокого в своих диких проявлениях, далёкого от европейской цивилизации, сохраняющего в себе детскую наивность и истовую религиозность, в чём, по его мнению, и проявляется истинная сущность русского человека.

В лице Двингера нацисты обрели пропагандиста, работавшего по заказу, ставшего «придворным военным корреспондентом». В 1937 году он пишет книгу «Испанские силуэты» («Spanische Silhouetten»), воспевающую «подвиги» немецких лётчиков в годы гражданской войны в Испании. По заказу Геббельса Двингер создаёт книгу «Смерть в Польше. Страдания немецких поселенцев» («Der Tod in Polen. Die volksdeutsche Passion», 1940), должную оправдать нападение нацистов на Польшу в 1939 году; в 1941 году выходит его книга «Фюрер танков. Дневниковые записи о походе на Францию» («Panzerführer. Tagebuch-blätter von Frankreichfeldzug»), своего рода гимн танковой дивизии Гудериана; в 1942 году, созданная по заказу Гимmlера (Двингер к этому времени уже член партии и оберштурмфюрер СС) выходит его книга «Новое свидание с Советской Россией. Дневник похода на Восток» («Wiedersehen mit Sowjetrußland. Tagebuch vom Ostfeldzug»), которая должна была стать составной частью «национального эпоса о походе на Восток и колонизации восточных провинций» [3].

Книга эта с полной откровенностью раскрывает основные положе-

ния реализации плана «Ост», согласно которому миллионы советских людей подлежали уничтожению, а оставшиеся в живых превращались в рабов [2, с. 406]. Через всю книгу проходит мысль о том, что «советы являются единственными настоящими революционерами наряду с нами, и тем самым единственными действительными противниками мира. Если нам в конечном итоге удастся их покорить, эта земля больше не будет представлять для нас опасности» [4, с. 20]. Однако революционность «советов» Двингер связывает не с коммунистическими идеями, а с «бесспорным бойцовским фанатизмом», который «придаёт им небывалую силу», «выраженную ещё великим Достоевским в их старейшей аксиоме – сделать когда-либо весь мир русским! И тогда остаётся только одно – или Европа будет русской, или нам удастся Россию сделать европейской...» [4, с. 24]. Двингер, побывав на фронтах в Польше и Франции, считает, что «война с советской Россией будет настоящей войной», в этом его убеждает воздушная дуэль между немецким истребителем и тяжёлым советским бомбардировщиком, пилот которого проявил такое высокое мастерство, что вызвал восторг и удивление у немцев: «Разве мог кто-либо из знатоков России когда-либо подумать, что русские станут такими лётчиками? Что они настолько одолеют их «ничево», чтобы с такой решительностью выстоять до последнего дыхания, как показал это нам советский лётчик? До того, как мы Вас (в оригинале с большой буквы – Ihr – Е.З.) усмирим, нам придётся ещё многое понять» [4, с. 49–50].

«Усмирять» Россию Двингер собирается не только оружием, но и расовой селекцией. После общения с военнопленными он не обнаружил «среди них тех великорусских типажей, которые раньше составляли большинство этого русоволосого народа; даже здесь, в этой западной части страны, монгольский типаж составляет подавляющее большинство» [4, с. 58]. По мнению Двингера, это не люди, если они, раненые, в крови, «не кричат, не орут от боли... Вы действительно превратились в зверей, продолжая молча, как и они, переносить эти мучения?» [4, с. 71], восклицает он. И тут же заключает: «Действительно, предстоит совершить огромнейшую работу, которая когда-либо предпринималась в истории человечества... Чрезвычайно велика историческая миссия Германии! Или Россия будет благодаря нашей победе европейской страной, или вся Европа из-за нашего поражения станет большевистской!» [4, с. 65–66, 74].

Однако весь пафос страданий Двингера по поводу потери русским народом своей идентичности определяется не любовью его к русскому народу, а желанием обретения русской земли. Дойдя до берегов Днепра, Двингер считает поражение Советского Союза делом решённым, и, как рачительный хозяин, при виде необозримых полей колосющейся пшеницы уже строит планы на будущее: «Пусть теперь всё идёт своим ходом... эти поля мы, во всяком случае, наконец, обрели! Эти тысячи километров колыхающейся пшеницы... являются для нас хлебом нашего народа, который никогда от нас не отнимут... И не это ли является собственно глубочайшим смыслом нашего похода с тем, чтобы отвоевать для наших детей на все времена хлеб, тот дорогой хлеб, который это государство превратило только в десятки тысяч перемолотых танков, в сотни металлургических заводов для производства бесчисленного смертоносного оружия?» [4, с. 163–164]. И далее следует трогательное описание труда крестьян на благо немцев: «Я так и вижу в эти залитые солнцем утренние часы, как тысячи крестьян укладывают скошенными хлебами эти огромные пространства, как телеги, запряжённые маленькими лошадёнками, бесконечными рядами везут на мельницы зерно, я вижу, как мука течёт тысячами потоков с этих полей на Запад, а ветер доносит уже до меня терпкий запах коричневого хлеба...» [4, с. 164].

При этом Двингера совсем не беспокоят огромные материальные потери: «Что значит для меня какой-то разрушенный город, сгоревшая дотла деревня, всё это можно потом восстановить, решающим является то, что эти тысячи миль цветущих пшеничных полей останутся неприкосновенными, что они не превратятся, как во время мировой войны, в пустыню от разрывов миллионов снарядов! Пусть бои постепенно станут более жесткими, возможно, даже, что боевые действия перерастут в мировую войну, они, во всяком случае, благодаря нашему стремительному продвижению, уже позади, эти поля уже в следующем году предстанут в их прежнем плодородии...» [4, с. 164–165].

Однако этого не произошло, и не могло произойти. Ему об этом достаточно ясно сказал на допросе молодой комсомолец, заявив, что есть три причины, по которым немецкая армия будет разгромлена: песчаные дороги, которые «все ваши машины приведут в негодность»; партизаны, которые «будут нападать на ваши коммуникации и вынудят отвести ваши войска в

глубокий тыл»; и, наконец, «зима, вот тогда начнётся наша настоящая война» [4, с. 228]. Хотя все эти доводы Двингер парировал с насмешкой, но потом, осознав не столько предсказанные беды немецкой армии (которые вскоре подтвердились), сколько мужество и решительность пленного комсомольца держаться столь независимо на допросе, пришёл к однозначному выводу: «Но эти комсомольцы!.. Вероятно, не остаётся ничего иного, как их полностью уничтожить! Это было суровое решение, особенно для меня, когда-то любившего этот народ...» [4, с. 230].

Книга Двингера заканчивается совсем не благодными размышлениями о русском народе. Напротив, он уверен в том, что «этот народ рождён для рабства», но в его сознании «таится опасность по отношению к внешнему миру! Эту невероятную глыбу земли, если она когда-нибудь активизируется и лави-нообразно придёт в движение, мы не сможем привести её с ошибочного пути на верную тропу, и тогда она погребёт под своей тупой массой всю европейскую культуру... Необходимо найти для неё такую форму жизни, которая никогда не позволила бы ей стать опасной, ибо нет ничего более опасного для человечества, чем такая тупая миллионная масса как советская, которая в руках нескольких фанатиков может быть использована для чего угодно...» [4, с. 231].

После 1942 года, после Сталинградской битвы, Двингер смягчил своё отношение к русскому народу. В 1943 году он публикует в журнале «Вилле унд махт» («Wille und Macht»), органе гитлерюгенд, эссе «Русский человек» («Der Russische Mensch»), где «оспаривает расистскую неполноценность русских, которые, после того как их освободят от идеологии большевизма, возвратятся в семью европейских народов. Победа Германии возможна только в случае хорошего обращения с населением оккупированных областей» [3].

Статья эта появилась не случайно. Именно в это время вермахт понёс ряд громких поражений на фронте и в нацистском руководстве пришло осознание того, что обозначение советских солдат «недочеловеками» не дало пропагандистского эффекта. Ведущая сотрудница русского антикоммунистического журнала «Акцъён» («Die Aktion») Мелитта Видеман в письме Гиммлеру от 20 мая 1943 года писала: «Теория о неполноценности восточных народов, прежде всего русских, опровергнута практикой. Они

хорошо сражаются. Они жертвуют всем ради родины. Они вооружены, по крайней мере, не хуже нас... Если мы хотим, чтобы на Востоке миллионы людей работали на наш рейх, а на Восточном фронте за нас воевала большая армия, то теория о неполноценности должна исчезнуть из нашей пропаганды». В другом письме Гиммлеру от 5 октября 1943 года Видеман утверждала, что ей якобы «абсолютно известно», что русские «являются противниками большевизма и особенно Сталина» и борются против нацистов потому, что не хотят «обречь себя на жалкую участь в колониальной империи, где их убивают, грабят, объявляют неполноценными, тогда как это один из самых одарённых народов белой расы» [2, с. 411].

Эту же мысль, но более откровенно и просто высказал Гиммлеру главный военный журналист СС Гюнтер Д'Алкен, редактор эсэсовской газеты «Шварце корпс» («Das Schwarze Korps»), отличавшийся особой бесшабашностью говорить начальству в лицо правду-матку. Когда в сентябре 1943 года Гиммлер показал ему брошюру о «недочеловеках», то он назвал её содержание «мутью» и заявил: «Наши ребята на фронте не знают, куда свои задницы девать. Вы уж поверьте, если бы им показали эту книжку, они бы вас так и спросили, громко и ясно: выходит, по-вашему, эти солдаты, которые сейчас наступают, у которых танки лучше наших, которые мастера воевать, они, значит, недочеловеки? А мы тогда кто? Какие из нас после этого сверхчеловеки? Посмотрите, ведь они всё готовы потерпеть ради своей страны!.. Подобные вещи я слышу от наших парней повсюду. Война идёт уже два года, мы узнали своего противника, и стало ясно, что с такими теориями мы далеко не уедем» [2, с. 412].

Не надо думать, что Двингер, как и руководство нацистов, сильно изменили своё мнение о русском народе. Изменились обстоятельства, вынудившие их принять факты такими, какие они есть. В желании спасти мечту о пшеничных полях, Двингер делает ставку на создание русской армии во главе с генералом Власовым, но Гитлер гневно отвергает эту идею, и Двингер в 1943 году оказывается под домашним арестом с запретом дальнейших публикаций.

Всё последующее творчество Двингера отмечено бессильной злобой по поводу несбывшихся надежд обрести бескрайние пшеничные поля России, отчего его романы «Когда прорываются плотины. Гибель Восточ-

ной Пруссии» («Wenn die Dämme brechen. Untergang Ostpreußens», 1950) «Генерал Власов. Трагедия нашего времени» («General Wlassow. Eine Tragödie unserer Zeit», 1951), «Они искали свободу. Судьба казаков» («Sie suchen die Freiheit... Schicksalsweg eines Reitersvolkes», 1952) полны отчаяния и презрения к Гитлеру и его окружению, не сумевших отстоять завоеванные богатства.

Поэт Ганс Бауман (Baumann, Hans 1914–1988), в отличие от Двингера, мыслил шире, и отправился на войну для поддержки боевого духа немецких солдат с тем, чтобы завоевать весь мир. Прославившийся своей песней «Дрожат прогнившие кости» («Es zittern die morschen Knochen»), которая сразу же стала гимном нацистской молодёжи, он действовал в духе припева этой песни, ставшего некой упрощённой программой всего нацистского «движения»: «Мы будем шагать и дальше. // Мы вдребезги всё разобьём! // Сегодня принадлежит нам Германия, // а завтра – весь мир обретём!» [5, с. 274].

Но стоило Бауману оказаться на фронте, в России, как тональность его поэзии меняется. По крайней мере, его короткие стихи, написанные летом 1941 года, потеряли свою боевитость. Правда, в стихотворении «Вирбаллис» («Virballen») от 25 июня 1941 года ещё заметен героический настрой. Война только началась, и он славит каждого, кто «с любовью отправляется в поход», ибо «его железную поступь сопровождают духи», которые всякий раз, когда «он наносит раны», будут «давать ему силы», потому что «его меч несёт в себе очищающее пламя» [6, с. 337]. Как это принято в нацистской литературе, когда автор поёт осанну героям или воинам, он превращает всё происходящее с ними в некий рыцарский турнир, и поэтому нападение нацистской Германии на Советский Союз выдаётся им как поход рыцарей-крестоносцев, отправившихся на Восток очищать огнём и мечом «исконную немецкую землю» от нехристей.

Постепенно героический дух в стихах Баумана исчезает. На первый план выходят пейзажные зарисовки, о войне можно догадаться лишь по некоторым деталям. В стихах царит удовлетворение от совершенного, ибо немецкие войска захватили чуть ли не всю европейскую часть СССР, и война, надо полагать, должна скоро закончиться. Хотя война ещё продолжается, «мучительный бой выматывает нас», но бой этот обретает уже некий лирический характер. Баумана привлекает в этой ситуации не сам бой, а

«тёмно-красная бабочка, устроившаяся на каске товарища, шагающего рядом» [6, с. 340]. В этом можно усмотреть желание представить читателям войну как прогулку, не более того. Правда, выступая на международной «Встрече поэтов» в Веймаре в октябре 1941 года, он посетовал на трудности, с которыми столкнулись немецкие войска при взятии моста через реку Ловат под Великими Луками, попав под удары «невидимого органа советских гранат». И, как элегантно замечает Бауман, «стальные рельсы этого моста стали для некоторых наших товарищей мостом в другую страну, отличную от страны врагов» [7, с. 21].

Однако сейчас это уже не так важно, на войне случается и убивают. Важно другое – поход на Восток можно считать законченным, и Бауман уже рисует в заключительном стихотворении цикла «Власть и кротость» («Macht und Milde») картину светлого будущего Восточных земель, освобождённых от большевистского гнёта немецкими войсками. В этом стихотворении особенно ясно звучит мысль, высказанная Бауманом на встрече в Веймаре о том, что «в борьбе с восточным противником, который в своей разрушительной деятельности уповает только на голую силу..., для немцев сила является только некоей оболочкой жизни, только покровом сохраняющейся кротости. В этом заключается глубочайшая порука успеха и надежда, что введённые в заблуждение народы, которые со временем будут разделять плоды победы, поймут ещё во время кровопролитных усилий смысл железной жатвы» [7, с. 23].

«Порушенная колыбель богов! О святая Русь!
 Поля, иссохшие дыханием бездушной силы,
 такой найдут тебя внуки тех, кто пробудил тебя.
 О терпеливый народ! Лишённый молока и хлеба,
 От мёда остался лишь горький осадок,
 От пламени – лишь дым, от колоса – жнивье.
 Мы освобождаем тебя из чудовищной сети,
 Из объятий смерти некоей железной паутины,
 Дыханием своим сгоняем ужас с твоего лба.
 Мы пепел засеем зерном и лилиями,
 А плющ в тени обовьёт наши мечи.
 Мы соберём мартовские облака ради непаханых земель,

Окаменевшие от страданий сердца павших,
О Восточная земля, оросят своей кровью рождение кротости,
Она породит расцвет, отчизна, твоему другому детству» [6, с. 341].

Казалось бы, Бауман не далеко ушёл от Двингера в воспевании русского народа и его «светлого будущего» под эгидой нацистской Германии. Однако он видел Россию, как, впрочем, и войну, из бруствера окопа, и всё его пребывание на фронте воспринимается как лёгкая экскурсия, ибо в его последующей поэзии тема войны практически не отразилась.

Другое дело Герхард Шуман (Schumann, Gerhard 1911–1995), чуть ли не классик нацистской поэзии, отправившийся добровольно на Восточный фронт. В его стихах речь идёт не о причинах войны (она воспринимается как данность), а об освободительной миссии немецкого народа, пытающегося спасти народы Европы, а с ней и всего мира, от «красного ненастья» [8, с. 74]. При этом с народами Европы воюет не немецкий народ сам по себе, нет, он исполняет лишь волю божью: «Народ сей несёт посланье господя, // несёт знамёна к победе. // И тот, кто их кощунственно коснётся, будет повержен» [8, с. 74]. Едва ли не главной темой его стихов становится тема смерти, трактуемой Шуманом как выражение высшей награды солдату. В стихотворении «Нас любит смерть» («Uns liebt der Tod») говорится не о подвиге солдата, не о том, ради чего он пожертвовал своей жизнью, а о том, что «над каждым мёртвым вьётся флаг торжественней. // Дух павших красный цвет флага развернул. // Смерть, будь благословенна. // Полощется флаг на ветру. Бог так хотел» [9, с. 479]. В стихотворении «Триумф» («Triumph») смерть солдат, идущих в атаку, выступает в роли символа уже свершившейся победы, как это мыслилось немцами после быстрых побед во Франции и Польше: «Смерть брызжет тысячами диких красок. // Пускай они падают как спелые колосья, // пускай они окрашивают землю своей кровью. // В душе они уже выиграли эту войну. // Они встают. Идут в атаку на смерть. // И этот их подъём, о братья, есть победа!» [9, с. 494].

Однако после начала войны с Советским Союзом, несмотря на первые успехи немецких войск, ощущение лёгкой победой исчезает, и это находит своё выражение в речах и в поэзии Шумана. В отличие от «маленьких бардов» («Mutti-Barden»), так он называл поэтов, писавших урапатриотические стихи о войне, Шуман находился в действующей армии,

принимал участие в боях под Минском, был ранен, получил Железный крест, т.е. на личном опыте убедился в жестокости войны, и поэтому его военная лирика приобретает довольно суровые черты. Ощущение смерти, некое состояние заброшенности в неведомый мир особенно сильно проявляется в сборнике стихов Шумана «Закон становится песней» («Gesetz wird zu Gesang», 1943), написанных именно в России. В стихотворении «Звёздное небо над Россией» («Sternbild in Russland») Россия олицетворяет собой конец всего сущего, и поэтому его удивляет, что «даже над этим ужасом // ещё опускается ночь», «с чуждой нам силой сжимает нас тоска в болотах и лесах», лирический герой ощущает себя «в бесконечной ужасающей дали // одиноким и безрадостным» [10, с. 14]. Другое, не менее тягостное, лишённое каких-либо героических интенций стихотворение «Болото» («Sumpf»), доводит это настроение до степени всеохватного ужаса:

Гниенье заволакивает давяще удушающими испарениями.
 Зверьё лесное не подаёт весёлых радостных признаков жизни.
 То смерть своим затхлым духом вселяет в нас ужас.
 Да, это смерть. Безжалостная, ждёт она нас здесь.
 Не лес, а кладбище мёртвых пней взирает
 На нас уныло. Как вы сюда попали?
 Нет твёрдой почвы. Земля колышется, отягощённая страхом.
 Нет и воды, болото лишь клокочет в лихорадочном застое.
 С мужчинами, и дуло в дуло, бороться
 Нас учили, и не бояться ничего.
 Но теперь вой раздаётся в пустынной ночи.
 И адской мукой становится даже свет небес.
 Мы окружены дикими силами.
 Мы чувствуем их – но лиц не видим» [10, с. 16].

Несмотря на красочные описания душевных страданий немецких солдат, в которых, казалось бы, ощущалось неприятие войны, Шуман, и это характерно для всего его поэтического топоса, воспринимает эту войну в стихотворении «Мужчины» («Männer») как некое героическое рыцарское сражение, в котором «мужчины», т.е. немцы, «мрачные бойцы обречённого на смерть ордена», борются с «бандитами», с советскими солдатами [10, с. 18].

В произведениях о Первой мировой войне элемент рыцарского противостояния распространялся на обе воюющие стороны, здесь же противник воспринимается как «недочеловек», как существо, не имеющего никакого отношения к человеческой цивилизации, и потому подлежащее уничтожению. Немецкие войска, вторгшиеся в Россию, воспринимаются поэтом как прототип германского рыцарского ордена, борющегося, как и раньше, за души язычников, ибо «глубочайший смысл и задача этой войны состоит в том, чтобы возвысить их в новом рейхе до положения людей» [11, с. 66]. Как это происходило, Шуман не сообщает, но в своих мемуарах он, бывший свидетелем репрессий оккупантов против мирного населения Белоруссии, цинично сообщает о «рыцарском ведении боевых действий и о рыцарском отношении к несчастному населению, тяжёло затронутому ужасами войны, в том числе и на Востоке» [12, с. 160].

Если названные выше авторы являлись прямым порождением национал-социализма, то Хорст Ланге (Lange, Horst 1904–1971) – противник нацистского режима. Его роман «Чёрная Вайда» («Schwarze Weide», 1937), написанный в реалистической тональности вопреки принятому в нацистской литературе воспеванию крестьянства, да ещё и с явными антинацистскими отсылками, подвергся суровой критике властями.

О службе Ланге в армии мы узнаём только из его дневников периода 1939–1945 годов, опубликованных лишь в 1979 году. Его дневниковые записи сильно отличались от пафосных победных репортажей с поля боя, появлявшихся на страницах немецких газет и журналов, в интерпретации, например, Двингера. Они лишены какого-либо героизма и, что особенно примечательно, нацистской фразеологии, пропагандистского слогана. Повседневная действительность военной неразберихи в обстановке, далёкой от торжественных маршей с развёрнутыми знамёнами по дорогам Европы, грязь, снег, мороз, забитые постоянно ломающейся техникой непролазные дороги, отсутствие нормального питания, антисанитария, вши – вот далеко неполный тематический расклад дневников Ланге, служившего в немецких войсках под Москвой: «Мороз немного ослаб. Вьюга. Затем опять стало холодно. Ночь, стоя в карауле, разговоры с людьми из других частей, которые воссоздают одну и ту же картину: проявления усталости, война приняла слишком большие размеры, русская зима наводит на людей страх, они

видят себя противопоставленными некоей природной силе, которой они не знают и которой они боятся, безбрежная пустыня действует на них удручающе, портит настроение, повышает боязнь перед неизвестностью... Возникает некий, отчасти истерический страх перед русскими...» (5.12.41) [13, с. 101]. И как следствие: «Никакого желания воевать. Они говорят об этом открыто, при ближайшей атаке собираются „дать дёру“. Их может удержать только сила и прочная безопасность» (25.10.41) [13, с. 78]. «Вши, наконец, добрались и до меня, ползают по одежде» (1.11.41) [13, с. 84].

Дневник полон описаний продвижения немецких войск к Москве, но они напоминают скорее отступление, чем наступление: «Дорога – сплошной каток. Лошади и люди постоянно падают. Все кругом спотыкаются. Вдали видны отблески пожара... повсюду падают люди. Спотыкаются и падают, лежат какое-то время и идут дальше немного и снова ждут. Темнота и холод приводят ко всё возрастающей озлобленности людей. Громкая ругань, почти на грани драки, но всё же некоторая сдержанность ощущается. Все думают, что это путь в никуда, голодны и чрезмерно усталы и еле держатся на ногах» [13, с. 96–97].

Любопытно отношение Ланге к России. В его дневнике отсутствует ощущение какой-либо вражды, ненависти. Это война, и только. Мы и противник. Образы пленных солдат, офицеров даются подчёркнуто нейтрально – это просто люди, вовлечённые в войну, и поэтому Ланге может написать «Эти русские хорошие и мужественные пилоты» (13:108). Разговоры о России переплетаются рассуждениями о русской литературе – о Пушкине (Ланге читает наизусть «Пророка»), о Тургеневе, о Лескове [13, с. 90, 99].

Несмотря на то, что этот дневник так и не был (и не мог быть!) опубликован в годы нацизма, он в известной степени дополняет облик писателя Хорста Ланге как человека и как писателя – независимого и мыслящего.

Совсем по-иному произошла встреча с Россией у Мартина Рашке (Rasch-ke, Martin 1905–1943), писателя, принадлежавшего кругу афашистских авторов, тех, кто намеренно игнорировал в своих произведениях нацистскую действительность как таковую, живя в иной Германии, оставаясь певцом сельской жизни и природы. В 1941 году Рашке был призван в армию в качестве военного корреспондента вермахта. Военная публицистика Рашке интересна тем, как человек, в общем-то, далёкий от идеологии национал-

социализма, пытается рассказать о войне без нацистской патетики.

Вероятно, задача Рашке состояла в том, чтобы создать в представлении читателя образ войны, лишённый каких-либо особых тягот. Практически он не изображал сами действия немецких войск на территории Советского Союза, а только передавал атмосферу повседневной военной жизни в её бытовых проявлениях. Недаром один из военных репортажей Рашке был озаглавлен «По местам вчерашних боёв» («An der Front von gestern») [14, с. 426–430]. Писателя интересовали последствия войны, а не сама война, поэтому его репортажи, заметки касаются в основном положения людей, затронутых войной, и война здесь предстаёт лишённой своего блеска и славы. В этой же связи в них отсутствуют унижительные, карикатурные или отрицательные оценки противника, как это было принято в пропагандистских статьях тех лет.

Его поездки по оккупированным районам Белоруссии, по Прибалтике, по Псковской земле носили некий экскурсионный характер, целью их было ознакомление с загадочной страной под названием Россия и с её народом. Первое, что его поразило в России, это её размеры, которые вызвали у него «внезапную тоску по редкому» [15, с. 64], и это нашло своё отражение в его творчестве, ибо большинство его заметок являет собой собрание мелких, случайных деталей, мимолётных встреч, которые вызывают у него череду ассоциаций и превращаются в нечто знаковое, особенное. Этим особенным для него стала Россия – некое заколдованное царство рек и болот: «Даже если бы этого ты не знал, можно было бы почувствовать, что здесь живёт другой народ, который не предаётся попечению порядка и не жаждет обрести в объятиях уюта нечто необычное. Всё здесь говорит о возвышенном запустении. Поэтому здесь и вороны выглядят страшнее. В них, кажется, вселились враждебные духи... Разрушения в Кингисеппе, в других местах выглядевшие бы скорбно, вполне отвечают этому приюту анархии и только обнаруживают, каким законам первозданной жизни и гибели этой страны они ещё могут служить. В них проявляется не столько дело рук человеческих, сколько воздействие той оплодотворяющей и дикой разрушающей силы, которая повсюду сгибает заросли ольхи к болоту и берёт приступом коварной сыростью дома, доводя их до гниения» [15, с. 97–98]. И далее: «Нигде не видно следов возвышенной жизни, только вода

течёт и капает на эту многократно израненную землю» [15, с. 98] .

Эти безрадостные картины дополняют встречи Рашке с населением захваченных немцами советских областей, в большинстве своём с крестьянами, которые предстают в его интерпретации как жертвы войны. Побывав в Пушкинских Горах и осмотрев памятник А.С. Пушкину, укрытый на зиму досками, Рашке меланхолично замечает: «Неповреждённый. Музы охраняет, вероятно, особый дух. Охраняет ли он так же и город?.. Война лишила этот народ его цивилизации, достигнутой с большим трудом, и вытолкнула его обратно в прошлое столетие» [15, с. 113].

Это обстоятельство вызывает у Рашке двойственное впечатление. С одной стороны, он многожды подчёркивает беды, принесённые русскому народу войной; с другой стороны, он, побывав в нескольких избах и наблюдая за повседневными делами крестьян, восхищён тем, что они, несмотря ни на что, оказываются верны своим стародавним привычкам, которые помогают им выстоять в годину бедствий: «Жизнь здесь мне показалась более древней, чем у нас. Люди пользуются результатами некоей тысячелетней деревянной культуры, которая проявилась в прекрасных установлениях для всякой деятельности, в то время как мы находимся в состоянии смутной юности металлического столетия машин. Даже если это всё принадлежит устаревшей эпохе, оно всё же не потеряло своей силы, сформированное долгим дыханием столетий и всё ещё полное сил, как и прежде» [15, с. 117]. В этих словах, конечно, сказывается и приятная сердцу Рашке приверженность крестьян заветам предков, но в них заключено и признание силы духа русского народа, его живучести, его стойкости. И дело тут, конечно, не в какой-то особой любви Рашке к русскому народу. Основная тональность статей, коротких высказываний, дневниковых записей, вошедших в книгу «В тени фронта», свидетельствует о пристальном интересе Рашке к отдельной личности, оказавшейся волею судеб в центре событий, неподвластных его пониманию, и потому представляющих опасность для его существования.

Самое примечательное в этих заметках о войне с Советским Союзом то, что если Двингер, Бауман и Шуман воспринимали войну как их кровное дело, то Ланге и особенно Рашке ощущали себя призванными на войну. Это не их война, и они следуют в фарватере событий как граждане

рейха, не более того, и поэтому они, каждый по-своему, пытаются подорвать доверие к этой войне. Недаром политическая полиция запретила публиковать дневник Рашке «В тени фронта», усмотрев в нём нечто, что «могло бы испугать общественность» [16, с. 264]. Но эту общественность, по крайней мере, в начале «похода на Восток», ничто не могло испугать. Вот свидетельство Райнхольда Шнайдера, известного противника нацистов: «Даже те люди, которых я очень высоко ценил, увидели, хотя они осуждали идеологию и методы нацистов, возможность подъёма рейха. Антимилитаристы, которые, как и я, меньше всего могли обращаться с оружием, радовались по поводу занятия Парижа. Критически настроенные исследователи истории предрекали возникновение германского всемирного рейха. Противники нацистской системы, тяжело страдавшие от неё, обсуждали уже планы разрушения Лондона. В добропорядочных бюргерских семьях, при свете лампы, занимаясь вязаньем чулок, с радостью воспринимали сообщение о потоплении английского судна и гибели всей команды, с удовлетворением констатировали бомбардировку какого-то города, и с горечью реагировали на проявления сопротивления в Польше, Норвегии и Греции. Концлагерей не должно быть, и потому их и не было» [17]. Хотя эти слова относятся к временам первых военных побед нацистов, они не потеряли своей актуальности и в годы войны с СССР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Kampf gegen die Sowjets. Berichte und Bilder vom Beginn des Ostfeldzugs bis zum Frühjahr 1942 // Hrsg.v. Oberkommando der Wehrmacht. Berlin 1943.
2. **Кульков Е.Н.** Германия: немцы под нацистской свастикой. Война и общество в XX веке. Книга 2. Война и общество накануне и в период Второй мировой войны // Под ред. Е.Н. Кулькова. М., 2008.
3. http://de.wikipedia.org/wiki/Edwin_Erich_Dwinger
4. **Dwinger E.E.** Wiedersehen mit Sowjetrußland. Tagebuch vom Ostfeldzug. Jena 1942.
5. **Baumann H.** Es zittern die morschen Knochen// Loewy E. Literatur unterm Hackenkreuz. Das Dritte Reich und seine Dichtung. Eine Dokumentation. Köln, Frankfurt am Main 1977.
6. **Baumann H.** Briefgedichte aus dem Kriege// Das Innere Reich. Oktober 1941. Berlin.
7. **Baumann H.** Von den Bewährungen des Dichters// Die Dichtung im kommenden Europa. Weimarer Reden 1941, Hamburg 1942.

8. **Schumann G.** An Europa// Weimarer Blätter 1940. Festgabe zur großdeutschen Buchwoche. Leipzig 1940.
9. **Bautz S.** Gerhard Schuman – Biographie – Werk. Wirkungen eines prominenten Autors. Gießen 2008.
10. **Schumann G.** Gesetz wird zum Gesang. München 1943.
11. **Schumann G.** Krieg – Bericht und Dichtung// Dichter und Krieger. Weimarer Reden 1942/ Hrsg.v. R. Erckmann. Hamburg 1943.
12. **Schumann G.** Besinnung. Von Kunst und Leben. Bodmann/Bodensee. 1974.
13. **Lange H.** Tagebücher aus dem zweiten Krieg// Hrsg.v. H.D. Schäfer. Mainz 1979
14. **Raschke M.** An der Front von gestern. Ein Kriegsbericht// Das XX. Jahrhundert. 1941. H.12.
15. **Raschke M.** Im Schatten der Front// Hinweis auf Martin Raschke. Eine Auswahl der Schriften/ Hrsg.v. D. Hoffmann. Heidelberg/Darmstadt 1963.
16. **Martin Raschke (1905–1943).** Leben und Werkchronik// Hrsg.v. W. Haefs, W. Schmitz. Dresden 2002.
17. **Hamm P.** Wille zur Ohnmacht. Ein Porträt des katholischen Schriftstellers Reinhold Schneider// Die Zeit, Hamburg. 20.04.1984

УДК 94(47).084.8:070(476)

Е. Я. Павлова

СОБЫТИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОСВЕЩЕНИИ БЕЛОРУССКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

В 2016 году отмечается 70 лет со времени окончания самой кровопролитной в истории человечества Второй мировой войны. В прошлом году Беларусь праздновала 70-летие освобождения от нацистских захватчиков. Нет в Беларуси такого уголка, который не стал бы местом подвига или скорби. Историческая память о Великой Отечественной войне является ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей современной Беларуси. Как показывают социологические опросы, события войны воспринимаются в обществе именно как испытание на стойкость белорусской нации [1, с. 88–91]. На белорусские территории война пришла еще в 1939 г. С лета 1941 г. на протяжении 3 лет территория БССР была полностью оккупирована гитлеровцами. В западной части БССР действовали войска польской Армии Крайовой, с определенного времени противостоявшие советскому партизанскому движению и находящиеся в конфликте с ОУН-УПА.

Поэтому память о войне продолжает активно воспроизводиться, для ее трансляции активизированы практически все возможные каналы культурной политики. Одной из главных функций периодической печати является формирование общественного мнения. Тема противостояния нацистской агрессии продолжает занимать значительное место в материалах белорусских СМИ. Специальные публикации регулярно присутствуют в основных общественно-политических изданиях, в детской газетной периодике (например, газете «Зорька»). В изданиях созданы специальные рубрики. Если люди старшего поколения отдают предпочтение традиционной бумажной форме изданий, то граждане средних лет и молодежь предпочитают электронные версии. Все выбранные издания имеют свои электронные порталы, что позволяет говорить о достаточно широкой читательской аудитории.

Ярким примером освещения всего спектра белорусской военной тематики на страницах белорусской версии российской прессы можно назвать публикации «Комсомольской правды в Беларуси» [2]. Однако, предметом рассмотрения в данном материале стала именно белорусская периодика. Обратимся к наиболее популярным в Беларуси газетам и журналам («Беларуская думка» – научно-популярный и общественно – политический журнал Администрации президента РБ; «Народная воля» – наиболее популярное негосударственная газета – создана в 1995 г.; «Советская Белоруссия» – одна из старейших белорусских газет и самая многотиражная – издается с 1927 г, «Минский курьер» – одна из старейших столичных газет основана еще в 1908 г., восстановлена в 2001 г.; научно-популярный и общественно политический журнал «ARCHE пачатак» – негосударственное издание, рассчитанное на интеллигенцию, издается с 1998 г.).

В материалах, посвященных событиям 1939–1945 г., представлен весь спектр актуальных проблем и вопросов [3, с. 38–45; 4, с. 3–8; 5, с. 94–99; 6; 7, с. 82–91]. За прошедшие 2 десятилетия существования независимой Беларуси в освещении обозначенного периода сохранилась определенная преемственность. В то же время расширился круг авторов и проблемных вопросов. Все посвященные материалы на страницах белорусских СМИ можно подразделить на несколько групп: значение Победы над германским нацизмом, героизм защитников и освободителей, ситуация на оккупированной территории, память про войну. Жанрово – это статьи, письма в периодические издания, журналистские расследования, публикации источников [8; 9, с. 42–47]. Основная масса представлена материалами публицистического характера и воспоминаниями очевидцев событий. Среди живых свидетелей событий военных лет значительную часть составляют «дети войны», пережившие оккупацию и концлагеря, ставшие сыновьями полков. Наиболее профессионально подготовленные, с учетом последних наработок историков и различных общественных точек зрения, публикации представлены на страницах журнала «Беларуская думка».

Анализ публикаций последних 5–6 лет позволяет выделить «болевые точки» военной истории. На страницах как государственных, так и негосударственных изданий ведется борьба за «настоящую правду о войне» [3, с. 38–45; 10; 11, с. 24–43; 12; 13]. Среди проблемных вопросов общевос-

енной истории наибольшие споры вызывают оценки значения роли Советского Союза и необходимости таких колоссальных жертв [3; 14; 15, с. 84–91; 16, с. 3; 17, С. 92–97]. Подходы государственных и негосударственных изданий существенно отличаются. Наиболее многотиражная газета «СБ Беларусь сегодня» по сути самоустранилась от участия в дискуссии. Точка зрения, представленная на страницах самой популярной негосударственной газеты «Народная воля» сводится к попытке уровнять степень ответственности нацистской Германии и СССР в развязывании войны и событиях лета-осени 1939 г. [18; 19]. Основными авторами являются рядовые граждане Беларуси и обозреватели «Народной воли» [10; 16, с. 3; 20]. Участие представителей общественности в дискуссии по значимым проблемам можно только приветствовать. Однако, за каждым публикуемым материалом прослеживается позиция редакции издания. Обсуждение событий Второй мировой и Великой Отечественной войны на страницах упомянутого издания отличается некоторой односторонностью. Полемика с оппонентами даже не предполагается. Публикации построены на подаче малоизвестных широкой публике фактов, преимущественно противоположных версии «официальной науки», выпячивании так называемой «страшной правды» (Сталин готовил Брестский мир-2; Г.К. Жуков является самым кровавым полководцем; огромных людских жертв во время войны можно было бы избежать, если бы не твердолобость советских руководителей) сложного военного периода [18; 19]. Для критики предлагаемых современными историками концепций используются не научные, а идеологические аргументы. Приводимые в статьях документы приводятся без каких-либо минимальных ссылок на источники [20]. подача материала рассчитана на получение прежде всего эмоционального отклика. Характерной особенностью публикаций указанного издания является принципиальный отказ от приглашения к дискуссии белорусских, российских и даже германских (!) специалистов – историков и правоведов, в то время как польским специалистам предоставляется возможность высказать свою точку зрения. Большинство публикаций мемуарного характера посвящены геноциду и взаимоотношениям партизан и местного населения. В тоже время следует признать, что на протяжении 2014 г. издание несколько расширило тематику публикаций и пошло по пути представления различных точек зрения на наиболее острые вопросы войны [21; 22; 23; 24].

У интеллигенции пользуется популярностью альманах «ARCHE пачатак». Это издание удачно сочетает публицистику, научные исследования и издание источников [9, с. 42–47; 25, с. 40–167; 26, с. 149–201]. Традиции выпуска специальных военных номеров издания уже больше 10 лет (выпуски № 5-2008, 1-2013, 3-2013). Опуская несколько идеологический окрас ряда публикаций, необходимо признать положительную роль в расширении объективных знаний соотечественников о событиях Второй мировой войны. Указанное издание обращается к освещению практически всех аспектов военной истории: ситуация в Западной Беларуси накануне и в начале Второй мировой войны, оборона Беларуси летом 1941 г., политика геноцида в отношении оккупированных территорий, партизанское движение, взаимоотношения партизан и местного населения, коллаборационизм в годы войны, печатные СМИ оккупационного периода, межконфессиональные отношения на захваченных территориях, польское подполье и его взаимоотношения с местным населением и советским партизанским движением, а также сотрудничество поляков в антипартизанских акциях. Негосударственный «АРХЕ пачатак» зачастую, выступает в качестве ведущего оппонента авторам публикаций «Народной воли». На страницах упомянутого издания получили возможность высказать свою точку зрения на военные события на территории Беларуси наряду с белорусскими авторами и представители исторической науки Германии, Польши, Швеции, Канады и т.д. Как ни странно, мнения немецких исследователей по проблемам оккупационного периода очень часто подтверждают выводы их белорусских коллег [25, С. 40–167; 26, С. 149–201]. Хотя в вопросах сохранения исторической памяти о минувшей войне мнения белорусов и представителей Германии могут существенно расходиться по объективным и всем известным причинам [11, с. 24–43]. Отсутствие публикаций российских историков на страницах АРХЕ можно объяснить как стремлением редакции представить читателям мнения иных зарубежных специалистов, так и тем фактом, что концепции современных российских историков – профессионалов широко представлены в Беларуси, благодаря телевидению и российским печатным СМИ.

Самую острую полемику в современном белорусском обществе вызывает обсуждение событий 1939 г., характер войны для Беларуси, события периода оккупации, межэтнические конфликты на оккупированной терри-

тории, состав партизанских формирований и их взаимоотношения с местным населением, национальное движение в период оккупации, истинные герои военных лет, необходимость такого количества жертв, положенных на алтарь Победы, восприятие Победы и значение СССР в Великой Отечественной войне, анализ произведений современной литературы и киноискусства, электронных ресурсов о Великой Отечественной войне [6; 7, с. 82–91; 12; 16, с. 3; 17, с. 92–97; 21; 27, с. 30–33; 28, с. 54–59].

Не теряет своей актуальности освещение фронтовых событий. Судя по публикациям, наибольший интерес для ведущих газет и журналов представляют материалы про оборону и освобождение БССР, сложности эвакуации. Вместе с тем, необходимо признать, что оборонительные сражения 1941 г. нечасто становятся темой публикаций государственных СМИ [29, с. 12–21]. Предпочтение в таких изданиях отдается успешным освободительным операциям [30; 31; 32; 33]. На протяжении последних лет белорусские историки изучили немецкие документы и представили в научных журналах материалы, которые позволяют говорить о реальной битве за Беларусь еще летом 1941 г. [34, с. 8–65; 35]. В тоже время, по сравнению с российскими изданиями, технические подробности фронтовых и даже партизанских операций вызывают значительно меньший интерес издателей.

Четыре главные темы публикаций про период оккупации: повседневность, коллаборационизм и национальное движение, партизанское движение, гитлеровский геноцид. Основные споры по белорусской тематике ведутся вокруг партизанского движения, коллаборационизма, национального движения. Проблема противопоставления белорусской национальной партизанки советскому партизанскому движению связана не только с резкой антисоветской риторикой, но и с антимосковской (если можно так выразиться). Сложность обсуждения проблемы коллаборационизма выражается в нескольких моментах: само определение такого сотрудничества (были как идейные, так и вынужденные участники) на территории БССР действовали не только местные, но и украинские, латышские и эстонские полицейские формирования (ранее они все рассматривались просто, как предатели своей страны). Сейчас в период существования независимых национальных государств эта проблема требует рассмотрения сразу с нескольких ракурсов, так как необходимо четко определить ряд момен-

тов: жители БССР защищали свою Родину или сталинскую советскую Россию; степень участия этих коллаборационистских формирований в уничтожении мирного населения [10; 12; 15; 21; 25; 36; 37]. Последнее обстоятельство тем более важно в условиях существенных расхождений отечественных политиков и историков с украинскими и прибалтийскими в вопросах истории Второй мировой и Великой Отечественной войны.

В советский период основными тематическими акцентами публикаций являлись геноцид со стороны захватчиков, активное сопротивление местных жителей и предательский переход отдельных советских граждан к сотрудничеству с оккупантами. Эти темы не исчезли из белорусских газет и журналов [7; 13; 10; 37; 38; 39]. Лучшие традиции советского периода в сохранении памяти о героической борьбе против гитлеризма поддерживают ведущие белорусские издания («СБ Беларусь сегодня», «Республика», местные и городские газеты, например, «Минский курьер») [39; 40; 41]. С другой стороны, в настоящее время одной из главных проблем видится осмысление психологических особенностей и жизненных обстоятельств населения оккупированных территорий. Такой подход предполагает дилемму, вставшую перед каждым оказавшимся на захваченной гитлеровцами земле: нужно пережить оккупацию – выжить любой ценой или сражаться против захватчиков и дожить до освобождения. Кроме того, современные публикации доказывают, что выбор между спасением от захватчиков и участием в сопротивлении осложнялся внутрисемейными, местными и межэтническими конфликтами [7; 21, 24]. Публикации белорусских изданий показывают, насколько сложными зачастую, особенно на территории Западной Беларуси, были отношения между белорусами, поляками, украинцами и евреями [альманах «ARCHE пачатак»: специальные военные выпуски]. Именно эти обстоятельства наиболее часто способствовали негативным явлениям. Кроме того, ряд публикаций время от времени наталкивает читателя на мысль, что к сотрудничеству с оккупантами и неучастию в партизанской борьбе многих сельчан подтолкнула советская политика в предвоенные годы. Такой оттенок материалов наблюдается в публикациях негосударственных СМИ. Однако, в публикациях последних лет на основе архивных (!) документов отечественные и зарубежные, прежде всего, немецкие историки, доказывают, что в этих конфликтах отношения с со-

ветской властью у представителей упомянутых этносов не являлись определяющими. Отдельного рассмотрения заслуживает и тема основной мотивации участия жителей БССР в советском партизанском движении и вопрос о наличии параллельного советскому национальному партизанского движения [7; 12; 21; 24; 39]. За Беларусь на протяжении всего послевоенного периода закрепился образ республики-партизански, что подтверждается и современными, в том числе германскими исследователями [Публикации А. Бракеля в «ARCHE пачатак?». В советский период основное внимание уделялось эффективности партизанской войны и интернациональному личному составу. Такая недосказанность, как вследствие недостаточной разработанности проблемы, так и по идеологическим причинам, позволяет определенному кругу авторов высказывать свои, ни чем не подкрепленные, теории об организации, структуре, реальной деятельности и отношениях партизан с местным населением. Время от времени появляются публикации, главной идеей которых становится тезис о том, что главным беспокоящим элементом в годы оккупации являлись партизанские формирования, а не захватчики; именно действия партизан провоцировали гитлеровцев на геноцид, советские партизаны спровоцировали по сути гражданскую войну [11; 13; 36]. Сложность современной ситуации заключается в том, что самые многотиражные отечественные государственные издания (например, «СБ Беларусь сегодня») сознательно уклоняются от полемики на эту тему, давая тем самым изданиям типа «Народной воли» и «Белгазеты» позиционировать свою точку зрения как единственно правильную [13; 36]. Не высказывают свое мнение по вопросу о гражданской войне на территории БССР в 1941–1944 г. и отечественные политологи. В то же время журнал «Беларуская думка» на протяжении последних лет представил несколько материалов, которые обстоятельно анализируют социальные процессы на оккупированной территории, дают характеристику деятелям национального движения, доказывают несостоятельность тезиса о гражданской войне в оккупированной гитлеровцами БССР [5; 7; 12].

Особого внимания заслуживает обращение к проблеме детей в период военного конфликта [42; 43]. В советский период (в 1948 г.) в БССР по инициативе учеников столичной школы № 37 была проведена акция и издана книга с рассказами белорусских детей, переживших ужасы войны

«Никогда не забудем». Эта тема представлена на страницах печатных изданий двумя направлениями: воспоминания людей, переживших войну детьми и увековечивание памяти о военных жертвах среди детей и молодежи. Воспоминания детей войны рассказывают о фронтовых буднях сыновей полков и повседневности жизни в оккупации. Эти воспоминания присутствуют по всех изданиях. Детская память очень цепкая. Однако, направленность может значительно различаться. Так, в государственных изданиях акцент в рассказах детей войны делается на сложных обстоятельствах повседневности (СБ БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ, КП, Беларуская думка, Минский курьер) [2; 38; 40; 43]. В «Народной воле» на протяжении последних лет были представлены несколько точек зрения. С одной стороны, это публикация отрывков из книги И.Копыла «Небышино. Война», вызвавшей в Беларуси активную полемику о действиях партизан в районе г.Бегомля Витебской области [10]. С другой, накануне празднования 70-летия освобождения Беларуси от гитлеровских захватчиков и 70-летия Победы над нацистской Германией тон газеты в 2014 г. значительно изменился. В марте 2014 г. был опубликован абсолютно пронзительный, несвойственный данному изданию, материал – воспоминания В.Зайца, жителя деревни Луки Полесской области. Главными темами публикации были сложные жизненные условия в первые после освобождения месяцы и (!) рассказ о тяжелейших условиях выхаживания раненых советских бойцов во фронтовом госпитале, расположенном в деревне. Воспоминания проникнуты данью глубокого уважения к советским воинам, погибшим и раненым в боях за освобождение Белоруссии. Автор материала убежден, что ни один воин, защищавший или освобождавший белорусскую землю не должен быть забыт [23].

В ноябре–декабре 2014 г. вышли отрывки воспоминаний еще одного военного подростка В. Горбачева (1200 страниц рукописи доктора медицинских наук) «Сквозь тернии». Эти воспоминания разительно отличались от «Небышино. Война». Если в первом случае публикация представляла собой негативно-критическую публицистику об отношении автора к военным событиям с позиции сегодняшнего дня с учетом желания опубликовать свой труд. Во втором автор мемуаров рассказывает, как он воспринимал эти события тогда, в подростковом возрасте. Там есть все: и про неподготовленную эвакуацию, и про чрезвычайные партизанские приговоры, про

тяжелейшую блокаду и прорыв партизан Лепельской весной 1944 г., про предательство со стороны местных жителей. Однако, являясь доктором наук, В. Горбачев изложил материал в позитивно-критическом ключе, четко, последовательно анализируя свой жизненный опыт и наработки исторической науки. Главная мысль, звучавшая в освещении периода войны: мы поняли, что на нашу землю пришли нелюди, изверги. Увидев их неспровоцированный геноцид по отношению к военнопленным летом 1941 г., задолго до массового партизанского движения, школьник В. Горбачев поклялся мстить извергам за мучения солдат [44]. Редакция «Народной воли» очень высоко оценила труд В. Горбачева, отметив, что несколько экземпляров рукописи достойны храниться в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны и Национальной библиотеке Беларуси.

В 2007 г. в деревне Красный берег Гомельской области появился мемориал «Детям – жертвам Великой Отечественной войны», вдохновителем и одним из авторов которого стал выдающийся белорусский архитектор Л. Левин, которому в 1941 г. было всего 5 лет. Красный берег в народе называли «детская Хатынь». Как отмечал автор в интервью газете «Минский курьер», «...После войны не так много говорили о детях на войне, которые наравне со взрослыми испытали все ее ужасы. Надо помнить о том, что ребенок на войне, по большому счету, – это существо самое беззащитное. И оккупанты делали с нашими детьми что хотели. Только на территории Беларуси было 14 детских концлагерей, где у ребятишек выкачивали кровь для раненых солдат вермахта. И мне захотелось простым языком скульптуры поведать о том, что война украла у детей. А украла она все: родителей, детство, школу, небо, будущее... Жизнь, наконец...» [45; 46].

Несмотря на существенные различия в подходах при освещении оккупационного периода 1941–1944 гг. в военных материалах абсолютно всех изданий есть 2 темы, подходы к которым едины – это жертвы геноцида и фронтовых битв, а также отношение к военным мемориалам [5; 22; 38]. Публикация материалов о жертвах среди населения и мучительных смертях тяжелораненых солдат осуществляется под негласным девизом: «Это не должно повториться!» [12; 26; 45; 46; 47; 48; 49; 50]. Материалы, посвященные памятникам и другим мнемоническим местам проникнуты идеей необходимости надлежащего ухода за отечественными мемориалами

и недопустимости оскорбления военных мемориалов со стороны кого бы то ни было. Даже не обращаясь к проблеме мемориализации событий Великой Отечественной войны негосударственная газета «Народная воля» мгновенно отреагировала на попытки оскорбления главного памятника мемориала «Брестская крепость» со стороны американского канала CNN.

Концепция «мнемонических мест» (известная также как концепция «мест памяти»), предложенная в начале 20 века Морисом Хальбваксом, – на сегодняшний день становится все более популярной и актуальной с точки зрения объяснения влияния памятных мест на историческую память того или иного народа. Мнемонические места укрепляют стереотипы нашего сознания, пробуждая специфические воспоминания о прошлом. Поэтому, коммеморация важна и в политическом плане, и в педагогическом (Ведь посещение мнемонических мест и связанные с этим ритуалы – один из самых действенных способов развития исторической памяти, особенно для подрастающего поколения).

На белорусской земле возведено более 6 тысяч мемориалов и памятников, посвященных событиям военных лет. Все они – свидетельство большой трагедии и большой славы защитников и освободителей. И практически каждый год появляются новые памятные знаки. Однако, даже при такой активной государственной политике увековечивания памяти о войне до недавнего времени существовали некоторые парадоксы. В республике партизанке только в 2005 г. в г. Минске появился комплекс «Беларусь партизанская в Минске». В 2011 г. в Брестской крепости был открыт мемориал «Героям границы, женщинам и детям мужеством своим в бессмертие шагнущим». В 2014 г. появились монумент «Операция «Багратион» в Светлогорском районе Гомельской и композиция «Прощание» около нового белорусского государственного музея Великой Отечественной войны [51].

Тема мнемонических мест представлена в печатной периодике несколькими основными направлениями: публикации о мемориалах и памятниках войны, и информация об институтах социальной памяти о событиях войны, публикации о работе поисковых подразделений.

Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны стал одним из первых советских музеев о событиях 1941–1945 гг. В 2010 г. был утвержден проект нового здания музея, который был ши-

роко представлен белорусскими СМИ. В 2014 г. состоялось торжественное открытие. Городская газета «Минский курьер» активно следила за реализацией проекта [52].

В 2014 г. ведущая газета «СБ Беларусь сегодня» и журнал «Беларуская думка» подготовили специальные проекты об отечественных мемориалах, архивах и музеях [4; 33; 53; 54]. В этой связи важно отметить широко озвученную даже на страницах ведущих государственных газет проблемную ситуацию с сохранностью самых значимых военных монументов [22; 55]. Не обошла столь важную тему и «Народная воля». На её страницах прозвучала идея увековечить подвиг защитников Брестской крепости в 1939 г. [19].

На протяжении периода независимости был снят гриф секретности с множества архивных документов, сборы архивистов пополнились множеством новых коллекций. Ведущие архивные учреждения на своих порталах проводят виртуальные выставки документов и видеоматериалов о событиях военных лет. Печатные СМИ регулярно рассказывают гражданам об этих бесценных запасах [6; 15; 52; 56]. Характерной особенностью можно назвать и подготовку материалов об авторах и обстоятельствах появления военных фотодокументов [6; 57]. Еще одним направлением публикаций о деятельности институтов социальной памяти можно назвать материалы о работе архивов международной службы розыска. Уже 70 лет, как закончилась Вторая мировая война, но до сих пор архивы Западной Европы остаются для историков terra incognita. В 2007 году открыла архивы для проведения исторических Международная служба розыска, расположенная в немецком городе Бад-Арользене, – крупнейшее в хранилище данных по жертвам нацистских преследований. Здесь собрана документация, судеб более 17,5 млн. человек разных национальностей, в том числе и белорусов. Однако пока воспользоваться открывшимися данными историки не спешат. Между тем Международная служба розыска может быть полезна не только ученым, сотрудникам мемориальных комплексов, музеев, но и простым гражданам. В этой связи необходимо выделить публикации журналов «Беларускай думкі» и «Архивы и делопроизводство» [58].

На протяжении нескольких десятилетий в белорусском обществе велись дискуссии об идее создания мемориала на месте самого крупного на территории Беларуси концлагеря в Тростенце. В 1994 г. Совмин Белару-

си принял соответствующий документ. Средства на создание памятника жертвам нацистского геноцида собирали в том числе и в Германии. Начиная с 2000 г. велась работа над концепцией мемориала, автором которого также стал Л. Левин. В 2014 г., в 100-летие с начала Первой мировой и 75-летия со дня начала Второй мировой войны состоялась закладка первой очереди мемориала. Торжественное открытие запланировано на 22 июня 2015 г. В период с 2009 г. городская газета «Минский курьер» подготовила несколько публикаций о концентрационном лагере и увековечивании памяти жертв гитлеровского геноцида из нескольких европейских государств [45;50].

Война не закончена до тех пор, пока не найден и похоронен достойно каждый солдат. Тема поиска и захоронения погибших на территории Беларуси советских бойцов занимает особое место в публикациях государственных СМИ [4;55]. Особенностью белорусского 52-ого специализированного поискового батальона является то, что в отличие от аналогичных подразделений РФ, поиск ведется не только на полях сражений, но и в местах принудительного содержания военнопленных и мирных граждан. Только за первый год своего существования бойцами батальона были найдены останки 233 воинов [6].

Одной из наиболее актуальных тем продолжают оставаться людские потери в Великой Отечественной войне. В ряде негосударственных изданий на волне яркого антисталинского окраса активно пропагандируется идея безрассудного отношения к своим солдатам со стороны советских военных руководителей (прежде всего Г.К. Жукова), и как следствие такие (14,7 млн. чел.) потери среди советских военнослужащих [50, 52]. При этом, людские потери собственно БССР такими изданиями вообще не рассматриваются. В то же время тема людских потерь Беларуси в Великой Отечественной войне активно обсуждается представителями профессионального исторического сообщества (профессора Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка, доктора исторических наук Э. Иоффе и заведующего отделом военной истории и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси доктора исторических наук, профессора Алексея Литвина) в статье, опубликованной в «Беларускай думке» за 2000 год (№ 8). Белорусская специфика отличается от российской, и прежде всего тем, что приходится делать различие между

потерями в Великой Отечественной и во Второй мировой войне. Вторая мировая война началась для нашей страны еще в сентябре 1939 года, когда в западных регионах велись боевые действия между польскими и советскими войсками. Во время этих боев неизбежны были потери среди мирного населения. Из служивших в тогдашней польской армии не менее 70 тыс. уроженцев Западной Беларуси во время сентябрьских боев погибло 7–8 тыс. человек. Около тысячи уроженцев Западной Беларуси погибли во время боев в Италии (под Монте-Кассино), сражаясь против фашистов в рядах 2-го Польского корпуса генерала Андерса. По подсчетам Э.Г. Иоффе, итоговая цифра людских потерь БССР в годы войны составила 3 млн. 146 тыс. 800 человек. Это дало ученому основания говорить о том, что погиб каждый третий житель республики. Э.Г. Иоффе признал, что решение этой проблемы с учетом всех факторов – демографических, социально-экономических, политических – требует комплексного государственного подхода с участием всех заинтересованных министерств и ведомств, научных учреждений Беларуси. По мнению А.М. Литвина, необходим тщательный источниковедческий анализ всех официальных сведений, в первую очередь сообщений ЧГК по районам и областям, сопоставление их с другими данными других источников. Для получения точных данных о людских потерях Беларуси необходимо иметь достоверные сведения о численности населения республики на начало и конец войны, о количестве жителей республики, призванных в Вооруженные Силы СССР в 1941–1945 годах и участие в боевых действиях. Наконец, только в последнее время исследователи начали включать в людские потери республики полицаев и деятелей оккупационной администрации, погибших во время войны или бежавших на запад вместе с отступавшими гитлеровцами. Следует вспомнить и о заключенных советских тюрем на территории БССР. Также следовало бы определить масштабы людских потерь в тех регионах, не входивших в БССР, где проживали этнические белорусы. Учет всех этих факторов поможет составить объективное представление о масштабе демографических потерь страны и белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. И, безусловно, важнейшее политическое значение имел бы точный, на основании современных компьютерных методик, расчет количества, национального и социального состава населения, которое бы проживало на территории

Беларусь в настоящее время, если бы не было войны. Следует также получить точную информацию о величине естественной убыли (от болезней, старости, несчастных случаев и других причин) за годы оккупации [12].

В заключение хочется отметить, что во всех публикациях государственных СМИ звучит благодарность жителей Беларуси представителям всех народов и стран, участвовавших в защите и освобождении Беларуси от гитлеровских захватчиков [59]. В своей истории белорусская земля познала множество воин. Но период Второй мировой войны с июня 1941 до 9 мая 1945 г. мы называем Отечественной. В это время решался вопрос о сохранении полиэтнической белорусской нации. Жители БССР защищали не сталинский режим, а свой отчий дом, свои семьи, свою Родину от агрессоров. Именно так. А никак иначе. Белорусские историки к настоящему моменту имеют ясную картину по практически всем «болевым» вопросам войны. Нам остается надеяться, что главные государственные и негосударственные газеты предоставят нам свои страницы и порталы для того, чтобы ознакомить с этой информацией максимально большое количество граждан страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Котляров И.** Гордиться славой предков // Беларуская думка. 2015. № 2. С. 88–91
2. **Селицкая Л.** После суток в операционной мне казалось, что все вокруг калек – [Электронны рэсурс] // КП. – 2011. – Рэжым доступа: <http://www.kp.by//daily/24474/632632/>; **Селицкая Л., Селеменев В.** Неудачное покушение на В. Кубе в минском театре Кремль приказал признать провокацией. – [Электронны рэсурс] // КП. – 2011. – Рэжым доступа: <http://www.kp.by//daily/25682/840771/>; **Селицкая Л.** Ветеран А. Богомолов: ”В 1945 г. нашел в Берлине 2 фотоаппарата. И стал снимать. – [Электронны рэсурс] // КП. – 2011. – Рэжым доступа: <http://www.kp.by//daily/24470.4/629669/>; **Селицкая Л.** На груди фотоаппарат, а на плече – автомат – [Электронны рэсурс] // КП. – 2011. – Рэжым доступа: <http://www.kp.by//daily/24478.3/635134/>; **Селицкая Л.** Правительство Белоруссии собиралось вернуться из эвакуации еще в 1942 г. – [Электронны рэсурс] // КП. – 2011. – Рэжым доступа: <http://www.kp.by//daily/24489/644818/>; **Селицкая Л.** Фотографироваться у Рейхстага нам казалось неинтересным // КП. – 2010. – 2 апреля; **Селицкая Л.** От гибели в оккупированном Минске мать спас стрептоцид, а дочь – лыжные штаны // КП. – 2010. – 1–7 апреля.
3. **Гигин В.** Была ли война случайной // Беларуская думка. 2010. № 4. С. 60–63; **Гигин В.** «Teraz nie pora szukac wumowek...»//Беларуская думка. 2009. № 9. С. 38–45.

4. **Головко С.** Форпост мужества // Беларуская думка. 2014. № 4. С. 12–19; **Головко С.** Прорыв в Бессмертие // Беларуская думка. 2014. № 5. С. 34–40; **Головко С.** Курган вечной славы // Беларуская думка. 2014. № 6. С. 48–53; **Головко С.** Монумент героизму и мужеству // Беларуская думка. 2014. № 7. С. 3–8.
5. **Докунова Е.** За колючей проволокой: дулаги, шталаги, офлаги // Беларуская думка. 2012. № 2. С. 94–99
6. **Дроздов А.** От «Суворова» до «Багратиона» // Беларуская думка. 2013. № 9. С. 47–53; **Дроздов А.** Хранители памяти // Беларуская думка. 2013. №11. С. 26–32; **Дроздов А.** Где наспех война хоронила // Беларуская думка. 2014. № 6. С. 40–47 **Дроздов А.** Оцифрованная война // Беларуская думка. 2015. № 2. С. 18–23
7. **Павлова Е.** Многогранье всенародной борьбы // Беларуская думка. 2014. № 2. С. 82–91
8. Солдатский треугольник // СБ Беларусь сегодня. – 2014. – 26 июня, 2 июля.
9. **Ярмілаў К.** Дзённік кіраўніка групы «Смугнар» // АРСНЕ. 2013. № 1(118). С. 346–370. **Адамушко В.** Сохраненная память // Беларуская думка. 2009. № 6. С. 42–47
10. **Копыл И.** Нябышына. Акупацыя вачами падлетка. // Народная воля. – 2010. – [Электронны рэсурс] www.nv-online.info/by/56/300/10532; www.nv-online.info/by/57/300/10763.
11. **К’яры Б.** Усенародная вайна і гарады-героі: міт Вялікай айчыннай вайны ў Беларусі. – АРСНЕ. 2013. №1. С.24–43
12. **Лицкевич О.** Война против мифов // Беларуская думка. 2009. №1. С. 58–67; **Лицкевич О.** Геноцид белорусского народа // Беларуская думка. 2009. №4. С. 89–94; **Лицкевич О.** Полководцы Победы // Беларуская думка. 2009. № 2. С. 86–91; **Лицкевич О.** Станислав Станкевич – убить в себе бургомистра // Беларуская думка. 2009. № 12. С. 72–77
13. **Провалинская Н.** Партизаны воевали со своими // Белгазета. 2013. 3. Июня 2013. С.9.
14. **Быкаў В.** Вайна і Перамога // Народная воля. – 2014. – 8 мая.
15. **Москаленко Г.** Люди добрые, помните // Беларуская думка. 2010. № 7. С. 80–87; **Москаленко Г.** Убийство В. Кубе: чего мы не знаем // Беларуская думка. 2008. № 9. С. 84–91
16. **Огородник И.** Цена Победы // Народная воля. – 2014. – 14 лютага. – С. 3
17. **Панин Н.** Людские потери Беларуси в войне. // Беларуская думка. 2009. № 5. С. 92–97; **Панин Н.** Война и зэки // Беларуская думка. 2010. № 7. С. 92–97
18. **Новикова Е.** Готовил ли Сталин Брестский мир-2? – Народная воля. 2014. 4.11.
19. **Нордштейн М.** Под ударами двух сторон. – Народная воля. – 9.09.2014; **Нордштейн М.** Жуков и Рокоссовский // Народная воля. – 13.03.2015.
20. **Баршчэўскі Л.** Яшчэ раз пра Бандеру і бандераўцаў – Народная воля. – 24.03.2015

21. **Гурневiч Д.** Беларусь партызанская: дзе мiфы, а дзе праўда? // Народня воля. – 2014. – 21 октября стр.7
22. **Дашкевич В.** «Што есць здрада?» – Народня воля. – 2014 – красавик
23. **Заяц В.** Вот и все, могу умирать. – Народня воля. – 2014. – 18 марта.
24. **Фомченко О.** Люба-Любочка // Народня воля. 1.4.2014; 4.4.2014.
25. **Мюллер Ф.** Супрацоўнiцтва ў знишчальнай вайне // АРСНЕ. 2013. № 3 (120). С. 40–167.
26. **Рудлинг П.** // АРСНЕ. – 2013. – №1(118) Навука забiваць: 201 батальён ахоўнай палiцьи i гаўптман Р.Шухевiч. – С. 65–85; Тэрор i мясцовая калабарацыя ў акупiраванай Беларусi. – С. 99–148; Хатынская расправа: новы погляд на гiстарычную спрэчку. – С. 149–201.
27. **Бондаренко В.** Обаяние зла // Беларуская думка. 2011. №6. С.30-33
28. **Матвиенко А.** «Учители» Сталина. Заметки об альтернативной истории. // Беларуская думка. 2014. № 6. С. 54–59.
29. **Варанкова I.** Минская эпопея // Беларуская думка. 2011. № 6. С. 12–21
30. **Бабусенко Г.** Батальон стоял как скала. – СБ Беларусь сегодня. 2013. №222. 26.11.
31. Выход к Западной Двине // СБ Беларусь сегодня. – 2014. – 24 июня.
32. **Дралюк В.** Комаринский плацдарм. – СБ Беларусь сегодня. 2013. № 179. – 24.09.; «Вохан» рухнул под Лоевым. – СБ Беларусь сегодня. 2013. № 197. – 18.10.
33. **Селеменев В., Корбут В.** Монументы, рвушие душу. – СБ Беларусь сегодня. 2014. № 4 8. – 14.03.2014; **Селеменев В., Корбут В.** Руки прочь от нашей памяти. – СБ Беларусь сегодня. 2014. № 28. 13.02.; **Селеменев В., Корбут В.** Батальон идет на запад. – СБ Беларусь сегодня. 2014. № 115. – 20.06.;
34. **Люцiк З.** Гродзенская катастрофа савецкай 3-й армii летам 1941 г. // АРСНЕ. 2013. № 1 (118). – С. 8–65
35. **Новiкаў С.Я.** Абарона Магiлева ў святле дакументальных крынiц // Беларускi гiстарычны часопiс. 2008. №7. С. 44–53; **Новiкаў С.Я.** Гомельская бiтва 1941 года: спроба рэканструкцыi. // Беларускi гiстарычны часопiс. 2012. № 8. С. 3–14.; **Новiкаў С.Я.** Узяцце Брэсцкай крэпасцi : гiст. дакумент // Беларускi гiстарычны часопiс. 2010. № 6. С. 38–43.
36. **Анкудо Е.** Неизвестная война // Белгазета. – 2002. – 25 ноябры, 2 декабры.
37. **Литвин А.** Кровь и пепел // Беларуская думка. 2009. № 4. С. 95–101; **Литвин А.М.** Имена и судьбы // Беларуская думка. 2014. № 3. С. 68–77; 2014. №4. С. 79–86.
38. **Антонова Е.** Время черной ночи // СБ Беларусь сегодня. – 2008. – 18 октября
39. **Долгополов Н.** Звезда надежды // СБ Беларусь сегодня. – 2012. – 19 января
40. **Исайчук Д.** Бессилен был огонь смертельный // Минский курьер. – 2010. – 2 июля; Знойное лето 1941 г. // Минский курьер. – 2010. – 22 июня
41. **Крушинская Л.** Полет в бессмертие... [Электронны рэсурс] // СБ Беларусь сегодня. – 2010. – Рэжым доступа: <http://www.sb.by//post/100044>

42. **Липай В.** Сурового времени дети // Минский курьер. – 2010. – 2 июля
43. **Липский В.** Самый большой подвиг // СБ Минский курьер. 2010. – 6 апреля.
44. **Горбачев В.** Сквозь тернии // Народня воля. 2014. – 14.11., 18.11., 12.12., 16.12., 19.12., 23.12.2014
45. **Жарина О.** Горечь Тростенца // Минский курьер. – 2009. – 4 августа; **Жарина О.** Детская Хатынь // Минский курьер. – 2011. – 7 октября. – С. 7; **Жарина О.** Чтобы помнить // Минский курьер. – 2013. – 8 мая; **Жарина О.** Боль тех давних годин // Минский курьер. – 2014. – 21 февраля
46. **Степаненко В.** Здесь убивали людей. – СБ Минский курьер. –2013. – 22 марта; Красный берег короткого детства // СБ Беларусь сегодня. – 2011. – 7 мая
47. **Герасимов В.** Пусть пережитое не повторится! // Народня воля. 2011. – 8-11 крас. – С. 4
48. **Лихута И.** Колдычевский лагерь смерти. [Электронны рэсурс] // СБ Беларусь сегодня. – 2010. – Рэжым доступа: <http://www.sb.by//post /101970>
49. **Улитенок Г.** Тот не человек, кто забудет Озаричи // СБ Беларусь сегодня. – 2013. – 18 апреля.
50. **Шеметов Д.** Тростенец. Путь из забвения. // Минский курьер. 2009. 31 июля; Мемориал «Тростенец»: в поисках точного образа // Минский курьер. 2010. 2 января
51. **Галковский С.** Из Раковичей виден Берлин // СБ Беларусь сегодня. 2014. 24 июня
52. **Дмитриев Р.** Я поведу тебя в музей // Минский курьер. – 2014. – 3 мая.
53. **Голод И.** В историю на броне // Минский курьер. – 2010. – 2 июля; **Голод И.** Сочтемся славою // Минский курьер. – 2014. – 7 мая.
54. **Коваленя А.** Рукотворные храмы памяти // Беларуская думка. 2014. № 4. С. 72–78
55. **Голесник С.** Героев нужно знать поименно // СБ Беларусь сегодня – 2014. – 8 мая; Мемориалы просят внимания // СБ Беларусь сегодня. – 2015. – 17 марта
56. **Адамушко В.** Сохраненная память // Беларуская думка. 2009. №6. С. 42–47
57. **Шимолин В.** Фоторепортеры в солдатских шинелях // Беларуская думка. 2014. № 6. С. 32–36
58. **Мытько О.** Архивы Бад-Арользена // Беларуская думка. 2012. № 12. С. 74-80.
59. **Досалиев Н.** Родная для нас земля Беларусь, Белоруссия // СБ Беларусь сегодня. – 2011. – 7 мая

УДК 94(447).084.8

В. В. Разумный

**МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ДОНБАССА
КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Великая Отечественная война (1941–1945) явилась рубежом великих испытаний для народов Донбасса. Это суровое время нашло свое отражения в монументальных памятниках и мемориалах, призванных донести историческую правду будущим поколениям. С каждым годом все меньше остается в живых ветеранов войны, участников тех героических и трудных лет. Память об их боевом подвиге продолжает жить в сознании благодарных потомков. Мемориальные памятники являются символами народной памяти о героях войны. Это своеобразное звено, объединяющее общие моральные ценности различных поколений. Одним из таких ценностей является патриотизм, который кроме различных аспектов проявляется также в знании истории своей Родины и чувстве благодарности к памяти тех, кто отдал жизнь за ее свободу и независимость.

Земля Донбасса многократно испытала ужасы войны. В период боевых действий 1941–1943 годов фронт дважды прокатился по городам и селам Донецкой земли. Можно сказать, что в годы войны Донбасс фронт военных действий имел наиболее продолжительный характер. По оценкам историков в Донбассе было проведено восемь военно-стратегических операций. Здесь уместно вспомнить бои на «Миус-фронте» с декабря 1941 по май 1942 годов, наступление на Барвенковском направлении весной 1942 года и сражения на плацдарме Северского Донца в период марта-сентября 1943 года. Почти 700 дней столица Донбасса была оккупирована немецко-фашистскими войсками. Донецкая область дала фронту 236465 бойцов Красной Армии. В память о тех героических днях в городах и селах Донбасса были сооружены мемориальные комплексы, которые стали символами живой памяти той военной поры. На наш взгляд, данная тема является

актуальной и заслуживает внимания со стороны исследователей.

Важно отметить тот факт, что, несмотря на актуальность, проблема роли мемориальных комплексов Донбасса как исторической памяти Великой Отечественной войны не нашла должного освещения в трудах историков. На наш взгляд, это объясняется недостаточным вниманием со стороны специалистов-историков к изучению боевых действий в Донбассе. Отдельные моменты, касающиеся данной проблемы нашли отражение в работах историков-краеведов В.Н. Дедова, В.И. Доли, Е.И. Бойко [1]. Благодаря их деятельности и энтузиазму, был собран значительный материал по памятникам периода Великой Отечественной войны на территории Донецкого края. Здесь также следует важное краеведческое значение работы Г.В. Теплякова, опубликованной еще в 1976 году [2]. В настоящее время этой проблеме посвящены лишь отдельные публикации в периодической печати.

В столице Донбасса, городе Донецке, важным символом исторической памяти о Великой Отечественной войне является мемориальный комплекс «Твоим освободителям, Донбасс!» Этот мемориальный комплекс находится в самом центре города Донецка в парке имени Ленинского комсомола. Выбор места расположения памятника был неслучайным. Именно здесь, со стороны левого берега реки Кальмиус в сентябре 1943 года началось освобождение столицы Донбасса. На этом месте, вечером 7 сентября 1943 года первыми с боями прорвались к шахтерской столице батальоны 1052-го стрелкового полка 301-й стрелковой дивизии. А уже 8 сентября город Сталино был освобожден от фашистов.

Мемориальный комплекс был открыт 9 мая 1984 года. Работы по его строительству велись 12 лет. Авторами памятника стали скульпторы – Ю.И. Балдин и А.Н. Порожнюк., архитекторы – В.П. Кишкань и М.Я. Ксенович, инженер-конструктор – Е. Л. Райгородецкий.

В монументальном памятнике отражены символы Донбасса. В годы Великой Отечественной войны значительное число шахтеров Донбасса стали фронтовиками. В память об их ратном подвиге на мемориальном комплексе установлены фигуры солдата и шахтера, которые правыми руками вместе держат меч, направленный острием вниз. Левая рука солдата поднята вверх, левая рука шахтера отведена в сторону. За плечами фигур развевается знамя в виде пятиконечной звезды. Солдат – молодой мужчина,

с открытым взглядом и заостренными чертами лица, а шахтер – зрелый мужчина. Скульптуры изготовлены из меди, их высота составляет восемнадцать метров, общая высота монумента вместе с постаментом и знаменем более 30 метров. Необходимо заметить тот факт, что эти фигуры солдата и шахтера присутствуют на официальном большом гербе города Донецка.

Чтобы передать символическое значение Донецкого региона, в котором установлен памятник, важную роль играют выбранные для облицовки материалы, фактура, рельеф поверхностей постаumenta. Постамент снаружи облицован черным гранитом и поднимается к монументу от поверхности земли под наклоном, что символизирует пласты каменного угля, композиционно пробивающиеся на поверхность сквозь границу земли. Монумент представляет собой площадку в форме треугольника, на которой расположена группа из трех наклонных объемных стен, выходящих из земли и символизирующих своими острыми гранями силуэты Донецких терриконов [3].

У памятника в памятные дни 9 мая и 8 сентября проводятся мероприятия, посвященные Дню Победы и Дню освобождения города Донецка от немецко-фашистских оккупантов. В эти дни всегда многолюдно возле мемориального комплекса. Кроме памятника «Твоим освободителям, Донбасс» в мемориальный комплекс входят площадка военной техники, сквер ветеранов, аллея солдатских вдов, стела партизанам-подпольщикам, колокол памяти, стелы с именами солдат и офицеров, партизан и подпольщиков, погибших при освобождении столицы Донбасса.

В мемориальном комплексе «Твоим освободителям, Донбасс» был открыт филиал краеведческого музея – Музей Великой Отечественной войны. Площадь экспозиции нового музея составляет 927 м² и расположена на двух уровнях. На нижнем уровне расположены несколько выставочных залов: экспозиционный, зал военной кинохроники, «зал Победы», оружейный зал с частной коллекцией оружия времен Великой Отечественной войны и военной униформы. Верхний уровень – это наклонные галереи, оформленные тематическими фотопанно, экспозициями и диорамами. Структура музея разработана так, что бы поэтапно показать хронологию развития событий Великой Отечественной войны от ее начала 22 июня 1941

года и до Дня Победы 9 мая 1945 года. Одним из центральных элементов экспозиции стала подвесная конструкция, на которой закреплены штандарты дивизий, участвовавших в боях за освобождение столицы Донбасса.

Среди исторических материалов музея более 200 документальных фотографий, 150 плакатов, газет, листовок, более 100 предметов времен войны.

Для жителей Донецка мемориальный комплекс «Твоим освободителям, Донбасс» стал настоящим символом воинской доблести и славы.

Еще одним символом исторической памяти Великой Отечественной войны в городе Донецке является мемориальный комплекс «Шурф шахты № 4/4- бис». Другое название этого мемориального комплекса «Памятник жертвам фашистской оккупации города Сталино». Этот шахтный шурф в Калининском районе Донецка, ставший местом массовой казни гражданского населения немецкими оккупационными властями во время Великой Отечественной войны. Это второе по массовости место захоронения жертв фашизма после Бабьего Яра. Здесь были сброшены тела 75–100 тысяч человек. Из 365 метров глубины ствола шахты 310 метров были завалены трупами десятков тысяч человек. При этом ширина шурфа составляет 2,9 метра, длина около 5 метров, конструктивно он поделен на две половины, два полушурфа. В один из них и сбрасывали людей. После освобождения города в сентябре 1943 года были начаты работы по извлечению тел из шурфа. Удалось опознать только 150 человек. Тела 52 человек были похоронены на Мушкетовском кладбище в Мемориальной братской могиле. Останки остальных до сих пор покоятся в шурфе [3].

Мемориал изображает два шурфа и опрокинутую вагонетку. Над одним из шурфов развевающееся каменное знамя. Памятник сопровождается табличкой с надписью: «Здесь покоится прах зверски замученных и сброшенных в шурф шахты 4/4 «бис» мирных жителей, участников донецкого подполья, военнопленных солдат и офицеров 1941–1943 гг.».

В городе Донецке есть еще один мемориальный комплекс, который называется «Живые – Бессмертным». Он расположен в Ленинском районе города, на территории Донецкого металлургического завода. Мемориал был открыт в 1970 году, в честь памяти о погибших работниках завода в годы Великой Отечественной Войны. Создание памятника было приурочено 25-й годовщине победы Советского Союза над фашистской Германией. Автором

мемориала выступил В.Я. Милютин. Памятник представляет собой кольцо, укрепленное на трех опорах. На лицевой стороне мемориала расположена надпись: «Живые – Бессмертным», а на тыльной стороне находятся таблички с именами погибших. Между табличками выгравированы пятиконечные звезды, а в центре монумента разбита клумба в виде звезды. Каждый год у монумента проводятся мероприятия приуроченные Дню победы.

Особое значение для истории Донбасса имеет Саур-Могила или «высота 277,9». Здесь немецко-фашистские войска вдоль небольшой реки создали линию оборонительных укреплений «Миус-фронт». Созданную фашистами в течение почти двух лет оборонительную линию предстояло сокрушить войскам Южного фронта, которыми командовал генерал-полковник Ф.И. Толбухин. Войска Юго-Западного фронта под командованием генерала армии Р.Я. Малиновского наносили удар с рубежа Северского Донца. Летом 1943 года на реке Миус развернулось ожесточенное сражение. Войска 2-й гвардейской и 5-й ударной армий при поддержке танков и авиации могучими ударами протаранили «Миус-фронт» и открыли дорогу к освобождению Донбасса. В боях за Саур-Могилу летом 1943 года погибло 23 238 советских солдат и офицеров.

В 1967 году на вершине Саур-Могилы был установлен 36-метровый монумент. У его основания – могучая фигура солдата, вскинувшего над головой в победном салюте автомат. На склонах холма установлены стелы, на которых воспроизведены эпизоды героического штурма. Авторы мемориального комплекса-скульптуры – Ф. Коцюбинский, И. Горовой, К. Кузнецов, архитекторы М. Пелипенко, А. Агищенко, И. Фролов. В день открытия мемориального комплекса 19 сентября 1967 года на кургане присутствовало более 300 тысяч человек. Дважды в год, 9 мая и 8 сентября, на Саур-Могилу приезжали тысячи жителей Донецкой и Луганской областей, чтобы почтить память воинов, погибших в боях за освобождение Донбасса. Мемориальный комплекс на Саур-Могиле стал настоящим народным символом освобождения нашего края от немецко-фашистских захватчиков.

На севере Донецкой области в небольшом городке Святогорске Славянского района находится мемориальный комплекс памяти советских воинов, погибших при освобождении Святогорья в 1943 году. В ожесточенных боях лета 1943 года при форсировании Северского Донца и оборони-

тельных боях за Святогорский плацдарм отличилась 79-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Н.Ф. Батюка. Только в боях 21 и 22 июля 1943 года дивизия потеряла 5,5 тысяч солдат убитыми и ранеными. 28 июля погиб командир дивизии, герой Сталинградской битвы, прославленный командир Н.Ф. Батюк. Как свидетельствуют документы и рассказы очевидцев, в тех боях на Северском Донце командир роты оставался в живых только три дня, командир взвода менее суток. В отдельных случаях, от личного состава роты, где было 70–90 красноармейцев, после двух дней ожесточенных боев оставалось 10–15 человек. В таких условиях, при постоянных атаках немецких танков и налетах авиации, практически невозможно было похоронить всех погибших советских солдат, не говоря уже о том, чтобы точно определить число потерь. Поэтому данные о погибших здесь красноармейцах являются далеко неточными. На плитах мемориального комплекса насчитывается 4500 фамилий и имен солдат и офицеров Красной Армии. Но каждый год местные жители находят все новые останки неизвестных воинов, которые не были похоронены.

На горе Артема, где расположен мемориальный комплекс, размещены барельефы трех командиров Красной Армии, которые погибли при освобождении Святогорья – Н.Ф. Батюка, И.З. Шуклина и А.К. Сечкина.

В Луганской области, недалеко от города Красный Луч, находится мемориальный комплекс «Миус-фронт». Он посвящен событиям 1941 года, когда шли ожесточенные оборонительные бои за Донбасс. Именно тогда, осенью 1941 года, бойцы и командиры 383-й и 395-й шахтерской дивизий, сформированных в Донбассе в начале войны, остановили продвижение немецко-фашистских войск. Фронт протяженностью 375 км стоял на Миусе с конца октября 1941 до середины июня 1942 года. Шахтеры Донбасса проявили здесь образцы мужества и героизма. Особо отличились в боях с фашистами Максим Брыксин, сменивший отбойный молоток на снайперскую винтовку, Федор Нагайцев, освоивший профессию сапера, Егор Сумской, командовавший минометным расчетом, а также командир разведчиков Спартак Железный.

В память о подвиге шахтерских полков в семи километрах от Красного Луча в 1967 году был воздвигнут мемориальный комплекс. Гигантский шлагбаум из камня и бетона высится на том месте, где бесстрашные

воины преградили путь врагу на донецкой земле. Суровый шахтер сжимает в руке автомат, а две шеренги солдат символизируют две шахтерские дивизии. Архитектурно этот комплекс выполнен таким образом, что с двух боковых сторон он выглядит как терриконы шахты. С главного вида, фронтальной стороны, это трибуна. На этой трибуне очень часто выступают ветераны в дни празднования Дня победы и освобождения города Красный Луч от немецко-фашистских захватчиков. С тыльной стороны, со стороны реки Миус, мемориальный комплекс выглядит как неприступная крепость. У подножья памятника горит огонь Вечной славы, зажженный 9 мая 1966 года от пламени на Марсовом поле в городе-герое Ленинграде.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод, что мемориальные комплексы Великой Отечественной войны – это произведения искусства, созданные для увековечения исторических событий. Они выступают важнейшими источниками, рассказывающими о жизни предшествующих поколений. Наличие таких мемориальных комплексов помогает нам лучше узнать историю нашего края, гордиться и помнить историю наших предков. Экскурсии по таким местам былой славы, должны помогать воспитывать в людях патриотизм и любовь к родному краю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1.** Святогорский плацдарм 1941–1943 гг. Документы и свидетельства участников боев / Сост. В.Н. Дедов. – Донецк, 2008. – 284 с.; **Бойко Е.И.** Генерал Батюк и его гвардейцы: военно-документальный очерк об освободителях Донбасса / Е.И. Бойко. – Славянск: Печатный двор, 2004. – 38 с.; **Доля В.И., Кузьменко А.В., Разумный В.В.** Неизвестные страницы истории освобождения Святогорья от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году (Краеведческий очерк и экскурсионный маршрут) / Донецкий институт туристического бизнеса. – Донецк, 2009. – 81 с.
- 2. Тепляков Г.В.** Твои освободители, Донбасс / Г.В. Тепляков. – Донецк: Донбасс, 1976. – 176 с.
- 3. Мартынова Е.** Освобождение Донбасса. Освободители в граните и бронзе // Донбасс. – 2008. – 5 сентября. – С. 2.
- 4. Попова И.** Донбасс непокоренный. О трагедии на донецкой шахте 4-4-бис «Калиновка» // Донецкий краж. – Донецк, 06 мая 2005. – № 1608.

Раздел VI.

**ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ:
НА ГРАНИ ВОЗМОЖНОГО**

УДК 94(47).084.8-054.65

В. А. Иванов, Н. В. Колошинская

**«МЫ» И «ОНИ» В ЛАГЕРЕ 157 ДЛЯ НЕМЕЦКИХ
ВОЕННОПЛЕННЫХ: ОПЫТ НЕКОТОРОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ПОРТРЕТИРОВАНИЯ (1944–1947 гг.)**

Ещё в ходе Великой Отечественной войны на территории Ленинградской области в соответствии с постановлениями ГКО СССР и приказами НКВД СССР 1944 г. были созданы первые четыре лагерных управления №№ 213, 254, 300 и 157. Всего же к концу октября 1945 г. в Ленинграде и области действовало 10 лагерей для военнопленных, 80 лагерных отделений для них и 6 рабочих батальонов из числа интернированных из Германии граждан с общим наполнением контингента свыше 66 тыс. чел. [1, с. 100]. Эти лагеря, лаготделения и ОРБ входили в созданную в стране централизованную систему УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР и предназначались для быстреего восстановления промышленных предприятий и жилищного фонда Ленинграда и области [2, с. 12–13].

Свое начало Управление лагеря для военнопленных (УЛВП) № 157 берет с осени 1943 г., когда по приказу НКВД СССР № 001575 от 26 сентября 1943 г. для обслуживания армейских приемных пунктов в полосе Ленфронта был организован Сборный пункт военнопленных (СПВ) № 1 в г. Ленинграде. Его начальником стал майор В.Я. Смоляков [3, л. 27]. Уже через несколько месяцев СПВ № 1 получил статус фронтового приемно-

пересыльного лагеря (ППЛ), руководителем которого до апреля 1944 г. был майор Н.А. Песков. Ещё до приказа НКВД СССР № 00900 от 23 августа 1944 г. о создании в пос. Бокситогорске Тихвинского района Ленинградской области УЛВП № 157 в начале августа фронтовой ППЛ из полевого и подвижного лагеря переходил на стационарный режим работы (по штату № 26) [4, л. 206, с. 383]. Начальником Бокситогорского лагеря для военнопленных назначался майор А.М. Юшманов. К лету 1945 г. в лагере насчитывалось почти 6 тыс. чел. В июне 1946 г. общая наполняемость УЛВП № 157 составляла 7200 немецких и венгерских военнопленных [5, 383].

Всего за время существования лагеря и его отделений через них прошло около 11,5 тыс. пленников [5, 383]. В июле 1947 г. деятельность УЛВП № 157 была свернута, а его управление расформировано. Действующие к этому времени четыре лагерных отделения ликвидировались, в том числе лаготделение № 5 при леспромхозе (пос. Верхне-Вольск), в составе которого все эти годы находилось «штрафное» подразделение (рота), а лаготделение № 3 (Волхов-2 (ОСМЧ Севзападалюминстроя) было передано по приказу МВД СССР № 00748 от 18 июля 1947 г. в состав лагеря № 213 [6, с. 22].

Анализ архивных материалов показал, что общее положение военнопленных, находящихся в лагере 157 было крайне тяжелым даже по сравнению с другими лагерями и лаготделениями, расположенными на территории Ленинградской области. Особенно болезненно сказался на них приказ руководства УПВИ УНКВД СССР по Ленобласти о полном переводе во второй половине 1945 г. всех лагерных подразделений на самокупаемость и покрытие всех расходов по содержанию контингента. Таким образом, лагерь или лаготделение могли рассчитывать только на собственные возможности и ресурсы. Перевод на полную самокупаемость осуществлялся уже с начала 1945 г. в форме «эксперимента» и в других лагерных подразделениях УПВИ УНКВД ЛО. Для некоторых из них он оказался «под силу», но для большинства временные его успехи обернулись тяжелыми последствиями и заметным увеличением нетрудоспособных групп военнопленных.

К числу таких подразделений можно было отнести и лагерь 157. Там, за первое полугодие 1945 г. валовая сумма заработка военнопленными к фактическим расходам по их содержанию составила 26,3% [7, л. 195]. То есть, самокупаемость лагеря не превышала и 30%, что по сути обрекало

всю эту затею на неудачу, а военнопленных на дополнительные лишения. В летние месяцы правда удалось заметно повысить этот процент самоокупаемости, а в августе 1945 г. даже довести его до 103% и покрыть все расходы, но для некоторых лаготделений такая гонка не прошла бесследно. Так, в погоне за показателями в лаготделении № 3 (цементный завод п. Пикалево) начальник ст. лейтенант Л.С. Вильгельм, инспектор по труду лейтенант В.А. Будылин и другие сотрудники буквально «загнали» работающих пленников. За период с 1 июля по 15 августа 1945 г. из физически здоровых военнопленных I и II групп из строя было выведено 485 чел. и переведены в оздоровительные команды (ОК) и лазарет [7, л. 196]. В феврале 1946 г. в лаготделении № 2 в стационар ежедневно приносили с работы нескольких военнопленных уже в бессознательном состоянии, где они через 24 часа умирали [8, л. 67].

Нередко причиной резкого ухудшения физического состояния военнопленных становились халатность и преступное поведение сотрудников лаготделений, призванных следить за соблюдением всех предписаний в отношении содержания контингента. История лагеря 157 начиналась с того, что еще в марте 1944 г. убывший из Ленинграда (из СПВ № 1. – Авт.) этап 500 чел. для оборудования лагерных помещений на территории области несколько дней не кормили горячей пищей вообще. Как выяснилось позже, продукты были полностью присвоены конвойной командой и съедены ею [3, л. 61, 61 об.]. Не случайно часть военнопленных не желая работать голодными и больными совершала умышленные членовредительства, о чем задолго до их массового проявления предупреждал начальник УПВИ НКВД СССР генерал-лейтенант И.А. Петров в своем указании № 28/4/4583 от 28 февраля 1944 г. «О борьбе с членовредительством среди военнопленных» [9, с. 576–578]. Правда в документе подробно излагались виды и способы членовредительства, но ничего не говорилось о причинах их совершения.

В лагере 157 периодически совершались хищения лагерного имущества, продуктов питания, кражи личных вещей, принадлежащих пленным и др. Так, в ночь с 21 на 22 августа 1945 г. со склада лаготделения № 4 было похищено 21 кг консервов мясных и почти полкило курительного табака на общую сумму 508 руб. Начальник лагеря А.М. Юшманов приказал взыскать ущерб с вахтеров Голендухина и Конисова в 12-ти кратном разме-

ре (свыше 6 тыс. руб. – *авт.*) [8, л. 3]. В январе 1946 г. при инвентаризации вещевого имущества этого же отделения обнаружилась недостача 2-х пар валенок, более 220 наволочек для подушек и других вещей на сумму свыше 2 тыс. руб. [8, л. 30]. В марте 1946 г. по всем лаготделениям было похищено около 200 тюфячных наволочек на сумму почти 4,5 тыс. руб. из которых военнопленные как правило шили себе одежду [8, л. 68].

Еще в начале года А.М. Юшманов в одном из своих приказов приводил примеры того как расконвоированные военнопленные практически свободно и массово продают в Тихвине, Капше и Верхне-Вольске лагерное имущество и пьянствуют [8, л. 15]. По каким-то причинам начальник УЛВП № 157 не стал афишировать многочисленные факты обмена военнопленными похищенного лагерного имущества и личных поделок (зажигалки, гребни, ручные часы, ремни и др.) на самые простые продукты питания, а также случаи их отравлений дикорастущими растениями, о чем неоднократно упоминалось в директиве МВД СССР № 118 от 11 мая 1946 г. и приказе МВД СССР № 0168 от 15 июня 1946 г., указаниях ОПВИ УМВД СССР по Ленобласти № 11/2786 от 28 мая 1946 г. и № 11/3307 от 2 июля 1946 г. [8, л. 160].

Не поддерживая соответствующий режим питания военнопленных было невозможно сохранить элементарные факторы их здоровья, а значит увеличить производительность труда и сократить смертность и травматизм. Первые оздоровительные команды в лагере 157 были созданы ещё 8 апреля 1944 г., когда откомандированные из Ленинградского СПВ № 1 для подготовки лаготделений для массового приема контингента, военнопленные фактически перестали выполнять плановые задания в силу резкого ухудшения их физического состояния. К тому же, создание ОК регламентировалось соответствующими директивами ОПВИ НКВД СССР № 28/4/5468 от 10 апреля 1943 г. и 28/4/9916 от 17 марта 1944 г. в силу того, что с аналогичными проблемами столкнулись и в других регионах страны. Это не были специальные помещения санитарного типа. Сильно ослабленные военнопленные размещались в тех же бараках, но в отдельном углу. Они не выводились на работы, а для постоянного присмотра за ними прикреплялся медицинский работник. В числе первых «оздоравливающих» оказались К. Петебок, К. Кибан, И. Ренкен, Э. Пюллер, А. Кноль, Г. Пук, Г. Гессе, О. Юнг, К. Кригер и ещё 38 чел. [3, л. 95, 96, 96 об.]. Некоторые из них

скончались через несколько дней.

Часть лагерных подразделений УЛВП № 157 была занята лесозаготовками – по сути крайне тяжелой работой в довольно заболоченной местности в Тихвинском районе Ленобласти. Причем эти заготовки шли и в весенне-осенний период, совершенно непригодный для такого вида деятельности. Специальная комиссия из УНКВД СССР по Ленобласти проверив в апреле 1945 г. работу «лесных» лаготделений лагеря 157 констатировала, что условия жизни в лесу и питание военнопленных абсолютно «не контролируется руководством лагеря». Отмечалось, в частности, что непропечённый, сырой хлеб доставляется в машинах, где ранее перевозился навоз, уголь и шкуры животных. Нательное белье со склада ОВС лагеря было полностью завшивлено и замазано фекальными массами и др. [7, л. 96]. В январе 1946 г. в лаготделениях № 3, 4 и 7 завшивленность военнопленных составляла от 70 до 100% [8, л. 19].

Следовало иметь в виду, что лагерь 157 фактически с зимы 1945 г. пополнялся в основном пленными, прибывающими с юга Восточной Европы (Румыния, Болгария, Венгрия и др.) сильно истрепанными, истощенными, зараженными дизентерией, ослабленными и больными. Если учесть, что так называемый трудовой фонд составляли I, II и III физические группы военнопленных, то к весне 1945 г. в лагере 157 они объединяли лишь около 60% трудоспособных [10, с. 99]. Совсем не случайно из двух спецгоспиталей, создаваемых в июле 1946 г. для нужд УПВИ УМВД СССР по Ленобласти самый «ёмкий» на 1400 коек переводился из Ленинграда в пос. Бокситогорск и разворачивался там на базе лазарета лагеря 157 [10, с. 102]. К тому же наибольшее количество смертных случаев в 1945 г. падало на лагерь 157 и 213 (пос. Сясьстрой) [10, с. 107].

В марте 1945 г. обследовав лаготделения № 2 и 3 и производя тщательный разбор всех недостатков, способствующих резкой потере трудоспособности и даже смертности военнопленных, майор А.М. Юшманов приказывал «Немедленно прекратить смертность в лагерных отделениях путем обеспечения эффективного и полноценного питания военнопленных, обеспечения достаточного тепла в помещениях не ниже 16 градусов, размещения всех больных в лазарете и ослабленных в оздоровительных командах» [7, л. 60 об.] В январе 1946 г. он вынужден был фактически при-

остановить работу лаготделения № 7 на станции Тургош, где хозорган и начальник лагподразделения капитан И.А. Посеринин произвольно увеличили рабочий день контингента и не заботились об основном и дополнительном их питании. В результате пришлось немедленно вывести в Бокситогорск всех больных и отменить всякого рода «нововведения» местных «работодателей» [8, л. 11].

Тяжелейшие условия труда, перебои с питанием, низкое качество медицинского обслуживания и другие причины способствовали нарушению режима содержания военнопленных, их побегам из лагерных отделений и разного рода преступлениям с их участием. Так, в конце июля – начале августа 1946 г. из лаготделения № 5 (пос. Верхне-Вольск) с работы сбежали Р. Курц, Ф. Кюль, Г. Штрек и В. Байгельт [8, л. 213]. Дежурный офицер лаготделения № 3 лейтенант И.И. Попов, вахтеры Н.В. Власенко и П.И. Степочкин сильно избили совершившего побег и задержанного вскоре военнопленного Л. Майер, пытаясь скрыть содеянное [8, л. 215].

В ряде других лагерных отделений военнопленные по сговору с охранниками негласно покидали бараки и какое-то время находились за пределами места их изоляции. Формально такое действие подпадало под состав «побега» и строго наказывалось по действующим тогда нормативам. Но, на практике все складывалось по-другому. Так, при внезапной проверке одного из объектов стройки в г. Волхове был обнаружен побег военнопленных И. Хефле и Г. Баера. Однако охранник из хозоргана А.Г. Некрасов спокойно заявил, что искать их не следует потому, что они «все равно сюда вернуться...» [11, л. 83]. Вскоре так оно и случилось. «Бежавшие» действительно вернулись и были крайне удивлены развернувшимися поисковыми действиями по их поводу. Вахтер лаготделения № 2 И.М. Андреев не бескорыстно выпустил вечером из охраняемой зоны военнопленных И. Бурански, И. Арноди и Ш. Сабоды для просмотра кинофильма и на танцы в клуб Пикалёвского цементного завода, которые около 24-х часов вернулись в свои бараки [11, л. 84].

Задержанных бежавших военнопленных лагеря 157 чаще всего направляли в штрафную роту при лаготделении № 5 в Верхне-Вольске. Старшиной этой роты был назначен немецкий военнопленный Г. Гронберг, по оценке его сослуживцев «контуженный на голову» [8, л. 147]. Питание,

режим работы и отдыха в этой роте резко отличались от штатных подразделений УЛВП № 157 и довольно часто не контролировался вышестоящим начальством. Дело видимо было в том, что в штрафное подразделение действительно направлялись дерзкие и агрессивно настроенные военнопленные, злостные нарушители лагерного режима, психически неуравновешенные типы и т.п. Считалось, что их пребывание там (большая физическая нагрузка, слабое питание, строгий режим и др.) «пообломает» их норы и повадки, обуздает деструктивное поведение.

Предотвративших побег военнопленных часовых конвойных подразделений, вахтеров, других сотрудников и вольнонаемных как правило ждало поощрение, нередко в форме денежного пособия. В архивных фондах отложились материалы из которых видно, что часовые и караульные и без этих «стимулов», как правило, добросовестно, а не редко и рьяно исполняли свои прямые обязанности. Так, например, 10 мая 1946 г. в 8 утра выведя на прополку травы в запретной зоне (КСП лагерного отделения. – Авт.) троих военнопленных дежурный офицер лаготделения забыл предупредить войсковой караул и часовых. Рядовой Федоров, стоявший в это время на посту, обнаружив в запретной зоне нарушителей открыл по ним огонь, тяжело ранив военнопленного венгра И. Нодя [8, л. 112]. Историк М.В. Ходяков прав когда заявляет, что далеко не всегда можно было с уверенностью утверждать о застреленных конвойной командой военнопленных как о «побегушниках» [12, с. 245]. Все это усиливало риск для жизни иностранных граждан во время их пребывания в советском плену.

В то же время следует заметить, что далеко от идеальной, спокойной и сытой была повседневная жизнь и штатных сотрудников лагеря 157. За сравнительно небольшой срок его существования многие их жизненно важные вопросы так и не были разрешены. Без преувеличения можно утверждать, что период 1945–1947 гг. для большинства сотрудников лагеря 157, как и других лагерей системы УПВИ УНКВД-УМВД, был тяжелым во всех отношениях. Так, часть вчерашних армейских офицеров, покинувших свои части, оказалась без достойной работы, а то и без жилья и поддержки. Некоторых «не брали» в силу их непрофессионализма, других по «аттестационным» признакам и т.п. Особенной карьеры в системе ГУПВИ НКВД-МВД сделать было нельзя, так как в профессиональной среде служба в ней

считалась «отстойной» и по рейтингу занимала последнее место после ГУЛАГа и системы УИТЛ и ИТК. В то же время, на её участников распространялись те же положения, условия и льготы, которыми обладали сотрудники НКВД-МВД СССР.

Между тем, проблемных мест в деятельности и повседневной жизни сотрудников системы УПВИ УНКВД-УМВД по Ленобласти в 1945–1947 гг. оказалось с избытком. Среди них выделялись не только жилищные вопросы, проблемы с трудоустройством жён и школьным обучением детей, трудности с продовольственным обеспечением и медицинским обслуживанием, досугом, языковые проблемы и др. Особенно «донимал» всех «продовольственный вопрос». 1945–1947 годы в системе ленинградского УПВИ можно обоснованно назвать «голодными» для её сотрудников и членов их семей.

Именно продовольственные затруднения толкнули бывшего фронтовика, кладовщика склада лагеря 157 А.Г. Грибанова на присвоение в течение нескольких месяцев более сотни килограммов печёного хлеба. Военный трибунал войск МВД приговорил его в 1946 г. к 5 годам ИТЛ и вошёл в ходатайство перед ПВС СССР о лишении ветерана войны ордена «Отечественная война» II степени и медалей «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» Служба арттехвооружения УПВИ УМВД СССР по Ленобласти ежегодно докладывала руководству УМВД ЛО о незаконном применении отдельными сотрудниками лагерей, в том числе и УЛВП № 157, боевых винтовок при самовольной охоте на лосей и кабанов, а также ручных гранат РГД для глушения рыбы

Когда с 14 мая 1946 г. в самом пос. Бокситогорске началось распределение огородной земли для сотрудников управления лагеря 157 вблизи домов МВД равнодушных не оказалось вообще. Завладеть небольшим участком земли желали даже те сотрудники, кто никогда её не обрабатывал и не вёл дачного хозяйства. Однако такие «наделы» получали только офицеры управления, причем на территории, которую еще предстояло подготовить к сельхозобороту [8, л. 110]. У председателя комиссии младшего лейтенанта И.К. Черненко и членов комиссии М.М. Журавкова и И.А. Алексеева наступили нелегкие времена и они надолго погрязли в конфликтах, склоках и спорах с «обиженными» и «обделенными».

Из архивных материалов видно, что только в 1946 г. с января по середину сентября по Управлению лагеря 157 не было подготовлено и издано

ни одного приказа по заготовке продовольствия к зиме. И это в период крайне неблагоприятного для региона 1946 года (холодное дождливое лето, ранние заморозки. – *Авт.*). Все лето в магазинах лаготделений УЛВП № 157 нельзя было приобрести ни свежих овощей и зелени с колхозных полей, ни тем более фруктов с юга страны. Только 14 сентября 1946 г. был подписан приказ по лагерю 157 о выделении уполномоченных по заготовке овощей в Новгородской и Вологодской областях. И то все это делалось по распоряжению УМВД СССР по Ленобласти № 11/5346 от 10 сентября 1946 г., а не руководства самого лагеря [8, л. 230]. Разумеется, при такой организации заготовки овощей на зиму, в том числе и для потребностей сотрудников лагеря, происходили постоянные срывы и сбои в их закладке и подвозе. В ряде мест (лаготделение № 3 и др.) неорганизованность проявилась в том, что под снегом оказался урожай на полях самих подсобных хозяйств лагподразделений, хотя УМВД СССР по Ленобласти еще в середине сентября 1946 г. распространило по всем лагерям информацию гидрометеослужбы региона о неблагоприятных погодных прогнозах этой осени [8, л. 256].

Как справедливо замечал историк И.В. Говоров, изучавший послевоенную преступность на Северо-Западе РСФСР, для её проявления в 1940-е годы были как никогда самые благоприятные обстоятельства: масштабный дефицит товаров и продуктов и бессилие властей [13, с. 14–16]. А.З. Ваксер утверждал, что к исходу 1947 г. в регионе обнищание одних и сравнительное преуспевание других достигли апогея [14, с. 93]. В этих условиях выживать приходилось исключительно при опоре на собственные силы, проявляя недюжинные способности и смекалку. Там где в первые послевоенные годы производились, хранились и распределялись товары и продукты можно было без труда обнаружить мощное криминальное присутствие, давление и покушение. Не случайно один из обстоятельных исследователей этого периода деятельности правоохранительных органов Ленинграда и области историк и правовед М.Э. Жаркой утверждал о резком всплеске во второй пол. 40-х гг. хищений, спекуляций, сделок и махинаций с продуктами питания [15, с. 160–161].

Хищения продуктов питания действительно носили тотальный характер. Так, при разгрузке вагона с мукой 25 сентября 1945 г., прибывшего в адрес лаготделения № 4 из военно-продовольственного склада НКВД № 5

была обнаружена недостача 24 мешков муки. Железная дорога отказалась составлять соответствующий акт [8, л. 6]. Начальник транспортного отделения лагеря 157, пригнавший буксиром 21 июля 1946 г. машину ГАЗ-АА на рембазу ОУВС МВД СССР по Ленобласти, не смог договориться о её приеме и оставил машину на территории завода. Вернувшись за ней через три дня обнаружил, что от машины остался один остов. Она была полностью растащена [8, л. 194]. И это при острейшей нехватке грузовых машин в лагере 157, где за хозяйством их числилось всего 12.

Руководство лагеря 157 пыталось всемерно пресекать всякие попытки своих подчиненных расхищать продукты и товары, предназначенные для военнопленных. Например, воспользовавшись оперативной информацией на зав. столовую лагеря 157 Шарапову и диетсестру Якимову, систематически недовешивающих хлеб военнопленным в течение нескольких месяцев, начальник лагеря уволил Шарапову, а Якимову арестовал на 5 суток и разжаловал в рядовые [3, л. 220]. В конце ноября 1945 г. А.М. Юшманов обвинил начальника военно-хозяйственного довольствия лаготделения № 2 лейтенанта Бурчалова в том, что по его халатности военнопленным в течение месяца не додали: хлеба – 1100 кг.; муки соевой – свыше 175 кг.; мясных консервов – 202 кг. и сухого молока – 40 кг. [8, л. 5].

Особое внимание обращалось на лиц, отвечающих за хранение, учет и выдачу продуктов питания для военнопленных. В поле зрения руководства лагеря 157 периодически попадали заведующие складами лаготделений и персонал подсобных хозяйств. Так, осенью 1945 г. в оперативную разработку попал зав. подсобным хозяйством лагеря 157 А.П. Смирнов, который свободно обменивал на табак различные вещи военнопленных, присваивал овощи и другую продукцию [7, л. 188]. Арестованный, а затем и уволенный из органов МВД зав. продскладом лаготделения № 5 младший лейтенант В.М. Иванов только за один месяц 1945 г. (ноябрь. – *Авт.*) недодал военнопленным: 70 кг. муки, почти 43 кг. сахара, 25 кг. мяса и около 1 тыс. коробок спичек (на сумму 587 руб. по госценам. – *Авт.*) [8, л. 8]. Не случайно приказом по УЛВП № 157 с 15 января 1946 г. продсклад этого лаготделения ликвидировался и создавался Центральный продсклад при управлении лагеря, куда руководителем назначался проверенный и надежный офицер.

Та часть сотрудников, которая не имела допуска к хранению и рас-

пределению продуктов питания и товаров, но стремилась разрешить некоторые свои вопросы за счет военнопленных, делало это в процессе повседневного общения с ними. Рядовой охраны В.И. Трошев разгружая вагон с продовольствием для военнопленных украл около 2,5 кг. шпика и пытался вынести его [7, л. 223]. Вахтер А.С. Яицкий, будучи откомандированным с военнопленными в феврале 1946 г. на лесозаготовки присвоил себе их продукты и пьянствовал. Голодные пленники похитили у гражданки Бровиной в одной из деревень из ямы 500 кг. картофеля и съели его [8, л. 44]. Старший инспектор ширпотреба лагеря 157 Ф.И. Мещеряков в пошивочных и ремонтных мастерских лагеря размещал личные заказы на пошив одежды и ремонт обуви не оплачивая эти работы [8, л. 22].

Дежурный офицер лаготделения № 7 гв. лейтенант Н.И. Юрис ночью 19 января 1946 г. изъял и присвоил себе ручные часы военнопленного [8, л. 27]. В марте 1946 г. из органов МВД был уволен младший лейтенант А.И. Акимов, присвоивший себе гражданский костюм одного из военнопленных. Его подчиненный кладовщик-вахтер Тимошин в присутствии офицера также присвоил себе пальто, френч и брюки военнопленного, которые обязан был сохранять в целостности [8, л. 66]. Помощник начальника ПФС лаготделения № 1 старший лейтенант М.П. Лебедев во время этапирования в октябре 1946 г. группы военнопленных в один из лагерей Ленобласти изъял у них при обыске (законная процедура. – *Авт.*) около 20 наименований золотых изделий и драгоценных камней. Лебедев пытался их передать в фино УЛВП № 339, куда были доставлены пленники, но там отказались принимать их. Воспользовавшись ситуацией он подменил два перстня с камнями и одно золотое кольцо [8, л. 291]. Дежурный офицер лаготделения № 4 гв. капитан И.Ф. Буяновский обменял свои простые часы на золотые у военнопленного [8, л. 84, 104].

В апреле 1946 г. из органов МВД был уволен вахтер лаготделения № 8 сержант Боярчук который, как выяснилось, путем вымогательства присвоил себе ручные часы военнопленного Пиру и кожаные сапоги военнопленного Ворум, а также пытался за их счёт [8, л. 97]. Приказом по управлению лагеря 157 в начале марта 1945 г. была уволена и снята с работы санитарка Е.В. Шавина, которая выменяла у немецкого военнопленного золотое кольцо на курительный табак [7, л. 39]. В повседневной жизни лагеря 157 такие противоправные эпизоды были не редкостью, как и то, что при установле-

нии подобных фактов в отношении сотрудников их совершивших принимались административные меры. Чаще всего они увольнялись из органов.

В оперативной части (ОЧО) УЛВП № 157 скопилось немало агентурных и прочих материалов и на других сотрудников лагеря, которые хотя и не вступали в контакты с военнопленными и не покушались на лагерное имущество, но имели в то же время «личные тайны» и пагубные пороки, не совместимые по определению руководства со службой в системе УПВИ. Например, летом 1946 г. выяснилось, что переводчица ОЧО лагеря 157 советская немка Э.Х. Шнейдер будучи в отпуске на Урале пыталась незаконно, без ведома местной комендатуры, вывезти оттуда своего родного 13-летнего брата Рихарда – спецпереселенца, репатриированного туда в начале войны с родителями. Она была задержана в Свердловской области. Брата выдала за своего сына. Уже в Бокситогорске в ходе служебной проверки Эмилия описала все "ужасы" жизни спецпереселенцев на Урале, где так и остались её родители Христиан и Екатерина Шнейдеры [16].

Дольше двух-трех лет нигде не задерживался, переведенный в лагерь 157 из УНКВД СССР по Вологодской области И.И. Розенфельд. Везде характеризовался как ленивый, безынициативный работник. Уже на новом месте в Ленинградской области придумал себе «историю болезни» (хроническая малярия), упоминая во всех рапортах, что «...жить ему в болотистых местах нельзя», и, что его следует перевести на юг страны. В лагере 157 выяснилось, что он, зная о своей тете и бабушке, проживавших в США, скрыл этот факт от органов госбезопасности [17]. Как «никудышный работник» оценивался летом 1946 г. переводчик, а впоследствии инструктор по антифашистской работе лагеря 157 Г.Ф. Чапек, немец чешского происхождения, проживавший в СССР с 1939 г. [18].

Особенно тщательно расследовались обстоятельства личных контактов и связей женщин – сотрудников лагеря 157 с немецкими и венгерскими военнопленными. В ряде эпизодов эти отношения носили довольно личный характер. Иногда в «разборки» (преимущественно женские. – *Авт.*) втягивался почти весь персонал лаготделений, а иногда и местного населенного пункта. Так, не осталась без внимания счетовод транспортного отдела лагеря 157 Е.И. Петрова, «вступившая летом 1946 г. в недозволенные взаимоотношения с военнопленным шофером Штазик...», укравшим около дер. Ларьян 3 куб. м. дров для неё и доставивших их в дер. Крутик,

где она проживала [8, л. 156]. В марте 1945 г. оперчасть лагеря проинформировала руководство о том, что медсестра лагерного лазарета А.Я. Юшина сожительствоует с немецким военнопленным [7, л. 60 об.].

По подозрению в аналогичных связях из органов были уволены с весны 1944 г. Н. Бухарестская, М. Савичева, В. Кольцова, А. Пономарева и некоторые другие [19, с. 512]. У этих женщин в отличие от официальных заключений были свои истории и они не всегда связывались с их легкомыслием и алчностью. В некоторых из них содержались пусть весьма сдержанные, но довольно трогательные рассказы о внимательном, бережном и участливом, хотя и временном, союзе равнодушных друг к другу людей. У части этих и других обличаемых женщин были действительно нелегкие судьбы. Многие из них вели замкнутый и одинокий образ жизни. По их оценкам, большинство мужчин – сотрудников лагеря находились постоянно на службе и работе или беспробудно пьянствовали...

Хотя частично описанные нами «действующие лица» разительно отличались друг от друга и пребывали в разных «средах», их тем не менее объединяло на наш взгляд желание выжить и стабилизировать полностью разбалансированное сознание, переключиться на новый алгоритм жизни. Для советских граждан, ежедневно контактирующих с иностранными военнопленными война не закончилась в обычном её понимании. Судя по исследуемым материалам еще долго и довольно непросто будет происходить «освобождение от войны» сознания людей, втянутых в её гигантскую среду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Иванов В.А.** Военнопленные на Северо-Западе РСФСР в восстановительный период (1944–1949 гг.) / Проблемы воспитания патриотизма у молодежи и современность. Материалы научных докладов международной науч.-практ. конф. (22–23 сентября 1995 г.). – СПб.: СПб ВВКУ ВВ МВД России, 1995.
- 2. Колошинская Н.В.** Обеспечение правового режима содержания немецких военнопленных на территории Ленинграда и Ленинградской области во II половине 40-х годов (историко-правовой аспект): автореф. дис. ...канд. юр. наук. – СПб.: СПб ун-т МВД России, 2002.
- 3.** Отдел архивной информации Информационного Центра Главного управления МВД РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области). Ф. 26. Оп. 2. Д. 1.
- 4.** ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 26. Оп. 2. Д. 1; **Ходяков М.В.** Трудовое использование военнопленных Великой Отечественной войны на территории Ленинграда и Ленинградской области. 1944–1949 гг. / Россия в XX веке:

проблемы политической, экономической и социальной истории: Сб. статей / Под ред. М.В. Ходякова. – СПб., 2008.

5. Ходяков М.В. Трудовое использование военнопленных Великой Отечественной войны на территории Ленинграда и Ленинградской области. 1944-1949 гг. / Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории: Сб. статей / Под ред. М.В. Ходякова. – СПб., 2008.

6. Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941-1951: отчетно-информационные документы / Под ред. М.М. Загорулько. – Волгоград: Издатель, 2005.

7. ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 26. Оп. 2. Д. 3.

8. ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 26. Оп. 2. Д. 4.

9. Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; Под ред. М.М. Загорулько. – М.: Логос, 2000.

10. Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941-1951. С. 99.

11. ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 26. Оп. 2. Д. 5.

12. Ходяков М.В. Побег иностранных военнопленных из лагерей НКВД-МВД Эстонии в 1945–1949 гг. // Новейшая история России. 2013. № 2 (7). С. 228-249.

13. Говоров И.В. Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1955): опыт исторического анализа. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.

14. Ваксер А.З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. – СПб.: Изд-во ОСТОВ, 2005. С. 93.

15. Жаркой М.Э. Милиция Ленинграда в механизме реализации карательной политики послевоенных лет (1945–1957 гг.). Исторические уроки деятельности. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2004. С. 160-161.

16. ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Арх. № 101575. Личное дело Шнейдер Э.Х.

17. ОАИ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Арх. № 73935. Личное дело Розенфельд И.И.

18. Иванов В.А., Колошинская Н.В. Военный плен и особенности его регулирования во второй половине 1940-х годов: региональный аспект: Монография / Под науч. ред. проф. Мячина А.Н. – СПб.: РИО СПб филиала РТА, 2014.

19. Иванов В.А., Колошинская Н.В. МВД и немецкие военнопленные в восстановительный период (1945–1949 гг.): ленинградский опыт / Министерство внутренних дел: страницы истории (1802–2002 гг.) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.

УДК 940.53/54

С. М. Капилупи

ЧАСТНАЯ БИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ФОНЕ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ ФАШИСТАМИ И КАТОЛИКАМИ

Тема и содержание этой статьи имеют для меня совершенно особое значение, поскольку речь в нем пойдет о моем отце, Энцо Мария Капилупи, которого нет со мной вот уже двадцать лет. В августе 1992 г., почти за два года до смерти, он по моей просьбе наконец-то поделился своими воспоминаниями о войне, чего до этого принципиально не делал. Этот рассказ, записанный мной тогда, как мне кажется, очень ярко передает переживания простого молодого итальянца в конце Второй мировой войны. Биографический сюжет, который хотел бы представить, позволяет на основании частного случая судить о типичных последствиях столкновения готовящегося к войне молодого идеалиста и фашистской военной машиной и с противоречиями самой истории [1, *interim*]. В 16 лет мой отец, живший тогда с семьей в Милане, отправился в казармы берсальеров, чтобы записаться добровольцем на фронт. Это был первый поступок в цепи происшествий, абсолютно переменивших его взгляды, сформированные под воздействием фашистского государства. Своим юношеским решением он прямо нарушил волю родителей – и моего деда Антонио, и матери, бабушки Инесс, стремившихся уберечь старшего сына от армии. В семье моего отца, родившегося в Катанзаро (область Калабрия) 30 октября 1926 г., существовал особой культ здоровья. Вообще, забота итальянцев о своем здоровье, их мнительность по этому поводу широко известны и не случайно приведены как национальная черта в ироничной книжке «Эти странные итальянцы» из переведенной теперь и в России серии «Внимание: иностранцы!» («The Xenophobe's Guide...»). В семье Капилупи эта черта усугубилась врожденным нездоровьем ее главы. Дед, у которого с детства не действовала одна рука, постоянно говорил своим семерым сыновьям: «Вы, у которых есть

здоровье, не губите его». Из-за своей инвалидности Антонио не служил в армии, более того, сначала он был антифашистом. Так, однажды в театре Катанзаро ни он, ни его супруга, бабушка Инесс, не встали во время исполнения «Giovinezza» – гимна фашистской молодежи, за что дед получил пощечину от одного из фашистов. Вскоре, однако, администрация *Banca d'Italia*, где работал Антонио Капилупи, поставила его перед выбором: или вступить в фашистскую партию, или быть уволенным. В конце концов, он постепенно не только смирился с режимом, но и принял его сторону. Как говорил мой отец, деду понравилась военная мода в одежде, культивируемая фашистами и среди гражданских [2, *interim*]. Надев униформу, он смог внутренне компенсировать свою физическую неполноценность. Тем не менее, Антонио не считал возможным отправить старшего сына на войну и в 1943 г. вместе с женой буквально силой вернул Энцо домой из казармы берсальеров. Этот конфликт выявил разную глубину воздействия фашистской идеологии и пропаганды на поколения семьи. Характерно, что мать Энцо, учительница начальной школы Инесс Скализе-Капилупи, которая вслед за мужем тоже стала считать себя фашисткой, продолжала подпольно обучать на дому еврейских детей, которым после 1938 г. была постепенно закрыта дорога в итальянские школы. Видимо, сыграл свою роль принципиальный конфликт между традиционным католическим воспитанием и новыми установками режима (отметим, что в 1931 г. повсеместно была запрещена деятельность политической организации «Католическое действие» («*Azione cattolica*»)) [3, с. 84]. Тут можно и нужно сделать важное и подробное уточнение о католиках и их отношении с роковой истории войн и тоталитаризмов XX века. XIX век видел, как католицизм борется с новыми направлениями современности, до такой степени, что католическая Церковь не признала новое единое итальянское королевство в 1861 году, особенно после захвата «итальянцами» также и Рима в 1870 году, после чего Католическая Церковь оказалась ограничена на Ватикан. Действительно после этого масонство играло до 1913 года очень важную роль в Италии, и конфискация монастырей была в чем-то даже жестокой. Римский папа Пий IX запретил католикам принять участие в политическую жизнь нового единого итальянского королевства, и таким образом он оставил свободным поле для действия масонства, атеистов и агностиков. Великий католик и пи-

сатель Алессандро Манцони не послушался Римской папе, и вошел в Сенат (а не послушание Римской папе в политических вопросах это даже доктринально позволено Церковью). В начале XX века ситуация постепенно изменилась, до «соглашения Джентилони» в 1913 году. Речь идет о соглашении между либералами Джованни Джентиле и итальянским католическим избирательным союзом (U.E.C.I.), под председательством Винченцо Отторино Джентилони (от которого соглашение и получило свое название), в ожидании политических выборов 1913 года. Соглашение обозначало официальное вхождение католиков в итальянскую политическую жизнь. Но пришло время Первой мировой войны, начало всех катастроф столетия. Италия долго считала эту войну «четвертой войной независимости», потому что страна получила от исхода войны город Триест. Но Триест уже был до этого культурной столицей австро-венгерской империи и «итальянским городом». После присоединения к Италии, в течение войны при которой братья убивали своих итальянских братьев австро-венгерской империи, Триест потерял свой культурный статус. Католическая Церковь увидела за ранее эти и многие другие ужасающие противоречия Войны, и Ватикан оказался единственным государством, что судило Первую мировую войну «бесполезной бойней», по словам самого Бенедикта XV. Церковь продолжала быть одной перед «современностью». После окончания войны стало уже необходимым найти возможности диалога с новыми государствами для защиты верующих. А новые государства оказались в основном «тоталитарными», так на Востоке, как и на Западе. 20 июля 1933 года, Папа Пий XI подписал конкордат с нацистской Германией (Reichskonkordat), который гарантировал определенные права католической церкви, особенно по вопросу преподавания религии. Нацистская Германия, однако, вскоре нарушала соглашение: в течение "ночи длинных ножей" были убиты лидеры католических организаций (среди них Эрих Клаузенер на главе «Katholische Aktion», «Католическое действие»), и вскоре начали также антикатолические преследования. Кардинал Эудженио Пачелли (будущий Папа Пий XII и в то время уже кардинал-Госсекретарь) обратил без успеха, в 1933–1939 годы, 45 протестов немецкому правительству. Mit brennender Sorge (по-итальянски «Con viva [буквально bruciante] preoccupazione», то есть «с живой [буквально "зажигающей"] тревогой») является известной энцикликой

папы Пия XI на немецком языке и опубликованной 10 марта 1937 года. Адресована немецким епископам, и в виде исключения написана прямо на немецком языке для того, чтобы способствовать ее распространению и чтению в храмах немецкой страны, энциклика фокусируется «на религиозной ситуации в Германской империи». Энциклика, датированная от 14 марта, была зачитана в немецких приходах 21 марта (вербное воскресенье) и распространена в прессе на следующий день. Энциклика подписывается Пием XI, но была существенно подготовлена в секрете кардиналами Пачелли, будущим Пием XII (который знал немецкий язык и культуру) и Фон Фаульхабером (архиепископ Монако и Фрайзинга). Чтобы не быть поймана Гестапо, она была передана тайно в Германию и спрятана священниками, часто в кущах. Папа Второй мировой войны с 1939 года это папа Пий XII. В своей первой энциклике *Summi Pontificatus* (1939 г.), Пий XII осудил во имя мира все формы тоталитаризма, в результате учения о царствовании Христа, которое была краеугольным камнем понтификата своего предшественника, Пия XI. По независимым оценкам, и документально подтвержденным многочисленными свидетелями, многие члены католической церкви (священники, монахи, монахини, миряне) активно действовали, чтобы противостоять геноциду евреев, терпя значительные риски и часто расплачиваясь своей собственной кровью: приблизительные оценки говорят, что до шестисот тысяч евреев, таким образом, спаслись от Холокоста, – число выше, чем то, достигнуто всеми другими гуманитарными организациями и христианскими конфессиями вместе взятыми. Были недавно найдены документы, которые продемонстрируют, на самом деле, что прямое действие Папы Пия XII спасло более 11 000 евреев в Риме во время Второй мировой войны. Представитель Германии «Pave the Way Foundation», историк и исследователь Майкл Гесеманн, обнаружил важные документы в архивах церкви Святой Марии Души, немецкой национальной церкви в Риме. По словам президента «Pave the Way Foundation», еврей Гарри Крупп, эти документы доказывают, что Пий XII выступал прямо и «за кулисами», чтобы закончить облаву римских евреев 16 октября 1943 года уже "в 14:00 в тот же день, в котором она была начата, но это не могло остановить первый поезд от столь жестокой судьбы" [4, *interim*]. С другой стороны, тот же раввин Нью-Йорке, Дэвид Далин, сказал: «Пий XII много-

кратно поднял тревожный крик публично и в частном порядке против опасностей фашизма и, по всей Второй мировой войне, всегда выражался в пользу евреев. Когда Папа узнал о зверствах нацистов в Польше, призвал епископов Европы, чтобы сделать все, что в их силах, чтобы спасти евреев, жертв нацистских преследований. В январе 1940 года, по поручению самого Папы, радио Ватикана и газета "Римский наблюдатель" явили миру ужасные зверства бесчеловечной нацистской тирании против евреев и поляков-католиков и утверждал, по словам Папы, что эти зверства оскорбили совесть человечества» [5, *interim*]. Согласно недавнему исследованию, проведенному исследователем Домиником Оверстейнс [6], 16 октября 1943 были 12 428 евреев в Риме. Прямое действие Папы Пия XII спасло жизнь более чем 11 400 евреев, объяснил Крупп. Утром 16 октября 1943 года, когда Папа стал в курсе ареста евреев, сразу сообщил официальный протест Ватикана германскому послу, что он знал наверняка приведет успех. Много, впрочем, есть показаний беженцев в римские монастыри, которых Пий XII попросил прекратить необычным образом даже обет молчания и изоляции, чтобы скрыть евреев и политических беженцев [7]. Более того, даже будущие папы Ронкалли, Лучани и Войтыла спасали и скрывали от немцев еврейские группы и семей. Папа сам предложил убежище для многих евреев во дворцах Ватикана и в католических храмах и школах [8, 9, 17]. Еврейский ученый Пинхас Лapid напомнил оценки, что между 70 и 90% из 950 000 европейских евреев, выживших от Холокоста должны это католическим инициативам, поощренным и поддержанным тем же Пием XII. Это не случайно, что до 1963 года, это масштабное дело милосердия была признано самими евреями, среди которых Альберт Эйнштейн [11]; многочисленными были аттестации признательности и благодарения сразу после войны [12, с. 6–7; 14, с. 190; 13, с. 271]; среди прочих, следует отметить здесь только признание раввина Элио Тоафф, сразу после смерти Пия XII: «Больше, чем в любое другое время, у нас была возможность оценить великое сострадание и щедрость этого Папы во время лет гонений и террора, когда казалось, что не было больше никакой надежды для нас» [15]. 10 октября 1958 года, после смерти Папы, Голда Меир, министр иностранных дел Государства Израиля, говорил: «В течение десяти лет нацистского террора, наши люди потерпели страшное мученичество. Голос Папы поднялся

осудить преследователей и вызывать жалость к жертвам». Для большей части народа Рима, не только для евреев, римский папа стал после бомбардировки квартала Сан Лоренцо американцами 19 июля 1943, единственный человек власти, которого еще люди принимали. Он пошел встретить народ лично после трагедии, и современный автор песен Франческо Де Грегори поет об этой знаменитой встрече, при которой Пий XII «казался почти ангелом в очках» («*sembrava quasi un angelo con gli occhiali*»), в то же время как король был практически изгнан народом квартала матом. 9 сентября 1943 итальянское королевство, после того как освободило от должности Муссолини еще 25 июля того же года, подписало примирение с союзниками и отменило соглашение с нацизмом. Муссолини пошел строить свою фашистскую республику на севере Италии, страна оказалась разделенной в двух частях, а Рим скоро оказался «Рим открытый город», захваченный немцами. Немного иначе обстояло дело с молодым Энцо Капилупи: естественный процесс взросления требовал героической мечты, и повседневность муссолиниевской Италии с избытком его удовлетворяла. Не случайно отец вспоминал, что одними из самых ярких воспоминаний его детства, наряду с радиопостановками «Четырех мушкетеров» Дюма, были образы Муссолини из кинохроники и с уличных плакатов: обнаженный до пояса «дуче» катается на лыжах или работает в поле во время уборки урожая – распропагандированной повсеместно *Campagna del grano* («битвы за урожай» по-итальянски). Как подсчитал Энрико Стурани, количество официально растиражированных изображений Муссолини составляло от 1500 до 2000, не считая еще нескольких тысяч, изготовленных фотограмами на местах, а общее число репродукций с этих изображений могло достигать от 8 до 30 миллионов [16]. В свою очередь, Лилиана Ланзардо, специально занимавшаяся образом фашизма в исторической памяти итальянцев, цитирует мнение одного из своих информантов о том, что портреты дуче являлись для людей, родившихся в конце 1920-х – начале 1930-х гг., «наиболее сильным визуальным воспоминанием» [3, с. 61]. Особую роль в формировании подобного восприятия играла тогда фашистская киностудия «Луче», поставлявшая документальную хронику для обязательного показа в кинотеатрах перед художественными сеансами [3, с. 71–72]. Возможно, физическая ущербность отца подсознательно сопоставлялась Энцо с demonstra-

тивным здоровьем «дуче» – «отца нации». К тому же брат отца Уго – семейный пример для подражания – был офицером-сапером. «Наивный, безмятежный ребенок», как характеризовал себя отец впоследствии, жаждущий стать охотником в Африке, очень скоро начал мечтать и о военном поприще. Милитаризация общества шла рука об руку с политизацией. В школе, как вспоминал отец, самыми обидными прозвищами были «*democratico*» и «*fuoriuscito*» – «демократ» и «уехавший» (то есть эмигрант). Детские фашистские организации *balilla* тоже имели свою униформу. Общепризнано, что правительственная пропаганда достигала особого успеха именно среди *ceto medio* (среднего сословия) [1; с. 17–19], к которому принадлежала и семья Капилупи. После первого переезда в Рим, когда Энцо было пять лет, ежегодно рождался новый ребенок, что, в свою очередь, вызывало частую смену места жительства. Бедность была постоянным спутником семьи и особенно усугубилась в военное время: обычным блюдом являлась *misticanza* – густой отвар из трав без масла и соли, и лишь по воскресеньям на столе появлялись грубые, «черные» макароны. 100 граммов кофе, стоившие на «черном рынке» 3,5 лиры, в первый же день после вступления Италии в войну подскочили в цене до 50 лир (ежемесячная зарплата уборщицы). И кофе, и другие продукты, за исключением упомянутых макарон, можно было купить лишь нелегально, у торговцев с *camionetta* – маленьких грузовиков. По законам военного времени эти торговцы рисковали своей жизнью. Особой ценностью была соль – поскольку все ее запасы римляне очень быстро выменяли на мясо у торговцев свиной, пришлось извлекать ее из морской воды простым высушиванием на террасах домов. Такова была ситуация в стране, в которой произошло обычное возрастное восстание юноши против отцовского авторитета. Не случайно в начале 1944 г., после вторичного переезда семьи в Рим, отец снова добровольно явился на призывной пункт, и на этот раз удачно: он был зачислен в парашютный дивизион «*Folgore*» («Молния») – элитное подразделение итальянской армии, базировавшееся в приморском городке Палидуро [20]. Энцо уже исполнилось 17 лет, что в военное время означало совершеннолетие, и родители не могли больше воспрепятствовать его решению, хотя и пытались. Подготовка новобранцев дивизиона «*Folgore*» проходила в Сполето, куда и был отправлен отец. Перед этим ему дали ко-

роткий отпуск, во время которого он посетил свой лицей «Virgilio» уже в униформе. Тут выяснилось, что оставшиеся в Риме товарищи смотрят на него, по словам самого Энцо, «как на марсианина или дурака, или фанатика». В отличие от него, они вовсе не хотели участвовать в боях против высаживающихся на юге американцев. Один из этих его товарищей, по имени Клаудио Фьорини, бывший другом отца до самой его смерти и, как и Энцо, впоследствии работавший адвокатом, сказал мне, что отец был убежден: 8 сентября 1943 г. стало позорной датой для итальянцев. По мнению Энцо, изменять немцам не следовало: если бы история показала, что они принадлежали к неправой стороне, то надо было и погибать вместе. Он считал вопросом военной доблести. Когда мой отец прибыл в Сполето, выяснилось, что никакой подготовки не будет. Все только и говорили об абсурдных бомбардировках американцами города Кассино и знаменитого монастыря, основанного Св. Бенедиктом. Немцев там не было, и они сами не хотели там присутствовать, опасаясь за судьбу католических ценностей. Почему все-таки американцы решили бомбить монастырь, до сих пор остается загадкой. Это событие укрепило фашистские убеждения Энцо. Тогда же американские войска высадились в районе Анцио, где отец и получил свое боевое крещение. Ночью в крытых грузовиках солдат парашютного дивизиона перебросили на фронт, и уже на следующий день они оказались в окопах. Местом ночлега после дневных перестрелок служили те же самые грузовики. Во время первого боя Энцо увидел на горизонте силуэты американских танков «Шерман», и начал стрелять куда-то вверх из своей винтовки беретта. Вражеских солдат он не видел и попасть в них не старался. Все это продолжалось пять–шесть дней. До прямой атаки американцев дело так и не дошло. После этого часть неожиданно перебросили в городок Монтелуко, чтобы захватить действующую там группу итальянских партизан. Но этот одноднennyй марш-бросок тоже остался безрезультатным, и солдат вернули в Сполето, тем временем американцы начали бомбить город и превратили в руины вокзал, разбомбив заодно целый поезд с военной амуницией. Энцо в это время находился в окопах рядом с вокзалом, и здесь впервые увидел вблизи ужас войны. Один из двух братьев-близнецов, стоявший рядом с ним в окопе, буквально раздавлен обломком рельса, подброшенным взрывом, а второй брат ранен. Наводил на размышления и со-

став защитников Сполето. По воспоминаниям отца, они делились на три группы. Во-первых, такие же, как и он, студенты-добровольцы (из которых Энцо, впрочем, был самым младшим), во-вторых, ветераны, воевавшие еще в начале войны в Греции – они назывались «ребятами девятнадцатого» и казались уже очень уставшими от войны, готовыми все бросить. Это настроение, кстати, поддерживали местные жители, которым давно надоели немцы и которые постоянно предлагали солдатам идти по домам. Возникновение антивоенных настроений в фашистской Италии относится еще ко времени вмешательства в испанскую гражданскую войну в 1936 г. [3], а к 1938 г. появились первые анекдоты о Муссолини и его режиме [18, с. 71–72]. Третью группу защитников Сполето составляли те, кого отец называл просто «авантюристами». Приближалась Пасха 1944 г. Отец, у которого была совсем да школьная память о пасхальных каникулах, попросил у командира три дня отпуска, чтобы побывать в Риме и повидать родителей. Во фронтовых частях итальянской армии офицерами и даже унтер-офицерами, как правило, были немцы. Нет ничего удивительного, что Энцо получил отказ. Возмущенный до глубины души, он заявил часовому, что идет «немного осмотреться вокруг», и вольно уехал в Рим автостопом в грузовике грузовичка, одного из торговцев-нелегалов. Родственники не заподозрили в нем дезертира, да он и не собирался дезертировать. Спустя четыре дня домашние проводили его до вокзала, где Энцо произнес необходимый пароль «Nembo» («облако») и сел на поезд, доставивший его обратно в прифронтовую зону. Утром он предстал перед немцем унтер-офицером, который, не слушая никаких объяснений, набросился на него с кулаками. Отец дал сдачи. После этой стычки их растащили, и Энцо препроводили под арест в крепость Сполето, где он провел около двух недель в кишашей клопами камере. заключенными крепости были или дезертиры, или партизаны. Вдруг прошел слух, что одного из арестантов приговорили к смертной казни. Ходило мнение, что скорее дезертира, чем партизана. Спустя два дня в камере Энцо резко распахнулась дверь, и немецкий офицер, вошедший в сопровождении двух солдат, зачитал ему по-немецки приговор. Все это время не знавший языка отец думал, что он и есть тот самый дезертир, которого приговорили к смерти. Но из прозвучавшего затем итальянского перевода он узнал, что его ждут пять месяцев заключения в немецком кон-

центрационном лагере. Уже через три дня Энцо оказался в поезде, идущем в Германию, в город Торгау. Кончался май 1944 г. Набитые как сельди в банку в вагоны для скота с крошечными отверстиями вместо окон, арестованные итальянцы по дороге пополнялись евреями, французами, пленными англичанами и другими людьми, языка которых Энцо не понимал. Через пять–шесть дней они прибыли в лагерь, состоявший из деревянных бараков высотой 3–4 метра, оборудованных нарами. В одном бараке размещалось приблизительно пятьдесят человек. Капо был из заключенных-немцев. Кормили один раз в день, но не самыми плохими продуктами: горячий бульон, кусок черного хлеба со сливочным маслом и джемом. Раз в неделю в бульон добавляли кусочек мяса. Отец вспоминал, что вставали они еще при звездах, в пять часов утра, и два–три часа занимались зарядкой, в основном бегом. С восьми утра работали в двух–трех километрах от лагеря. Работа была странной, иногда абсурдной: из вагонов на «мертвых рельсах» (так по-итальянски называют недействующую железную дорогу) вытаскивали мешки со строительной арматурой, а если не было такой работы, то рыли канавы, а потом засыпали их землей. Иногда доводилось таскать в мешках магазинные продукты, предназначавшиеся, разумеется, не им: сыр, муку, сухофрукты. Как-то раз в одном таком мешке обнаружилась дыра, через которую любой желающий смог утащить немного чернослива. Но результат оказался печальным. Обнаружившие пропажу немцы обыскали всех работавших и за каждую найденную сливу назначили сутки карцера. Отец отделался пятью, а кое-кто получил и тридцать. На двух квадратных метрах камеры оказалось по пять, а то и по семь человек. Все они очень скоро жестоко страдали от фурункулеза. Повседневный режим тоже был достаточно строг. Например, если капо находил, что кровать убрана плохо, он опрокидывал на нее ведро с испражнениями. Энцо помогала выстоять лишь мысль, что через пять кошмарных месяцев он вернется на фронт. Пацифистом и антифашистом он, несмотря на все эти испытания, отнюдь не стал. Настоящим ударом было известие о том, что после окончания срока его, вместо освобождения переводят в другой лагерь – Эрланген рядом с Нюрнбергом. Правда, некоторое облегчение наступило. Эрланген, в котором было много госпиталей и военнопленных, не бомбили. Кроме того, Паволини, министр иностранных дел «республики Сало»,

созданной фашистами на севере Италии, заключил договор с Гитлером, касающийся итальянских заключенных в немецких лагерях. В Эрлангене некоторые были даже освобождены, а другие, подтвердившие свое признание правительства Сало, получили возможность выходить в город на заработки. Осень и начало зимы 1944 г. Энцо провел на строительстве туннеля около Эрлангена. Передавая по цепочке обледенелые кирпичи (холода доходили до -25°), он постоянно обдирал до крови руки. На работу от лагеря и обратно приходилось идти пешком 8 км. К маленьким бытовым удовольствиям относились пиво по субботам и подобранные за немцами окурки. На немецких девушек запрещено было даже бросить взгляд. Никакого трудового энтузиазма мой отец в такой обстановке не испытывал. Иногда он просто ложился на рабочем месте, что могло бы повлечь наказание. Но наблюдавший за ними немецкий заводской охранник, двое сыновей которого погибли в России, оказался добрым человеком. Он снисходительно говорил: «Schlafen, schlafen, Capilupi» («Спать, спать, Капилупи» (нем.)). Именно тогда, во время работы на заводе, Энцо познакомился с тремя другими итальянцами, арестованными за свои антифашистские взгляды и связь с партизанами. Насильно призванные в армию, они сразу же попытались бежать, но неудачно. Их предыдущее заключение в Торгау заканчивалось, как оказалось, в тот же день, что и у Энцо, и тоже обернулось новым сроком. Отношения с ними начались со ссоры, за которой последовало примирение, перешедшее в дружбу. Отец сам попросил прощения, поскольку понял, что острую реакцию на самом деле вызвала униформа фашистской армии, которую он продолжал носить, не имея другой одежды. Позже новые друзья называли его сумасшедшим, поскольку какой-нибудь из заключенных-антифашистов мог убить его просто за эту форму, и вскоре достали для него другую одежду. Еще они сказали Энцо, что если бы встретили его не сейчас, а раньше, в Италии, то стреляли бы. Уже после смерти отца я разговаривал с одним из этих его друзей по лагерю, Элио Бенни, и он сказал: «Твой отец – добрый человек и ни в чем не виноват, просто он был слишком молод и наивен». В конце марта 1945 г. отец, заболевший трахомой, оказался в госпитале в Нюрнберге, где его лечили полмесяца. После этого, когда однажды наступила его очередь нести еду из кухни до барака рабочих, Энцо решил задержаться по дороге в маленьком леске. Один из

немецких инженеров поехал его искать, нашел и попытался швырнуть в отца велосипедом. После случившейся между ними драки Энцо вызвали в заводское бюро, сильно избили прикладами винтовок и выбросили наружу. Подобранный товарищами, он несколько часов пролежал без сознания. Через день после этого он решил бежать и убедил сделать это вместе с ним одного из друзей-антифашистов – Армандо Тани, высокого, под метр девяносто, ливорнца. Отец вспоминал о нем как об «огромном ребенке». Двое других – Элио Беньи и Джоберто Гуэррини – пытались отговорить: «Что вы делаете, ребята, разве вы не слышите артиллерийскую стрельбу? Американцы скоро будут здесь». Однако Энцо и Армандо на следующее утро все-таки бежали, запланировав уйти через Мюнхен на Инсбрук. В Нюрнберге немецкие женщины, назвав их «бедными итальянцами», позволили спрятаться на сеновале и даже кормили, предупредив, чтобы они не показывались на глаза мужьям. Через неделю они достигли реки Изар. Перебраться через нее оказалось невозможно иначе, чем через мост, на котором стояли немецкие жандармы. Отец, снова надевший ради побега униформу, понадеялся их обмануть, но все закончилось допросом в жандармерии на окраине Мюнхена. Легенда отца состояла в том, что они – бывшие заключенные из лагеря во Франкфурте-на-Одере, который был уже в руках русских, от которых они, якобы, и спасаются. Но названия лагеря он сообщить не смог, и этим себя выдал. После этого Энцо был отправлен в Дахау, где прошел обычную процедуру потенциального смертника – холодный душ, дезинфекцию и помещение в барак, рассчитанный на восемьдесят человек, но забитый пятьюстами. Некоторые из заключенных, по словам отца, были немцами, связанными с покушением на Гитлера, много было и русских. Война подходила к концу. Первые десять дней заключенных еще заставляли работать, потом они просто лежали и ждали своей участи. По словам отца, почти счастьем была одна сигарета на семьдесят человек. Каждое утро в бараке оказывалось два или три новых покойника, которых, пока это удавалось, прятали, чтобы капо мог получить их пайку. Раз в два дня через барак провозили специальную повозку, наполненную мертвыми телами. Только после войны отец осознал, что именно за их баракком находился крематорий. Все это продолжалось до того момента, когда Дахау был освобожден советскими войсками. Энцо Капилупи весил тогда 38 килограммов.

Радость освобождения была огромной. Не всем удалось даже пережить ее. Как вспоминал отец, один из знакомых заключенных умер, вволю накормленный маргарином, у другого не выдержало сердце, когда он в восторге бросился в бассейн со слишком холодной водой. Когда мой отец вернулся домой, от его фашистских убеждений не осталось и следа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Grandi A.** *Giovani di Mussolini. Fascisti convinti – fascisti pentiti – antifascisti.* Milano, 2001.
2. **Bordoni C.** *Cultura e propaganda nell'Italia fascista,* Firenze, 1974.
3. **Lanzardo L.** *Immagini del fascismo: fotografie, storia, memoria,* Milano, 1991.
4. **Hesemann M.** *Pio XII. Il papa che si oppose a Hitler,* Paoline Editoriale Libri, Roma, 2009.
5. <http://www.meetingrimini.org/detail.asp?c=1&p=6&id=2040&key=3&prefix=>
6. <http://www.papapioxii.it/wp-content/uploads/2013/11/La-carit%E2%80%A1-di-Pio-XII-verso-gli-ebrei-perseguitati.pdf>
7. <http://www.papapioxii.it/wp-content/uploads/2014/06/astrologo.pdf>
8. **Bucci C.A.** *Così la portinaia Autorina salvò noi ebrei dallo sterminio,* in Repubblica, Torino, 7 ottobre 2008.
9. **Caprara M.** *Dennis Walters, interprete dei partigiani romani durante l'occupazione tedesca,* in Corriere della Sera, Milano, 10 novembre 2012.
10. **Wisla H.H.** *Un rifugiato (A Papal Audience in Wartime)* // Palestine Post, 28 April 1944.
11. <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,765103,00.html>
12. **Madigan K.** *Judging Pius XII,* in «Christian Century». 14 March 2001.
13. **Dalin D.G.** *La leggenda nera del Papa di Hitler,* traduzione di M. L. Napolitano, 1^a ed., Casale Monferrato, 2007.
14. **Bottum J. & Dalin D.** *The Pius war: responses to the critics of Pius XII,* University of British Columbia, 2004 (<http://www.calvin.edu/academic/cas/akz/akz2407.htm>)
15. **Lichten J. L.** *A Question of Judgment – Pius XII & the Jews* | Jewish Virtual Library, <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/anti-semitism/piusdef2.html>
16. **Sturani E.** *Otto milioni di cartoline per il Duce,* Torino, 1995.
17. **Bordoni C.** *Fascismo e politica culturale: arte, letteratura e ideologia* // Critica fascista, Bologna, 1981.
18. **Longanesi L.** *In piedi e seduti (1919-1943),* Milano, 1968.
19. **Tannenbaum E. R.** *L'esperienza fascista cultura e società in Italia dal 1922 al 1945,* Milano, 1972.
20. **Arena N.** *I ragazzi che riscattarono l'Onore: (Storia del Reggimento Arditi Paracadutisti "Folgore" RS11943/45),* Roma, 2003.

УДК 94(47).084.8:271.2

А. Н. Кашеваров

ИЗМЕНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФЫ

Для религиозной политики советского государства с первых же лет его существования была характерна общая стратегия, направленная на полное вытеснение Русской Православной Церкви из всех сфер жизни общества с перспективой ее полной ликвидации. В соответствии с этими целями властью были выработаны и применялись особые, главным образом, репрессивные приемы «регулирования церковной жизни».

Новое наступление на Церковь, развернувшееся с конца 1920-х гг., имело целью полностью ликвидировать религиозные организации в советском обществе. Повсеместно закрывались храмы и монастыри при массовых арестах духовенства. Несмотря на то, что по Конституции СССР, принятой в 1936 г., священнослужителям предоставлялись гражданские права наравне со всеми жителями страны, государство не видело реальных оснований для существования какой бы то ни было церкви в условиях победившего социализма. Власти запретили единственный печатный орган РПЦ – «Журнал Московской Патриархии». Волна репрессий коснулась всего епископата. В 1937 г. было арестовано 50 архиереев. С этого времени прекратились сессии Синода, на которых рассматривались и решались церковные дела. К концу 1939 г на свободе оставалось лишь четыре правящих архиерея во главе с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), являвшимся по существу временным главой Церкви до избрания Патриарха [1, с. 46]. Положение его напоминало плен. Отправляясь однажды в 1939 г. осматривать московские храмы, Местоблюститель сказал на ухо прибывшему из Западной Белоруссии митрополиту Пантелеймону (Рожновскому): «Владыка, помолитесь, прежде, не я вас везу храмы осматривать, а нас везут... Куда нас везут, сам не знаю»

[2, с. 41]. В оставшиеся еще незакрытыми церкви приходили главным образом пожилые женщины. В целом же к концу 1930-х годов организационная структура РПЦ была фактически разгромлена.

С 1939 г прямое наступление на Церковь было приостановлено. После присоединения Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии сталинское руководство вынуждено было временно пойти на это, чтобы притушить там антисоветские настроения, связанные, в частности, с представлениями о Советской власти как непримиримо враждебной всякой религии и церкви. Важную роль начинала играть разгоравшаяся вторая мировая война. Советское руководство объективно было заинтересовано теперь в укреплении единства нации, а не в разделяющих ее нападениях на верующих со стороны воинствующего атеизма.

Расширение границ СССР сказалось на масштабах церковной организации. Если в 1938 г. в СССР не существовало ни одного монастыря, а количество православных приходов, по оценкам разных исследователей, колебалось от 150 до 400 [3, с. 338] то к 1941 г. РПЦ имела 64 монастыря и 3.021 действующий храм. Около 3 тысяч из них и все монастыри находились на территориях, вошедших в состав СССР в 1939 – 1940 гг. [2, с. 43].

Несмотря на появившуюся осторожность в политике по отношению Церкви и в 1939–1941 гг. по-прежнему приоритетной задачей в ней считалось строительство безрелигиозного общества. Поэтому и в присоединенных областях намечалось проведение антицерковных мероприятий, уже осуществленных в прежних границах СССР. На Волыни и Западной Белоруссии из хулиганствующих подростков и комсомольцев создавались бригады, которые учиняли скандалы возле церквей во время богослужения, особенно в праздничные дни. В изданной весной 1941 г. Центральным Советом Союза воинствующих безбожников книге «Вторая империалистическая война и церковь» в полном противоречии с логикой заявлялось: «Укрепление обороноспособности страны предполагает и развернутую борьбу с пережитками капитализма в сознании людей и, в частности, с религиозными пережитками. Религиозные организации сплошь и рядом являются пристанищем для всякого контрреволюционного сброда, шпионов, диверсантов...» [4, с. 25]. Даже в июне 1941 г., за несколько дней до начала войны, в статье «Патриотизм и религия», опубликованной в журнале с ха-

рактным названием «Безбожник», столь же бездоказательно утверждалось: «Религия является злейшим врагом советского патриотизма. История не подтверждает заслуг церкви в деле развития подлинного патриотизма» [5, с. 2–3]. Такая установка официальной пропаганды мало способствовала сплочению населения накануне Великой Отечественной войны. Развиться новой волне антирелигиозного наступления помешала война с гитлеровской Германией.

Накануне Великой Отечественной войны советскому руководству казалось, что коммунистическая партия близка к достижению провозглашенных целей в области религиозных отношений. «Бесцерковные» и «безбожные» деревни, поселки, города и целые районы насчитывались десятками и сотнями. Согласно проводимым тогда социологическим исследованиям и опросам количество верующих якобы неуклонно и быстро сокращалось. Официальные средства массовой информации и антирелигиозная литература свидетельствовали о «поддержке трудящимися массами курса церковной политики государства, как наиболее полно обеспечивающего свободу совести». Но это была иллюзия. Уже через несколько месяцев после начала войны ситуация кардинальным образом поменялась – началось бурное религиозное возрождение, которое вместе с патриотической позицией Московской Патриархии вызывали необходимость внесения корректив в сферу религиозной политики советского государства.

Первые ростки начавшейся перемены в отношении властей РПЦ проявились еще летом 1941 г., когда прекратилась антирелигиозная пропаганда и перестали выходить такие периодические издания, как «Безбожник», «Антирелигиозник» и т.п. С помощью властей в марте 1942 г. в Ульяновске был проведен Собор епископов, осудивший объявление об автокефалии (независимости от Московской Патриархии) Украинской православной церкви, которое сделал на оккупированных территориях епископ Поликарп (Сикорский) [3, с. 340–341]. В этом же году Патриархия получила возможность пополнить состав своего епископата. Явной уступкой Церкви было последовавшее в апреле 1942 г. разрешение в Москве, Ленинграде и ряде других городов совершать пасхальный крестный ход вокруг храмов с зажженными свечами, на эту ночь отменили комендантский час [6, с. 209]. В ноябре 1942 г. митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич)

был назначен членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Он же представлял Русскую Православную Церковь в созданном тогда Всеславянском комитете. Так как с 19 октября 1941 г. до конца лета 1943 г. митрополит Сергей вместе с сотрудниками канцелярии Патриархии находились в эвакуации в Ульяновске, первые, после долгого перерыва, контакты с представителями власти осуществлял митрополит Николай, руководивший Московской епархией [7, с.274–295]. В 1942 г. в целях разъяснения патриотического курса Московской Патриархии была издана книга «Правда о религии в СССР». Примечательно, что ее напечатали в типографии практически переставшего существовать Союза воинствующих безбожников.

С первых же дней войны, откликаясь на обращение митрополита Сергея «трудами и пожертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам», все без исключения приходы начали широкий сбор денежных пожертвований и ценных предметов на нужды обороны. Следует отметить, что с конца 1928 г. государство ввело запрет на любую благотворительную деятельность. Под влиянием военных обстоятельств, требовавших объединения всех усилий народа для разгрома врага, руководство страны смягчило свою позицию в вопросе церковной благотворительности. 30 декабря 1942 г. Патриарший Местоблюститель Сергей, призвав духовенство и верующих к сбору средств на строительство танковой колонны, обратился с телеграммой к Сталину, в которой высказал просьбу об открытии банковского счета для зачисления пожертвований на колонну имени Дмитрия Донского. В ответной телеграмме председатель Государственного комитета обороны дал на это согласие [2, с. 43].

Таким образом, логика обстоятельств военного времени, патриотическая деятельность Церкви и ее возросшее влияние в народе вызвали постепенные положительные сдвиги в государственно-церковных отношениях в 1941–1942 гг. Результатом этого процесса должно было стать официальное подтверждение курса власти на фактическую легализацию и частичное восстановление традиционных форм церковной жизни.

В начале 1943 г. И.В. Сталин и его ближайшее окружение пришли к окончательному решению о необходимости приступить к нормализации государственно-церковных отношений. На это решение повлияла целая

группа внутренних и внешнеполитических факторов. Одно из основных причин был активная патриотическая деятельность подавляющего большинства духовенств и верующих. За полтора года войны, несмотря на отсутствие необходимого аппарата управления, печатного органа и юридического статуса, Православная Церковь показала свою силу в борьбе с фашизмом, сумела во многом расширить и упрочить влияние в стране. Один из руководителей советской разведки П.А. Судоплатов свидетельствовал, что органы госбезопасности в своей записке в правительство, отмечая это обстоятельство, высказали предложение улучшить политическое и правовое положение Православной Церкви. При этом также имелась в виду важная консолидирующая роль Русской Православной Церкви в набиравшем силу антифашистском движении славянских народов на Балканах [8, с. 40].

Определенное значение имело обращение в ходе войны к русским национальным патриотическим традициям. Ход событий на фронте остро поставил вопрос о существовании государства и самом выживании русского народа. В этих условиях пропаганда и агитация приобрели иные, чем прежде черты. Чем хуже шли дела на фронте, тем настойчивее обращалась пропаганда к «великой русской нации» с призывами защитить Отечество. При этом основные догмы официального коммунистического мировоззрения не отвергались и даже не пересматривались, но реальное содержание идеологической работы в массах обрело национально-патриотические черты. Имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова наряду с именем Ленина упоминались Сталиным в его речи на Красной площади 7 ноября 1941 г. как «вдохновляющие образцы» в освободительной войне. Были введены ордена и медали в честь великих русских полководцев, в том числе в июле 1942 г. орден князя Александра Невского, причисленного Церковью к лику святых.

В процессе завершения перехода от интернационального к национально-патриотическому курсу Церкви отводилась роль важного цементирующего компонента. В ней снова увидели опору государственности и патриотизма. Так, в кинохронике начали показывать невозможные еще недавно кадры: в освобожденных городах жители с иконами встречают советских солдат, некоторые из бойцов осеняют себя крестным знаменем, при-

кладываются к иконам; освящается танковая колонна, построенная на пожертвования верующих и т.д.

Советское руководство также стремилось нейтрализовать воздействие гитлеровской пропаганды, представлявшей Германию защитницей христианства в России. Как уже отмечалось выше, на захваченных землях оккупанты в пропагандистских целях выдавали разрешение на открытие церквей. В связи с освобождением некоторых краев и областей на западе и юге страны Московская Патриархия понадобилась для введения в контролируемое русло стихийно возродившейся церковной жизни на территории, подвергшейся оккупации. Примечательно, что на эти земли было направлено почти половина начавшего численно расти епископата Патриархии.

Таким образом, санкция Сталина на изменение государственно-церковных отношений определялась, прежде всего, прагматизмом.

Весной и летом 1943 г. в руководстве страны обсуждался вопрос о том, какому органу поручить проведение новой религиозной политики. Сначала было решено оставить это право за созданным в апреле Наркоматом государственной безопасности. Но уже скоро стало очевидно, что данное направление деятельности ему не удастся – сказывались стереотипы сугубо репрессивного отношения к религиозным организациям, сложившиеся в 1930-х гг., и среди религиозных организаций Наркомат госбезопасности воспринимался как наследник их гонителей – ГПУ и НКВД. Для внешнеполитического имиджа СССР также было полезно хотя бы внешне вывести Церковь из-под контроля спецслужб. В результате возобладало мнение, что при Совнаркоме следует образовать специальный орган, который осуществлял бы связь правительства с Русской Православной Церковью. Тогда же родилась идея встречи Сталина с ее руководством.

К ней стали интенсивно готовиться. С июля 1943 г. начались оживленные переговоры работников НКГБ с представителями Патриархии – митрополитом Николаем (Ярушевичем) и управляющим делами протоиереем Н. Колчицким. Органы безопасности представили И.В. Сталину подробные материалы о состоянии Церкви, наиболее видных ее руководителях, патриотической деятельности духовенства, возможных кандидатах для избрания Патриарха и т. п.

Конкретный момент для намеченной встречи – первые числа сен-

тября – был выбран не случайно. Дело в том, то в начале осени руководители стран антигитлеровской коалиции готовились к первой личной встрече в Тегеране. На Тегеранскую конференцию советское руководство возлагало большие надежды, связанные с открытием второго фронта. Для оказания определенного воздействия на союзников с целью его скорейшего открытия Сталин искал различные способы, включая использование общественных движений в Англии и США по оказанию помощи Советскому Союзу. В числе таких организаций, с руководителями которых Сталин вел личную переписку, был Объединенный комитет помощи Советскому Союзу в Англии в главе с одним из высших деятелей англиканской церкви настоятелем Кентерберийского собора Х. Джонсоном. Этим партнером Сталин дорожил, так как Х. Джонсон имел немалое влияние в союзной стране, где англиканская церковь является государственной религией [3, с. 336–337]. Помимо Х. Джонсона активно включились в движение за скорейшее предоставление помощи Советскому Союзу другие иерархи англиканской церкви, в том числе и архиепископ Кентерберийский Коэмо Г. Ланг, написавший специальную молитву о даровании победы русскому воинству [9, с. 55]. Руководство англиканской церкви в конце лета 1943 г. через посольство СССР в Великобритании обратилось к Советскому правительству с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Накануне Тегеранской конференции визит делегации был признан Сталиным желательным и полезным. Выигрышно было бы, чтобы главу делегации – архиепископа Йоркского – приняло высшее руководство Русской Православной Церкви во главе с патриархом. Уже одно это сняло бы многие обвинения с СССР за его крайне сложные взаимоотношения с Церковью. Следовательно, внешнеполитические расчеты требовали незамедлительно в начале сентября 1943 г. начать прямой диалог Советского правительства с руководством РПЦ. Инициатива государства встретила ответную положительную реакцию Церкви.

Поздно вечером 4 сентября 1943 г. в Кремле состоялась встреча И.В. Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем, на которой обсуждались первоочередные нужды Московской Патриархии. На встрече также присутствовал В.М. Молотов и ответственный сотрудник «церковного отдела» НКВД Г.Г. Карпов. Была достигнута договоренность, что правительство не будет препятствовать созданию духовных учебных заведений

для подготовки кадров священнослужителей, открытию в епархиях приходов, а также свечных заводов и мастерских по производству и ремонту церковной утвари. И.В. Сталин не возражал и против того, чтобы священники избирались в состав исполнительных органов приходов, а сами приходы имели право отчислять часть средств на содержание епархиальных и общецерковных учреждений. Правительство обещало помощь в издании ежемесячного церковного журнала и предоставило для размещения Патриархии трехэтажный особняк со всей мебелью – резиденцию бывшего германского посла Шуленбурга. Патриарший Местоблюститель коснулся и такой проблемы, как освобождение священнослужителей, находившихся в лагерях, тюрьмах, ссылках, а также о предоставлении возможности совершать богослужение, свободно передвигаться по стране, прописываться в городах тем священникам, которые отбыли наказание в местах лишения свободы [10, с. 60–61].

В беседе со Сталиным митрополит Сергей главной проблемой назвал вопрос о патриархе, подчеркнув ненормальность ситуации, когда в течение 18 лет – после смерти патриарха Тихона в 1925 г. – этот высший церковный пост не замещен. Получив согласие от Советского правительства на избрание патриарха, церковное руководство созвало 8 сентября в Москве Собор епископов, в котором участвовало 19 иерархов. Примечательно, что основной доклад, с которым выступил митрополит Сергей, был целиком посвящен патриотической деятельности Русской Православной Церкви в период войны. Собор принял зачитанное Сергием постановление о том, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным (имеется в виду от Церкви – *А.К.*), а епископ или клирик – лишенным сана» [11, с. 18]. Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Сергей. 12 сентября состоялась торжественное возведение его на патриарший престол, а через неделю в здании бывшего германского посольства, переданного Патриархии, Сергей приветствовал прибывшую из Великобритании делегацию англиканской Церкви во главе с архиепископом Йоркским Кириллом Гарбеттом [12, с. 18–23]. В сентябре 1943 г. вышел первый номер «Журнала Московской Патриархии».

Следовательно, сразу же после встречи в Кремле началась реализа-

ция обсуждавшихся 4 сентября вопросов. 14 сентября было принято постановление Совнаркома СССР об организации при правительстве Совета по делам Русской православной церкви, который возглавил Г.Г. Карпов, а 28 ноября – об открытии Православного богословского института и о порядке открытия церковей. Вновь образованному Совету по делам РПЦ было предоставлено право окончательного решения вопроса об открытии, строительстве или закрытии храмов. К октябрю 1944 г. было открыто более 200 церквей [10, с. 61]. Постановлением Совнаркома религиозным общинам (включая монастыри) было предоставлено право юридического лица в части аренды, строительства и покупки в собственность для церковных нужд домов, строений, транспорта и утвари; снимались ограничения на колокольный звон; местным органам власти предписывалось не чинить препятствий деятельности монастырей [13, с. 212].

Касаясь нормализации государственно-церковных отношений в военный период, некоторые авторы, ссылаясь на церковную публицистику (например, вышедшую в 1993 г. в Троице-Сергиевой лавре книгу «Россия перед вторым пришествием»), выделяют особое значение в этом процессе неких писем и телеграмм, отправленных митрополитом Гор Ливанских Илией Караме советскому руководству. В своих письмах он описывал, как «ему явилась в огненном столпе сама Божия Мать и объявила, что избран он, истинный молитвенник и друг России, для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа российского. Если все, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет». Божия Мать сказала, что «должны быть открыты по всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Священники должны быть возвращены с фронтов и тюрем, должны начать служить... И теперь хранятся в архивах письма, телеграммы, переданные митрополитом Илией в Москву. Сталин вызвал к себе митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и обещал исполнить все, что передал митрополит Илия, ибо не видел возможность спасти положение» [14, с. 328]. Однако исследователи не обнаружили в архивах даже следов писем и телеграмм митрополита Илии, о которых упомянуто выше. Согласно сохранившимся источникам, санкция Сталина на изменение государственно-церковных отношений, как уже отмечалось вы-

ше, определялась, прежде всего, прагматическими расчетами, и во время его встречи поздно вечером 4 сентября 1943 г. в Кремле с тремя иерархами Русской православной Церкви, на которой обсуждались первоочередные нужды Московской Патриархии, имя митрополита Гор Ливанских никак и никем не упоминалось. В архивном деле сохранилась запись беседы в ходе этой исторической встречи, сделанная присутствовавшим на ней полковником госбезопасности Г.Г. Карповым [15, л. 1–10].

Можно предположить, что предание о чудесном явлении Божией Матери митрополиту Илие появились в церковной среде не раньше осени 1947 г., когда митрополит посетил Москву и Ленинград. Во время этой поездки при стечении многочисленной паствы он рассказывал, что всю войну день и ночь молился о спасении России.

После выступления советского религиоведа Э.И. Лисавцева на международной конференции «Исторический путь православия России после 1917 г.», состоявшейся в Санкт-Петербурге 2 июня 1993 г., о том, что первая встреча Сталина с Патриаршим Местоблюстителем Сергием состоялась еще в июле 1941 г., некоторые исследователи стали безоговорочно воспроизводить эту версию в своих публикациях [16, с. 27]. Важно подчеркнуть, что Лисавцев не привел никаких убедительных аргументов. Известные исследователям источники также не подтверждают этой версии, получившей распространение также и в периодических изданиях, включая церковные.

Некоторые авторы подробно останавливаются на многочисленных мифах, бытующих среди верующих, об обращении И.В. Сталина в годы войны к религии. Один из таких мифов гласит: «Зимой 1941 г. изрядно смутившийся Сталин вспомнил свое единственное, хотя и незаконченное образование, – Тбилисскую духовную семинарию и призвал к себе в Кремль духовенство для молебна о даровании победы; тогда же чудотворная Тихвинская икона Божией матери из Алексеевской церкви в Тихвине была на самолете обнесена вокруг Москвы и Москву от врага спасла» [17, с. 16]. Однако эта легенда никак не опирается на реальные события. Так, упоминаемая в ней икона Тихвинской Божией матери оказалась на оккупированной немцами территории и уже поэтому ее не могли на самолете обносить вокруг столицы.

Подобного рода легенды из церковной публицистики и периодики некритично переносятся и в научные издания. Так, Л.Н. Аруева в своей книге «Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной вой-

ны» пишет, что в октябре 1941 г. Сталин приезжал в Царицыно к святой праведной Матроне (Никоновой), которая сказала ему: «Красный петух победит. Победа будет за тобой». Зимой 1941 г. Сталин пригласил в Кремль духовенство совершить молебен о даровании победы. Далее Аруева приводит воспоминания монахини Сергии (Клименко) о том, что когда в ноябре 1941 г. из Москвы хотели вывезти мощи благоверного князя Даниила Московского, он явился Сталину и сказал: «Я хозяин Москвы, не трогайте меня, плохо будет» [16, с. 28–29].

Следует отметить, что светские авторы, излагающие подобного рода легенды, большей частью предпочитают их не комментировать, тем самым как бы молчаливо соглашаясь с теми вымыслами, которые не соответствуют исторической действительности. Например, в последнем случае целесообразно было подчеркнуть, что вопрос о вывозе мощей князя Даниила Московского не стоял и в принципе не мог стоять в военный период, ибо после закрытия монастыря в 1930 г. архимандрит Тихон (Баляев) перенес мощи в церковь Воскресения Слоущего, где они находились до 1932 г. Дальнейшая их судьба неизвестна [18, с. 62–63].

Хотя, временами, по свидетельствам современников, Сталин любил цитировать Библию [3, с. 185–186], а при составлении библиотеки для дачи дал указание, чтобы «не было никакой атеистической макулатуры» [19, с. 11], говорить о будто бы проявившейся у него в годы войны религиозности не приходится. И в атеизме, и в религии он видел общественные явления, которые должны служить существующей в СССР системе каждое по-своему.

Истоки приведенных выше и им подобных легенд уходят в военное время и связаны, прежде всего, с заметным ростом религиозности среди широких слоев населения в тот полный драматизма период испытаний и невзгод. В одном из писем с фронта, характеризующих типичную ситуацию того периода, солдат М.Ф. Черкасов писал домой матери: «Мама, я вступил в партию. Мама, помолись за меня Богу» [13, с. 124]. О росте религиозности в армии в годы войны свидетельствуют архивные документы, очевидцы и даже атеистически настроенные советские литераторы, например, писатель В.Ф. Тендряков. Были случаи, когда с фронтов в Главное политуправление Красной Армии посылались телеграммы с просьбами направить в действующую армию материалы с проповедями духовенства

Русской Православной Церкви. О проявлениях религиозных настроений в войсках, как правило, быстро становилось известным в вышестоящих инстанциях, которые в основном ограничивались пассивным наблюдением.

Урегулирование государственно-церковных отношений распространилось и на другие религиозные организации. В октябре 1943 г. Совнарком принял постановление об организации при правительстве Армянской ССР Совета по делам армяно-григорианской Церкви, а в мае 1944 г. – о создании Совета по делам религиозных культов при правительстве СССР. Их права, обязанности и организационная структура строилась по аналогии с Советом по делам Русской православной церкви. Всего же в конце 1943–1944 гг. Совнарком принял более 10 постановлений, касавшихся условий и порядка функционирования религиозных организаций, некоторых льгот духовенства, прав и обязанностей государственных органов, ведавших церковной политикой [6, с. 219].

По мере освобождения территории СССР от немецко-фашистских захватчиков встал вопрос о тех культовых зданиях, которые были открыты в годы оккупации. Для разрешения этого вопроса 1 декабря 1944 г. Совнаркомом было принято постановление «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации», в котором местным органам власти указывалось на необходимость воздерживаться от закрытия этих культовых зданий, не препятствовать церковным советам их ремонтировать, а в случае изъятия их под общественные нужды предоставлять верующим иное помещение [10, с. 62].

Для И.В. Сталина было важным, прежде всего, создать видимость благополучия в религиозном вопросе, а за этой ширмой, поставив Церковь под жесткий контроль, встроить ее в систему существующего в СССР режима. Характерно, что вплоть до середины 1950-х гг. Совет по делам Русской Православной Церкви находился под непосредственной опекой органов госбезопасности. Председатель этого Совета Г.Г. Карпов был полковником госбезопасности, его заместитель К.А. Зайцев также был полковником госбезопасности, уполномоченные в областях и республиках подбирались в основном «из чекистов». Примечательно, что Г.Г. Карпов некоторое время совмещал свою новую должность с исполнением прежних обязанностей начальника 3 отдела 5 управления НКГБ, осуществлявшего контроль над

религиозными организациями, и закончил свою карьеру в чине генерал-майора [20, с. 122].

Несмотря на то, что самостоятельность Патриархии была сильно ограничена, государственные органы еще не видели необходимости в проведении специальной кадровой политики, осуществлении отбора лояльных священнослужителей среднего и низшего звеньев. Служба госбезопасности могла без соблюдения какой-либо законности арестовать почти любого нежелательного священника или архиерея. Кроме того, среди партийных работников существовала значительная оппозиция новому «примиренческому курсу религиозной политики. Согласно информационным запискам в ЦК 1944–1945 гг., партийные агитаторы на местах нередко заявляли: «Это решено сейчас, во время войны, потому что союзники нам предложили, а после войны изменится отношение к церкви» [13, с. 211].

Таким образом, обескровленная и почти уничтоженная Русская Православная Церковь оставалась тем не менее носителем того духовного потенциала, который со всей силой проявился в период испытаний Великой Отечественной войны. Пройдя через гонения и террор первых двух десятилетий Советской власти, Церковь вновь начала возрождаться во время тяжелых испытаний для всего русского народа. Возросший авторитет Церкви был признан Советской властью, которая стала подчеркивать лояльность и патриотическую позицию Московской Патриархии. Именно в эти годы начался новый этап исторического бытия РПЦ, связанный, прежде всего, с ее фактической легализацией государством и частичным возрождением некоторых форм церковной жизни. На состоявшемся 31 января – 2 февраля 1945 г. Поместном Соборе Патриархом был избран митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Патриарх Сергей умер 15 мая 1944 гг.) и принято «Положение об управлении Русской Православной Церковью», действовавшее вплоть до лета 1988 г.

Согласно этому положению, Церковь становилась сплоченной иерархически, на всех уровнях соподчиненной организацией. Высшая власть принадлежала Поместному Собору, который при необходимости созывался Патриархом. Последний управлял Церковью вместе со Священным Синодом из шести иерархов. При Синоде действовали учебный комитет, издательский отдел, хозяйственное управление, отдел внешних цер-

ковных связей. Епархии управлялись епископами, назначаемыми Патриархом. Настоятели храмов, в свою очередь, назначались епархиальными архиереями. Проведение Поместного Собора, на который съехалось 204 участника и ставшего единственным, исключая военные и правительственные совещания, собранием такого масштаба в годы войны, способствовало дальнейшему оживлению религиозной жизни в стране [21, с. 322–328].

В период войны сформировалась новая церковная политика советского государства, отличительной чертой которой являлась относительная веротерпимость. Однако, вместо прежних, довоенных приемов регулирования религиозной жизни, нередко выражавшихся в прямых насилиях и терроре, вырабатывались новые, заключающиеся в строгом ограничении и всеохватывающем контроле церковной деятельности со стороны государства. Нормализация государственно-церковных отношений носила частичный и временный характер, так как правовые и административные ограничения на деятельность религиозных обществ, принимавшиеся Советской властью еще с 1918 г., не были сняты. Уже одно это обстоятельство заключало в себе возможность возврата к жесткой церковной политике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Иоанн (Снычев)**, митрополит. Расколы // Христианское чтение. 1991. № 6. С. 8–49. ISSN 1814-5574
- 2. Васильева О.Ю.** Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 35–46.
- 3. Алексеев В.А.** Иллюзии и догмы. М., 1991.
- 4.** Вторая империалистическая война и церковь (материалы к лекции). М., 1941.
- 5. Евстратов А.** Патриотизм и религия // Безбожник. 1941. № 6. С. 2–3.
- 6. Шкаровский М.В.** Русская православная Церковь в XX веке. М., 2010.
- 7. Сурков С.А.** Митрополит Николай (Ярушевич). М., 2012.
- 8. Судоплатов П.А.** «Остаюсь единственным свидетелем...» // Молодая гвардия. 1995. № 5. С. 32–47.
- 9.** Русская Православная Церковь 988–1988. Очерки истории 1917–1988. Вып. 2. М., 1988.
- 10. Одинцов М.И.** Путь длиною в семь десятилетий; от конфронтации к сотрудничеству: государственно-церковные отношения в истории советского общества // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 29–72.
- 11.** Осуждение изменников вере и отечеству // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 1. С. 18.

12. Пребывание делегации Англиканской Церкви в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1943. № 2. С. 18–23.
13. **Шкаровский М.В.** Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.
14. История Русской Православной Церкви: От восстановления патриаршества до наших дней. Т. 1. 1917–1970. СПб., 1997.
15. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10.
16. **Аруева Л.Н.** Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2010.
17. **Паламарчук П.** Сорок сороков. Т. 1. Кремль и монастыри. М., 1992.
18. Московский Данилов монастырь. М., 1988.
19. **Волкогонов В.А.** Сталин и религия // Наука и религия. 1989. № 2. С. 7–12.
20. **Кашеваров А.Н.** Советская власть и судьбы мощей православных святых. СПб., 2013.
21. **Цыпин В.,** протоиерей. История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997.

УДК 94(47).084.8

П. Л. Карабущенко

ЭЛИТА И ВОЙНА

Вся политическая история есть история войны – войны политиков друг с другом и со своими народами во имя могущества и величия своей власти. Монополия на насилие дает силы для правящих элит и является системой утверждающего начала любого государства. Следовательно, до тех пор, пока существуют государства, угроза войны всегда будет висеть над человечеством и источником этой угрозы были и остаются политические элиты. С точки зрения исторической элитологии, война – это путь амбициозной элиты, стремящейся к неоспоримому господству за счет самоутверждения в качестве доминирующего начала за пределами породившего ее государства. Как область наивысшего политического конфликта, война обнажает сущность всех её устроителей. В таких случаях принято говорить о том, что война срывает с них маски лжи и обмана, выставляет милитаристов (поклонников бога войны Марса) в их истинном свете.

Греческие историки (Геродот, Ксенофонт, Фукидид) писали о войне как о смысле всей политической истории. С ними были солидарны и римские историки (Тацит, Светоний, Плутарх и др.) и средневековые авторы (Иордан, Прокопий Кесарийский, Григорий Турский и др.), так или иначе затрагивавшие тему власти политической элиты. Война для них это стержень истории. Вынь его и от истории останется одна только архитектура и фольклор. Даже философия будет не понятна, поскольку лишится своего главного иллюстративного материала. Ведь и Гераклит, и Платон исходили из онтологической диалектики войны и мира, а Аристотель – тот и вовсе подстрекал своего венценосного воспитанника к проведению агрессивной внешней политики. Даже пацифист и космополит Диоген Киник то и дело враждовал и воевал с Платоном, а Сократ, как нам известно, с честью выполнил свой гражданский воинский долг, приняв участие в нескольких сражениях за честь и славу своих Афин. Даже Олимпийские игры мы мо-

жем рассматривать как бескровное состязание за право считаться наисильнейшим, поскольку уже и тогда политика также присутствовала в спорте и пыталась превратить его в арену своих кровавых разборок.

Обращаясь к истории мы видим в политической теории два мощных вектора развития политической мысли – вектор апологии войны и вектор апологии мира. Весами истории, на которых взвешиваются грехи и достоинства элит, являются чаша иренологии (от греч. *eirynh* – мир) и чаша полемологии (от греч. *polemos* – война). Апология войны – это защита элитой своего права использовать насилие в своих политических целях. Среди геополитиков (Сунь-Цзы, К. фон Клаузевиц, А. Мэхен, Х. Макиндер, А.Е. Вандам (Едрихин), К. Хаусхофер и др.) было слишком много военных, чтобы ожидать от разработанных ими концепций миролюбия и пацифизма. Но они же открыли нам все тайны войн минувших эпох, дабы будущие поколения не питали никаких иллюзий в отношении того, что такое война на самом деле. Пацифизм всегда оказывался в философском меньшинстве, и в отличие от политического реализма (апологии войны) выглядел всегда ненадёжной идеалистической надеждой на мирное будущее.

В Античности еще Гераклит Эфесский учил, что «война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей, и что все возникает через вражду и взаимообразно» [1, с. 201]. И далее добавлял: «Война [Полемос] – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными» [1, с. 202]. Эту же мысль развивал и его единомышленник по диалектике Платон, который считал, что война является главным источником возникновения государства, и что победители получают право руководить полисом, потому что оказываются на тот момент политической истории самыми лучшими (самыми сильными, хитрыми, умными). Как естественный отбор, война устанавливала политическое главенство через реализацию силы, подчинения слабого воли сильнейшего. И страх перед насилием и смертью был самым эффективным действенным средством в убеждении своего господства.

Согласно Платону, войну всегда ведут одни богатые люди против других богатых (*Государство, 422b*), ибо война требует определенных материальных и финансовых средств. И побеждает в ней тот, кто сумеет эффективно реализовать свои ресурсы. При этом самым главным ресурсом

являются знания. Поэтому и самым опасным человеком на войне оказывается тот, кто владеет научным знанием о ней (*Государство*, 467 d). Насколько мы знаем Платона, он не был апологетом войны, но он видел во всем диалектическое единство и борьбу противоположностей. Война для него это не только и не столько столкновение двух армий на поле боя, сколько война Идей (*Филеб*, 22d). А Идеи воюют постоянно, поскольку постоянно осуществляют поиск Истины. И для Платона идеи это то, с помощью чего человек ищет и находит Истину.

Элита обладает правом начинать и прекращать войну, снимать с себя и возлагать на других ответственность за её негативные результаты, увенчивать себя лаврами победителя, а затем идеологически объяснять народу, почему и во имя чего погибло столько их граждан. Как избранные в лучшем, элиты обязаны контролировать и оберегать те свои качества, которые и делают их социокультурной доминантой. [см.: 2, 3]. Войну они рассматривают как средство подтверждения и усиления своего элитного статуса.

Так, что такое война? Прежде всего война это материализовавшиеся политические риски, принявшие необратимую форму насилия; это система насилия, приведшая противоборствующие стороны к физическому, моральному и информационному уничтожению друг друга; это когда кровь начинает течь вверх и орошать небеса. Война – это когда возобладала «политика пушек» вместо «политики масла» и пушечного мяса вместо балета и университета. Война есть организованное скотство, возвращающее человечество в исходное (первобытное) состояние, пробуждая в нем самые дикие звероподобные инстинкты. Война есть, наконец, отмена морали, есть своего рода людоедство. Человек войны – самый худший зверь, захлебывающийся в пролитой им крови. Политическая система строится на крови, которую элита проливает руками своего народа. Война – это время, когда обнуляются те ценности, которые к ней привели. Человек становится расходным материалом, перестает быть ценностью и целью. Вот почему для элиты война это статистика, для народа же она – трагедия.

Как показывает практика, война стала доминантой геополитического мышления политических элит. Элиты связывают с войной свои судьбы. Для многих она становится делом всей их жизни. Сунь-Цзы утверждает, что «война – это великое дело государства, основа жизни и смерти, Путь к

выживанию или гибели» (*Искусство войны*, 1, 3) [4]. Прокопий Кесарийский тоже утверждал, что только победоносная война снискала византийскому императору Юстиниану славу великого правителя [5]. И такими откровенными признаниями переполнена всемирная история политики. *Элиты воевали потому, что не воевать они не могли.* Война уже заложена в самом коде политической элиты. Элита власти должна быть военной (т.е. иметь способность и возможность воевать), иначе она не будет политическим классом. Суть и смысл политической элиты заключается в том, чтобы победить в войне, установив власть над своими политическими противниками, обеспечить себе мирную послевоенную гегемонию. Война выковывает элиту в горниле нужды, мир её вылепливает из теста благополучия.

Политика войны – это исключение лирики морали из суровой геополитической повседневности. Война выходит за рамки морали и «определяет форму интеллектуального цинизма профессионалов, для которых конфликт – это всего лишь «тема» и источник карьерного вознаграждения» [6, с. 13]. И в войне, как говорится, все средства хороши. «Война – это путь обмана» (*Искусство войны*, 1, 4-9), замечает Сунь-Цзы, имея в виду не только хитрость полководцев, но и беспринципность политиков, которые этими полководцами руководят. Для войны совесть химера, а трагедия одного – всего лишь безликая статистика. Именно стиранием лика с лица и занимается война – она стремится сделать всех неузнаваемыми, сплошной серой массой, а на главных героев (руководителей войны) надеть маски (личины) их элитарного превосходства. *Война и есть насильственное превращение элитности (достоинства) в элитарность (привилегии).*

Для пацифистов война представляет собой чудовище, пожирающее всё разумное, вечное и красивое. Война есть удовлетворения своих скотских чувств политиков за счет государства. Она является главным антиподом любви, ибо уничтожает всё то, что создается любовью. Если любовь есть взаимное восполнение жизни (В.С. Соловьев), то война есть коллективное уничтожение жизни, как проявления её культуры и искусства. В.С. Соловьев считал, что идеальное начало общественных отношений, по христианству, есть как раз не власть (насилие), а любовь (творчество) [7]. Опровергать именно этот тезис и пытаются все политические элиты склонные к насилию и враждебности. Понятия «война» и «элита» стано-

вятся синонимами особенно в момент максимального обострения конфликта, когда противники окончательно превращаются в антагонистов (врагов) и не видят ни какого иного решения проблемы, как полное физическое и моральное уничтожение друг друга.

Из мировой политической истории мы знаем, что война является самым эффективным средством наращивания элитарного превосходства одной элиты над другой. Ни что так не украшает политическую элиту, как военная мускулатура. Уверовавшие в свои милитаристские силы власти, сделают все, чтобы применить на практике свою мощь и добиться желаемого геополитического господства. Вот почему военщина является профессиональным провокатором войны. С этой целью нагнетать истерию, пугать общество явными и мнимыми угрозами становится нормой ее повседневности. Война может оправдать деятельность элиты только в случае победы и только, если докажет, что имели место благие цели и гуманные средства её ведения.

Однако онтология войны не всегда согласуется с ее гносеологией. Более того, логика часто противоречит диалектике здравого смысла. Война идет за тот прекрасный мир, который будет после неё. Прелестный мир – главный двигатель войны. Но прелесть эта есть обман, лукавство. Война и соткана из лжи, усиленно выдаваемой за правду. И у каждой воюющей стороны имеется своя отдельная от лжи и лукавства правда. Все войны рано или поздно заканчиваются, но не всегда они заканчиваются миром и не всякий «худой мир» бывает лучше «доброй» военной ссоры.

Победа всегда дает надежду на будущее; поражение её отбирает. Победитель получает всё, побеждённому достается лишь прах забвения. Самой главной наградой победителю является возможность писать историю своей победоносной войны. Именно этим занимался У. Черчилль, написавший целую дюжину историй войн, в которых он принимал участие [см.: 8, 9]. Эйфория победителя эквивалента депрессии побежденного. Реванш дает шанс победить в предстоящей войне и ввести в депрессию уже своего противника. «Цена победы – узловая проблема истории войны» [10, с. 374]. Оценивать приобретенное всегда надлежит на фоне утраченного. А потерь во время войны всегда бывает больше, чем контрибуции. И великие злодеи не любят вспоминать о своих жертвах. Они страдают историче-

ской амнезией. И. Сталин редко вспоминал о жертвах Второй мировой, хотя в его приказах мы можем иногда встретить такую фразу как «вечная слава героям...» [11, с. 147].

Наученные горьким опытом, мы склонны рассматривать войну в мрачных тонах панихиды, а не в искрящихся красках парада Победы. Вот почему история войны для нас это история похорон: вначале торжественных (поскольку они являются исключительным случаем), затем стандартных (поскольку становятся обыденными) и, наконец, массовых (поскольку всё чаще появляются безымянные захоронения). В конце войны смерть уже никого не удивляет, тогда как первые жертвы войны всегда вызывают трагические ощущения. Именно поэтому война есть адаптация обыденности к смерти. И первая к этому адаптируется военно-политическая элита – главный дирижер, дизайнер и менеджер войны. Пережить войну значит побывать в эпицентре трагедии и выйти из нее человеком. Погибнуть на войне можно не только физически, но и психологически и даже метафизически. Те, кто потерял свою душу на полях войны, переживают наступивший мир как некое недоразумение, непредвиденную случайность.

Главным выразителем идеи войны является профессиональная военная элита. Военная элита – это культ силы и насилия. Знание военного дела дает им явное преимущество перед гражданским населением. Войны прошлого рассматривали население просто как расходный материал. И в наши дни мирное население является невинными жертвами войны. Война – апофеоз военной элиты, время, когда она может максимально реализовать свои высокие профессиональные качества. Милитаристы живут ради войны и чувствуют себя адекватно только тогда, когда заняты своим любимым делом.

С точки зрения политического цинизма война – это регуляция популяции человека одного вида человеком другого вида; это развитие средств уничтожения человечества. Кровопролитие – любимое занятие тех политических элит, которые не уважают своих народов, которые видят в них средство, но никак не цель. Кровь спаивает тоталитарные элиты, ибо ничего их так не делает едиными, как совместно совершенные политические преступления.

Об элитах тоталитаризма можно сказать лишь одно определенное суждение – вся их официальная история есть борьба одних исторических и

идеологических мифов с другими. Правды в их политической истории никогда не было, нет, и не будет. Как известно, история всегда на стороне власти и власть делает с ней все, что вздумает. Пропаганда И. Сталина и А. Гитлера соревновались в производстве всевозможного рода фальшивок, в которые для большего правдоподобия иногда вплетались и достоверные сведения [12, с. 299–344]. Так, мир впервые с традиционным видом войны, увидел еще и информационную войну элит. Преступная деятельность спецслужб третьего рейха активно разоблачалась ещё советской историографией, которая отмечала, что террор был неотъемлемой частью нацистской политики. «Щупальца коричневого спрута проникали буквально во все поры политической, общественной и частной жизни Германии» [13]. Нацистские «специалисты» по террору и геноциду (Гиммлер, Гейдрих, Кальтенбруннер, Шелленберг, Мюллер) стали символом человеконенавистнической политики Германии XX в.

Качество любой политической элиты видно на примере того, как она относится к своему вождю (лидеру) и к своему народу. Нацистская элита обожествляла своего вождя, считая его богом [14, с. 95]. Культ личности вождя всех времен и народов в СССР был не меньшего масштаба. Но в отличие от немецкого народа, любовь к фюреру которого была насильственно прервана и искоренена решением Нюрнбергского трибунала, советский народ сам пережил свою любовь к вождю, хотя и не без инициативы определенной части номенклатурной партийной коммунистической элиты. Вполне естественно, что тайны о тиранах раскрываются только уже после их смерти. И тогда любовь к ним сменяется ненавистью. Но при жизни эта смертельная для любознательных информация хранится под грифом «совершенно секретно».

Не только у разных типов элит мы видим разное отношение к войне, но и у каждого этноса обнаруживается и свой особый генетический код отношения к ней. Если для русских война чаще всего была средством защиты своей Родины, то для англосаксов она была и остается успешным бизнес проектом. Для них война – это война доллара с другими валютами за право быть единственно мировой единицей измерения успеха. Политическая история свидетельствует, что англосаксы научились максимально извлекать из войны политико-экономические выгоды. И, напротив, самыми неудачными в

этом кровавом «бизнесе» являются русские. Вот почему России нужен не «Президент», а «Канцлер», чтобы научиться её извлекать из войны выгоду. А ее можно извлечь только в одном случае – если военные действия вести на чужой территории и вдали от собственных национальных границ.

Хорошо известно, что вечным спутником войны является страх, запугивание насилем. Неудивительно поэтому, что нормой войны становится жестокость. Террор охотно используется властями, как против своего собственного населения, так и против конкурентов. Но террор может также идти и в отношении самой власти, как со стороны альтернативных элитных групп (террористических подпольных организаций), так и со стороны самих народных масс (например, крестьянские войны в России). Сеющийся войной ужас и кошмар приводят в состояние подавленности, вызывая чувства безысходности и трагичности. Патриотический восторг быстро поэтому сменяется пацифическим страхом.

Но война это не только кровопролитие. Война еще может быть войной нервов и интеллекта. Она может носить форму конфронтации, столкновения антагонистических идеологий, культур, экономик и политий. Как главные провокаторы и руководители войны политические элиты всегда стремятся представить своих оппонентов главными виновниками всех трагических событий. Но даже и во время холодной войны преступниками оказываются обе участвующие в ней стороны. Холодная война – это борьба Правды с Истиной. В политике Истины не бывает. Поэтому за право быть Истиной борются многие большие и малые правды. Правда есть убеждение; Истина – знание. Политическим элитам точное знания подчас противопоказаны, зато «правильные убеждения» всегда должны быть под рукой. Попытка установить монополию на правду всегда приводит к убийству Истины. Правда – это счастливое состояние души, когда для Истины нет никаких явных угроз. Политика же оказывается зоной повышенной опасности для Истины, поскольку в ней полно противоречивых правд. Ведь для того, чтобы утвердиться в ранге элиты, ей необходимо навязать всем свою правду о себе и о других.

Война всегда имеет перспективы, когда в международных отношениях возникают серьезные противоречия, а в геополитике появляется устойчивая дуга напряженности. Призрак третьей мировой войны посто-

янно витает над головами главных участников геополитических отношений, принимая образ то холодной войны, то локальных столкновений, то тайных операций спецслужб или экономических санкций. В политике есть только война (её апология и критика) и есть мир в виде перемирия или в виде холодной войны. Холодная война всегда возводила стену отчуждения, которая разделяла общества на своих (хороших) и чужих (плохих). И самое главное в этом разделе вопрос – по какую сторону от этой стены будет находиться настоящая полноценная жизнь, а где будет ее имитация и фальшь. Холодная война стала войной политических мифов.

Помимо информационных войн встречаются ещё и войны моральные – выяснение, на чьей стороне окажется, в конечном счете, правда и кто до конца будет отстаивать свою Истину. Война – это состояние когда ложь убивает правду. Демагогии охотно спекулируют на эту тему – мировые империи часто заявляют о том, что их оппоненты оказываются на неправильной стороне истории, а потому будут ими сурово наказаны. Но на чьей стороне правда решает не сила. Война может и должна измеряться с моральной точки зрения. Во время войны добро становится совсем незаметным и тем более значительным, когда оно все-таки с кем-то случается. Энтузиасты войны никогда не думают, что она закончится для них могильной ямой.

Перспектива Третьей мировой войны велика, поскольку растет число её апологетов и тех, кто надеется на ней нажиться. Третья мировая война, если таковая и будет, то будет электронной: высокоточное оружие с применением принципов «hi-tech», психологической обработкой и подавление воли чужих элит; пулями в ней будут информационные потоки, а бомбами – фальсификация. Войны шестого поколения кардинально отличаются от всего предшествующего военного опыта тем, что в их участии возрастает роль ученых, т.н. военной меритократии. [15, с. 38] Электронно-информационная война будет направлена на то, чтобы установить электронный контроль за компьютерными системами, обеспечивающими работоспособность ядерного оружия противника. Любой злонамеренный сбой этой системы будет означать поражение той стороны, против которой была совершена эта информационно-электронная агрессия.

И действительно, война с полем сражений все чаще начинает переноситься в умы и главными действующими лицами здесь становятся гео-

политики, постоянно запугивающие своих противников своими внеочередными глобальными прогнозами [см.: 16; 17, с. 162–169; 18]. Воюют знания, идеи, убеждения. Одним из таких «пугал» в наши дни является американский политолог Дж. Фридман (основатель и директор частной разведывательно-аналитической организации «Стретфор», 1996 г.), который в своих работах фактически продолжает апологию американского милитаризма и олигархии, создавших еще в XX столетии миф о мировой гегемонии США. [См.: 19, 20; 21] Запугивая мир явным или мнимым превосходством США, вашингтонские пугалы ведут свою войну со всем миром и это война США и всего остального мирового сообщества.

Но война, как и все на Земле, конечна. Время существования войны измеряется сроком, за которым наступает физическая усталость и истощаются задействованные для её проведения ресурсы. Абсолютный мир также не возможен, как и абсолютная война. Мир во всем мире – это голодная смерть для всех плотоядных и политиков. Абсолютизация войны есть реально возникшая перспектива наступления эсхатологического хаоса. Но цель войны не всеобщая эсхатология, а лишь устранение мощи противника. Ни один милитарист не может себе позволить разрушить мир целиком. Его цель – уцелеть самому, устранив конкурента.

Тема войны и мира всегда будут в эпицентре научных и политических дискуссий. Как и тема любви, тема войны является вечной темой. Организаторы войны всегда будут находить тех, кто захочет принять в них участие. Поэтому война еще долго будет оставаться нашей политической реальностью. Ещё долго она будет терроризировать человечество, требуя от него кровавой жертвы. Но рано или поздно идея вечного мира (как она звучит у И. Канта) все равно восторжествует и положит конец кровавой истории неразумного человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Фрагменты ранних греческих философов. – М.: «Наука», 1989. Ч.1. – 576с.
2. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография. – М.: МГИМО (У), 2010. – 600 с.
3. Элитология: Энциклопедический словарь / Под ред. проф. П.Л. Карабущенко. – М.: «Экон-информ», 2013. – 618 с.
4. Сунь-Цзы, У-Цзы. Трактаты о военном искусстве. – М.: «АСТ», 2002. – 558 с.

5. **Прокопий Кесарийский.** Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер., ст., комм. А.А. Чекаловой. – М.: Наука, 1993. – 571с.
6. **Тишков В.А.** Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. – М.: «Наука». 2001. – 552 с.
7. **Соловьев В.С.** Любовь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
8. **Черчилль В.** Защита империи: Автобиография / Пер. с англ. – М.: Эксмо, 2012. – 480 с., ил.
9. **Черчилль У.** Вторая мировая война. Пер. с англ. Кн.1–3. – М.: Воениздат, 1991. Кн.1. –592с.; Кн.2. – 671с.; Кн. 3. – 702 с.
10. **Мерцалов А., Мерцалова Л.** Сталинизм и цена победы // Сталинизм и война. – М.: Терра, 1998. – С. 370–394.
11. **Сталин И.** Об Отечественной войне Советского Союза. М.: Государственное издательство политической литературы. 1947. – 208с.
12. **Гогун А.** Черный PR Адольфа Гитлера: Документы и материалы. – М., 2004.
13. **Мельников Д., Черная Л.** Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. – М.: «Политиздат», 1987. – 415 с.
14. **Прозектор Д.М.** Фашизм: путь агрессии и гибели. – М.: «Наука», 1989. – 584 с.
15. **Слипченко В.И.** Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. – М.: «Вече», 2002. – 384 с.
16. **Бжезинский З.** Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1998. – 128 с.
17. **Маккиндер Х. Дж.** "Географическая ось истории" // Полис. 1995. №4. С. 162–169.
18. **Хаусхофер К.** О геополитике. Работы разных лет. – М.: «Мысль», 2001. – 426 с.
19. **Фридман Дж.** Следующие 10 лет. 2011–2021. – М.: Эксмо, 2011. – 320 с.
20. **Фридман Дж.** Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века. – М.: Эксмо, 2010. – 336с.
21. **Friedman George.** America's Secret War: Inside the Hidden Worldwide Struggle Between America and Its Enemies). Little, Brown. 2004. – 354p.

Раздел VII.

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

УДК 371 (480)

А. И. Абдуллаева

**СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Актуальность темы исследования: В современном обществе повышается интерес к системе образования. Поэтому представляется актуальным исследовать и анализировать идеи образования в различных странах, для более полного представления особенностей бытия человека в конкретно-исторических условиях. В качестве анализа нами были выбраны системы образования России и Финляндии. Имея одни из самых высоких показателей, последние несколько лет система образования Финляндии вызывает все больший интерес, и образовательная модель страны находится в центре международного внимания. Для России обращение к образовательному опыту Финляндии представляется особенно актуальным, так как в настоящее время отечественное образование испытывает многочисленные проблемы. Социологические опросы, проводимые среди преподавателей, свидетельствуют о том, что более половины из них признают кризисное состояние современной системы образования. Причем этот показатель среди кандидатов и докторов наук несколько выше – 55,8% и 59,1% соответственно [1, с. 104].

На наш взгляд, для оптимального разрешения этих проблем можно обратиться к опыту Финляндии. Всего несколько десятилетий назад система образования Финляндии испытывала трудности, сопоставимые с российскими, однако, благодаря проводимым реформам, система финского

образования не только избавилась от этих трудностей, но и стала одной из самых успешных в Европе.

Начнем анализ с системы школьного образования. В России существуют как государственные, так и частные школы. Последних гораздо меньше и обучение в них платное. В государственные школы детей принимают по месту проживания (к каждой школе прикреплены определенные близлежащие дома). Не проживающие на закрепленной за общеобразовательным учреждением территории, могут подать заявление о приеме в последнюю очередь, в случае если в школе останутся места.

Школьное образование и в России, и в Финляндии бесплатно. Однако в России родителям приходится за многое доплачивать. Например, приобретать за свой счет школьную форму, учебники, некоторые дополнительные услуги (факультативны и т.п.) Во многих школах родителям приходится так же сдавать деньги и на ремонт класса и иные хозяйственные нужды. Социологические опросы родителей показывают, что основной проблемой для них является проблема финансирования школы. На данную проблему как главное условие качественного образования указали 90% родителей школьников и 100% родителей гимназистов [2, с. 44].

В Финляндии в общеобразовательной школе учатся 9 лет: до 13 лет дети учатся в младшей школе, потом переходят в старшую, где остаются до 16 лет. Общее образование в Финляндии обязательно и это относится не только к финским детям, но и также к детям иностранных граждан, постоянно проживающих в Финляндии. Страна гордится своей 100% грамотностью населения. В отличие от России родители могут свободно выбирать школу для своего ребенка, однако чаще всего отдают детей в ближайшую к дому школу. Это объясняется тем, что в Финляндии нет разделения на элитные и неэлитные школы: все школы одинаковые и одинаково оснащены.

В финских государственных школах обучение бесплатное. Причем бесплатны так же учебники, иные школьные принадлежности, горячие обеды, экскурсии и т.п. Так же муниципалитет оплачивает проезд до школы в том случае если расстояние до нее более 5 километров. Здесь не существует понятия дополнительных (платных) образовательных услуг. Как отмечают С.И. Поздеева и Е.А. Румбешта: «Урочная деятельность –

главный и единственный вид учебной деятельности в начальной школе: внеклассной, внеурочной деятельности (кружков, факультативов, проектов) в финской начальной школе нет» [3, с. 129].

Школьное образование в Финляндии носит ярко выраженный практический характер. Если российские школьники после окончания школы обладают массой теоретических знаний. Которые затем вряд ли пригодятся им в реальной жизни, то финские школьники приобретают именно полезные, практические знания. По словам П. Шмакова, работающего в финской школе: «Финские дети со школьной скамьи реально представляют, например, что такое налоги, банки, справки. В школах учат, скажем, тому, что если человек получает наследство от бабушки, мамы или тети, то ему придется платить разную степень налогов. И ребенок становится подготовленным к такому житейскому вопросу» [4, с. 7].

По окончании общеобразовательной школы молодые люди в Финляндии могут выбрать между общим и профессионально-техническим средним образованием. В Финляндии насчитывается более 400 гимназий и более 300 профессиональных училищ. При этом численность учащихся профессиональных училищ превышает численность учащихся гимназий [5, с. 10]. Большая часть выбирает продолжить обучение в средней школе (гимназии). Здесь ребята лишаются бесплатного питания и учебников, хотя плата за обучение по-прежнему не взимается.

В отличие от России, где профессия школьного учителя не пользуется особенной популярностью, профессия учителя в Финляндии весьма престижна. Престижность профессии учителя является залогом высококвалифицированных педагогических кадров: «...популярность профессии школьного учителя позволяет привлекать в школы талантливых молодых специалистов и проводить политику «омоложения» педагогических кадров» [6, с. 170].

Примечательно, что все специалисты дошкольного образования и начальной школы в Финляндии так же имеют высшее образование, так как, по мнению финских экспертов, в этом секторе должны работать самые квалифицированные педагоги. Подготовка учителей начальной школы была переведена в университеты в начале 70-х годов прошлого столетия, а воспитателей детских садов – в середине 90-х. В педагогические вузы

Финляндии поступают только 10% из тех, кто желал бы получить профессию педагога: «В таких условиях педагогическое образование перестает быть привлекательным для слабых абитуриентов. На программы, на которые сложно поступить, идут хорошо успевающие и действительно заинтересованные учащиеся. Соответственно программы подготовки учителей имеют высокий статус, и это поднимает престижность профессии учителя» [7, с. 262].

Следует отметить, что большинство финнов удовлетворено школьным образованием. По мнению 66% взрослого населения школа полностью справляется со своей функцией обучения (данные на 1999–2000 гг.) [8, с. 170].

После окончания школы, российские и финские учащиеся могут получить профессиональное образование. В России можно выделить два уровня профессионального образования: начальное профессиональное образование и среднее профессиональное образование. Начальное профессиональное образование можно получить в профессиональных и технических лицеях, профессионально-технических училищах (ПТУ) после окончания 9-х или 11-х классов. К учреждениям среднего профессионального образования относятся различные техникумы, колледжи. Принимают туда так же после 9-х и 11-х классов. Однако, начальное и среднее профессиональное образование не пользуется в России особенной популярностью.

По данным социологического опроса 80% родителей школьников и 100% родителей гимназистов планируют поступление ребенка в вуз, при этом 70% первых и 100% вторых уверены, что их ребенок в избранный вуз поступит. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что родители уверены не столько в знаниях своего ребенка, сколько в своих связях или материальных возможностях [2, с. 45].

По мнению Т. Карпеченко, причина столь высокой популярности кроется в том, что «Соотечественники издавна любят поговорить «за жизнь», и многим кажется логичным дополнить это свойство природы именно высшим образованием, чтобы в дальнейшем говорить компетентно и за деньги. При этом тоже очень русское выражение «золотые руки», хорошо всем знакомое, как-то упускается из виду. А вот иностранцы могут гордо заявить: «Я мастер по ремонту швейных машинок». Гордо и счастливо» [9, с. 23].

Как уже говорилось, в Финляндии после окончания общеобразовательной школы можно обучаться либо в гимназии, либо в профессионально-техническом училище. После окончания гимназии поступают только в вуз. Финские профессиональные училища отбирают новых учащихся преимущественно на основе их успеваемости в школе, но некоторые организуют и вступительные экзамены. Профессиональное образование является аналогом российских техникумов или ПТУ, но существенно отличаются по качеству преподавания. В отличие от России, обучение здесь практико-ориентированное:

Учащиеся финских профессиональных учебных заведений находятся на полном государственном обеспечении. Сюда входят учебники, канцелярские принадлежности, питание, медицинское обслуживание, проезд до дома. Выпускники профессиональных училищ могут поступить в университет или политехнический институт.

Следует отметить, что далеко не всегда Финляндия была благополучной в плане образования страной. Стартовые позиции Финляндии были наихудшими: острый экономический кризис, преобладание аграрного населения, массовая эмиграция из страны, широко распространенный алкоголизм. Вот как описывает ситуацию В. Загвоздкин: «Нужно также иметь в виду, что вплоть до 60-х годов Финляндия – аграрная страна, 35% населения которой было связано с сельскохозяйственными профессиями, которые традиционно передавались от отца к сыну. Система образования строилась с учётом того, что молодёжь рано включалась в производственные отношения в сельском хозяйстве и не была заинтересована в получении высшего образования. Основная часть населения заканчивала неполную среднюю семилетнюю школу. В полную среднюю школу (пять лет обучения) и трёхлетнюю старшую ступень – гимназию, дававшую право на получение высшего академического образования, шли немногие» [10, с. 218].

Высшее образование не являлось изначально ценностью в Финляндии. Только 37% финских пенсионеров имеют свидетельство об окончании средней школы. В то же время данный показатель среди более молодой возрастной группы 25–34 года гораздо выше и составляет 83% [5, с. 12]. Высшее образование приобретает ценность в Финляндии

ближе к концу XX века. По данным ряда исследований (2002 г.), около 90% опрошенных в возрасте 15–29 лет убеждены в том, что высшее образование повышает шансы на успешное трудоустройство [5, с. 12].

Новая концепция развития общества и государства, а также образования, стала жизненной необходимостью в Финляндии. Для обеспечения материального и духовного благополучия нации и была создана модель «государства благосостояния». Ответом на проблемы Финляндии стал план модернизации страны, в котором центральная роль отводилась реформе образования. Поэтому в некоторой степени Россия может воспользоваться опытом Финляндии в этой области. Несмотря на трудности, в Финляндии удалось не только провести успешные реформы и добиться значимых улучшений, но и избежать негативных побочных эффектов.

Неудовлетворительное финансирование высшего образования в России является одной из основных причин возникновения кризисных ситуаций в системе образования. Так, Н.В. Васильева считает, что государство не вкладывает в образование средств, необходимых для обеспечения его должного качества. [11, с. 217]. В то же время в Финляндии ежегодные расходы на систему образования составляют более 15% от расходной части бюджета. При этом государственные расходы на высшее образование в Финляндии составляют 21,7% от всех расходов на образование [5, с. 12–13].

В России вузы носят название университетов, академий и институтов, однако принципиальной разницы между ними нет. Вузы Финляндии делятся на университеты и высшие профессиональные школы (Политехники). Университеты больше ориентированы на научно-исследовательскую работу, а политехники на практику.

Заслуживает внимание и территориальное распределение вузов в России и Финляндии. В результате реформ 1960-х годов в Финляндии образовательная сеть покрывает всю страну. Учебные заведения любого уровня размещаются пропорционально численности населения. Крупный вуз имеется здесь в любом небольшом городке с населением 50–100 тыс. чел. В отличие от Финляндии территориальное распределение вузов в России очень неравномерное. Большее их количество сосредоточено в Москве и Санкт-Петербурге, в то время как отдаленные регионы

(например, республика Тува, Магаданская область, Чукотский автономный округ и т.п.) насчитывают минимальное количество вузов. Чаще всего в небольших городах имеются филиалы или отделения крупных вузов Москвы и Санкт-Петербурга.

Существенной проблемой современного высшего образования является его платность, с которой непосредственно связана общедоступность образования. В настоящее время в России можно получить как платное, так и бесплатное высшее образование. К сожалению, в последнее время количество бюджетных мест существенно уменьшается. Примечательно, что основной площадкой рынка платного высшего образования в России являются не частные, а государственные вузы. Очевидно, что сокращение бюджетных мест приведет к тому, что высшее образование перестанет быть общедоступным, и талантливые дети из необеспеченных семей просто не смогут его получить. Еще одной проблемой российского образования является увеличение количества негосударственных вузов.

Вплоть до последнего времени обучение в вузах Финляндии было бесплатное, как для граждан, так и для иностранных студентов. Однако, в 2015 году правительство Финляндии внесло предложение о введении платного образования в высших учебных заведениях. Пока данное нововведение будет касаться только иностранных студентов, обучающихся на английском языке. Несмотря на бесплатное обучение, финские студенты должны сами оплачивать жилье, питание и другие текущие расходы. Финские студенты имеют право на получение стипендий, а также банковской ссуды под небольшой процент.

Профессорско-преподавательский состав отечественных вузов отличается высоким уровнем образования. Большая часть преподавателей имеют степень кандидата или доктора наук. При этом заработная плата преподавателей остается минимальной и молодые специалисты крайне неохотно идут работать в учебные учреждения из-за очень низкого уровня заработной платы. Как справедливо отмечает Н.В. Васильева, структура профессорско-преподавательского состава значительно сдвинута в сторону старшего, а нередко и преклонного возраста [11, с. 244].

В отличие от российских – финские преподаватели Вузов среднего возраста, хотя пенсионеры среди них тоже встречаются, однако не в таком

количестве, как в России. Профессия вузовского преподавателя считается весьма престижной и уровень дохода у преподавателей – на среднем уровне.

В Финляндии нет, столь свойственного для России, понятия «престижность учебного заведения». Финские абитуриенты поступают куда они хотят, а не думают: «школу я закончил плохую, поэтому в престижный вуз я не поступлю – нужно найти вуз попроще».

Выводы: Системы образования России и Финляндии имеют как сходства, так и отличия. Если, школьное образование в России длится 11 лет, то в Финляндии 12 (9 лет в школе и 3 года в гимназии). В обеих странах обучение в государственных школах является бесплатным. В отличие от России в Финляндии нет понятия «престижности» или «элитности» школы, все школы абсолютно одинаковы. Профессия школьного учителя здесь пользуется огромной популярностью.

То, что в России называется начальным и средним профессиональным образованием, в Финляндии называется средним образованием. Учреждения НПО в России: ПТУ, лицеи, а СПО: колледжи и техникумы. В Финляндии это ПТУ. Если в России обучение в этих учреждениях может быть, как платным, так и бесплатным, то в Финляндии, учащиеся ПТУ находятся на полном государственном обеспечении.

Высшее образование в современной России сталкивается со многими проблемами. Наиболее важные из них, на наш взгляд: государственная политика в области образования, государственное финансирование, низкая престижность профессии преподавателя, коррупция, платное и бесплатное образование, общедоступность образования в широком смысле этого слова.

Вышеописанные проблемы так же были свойственны и финскому образованию, однако, были успешно разрешены в ходе проводимых реформ. Вплоть до 1960-х гг. система образования Финляндии была ориентирована на актуальные потребности населения. А население страны большей частью занималось сельским хозяйством и не стремилось учиться не только в вузах, но даже и в гимназиях. Поэтому центральным пунктом проводимых реформ стало обеспечение права каждого на полноценное образование. В результате в настоящее время высшее образование в Финляндии является ценностью, оно бесплатно, профессия преподавателя

весьма престижна и хорошо оплачиваема, количество негосударственных вузов минимально, и они подконтрольны министерству образования. В Финляндии нет разрыва между уровнем подготовки учащихся по окончании школы и требованиями при поступлении в университет. Коррупция отсутствует не только в сфере образования, но и в целом по стране. Система образования выступает в Финляндии как инструмент социального выравнивания.

На наш взгляд, опыт Финляндии наглядно подтверждает, что существующие проблемы российской системы образования можно разрешить. Естественно, для этого понадобятся значительные средства и непосредственное участие государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Хагуров Т.А., Остапенко А.А. Реформа образования глазами учителей и преподавателей // Социологические исследования. 2014. № 11(367). С. 103–107.
2. Осипов А.М., Матвеева Н.А. Институциональные барьеры и механизмы доступности образования: концепция и региональная динамика // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 37–48.
3. Поздеева С.И., Румбешта Е.А. Опыт Финляндии в сфере образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. №10 (112). С.128-131.
4. Альперина С. Японцы списывают у финнов. По какой методике учить детей в школе. А она – советская! // Российская газета. – 2006. – 13 января. – с. 7–8.
5. Вахштайн В.С. Система образования Финляндии: успехи школьного обучения и «третья роль» университетов // Актуальные вопросы развития образования в странах ОЭСР /отв. ред. М.В. Ларионова. — М.: ИД «ГУВШЭ», 2005. С. 17–19.
6. Актуальные вопросы развития образования в странах ОЭСР / Отв. ред. М.В. Ларионова. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – 152 с.
7. Бражник М.О. Достижения школьного образования в Финляндии // Вопросы образования. 2010. №3. С. 258–265.
8. Семенова Ю.И. Взаимосвязь школьной и университетской систем образования как фактор эффективности образовательной модели Финляндии. // Современные исследования социальных проблем. 2010. №4. С.168–175.
9. Карпеченко Т. Среднее профессиональное образование в России // Абитуриент. 2009. №11 (162). С.55-56. ISSN 0869-5156
10. Загвоздкин В. Секрет финского успеха // Народное образование. 2006. №4. С. 213-220.
11. Васильева Н.В. Образование сегодня и завтра: пути преодоления кризиса. М.: ЗАО «Изд-во «Экономика»», 2011. – 255 с.

УДК 303.4.025

Е. Л. Болдырева

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Безопасность можно определить как "состояние общественных отношений, при котором личность, социальная группа, общность, народ, страна (государство) может самостоятельно, суверенно, без вмешательства и давления извне свободно выбирать и осуществлять свою стратегию международного поведения, духовного, социально-экономического и политического развития. Существует множество аспектов безопасности – личностная, национальная, экономическая, социальная, политическая, экологическая, информационная, военная, международная и т.п." [1]. Различают два типа безопасности: «гипотетическое отсутствие опасности, самой возможности каких-либо потрясений, катаклизмов для социума, и его реальная защищенность от опасностей, способность надежно противостоять им» [2].

Говоря о термине «безопасность», нельзя обойти вниманием следующую, скорее лингвистическую проблему. Как известно, в английском языке существуют два слова, которые переводятся на русский язык как «безопасность» – security и safety. Security – это состояние сохранения желаемой ситуации и меры, предпринимаемые для поддержания этого состояния, а safety – это состояние отсутствия отрицательных воздействий и меры по их предупреждению и устранению. В финском же языке, так же как и в русском, используется одно слово – «turvallisuus» [3]. Говоря о безопасности, таким образом, мы будем в дальнейшем подразумевать английский термин «security».

Проблема безопасности – одна из центральных в теории и практике международных отношений, где она понимается как "система политических, экономических, социокультурных отношений и конструктивных взаимодействий в гуманитарной и военной областях, исключая любые формы дискриминации и диктата, обеспечивающая

благоприятные возможности для социально-экономического и духовного прогресса всех государств, совместного решения глобальных проблем человечества на основе уважения общепринятых норм международных отношений, национальной независимости, суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, равноправия" [4]. С ней, так или иначе, связан любой вопрос не только международной политики, но и внутреннего государственного строительства.

Соответственно, существуют следующие уровни безопасности: глобальная, региональная и национальная. Само понятие «безопасность» тесно связано с категорией «национальные интересы». Более того, первое является производным от второй [5].

Термин "национальная безопасность" появился в научном лексиконе сравнительно недавно. До этого употреблялись понятия "государственная безопасность", "безопасность внешняя и внутренняя" и т.д.

Как правило, говоря о безопасности, исследователи имеют в виду: способность государства к выживанию, сохранение его целостности, способность противостоять внешним нападениям. Национальная безопасность призвана, прежде всего, обеспечить гарантии неуязвимости политических, экономических и социальных связей, защиты его населения.

Объяснить причину появления термина «национальная безопасность» можно тем, что угроза для безопасности любой страны в современном мире значительно возросла в связи с активизацией международного терроризма, развитием современных видов оружия массового поражения и т.д., а также "стремлением разобраться в сущности самого социального явления "безопасность", увидеть его связь с повседневной жизнью, с личными целями, ценностями и интересами" [6].

Система национальной безопасности "создается с целью выявления и прогнозирования, предотвращения, нейтрализации, пресечения, локализации, устранения, отражения и уничтожения угроз национальным интересам страны, а также для формирования международных условий, благоприятствующих национальным интересам страны" [7].

Таким образом, национальную безопасность государства можно определить как "достаточную по уровню и характеру защищенность национальных ресурсов и ценностей, а также государственных, общественных и личных интересов от внутренних и внешних угроз" [8].

Целесообразным представляется привести и такое определение: «Национальная безопасность – это состояние системы общественных отношений между субъектами социальной системы, индивидами, государственными институтами как в рамках национального образования, так и в сфере международной деятельности, обеспечивающее возможность полной реализации и защищенность жизненно важных интересов от внешних и внутренних угроз через достижение сбалансированности интересов каждого из участников отношений путем оптимального соотношения с интересами других субъектов. В узком понимании безопасность – это защищенность политических, экономических, социальных и иных отношений и организационных связей, материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов личности, общества и государства от угроз; это состояние системы отношений, при котором реализуются жизненно важные интересы личности, общества и государства» [9].

Национальная безопасность тесно связана с национальными интересами страны, которые могут находиться и далеко за пределами ее территории.

Рассматривать национальную безопасность следует в трех аспектах: как структуру, как состояние и как процесс, а также в трех видах, как государственную, региональную и частную.

Структура безопасности подразумевает наличие системы жизненно важных интересов и угроз им, состояние характеризуется «степенью достижения наибольшего соответствия между жизненно-важными интересами личности, общества и государства, создания условий для оптимального функционирования системы общественных отношений, обеспечивающей удовлетворение потребностей и реализацию интересов» [10]; а функция практически совпадает с понятием «обеспечение безопасности».

Кроме того, существует ряд подходов к определению основных понятий в сфере безопасности. Так, «дилемма безопасности является квинтэссенцией» [11] среди всех проблем мировой политики, лежит она и в центре финско-российских отношений. Надо заметить, что дилемма безопасности подразумевает агрессивные намерения, по крайней мере, с одной стороны. Например, какое-то государство, пытаясь усилить свою безопасность путем укрепления армии или вступления в военный союз,

тем самым снижает ощущение безопасности другого государства, которое начинает принимать похожие меры, чтобы защитить себя, что приводит к гонке вооружений, как в период холодной войны.

Вообще, дилемма безопасности отражает три взаимосвязанных фактора или условия, которые присутствуют в международной политике: 1) непреднамеренное снижение безопасности других, когда одно государство пытается повысить свой уровень безопасности, например, вступая в союзы или повышая собственную обороноспособность (спиральная модель); 2) изменчивость настоящих или будущих намерений других государств; 3) из двух предыдущих фактов следует, что не существует подходящей политики перед лицом этой дилеммы, т.к. государство будет ощущать угрозу и если что-то делает и если не делает [12].

Это – то необходимое условие, которое делает дилемму чем-то большим, чем просто международная проблема и объясняет, почему дилемма существует даже в настоящее время, когда реальная вероятность международного кризиса в северной Европе низка. Важнейшая методологическая проблема исследования национальной безопасности – это "правильное соотношение теоретического и эмпирического уровней анализа, их интеграция с целью получения нового обобщенного знания о предмете" [13].

Для определения основных тенденций в развитии национальной безопасности представляется необходимым определить уровень политической организации государства в конкретный период развития и в конкретных социальных условиях, уделяя достаточное внимание истории развития страны как естественной предпосылке современного состояния данного государства. Необходимо установить связь между факторами, определяющими безопасность личности, общества и государства, и выявить степень их устойчивости и изменчивости, для чего необходимо использование системного подхода [14].

Системный анализ как совокупность методов, приемов и процедур исследования рассматривает общественно-политические процессы как открытые развивающиеся системы, способствует адекватной постановке проблем в конкретных науках и выработке эффективной стратегии их изучения. Методология, специфика системного анализа определяется тем, что он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих её механизмов, на выявление многообразных типов

связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину.

Системный подход не существует в виде строгой методологической концепции: он выполняет свои эвристические функции, оставаясь не очень жестко связанной совокупностью познавательных принципов, основной смысл которых состоит в соответствующей ориентации конкретных исследований [15].

В отличие от системного подхода *структурный анализ* национальной безопасности подразумевает изучение конкретных ее видов (внешней и внутренней), сфер проявления (экономической, политической, социальной и т.п.). Кроме того, важным методологическим принципом исследования национальной безопасности без сомнения является *принцип историзма*, а также *междисциплинарного анализа*.

Междисциплинарный подход и его отдельные элементы используются в рамках методологии в целом и отдельных методов формально-правового, юридического исторического, политического и сравнительного анализа национальной безопасности [16].

Кроме того, нельзя при анализе национальной безопасности обойти вниманием и *политико-культурный анализ*. Важность данного метода несомненна, поскольку в сознании людей рациональное тесно переплетается с эмоционально-волевыми, мифологическими, традиционными и национально-психологическими элементами [17]. Кроме того, данный подход позволяет отойти от формального рассмотрения политики и сосредоточиться на "феномене политики как деятельности по достижению национальных целей" [18]. Так же данный тип анализа позволяет определить почему схожие политические институты работают в разных странах с разной эффективностью или не работают вообще.

При исследовании политики национальной безопасности невозможно обойтись и без *сравнительного анализа*, хотя главной проблемой здесь является определение параметров сравнения – таких условий политической жизни, которые признаются в процессе исследования в качестве неизменных величин. Здесь мы выделим оперативные переменные, такие условия политической жизни, которые в процессе исследования либо подвергаются воздействию, либо сами являются фактором воздействия. Оперативные переменные бывают зависимыми и независимыми. Под зависимыми переменными мы будем понимать такие условия политической жиз-

ни, путем воздействия на которые проверяются гипотезы. Под независимыми – такие условия политической жизни, которыми будут рассматриваться нами в качестве фактора воздействия.

Таким образом, сравнительное исследование видов и сфер национальной безопасности базируется на методологическом допущении, что человеческое поведение представляет собой постоянную величину и будет одинаковым в одинаковых условиях независимо от места и времени [19].

Что касается методов сбора первичной информации относительно политики национальной безопасности Финляндии, то в первую очередь мы будем пользоваться методом *анализа документов*. Особую важность в данной связи приобретает определение круга документов, на основании которых можно проводить анализ заявленной темы. Мы будем пользоваться официальными документами, конституцией, программами правительства, социологическими опросами, интервью видных политических деятелей Финляндии и т. п.

Большое значение в работе придается *методу сценариев*, один из авторов которого Г. Кан определяет как "относительную картину предполагаемого развития событий, создаваемую с целью сосредоточить внимание на причинно-следственных связях и на тех моментах развития событий, которые требуют принятия решения. Сценарий должен последовательно отвечать на вопросы: как именно, шаг за шагом, может возникнуть та или иная гипотетическая ситуация; какие альтернативы решений существуют на каждом этапе события для того, чтобы повлиять на данный процесс" [20].

Г. Кан рассматривал сценарный подход как пример более "широкого подхода", характеризующегося педагогической и эвристической ценностью. Он также рассматривал два варианта возможной критики сценарного подхода, строя в ответ свою аргументацию "за" сценарный подход [21]. С одной стороны, сценарист рассматривает любое негативное развитие событий, поэтому может выглядеть в определенной степени параноиком. Сам же Кан подчеркивал, что любой сценарий может содержать параноидальные идеи, но его следует оценивать по возможностям данного типа сценария. Другая критика состоит в том, что сценарии могут настолько далеко уходить от реальности, что становятся бесполезными, ненужными и поэтому опасными. Кан считает в ответ на эту критику, что сценарий не

предсказывает будущее. Если аналитик работает с неизвестным будущим, то как его критики могут знать, насколько оно отстоит от реальности [22].

Сегодняшние стратегические подходы также ориентируются на системно возможные вещи, например, определение точек уязвимости или асимметрические атаки. В принципе в этой же области лежит переориентация с отражения конкретной угрозы на построение защиты от любого типа угрозы.

Для Г. Кана определяющим было само стратегическое мышление такого рода, результатом которого мог быть сценарий как его инструментарий. Это новый тип мышления, и сценарий становится более-менее проработанным вариантом для осуществления такого типа мышления.

Сценарии по Кану несут ряд более общих функций [23]:

- Они привлекают внимание к более широкому кругу возможностей, драматизируя и иллюстрируя эти возможности,
- Они заставляют аналитика работать с деталями и динамикой, которых нет при чисто абстрактных рассуждениях,
- Они акцентируют взаимодействие социальных, политических, психологических, военных факторов, включая влияние отдельных политических игроков,
- Они могут иллюстрировать некоторые проблемы, которые могут быть проигнорированы, если анализировать примеры только из реального мира,
- Они также могут использоваться для рассмотрения альтернативных возможных последствий некоторых реальных прошедших и нынешних кризисов,
- Они могут использоваться как искусственные реальные события для анализа возможного развития.

Г. Кан в рамках предлагаемой методологии разделял события по степени их предсказуемости на шесть типов: 1) относительно стабильные (климат, язык, религия и под); 2) медленно изменяющиеся (естественные ресурсы, демография, ВВП, налоговая политика и под.), 3) предсказуемые (типичные сценарии, основные силы, нерешаемые проблемы и под.), 4) связанные (политические изменения, союзы, оборонный бюджет, и под.), 5) случайные (последствия войны или революции, некоторые виды внешнего давления, стихийные бедствия), 6) непросчитываемые (излишне сложные или включающие неизвестные/неанализируемые механизмы

причины).

Аналитики, которые рассматривают мир более или менее предсказуемым, увеличивают важность первых четырех категорий. Для Кана, наоборот, именно эти факторы и стали основными, он их трактовал как такие, которые не видны при стандартных методах анализа. Он также считал, что аналитики отдают предпочтение продолжающимся тенденциям, а не разрывам, поскольку мы рассматриваем историю именно в таком разрезе. Это снова очень важно для определения сути метода стратегического мышления, поскольку стратегическое мышление должно уходить от простых экстраполяций и мышления по аналогии, которые также несомненно важны, но они не дают того уровня “отрыва от действительности”, который характерен именно для стратегического мышления [24].

Сам Г. Кан подчеркивал как раз эти два варианта взгляда в будущее: 1) простая экстраполяция существующих трендов, 2) явное использование исторических примеров [25]. Но для него наиболее важным моментом являлось то, когда исследуемые кривые начинают изменять свое движение.

Таким образом, методологическими принципами исследования национальной безопасности, как правило, становятся системный подход, принцип историзма, последовательность использования методов получения знания и сочетание количественного и качественного методов исследования. Основными же методами исследования указанной темы выступают системный, факторный, междисциплинарный, политико-культурный и сравнительный анализ, а также метод сценариев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Бабосов Е.М.** Безопасность. // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1311 с. (Мир энциклопедий)
2. **Сергунин А.** Национальная и международная безопасность: новые подходы и концепты \ Сб. «Проблемы безопасности и военно-силовой политики в международных отношениях» под ред. Виноградовой С. И др. СПбГУ, 2007. с.300
3. **Болдырева. Е.** Политика безопасности Финляндии на современном этапе // Международные отношения и диалог культур. СПб: Изд-во Политехн. Ун-та, 2011. С.115-128.
4. Там же

5. **Болдырева Е.** Политика Северной Европы: сборник статей. LAP LAMBERT Academic Publishing, Saarbrucken, 2014
6. **Возжеников А.** Национальная безопасность России. М., 2002, с.4
7. Закон РФ "О национальной безопасности"
8. **Ярочкин В., Бузанова Я.** Теория безопасности. М., 2005, с.120
9. **Пузиков В.** Национальная безопасность // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грищанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с. (Мир энциклопедий).
10. **Пузиков В.** указ. соч.
11. **N.J. Wheeler, K. Booth.** The Security dilemma/ In: J. Baylis and N.J. Rengger (eds.) , Dilemmas of World Politics. International Issues in Changing World. Oxford, 1992, p.26
12. **Collins,** The Security Dilemma and the End of Cold War, New York, 1997, pp. 9-27
13. **Возжеников А.** Указ соч. с.9
14. Там же с.10
15. Большая советская энциклопедия.
16. **Boldyreva E.** The special features of the “Social-political System of the Nordic Countries” Teaching Course/ In: Changing Learning Environment, pp. 34-44. – Saimaa University of Applied Sciences, 2014
17. См.: **Шахрай С.М.** Мифология чеченского кризиса. М., 1996
18. **Возжеников А.** указ. соч., с. 24
19. там же, с.28
20. там же, с.33
21. **Kahn H., Wiener A.J.** The year 2000. A framework for speculation on the next thirty-three years. -- New York etc., 1967
22. **Почепцов Г.** Герман Кан и глобальные стратегии. <http://www.jurenergo.kiev.ua/statti/poch.doc>
23. **Kahn H., Wiener A.J.** The year 2000. A framework for speculation on the next thirty-three years. – New York etc., 1967
24. **Почепцов Г.** Герман Кан и глобальные стратегии. <http://www.jurenergo.kiev.ua/statti/poch.doc>
25. **Kahn H.** “History happens in stratight lines and curves” // American Outlook. – 1999. - Winter

УДК 1 (091)

В. Ю. Быстров

**ФРАНЦУЗСКОЕ НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВО И ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ¹**

Французское неогегельянство едва ли допустимо рассматривать сегодня как исключительно историко-философский феномен, способный заинтересовать одних лишь узких специалистов. Едва ли допустимо уже по той причине, что один из наиболее ярких представителей этого интеллектуального течения – Александр Кожев – оказался, по сведениям биографов, одним из архитекторов Европейского Союза. «После войны (А. Кожев) “оставляет философию на воскресенье” и начинает работать в Министерстве экономики Франции... В качестве чиновника в министерстве Кожев участвует в создании новых политических и экономических институтов – Европейского Союза и Всеобщего Соглашения по тарифам и торговле, осознавая скорый конец той эпохи, где политика играет первую скрипку. Несколько позже он справедливо заслужит репутацию “серого кардинала” в правительстве Жискара д’Эстена» [6, 21–26]. То есть, иными словами, сегодня мы можем, с некоторыми оговорками, рассматривать современную Европу как реализацию тех проектов, которые достаточно долго вынашивались внутри французского неогегельянства.

Учитывая столь впечатляющую связь между теорией и ее практическим воплощением целесообразно еще раз, уже с позиций сегодняшнего времени осветить важнейшие характеристики французского неогегельянства и попытаться разобраться, почему именно этим характеристикам было суждено сыграть весьма важную роль в практической реализации такого глобального социально-политического проекта, каким, бесспорно, является создание Европейского Союза.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект No 15-03-00445).

Общепризнанно, что в рамках французского неогегельянства образ Гегеля как философа-романтика, давно опровергнутого достижениями науки и техники, сменяется образом мыслителя, по праву занимающего место на самой вершине классической философии. Не без оснований утверждается, что в послевоенные годы гегелевская философия во Франции переживает период триумфа. Вместе с тем эти же послевоенные годы являлись в той же Франции и периодом расцвета «философии существования», экзистенциализма, и этот факт наложил безусловный отпечаток на восприятие Гегеля. Главные черты французского неогегельянства – это акцент на процессуальное, на развивающуюся «конкретную действительность», открытую и незавершенную; признание влияния социальных и исторических факторов на содержание познания; критическое отношение к сложившейся естественно-научной модели познания и убежденность в том, что истинной формой познавательной деятельности является философия. При этом особая, если не исключительная роль во всем гегелевском наследии отводилась «Феноменологии духа», которая рассматривалась как аутентичная форма философии абсолютного идеализма, от которой в последующих своих работах Гегель отошел.

Кроме того, к этому следует добавить отказ от панлогизма и обостренное внимание к проблеме иррационального. Во Франции Гегель интересен не столько как создатель системы, сколько как философ «конкретного мышления», т. е. мышления, направленного на жизнь индивида, культуру, историю. Один из наиболее ярких французских неогегельянцев, Жан Ипполит предлагал аудитории лекции с весьма характерными темами: «Об экзистенциализме у Гегеля», «Гегель и Кьеркегор в современной французской мысли» и т. д. Гегель воспринимается не как фигура прошлого, вызывающая интерес главным образом у историков философии, но как мыслитель, стоящий у истоков всех значительных событий в истории современного мышления. Получается, что в гегелевской «Феноменологии» имплицитно содержатся и марксизм, и философия жизни, включая Ницше, и немецкая феноменология, и психоанализ, и много другое. Все эти философские течения эксплицировали себя, прежде всего, как стратегии проникновения в область иррационального и включения его в сферу разумного. Эти стратегии, как и необходимое для их осуществления широкое по-

нятие разума, противопоставляемое обычному ratio, – все это можно обнаружить в «Феноменологии духа», книге, поставившей задачи не столько для XIX, сколько для XX века. Философию Гегеля, следовательно, понять адекватно можно только в обратной перспективе – с точки зрения тех возможностей, которые она открывала и которые более или менее удачно были реализованы впоследствии.

Истоки же этого ретроспективного движения к Гегелю восходят к семинару о «Феноменологии духа» Александра Кожева, проводившемуся в 1933–1939 годах в Школе Высших исследований [4]. Уже тот факт, что этот семинар посещали такие разные люди, как Р. Арон, Ж. Батай, А. Бретон, Ж. Лакан, М. Мерло-Понти, Р. Кайуа и др., свидетельствует о том, что предложенное А. Кожевом прочтение «Феноменологии» сквозь призму идей Маркса, Ницше, Хайдеггера было ответом на вопросы, поставленные самой эпохой. Другой яркий представитель французского неогегельянства, Жан Ипполит сближает антропологическую интерпретацию А. Кожева с тем прочтением гегелевской диалектики, которое обнаруживается в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркса. Последний к теории отчуждения человеческой сущности Фейербаха попытался привить гегелевскую идею исторического процесса отчуждения, то есть отчуждения как объективации, отчуждения «без субъекта». Ученик Ипполита, Л. Альтюссер, написавший под его руководством диссертацию «О содержании в мысли Гегеля», признается, что «попытался показать, что Маркс впоследствии отказался от этого взрывного сочетания несочетаемого (он так и не опубликовал эту рукопись, выдвинутые в ней тезисы были им отвергнуты), однако в итоге оно все же привело к взрыву. Выдвинутый Марксом в «Рукописях 1844 года» недоказуемый тезис гласил, что История представляет собой Историю процесса отчуждения некоего субъекта, родовой Сущности Человека, отчужденной в «отчужденном труде». Именно этот тезис и оказался чреват взрывом. В результате взрыва испарились такие понятия, как субъект, сущность человека, отчуждение, и оформился концепт процесса без субъекта, который лег в основу всей аналитической работы, проделанной в «Капитале» [1, 76].

В связи с этими проблемами участники семинара А. Кожева уподобляли психоанализ и характерный для него диалог, целью которого яв-

ляется высвобождение вытесненных (т. е. забытых) переживаний, диалогам Платона, которые также основывались на теории анамнезиса, знания-припоминания. Характерный пример – диалог Платона «Менон», который, как говорит сам Лакан, «показывает нам, как можно извлечь истину из уст раба, то есть любого человека вообще, демонстрируя тем самым, что любой человек является обладателем вечных форм. Ведь если опыт нынешний предполагает припоминание, а припоминание представляет собой фактически опыт жизней предшествовавших, то и этот опыт не мог в свое время обойтись без помощи припоминания. Регрессия эта, по идее, может продолжаться бесконечно, что и свидетельствует нам, что на самом деле речь идет о связи с вечными формами» [5, 26–27]. Едва ли можно не согласиться с утверждением, что подобная трактовка платоновского диалога, весьма созвучная общему строю идей французского неогегельянства, может эффективно использоваться при обосновании теории и практики мультикультурализма, в которой многие критики Европейского Союза видят его самое уязвимое место.

Интересно, что даже на уровне перевода знаменитая диалектика Господина и Раба получает у французских неогегельянцев совершенно новое истолкование. Строго говоря, можно вести речь только о «диалектике господства и рабства», а не о «диалектике Господина и Раба», так как сам Гегель уклонялся от того, чтобы таким образом выводить на первый план субъектов, носителей того отношения, которое он исследует; более того, перевод слова *Knecht* как «раб» обременяет этот термин той этической и политической нагрузкой, которая отсутствует в случае *Knechtschaft*.

Благодаря дискуссиям, возникавшим на многих семинарах, перевод слова *Knecht* претерпел эволюцию. Первое утверждение, никогда не опровергнутое, заключается в том, что здесь речь не может идти о, собственно говоря, «рабе»: в других местах Гегель, когда он это считает нужным, может использовать термин *Sklave*; «оковы», «узы», о которых будет идти речь, вполне объяснимы тем принуждением, которое предполагает труд. На самом деле *Knecht* входит в домашнюю прислугу; это слово обозначает, например, «батрака» и, вообще говоря, «слугу», с тем двойственным оттенком подчинения и семейной близости, который характерен для этого термина. В своих текстах Гегель много раз

использует, чтобы прокомментировать деятельность *Knecht*, выражения, принадлежащие к семейству *diene* («служить»), что составляет решающий аргумент. Возражают, что слово *Knecht*, подразумевающее решимость к «смертельной борьбе» и выражающее крайнюю тревогу перед своим возможным исчезновением, является более драматичным, чем позволяет предполагать наименование «слуги». Два аргумента смягчают подобную оценку: прежде всего, решаясь выйти из сражения, *Knecht* не подчиняется какому-то вульгарному страху, но всем своим разумением понимает, что жизнь необходима для занятия мышлением; затем, в дальнейшем ходе событий, он не живет, просто руководствуясь страхом смерти, но ему свойственно выражать этот страх в преобразовании мира посредством труда, понимаемого как форма образования – что сообщает этой фигуре позитивное и творческое качество, чуждое положению раба. «Для этой рефлексии необходимы оба момента – страх и служба вообще, точно так же как и процесс образования, и в то же время оба момента необходимы [одинаково] общо. Без дисциплины службы и повиновения страх не идет дальше формального и не простирается на сознательную действительность наличного бытия. Без процесса образования страх остается внутренним и немым, а сознание не открывается себе самому». [2, 106]. Продолжение этого текста подчеркивает, что труд, не укорененный в этом страхе, порождает лишь «тщеславный собственный смысл», «своенаравие», «свободу, которая остается еще внутри рабства»; но противоположная тупиковая ситуация подчеркивается с такой же силой, когда речь идет о том, что бесплодный страх не позволяет сознанию «открыться себе самому» – и это, *a contrario*, сообщает труду и образованию значение и достоинство, несовместимые со слепым подчинением раба. Что касается *Knechtschaft*, то это слово тогда обозначает «служение», но не в смысле «рабства», а именно в значении «состояния слуги».

Очень важным в этом же отношении является убеждение неогегельянцев, что религиозный вопрос у Гегеля нельзя оторвать от политического мышления. Уже в *Феноменологии Духа* тот факт, что одно и то же выражение – *Gemeinde* – обозначает как религиозную «общину», так и «общину», понимаемую как социальная единица, имеет весьма важное значение для этого пересечения – политика, в некоторых отношениях,

изображается как осуществление того динамизма, который предвещает религия. Эти отношения между религией и политикой упоминаются здесь сами по себе, еще до того, как осуществляется обращение к их особому значению – сакрального порядка – которое Гегель всегда хотел угадать в политическом событии Французской революции.

Рассматривать место, которое занимают политика и религия в мышлении Гегеля – значит, прежде всего, изучать, каким для него является содержание каждого из этих понятий, а также отношение, в которое они вступают друг с другом; а также изучать их, поскольку это важно в этой философии, в их отношении к целому, преломлением которого они являлись в этих определенных областях существования. Это вынуждает ввести третье понятие, в котором как раз и выражается этой целое: понятие философии (или науки). Этот последний термин, присутствующий и отсутствующий при изложении вопроса, оказывается определяющим в этой совокупности: он будет скрытно управлять исследованием, чтобы вновь встретиться в конце, в качестве «места», где политика и религия приобретают, наконец, свое спекулятивное значение.

По общему мнению, государство, для Гегеля, представляет заверченный, почти абсолютный образ нравственности: нравственность узнает свое завершение в образовании мирового сообщества и всеобщей истории (в силу чего государству приходится вписываться в контекст, выходящей за пределы его единичной сущности); и потому что нравственность как целое, еще ожидает ее преобразование в три момента Абсолютного духа, которыми являются Искусство, Религия и Философия – инстанции смысла, которым подчинена политика и которые ей приходится делать возможными.

Законченный анализ политической «модели», наиболее приспособленной, согласно Гегелю, к утверждению свободы в образе настоящего, следует искать в *Основаниях философии права*, которые представляют собой развитие Объективного духа, второго раздела *Философии духа*. Достаточно будет напомнить здесь некоторые определяющие признаки этой теоретической конструкции.

Можно выдвинуть, в виде предположения, что главным персонажем этого ансамбля является Конституция (*Verfassung*). Слово «персонаж» - не

оговорка, так как речь идет о живой реальности, порожденной волей, сопряженной с устанавливаемыми свободами и управляющей становящимися отношениями свободы. Конституция образует что-то вроде скоординированного целого, постоянно действующего и идеально приспособленного к требованиям, которые раскрывает эволюция времени. Предполагается, что именно в ней народ осознает сам себя, свою историю, а также свои возможности в будущем. Именно этим объясняется то определяющее место, которое занимают там вопросы, относящиеся к разработке того «фундаментального закона», который представляет собой Конституция, одна только и способная дать опору народной жизни.

Такая Конституция выдвигает на первый план что-то вроде «напряженного» равновесия между тремя моментами «умозаключения власти», которое связывает друг с другом аспекты единичного, частного и всеобщего: личностью « князя», призванного устанавливать решения в последней инстанции, «правительством» и «администрацией», которые обеспечивают движение и связь духовных феноменов, оживляющих социальное тело – получение информации, принятие соответствующих разрешенных мер – наконец, «народа» и пространств выражения его воли, которыми являются, с одной стороны, законодательные органы, а с другой, общественное мнение.

Среди важнейших черт, которые следует здесь подчеркнуть, имеется прежде всего тот факт, что в этом равновесии нет ничего статического, что все, наоборот, держится на живом сочленении этих моментов, каждый из которых не мог быть изолирован, не подвергая опасности значение целого. Гегель противопоставляет эту *органичность* глобальной системы целому, созданному соединением элементов, лишенных изначального единства – которое, в силу антитезиса, зависело бы от порядка *механистичности*. Конкретно, каждый из этих терминов обладает нравственной легитимностью лишь при признании его внутренней сопричастности с двумя другими, имеющимися в наличии и воздействующего на него определяющим образом. Конституционная монархия, например, которая у Гегеля определяет саму эту систему, сразу же превратилась бы в деспотизм, если бы князю пришлось принимать акты, которые внутренне не руководствовались бы признанием *в нем самом* потребностей или жалоб

народа. Наоборот, народ не замедлит погрузиться в анархию, если он предастся своим непосредственным инстинктом, не признавая, в сущности, диалога с особенностью государства и с единичностью князя.

Постановка вопроса о существовании гегелевской демократии может быть принята на счет словесного эксцесса, поскольку оказывается, что все замышляется с целью утвердить сильную власть, своеобразную авторитарность. Разумеется, понимать это слово в том значении, которое сегодня стало привычным, это некоторый анахронизм применительно к гегелевской модели. Тем не менее, его использование не лишено некоторой легитимности, поскольку оно представляет собой противоположность поспешному и широко распространенному мнению, которое делает из Гегеля приверженца абсолютистского угнетения. Для него, на самом деле народ – это исток и цель власти; только это обстоятельство, представляющее собой социальную опору 1789 года, может породить и наилучшее и наихудшее; наихудшее, если народ доходит до того, что представляет собой неорганизованную массу, наилучшее – если он занимает свое место в глобальном согласии, принимая на себя необходимые институциональные опосредствования. Благодаря такой оценке политическая теория Гегеля, несомненно, является единственной в ту эпоху теорией, признающей определяющую ценность публичного мнения.

Главным «персонажем» этой политической вселенной является Конституция, понимаемая как хартия социальных связей и равновесия властей. Произведение одновременно и теоретическое и практическое, Конституция подтверждает включение свободы в историю, определяя условия своего осуществления, короче, подтверждая, свое необходимое опосредствование. В ней речь не могла бы идти об устойчивой реальности, данной раз и навсегда в своей законченной форме, но это произведение, подверженное постоянной адаптации. Можно, на самом деле, говорить об органической связи между «этическим уровнем» народа, иными словами, о сознании свободы, которое в нем живет, и совокупностью условий, которую он способен организовать, преобразовать и даже создать, чтобы сообщить историческую действительность этому внутреннему требованию. Что указывает на структурное напряжение между всеобщностью видения и частностью, в которой ему необходимо быть

выраженным: «Так как дух действителен лишь в качестве того, чем он себя знает, и государство в качестве духа народа есть вместе с тем проникающий все его отношения закон, нравы и сознание его индивидов, то государственное устройство определенного народа вообще зависит от характера и развитости его самосознания; в этом заключается его субъективная свобода, а следовательно, и действительность государственного устройства» [3, 315]. Невозможно, следовательно, «*a priori* дать государственное устройство народу» – что было бы лишь «порождением мысли»; поэтому следует несколько резкий вывод: «каждый народ имеет то государственное устройство, которое ему соответствует и подходит» [3, 315].

Данные рассуждения можно было бы продолжить, подкрепляя их цитатами как из самого Гегеля, так их работ неогегельянцев. Но это вывело бы нас далеко за рамки статьи. Мы полагаем, что и тех немногих примеров, которые мы привели, достаточно, чтобы убедить читателя, что свойственная французским неогегельянцам, в первую очередь А. Кожеву, «демократическая», а не традиционная авторитарная интерпретация политической философии Гегеля послужила эффективным инструментом для политического и юридического творчества, выразившегося, в конечном счете, в создании и развитии Европейского Союза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Альтюссер Л. Ленин и философия. М. 2005
2. Г.В.Ф. Гегель. Феноменология Духа. СПб, 1992.
3. Г.В.Ф. Гегель. Философия права.
4. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб. 2003.
5. Лакан Ж. Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955). М. 1999
6. Россман В. После философии: Кожев, «конец истории» и русская мысль // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 1999. № 5. С. 21–26.

УДК 332.1

В. В. Глухов, Г. Ф. Деттер, И. Л. Туккель

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Формирование России как федеративного государства сопровождалось усилением интересов исследователей, политиков и экономистов к типологии российских регионов. Типологизация позволила регионам взглянуть на себя «со стороны», оценивать и сопоставлять комплексные социально-экономические показатели, эффективность развития и динамику процессов поляризации. Работы по типологизации выявили уровень дифференциации регионов России.

Экономическое районирование, принятое в советскую эпоху, во многом утратило свою актуальность по причине получения регионами реальных властных полномочий и самостоятельных бюджетов. Сегодня под регионом стали понимать территорию, обладающую административными границами, единством властных полномочий субъектов региональной администрации, культурным и историческим единством – субъект Российской Федерации [1].

К понятию регион имеется два основных подхода: экономический и географический [2, 3]. Для проведения типологизации по экономическим категориям, к которым относится инновационная политика государства, естественно применение экономического подхода. Однако поскольку Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) и входящие в неё регионы имеют четкие границы, в том числе экономические, нельзя исключить применение и географического подхода. При этом, поскольку субъект РФ является сложной, иерархической и целенаправленно развивающейся системой [4], необходимо использование системного подхода и целеполагания. Выделяют следующие уровни регионов: макрорегиональные; межрегиональные; региональные; локальные

(муниципалитеты, города), отраслевые [5].

При целеполагании регионального развития наиболее оправданным представляется подход, основанный не на относительном и зачастую субъективном понятии благосостояния населения, а его способности к саморазвитию и самосовершенствованию, достижению поставленных четко формализованных целей [10]. «В этом смысле целью развития региона является непрерывное поддержание его технологического потенциала и инновационных способностей, т. е. способностей по созданию, внедрению, коммерциализации и диффузии новых технологий, повышающих устойчивость развития региона и создающих более высокие возможности для удовлетворения разнообразных внутренних (в том числе социальных) потребностей» [11]. Высокий уровень и качество жизни населения являются не самоцелью, а следствием инновационного развития общества в сложных и динамичных условиях современного мира.

Для целей нашего исследования предлагается рассматривать регион как сложноустроенную, открытую социально-экономическую систему, функционирующую в установленных административно-территориальных границах, обладающую индивидуальным набором ресурсов и потенциалов, сформировавшихся в ходе исторического и социально-экономического развития, эволюционирующую в направлении установленных стратегических целей, с учетом имеющихся объективных возможностей, внешних и внутренних факторов.

Выявляют следующие значимые подсистемы социально-экономической системы региона [6; 7; 8; 9]: природно-ресурсная; институциональная; финансовая; информационная; рыночная; научно-образовательная; производственная; социальная; инновационная. При этом инновационная подсистема раскрывается как движитель территориального развития.

Проведенная в России в начале XXI века муниципальная реформа позволяет нам выделить еще одну подсистему. Каждый регион как субъект РФ имеет соответствующее административно-территориальное деление на муниципальные районы, городские округа, городские и сельские поселения. Аналогично субъекту РФ муниципалитеты наделены полномочиями (вопросы местного значения), муниципальным бюджетом,

имуществом и правом распоряжаться ими на соответствующей территории для целей жизнеобеспечения населения, принятие и выполнение планов и программ социально-экономического развития муниципалитета. Данное обстоятельство дает основание выделить в регионе подсистему, где элементом является конкретное муниципальное образование. Такую подсистему будем называть муниципальной или территориальной подсистемой региональной социально-экономической системы. Муниципальное образование выявляется как микрорегион в составе субъекта РФ (мезорегиона). Базовыми элементами территориальной подсистемы являются городские округа, городские и сельские поселения. Социально-экономическая система микрорегиона может состоять из аналогичных региональным основным подсистем.

Проблемам типологизации регионов посвящено достаточно большое количество работ, при этом используются совершенно различные подходы к классификации регионов. Обзор существующих подходов, к примеру, представлен в [12, 13].

Рассмотрим характерные арктическим субъектам РФ признаки, объединяющие их в Арктическую зону РФ и проанализируем особенности социально-экономических систем арктических регионов для решения задачи их типологизации с целью формирования многоуровневой пространственной инновационной политики и специфических моделей инновационного развития.

За основу возьмем предложенную В.И. Кашиным [14] типологизацию по совокупному уровню развития региона. Индивидуальность регионов является основной предпосылкой для формирования различных моделей их развития. Поэтому при исследовании региональной специфики важнейшим вопросом остается методологически точная типологизация регионов включающих различные зоны и ландшафты, имеющие различные уровни экономического и технологического развития, историко-культурные традиции.

Однако при всей уникальности регионов России, можно выделить регионы имеющие набор одинаковых характеристик и признаков, с особыми условиями функционирования, позволяющих объединить их в одну категорию, совокупный анализ социально-экономического положения

и развития которых необходим для понимания региональной специфики и проблематики, причин и закономерностей их возникновения, поиска путей повышения экономического потенциала регионов. К такой категории, несомненно, относится значительная по площади и протяженности Арктическая зона Российской Федерации.

АЗРФ, обладая яркими особенностями, является неотъемлемой частью России, одновременно является частью всей Арктики, частью Европы, частью всего мира. В связи с активизацией хозяйственных и политических процессов в Арктике Указом Президента РФ [15] был утвержден новый состав территорий входящих в состав АЗРФ (таблица 1).

Таблица 1

Состав и характеристики сухопутных территорий Арктической зоны РФ ¹

№ п/п	Субъекты РФ входящие в АЗРФ	Количество муниципальных образований, входящих в АЗРФ	Площадь арктических территорий, (км ²)	Численность населения, АЗРФ на 01.01.2015 г. (чел.)	Плотность населения АЗРФ (чел/км ²)
1	Мурманская область (полностью)	40	144 902	766 281	5,26
2	Архангельская область (частично)	48	271 769	655 100	2,41
3	Ненецкий автономный округ (полностью)	21	176 810	43 373	0,25
4	Республика Коми (частично)	1	30	82 953	2761
5	Ямало-Ненецкий автономный округ (полностью)	55	769 250	539 985	0,69
6	Красноярский край (частично)	14	1 095 609	227 205	0,21
7	Республика Саха (Якутия) (частично)	33	605 100	26 194	0,04

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 года. Росстат.

№ п/п	Субъекты РФ входящие в АЗРФ	Количество муниципальных образований, входящих в АЗРФ	Площадь арктических территорий, (км ²)	Численность населения, АЗРФ на 01.01.2015 г. (чел.)	Плотность населения АЗРФ (чел/км ²)
8	Чукотский автономный округ (полностью)	45	721 481	50 540	0,07
ИТОГО		257	3 701 951	0,65	2 391 631

По состоянию на начало 2015 года территория АЗРФ включает в себя 8 субъектов РФ, 257 муниципальных образований, в том числе 21 городской округ, 5 ЗАТО в форме городских округов, 29 муниципальных районов, 40 городских поселений, 162 сельских поселения, общая численность населенных пунктов 763 ед.

Таким образом, во-первых, с 2014 года состав арктической зоны Российской Федерации был расширен за счет ряда муниципальных образований Мурманской и Архангельской областей, Красноярского края и Республики Коми, во-вторых, впервые в истории современной России АЗРФ выделен в политико-экономический регион в качестве самостоятельного объекта государственного управления и социально-экономического развития.

С позиций географического подхода АЗРФ можно условно разделить на три части в рамках, которых начинает формироваться территориально-экономическая специфика макрорегиона: 1) европейская Арктика, включающая Мурманскую и Архангельскую области, НАО и городской округ Воркута; 2) центральная Арктика, состоящая из ЯНАО и прибрежных районов Красноярского края; 3) восточная Арктика, прибрежные районы Республики Саха (Якутия), а также Чукотский АО.

В экономическом плане макрорегиону характерно очаговое развитие и моноотраслевая структура хозяйства, зависимость от поставки ряда важнейших товаров первой необходимости из других регионов страны. В тоже время обеспеченность Арктики крупномасштабными запасами различных видов полезных ископаемых формирует политику дальнейшего освоения АЗРФ. В этом контексте у России и арктических

регионов в ближайшей перспективе существует возможность использовать арктические мегапроекты (добыча, переработка и транспортировка сырья, развитие Северного морского пути (СМП), создание военной инфраструктуры) для запуска процессов инновационного развития. Экономический потенциал данных мегапроектов способен выполнить миссию финансово-экономической поддержки перехода макрорегиона на инновационный путь развития [17, 18]. При этом для освоения Арктики нужны новые, адаптированные – арктические технологии. Региональные инновационные системы субъектов РФ могут стать генераторами арктических технологий. Исследователи и специалисты сходятся в том, что как в исторической ретроспективе, так и в будущем освоение территорий с экстремальными условиями жизни происходило и может происходить только инновационными методами, с применением специальных арктических технологий, что обуславливает создание арктической технологической платформы, являющейся совокупностью технологий, направленных на эффективное и безопасное освоение Арктики [19].

Таким образом, АЗРФ является территорией обладающей максимальным набором специфических признаков и характеристик, выделяющих ее среди других макрорегионов страны и формирующих условия, направления и масштабы его социально-экономического развития.

В тоже время, рассматривая основные характеристики регионов входящих в АЗРФ, (табл. 1) выявляются существенные различия по их размерам, количеству и плотности населения, а также включенности в арктическую зону. Значительно различается состав территориальных подсистем субъектов входящих в АЗРФ. Городские округа располагаются преимущественно на промышленно развитых территориях. Городские поселения преимущественно представлены моноотраслевыми рабочими поселками. Для Архангельской области характерно большое количество слаборазвитых сельских поселений. Происхождение и существование сельских поселений связано с сохранением прежних технологических укладов, основанных на промыслах, сельском хозяйстве, традиционной хозяйственной деятельности коренных народов.

В таблицу 2 сведены основные показатели социально-экономического развития субъектов АЗРФ за исключением Республики Коми.

Таблица 2

Показатели социально-экономического развития субъектов АЗРФ¹

Показатель	Российская Федерация	Мурманская область	Архангельская область без НАО	Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО	Красноярский край	Республика Саха (Якутия)	Чукотский АО	Арктическая территория РФ
Численность населения всего, на 1.1.2015 г., тыс. чел.*	146267,3	766,3	1139,9	43,4	539,9	2858,8	956,9	50,5	6355,8
Численность населения в АЗРФ, на 1.1.15 г., тыс. чел.	2299,1	766,3	655,1	43,4	539,9	227,2	26,2	50,5	2299,1
Численность населения АЗРФ в % от всего по субъекту	1,58	100	57,47	100	100	7,95	2,74	100	-
Численность населения в АЗРФ в % от общероссийского	100	0,52	0,45	0,03	0,37	0,16	0,02	0,03	1,58
ВРП, 2011 г., млрд. руб.*	45265,2	260,3	273,8	166,4	962,1	1188,8	483,0	44,8	-
ВРП, 2014 г., млрд. руб.*	58745,0	320,3	356,4	183,7	1611,6	1423,2	660,2	56,6	-
Место в РФ по ВРП в 2014 г.*	-	44	41	62	8	9	25	78	-
Темы роста ВРП к 2011 г.*	29,8	23,0	30,1	10,40	67,5	19,7	36,7	26,3	-
ВРП на территории АЗРФ в 2014 г., млрд. руб.	-	320,3	213**	183,7	1611,6	600**	20**	56,6	2937,2
ВРП АЗРФ в % от общероссийского в 2014 г.	-	0,55	0,36	0,31	2,74	1,02	0,03	0,10	5,2

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2015. Статистический сборник. Росстат.

ВРП АЗРФ на душу населения АЗРФ, 2014 г., тыс. руб.	-	418	325	4233	2985	2641	763	112 1	1278
Объем производства промышленной продукции, 2014 г., тыс. руб. по отраслям добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды*	4712,0	82,2	7,4	187, 5	1146, 8	318,7	407, 1	63,8	-
Объем продукции сельского хозяйства, 2014 г. млрд. руб.*	4319,0	2,6	12,9	0,7	1,6	79,2	21,8	1,1	-
Инвестиции в основной капитал, 2014 г., млрд. руб.*	13557,5	72,5	63,4	84,2	715,9	344,5	202, 2	6,6	-
Среднедушевые денежные доходы населения, 2014 г., тыс.руб.*	27,8	34,1	28,0	66,5	61,3	24,8	34,2	57,3	-
Численность рабочей силы, 2014 г., тыс. чел.*	75428	458	337	23	328	121	13	33	-
Уровень безработицы, проценты*	5,2	6,7	7,3		3,1	5,0	7,4	3,2	-

* в целом по субъекту Российской Федерации

** оценка

Данные таблицы 2 показывают значительную экономическую неоднородность регионов АЗРФ. К примеру, по объему ВРП диапазон показателей варьируется с 8 до 78 места по РФ. Темпы прироста ВРП

субъектов РФ с 2011 по 2014 находятся в диапазоне от 10 до 67 процентов. ВРП на душу населения наименьший в Архангельской области – 312 тыс.руб., а в НАО доходит до 4232 тыс.руб.

Наиболее экономически развитым субъектом АЗРФ является Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО). Показатели ВРП, промышленного производства и инвестиций здесь наиболее высоки, в разы, превышая другие субъекты. Показатели ВРП Красноярского края сопоставимы с ЯНАО, но вклад арктической территории почти в три раза ниже. Сельское хозяйство наиболее развито в Архангельской области.

В старопромышленных регионах (Мурманская и Архангельская области) процессы экономического развития идут давно, в тоже время уровень совокупного дохода на душу населения самый низкий. Промышленное освоение центральной и восточной Арктики происходило преимущественно в советские годы путем реализации мегапроектов по разработке нефтегазоносных провинций, месторождений твердых полезных ископаемых, развитию транспортной и энергетической инфраструктуры. В советский период происходило активное заселение АЗРФ, возникали новые города, причем до 50-х годов использовался труд заключенных.

Развитие регионов в постсоветское время происходило разнонаправлено. 90-м годам был характерен общий экономический спад, в 2000-е началось реализация новых точечных мегапроектов, призванных обеспечить страну природным сырьем и стратегическими преимуществами, связанными с использованием СМП. Новое освоение происходит с широким использованием вахтового труда.

Население АЗРФ составляет всего 1,58 процентов населения России, однако объем ВРП вырабатываемый на территории достигает 5,2 процента от российского. Чукотский и Ненецкий АО являются самыми малонаселенными субъектами РФ. Население арктических субъектов РФ с 90-х годов сильно снизилось, особенно по северным территориям, за исключением ЯНАО. В настоящее время численность населения в целом стабилизировалась, в НАО даже наблюдается небольшой прирост, в тоже время в ЯНАО началось снижение численности по причине сильного миграционного оттока. Естественный прирост населения в АЗРФ положительный от 0,1 в Архангельской обл. до 11,8 в ЯНАО.

Анализируя подробно статистические данные по текущему положению АЗРФ, становится очевидна разнохарактерность процессов происходящих как в обеспечении жизнедеятельности населения, так и в промышленности. С одной стороны, в АЗРФ в течение последнего десятилетия реализуются крупные инвестиционные проекты, с другой накоплен большой износ основных фондов, характерна высокая энергоемкость, низкая эффективность производства и производительность труда (за исключением добычи УВС), очевидна неразвитость базовой транспортной инфраструктуры и энергетической системы. При этом критически нарастает дисбаланс в экономическом развитии между отдельными арктическими территориями, лидирующими и депрессивными регионами по уровню развития.

Социально-экономическому положению арктических муниципалитетов характерен еще более высокий уровень дифференциации. Даже в рамках одного субъекта РФ наблюдаются существенные различия в экономическом состоянии муниципальных образований, наличии потенциала для дальнейшего развития. Территориальная отделенность, неразвитость инфраструктуры, в т.ч. социальной, недостаточность доходов для компенсации негативных экономических и инфраструктурных факторов существенно ограничивают возможности для саморазвития населения, обуславливают эмиграцию.

Таким образом, при схожести у различных субъектов АЗРФ географических факторов, присущих Арктики, их промышленный и демографический потенциал развивался по различным схемам, в разные временные периоды и имеет не однородную структуру.

Совокупный анализ социально-экономического уровня развития регионов, находящихся в составе АЗРФ, с учетом использования их природно-ресурсного потенциала позволяет предложить несколько основных региональных типов, а также провести типологизацию муниципальных образований, входящих в состав АЗРФ.

Общим для всех регионов является их принадлежность к отдаленным северным и восточным (периферийным) регионам, имеющих преимущественно моноотраслевой, зачастую сырьевой тип экономики. Экономическая развитость регионов АЗРФ снижается от запада к востоку,

приобретая все более очаговый характер, в т.ч. в части развития наземной транспортной инфраструктуры.

Европейской части АЗРФ (Мурманской и Архангельская области), характерна принадлежность к регионам, обладающим крупной промышленностью и транспортом, взявшими курс на экономические реформы. Городские округа обладают развитой промышленностью и транспортом, однако муниципальные районы указанных субъектов РФ остаются экономически слаборазвитыми, аграрными. Аналогичный тип характерен в целом Республике Коми и Красноярскому краю, однако их арктические территории специализируются на добыче сырья или являются экономически слаборазвитыми аграрными и периферийными регионами, за исключением городского округа Норильск и Туруханского района Красноярского края, которые можно отнести к экспортно-ориентированным сырьевым регионам. Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа и Республика Саха (Якутия) относятся к экспортно-ориентированным сырьевым регионам, добившихся экономической самостоятельности от федерального центра. В городских округах указанных регионов преобладает экспортно-ориентированная сырьевая промышленность, городские и сельские поселения остаются экономически слаборазвитыми (моноотраслевыми) или аграрными. Арктические территории Республики Саха (Якутия) являются экономически слаборазвитыми аграрными или периферийными регионами.

Следовательно в АЗРФ выявляются два типа мезорегиона (субъектов РФ):

- 1) обладающие крупной промышленностью и транспортом, взявшие курс на экономические реформы;
- 2) экспортно-ориентированные сырьевые, добившиеся экономической самостоятельности от федерального центра.

В свою очередь муниципальные образования арктических субъектов РФ, расположенные на арктических территориях, можно подразделить на три основных типа микрорегионов (таблица 3):

- промышленные – обладающие промышленностью и транспортом;

- сырьевые – обладающие экспортно-ориентированной сырьевой промышленностью;
- аграрные – экономически слаборазвитые аграрные (периферийные) регионы.

Таблица 3

Типы муниципальных образований АЗРФ

Тип микрорегиона	Признаки	Состав группы (муниципальные образования)
Промышленные	обладающие промышленностью и транспортом	городские округа Мурманской и Архангельской областей
Сырьевые	экспортно-ориентированная сырьевая (горнодобывающая) промышленность	городские округа Ненецкого и Ямало-Ненецкого АО, городской округ Воркута Республики Коми, городской округ Норильск, городские поселения Туруханского района Красноярского края, городские поселения Чукотского АО
Аграрные	экономически слаборазвитые аграрные (периферийные) регионы	экономически слаборазвитые аграрные муниципальные районы и поселения Мурманской и Архангельской областей, Ненецкого и Ямало-Ненецкого АО, Туруханского района, Таймырского (Долгано-Ненецкий) муниципального района Красноярского края, Чукотского АО, улусы Республики Саха (Якутия)

Проведенная типологизация субъектов РФ и входящих в них муниципальных образований выявляет АЗРФ как макрорегион имеющий широкий набор общих природно-географических, климатических, экологических, инфраструктурных и социально-экономических характеристик отличающих его от других макрорегионов России. В тоже время АЗРФ состоит из отдельных самостоятельных мезорегионов и микрорегионов, имеющих различный природно-ресурсный и экономический потенциал, представляющие собой относительно замкнутые территориально-социальные организации, в которых сложилась специфическая институциональная (политическая, социо-культурная) среда.

Для дальнейшей типологизации регионов и муниципалитетов АЗРФ для целей формирования многоуровневой пространственной инновационной политики и специфических моделей инновационного

развития уточним их инновационный и научно-образовательный потенциал.

Ведущими высшими учебными и научно-исследовательскими институтами России ведется работа по поиску методов оценки инновационного потенциала регионов. Возьмем для сравнения результаты исследований проведенных Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР) [20], Национальной ассоциацией инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ) [21] и Институтом статистических исследований и экономики знаний «Высшей школы экономики» (ВШЭ) [22], за 2014 год, а также результаты в исследовании [23].

Результаты рейтингов сведены в таблицу 4.

Таблица 4

Оценки инновационного развития регионов России различными методами

Регион	АИРР*	НАИРИТ *	ВШЭ*	Методика по [23]
Красноярский край	22	23	14	1
Архангельская область	38	44	58	2
Мурманская область	41	60	40	4
Республика Саха (Якутия)	62	66	66	3
Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО)	69	40	37	3
Чукотский АО	79	83	79	4
Ненецкий АО	83	73	76	5

* - среди 83 субъектов РФ

Рейтинговые оценки инновационного развития арктических регионов по данным исследовательских организаций находятся в диапазоне от 22 (Красноярский край) до 83 (Ненецкий АО и Чукотский АО), что подтверждает неоднородность и специфичность арктических регионов, показывает, что динамика инновационного развития происходит крайне неравномерно. Существует сильная вариация рейтингов регионов по различным методикам, к примеру, для ЯНАО достигает 32 пунктов.

Существуют еще ряд аналогичных практических работ по оценке инновационности арктических субъектов РФ к примеру [12, 24, 25]. Общим для всех исследований является использование в оценке статистических данных.

Анализ существующих методик позволяет сделать следующие общие выводы:

- несмотря на важность вопросов, связанных с оценкой эффективности инновационных систем научные основы теории оценки, методики и средства разработки показателей и критериев оценки эффективности для специфичных регионов четко не проработаны, что порождает множественность объектов, субъектов и методов оценки;

- рейтинги имеют различное содержание и направление оценки, так в одних случаях оценивается рейтинг (уровень) инновационного развития, в других инновационная активность или инновационный потенциал, где-то инновационный климат, что делает их не равноценными, ставит под сомнение возможность использования для составления объективного суждения о положении дел в инновационной сфере, эффективности инновационной системы региона, ее влиянии на экономику региона;

- существующие методики преимущественно базируются на статистической отчетности о результатах деятельности крупных и средних экономических субъектов территории, объективность которых вызывает сомнение, в особенности при описании региональных процессов, статистическая отчетность об инновационной деятельности малого предпринимательства вообще не предоставляет объективной информации об инновационности сектора;

- исследователями редко принимаются во внимание фактические процессы, происходящие в регионе и имеющие непосредственное отношение к инновационному развитию, такие как наличие объектов инновационной инфраструктуры, их мощность, структура промышленности, творческий потенциал населения, качество административного ресурса и т.д.

Для наглядности приведем ряды статистических данных обычно используемых при составлении рейтингов (таблице 5). Учитывая большую волатильность данных показателей по годам в данной таблице представлены их усредненные значения за пять лет (2011–2014).

Таблица 5

Статистические показатели инновационного развития арктических регионов ²

Показатели	Мурманская область	Архангельская области	Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО	Красноярский край	Республика Саха (Якутия)	Чукотский АО
Выдано патентов	58,4	72,4	0,6	29,8	497,2	77,4	0
Число созданных передовых производственных технологий	0	16	0,6	4,6	26,4	1,6	0,4
Инновационная активность организаций (%)	10,2	7,4	7,3	8,3	10,0	7,7	19,4
Объем инновационных товаров, работ, услуг (млн руб.)	2291	12304	12	5978	31229	4018	269

Красноярский край по всем показателям является лидером. Следующим по уровню развития, однако с большим отрывом, идет Архангельская область. Мурманская область, ЯНАО и Якутия имеют более низкие показатели и провалы по отдельным из них, что позволяет отнести их в группу середняков. Так в ЯНАО выявляется слабость подсистемы генерации знаний и компетенций, в Мурманской области относительно низкие объемы инновационной продукции, в Якутии невысокая инновационная активность. Самые низкие показатели у Чукотского и Ненецкого АО.

Проведенная нами выше экономическая типологизация регионов и анализ попыток оценки инновационных систем различными исследователями приводит к необходимости формулирования ряда новых методологических подходов для объективизации оценки инновационных систем и проведения дальнейшей типологизации субъектов АЗРФ с учетом их инновационной составляющей.

Во-первых, в виду высокой внутрирегиональной дифференциации

экономического и инновационного потенциала при оценке уровня инновационного развития арктических территорий, регионов частично входящих в АЗРФ, методологически неверно использовать результаты рейтингов основанных на общерегиональных статистических показателях по отношению к их арктическим территориям.

Во-вторых, внутренняя неадекватность статистических данных, отсутствие ряда важнейших показателей инновационной деятельности по арктическим муниципальным образованиям, субъектов РФ частично расположенных в АЗРФ, актуализирует необходимость использовать данные непосредственного мониторинга развития инновационных систем в этих муниципальных образованиях и субъектах РФ.

Приведенные факторы обуславливают проведение в отношении специфических регионов, в т.ч. арктических территорий субъектов РФ, комплексной оценки уровня инновационного развития, используя данные об их экономическом состоянии, промышленном и научно-образовательном потенциале, развитости институтов и инновационной инфраструктуры.

В [23] показателями для анализа институционального развития регионов стали: наличие органа государственной власти, отвечающего за инновационное развитие; уровень развития научно-технического потенциала; количество объектов инновационной инфраструктуры; стратегические и программные документы, направленные на инновационное развитие региона; количество нормативно-правовых актов в научно-инновационной сфере.

Данные показатели позволяют оценить развитость инновационной инфраструктуры, институциональную составляющую региональной инновационной политики, заинтересованность и конкретные действия региональных властей в инновационном развитии территории, приоритетность данного направления, исторический контекст, планы и перспективы дальнейшего развития.

На основании обобщенной информации об элементах подсистемы генерации знаний и компетенций, оценен уровень научно-образовательного потенциала (НТО) арктических территорий (таблица 6). Показатели интегрированы в единый показатель НТО, рассчитанный как сумма пересчитанных с применением весовых коэффициентов показателей в

графах 3 и 5.¹

Таблица 6

Потенциал подсистемы генерации знаний арктических территорий

Арктические субъекты РФ	Количество вузов, (филиалов) ²	Количество выпускников вузов в год ⁴	Количество научных организаций	Количество исследователей	Интегральный показатель НТО	Уровень НТО
1	2	3	4	5	6	7
Мурманская область	4 (6)	2018	29	1029	123,08	высокий
Архангельская область (арктические территории)	2 (2)	6201	28	772	139,21	высокий
Ненецкий автономный округ	0	0	4	26	2,6	низкий
Республика Коми (городской округ Воркута)	0	0	0	0	0	отсутствует
Ямало-Ненецкий автономный округ	0 (2)	222	4	52	7,42	низкий
Красноярский край (арктические территории)	0 (3)	725	0	0	7,25	низкий
Республика Саха (Якутия) (арктические территории)	0	0	0	0	0	отсутствует
Чукотский автономный округ	0	0	1	11	1,1	низкий

¹ К количеству выпускников вузов применен коэффициент 0,01, к количеству исследователей коэффициент 0,1. На базе собранных данных составлена таблица и определен относительный уровень научно-образовательного потенциала как высокий, хороший, средний, низкий и отсутствует. Уровень региона лидера взят за 100 процентов. Высокий уровень НТО применен для регионов с интегральным показателем в диапазоне 75 – 100 %, хороший в диапазоне 75 – 50%, средний в диапазоне 50 – 25%, низкий в диапазоне 25 – 1%. Менее 1% - НТО отсутствует.

² Источник: информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга 2015 года деятельности образовательной организации высшего образования

В результате установлено, что наибольшим научно-образовательным потенциалом обладает Архангельская и Мурманская области. Потенциал Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Чукотского автономных округов и арктических территорий Красноярского края низкий. В Республике Коми и Республики Саха (Якутия), в части их арктических территорий, научно-технический потенциал отсутствует.

Если рассмотреть подсистему генерации знаний и компетенций на уровне территориальной подсистемы то становится, очевидно, что практически весь научно-образовательный потенциал сконцентрирован в городах Апатиты, Мурманск, Архангельск, в незначительной части в Нарьян-Маре, Салехарде, Новом Уренгой, Норильске и Анадыре, т.е. имеет ярко выраженный очаговый характер, неравномерно распределен по территории АЗРФ. Таким образом, к особенностям АЗРФ влияющим на его экономическое и инновационное развитие, нужно добавить точечное размещение элементов подсистемы генерации знаний, высокую дифференциацию интеллектуального потенциала в территориальной подсистеме.

Обобщая различные данные, можно отметить, что наиболее активную региональную политику по развитию инновационной системы осуществляют Красноярский край, ЯНАО и Республика Саха (Якутия). В Мурманской и Архангельской областях причиной включения в повестку дня вопросов по развитию инновационной деятельности являлись вопросы, связанные с развитием малого бизнеса и инвестиционной деятельности. ЯНАО и Республика Саха (Якутия) сделали ставку на развитие инновационной системы в совокупности и в привязке с развитием научной деятельности, у них более широко развивается инновационная инфраструктура. Объекты инфраструктуры создаются преимущественно в столицах регионов Якутск, Красноярск, Мурманск, Архангельск. ЯНАО пошел по пути создания сети инновационно-технологических центров во всех городах округа. ЯНАО характерна полная включенность в АЗРФ, что делает безальтернативным выбор территорий развития. Республика Саха (Якутия) и Красноярский край частично располагаются на территории АЗРФ и при развитии инновационной системы делают выбор в пользу более южных районов, при этом на арктических территориях

инновационного развития не происходит. Ненецкий автономный округ и Чукотский автономный округ не предприняли до настоящего времени никаких шагов по развитию инновационной инфраструктуры.

Результаты исследования свидетельствуют о нарастающей технологической и кадровой отсталости АЗРФ, слабой готовности к самостоятельному эволюционному развитию, что является как результатом действующей государственной инновационной политики, так и результатом невысокой инновационной активности предприятий региона и неразвитости высокотехнологичных видов деятельности. Использование экономического потенциала реализуемых в Арктике мегапроектов в целях инновационного развития при таком состоянии регионов АЗРФ представляется затруднительным. Наибольшие возможности для этого сформированы в Мурманской и Архангельской областях имеющих научно-образовательный потенциал и развитую промышленность в областях судо и машиностроения.

Исходя из сформулированного выше методологического подхода, на основе проведенной типологизации дадим комплексную оценку рейтинга инновационного развития (таблица 7).

Таблица 7

Рейтинг инновационного развития арктических регионов

Регион	Рейтинг инновационного развития
Арктические территории Архангельской области	1
Мурманская область	2
Ямало-Ненецкий АО	3
Арктические территории Красноярского края	4
Чукотский АО	5
Ненецкий АО	6
Арктические территории Республики Коми	7
Арктические территории Республика Саха (Якутия)	8

Архангельская область имеет хорошие показатели инновационной деятельности, при этом практически вся инновационная инфраструктура, научные и образовательные учреждения расположены на арктической территории (Архангельск). В городах, включенных в арктическую зону,

находятся крупные промышленные предприятия.

В Мурманской области показатели инновационной деятельности средние, в тоже время в регионе имеется значительный научно-образовательный потенциал, отдельные объекты инновационной инфраструктуры, крупные промышленные предприятия в различных, в т.ч. высокотехнологичных отраслях экономики, что формирует хороший базис для инновационного развития.

ЯНАО имеет средние показатели развитости инновационной деятельности, однако собственный научно-технологический потенциал низкий. В тоже время регион обладает мощным экономическим потенциалом, за последние годы создана распределенная по территории инновационная инфраструктура. На территории расположен крупный промышленный комплекс по добыче и транспортировке углеводородного сырья, инвестируются средства в его переработку. Однако инновационные системы промышленного комплекса являются закрытыми и используют собственный научный потенциал, расположенный в других регионах.

Красноярский край наиболее инновационно активный регион, однако, на его арктических территориях инновационная инфраструктура отсутствует, научно-технологический потенциал низкий, в тоже время существует развитая горнодобывающая промышленность и ряд сервисный отраслей, в которых может осуществляться инновационная деятельность. Ввиду территориальной отдаленности административного и научно-технологического ядра края (Красноярска) влияние его на инновационное развитие периферийных арктических районов невелико.

Чукотский АО имеет низкую инновационную развитость, низкий научно технический потенциал, отсутствует инновационная инфраструктура, в тоже время развивается крупная промышленность в горнодобывающей отрасли, отдельные показатели инновационной активности показали сильный рост за последние годы, что позволяет выделить его над близким по показателям Ненецким АО.

В Ненецком АО наиболее низкий научно-технический потенциал, инновационная инфраструктура не развивается, крупная промышленность представлена только добывающей отраслью. Территория не имеет постоянной транспортной связи как внутри, так и с соседними регионами.

Наличие на территории промышленного комплекса по добыче и транспортировке углеводородного сырья создает условия для распространения отраслевых инновационных систем на регион.

Арктическая территория Республики Коми, представленная городским округом Воркута, ввиду отсутствия в нем научных и образовательных учреждений, инновационной инфраструктуры, моноотраслевым характером промышленности, отделенности от административных и промышленных центров республики, имеет низкий уровень инновационного развития. В тоже время в городе может развиваться инновационная деятельность при целенаправленной инновационной политике властей республики и муниципалитета.

Республика Саха (Якутия) имеет средние показатели инновационного развития, но на ее арктических территориях неразвита ни инфраструктура, ни наука, ни образование, отсутствует промышленность, низкое количество населения, нет постоянной транспортной связи с административным центром региона, что обуславливает присвоение ему самого низкого уровня инновационного развития в отношении арктических территорий.

Сопоставление результатов комплексной оценки инновационного развития (табл. 7) с рейтингами, полученными на основе статистических данных (табл. 4) подтверждает вывод о неприменимости существующих методик для оценки арктических регионов.

Выявленные особенности актуализируют необходимость проведения регионами, входящими в АЗРФ, многоуровневой пространственной инновационной политики применительно к муниципальным образованиям расположенным в различных территориальных зонах, учитывающих их специфику, уровень развития экономики, научно-образовательный и инновационный потенциал.

Принимая во внимание указанные выше особенности АЗРФ представляется целесообразным формирование региональной инновационной системы проводить в тесном взаимодействии с территориальной подсистемой, на базе конкретных локальных инновационных систем в муниципальных образованиях – городских округах, городских и сельских поселениях.

Данные особенности дают основание пересмотреть роль

периферийных микрорегионов в развитии инновационных систем и повысить статус и значимость локальных инновационных систем в АЗРФ. Базовый уровень РИС в АЗРФ должен быть привязан к местам непосредственного проживания и деятельности населения. Наличие в структуре города активных творческих единиц будет являться главным потенциалом, источником и приемником инноваций. Таковым может являться научная или образовательная организация, муниципальные органы власти, любые другие субъекты и объекты перед которыми стоят задачи повышения эффективности деятельности, прибыльности, безопасности и качества жизни населения. Вопрос, однако, в том готов ли субъектный состав этих поселений к изменению траектории своего развития, восприятию и индукции инноваций, смене экономических моделей.

Можно говорить о процессе освоения и двух его возможных траекториях, имеющих фундаментальное различие [26]. Освоение как развитие (development) предполагает новую онтологию места, кардинальную смену его внутреннего и внешнего обустройства, зачастую, в историческом плане, проходившего антигуманно, антиэкологично, безнравственно. Освоение как совершенствование (mastering) напротив не предполагает коренных онтологических преобразований, но расширение собственных ресурсов и средств, а также ресурсов и средств осваиваемых территорий, с построением коммуникаций с осваиваемым миром.

Из теоретически возможных моделей освоения как совершенствования предпочтение отдается хозяйственной модели, имея в виду ее принципиальную особенность: хозяйство, в противоположность производству, ориентировано ценностным образом, а не целевым [27]. Хозяйственное освоение имеет смысл обустройства жизни, прежде всего. Хозяйственное освоение – это сбережение ресурсов, их приумножение в ходе эксплуатации, опять-таки в противоположность производству, которое практически всегда связано с изыманием природных ресурсов. Хозяйственное освоение по своей воспроизводственности – «навсегда», оно делается так, чтобы осваиваемый ресурс и осваиваемая земля были неисчерпаемы в своем объеме и в своей красоте [26].

Именно хозяйственное освоение желательно чтобы стало предполагаемой основной формой и содержанием программ

инновационного развития территорий муниципальных образований АЗРФ, особенно территорий с сельскохозяйственной направленностью экономики. В любом случае при проектировании РИС и выборе экономической модели необходимо учитывать готовность муниципальных акторов к инновационному развитию.

Отсутствие научно-образовательного потенциала в конкретном населенном пункте не является основанием для отказа от инновационного пути развития, создания локальной инновационной системы. Инновационное развитие включает не только процесс создания инноваций, но и их внедрение, и получение от этого значительного коммерческого результата. Поэтому, регионы, в которых научно-образовательный потенциал недостаточно развит, могут заимствовать инновации в других регионах, а также развить в регионе совместную с традиционными центрами компетенций образовательную и научно-исследовательскую базу [28].

Развитие технологического и экономического уровня муниципалитетов с использованием инновационного потенциала населения и организаций, во взаимодействии и кооперации с бизнесом и научным сообществом, как внутри региона, так и во вне, способно стать основным фактором экономического роста [28].

С учетом проведенной типологизации субъектов АЗРФ и муниципальных образований, рассматривая и оценивая их экономический, научно-образовательный и инновационный потенциал были сформулированы три специфические модели инновационного развития для построения локальных инновационных систем (ЛИС) и дан перечень населенных пунктов, в которых рекомендуется их применение (таблица 8):

- 1) генерирующая – в населенных пунктах, обладающих развитой наукой и системой образования;
- 2) развивающаяся – в населенных пунктах, имеющих возможность развивать в городе образовательную и научно-исследовательскую базу;
- 3) внедряющая – в городских и сельских поселениях, не имеющих в среднесрочной перспективе возможности или в связи с нецелесообразностью создания условий для развития подсистемы генерации знаний и компетенций.

Таблица 8

Специфические модели экономического развития инновационных систем в
АЗРФ

Модель	Состав	Пояснения
Генерирующая	Мурманская область: Апатиты, Мурманск Архангельская область: Архангельск Всего 3 населенных пункта.	В муниципальных образованиях сложились условия для активной инновационной деятельности генерирующего типа на базе имеющегося научно-инновационного и человеческого потенциала
Развивающаяся	Мурманская область: города Кировск, Мончегорск, Оленегорск, Полярные Зори, Ковдор, Кандалакша, Заполярный, п.г.т. Никель Архангельская область: города Северодвинск, Новодвинск, Онега Ненецкий АО: город Нарьян-Мар, пгт Искателей Республика Коми: город Воркута Ямало-Ненецкий АО: города Салехард, Лабытнанги, Надым, Новый Уренгой, Тарко-Сале, Губкинский, Муравленко, Ноябрьск Красноярский край: города Норильск, Дудинка Чукотский АО: города Анадырь, Билибино Всего 26 населенных пунктов.	В муниципальных образованиях имеются условия для развития инновационной деятельности, успех которой в большей мере будет зависеть от целенаправленной региональной и муниципальной инновационной политики
Внедряющая	не перечисленные выше экономически слаборазвитые аграрные муниципальные районы, поселения, ЗАТО Мурманской области, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского АО, Туруханского района, Таймырского (Долгано-Ненецкий) муниципального района Красноярского края, улусы Республики Саха (Якутия) Всего 734 населенных пункта.	в муниципальных образованиях может развиваться внедряющий тип инновационной системы при условии восприятия инноваций как основного фактора роста со стороны органов местного самоуправления

В заключение кратко обозначим основные функции трех специфических моделей ЛИС.

В функции внедряющих ЛИС входит:

- регулятивная (правовая), в т.ч. формирование инновационной политики, выбор приоритетов, активизация инновационного процесса;
- проектная деятельность, разработка инновационной стратегии;
- обеспечение ресурсами и координация;
- обеспечение межрегионального информационного взаимодействия направленного на получение необходимых знаний и технологий;
- формирование благоприятной институциональной среды и условий для субъектов инновационной деятельности;
- создание локальной инновационной инфраструктуры, с использованием отраслевых инновационных систем.

В функции развивающихся ЛИС, дополнительно к внедряющим, входит:

- создание условий для развития образования в приоритетных отраслях совместно с промышленными предприятиями (региональные промышленные университеты);
- стимулирование разработки собственных инновационных технологий и их внедрение.

В функции генерирующих ЛИС, дополнительно к внедряющим, входит:

- поддержание высокого уровня творчества в образовательных и научных учреждениях, повышение их технологического и кадрового потенциала;
- развитие сети филиалов ВУЗов и научных центров в перспективных городах;
- стимулирование разработок инновационных технологий и их внедрение, в т.ч. в других регионах.

Выводы:

1. Предложен научно-методологический подход к региону как сложноустроенной, открытой социально-экономической системе, функционирующей в установленных административно-территориальных границах, обладающей индивидуальным набором ресурсов и потенциалов, сформировавшихся в ходе исторического и социально-экономического

развития, эволюционирующей в направлении установленных стратегических целей, с учетом имеющихся объективных возможностей, внешних и внутренних факторов.

2. В социально-экономической системе мезорегиона (субъекта РФ) выделена территориальная подсистема, являющаяся совокупностью входящих в него микрорегионов (муниципальных образований) в установленных административно-территориальных границах, представленная муниципальными районами, городскими округами, городскими и сельскими поселениями, обладающих собственными социально-экономическими системами и подсистемами.

3. В результате типологизации субъектов РФ входящих в АЗРФ выявлено два основных типа:

- обладающие крупной промышленностью и транспортом, взявшие курс на экономические реформы;

- экспортно-ориентированные сырьевые, добившиеся экономической самостоятельности от федерального центра.

Муниципальные образования, входящие в состав арктических субъектов РФ, разделены на три основных экономических типа: промышленные – обладающие промышленностью и транспортом; сырьевые – обладающие экспортно-ориентированной сырьевой промышленностью; аграрные – экономически слаборазвитые аграрные (периферийные) регионы.

4. Сформулирован методологический подход и произведена комплексная рейтинговая оценка инновационного развития арктических территорий субъектов РФ. Выявленные особенности актуализируют необходимость проведения регионами, частично входящими в АЗРФ многоуровневой пространственной инновационной политики применительно к муниципальным образованиям расположенным в различных территориальных зонах, учитывающих их специфику, уровень развития экономики, научно-образовательного и инновационного потенциала.

5. Предложено формировать региональные инновационные системы в арктических регионах в тесном взаимодействии с территориальной подсистемой, на базе конкретных локальных инновационных систем в муниципальных образованиях – городских округах, городских и сельских по-

селениях, при объединяющей и координирующей роли соответствующего субъекта РФ.

6. Определены три специфические модели инновационного развития в населенных пунктах АЗРФ: генерирующая – в населенных пунктах, обладающих развитой наукой и системой образования; развивающаяся – в населенных пунктах, имеющих возможность развивать в городе образовательную и научно-исследовательскую базу; внедряющая – в городских и сельских поселениях, не имеющих в среднесрочной перспективе возможности или в связи с нецелесообразностью создания условий для развития подсистемы генерации знаний и компетенций. Сформулирован основной функционал локальных инновационных систем, создаваемых по указанным моделям. Предложен перечень населенных пунктов, в которых рекомендуется их применение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Ефремов А.А.** Проектно-ориентированное управление социально-экономическим развитием региона: дисс... д-ра экон. наук. 08.00.05 – М.: ГУУ, 2003. 450 с.
- 2. Столяров М.** Регионализм в Европе и в Российской Федерации // Международная жизнь. 1997. № 9. С. 100-106.
- 3. Шанин С.А.** Территориальная стратифицированность экономического пространства: особенности и типология // С.А. Шанин / Белгород, 2005. - С.58.
- 4. Дьякова О.В.** Экономический анализ региональной поляризации: Моногр. /под науч. ред. Б.И. Герасимова // О.В. Дьякова, Б.И. Герасимов. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та. – 2003. ISBN: 5-8265-0218-5
- 5. Гладкий Ю.Н.** Основы региональной экономики/ Ю.Н.Гладкий / СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 1998.- С. 21.
- 6. Милькина И.В.** Теоретические основы формирования стратегии инновационного развития территорий // Инновации. 2007. №10. С.81-87.
- 7. Бияков О.А.** Экономическое пространство региона: процессный подход/ О.А. Бияков.-Кемерово: КузГТУ, 2004.-244с.
- 8. Понамаренко С.А., Хоружий В.И.** Социально-экономические подсистемы региональной экономики // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011. №35. С. 59.
- 9. Amable B., Petit P.** (1998). Innovation and Growth. A Comparative Analysis of Institutional Approaches. Draft, CEPREMAP.

10. **Гранберг А.Г.** Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации // Вопросы экономики. 2001. № 9. С. 15-27.
11. **Лапаева М.Г., Лапаев С.П.** Регион как пространственная социально-экономическая система государств// Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. №. 8 (144). С. 133-143.
12. **Лапаев С.П.** Типологизация регионов России: инновационный подход // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. №. 8(169). С. 100-105.
13. **Боброва В.В.** Типология российских регионов// Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. №. 8. С. 47-51.
14. **Кашин В.И.** Региональное развитие и промышленная политика (рабочие материалы) / В.И. Кашин.- М., 1998. - С.9.
15. Указ Президента РФ от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».
16. **Павленко В.И.** Проблемы и перспективы освоения Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальных интересов в Арктике. Архангельск : Материалы совместного заседания Совета РАН по координации деятельности региональных отделений и региональных научных центров РАН и Научного совета РАН по изучению Арктики и Антарктики, 2 апр 2010.
17. **Бондаренко Л.А., Аполонский А.О., Цуневский А.Я.** Арктическая зона России. Углеводородные ресурсы: проблемы и пути решения. Москва: ИАЦ "Энергия", 2009.
18. **Цукерман В.А., Селин В.С.** Инновационное развитие России и ресурсно-сырьевой комплекс Севера // Модернизация. Инновации. Развитие. 2013. № 16. С. 61-67.
19. Материалы международной научно-практической конференции «Инновации, как фактор устойчивого развития Арктики. Салехард: б.н., ноябрь 2011.
20. **Бортник И.М., Зинов В.Г., Коцюбинский В.А., Сорокина А.В.** Индикаторы инновационного развития регионов России для целей мониторинга и управления // Инновации. 2013. № 11 (181) С. 21-32.
21. Интернет ресурс НИИРИТ.
<http://www.cnews.ru/news/line/index.shtml?2014/07/22/580181>. Дата обращ. 5.05.2015.
22. Интернет ресурс ВШЭ.
<https://www.hse.ru/data/2016/04/15/1129682706/Innovation%20in%20the%20RF%20regions.2nd%20edition.pdf>. Дата обращения 5.05.2015.
23. **Деттер Г.Ф.** Институты развития научного и инновационного потенциала арктических субъектов Российской Федерации и их роль в социально-экономическом развитии региона // Инновации. 2014. № 7(189). С. 69-80.
24. **Гладышева И.В.** Инновационное развитие территорий Арктической зоны: проблемы анализа и оценки. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Мат-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Апатиты, 14-16 апреля 2016 г.

- 25. Цукерман В.А., Горячевская Е.С.** Оценка инновационного климата Арктической зоны Российской Федерации. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Мат-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Апатиты, 14-16 апреля 2016 г.
- 26. Левинтов А.Е.** Модели освоения и использования территорий и ресурсов. Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). Отв. Ред.: С. Артоболевский, Л. М. Синцеров. М.: Институт географии РАН, 2008. с.43-66.
- 27. Булгаков С.Н.** Философия хозяйства. — М.: Наука, 1990. — 412 с.
- 28. Глухов В.В., Детгер Г.Ф., Туккель И.Л.** Создание региональной инновационной системы в условиях Арктической зоны Российской Федерации: проектирование и опыт реализации // Инновации. 2015. № 5, (199). С.86-98.

УДК 1(091)

В. М. Камнев, А. М. Соколов

ФИЛОСОФИЯ И ЖУРНАЛИСТИКА: РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. ¹

Тема статуса философской журналистики имеет довольно важное, хотя и не проясненное до конца значение. Дело в том, что философия и журналистика во многих аспектах представляют собой противоположности, и это обстоятельство способно вызвать вполне правомерные сомнения в самой возможности существования философской журналистики.

В то же время, как и в других случаях сочетания несочетаемого, опыт соединения философского дискурса и дискурса журналистики может принести весьма любопытные результаты. Один из примеров – это концепция историко-философского процесса А.И. Маилова. Рассматривая историю русской религиозной философии в ее постреволюционный, связанный с зарубежьем период, А.И. Маилов в качестве «узловых пунктов» развития философской мысли выделяет именно те точки столкновения взглядов, концепций, подходов различных философов, которые нашли свое выражение прежде всего в публицистических статьях. Эти «узловые пункты» были сформулированы в соответствии со всеми необходимыми правилами дискурса журналистики, и именно поэтому привлекли к себе всеобщее внимание, оказавшись впоследствии предметом более сложных теоретических спекуляций, оформленных в трактаты, научные статьи, доклады и т.д. При таком подходе раскрывается живая картина историко-философского процесса, который развивается не столько по своим собственным внутренним закономерностям, сколько в силу обусловленности текущей социально-политической конъюнктурой. Такая «текущая жизнь» философского духа органично укладывается в характерные гегельянские представления о философии как о квинтэссенции определенной

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда «Отечественная философская журналистика. 1917-1922 гг.» (проект № 16-03-00623).

исторической и культурной эпохи. Было бы интересно экстраполировать этот подход на другие периоды развития философской мысли, а также исследовать возможность его универсального применения, т.е. возможность построения такой картины историко-философского процесса, где философия развивается по канонам журналистики.

Журналистика в такой концепции историко-философского процесса играет роль посредника между религией и философией. Цель историко-философского процесса заключается не в одном только развитии философии. Это цель более универсальная, и ее достижение предполагает взаимное обогащение религии и философии. Эти два полюса, в свою очередь, в процессе взаимного обогащения религии и философии, репрезентируются в историко-философском процессе, соответственно, богословием и религиозной философией, как формообразованиями, уже самим фактом своего существования свидетельствующие о начавшемся процессе взаимного обогащения религии и философии и представляющие собой первый результат их взаимного сближения. Именно в этом смысле для А.И. Маилова наиболее показательной формой историко-философского процесса является история русской философии. На философскую журналистику возлагается особая миссия: «журнал "Путь" как Евангелие Русской Религиозной Философии и Благая Весть о сформировавшейся Русской Идее» [4, 24].

Наша отечественная история имеет довольно богатый опыт сочетания журналистики и философии. Достаточно назвать две фамилии из числа тех людей, которые хотя и были журналистами по своей основной профессии, но оставили после себя заметный след и в истории русской философской мысли. Это Вас. Розанов и М.О. Меньшиков. Оба они не смогли пережить революционные события, и поскольку их жизненный путь обрывается в пламени, рожденном революцией 1917 г., то и их литературная судьба имеет определенное отношение к теме связи философского дискурса и дискурса журналистики. И Вас. Розанов и М.О. Меньшиков – носители идеологии русского консерватизма, страстные защитники тех ценностей российской государственности и русской культуры, которые вместе с ними погибли в горниле революционной катастрофы.

От консервативной традиции русской мысли XIX столетия, в первую очередь от К.Н. Леонтьева, В.В. Розанов унаследовал представление о государстве как организме, т.е. как о живой телесной субстанции, проходящей в течение своего существования неизбежные стадии рождения, роста, зрелости, дряхлости и смерти. Но у В.В. Розанова существование этого организма фактически отождествляется со всем культурным, политическим и экономическим пространством России. Россия как живой организм предстает как магически освященная телесность. Это уже известный до В.В. Розанова образ «Святой Руси», но теперь, в публицистике Розанова этот образ насыщается конкретикой картин повседневного быта, в силу чего он приобретает особую зримость и даже осязаемость. «Много есть прекрасного в России: 17-е октября, конституция, как спит Иван Павлович. Но лучше всего в чистый понедельник забирать соленья у Зайцева (угол Садовой и Невского). Рыжики, грузди, какие-то вроде яблочков, брусника – разложена на тарелках (для пробы). И испанские громадные луковицы. И образцы капусты. И нити белых грибов на косяке двери. И над дверью большой образ Спаса, с горящею лампадою. Полное православие» [9, 99]. Здесь читатель незаметно для себя самого переносится из пространства культурного и бытового своеобразия предреволюционной России в пространство сакральное, связанное с «иными мирами». Лавка при таком взгляде на вещи если и не отождествляется с храмом, то, по меньшей мере, сближается с ним. Но тот же самый прием позволяет Розанову осуществить сближение в ином направлении. Священное, в известной мере трансцендентное пространство храма «омирщвляется», приземляется, обретает физическую плотность и материальность. Крайности сходятся, в результате чего сакральное воплощается в быте, а быт раскрывает свое религиозное измерение. «В чистый понедельник грибные и рыбные лавки – первые в смысле и даже в истории. Грибная лавка в чистый понедельник равняется лучшей странице Ключевского (первый день Великого Поста)» [9, 99]. «Частная жизнь» возвеличивается, обретает черты возвышенного, черты эстетики священного.

Такое представление о русском социальном и государственном космосе – несколько упрощенное, мирское истолкование славянофильской концепции церкви. Однако теперь это представление переносится на

социум в целом, где каждый человек, как в Церкви А.С. Хомякова, находит себя самого, «но себя не в бессилии своего духовного одиночества, а в силе духовного единения, с братьями, со Спасителем. Он находит в ней себя в своем совершенстве или точнее – находит в ней то, что есть совершенного в нем самом» [9, 99]. Подлинное основание миропорядка, культуры тесно связано с душевным строем человека, следующим из утверждения уникальности личности. «Церковь есть первореальность – и в приобщении к ней впервые и отдельная личность открывается самой себе – не в случайных эмпирических проявлениях, а в своем подлинном и глубинном начале» [9, 99].

Общество, в котором оживают соборные начала, таким образом, оказывается органическим единством входящих в него людей, осуществляющих преобразование, то есть восстановление разрозненной, разобщенной действительности. «Живя, мы соборujemy сами с собой – и в пространстве, и во времени, как целостный организм, собираем воедино из отдельных взаимоисключающих – по закону тождества – элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр. и пр. Подобно мы собираем в семью, в род, в народ и т. д., собираясь до человечества и включая в единство человечности весь мир» [12, 343]. Понимаемое таким образом «соборование», воцерковление исключает унифицированную неразличенность. Напротив, оно требует максимальной персонализации, но такой, при которой вся внешняя, эмпирическая обособленность служит космическому единению.

Сверхгосударственность, выражающаяся в осознании религиозного призвания, не отрицает ни одного социального института, но предполагает иное их смысловое наполнение. В книге «последнего славянофила», Д.А. Хомякова «Православие. Самодержавие. Народность», раскрыты универсальные значения труда, частной собственности, семьи, наконец, самого государства. Автор поясняет, как явления жизни, выполняющие, казалось бы, специфическое, утилитарно-прагматическое предназначение, при более основательном рассмотрении раскрывают свой целостный религиозно-нравственный смысл. Так «труд поставлен неизбежным следствием грехопадения», в котором необходимо усматривать «не только наказание падшему человеку, а благодетельное для него установление; ибо

без этого труда его падшая натура пала бы еще ниже»; «неравенство материальное есть результат душевной аномальности людей». Государство признается как «неизбежное, так сказать, природное явление истекающее из природы от века искаженного человечества». Положительное его содержание заключается в «охранении того, что народу дорого», то есть охранении его «духовно-культурных начал, составляющих его суть» [13, 67].

Аналогичные органицистские представления разделял и К.Н. Леонтьев, у которого в качестве принципа, упорядочивающего политические и культурное многообразие русского мира, выступает византизм. Византизм – это кесаризм, осененный православием, сдерживаемый и ограничиваемый его мистикой, гарантирующий крепость культурных оснований. По Леонтьеву византизм – это культурная, историческая судьба России. «Византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм» [2, 326]. «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим, еще старым и грубым вначале, славянским материалом» [2, 331]. Для России византизм – это форма выражающая идею, внутренний деспотизм которой удерживает национальную культуру в единстве; форма, подчиняясь которой, элементарный «этнографический материал» превращаются в культурно-историческую действительность. Значимость российской действительности predetermined исторически. «Сила наша, дисциплина, история просвещения, поэзия, одним словом, все живое у нас сопряжено органически с родовой монархией нашей, освященной православием, которого мы естественные наследники и представители во вселенной» [2, 331].

От византизма на Руси – богатство, разнообразие форм, являющиеся признаков жизнеспособности цивилизации. Именно он положил начало процессу культурного развития Руси и России; процессу «постепенного восхождения от простейшего к сложнейшему, постепенной индивидуализации, обособления, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой – от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений» [2, 374]. Так Русь отличила себя от Византии, а

Россия – от Западной Европы.

Единение церковного и мирского, мистического и политического – главная роль византизма в русской истории. Византизм – это политический деспотизм, осененный религиозностью. Его Леонтьев противопоставляет и рассудочно-отвлеченной теории «всеобщего блага», и примитивно натуралистической доктрине национально-племенной идеологии. Мистика и политика сведены к одному знаменателю, заключающему их парадоксальную связь в следующую формулу: «Государство держится не одной свободой и не одними стеснениями и строгостью, а неуловимой пока еще для социальной науки гармонией между дисциплиной веры, власти законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а, с другой, реальной свободой лица» [3, 132]. Стеснительные силы церкви и государства – это необходимая предпосылка продуктивной творческой активности тех, чьими усилиями культура движется в своем развитии. Можно сказать, что государство завершает внешнее выражение форм традиции.

Разделяя порожденные этой традицией идеи, Розанов иначе расставляет акценты, выстраивает иную аксиологическую иерархию. Известно определение Розановым семьи «как высшей аристократической формы существования». Роль важнейшего мировоззренческого принципа у Розанова выполняла интуиция семейной гармонии. Сохранение этой гармонии было предметом постоянных тревог и забот Розанова, и когда критики оценивают его обращение к «метафизике пола», к языческим космогониям и к «фаллофорическим» культам древности, они не должны забывать, что это обращение не было направлено на какую-то реформу церковного вероучения. Цель Розанова всегда заключалась в том, чтобы обогатить христианскую философию семьи. Однако, это было именно обогащение, а ни в коем случае не изменение. Ради достижения этой цели, как полагал Розанов, можно и нужно отказаться от политики и от самых разнообразных проектов преобразования общества. Проблема России, согласно Розанову, как раз и заключается в излишнем увлечении такими проектами, тогда как на самом деле России следовало бы погрузиться в «частную жизнь», принять на вооружение нечто вроде религии семьи. Сам Розанов так определял значение этой задачи: «...семья никогда не делалась у нас предметом философского исследования, оставаясь темой богатого

художественного (беллетристического) воспроизведения, поэтического восхищения, наконец – шуток, пародий, и чем дальше – тем больше переходя в пищу последних. Таково явное, en face, к ней отношение. Позади, в темном фоне, стоит странное к ней недоброжелательство ли, или недоверие, сомнение в ее силах и плоде: женщина – это причина греха человеческого, внимание к ней – недоброкачественно, любовь – обольстительное и тем более опасное ощущение, сладкий яд искушения; дети, плод сближения, уже с самого рождения – осуждены» [8, 1]. Апологетика семьи, создание религиозно-философской концепции семейных и бытовых отношений представляют собой в предреволюционной России наиболее актуальные задачи. Только в контексте этих задач следует понимать его утверждение, что «...пол – Абсолют, брак – явленность божественного мира, зачатие – «соединение ноуменального и реального». [6, 24]. Это не новая модернистская эротософия, а утверждение первичности семьи. Церковь, государство не имеют самодостаточной ценности, но обретают свое истинное предназначение как союзники семьи. Семья в такой перспективе – это не ячейка общества, и не опора государства. Наоборот, государство, общество в целом представляют собой опору семьи. Государство должно подчинить все свои цели и задачи исполнению социальных заказов, направленных на защиту и поддержку семьи. Культ семьи должен в идеале включить в свое содержание культ мужчины, культ женщины, культ ребенка. Это понимание скрытым образом живет в недрах государственного организма, так как именно тогда, когда государство требует для себя всеобщего поклонения и жертв, оно преподносит себя как Отечество, то есть, как «большую семью».

Консерватизм Розанова – это семейный консерватизм, главным пафосом которого является стремление во что бы то ни стало сохранить сам институт семьи, сохранить в те времена, когда «в человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства; и в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства». [7, 413].

В той мере, в какой этот пафос разделялся главными представителями русской консервативной мысли, надвигавшиеся революционные события воспринимались в консервативной журналистике не в качестве грядущих политических и социальных перемен, в какой-то степени неизбеж-

ные и даже желательные, а как глобальная космическая катастрофа, влекущая за собой неизбежную гибель и государственного организма и всего уклада цивилизованной жизни человека. «Весь мир – и в том числе Россия – бредит обновлением; самые неподвижные народы точно сорвались с мертвых якорей, и не только образованный слой, всюду неудовлетворенный и тревожный, – даже простонародные слои охвачены страстной жаждой нового и небывалого... Подобно сумасшедшим, культурные народы не замечают некоторых навязчивых идей, между тем они явно развиваются и охватывают чуть ли не весь человеческий род. Отдаленных предков наших не без основания упрекают в консерватизме, почти безумном по своей фанатичности. Однако и теперешнее безоглядочное стремление к новизне смахивает на психоз» [5, 82]. По мере того, как любые перемены, не только революционные, воспринимались негативно, утверждалось представление о том, что консерватизм – это древнее традиционное мировоззрение, в основе которого лежит недоверие к переменам вообще. «Мания постоянства, характеризующая старину, и мания непостоянства, свирепствующая в наше время, относятся между собою как закон и преступление. В самом деле, консерватизм так называемого старого режима напоминал законность: худая или хорошая, но жизнь в старину принимала характер закона природы. Неизменные социальные и иные отношения, подобно законам физики, принимались как они есть... К феодальным и католическим принципам приспособлялись, испытывая все выгоды исполненного закона. В лучшие моменты тогдашнего равновесия достигался неизвестный теперь порядок, и подавляющему большинству людей, сверху донизу, было удобно и хорошо» [5, 84]. Выдвигалась идея тождества законов общества и законов природы, которые обладают одинаковой степенью стабильности и неизменности. В то же самое время любое желание изменить законы общества воспринималось в консервативной журналистике как преступное намерение. Формировался образ гипотетического человека, испытывающего необъяснимую с точки зрения здравого смысла тягу к вечным переменам. Такому человеку представляется, что он подчинен стремлению к творчеству, к созиданию, тогда как на самом деле такое бесцельное преобразование незыблемых социальных и природных основ мироздания сводится к их разрушению.

Своей обязанностью консервативная журналистика считала предупредить человечество, что как только эти основы будут разрушены, мироздание погрузится в бездны хаоса.

Описание грядущей катастрофы, нависшей над Россией опасности погружения в хаос – это задача, которая требовала иных средств, нежели те, которые предоставляла академическая философия и ее понятийно-категориальный аппарат. В то же время одни только художественные средства, которыми могла воспользоваться литература, не соответствовали масштабу надвигающейся катастрофы. Поэтому философская публицистика именно в эти тревожные времена стала наиболее востребованным жанром. Немалую роль играло и представление, что грядущая катастрофа, готовая обрушиться на Россию, была закономерным следствием ее длительного уклонения от своей истинной исторической судьбы. Многие представители консервативной журналистики были убеждены, что увлеченность чуждыми идеалами, проникшая с реформами Петра, смутила сначала умы верхушки русского общества, а после постепенно распространилась и на сознание почти всех остальных его слоев. Вот почему даже те преобразования, в которых, на самом деле, нуждалась Россия, зачастую проводились без должного согласования с реальными условиями их проведения. Так, в целом признавая целесообразность технического переоснащения России, проведенного Петром, консерваторы подчеркивали, что эта задача «была выполнена именно так, как не надо было ее выполнять, и произошло именно то, чего следовало больше всего опасаться: внешняя мощь была куплена ценой полного культурного и духовного порабощения России Европой» [11, 120]. Подлинным мотивом деятельности первого русского императора, была «не привязанность к реальной, исторической России, а страстная мечта о создании из русского материала великой европейской державы» [11, 120]. Таким образом, в консервативной среде складывалось резко негативное отношение не только к «революции снизу», но и к «революции сверху», ко всем преобразованиям, осуществляемым по воле правящего класса.

В наши дни обращение к наследию русской консервативной мысли, в том числе и к наследию предреволюционной консервативной журналистики приобретает особую актуальность. Судьба России представляет собой специфическую проблему русской философии вообще.

Тревога о судьбах России отличает русскую философию от любой другой национальной философии. В сущности, вся история русской философии начинается с того, что русская мысль ставит перед собой, по словам В.С. Соловьева, «беспольный в глазах некоторых, слишком смелый по мнению других ... вопрос о *смысле существования России* во всемирной истории» [10, 219]. Когда-то этот вопрос объединял и западников и славянофилов, и атеистов и теистов, и либералов и консерваторов. Все направления русской мысли сходились во мнении, что России суждено великое будущее, что божественным промыслом на Россию возложена некая всемирная миссия.

История XX столетия начинается с серии революционных катастроф России, предчувствиями которых была насыщена предреволюционная консервативная журналистика. Сегодня идея особой исторической миссии России воспринимается, в большей степени, как достояние исторической науки, не имеющее актуальности в современных реалиях. В наши дни идею особой исторической миссии России связывают с консерватизмом, и опыт осмысления этого вопроса у наиболее ярких представителей русского консерватизма сохраняет свое значение. Распад СССР свидетельствует, что современная Россия во многих отношениях утратила единство людей и народов, проживающих на ее территории. Существует разделяемое многими убеждение, что от опасности распада не застрахована и Россия. В этом смысле консерватизм во всех его формах – философской, религиозной, политической, правовой – актуален в наши дни в гораздо большей степени, чем в XIX веке. Мы можем потерять очень многое, и поэтому нам есть что сохранять.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Зеньковский В.В.** История русской философии в 2-х т. Л., 1991. Т.1.
- 2. Леонтьев К.Н.** Византизм и Славянство //Леонтьев К.Н. ПССиП в 12-ти т. СПб., 1999-2007. Т.7(1),
- 3. Леонтьев К.Н.** Чем и как либерализм наш вреден? //Леонтьев К.Н. ПССиП в 12-ти т. СПб., 1999-2007. Т.7(1),
- 4. Маилов А.И.** Судьба русской философии в XX столетии (Почему мы не остаемся в провинции) \\ Метафилософия или философская рефлексия в пространстве традиций и новаций. СПб. 1997.
- 5. Меньшиков М.О.** Письма к русской нации. М. 2005.

6. **Орлова Н.Х.** Семья и семейный вопрос в философии В.В. Розанова \\ Мат-лы междунар. науч. конф. "Мужское и женское в культуре". СПб, 26-27 сент. 2005.
7. **Розанов В.В.** Мимолетное. М. 1994.
8. **Розанов В.В.** Семейный вопрос в России. В 2 т. СПб., 1903. Т.1.
9. **Розанов В.В.** Уединенное. М. 1998.
10. **Соловьев В.С.** Русская идея // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2.
11. **Трубецкой Н.С.** Об истинном и ложном национализме // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995
12. **Флоренский П.А.** Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П. А. Соч.: В 4 т. Т. 2.

УДК 321:02

Д. В. Кацы

НАКАНУНЕ МАЙДАНА: ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВО УКРАИНЫ КАК КОМПОНЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Многоаспектность проблемы наличия или отсутствия связи между такими явлениями как развитие технических возможностей для обмена информацией в пределах территории конкретной страны и формированием её внешнеполитических приоритетов заслуживает внимания. В чём такая связь себя проявляет и как, – прямо или косвенно? Насколько она устойчива и при каких условиях контролируема? Способствует ли она укреплению позиций государства на международной арене и его развитию или, наоборот – вот лишь некоторые из вопросов, которые будут периодически требовать детальных и своевременных уточнений. Высокую актуальность такие вопросы обрели и в случае современной Украины, испытывавшей на себе информационное влияние геополитически разнонаправленных реалий – России и стран Евросоюза, весомую роль в определении внешнеполитических приоритетов которого играют США. В таком сложном «общем» контексте, существенным (если не определяющим) моментом для Украины является её «промежуточное» положение в складывающейся системе европейской безопасности, свидетельствуя о несовпадении интересов России и стран трансатлантического сообщества на постсоветском пространстве.

При всём богатстве существующих мнений по данному сюжету, за их совокупностью часто просматривается главное соображение. А именно, – между стратегическими, политическими, экономическими и нормативными интересами России, и США продолжает развиваться фундаментальное противоречие. И если в России считают «общее» соседство Украины с Россией и Европейским союзом совсем не общим, то в США – доминирующее мнение диаметрально противоположно. Украина, в свою очередь, подвергается мощному влиянию различно

ориентированных в своих стратегиях развития объединений, лавируя в поиске возможностей для развития собственного обустройства.

В целом это делает украинский пример сложным для понимания того, как именно и насколько быстро развитие информационных технологий меняет общественные представления, влияя на процессы принятия внутривластных и внешнеполитических решений в стране. Существующий спектр уместных соображений и мнений по данному поводу вряд ли целесообразно пытаться рассмотреть в данной статье, но обратит внимание на часть характерных моментов с целью *рационализации их переосмысления*, показав, что вхождение современной Украины в глобальную информационную среду происходило противоречиво благодаря влиянию её внешнеполитического окружения – представляется уместным.

Отчасти, проблема в том, что многомерность и масштабность такого динамичного явления, как распространение в мире способов интернет-коммуникации вряд ли возможно оценить полностью. Отчасти потому едва ли не в каждой стране, и на Украине в частности, оно воспринималось минимум двойственно. Сторонники введения ограничений традиционно апеллировали к тревожным симптомам, требующим урегулирования информационных потоков и установления необходимых форм контроля, предваряющихся организованными пропагандистскими кампаниями, подчёркивающими опасности использования интернета. Представители других, ратующих за бóльшую информационную открытость, частей общества акцентировали, что интернет-коммуникации создают возможности для получения социально значимой информации, являясь не только средством удовлетворения информационного и/или сенсорного голода, но и необходимым для интегрирования в профессиональную глобальную среду инструментом. В любом случае – масштабы ведущейся сегодня в мире информационной активности, безусловно, способны поражать воображение.

Так, например, по данным, опубликованным предоставляющим образовательные услуги сайтом *www.mbaonline.com* в апреле 2012 г., в мире за один день пользователи Интернета скачивали 1288 «новых», т. е., ранее не известных им приложений, загружали 864 тыс. видео-роликов на сервис

YouTube, тратили 22 млн. часов на просмотр популярных фильмов и телепередач, вносили 532 млн. изменений в данные о своём статусе, проводили 4,7 млрд. мин. в наиболее разветвленной социальной сети Facebook (172 млн. пользователей) и, вероятно, меньшее количество времени в сетях поменьше: – Twitter (40 млн. пользователей), LinkedIn (22 млн.), Google+ (20 млн.). За один день в Сеть выкладывалось 2 млн. постов в объёме, который журнал Times при своих современных возможностях опубликовал бы за 770 лет, отправлялось 394 млрд. сообщений по электронной почте, а объём потребляемого пользователями в день интернет-трафика мог бы заполнить 168 млн. DVD-дисков.

Вместе с тем, сколь бы очаровательной не представлялась картина глобально расширяющихся информационных потоков, – в прямой зависимости от них ни внутривнутриполитическая жизнь, ни внешнеполитическая активность государств пока не оказывались. Упомянутый сайт *www.mbaonline.com* сам невольно подтверждает этот факт, упоминая в числе прочих данных о том, что в мире за один день продавалось больше айфонов (378 тыс.), чем рождалось детей (371 тыс.), наводя на мысль о дисбалансе уже имеющегося в данной области предложения и потенциального спроса в условиях усиливающейся глобальной конкуренции. Которая, разумеется, не сможет не обостряться.

Обострения на глобальном уровне, конечно же, влияют на внутривнутриполитическую жизнь отдельной страны. Однако отсюда не следует, что влияние глобальных тенденций является нерегулируемым фактором, в том числе в области распространения и применения информационных технологий. И если, например, полагать, что «оранжевая революция» на Украине не случилось бы без Интернета [1, с. 9] то придётся признать, что вовсе не интернет создавал её предпосылки или сыграл в ней определяющую роль, ибо непосредственно связывать такие явления, как распространённость информационных технологий и кризис общественного доверия правительству попросту неверно. Ни в странах Европейского союза, ни в странах Северной Америки, где ежедневная востребованность информационных технологий шире, чем на Украине, а интернет-пользователей явно не меньше, политическая активность населения последних десятилетий пока не приводила к смене политического

руководства страны вследствие массовых протестов избирателей. Более того, – в странах с устоявшимися традициями демократического управления население как раз не склонно оценивать деятельность своих правительств положительно – чаще наоборот. Этот факт подтверждается и выводами современных исследований [2], и древним, но убедительным, постулатом о том, что популярности правительств демократия не всегда способствует. Если данный постулат политическим лидерам (в том числе и на Украине) оказывался несимпатичен [3], то это вполне естественно.

Сам же по себе интернет вовсе не является панацеей, предназначенной, например, к преодолению неграмотности, искоренению бедности, свержению диктаторских режимов, или ускоренному развитию демократических способов управления в авторитарных государствах. Обоснованных аргументов, опровергающих подобное и схожие заблуждения в литературе последних лет, имеется достаточно [4]. Иное дело, что востребованность таких (как и любых других) выводов в конкретном обществе далеко не всегда удовлетворяется самим фактом их наличия, ведь широким массам населения малоинтересно то, что привлекает внимание конкретных собственников, отдельных политических игроков или освещающих их деятельность журналистов – у них разные интересы. Соответственно, и виртуальная сетевая активность не обязательно сопровождается переходом в реальную общественно-политическую жизнь [5], хотя распространённость современных средств коммуникации и не позволяет структурам государственной власти устанавливать, условно говоря, монополию на информацию. При всей значимости данного момента, его не стоит и преувеличивать.

Так, например, можно попытаться себе представить, что к моменту разрядки накопившихся в украинском обществе протестных настроений в 2004–2005 гг. в стране не оказалось бы интернета, а у протестующих – средств мобильной связи. Вряд ли в таком случае затяжной экономический и политический кризис на Украине разрешился бы скоро и безболезненно. Строго говоря, наличие новых технологий коммуникации не свидетельствует о том, что именно они имеют значение для разрешения множества общественно-политических проблем. Несомненно лишь то, что представители оппозиционно настроенной общественности использовали

интернет и мобильные телефоны для координации отдельных действий. Например, вели мониторинг выборов и организовывали масштабные акции протеста, действуя эффективнее групп граждан, оценивавших конкретный политический результат лояльно или нейтрально. В этом смысле, распространение интернета на Украине способствовало появлению дополнительных средств ведения внутривнутриполитической борьбы, имеющих стратегическое значение – как для организации политической оппозиции, так и для нивелирования возможностей её влияния. Однако собственно наличие интернет-пространства и формирование в нём особой информационной среды не означает того, что консолидированные представления о выработке жизнеспособных моделей будущего развития возникнут в обществе автоматически и «сами по себе». Скорее напротив – падение авторитетов и обострение внутривнутриполитической борьбы на Украине имеет выраженный циклический характер. Так, например, Президент В. Ющенко потерпел поражение уже на следующих выборах, получив лишь около 6% голосов избирателей в обоих турах голосования.

Есть и другой взгляд на вещи. Суть его в том, что, по мере нарастания доступности соответствующей информации, руководству конкретной страны понадобится всё активнее и убедительнее разъяснять населению смысл предпринимаемых им действий, в том числе – внешнеполитических. Распространённость коммуникационных онлайн-технологий при этом рассматривается как вероятный «катализатор» процессов самоорганизации граждан, обретающих возможность обмена насущной информацией, следуя своим интересам не обязательно в конфликте с государственными и/или партийно-идеологическими структурами, но в меньшей зависимости от их опеки. Так ли это «на самом деле» для украинцев сегодня или нет – во многом дело их (во многом экспериментально) формирующихся предпочтений.

В этом смысле – на Украине дело обстоит несколько иначе, чем в странах Евросоюза, где несомненно больше активных последователей идеи о том, что развитие способов коммуникации с помощью интернета способствует ускоренным переменам внутривнутриполитической жизни и представлений о целесообразности внешнеполитической деятельности. Сторонниками воплощения этой идеи в жизнь в западных странах

детально разрабатывается развернутая система аргументации [6], во многом оправдывающая себя практикой и потому укореняющаяся в обществе. Однако, трудно не заметить, что реалии общественно-политической жизни на Украине и в странах Евросоюза существенно разнятся и значение интернет-пространства для разрешения отдельных насущных проблем и улучшения качества своей повседневной жизни украинцы явно не всегда воспринимали как нечто несомненное.

В этом смысле, – «влияние интернета» (как бы оно не определялось) на Украине не очень сравнимо с «европейскими стандартами». По данным 2010 г. интернетом пользовались менее десятой части её граждан, что признавалось «беспрецедентно низким» по сравнению со странами Скандинавии, где к тому времени интернет пользователи составляли более трех четвертей взрослой аудитории, или бывшими социалистическими странами – от трети до пятой части населения [7, с. 48]. По тем же данным, показатели вовлечённости в пользование интернетом украинской молодежи являлись самыми низкими в Европе, причем большинство молодых людей не чувствовали в этом особой необходимости [7, с. 49].

Разумеется, упомянутая ситуация не оставалась статичной. Буквально за пару лет она изменилась в количественном отношении [8], но насколько качественными стали изменения в самосознании граждан и какие параметры могли бы их характеризовать с большей степенью объективности – вопрос дискуссионный. Так, например, текущие обсуждения значимости интернета для развития украинского общества нередко начинаются с уточнений того, насколько многочисленна интернет-аудитория среди жителей страны. Уже на этом моменте, как правило, и выясняется, что опубликованные данные о количестве интернет пользователей в стране заметно противоречат и друг другу, и официальной статистике, рассчитываясь по разнящимся методикам и в различных целях. Связного представления о том, насколько органично интернет входит в жизнь украинского общества, при этом не возникает – оно остается избирательным по определению. Несомненной является лишь тенденция к росту вовлеченности населения страны в процессы интернет-коммуникации, освещаемая конкретикой отдельных прикладных

исследований. Единства взглядов при сегодняшних, часто весьма невнятно сформированных потребностях «использовать интернет», «изучать интернет», «зарабатывать в интернете» или «управлять интернетом» при этом, разумеется, не требуется, – ни в самой стране, ни на международном уровне. И если основная масса прогнозов, связанных с перспективами развития «украинского» интернета, как правило, оказывалась оптимистична [9], то не вопреки пониманию того, что уровень развития информационно-коммуникационных технологий в стране пока невысок, а рыночная привлекательность соответствующего сектора для многих потенциальных инвесторов неочевидна. Так в списке «The Networked Readiness Index», характеризующем 129 стран, Украина в 2010–2011 гг. занимала лишь 90-е место, уступая 77-е место России, а 88-е и 89-е – Пакистану и Перу [10].

Вместе с тем, важно, что Украина представляет собой потенциально крупный рынок сбыта не только собственно технологий и средств коммуникации, но и конкретного информационного содержания – *контента*. Воспринимать это содержание на самых распространённых сегодня в Сети языках – английском, китайском, испанском (и далее по списку), украинцам в массе своей сложнее, чем на русском, что, разумеется, учитывалось в целом ряде совместных проектов. Новости о политической деятельности и событиях в мире для массового потребителя при этом, не становились продуктом первоочередной необходимости, но считать расширяющийся «виртуальный мир» явлением сугубо самодостаточным и отдаляющимся от реалий «простой и обычной, народной жизни» было бы тоже неверно. Главным образом потому, что создаваемая искусственно «виртуальная реальность» влияет на знакомую нам повседневность не прямо, а косвенно. В этом смысле, всемирная WWW сеть для отдельно взятого человека и/или общества – это, в гораздо большей степени *источник* (нужных ему или нет) *представлений* о моделях и способах реорганизации или *переустройства* собственной жизни, нежели инструмент для воплощения в жизнь того или иного идейного содержания, или противодействия его реализации.

В пользу такого утверждения предлагается следующий аргумент. Сегодняшний украинский рынок (и не только он) способен, при всей своей

потенциальной привлекательности, быстро перенасыщаться в отдельных областях, например, в секторе интернет-торговли [11]. С одной стороны, высокой платежеспособностью населения современная Украина не отличается, а владельцам и производителям всевозможных товаров и услуг нужен готовый платить потребитель, а не абстрактный гражданин, политические предпочтения которого систематически «нуждаются» в определенной и планомерной корректировке с помощью предлагаемого ему информационного контента. С другой стороны, спрос людей на интересующий их информационный контент (который бывает и товаром) вряд возможно полностью удовлетворить в принципе. И если такой контент соответствует ожиданиям и/или важен для формирования определённого мировоззрения у большого количества людей, приобретая политическую значимость, – вряд ли это останется без внимания заинтересованных в осуществлении своих внешнеполитических стратегий, государств и/или их объединений. Увы, но любой источник идей – это всегда неконтролируемо, следовательно – небезопасно. Схожего рода соображения едва ли игнорируются едва ли не на каждом организационном уровне любого общества, особенно на государственном. Не выглядит исключением и украинский случай, хотя подход органов государственной власти страны к такому явлению как интернет ранее и не отличался особой определённой.

Отчасти именно поэтому «украинский» сегмент интернета (Уанет) охотно признавался достаточно свободным, как на уровне международных организаций, так и представителями предпринимательского сообщества [12. с. 21], отличаясь от, например, «российского» (Рунет) меньшим количеством действующих законодательных и технических ограничений [13]. Однако уже к началу 2013 г. в среде опытных украинских предпринимателей проявились и пессимистические ожидания, связанные с ростом введения ограничений свобод в Сети, несовершенствами действующего законодательства и недостаточной развитостью соответствующей инфраструктуры [14]. Последнее, конечно, не отменяло того факта, что для наиболее экономически востребованной и активной части населения страны интернет уже являлся атрибутом повседневной жизни, наряду с телевидением и мобильной связью [15]. Однако Украину в

целом вряд ли уже пора считать государством с постиндустриальной экономикой, где переход к информационному обществу более очевиден, а возможности населения влиять на процесс принятия политических решений, (в том числе с учётом генерируемых средой граждан инициатив «снизу») гораздо заметнее.

Есть и другие отличия. В западных странах, что отмечено и украинскими учёными, информационные технологии и способы их использования вынуждены в большей степени ориентироваться на «человеческий фактор» [16, с. 166]. В таком случае, интернет, «электронная коммерция», информационное взаимодействие граждан друг с другом и/или с органами власти рассматриваются как *взаимосвязанные* (а не изолированные) сферы деятельности, формируя интегрированную среду, необходимую для перехода к информационному обществу. Однако украинские программы информатизации последнего десятилетия ориентировались на укрепление государственных институтов – органов власти, механизмов взаимодействия государства с субъектами хозяйственной деятельности и развитие лояльных властям средств массовой информации [16, с. 166]. При таком подходе интересы большей части украинского общества часто оставались неучтёнными или игнорировались. Интегрированности во многом разрозненного украинского общества это, разумеется, не способствовало.

Вот лишь несколько из не самых экзотических для Украины тенденциозных примеров. В 2012 году в Закарпатье участились практиковавшиеся и ранее поджоги автомобилей предпринимателей, чиновников, журналистов и правоохранителей, безнаказанно осуществлявшиеся неустановленными лицами [17]. К началу 2013 г. экономистами неоднократно высказывались соображения о возможности социального взрыва в восточном регионе страны [18]. Социологами отмечалось, что (имевшие место не единожды) протестные настроения против судей и правоохранителей будут нарастать [19], а на самих социологов – ранее подавали в суд политики – за несоответствующие их ожиданиям результаты заказанных исследований [20], создавая оригинальный прецедент. За тот же 2012 г., не дожидаясь изменения соответствующего законодательства, но ссылаясь на опыт Польши как наиболее приемлемый, ускорилось реформирование Министерства внутренних дел. Как разъяснялось, количество его департаментов

сократилось вдвое, уменьшилась численность генералов и полковников [21]. Реорганизация коснулась и высших учебных заведений, готовящих кадры для Министерства внутренних дел. После масштабных перестановок в правительстве, вновь высказывались намерения создать эффективную структуру «европейского образца» к 2015 г., [21] – либо посредством внесения изменений в действующее законодательство, либо приняв новый закон «О полиции». В сумме, это позволяет полагать, к президентским выборам 2015 г. на Украине готовились заранее и, по ходу нарастания предвыборной активности, информационный поток (или потоп?) тоже потребовалось упорядочить – по «европейскому образцу», или нет.

Именно поэтому вопросы о том, *как* украинское общество продолжит входить в глобальное информационное пространство и *какие* его сегменты окажутся наиболее влиятельными сохраняют важное значение. Темпами и направлениями развития инфраструктуры, информационных и коммуникационных технологий страны продолжают интересоваться и за рубежом. Так, например, ещё в 2010 г. отмечалось, что украинская инфраструктура ориентирована «в большей степени на европейских интернет-провайдеров, ослабляя любые возможности фильтрации информационного содержания с российской стороны» [22, с. 259]. Мало кто сомневался и в том, что российские интернет-ресурсы тоже формировали значительную долю украинского интернет-трафика [23], тем более, что количественные характеристики этого факта выглядели довольно убедительно. Уже к 2013 г. 86% украинских пользователей общались в социальных сетях. Самым популярным сервисом мгновенных сообщений в стране являлся «Skype», имея в стране более 8 млн. активных пользователей [24]. Существенным было и количество пользователей других социальных сервисов, где основным языком общения – русский. Это 9 млн. пользователей сервиса «В контакте», 4,8 млн. – «Одноклассники», 3,1 млн. – «МойМир@mail.ru». С учетом наличия других сервисов, – «Facebook» (2,1 млн.), «Фотострана» (1,1 млн.), «LinkedIn» (265 тыс.), «LiveJournal» (390 тыс.), «Twitter» (300 тыс.), «Foursquare» (60 тыс.) [24] и других – можно полагать, что для аудитории старше 14 лет интернет на Украине фактически являлся средством массовой коммуникации.

На Украине и в странах Евросоюза этот факт воспринимался различно. И вера «сетевых активистов» в возможности влиять на исход поли-

тических событий с помощью интернет-коммуникаций себя, конечно же, проявляла – нередко принимая желаемое за действительное, но, видимо, полагая, что прав тот, чья история победила, а не тот, чья армия выиграла [25]. Истиной, в отрыве от конкретного исторического контекста и времени, данная пропагандистская установка, конечно же, не является. Иное дело, что сложности взаимодействий международного характера, как правило, недоступны пониманию неинформированных людей в то время как всевозможная, искусственно создаваемая для них «виртуальная реальность» несомненно способна производить на них впечатление, в особенности на неокрепшее мировоззрение. Из чего, конечно же, ещё не следует, что неизгладимые впечатления формируются исключительно виртуально – уж это вряд ли.

Так, например, прекращение работы весьма популярного на Украине сайта *ex.ua* невозможно помешать считать делом рук украинских правоохранительных органов. Они это действительно сделали и негодующие пользователи «атаковали» сайт МВД (и не только) так, что он рухнул, а сотрудникам ведомства пришлось перейти на Фейсбук [26], пытаясь разъяснить рассерженному населению причину своих малоизящных действий. Формальным основанием для них послужили заявления о нарушении прав собственности, поданные рядом компаний – Adobe Systems inc., Graphisoft R&D и другими [27]. Но характерно, что от ответственности за формы и масштаб произошедших общественных беспорядков правообладатели поспешили отказаться устами своих местных представителей [28], и в чью именно пользу произошло очередное перераспределение части соответствующего рынка – осталось сюжетом за кадром. Ясно лишь то, что гиганты IT-индустрии в итоге не пострадали, а вот правоохранители оказались к подобного рода развитию событий не готовы, что тоже вполне могло быть учтено на будущее. Каким именно образом – во многом зависело от того, что именно считать успехом т.н. «электронной дипломатии» – пока маловнятного термина. В данном случае, за ним может обнаружиться не больше, чем отсутствие у властей опыта действовать в нештатной для них ситуации, попыток заинтересованных сторон использовать возникшие общественные волнения в конкретных политических и/или коммерческих целях, создать новые возможности для передела рынка, обновить спрос на

«старое» информационное содержание, расчистить рынок для нового контента, используя правоохранителей для устранения нежелательной конкуренции и т.д. В этом смысле, упомянутому термину можно и не торопиться приписывать особо животрепещущую значимость. Крупные производители интернет-контента на глобальном рынке обычно выигрывали и без помощи украинского МВД, молодые люди становились политическими активистами не от наличия радужных перспектив у данной формы трудоустройства, негибкое законодательство порой излишне ограничивало возможности для развития страны или не исполнялось и т. д.

В любом случае ясно, что совершенствовать законодательство в области использования интернет-коммуникаций украинцы принялись всерьёз ещё до известных событий Майдана образца 2014 г., и как именно данный факт скажется на ситуации в будущем – предмет отдельного исследования. Стоит лишь отметить, что изучения количественных параметров (количество интернет-пользователей, доменных имён, приобретённых компьютеров или мобильных устройств, просмотренных страниц и т.д.) недостаточно, когда дело касается *осознанной политической активности* населения, а не, к примеру, анализа роста объёмов продаж мобильных устройств и услуг связи, программного обеспечения, других продуктов или их рекламы. Существенно и то, что, как показывает опыт, у руководства Украины тоже не всегда хватало волевых усилий для достижения желаемого политического результата. Уровень общественной поддержки украинского правительства обычно не запредельно высок, а средства массовой информации страны - в основном частные. Интересы их владельцев правительству нередко оставались неподконтрольны, а явная неоднородность интернет-пространства в стране компенсировалась активностью её избирателей в социальных сетях, порой опережавших телевидение по популярности [29]. Вместе с тем, важно понимать, что политическая активность граждан (как и любая деятельность) обуславливается множеством факторов во времени, тогда как собственно наличие *средств информирования* и *возможной координации действий* отдельных групп, имеющих определенные интересы и ожидания, играет лишь дополнительную, а не основную роль.

Разумеется, эта роль может оказываться важной или даже критически важной для достижения конкретного политического результата, но не

обязательно. Ни фундаментальные перемены в международной обстановке, ни бурное развитие информационных технологий пока не смогли убедить властные структуры государств отказываться от защиты своих интересов, – скорее ровно наоборот. Сохранялась лишь общая тенденция роста технических возможностей для сбора, анализа информации и контроля над её распространением, а «свобода интернета», оставалась тем, чем она и является, – понятием относительным. Поэтому неудивительно, что по мере роста глобальной информационной активности в мире, государства всё активнее пытались её ограничивать и контролировать.

Украина не являлась исключением. Разноплановые исследования влияния информационных стратегий на Украину извне (не только со стороны России) проводились и в первой половине 2000-х годов [30], а вероятно и ранее. Соответствующие публикации стали появляться чаще и по мере распространения способов интернет коммуникации. Как правило, в них не предлагалось создавать систему информационной безопасности более жёсткой, чем в развитых демократических странах, а принимать во внимание условия рынка и конкурентной среды жизнедеятельности личности, общества и государства [31].

Подобный подход впоследствии закрепила Доктрина информационной безопасности Украины 2009 г. Уже в общих положениях этого документа фиксировалось чёткое понимание, что в условиях *«... глобальной интеграции и жесткой международной конкуренции главной ареной столкновений и борьбы разновекторных национальных интересов стран становится информационное пространство»* [32]. Отмечалось, что современные информационные технологии позволяют государствам реализовывать собственные интересы без использования военной силы, ослабляя или причиняя значительный вред безопасности стран-конкурентов, которые не имеют действенной системы защиты от негативного информационного влияния. Подчеркивалось, что информационная составляющая становится одним из важнейших элементов обеспечения национальной безопасности, влияя на уровень и темпы социально-экономического, научно-технического и культурного развития и т.д.

В данном ключе взгляды украинского руководства следовали в русле общемировой тенденции. Если в 2002 г. интернет подвергали «цензуре»

в четырех странах, то концу 2012 г. таких стран насчитывалось уже более сорока, а какие-либо, касающиеся интернета, ограничения были введены практически везде [33]. Судя по итогам прошедшей в Дубае конференции Международного союза электросвязи при Организации объединённых наций в декабре 2012 г. [34], к тому времени уже не осталось сомнений, что вопрос о фильтрации сетевого контента фактически разделил представителей стран-участников на (минимум) две несогласные стороны. Данный момент, разумеется, не все сочли переломным, но симптоматичным он, безусловно, являлся, заслуживая более подробного описания.

Упомянутая конференция в Дубае собрала 159 стран-участников. Главным её итогом стало согласие 89 делегаций принять поправки в Регламент международной электросвязи [35], не обновлявшийся с 1988 г. Ещё 15 делегаций не имели необходимых для подписания полномочий, а представители остальных 55 стран – документы подписывать не стали, предпочтя остаться в меньшинстве [36]. Примечательно, что «меньшинство», в данном случае, сформировали такие страны как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Великобритания, значительная (чего не все ожидали) часть других стран Европейского союза, и не только. Это и Сербия и Норвегия, Индия, Япония и другие, а из постсоветских стран – Армения, Белоруссия, Литва, Молдавия, Эстония. В «большинстве» же, более предсказуемым образом, оказались страны пока явно не лидирующие в области производства и распространения телекоммуникационных технологий – это Китай, Арабские Эмираты, Бразилия, Венесуэла, Ирак, Иран и другие. Из постсоветских стран к этой группе примкнули Азербайджан, Россия, Казахстан, Киргизия Узбекистан и Украина.

Обозначившаяся в Дубае поляризация мнений, с одной стороны, способствовала очередному оживлению публичных дискуссий о вероятных последствиях раздела современного интернет-пространства между формирующимися объединениями «демократических» и «недемократических стран» [37]. С другой стороны – «выбор» Украины в данном случае не выглядел своевременно осознанным. В отличие, например, от России, где и ранее воплощалась и активно лоббировалась на международном уровне идея суверенного права «управлять интернетом» [38], – на Украине данный аспект анонсировался менее открыто. Так, например, на сайте Гос-

ударственной службы специальной связи и защиты информации Украины – организации ответственной, в том числе и за подготовку страны к Всемирной конференции по международной электросвязи 2012 г. [39], никакой информации об итогах данного мероприятия не оказалось. Последнее, разумеется, не помешало интересующимся выяснять необходимое самостоятельно, попутно отмечая контраст в информационном освещении весьма актуальной международной тематики в самой стране и за её пределами [40].

Невыразительная в данном случае позиция властей в целом не удивила украинское интернет-сообщество предпринимателей в области информационных технологий и рекламы, журналистов и блоггеров, – ведь о итогах событий в Дубае многие из них могли узнать из многочисленных зарубежных источников, не исключая и российских средств массовой информации, в том числе – в переводе на украинский язык [41]. Однако заметное несовпадение интересов украинской исполнительной власти и производящей интернет-контент части украинского общества достаточно чётко себя проявило при определении перспектив развития современных коммуникационных технологий. Как эти интересы совместятся в будущем – открытый вопрос и сегодня.

Было бы неверно полагать, что украинское государство не уделяло внимания необходимости учитывать значимость и регулировать темпы развития современных способов обмена информацией на подвластной ему территории. Усилия для определения необходимой меры интегрирования страны в глобальную информационную среду предпринимались, однако сама их направленность и эффективность применения оставались предметом спорным. Далеко не последнюю роль в этом процессе играла проблема выбора внешнеполитических ориентиров, их приоритетность.

В качестве иллюстрации, характеризующей суть данного сюжета, можно привести историю попыток обсуждения депутатами Верховной рады проекта закона Украины «Об основах государственной информационной политики» [42]. Проект, в данном случае, интересен не столько своей уникальностью – недостатка в различных проектах и программах Украина не испытывала. Скорее напротив, – это типичное свидетельство того, что

отдельные соображения о целесообразности конкретных векторов развития часто не воплощались в жизнь, блокируя друг друга.

Если подробнее – в проекте недвусмысленно признавалась необходимость стабильности развития и структуризации украинского информационного рынка как системы экономических, организационных и правовых взаимоотношений, касающихся производства, купли-продажи информационных ресурсов, технологий, продукции и услуг. Упоминалось в нём и о росте числа интернет-пользователей, и о недооценке информационно-коммуникационного аспекта в процессе демократизации общества и государственного строительства. Примечательно, что термин *«информационный суверенитет»* упоминался в тексте законопроекта четырежды, а термин *«европейская интеграция»* [страны] – только однажды, указывая на первоочередную значимость первого, а не второго.

О том же свидетельствует и порядок, в котором перечислялись направления для постановки задач. Начинаясь с признания необходимости соответствовать «требованиям времени» и адаптировать законодательство к нормам и стандартам Европейского союза, проект упоминал о высокой зависимости Украины от зарубежных информационных ресурсов, провозглашая ожидаемыми результатами своего применения буквально следующее:

« ... - обеспечить приоритетное развитие национальных информационных ресурсов;

- способствовать строительству в стране развитого информационного общества как органичного сегмента глобального информационного сообщества и инфраструктуры, внедрению новых информационных и коммуникационных технологий, защите национальных культурных ценностей;

- укрепить информационный суверенитет Украины» [43].

Характерно, что даже первоначальное название законопроекта – «О концепции государственной информационной политики» потребовалось изменить, поскольку выяснилось, что, согласно Конституции страны, Верховная Рада не имела полномочий утверждать документы в форме концепции [43]. Во втором чтении документа депутаты согласились на его переименование – «Об основных направлениях государственной информацион-

ной политики» – осмысленно или нет, но создав очередную, как отмечалось позже, «искусственно выведенную» разновидность документа [44, с. 62].

Его дальнейшее обсуждение показало, что предлагаемые к формулировкам проекта поправки в своем подавляющем большинстве расходились именно в трактовках, так или иначе связанных с оценками «должной» ориентации информационной сферы и недопущения её монополизации. Особенно чувствительным моментом оказывались поправки, дававшие возможности сузить или расширить возможности использования русского и других региональных языков, или касающиеся способов защиты государственного языка и национальной культуры. Характерно, в данном моменте украинское законотворчество не однажды оказывалось внутренне противоречивым, придавая внутривнутриполитическим спорам неопределённую перспективу, сущностно не изменившуюся и после, например, вступления в силу 10 августа 2012 года закона «Об основах государственной языковой политики» № 5029-V.

Можно заключить, что при всей важности для украинских законодателей ценностных, в том числе внешнеполитических ориентиров в информационном поле, идея развития «информационного суверенитета» Украины в 2010–2013 гг. недостаточно наполнялась реальным содержанием. Непопулярность партии власти в социальных сетях не оставалась незамеченной [45], и общая ситуация, оценивавшаяся населением страны на фоне прогрессирующих негативных тенденций в социально-экономической сфере, не осталась впоследствии без известных изменений. Такие факторы как стремительное расширение «украинского» интернет-пространства, растущая популярность социальных медиа (особенно в городах-миллионниках), доступность информационных платформ и технологий всё большему числу избирателей этому только способствовали. Прямой зависимости между фактом распространения технических возможностей для обмена информацией в стране и выбором её внешнеполитических приоритетов при этом не просматривалось, но уже традиционные для украинцев дебаты о внешнеполитических приоритетах не утратили своей значимости и сегодня. Наличие последних объективно продолжает обострять внутривнутриполитическую борьбу в стране за возможности формировать мнения избирателей в онлайн-пространстве, что во многом и объясняет

почему вопросы установления «контроля над интернетом», как средством и компонентом политической активности, обрели на Украине гораздо большее значение, чем в предыдущее десятилетие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Goldstein J.** The Role of Digital Networked Technologies in the Ukrainian Orange Revolution. December 2007.
2. **Duffy B., Hall S.** Who do you believe? Trust in government information // MORI's Social Research Institute . 2005. [Электронный ресурс]. – URL: www.ipsos-mori.com/DownloadPublication/239_sri_who_do_you_believe_112005.pdf (дата обращения 18.02.2016).
3. Янукович объявил тех, кто не видит демократии на Украине, "наймитами, нанятыми за наворованные деньги". 7 февраля 2011. [Электронный ресурс]. – URL: www.newstru.com/arch/world/07feb2011/demos.html (дата обрац. 18.02.2016).
4. **Morozov E.** Think Again: The Internet // Foreign Policy. May-June 2010. P. 40-44
5. **Герасимчук А.** Влияет ли Интернет на политическую погоду в Украине? 5 марта 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://uargument.com.ua/obshhestvo/vliyaet-li-internet-na-politicheskuyu-pogodu-v-ukraine> (дата обращения 18.02.2016).
6. **Бонен Й., Кальморген Я.** Как Веб 2.0 изменяет политику // Internationale Politik, июль — август. 2009, № 7.
7. Доповідь про стан та перспективи розвитку інформатизації та інформаційного суспільства в Україні за 2010 рік. Київ 20102. С. 48.
8. Пока взрослые смотрят телевизор, 90% школьников уже получают информацию в интернете // Зеркало недели. 14 ноября 2012.
9. Интернет-конференция «Перспективы развития IT-отрасли в Украине в ближайшие годы». 9 апреля 2012. [Электронный ресурс]. – URL : <http://kontrakty.ua/article/46298> (дата обращения 18.02.2016).
10. The Global Information Technology Report 2010–2011. Transformations 2.0. INSEAD. [Электронный ресурс]. – URL: <http://reports.weforum.org/wp-content/pdf/gitr-2011/wef-gitr-2010-2011.pdf> (дата обращения 18.02.2016).
11. **Яровая М.** Ольшанский А. Рынок e-commerce в Украине насыщен — что делать? 19 ноября 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ain.ua/2012/11/19/102043> (дата доступа 18.02.2016).
12. **Kelly S.** /ed. Freedom of the Net 2012. A Global Assessment of Internet and Digital Media. Freedom House. September 24, 2012. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/inline_images/FOTN%202012%20FINAL.pdf (дата доступа 18.02.2016).
13. «Сравнивать Уанет с Рунетом пока рано»: мнение эксперта // Економічна правда. 12 мая 2010.

- 14. Охотникова И.** Интервью: Александр Ольшанский // Українські Новини, 21.01.2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ukranews.com/ru/interview/2013/01/21/476> (дата доступа 18.02.2016).
- 15.** Интернетом пользуется половина взрослых украинцев. Октябрь 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.inau.org.ua/173.4520.1.0.1.0.phtml> (дата доступа 18.02.2016).
- 16. Полумієнко С.К.** Інформаційне суспільство в Україні – передумови та можливості створення // Таврический вестник информатики и математики. 2008. № 2(13). С.166-169.
- 17.** "Вендета по-закарпатськи": В області палять машини чиновників і правоохоронців // Дзеркало Тижня, 3 лютого 2013.
- 18. Макогон:** В 2013 году на востоке Украине может произойти социальный взрыв. 11 января 2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.regnum.ru/news/1612082.html> (дата доступа 18.02.2016).
- 19. Бекешкина:** Украинцы верят в "суд Линча" как единственно действенный метод. 16 января 2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://intv.ua/important/print:page,1,53185-bekeshkina-ukraincy-veryat-v-sud-lincha-kak-edinstvenno-deystvennyu-metod.html> (дата доступа 18.02.2016).
- 20. Бекешкина:** Королевская подала в суд на всю украинскую социологию. 11 октября 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://poslezavtra.com.ua/bekeshkina-korolevskaya-podala-v-sud-na-vsuyu-ukrainskuyu-sociologiyu/print> (дата доступа 18.02.2016).
- 21.** Очередная реформа в Украине: До 2015 г. милиция будет реорганизована в полицию. 15 января 2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rbc.ua/rus/top/show/ocherednaya-reforma-v-ukraine-do-2015-g-militsiya-budet-reorganizovana-15012013110800> (дата доступа 25.10.2013).
- 22. Deibert R.** /ed. Access Controlled: The Shaping of Power, Rights, and Rule in Cyberspace. Massachusetts Institute of Technology 2010. p. 259.
- 23. Власенко В., Юрасов С.** Украинцев заставят любить Путина через интернет. 17 июля 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://internetua.com/ukraincev-zastavyat-luabit-putina-cserez-internet> (дата доступа 18.02.2016).
- 24.** Дайджест Уанета 2012. С. 20. [Электронный ресурс]. – URL: http://prodigiagency.com/digest/Prodigi_digest.pdf (дата доступа 18.02.2016).
- 25. Lyubashenko I.** EU Strategy towards Ukraine. Time to engage in E-diplomacy // New Eastern Europe. 2012-07-20. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.neweasterneurope.eu/interviews/335-eu-strategy-towards-ukraine-time-to-engage-in-e-diplomacy> (дата доступа 18.02.2016).
- 26.** МВД перешло на обсуждение проблем в онлайн-режиме 29 апреля 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://itexpert.org.ua/rubrikator/item/12720-mvd-pereshlo-na-obsuzhdenie-problem-v-onlayn-rezhime.html> (дата доступа 18.02.2016).
- 27.** EX.UA - хронология событий. 2 февраля 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mediananny.com/raznoe/17895> (дата доступа 18.02.2016).

- 28.** Adobe и Graphisoft не просили закрывать EX.UA — представитель компаний. 2 февраля 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://delo.ua/ukraine/adobe-i-graphisoft-ne-prosili-zakryvat-exua-predstavitel-ko-172937/> (дата доступа 25.10.2013).
- 29. Выдрин:** Идет естественная глобализация информационного пространства // РИА новости. 3 декабря 2012. [Электронный ресурс]. – URL: http://ria.ru/feam_2012_opinion/20121203/913202023.html (дата доступа 18.02.2016).
- 30. Наджос А.І.** Інформаційні стратегії впливу американської преси на соціально-політичний процес в Україні. Київ, 2002; Варивода Я. О. Інформаційні стратегії у зовнішній політиці США та Росії за кризових умов. Київ, 2004; Юричко А.В. Інформаційні маніпуляції у повідомленнях світової періодичної преси в контексті інформаційної безпеки України: стан та шляхи протидії. Київ, 2007.
- 31. Олійник О.В., Соснін О.В., Шиманський Л.Є.** Політико-правові аспекти формування інформаційного суспільства суверенної і незалежної держави // Інститут стратегічних досліджень. - Наші публікації. 13.06.02. [Электронный ресурс]. – URL: http://old.niss.gov.ua/book/Sosnin_2.htm (дата доступа 18.02.2016).
- 32.** Доктрина інформаційної безпеки України. м. Київ, 8 липня 2009 року. N 514/2009. [Электронный ресурс]: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/514/2009> (дата доступа 18.02.2016).
- 33. Cerf V.** Keep the Internet Open // The New York Times. May 24, 2012.
- 34.** Всемирная конференция по международной электросвязи (ВКМЭ-12).3-14 декабрь 2012 года, Дубай, Объединенные Арабские Эмираты. [Электронный ресурс]: <http://www.itu.int/ru/wcit-12/Pages/default.aspx> (дата доступа 18.02.2016).
- 35. McCullagh D.** The U.N. and the Internet: What to expect, what to fear (FAQ). The U.S., Canada, and European allies are squaring off against Russia and China at a U.N. Internet summit. At stake: the future of how the Internet will be run. December 6, 2012. [Электронный ресурс] – URL: http://news.cnet.com/8301-13578_3-57557459-38/the-u.n-and-the-internet-what-to-expect-what-to-fear-faq/ (дата доступа 18.02.2016).
- 36.** Signatories of the Final Acts. World Conference on International Telecommunications. December 3-14. 2012 Dubai. UAE. [Электронный ресурс] - URL: <http://www.itu.int/osg/wcit-12/highlights/signatories.html> (дата доступа 18.02.2016).
- 37. McCullagh D.** U.N. summit implodes as U.S., others spurn Internet treaty. United Nations summit breaks down after U.S., Canada, and other democracies refuse to sign treaty that would hand a U.N. agency more authority over how the Internet is managed. December 13, 2012. [Электронный ресурс] - URL: http://news.cnet.com/8301-13578_3-57559034-38/u.n-summit-implodes-as-u.s-others-spurn-internet-treaty (дата доступа 18.02.2016).
- 38.** Поскольку большинство операций пользователей сегодня определяется постоянно меняющим свою конфигурацию «облаком» компаний, промышленных групп и пользователей, термин «*управление интернетом*» не является общепринятым. Иногда он считается и неправильным, поскольку не существует какой-либо организации способной управлять всемирной сетью. См. напр.: Christian Caryl. The meeting that could kill the internet? Fears of internet oppression by the UN

are unfounded // The Sydney Morning Herald. December 10, 2012. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.smh.com.au/technology/technology-news/the-meeting-that-could-kill-the-internet-20121207-2azj9.html> (дата доступа 18.02.2016).

39. Подготовка Украины к Всемирной конференции по международной электро-связи 2012 года. [Электронный ресурс] – URL: http://www.dstszi.gov.ua/dstszi/control/ru/publish/article?art_id=104767&cat_id=104766&mustWords=WCIT&searchPublishing=1 (дата доступа 25.10.2013).

40. Приходько О. Опасный интернет. На что Украина согласилась в Дубае. 18 декабря 2012. [Электронный ресурс] - URL: http://liga.net/opinion/89544_opasnyu-internet-na-chto-ukraina-soglasilas-v-dubae.htm (дата доступа 18.02.2016).

41. ООН посилює контроль інтернету. 17.12.2012. Міжнародний союз електро-зв'язку при ООН ухвалив документ, що зобов'язує провайдерів встановлювати системи аналізу інтернет-трафіку для блокування піратського контенту. 17.12. 2012. [Электронный ресурс] – URL: <http://racurs.ua/news/4085> (дата доступа 18.02.2016).

42. «Про Основні засади державної інформаційної політики». Текст законопроекту до другого читання 23.06.2011. [Электронный ресурс] – URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_2?pf3516=7251&skl=7 (дата доступа 25.10.2016).

43. Висновок на проект Закону України «Про Концепцію державної інформаційної політики» (реєстраційний № 7251). [Электронный ресурс] – URL: http://gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=38772 (дата доступа 25.10.2013).

44. Баровська А.В. Керівні документи державної політики: теоретико-методологічні засади визначення // Стратегічні пріоритети. 2012. №1 (22) С. 62.

45. Дорош С. Выборы и социальные сети: эффект "английского газона". BBC Украина 18 октября 2012. [Электронный ресурс] – URL: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/ukraine_in_russian/2012/10/121018_ru_s_election_social_media.shtml?print=1 (дата доступа 18.02.2016).

УДК 091

А. В. Малинов

**ПОНЯТИЕ «НАРОДНОСТЬ»
В ИСТОРИОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ С.С. УВАРОВА ¹**

В историю русской философии Сергей Семенович Уваров (1786–1855) вошел как создатель одной из самых устойчивых идеологических формул: «православие, самодержавие, народность». При этом Уваров не был в строгом смысле философом. Он занимал крупные государственные посты: был попечителем Петербургского учебного округа, президентом Академии наук (с 1818 г.) и министром народного просвещения (1833–1849). Научные исследования Уварова были посвящены истории древнегреческой культуры, хотя его скорее можно назвать эрудитом, чем профессиональным ученым. Свои философско-исторические воззрения Уваров сформулировал еще в 1813–1815 гг. в небольших написанных по-французски публицистических очерках, поводом к сочинению которых послужили Французская революция и наполеоновские войны. Из его историософской концепции и выросла знаменитая идеологическая формула.

В последние годы исследователей все больше привлекает не только изучение карьеры или даже личности Уварова, но и его идеологическое и научное наследие. Идеологические конструкции, сформулированные Уваровым, и его административная деятельность рассматривается в монографиях [1–7], статьях [8–14], диссертациях [15, 16]. Появились публикации, анализирующие соотношение понятий «нация», «народ», «народность» в России в первой половине XIX в. [17–19]. Переизданы основные сочинения Уварова [20, 21]. В большинстве исследований Уваров рассматривается как крупнейший представитель консервативного направления в России XIX в., хотя отмечают и явные либеральные симпатии Уварова. Все это позволяет констатировать, что наступает

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

качественно новый этап изучения наследия Уварова, опирающийся как на архивные изыскания, так и на опубликованные работы. В основе идеологической триады Уварова лежала сформулированная ранее историософская концепция.

Общая интерпретация Уваровым исторического процесса близка взглядам П.Я. Чаадаева, но выводы – прямо противоположны. В истории, согласно Уварову, действует «великий закон предопределения». Воля Провидения приводит исторические события к разумному завершению. Примером предопределенности исторического процесса служит Французская революция. Уваров характеризует революцию как «бурную эпоху» бедствий, преступлений, несчастий и разрушений. Это, по его словам, время «бунта», «народной анархии». На смену революции приходит «стремление к миру», желание восстановить порядок. Это эпоха «умеренности в политике» и «внутренней устойчивости». Наполеон воспользовался закономерным стремлением к порядку, возвращению к «естественному основанию», легитимизму власти и правления. Соответствием деятельности Наполеона воле Провидения объясняются его первоначальные успехи. Однако в дальнейшем Наполеон попытался изменить ход истории, подчинив его своим личным амбициям и обратившись к устаревшей идее всемирной монархии. Действуя вопреки Проведению, Наполеон потерпел закономерную неудачу.

Все изменения, считает Уваров, должны согласовываться с «почвой», с существующей традицией. Развитие должно происходить постепенно, лишь тогда оно соответствует исторической закономерности. «Закон поступательного движения» – общий принцип всех сфер человеческой жизни. Провидение действует в истории тайно, посредством естественных причин. Его «тайное влияние» прежде всего сказывается в распространении просвещения.

Итак, история – закономерный процесс; ее познание состоит в раскрытии этой закономерности, что возможно только при рассмотрении ее с точки зрения религии и философии. Задача истории как познания прошлого и ее философское осмысление – указать на роль Провидения в истории. Философия истории говорит о прошлом. Закономерность раскрывается лишь в прошедшем. Но работа Провидения видна, когда

история завершена; поэтому изучение истории древнего мира предпочтительнее изучения новейшей истории.

Исходя из этих предпосылок, Уваров выстраивает периодизацию всемирной истории. Главные исторические события, согласно его взгляду, происходят в «моральном мире», т. е. в сфере религии, философии и науки. Основу исторической, или гражданской, жизни составляет религия. Оптимистически воспринимая исторический процесс, Уваров видит в нем прогресс, представляющий смену эпох, развитие моральной сферы. Первая из них – история Востока – сводится Уваровым по сути к библейской истории. Следующая за ней история Греции – уже история гражданская. Центральное историческое событие – рождение Иисуса Христа и последующее распространение христианского учения. Именно христианство, по его мнению, разрушило могущественную Римскую империю, а не пороки правителей и нашествия варваров. Восхищение Уварова вызывает Средневековье, т. е. эпоха, когда в жизни наиболее полно реализовались религиозные начала. Тем не менее, согласно Уварову, Средневековье – переходная эпоха. Под влиянием крестовых походов, просвещения, которое несла религия, и «внутренних обстоятельств государств» происходило постепенное уничтожение крепостного рабства. Все это, по мнению Уварова, – признаки прогресса в истории Западной Европы. Последняя значимая историческая эпоха – XV в. Далее начинается новейшая история, которая не завершена и смысл которой еще не ясен для человека.

Историческая периодизация дополняется Уваровым биологической метафорой возраста. Так, история Востока – младенчество человечества; история Греции – его юность, а период с XV по XVIII в. – переход от юности к зрелости.

Еще одна задача истории – способствовать воспитанию народа, точнее, привести народ к «познанию прав и обязанностей своих», а также «возбуждать и сохранять» «народный дух». В то же время, воспитание народа относится к важнейшим делам государства. Успех и эффективность деятельности правительства и современной политики зависит от правильного уяснения хода истории. К основным способам воспитания относится преподавание истории и поощрение интереса к внутренней истории, а именно, изучение религии народа, политики, торговли,

внутреннего устройства, законодательства и образования, т. е. тех сфер, в которых и проявляется «народный дух». Все это нашло отражение в предложенной Уваровым в 1832 г. формуле «православие, самодержавие, народность», ставшей основой так называемой «теории официальной народности».

Свою деятельность в должности товарища министра народного просвещения, на которую он был назначен в начале 1832 г., Уваров начал с инспектирования Московского университета. В декабре 1832 г. он подготовил официальный отчет об этой инспекции, в котором впервые и употребил свою ставшую впоследствии знаменитой триаду. Черновой вариант отчета был составлен еще в марте 1832 г. Уваровская формула не получила в трудах своего создателя развернутого пояснения, но лишь несколько раз повторялась в ряде официальных документов и докладов. Так, в 1834 г. по инициативе Уварова начал выходить «Журнал Министерства народного просвещения». В первом номере которого формула «Православие, Самодержавие, Народность» встречается дважды: первый раз в редакционной преамбуле, второй – в циркуляре о вступлении Уварова в должность министра народного просвещения. Оба документа были составлены самим Уваровым. «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласное с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и народности», – провозглашалось в министерском циркуляре, разосланном 21 марта 1833 г. [21, с. II]. Десять лет спустя в отчете министерства Уваров вновь повторил эту формулу.

Уваровская триада имела в России своих предшественников. Прежде всего это традиционный воинский девиз «За Веру, Царя и Отечество!», а также предложенная А.С. Шишковым накануне войны 1812 г. идеологема «Вера, воспитание, язык». С другой стороны, она явно оппонировала лозунгу французской революции «Свобода, равенство, братство».

Все свои произведения Уваров писал по-французски и лишь затем они переводились секретарями на русский язык. Однако во французском оригинале расставлены несколько иные смысловые акценты. Так французский эквивалент «православия» обозначается выражениями

«*région national*» и «*église dominante*», т. е. «национальная религия» и «господствующая церковь». Центральным в смысловом отношении элементом триады является «самодержавие», понимаемое Уваровым как исторически сложившаяся, необходимая для существования государства форма правления. В отчете о десятилетней деятельности министерства он писал: «Мощь самодержавной власти представляет необходимое условие существования Империи в ее настоящем виде» [23, с. 33]. Государство же в лице «самодержавия» выступает руководителем культуры и распространителем просвещения, в результате чего и создается «народность». «Самодержавие» и «православие» составляют содержание «народности». «Народность» поясняется через «самодержавие» и «православие». Но все же термин «народность» не получил в уваровской формуле однозначного определения. К тому времени слово «народность» лишь недавно было введено в русский язык и так же было переводом с французского. Термин «народность» должен был сочетать смысловые оттенки французских слов «*nationalité*» (национальный) и «*popularité*» (народный). Считается, что впервые перевод «*nationalité*» как «народность» предложил П.А. Вяземский в письме к А.И. Тургеневу от 21 ноября 1819 г. [24, с. 357]. Однако и позже термин «народность» употреблялся в разных значениях, в том числе и в значении «русский язык», что непосредственно отсылало к формуле А.С. Шишкова. Согласно Н.А. Зверевой, «Уваровский принцип “народности” – принцип традиционный, основанный на нравственном, моральном, культурном, духовном, социальном и политическом единстве. ... По мысли Уварова, “народность” – это синоним исторического равноправия народа в среде других таких же. “Народность” – это всеобъединяющее начало, это душа нации, пронизывающая все сферы политической, социальной и культурной жизни государства» [25, с. 30]. С. 30. После 1844 г. Уваров уже не использовал эту идеологическую формулу [25, с. 28].

Исходной точкой размышлений Уварова было чувство национального самоуважения, пробужденного Отечественной войной 1812 г. Казалось, что период ученичества России у Европы закончен. Россия воспринималась Уваровым как молодая страна, которой принадлежит будущее. При этом опыт революций 1789–1794 и 1830 гг. во

Франции вызывал сомнение в универсальности исторического пути Запада. Россия, в отличие от революционной Европы, выступала силой водворяющей законность, порядок и стабильность. Историческое значение России обуславливается не ее подражанием Западу, а уникальностью. Поэтому Уваров пришел к пониманию необходимости найти основы для самостоятельного исторического развития России, которые в то же самое время, с одной стороны, служили бы объединению народа, государства и образованной части общества и, с другой, не противоречили бы принципу органического развития цивилизаций. Православие, самодержавие, народность как раз и выступили, согласно Уварову, такими основами.

Православие подчеркивало скрепляющее значение религии в жизни человека и общества и одновременно составляло условие народного единства (в том числе, в идеале, и единства народа с царем). Православие как историческая сила еще раз указывала на уваровское понимание истории как процесса развития человеческого духа. Основной смысловой акцент в его формуле был сделан на «самодержавии», служившем условием распространения просвещения и опорой эволюционных преобразований. Самодержавное государство, по мысли Уварова, должно выступать руководителем культуры. В этом он осознанно оппонировал просветительскому движению к эмансипации культуры, приведшему в конце концов к революции. Государство же выступает залогом развития народности. Термин «народность» не получил у Уварова однозначного определения, что впоследствии привело к его противоречивым толкованиям представителями различных противостоящих друг другу движений. В широком смысле народность указывала на уникальность народа и образованного им государства. Народность – принцип единства, складывающийся в истории благодаря особенностям природной среды, обычаев и нравов, взаимоотношений с другими народами и формирующий традицию, т. е. передающиеся через поколения национальные ценности. Приобщение к ним всех народов в государстве – задача правительства. Однако укрепление национального единства не сводится к русификации. Главной культуросозидающей силой, по мысли Уварова, является государство. Но русская культура сложилась в результате соединения национальных начал с европейской образованностью, поэтому

распространение государством образования и просвещения одновременно приводит и к развитию народности. Определяющее значение в просвещении народа отводится Уваровым изучению русской истории, благодаря чему формируется национальное сознание, которым до сих пор не обладает даже образованная элита.

За триадой Уварова «Православие, Самодержавие, Народность», ставшей одной из главных идеологических формул русского консерватизма и традиционализма закрепилось название «теории официальной народности», введенное академиком А.Н. Пыпиным [26, с. 380].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Виттекер Ц.Х.** Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.
2. **Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г.** Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика. М., 2000.
3. **Минаков А.Ю.** Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.
4. **Шевченко М.М.** Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.
5. **Зорин А.Л.** Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2004.
6. **Тяпин И.Н.** Философско-исторические идеи российского консерватизма XIX– начала XX в. Вологда, 2008.
7. **Пайс Р.** Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М., 2013.
8. **Фролов Э.Д.** Граф Сергей Семёнович Уваров и академический классицизм // Петербургская Академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Мат-лы междунар. конф. СПб., 1999. Т. II.
9. **Иванов О.А.** Идеология «Православие, самодержавие, народность» С.С. Уварова // Золотой Лев. 2010. № 265-266. http://conservatism.narod.ru/sb_cons1/ivanov.doc
10. **Дегтярева М. И.** «Лучше быть якобинцем, чем фейяном»: Жозеф де Местр и Сергей Семёнович Уваров // Вопросы философии. 2006. № 7. С. 105-112.
11. **Велижев М.Б.** ‘Affaire du Telescope’: С.С. Уваров и С.Г. Строганов в ноябре 1836 г. // Пермьяковский сборник. Т. 2. М., Новое издательство, 2010. С. 340-350.
12. **Велижев М.Б.** С.С. Уваров в начале Николаевского царствования // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская литература и русский литературный канон. Ч. 2. Тарту, 2011.
13. **Симосато Т.** Переосмысление концепции «народность» у русских консервативных мыслителей 1830-х годов // Roshiashi kenkyu: refreed journal of

the Japanese Society for the Study of Russian History. No. 95, 2014, pp. 3-26. (на японском яз., имеется русскоязычная аннотация).

14. Симосато Т. Переосмысление концепции «народность»: С.С. Уваров как консервативный мыслитель // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2016. Выпуск 20. СПб.

15. Дурдыева Л.М. С.С. Уваров и теория официальной народности. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1996.

16. Зверева Н.А. Общественно-политические взгляды С.С. Уварова. Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Волгоград, 2005. 184 С.

17. Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. Вып. 91.

18. Тесля А.А. Понятие «нации» и «народности» конца 20-х – начала 30-х годов XIX в. в связи с «польским вопросом» // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. Хабаровск, 2010. Вып. 4. С. 3-12.

19. Миллер А.И. Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия «нация» в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М., 2010.

20. Уваров С.С. Избранные труды. М., 2010.

21. Уваров С.С. Государственные основы. М., 2014.

22. Уваров С.С. Циркулярное предложение г. управляющего министерством народного просвещения начальствам учебных округов о вступлении в управление министерством // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. I. № 1.

23. Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833 – 1843. Записка, представленная государю императору Николаю Павловичу министром народного просвещения гр. Уваровым в 1843 г. СПб., 1864.

24. Остафьевский архив. Т. I. СПб., 1899.

25. Зверева Н.А. Общественно-политические взгляды С.С. Уварова. Автореф. ... дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Волгоград, 2005. 184 С.

26. Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. I. СПб., 1890.

УДК 140.8

Л. А. Мурзанова

ПРИНЦИП ЦЕЛОСТНОСТИ КАК ОСНОВА ЭКОЛОГИЗМА В КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ ¹

Нынешний век не случайно называют веком экологическим. Бурное индустриальное развитие и небрежное отношение к природным ресурсам в прошлую эпоху породили возникновение глобальных экологических проблем. Потребности человечества стремятся к бесконечности, подстегиваемые идеологией общества потребления, в то время как ресурсы природы ограничены. При этом развитие медицины и повышение качества жизни способствует увеличению населения Земли, что также негативно сказывается на эксплуатации природных богатств. Все усилия борцов за экологию по сути являются чисто техническими, не способными коренным образом изменить ситуацию.

При сохранении установки Нового времени о человеке как субъекте познания, как активном творческом начале, способном конструировать реальность по своему разумению, проблемы экологии не разрешатся. Нацеленность общества на получение материальной выгоды приводит к возникновению искусственных потребностей, подстегиваемых модой, идеологией, массовой культурой. Как следствие, удовлетворение бесконечно растущих запросов человечества требует увеличения эксплуатации природных богатств. Мы используем силы природы для ее же разрушения. Крайним выражением такого потребительского отношения к космосу является поддержание военной сферы, на которую тратятся огромные природные ресурсы, при том, что применение, например, атомных боеприпасов по сути означает уничтожение всего человечества. Становится понятно, что для эффективного решения насущных проблем необходимо пересмотреть отношение человека к природе, саму сущность человека, его связь с космосом.

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-03-00553 «Биополитика и альтернативы цивилизационного развития»

Человечество всем последовательным историческим развитием и научно-техническим прогрессом само себя загнало в экологический тупик. Вера во всемогущество человеческого разума, господство над природой как мастерской науки привели к тому, что мы сегодня имеем – ухудшение экологии, истощение ресурсов, отчуждение от окружающего мира и своей сущности. Оставаясь на прежних позициях, человечество не сможет выйти из этого тупика. Для преодоления кризиса необходимо принципиально изменить мировоззрение и отношения с природой, необходимо усвоить и принять к действию тезис: человек вовсе не царь природы, он находится не над ней, а является ее частью, если более разумной, то и более ответственной.

Экологическая этика сложилась в 70-х гг. прошлого века. Историческое развитие человечества привело к катастрофическим событиям двух мировых войн, агрессивной промышленной индустриализации и, как следствие, к возникновению глобальных проблем. Однако отменить научно-технический прогресс и отказаться от цивилизационных достижений невозможно, следовательно, огромная роль в деле преобразования реальности принадлежит культуре с ее способностью совмещать прошлое с настоящим, совмещать и в науке, и в искусстве, тем самым работая на будущее. Только экологизация культуры, включая в это понятие и всю разумную жизнедеятельность человека, должна снова, но уже в другом качестве, приблизить нас к природе.

Большой вклад в привлечение внимания к мировым проблемам внесли деятели Римского клуба – А. Печчеи, Д. Медоуз. Первый доклад, прозвучавший на заседаниях Римского клуба – «Пределы роста» 1972 г. В основе этих исследований базировалось представление о феномене жизни, принимаемой в качестве высшей ценности. Перед угрозой уничтожения человечества они видели цель своей деятельности в создании нового гуманизма, призванного осуществить целостность и единство людей, взаимопомощь и сотрудничество, принятие ответственности и развитие творческого потенциала. В центре эко-этической концепции находится Природа, вокруг которой Человек, Общество, Техника. Доклады Римского клуба носили рекомендательный характер, призванный обратить внимание общественности к существующим угрозам.

Более активная практическая деятельность по преобразованию

взаимоотношения человека и природы была предпринята на комиссиях ООН по окружающей среде и развитию. В 1987 г. на заседании комиссии Брундтланд была принята концепция устойчивого развития, которая предполагала такое развитие общества, при котором учитываются потребности растущего населения, но не ставится под угрозу возможность удовлетворять свои потребности будущее поколение. С экологической точки зрения, устойчивое развитие должно обеспечивать целостность и жизнеспособность биологических и физических природных систем, прежде всего тех, от которых зависит глобальная стабильность всей биосферы. Понятие природных систем и ареалов обитания можно понимать достаточно широко, включая в них созданную человеком среду – например, города. Основное внимание уделяется сохранению их способностей к изменениям и самовосстановлению. При этом потребности должны учитывать необходимость сохранения многообразия жизни в биосфере и не подвергать Землю угрозе исчезновения или обеднения.

С 80-х гг. XX в. экологизация затронула все сферы научных дисциплин. Предметом экологического мышления стали не только популяция животных и охрана окружающей среды, но биосфера Земли в целом и человек как часть биосферы. Экологическое мировоззрение предполагает сохранение не только природы, но и культуры, в которой вырабатывается социальная память, основы гармоничного сосуществования природы и общества, нравственные ценности и традиции.

В рамках экологической этики получили развитие такие концепции, как эософия и глубинная экология. Эософия – экологическое сознание, направленное на глубинное личностное единство человека с природой в эстетическом, этическом, религиозном аспектах. Мир при таком подходе предстает в целостности времени, космоса и человека. Эософия не стремится теоретизировать и систематизировать отношение человека с природой, акцент делается на интимное переживание, вчувствование, вслушивание в бытие.

Близка по значению эософии глубинная экология, ориентирующаяся на онтологию и философскую психологию в единстве с универсумом. Термин предложил в 1973 г. А. Нейс, будучи под впечатлением от этики ненасилия Ганди. Название своей концепции он объясняет глубиной постановки вопроса о наиболее благоприятной для

полноты жизни форме общества, типе мироустройства, способе освоения мира. При этом подчеркивается ограниченность науки, неспособной в полной мере удовлетворительно ответить на глубоко личностные вопросы.

Глубинная экология подчеркивает, что стремление человека к самореализации связано с более широким определением его сущности, которое преодолевает границы личности, семьи и близких и объединяет в себе весь окружающий мир как целое. Это чувство единства со всем космосом представляет собой переход от индивидуалистского эгоистического "я" к коллективному соборному "мы". Общество такого типа основывается не на насилии и подавлении личной воли, а на бережном обращении со всеми частями целого, как в живом организме. Глубинная экология указывает на необходимость осуществления внутренних перемен: изменение мировоззрения людей возможно в преобразованной структуре общества, и наоборот. Цель человека – достижение гармонии с другими людьми, с природой и со своей сущностью.

Современный мир похож на мозаичный калейдоскоп, в котором перед человеком предстает огромный ассортимент религий, философий, научных теорий, политических убеждений, культурных ценностей на любой вкус и цвет как в супермаркете. В ряду общей тенденции сакрализации бытия и единства человека с космосом просматриваются «философия общего дела» Федорова, всеединство Соловьева, «этика Земли» О. Леопольда, «благоговение перед жизнью» А. Швейцера, «принцип ответственности» Ганса Йонаса.

Немецко-американский философ одним из первых указал на онтическую необходимость переосмысления взаимоотношения личности и природы. Личность в его учении предстает в двух ипостасях – как индивид и как человечество. Говоря о глобальных проблемах человечества, мыслитель акцентирует внимание не только на внешних угрозах, но на внутренних пороках человека, которые нужно преодолеть с помощью новой этики.

В своих представлениях Г. Йонас исходит из признания целесообразности природы как самоутверждения бытия [5, с. 155]. Все видовое разнообразие биосферы не случайно, каждое живое существо является самоцелью. Человек – совершенный организм природы, однако его свобода может обернуться как спасением Вселенной, так и ее разрушением. Ответственность человечества перед будущим возводится у

Йонаса до метафизического уровня. Сохранение природы необходимо не только для выживания человечества, но и для его экзистенциальной полноты. Человек как человек может существовать только в лоне природы, вне ее человек обретет измененное бытие.

Г. Йонас проецирует на природу нравственные отношения, следуя последовательному развитию западноевропейской философии. Субъект-объектные отношения трансформируются в его учении в субъект-субъектные. Он стремился преодолеть в своем учении агрессивный антропоцентризм западноевропейского мышления, однако также превозносил человеческий разум, верил в возможность преобразования мира силой человеческого ума. Попытки отойти от антропоцентрического мировоззрения и наделить природу нравственными характеристиками грешат сохранением тех же антропных принципов и антропоморфности природы.

Следует отметить, что либеральные концепции по экологической этике исходят из теорий договорного типа. Хотя Г. Йонас подчеркивал несводимость этики ответственности к утопии, его последователи критиковали мыслителя в излишней теоретичности и практической несостоятельности. Его концепция, указывая на существующие проблемы, не могла предложить конкретного пути выхода из кризиса. Попытки перенести на природу моральные и правовые нормы приводят к договорному к ней отношению со стороны человечества. Чувство цельности и включенности в единый космос не должно предполагать соглашения я тебе – ты мне, поскольку в цельном организме Я равняется Мы. Отсюда и возникают права животных, ценностное определение природы. Однако права неотъемлемо сопряжены с ответственностью, в то время как ответственность присуща только человеку как разумному существу. Это противоречие как-то упускается из виду не только в учении Г. Йонаса, но и во всей современной правоохранной деятельности.

На экологические проблемы сегодня указывают все идеологии, игнорировать их сложно. В то время, как либерализм принципиально антропоцентричен и рассматривает экологические проблемы с точки зрения пользы для личности, социализм уже исходя из названия ориентируется только на общество, на социальные аспекты человека, куда не включена природа. Такой подход сугубо социоцентричен. Из трех классических идеологий только у консерватизма есть перспективы

перехода к эгоцентричному мировоззрению. Консерватизм подчеркивает, что природа и общество, человек и техника не противопоставлены друг другу, а взаимозависимы.

«Для разумного консерватизма важно, чтобы завтра было хотя бы не хуже дня сегодняшнего (а еще лучше, если хоть немного, а все-таки лучше)» [2, с. 111]. В этом тезисе заключена установка на сдерживание потребностей, которые в большинстве случаев являются навязанными человеку, искусственными, порождающие новые потребности. Человек теряет самого себя в окружении сиюминутных удовольствий, отрывается от корней прошлого и утрачивает перспективы будущего. Для консерватизма время, заключенное в один день или длящееся вечность равнозначны, потому преемственность не должна нарушаться.

Как уже было сказано выше, экологическая проблематика в глобальных масштабах возникла лишь во второй половине прошлого века, однако в консерватизме присутствует потенциал к преодолению причин, повлекших катастрофическое развитие человечества. Главным принципом консерватизма, помимо нацеленности на сохранение фундаментальных оснований бытия, способствующим переходу к эгоцентрическому мировоззрению, по мнению автора, является принцип органической целостности. Целостное холистическое представление о мире предполагает единство человека и космоса, бытия и мышления, разума и интуиции. Мир предстает в виде целостного организма, с единой целью и единой судьбой.

К. Манхейм, осмысляя немецкий консерватизм, обращает внимание на романтический пантеизм как на содержание консервативного способа мышления. Неприятие тотальной рационализации и новоевропейской морали проявилось уже сразу после революционных событий во Франции 1789 года. Однако призыв к сохранению сакральности природы, интуитивному ее постижению и слиянию с Единым прозвучало наиболее отчетливо в творчестве немецких романтиков. Природа и дух признаются равнозначимыми началами, сливающимися в абсолютном тождестве. Примечательно, что влияние немецких романтиков, в частности Шеллинга, было особенно сильно не только на немецкий консерватизм, но и на русскую философскую мысль.

Мир предстает как живая материя, в которой пытливый ум ученого стремится приблизиться к скрытым целям исторического развития. Каждая

минута ощущается в ее неповторимости. Мысль не обладает творческой преобразующей силой, не конструирует мир, а сопровождает его в пути становления и развития, то есть консерватизм характеризуется как «динамичное мышление» [6, с. 627]. Динамичность консерватизма способствует его гибкости, приспособляемости к быстро меняющимся условиям жизни.

В русском экологическом консерватизме следует отметить космистов. Один из первых представителей космического учения, Николай Федорович Федоров, развивал идею эволюционного развития природы, космоса, которое приводит к появлению разума, но люди не научились еще им пользоваться. Поэтому в современном мире процветают конфликты, насилие, разобщенность людей друг от друга и от природы [4, с. 567]. В своем основном труде «Философия общего дела» Н.Ф. Федоров пишет, что необходимо объединить достижения науки и религии, синтезировать их идеи. Наука должна быть практически ориентированной, деятельной, предлагать реальные проекты по преобразованию мира. Научные достижения и технические изобретения необходимо внедрять непосредственно в жизнь, наполняя их нравственным критерием. Всеобщее истинное знание достигается на природе, а не в тиши кабинетов и лабораторий.

Одной из важнейших задач людей является сознательное управление природой, подчинение себе ее разрушительных стихий. Катастрофическое состояние планеты на сегодняшний день – дело рук самого человека, который только эксплуатирует, но не восстанавливает ресурсы Земли. «Мы виноваты, не в том только, что делаем (хищничество), но и в том зле, которое происходит по нашему бездействию» [10, с. 139]. Бездействие означает измену эволюционному развитию космоса, преобразующему предназначению разума. Н.Ф. Федоров убежден в нерушимом единстве человека и космоса, тесной связи процессов на Земле и во Вселенной. С помощью силы разума человек должен внести гармонию и порядок в окружающий хаос, довершая тем самым дело, начатое Творцом. Для того, чтобы это было осуществимо, должна поменяться сама природа человека, преодолено самое страшное зло – смерть. Наши предки не исчезают в небытие, прошлое всегда актуализировано в настоящем. В этом и заключается «общее дело» всего человечества.

Отцом-основателем отечественной космической философии по праву считается Константин Эдуардович Циолковский. В основе его представлений о строении материи лежат неуничтожимые элементы – атомы, обладающие зачатками духовности и чувствительности. Атом-дух является первичным носителем жизни, сущностью всей Вселенной, проявляя свои свойства одинаково повсеместно. В этом заключается идея космического панпсихизма. Происходит вечный круговорот атомов, вся Вселенная наполнена разумом и жизнью, приспособленной к самым разным условиям. Все многообразие видов организации материи заключено лишь в различной степени сложности комбинации элементов, а в основе всего сущего единая субстанция [12, с. 22]. Такое представление об устройстве Вселенной выражается принципом монизма – единство человека и космоса, материального и духовного взаимозависимость всех элементов системы.

Выдающимся представителем научного направления русского космизма является Владимир Иванович Вернадский. Он разработал понятие биосферы – сферы жизни. Это особое геологическое тело, совокупность всего живого на Земле, проявляющая себя как единый организм. В ней происходит вечный круговорот веществ – живые организмы берут из окружающей среды необходимые для жизнедеятельности химические элементы, а после смерти возвращаются в эту среду, чтобы дать жизнь другим организмам. Все элементы в биосфере взаимосвязаны, человек является неотъемлемой частью природы. В отличие от других живых организмов, человек обладает разумом, позволяющим ему сознательно выстраивать свои отношения с окружающим миром. В.И. Вернадский верил в господствующую роль разума во Вселенной, способную преобразовывать мир без ущерба людям и природе. В процессе эволюции разум с жесткой необходимостью и неизбежностью должен был возникнуть, чтобы Вселенная могла познать саму себя.

По мнению ученого, дальнейшая эволюция человечества будет развиваться по направлению к автотрофности, что приведет к трансформации физиологии самого человека, изменятся его мозг и его мышление [1, с. 107]. Социально автотрофный человек будет автономен и гармоничен, космологически един со всем сущим. Преобразующая деятельность человека приведет по мысли В.И. Вернадского к постепенному утверждению ноосферы – сферы разума. Ноосфера

представляет собой качественно иное состояние, высший этап развития биосферы, связанный с коренным усовершенствованием природы и человека. На этой стадии преобразующая деятельность человека будет основываться на данных научных исследований и технических достижений. Эволюционный переход биосферы в ноосферу является логическим итогом развития материи – все элементы мира становятся взаимосвязанными, а человек – закономерной частью космоса.

Заметной фигурой в череде русских ученых-космистов является Александр Леонидович Чижевский. Он разрабатывал теорию «большой истории», то есть универсального эволюционизма – от флуктуации вакуума, породившего Вселенную, до глобальных проблем человечества. Единство Вселенной проявляется в ее единообразии, то есть самые отдаленные уголки космоса существуют по тем же физическим принципам, что и на нашей планете. Доказательством единообразия мира является наличие мировой гармонии, ибо лишь гармоничное развитие мира могло привести к возникновению такого совершенного творения природы как человеческий мозг, способ мышления, возможности разума. В этом заключается характерный для космизма взгляд на единство человека и космоса, взаимозависимость земных и космических процессов. Человек и общество являются продуктом природы, подчинены единому закону Вселенной, результаты культурной деятельности являются закономерным итогом эволюции Космоса [13, с. 525]. Однако в отличие от своих предшественников, А.Л. Чижевский негативно относился к идее покорения природы человеком, активной эксплуатации ее ресурсов. Скорее это человечество оказывается под непрерывным и прямым воздействием Космоса, которое оно еще только учится понимать. Судьба всего человечества зависит от судьбы Вселенной, все настолько тесно взаимосвязано, что глобальные космические явления эхом отзываются на всех структурных уровнях материи.

В русской религиозной философии идею целостности космоса продолжил В.С. Соловьев. Он разработал учение о всеединстве, что означает полное равноправие, равноценность и равнозначность «между единым и всем, между целым и частями, между общим и единичным» [9, с. 58]. Понятие всеединства было разработано на основе понятия соборности. Мыслитель стремился создать единую картину мироздания, в котором

объединяются космос и человечество, истина, добро и красота в цельный организм во главе с Богом как абсолютным началом и целью мирового развития. Окружающий мир не совершенен, это результат не только творения Бога, но и активной деятельности самих людей, наделенных свободной волей. Поэтому мир – это динамичное всеединство, находящееся в процессе становления. Оно не распадается на враждебные друг другу части благодаря наличию во всем божественного элемента, объединяющего все сущее в цельный организм посредством силы любви.

Идея всеединства В.С. Соловьева базировалась на концепции соборности, предложенной А.С. Хомяковым. Однако, если представитель славянофильского направления социальной философии определял соборность как характеристику, присущую только обществу, то его последователи трактовали понятие гораздо шире. По мнению П.А. Флоренского, это «хоровое начало» [11, с. 31] присуще не только общественному строю, но и устройству всего мироздания. Человек и космос взаимозависимы, взаимопроникающи, и при этом одинаково внутренне сложны и бесконечны. Человек так же вмещает в себе все богатство космоса, как и Вселенная состоит из бесконечного числа элементов. Мы еще не изучили всего потенциала человеческой природы, его скрытых сил. Познавательные возможности разума убеждают о. Павла, что человек в своей деятельности может сблизиться с техникой по проектированию орудий, совершенствующих человеческий организм. Историческая задача техники – осуществлять органопроецирование. Тщательное изучение человека, его органов, позволяет создавать все более совершенные механизмы, и наоборот, технические изобретения позволяют на все более глубоком уровне познавать живые организмы.

Человек по сути – консервативное существо, мир меняется быстрее, чем мы успеваем это заметить и приспособиться. Экологические проблемы возникли не сегодня, но было необходимо время, чтобы осознать всю их значимость и угрозу, и выработать адекватную стратегию преодоления сложившегося кризиса.

Экологические проблемы давно стали глобальными, касающимися непосредственно каждого жителя планеты, потому они не могут решаться локальными усилиями отдельных стран, необходимы творческие усилия и нравственная ответственность всего человечества. Страдает не только

природа, но и качество человеческой жизни. Поэтому экология и ее этика и стремятся воплотить свой принцип в наше повседневное существование. Экологическая культура должна стать «вектором аксиологической переориентации общественного и массового сознания в целях преодоления углубляющегося экологического кризиса» [3, с. 18].

Тенденция современного мира направлена на утверждение консервативного мышления и мировосприятия. «Быть консерватором стало теперь элементарным условием выживания человечества, всей нашей цивилизации. Таков новый смысл консервативного мышления. Это значит, что руководствоваться и дальше безоглядно лишь критерием прогресса было бы самоубийством. Что касается дальнейшего прогресса, то консерваторы выступают за него во всех разумных, оправданных формах, когда это необходимо и убедительно обосновано. Но приоритет обретает основополагающий консервативный императив выживания человечества, означающий «сохранение» [7, с. 45].

Космополитизм, стирающий различия между народами и упраздняющий границы, стремился внедрить идею, что вся планета Земля является нашим домом, однако привел к становлению идеологической бездомности. Духовная оторванность от Отечества и отсутствие внутреннего единства со своей землей порождают пренебрежительное отношение к природе, к ее ресурсам, безразличие к судьбе будущих поколений. При этом чувство единства со своей землей, любовь к Родине тесно связаны с осознанием принадлежности к данным богатствам. Это мой дом, моя страна, мой мир. Сложно назвать всю планету своим домом, потому что мы ее не понимаем в цельности и не противопоставляем другим мирам. Притязание на собственность в консерватизме не единоличное, но и не коллективно-собрательное, а родовое. Мы получаем природные богатства и ресурсы земли в наследие от прошлого и должны передать в будущее, не ухудшая его. Таким образом, современная экологическая культура представляет собой разумный консерватизм, способный проложить вектор из прошлого в будущее через настоящее, в котором мы живем, на основе целостности и единства человечества со своей историей, другими людьми и космосом в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Вернадский В.И.** Философские мысли натуралиста. М.: Академический проект, 2013. 412 с.
2. **Залыгин С.П.** «Экологический консерватизм»: шанс для выживания // Новый Мир, 1994. № 11.
3. **Зейналов Г.Г., Рябова Е.В., Миронов В.Ю.** Экологическая культура и пути ее формирования: региональный аспект проблемы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 3. С. 17-20.
4. **Зеньковский В.В.** История русской философии. М.: Академический Проект, 2001. 880 с.
5. **Йонас Г.** Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Пер. с нем. И.И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
6. **Манхейм К.** Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
7. **Рормозер Г.** Новый консерватизм: вызов для России / Г. Рормозер, А. А. Френкин. М.: ИФ РАН, 1996. 240 с.
8. **Соколов А.М.** Историческая философия столицы и естественно-исторические интуиции в русской науке // Сб. науч. статей: Философия в Петербурге: вчера, сегодня, завтра. Дни философии в Санкт-Петербурге – 2014. СПб.: Наука, 2015. С. 244-260.
9. **Соловьев В.С.** Смысл любви. М.: Директ-Медиа, 2011. 118 с.
10. **Федоров Н.Ф.** Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.
11. **Флоренский П.А.** У водоразделов мысли. М.: АСТ, 2009. 352 с.
12. **Циолковский К.Э.** Монизм Вселенной. [Электронный ресурс] URL: <http://tsiolkovsky.org/ru/kosmicheskaya-filosofiya/monizm-vselennoj/> (дата обращения: 1.06.2015)
13. **Чижевский А.Л.** Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995. 768 с.

УДК 1(091)

И. Д. Осипов

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА ИДЕОЛОГИИ ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА В РУССКОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ ¹

Европоцентризм был одним из главных объектов критики русского консерватизма. В работах славянофилов, почвенников, евразийцев эта критика велась на различной теоретической основе: религиозной философии, позитивизма, феноменологии и была направлена против присущего европоцентризму стремления на основе рационалистической концепции прогресса обосновать превосходство европейской культуры в отношении других национальных культур. В русской консервативной философии в значительной мере критика европоцентризма стало предпосылкой интеграции русской интеллигенции. «Становление национального сознания в России стало результатом столкновения с западноевропейской культурой, активное воздействие которой началось в XVIII в. Неслучайно XVIII столетие часто называют периодом ученичества, временем заимствования западноевропейской культуры. Однако в последней трети этого столетия в России начинает нарастать критика европеизма, постепенно приведшая к явлению, получившему название «просвещенного национализма» [1. С. 347]. Просвещенный национализм, просвещенный консерватизм в разной форме отражали процессы формирования национальной идентичности, в общем-то характерные не только для России. Они – эти процессы заметны были также и в Германии, Италии, Франции. В какой-то мере совпали процесс формирования национальной идентичности в Европе, и полемика о русской, славянской, немецкой, французской и итальянской идеях серьезно повлияла на процессы социокультурной идентификации России в контексте формирования социокультурной идентичности Западной Европы.

¹ Статья написана при поддержке Гранта РГНФ «Идеология европоцентризма и философские основания её критики». № 15-03-00445.

Данное обстоятельство способствовало не только «борьбе с Западом» в русской философии, но также и к поискам сотрудничества с Европой.

При этом определяя европоцентризм как идеологию, видеть в нём стремление к абсолютизации европейской системы ценностей без учета противоречивого характера развития европейской цивилизации. И в русском консерватизме во многом именно на становление европоцентризма как новой универсальной идеологии обратила внимание отечественная интеллигенция. Впервые в славянофильстве выявляется европоцентризм как специфическая идеология западноевропейских народов, отличающаяся от их культурных ценностей. Славянофилы, многие из которых получили образование в европейских университетах, конечно прекрасно понимали достоинства европейской культуры. Но вместе с тем они отметили также и эгоистические признаки европоцентризма, критически подойдя к становлению европейской философии и культуры. Исходное значение в критике имеет момент единства культуры, противопоставленного её внутреннему расколу и плюрализму. Данное единство получило своё понятийное отражение в категории соборности славянофилов, где соединяются вместе и врозь три духовно-нравственных начала: православная вера, личная свобода и любовь. Категория соборность позволяла славянофилам аргументировать радикальное религиозное отличие России и Европы. В католической церкви, по мнению А.С. Хомякова, существует единство без свободы, а в протестантизме – свобода без единства, и только в православии принцип соборности, хотя и не осуществлен во всей полноте, но осознан как высшая божественная основа церкви.

В статье И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» критикуется гносеологический аспект европоцентризма. Ключевым здесь является понятие живого знания, где соединены рационально-логическое, моральное и религиозное начала, противопоставленного одностороннему, отвлеченному знанию классической европейской философии. Киреевский пишет: «Самое торжество ума европейского обнаружило односторонность его коренных устремлений; потому что при всем богатстве, при всей можно сказать, громадности частных открытий и успехов в науках общий вывод из всей

совокупности знания представил только отрицательное значение для внутреннего сознания человека» [2. С. 250]. Западный человек, по его мнению, «опрокинул свои вековые убеждения» и понадеялся на всемогущество своего отвлеченного разума. В этой связи Киреевский развивает концепцию верующего разума, которое может синтезировать научное и религиозное начала, логику и духовность. Данный тип философствования и должен, по его мнению, сменить односторонний рационализм европейской философии. Критика отвлеченного, рассудочного знания европейской философии стала одной из теоретических доминант отечественной философии, получившей продолжение в концепциях В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого.

Наконец в славянофильстве обращается внимание на изначально конфликтный характер европейской цивилизации, отмеченный борьбой католической Церкви и государства, конкурентным противостоянием эгоистических личностей в экономике и гражданском обществе, войной за жизненное пространство в мире. В этой связи развивается концепция единства самодержавия и народа, неполитичности русского человека, симфонии церкви и государства в России, мирного освоения славянами своей территории. Киреевский отмечает и негативные особенности русского просвещения, подчеркивая, что «безусловное пристрастие к западной образованности и безотчетное предубеждение против русского варварства» [2. С. 254] мешали русской интеллигенции адекватно понять Россию. Следует вывод: славянским народам суждено разрешить общечеловеческую задачу, которую не дано разрешить другим народам.

Конфликтологический анализ взаимоотношения России и Европы получил своё всестороннее и научное обоснованное в концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Данная теория является развитием доктрины славянофильства, но при этом не сводится к религиозным аргументам, а исходит из методологии позитивизма, представленного, прежде всего в биологии. В книге Данилевского «Россия и Европа» человечество разделяется на отдельные культурно-исторические типы по аналогии с организмами; это некоторая совокупность людей, связанных соседством, общностью языка, душевного склада, государственности и быта. Данилевский обращает внимание на то, что в

истории складывались различные культурно-исторические типы, которые образовали единство человечества. Каждый культурно-исторический тип вносил плоды своей цивилизации в общую культуру как наследие, принадлежащее всем культурно-историческим типам. В культурно-исторические типы входили Египет, Иран, Китай, Индия, Ассирия, Вавилон, греко-романский мир, семитические племена.

По мнению Данилевского в современной истории важнейшими типами являются Романо-германский фактически европейский тип и славянский, куда входит Россия. Данилевский категоричен: в культурно исторически смысле Россия не принадлежит к Европе. «Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки из почвы непосредственно ею же разрушенного древнего мира» [3. С. 59]. Писатель также развивает своё видение прогресса, который состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы исходить всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества.

В почвенничестве Ф.М. Достоевского выражена критика идеологии европоцентризма, которая базировалась на онтологическом понимании развития общества. Он также подчеркивает радикальное несходство цивилизации России и Европы: «Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных... Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность. В высшей степени самобытная и что наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, из народного духа и из народных начал... Мы сознаем, что реформа раздвинула наш кругозор, через неё мы осмыслили будущее значение наше в великой семье всех народов» [4. С. 12].

При этом Достоевский отмечает, что Русская идея – синтез всех тех идей, которые развивает Европа в отдельных свои национальностях (католическая, протестантская и славянская). И подчеркивает, что в Европе не знают России – это одна из важнейших причин идеологии европоцентризма и недооценки России.

Но существует и другая причина европоцентризма, имеющее

отношение уже к русскому обществу и к русской интеллигенции. Она заключается в отсутствии уверенности в культурной значимости России, чрезмерной зависимости от мнения европейцев, боязни, что Европа не поймет нас и встретит высокомерием.

Выходом из этой ситуации является просвещение народа, распространение грамотности, распространение гласности. Интеллигенции нужно полюбить народ и дать простор его духовным силам: «распространение образования усиленное, скорейшее и во чтобы то ни стало – вот главная задача нашего времени, первый шаг ко всякой деятельности» [4. С. 14]. Кроме того облегчить положение крестьянства можно уничтожением сословных перегородок.

Согласно Достоевскому от Европы нельзя отказаться, она «нам второе отечество», но при этом нужно уйти от «переевропеизации» народа. Не надо бояться национального эгоизма, так как он отсутствует в русском характере, русский человек «со всеми уживается и во всё вживается, он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого инстинкта. У него инстинкт общечеловечности» [4. С. 38]. И прежде чем усвоить общечеловеческие начала, следует усвоить своё, народное.

Достигает своей теоретической завершенности критика идеологии европоцентризма в евразийстве. В работах Н.С. Трубецкого, Н.Н. Алексева, П.Н. Савицкого были исследованы не только рационально научные, но и этнопсихологические предпосылки идеологии европоцентризма. Евразийство использовало комплекс новых понятий, как связанных с предшествующей консервативной философией – например, романо-германская культура, так и новых терминов: месторазвитие, флагоподобность, культурный эгоцентризм и т.п. Особый интерес вызывает исследование евразийцами проблемы европоцентризма в контексте взаимодействия культур, теории прогресса и цивилизации. Здесь программное значение имеет работа Н.С. Трубецкого «Европа и человечество», в которой последовательно и концептуально, с использованием результатов исследований европейских социологов, историков и этнографов анализируются некоторые главные постулаты идеологии европоцентризма. После трудов

Н.Я. Данилевского это наиболее фундированное комплексное обоснование идеологических корней европоцентризма.

Выводы эти к следующим основным положением, которые в последующем были детально проработаны евразийцами:

- европейская культура не есть культура всего человечества, а лишь создание ограниченной и определённой этнической или этнографической группы народов, имеющих общую историю;

- только для этой группы народов европейская культура обязательна;

- европейская культура не совершеннее всякой другой культуры, созданной иной этнографической группой;

- усвоение романо-германской культуры народами, не участвующими в её создании, не является безусловным благом;

- полное усвоение Романо-германской культуры возможно лишь при антропологическом смешении с Романо-германцами;

- без такого смешения возможен лишь суррогат полного усвоения европейской культуры;

- это приведёт к культурному отставанию и подражательности культуры народов, приобщенных к европейской цивилизации;

- в этих условиях европеизация окажется безусловным злом для всякого неромано-германского народа;

- для борьбы с этим злом отечественной интеллигенции необходимо осознать данную проблему, нужна революция в её сознании.

«В этой великой и трудной работе по освобождению народов мира от гипноза «благ цивилизации» и духовного рабства интеллигенция всех неромано-германских народов, уже вступивших или намеревающихся вступить на путь европеизации, должна действовать дружно и заодно» [5. С. 90], – писал Н.С. Трубецкой. При этом, по его мнению, не надо увлекаться частным национализмом или панславизмом, «истинное противопоставление есть только одно: Романо-германцы – все другие народы мира, Европа и Человечество» [5. С. 90]. Философ отмечает также и наличие естественного взаимодействия различных этнических и национальных культур на территории России. Данное этническое многообразие осложняло выработку национального самосознания, но с

другой стороны стало предпосылкой диалога множества культур не только в сфере собственной бытовой, но и в духовной жизни.

Таким образом, в русском консерватизме присутствуют спектр философских концепций, которые легли в основу критики идеологии европоцентризма. Данные концепции возникли как реакция на создание и абсолютизацию в европейской культуре философских положений, аргументирующих преимущество Европы, Запада над иными культурами, в частности России. Но был и другой источник формирования критики идеологии европоцентризма в русском консерватизме – становление национальной идентичности в России, рассматриваемой в компаративной ретроспективе и перспективе. Здесь русский консерватизм в различных теоретических формах вырабатывался в процессе критики чужой идеологии, которая соответствовала идеальному образу европейской идентичности, в реальности далекому от идеала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Погодин С.Н.** Фенномания и процесс становления национального сознания в Российской империи в XIX веке // *Международные отношения и диалог культур*. 2015. № 3(2014). С. 347-356.
- 2. Киреевский И.В.** Критика и эстетика / [Вступ. статья, с 7-39, и примеч. Ю.В. Манна]. – Москва : Искусство, 1979. - 439 с.
- 3. Данилевский Н.Я.** Россия и Европа / [Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева]. – М : Книга, 1991. – 573 с.
- 4. Достоевский Ф.М.** Политическое завещание : сборник статей за 1861-1881 / Федор Михайлович Достоевский; сост. С.М. Сергеев. – Москва : Алгоритм Эксмо, 2006. – 474 с.
- 5. Трубецкой Н.С.** Наследие Чингисхана / Николай Трубецкой. – М : Аграф, 1999. – 554 с.

УДК 342.727

С.Н. Погодин

«РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ» Б.С. МИРОНОВА ¹

В московском издательстве «Институт русской цивилизации», вышла книга Бориса Сергеевича Миронова «Русский национализм»². В ней опубликованы его основные работы, относящиеся к 1993–1999 годам. Труд состоит из предисловия и трех разделов: «Битва за идею», «Сохранение и приумножение русской нации – вот русская национальная идея сегодня», «Моя война». Два последних раздела представляют собой интервью, выступления в печати, на митингах и собраниях.

В предисловии рассмотрены основные понятия. Рассмотрим их подробнее. Одним из определяющих является тезис автора: "Россия возможна только как национальное государство. Россия должна вернуться к национальному самоутверждению и самостоянию" [1. С. 15]. Как понимать это положение автора? Национальное государство (nation state – англ.) означает в буквальном смысле: суверенная общность, в которой преобладает одна нация. Особенностью данного понятия является совпадение двух исходных понятий: государство и нация. Государство относится к политической организации, обладающей суверенитетом (sovereignty). Национальностью можно назвать людей, имеющих общую культуру, язык, этническое происхождение и глубокие исторические традиции. Когда концепции "государство" и "нация" совпадают, мы видим однородное по составу населения государство, представленное одной нацией в государстве. К сожалению таких государств, в подлинном смысле этого слова не существует.

История Российского государства как раз и подтверждает этот тезис. Еще в дореволюционной России существовали Великое Княжество

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

² Миронов Б.С. Русский национализм / Отв. ред. О.А.Платонов. – М: Институт русской цивилизации. 2014. – 560 с.

Финляндское, Польское. Тогда уже понимали, что Россия это многонациональное государство и русские уже не составляют большую часть населения. Провозглашение данного тезиса, высказанного автором, опасно в настоящее время.

Другой тезис автора: "Не понимать основополагающего, коренного в России – преобладания национального русского духа – значит вовсе не знать, не понимать, не чувствовать России" [1. С. 15]. Категория «русский дух» важнейшая в работе. Однако автор не дает этого определения. Далее "Мы, русские, – убеждает читателей Б.С. Миронов, – должны развить в себе национальный эгоизм. Наша национальная энергия всегда сдерживалась нашим собственным сопротивлением. Над Россией должен, наконец, воцариться высший интерес – над всем обществом, над всеми политическими дрязгами, и это интерес сохранения, сбережения, приумножения русской нации" [1. С. 17]. Сохранение, сбережение, преумножение русской нации, очень важный тезис. Но он не может быть реализован по принципу национального эгоизма – приоритетного удовлетворения интересов своей нации при игнорировании интересов других наций. Национальный эгоизм может привести к очень серьезным проблемам в многонациональных странах.

В Предисловии дается общая характеристика деятельности Б.С. Миронова как общественного и государственного деятеля. Особо отмечается его роль в качестве директора издательства «Советская Россия». Будучи директором этого издательства, он многое сделал для издания книг: К.П. Победоносцева, В.В. Шульгина, И.А. Ильина и других. Этим актом Б.С. Миронов вернул имена выдающихся российских деятелей науки, внесших большой вклад в развитие общественных наук. ранее неизвестных российскому читателю авторов.

Являясь одним из идеологов русского национализма, Б.С. Миронов пытается дать свое определение национализма. Национализм как социальное явление привлекает внимание исследователей уже более ста лет, и за это время появилось множество его определений. Число определений этого феномена огромно, в связи с этим Хью Сетон-Уотсон в своей книге «Происхождение стран и политика национализма» (1977), пришел к выводу, что нет и не может быть никакой научной дефиниции нации и национализма.

Макс Вебер, теоретик национализма и националист по убеждениям, предубеждал, что построение любых общих теорий национализма обречено на неудачу [2]. Он объяснял это сложностью проблем, заложенных в самой природе национализма. Среди ученых нет консенсуса при определении ключевых понятий национализма, нет единства при постановке теоретических задач, характеризующих данное явление, существуют различия в целостном отношении к национализму.

Ни в одной из существующих теорий национализма не удалось комплексно проанализировать весь спектр вопросов, имеющих отношение к данной проблематике. Общая теория национализма объективно необходима по причине заметно возрастающего воздействия этого явления на общественной жизни, особенно на международную политику.

Виднейший американский теоретик национализма Пол Рейн утверждал, что "если бросить внимательный взгляд на историю мирового развития, начиная с эпохи Возрождения, то можно обнаружить один принцип, вокруг которого гармонично группируется огромное количество самых разнообразных факторов, и этим принципом является национализм. С тех пор, как были сформированы еще в Средние века идеалы мирового государства, этот принцип является краеугольным камнем подлинной государственности вплоть до нашего времени" [3. Р. 2.]. Для него национализм – это не просто позитивный и конструктивный элемент внутренней и внешней политики любого государства, но, в сущности, ее самый фундаментальный фактор, ее основа.

Двадцатое столетие, по мнению многих аналитиков, стало настоящим "веком национализма". "Двадцатый век, – писал в своей работе "Национализм: его смысл и история" американский историк, профессор Нью-Йоркского университета Ганс Кон, – является первым периодом в мировой истории, когда человечество стало столь активно использовать концепцию государственного национализма в своей внутренней и внешней политике" [4. Р. 9].

Если во второй половине XX века ученые фокусировали основное внимание на идеологии государственного национализма, то в XXI веке большое внимания уделяться изучению этнического национализма. Можно выделить ряд факторов, влияющих на подъем националистических умонастроений общественного самосознания.

Во-первых, заинтересованность государства в поддержании высокого уровня национализма в обществе. Для укрепления чувства преданности своих граждан власти, в мобилизации их сохранения существующей власти и формирование сплоченности нации в рамках государства.

Во-вторых, подъем националистических настроений в обществе является фактором обеспечения защиты национальной территории, нерушимость национальных границ и государственных рубежей.

В-третьих, подъем национализма, выражается в политике защиты национального родного языка. Политика ограничений на использование "неродного" языка, исключение его из школьных программ, дискриминация граждан по языковому принципу.

В-четвертых, рост национализма предполагает вовлечение в этот процесс религии, церкви. XXI век характеризуется всплеском религиозных национализмов, наполнением повседневной жизни общества религиозными верованиями и настроениями.

В-пятых, подъему национализма способствует «переписывание» национальной истории. Государство в своих интересах «корректирует» историю, активно влияет на формирование нового исторического сознания в обществе.

В-шестых, прилив национализма сопровождается пересмотром национальных праздников, ритуалов, государственных символик и церемоний.

В силу всех этих причин национализм как государственная идеология и этническое явление объективно требует новых объяснений и толкований. Джон Бройи, считает, что с одной стороны необходимо рассматривать национализм "как форму политики", а с другой "как форму сознания, как выражение национального сознания, как политическую доктрину, выработанную интеллектуалами" [5. Р. 1]. Национализм с его точки зрения – это нечто связанное с политикой, ведь "акцентироваться на культуре, идеологии, идентичности, классе или модернизации значит не уделять внимания фундаментальному основанию национализма, который превыше всего и помимо всего прочего, соотносится с политикой, а националистическая политика – с властью" [5. Р. 1]. В современном мире власть состоит главным образом в поддержании контроля над

государством, то и центральная цель национализма – завладение и использование государственной власти.

Российский исследователь М.С. Лазарев отмечал: «национализм – это социальная категория со сложной эпистемологической структурой, которая требует междисциплинарного подхода и является предметом изучения, как с исторической, так и с актуально-политической точек зрения» [6].

По мнению многих современных исследователей, национализм бывает разным, выделяют: гражданский национализм и национализм этнический. Американский историк Ганс Кон, упоминавшийся нами ранее, предложил наличие двух типов национализма – западного и восточного. Это свой тезис он сделал, основываясь на мнение немецкого историка Фридриха Мейнеке. Согласно которому – "нации можно разделить на культурную и государственную, т.е. на нации, которые основаны на каком-то культурном наследии, появившемся в результате совместной жизни, и на нации, которые основываются преимущественно на объединяющей силе общей политической истории и конституции" [7. С. 37–38].

Западный национализм, сложился в Великобритании, Франции, США, Нидерландах, Швейцарии. Он характеризуется рациональностью, ориентирован на гражданство и демократию. Родина второго – Восточная и Центральная Европа. Этот национализм органический, иррациональный, авторитарный. Эти два вида национализма отличаются движущими силами. Движущие силы "западного" национализма – третье сословие, сложившееся в XVIII веке и требовавшее как политических, так и экономических прав. Движущая сила же "восточного" национализма – государство. Оно приняло на себя ведущую роль, так как национальная буржуазия была слаба.

"Западный" национализм основан на стремлении утвердить идеалы свободы в борьбе с абсолютизмом. "Восточный" национализм напротив, стремится утопить свободу в коллективизме.

Для идеологов «восточного» национализма модель, распространенная на Западе, всегда являлась привлекательной. Заимствуя ее, они заявляли о себе как об отстающих и стали отторгать "чуждую" модель с ее либеральным и рациональным подходом. Отсюда возникал комплекс неполноценности и «теоретические» размышления о «душе» и «миссии нации».

В современных условиях глобализации проходит двойной процесс. С одной стороны стремление к единой нации и полному отказу от национализма. С другой стороны к возрождению национализма к активизации различных правопопулистских сил. При этом они часто переходят грань между гражданским и этническим национализмом.

В вопросе о определении национализма, Б.С. Миронов предлагает свое видение. "Национализм – это естественная забота нации о самой себе, физическом, нравственном, духовном здоровье – крепости русского духа, крепости православной веры" [1. С. 44]. Через несколько страниц работы, мы читаем другое определение национализма. "Национализм – полная открытая любовь к своей нации, гордость за свою нацию, страстное желание служить своей нации, до самопожертвования быть верным ей, быть ответственным перед ней – дает возможность каждому человеку, каждому народу дышать полной грудью, не скрывать своей любви к своему народу, к своей нации, не стесняться этой любви, не избегать ее" [1. С. 46–47]. Оба этих определения нельзя назвать научными, они скорее носят популистский характер.

Не давая определения ни национализму, ни русскому национализму, автор детально рассматривает самое явление «национализм». С одной стороны подчеркивается значение национализма как идеи. "Только национализм – полная открытая любовь к своей нации, гордость за свою нацию, страстное желание служить своей нации, до самопожертвования быть верным ей, быть ответственным перед ней – дает возможность каждому человеку, каждому народу дышать полной грудью, не скрывать своей любви к своему народу, к своей нации, не стесняться этой любви, не избегать ее, без оглядки на кого другого ценить, любить, гордиться своим народом, искренне и полно считать его лучшим и стремиться его таким крепить" [1. С. 17]. С другой стороны констатируется противоположный тезис: "Именно национализм является основой мирного жительство народов, потому что национализм крепит не только нацию, он крепит отношения между нациями." [1. С. 17].

Б.С. Миронов признает национализм не только за русским народом, но и за другими народами населяющими Россию. "Только национализм дает всем народам возможность дышать полной грудью; вольно, легко и

свободно без оглядки на кого другого ценить, любить, гордиться своим народом, искренне и полно считать его лучшим и стремиться его таким крепить"[1. С. 47–48]. И в этой связи не совсем понятен тезис автора: "Националист якут, националист калмык, националист мордвин... – каждый националист каждого проживающего в России народа во имя благоденствия своего народа будет стремиться к сохранения своего народа рядом с большим" [1. С. 49]. Однако история многонациональных государств мира, показывает, что малые народы стремились к своему национальному сохранению, но «большие» народы препятствовали этому. История царской России, Советского Союза тому яркое подтверждение.

Еще один тезис вызывает сомнение: "Если каждая нация России националистически настроена – и в том залог крепости, дальнейшего развития каждой нации и всей России, если вся Россия заинтересована, чтобы каждая нация, в ней проживающая, была крепка и здорова, и только вместе мы представляем ту государственную мощь, с которой прежде считался и должен считаться мир". [1. С. 50]. По Б.С. Миронову малые народы населяющие Россию должны активно стремиться к своему национализму. Из этого положения формируется новый вид национализма: российский национализм, но это понятие не носит национального характера. Так как национализм происходит от слова нация, а российской нации нет.

Совсем не понятно звучит тезис: "*У национализма нет и не может быть противников в самой России, среди народов России. Как человек в здравом уме не может бороться со своим собственным здоровьем, так и страна не может отторгать то, что ей в здравие, силу и крепость*" (курсив – Б.М.) [1. С. 50].

В работе очень много не корректных мест: "как же мы можем отдавать высшую власть, ключевые посты в государстве, рулевые посты России людям не коренной российской национальности, людям с зовом чужой, далекой от России земли – иудеям?!" [1. С. 55].

В тексте работы много противоречий. Б.С. Миронов в статье "Выборы – грязное еврейское шоу", призывает отказать от участия в выборах. "Мы русские должны распрощаться с иллюзией воздействовать на власть при помощи выборов. Выборы – это жидовские игры – торжество

лжи, лицемерия, подлости и разврата" [1. С. 184–185]. Оценивая значение демократических выборов автор приходит к выводу: "Глупо надеяться отобрать власть у жидов при помощи выборов, которые и придумали сами жида, чтобы при помощи "демократического волеизъявления масс" разрушать веками складывавшийся в каждом народе нравственный уклад власти на основе веры и национальных традиций" [1. С.70–71]. Своеобразна и оценка выборов, "Выборы противны русскому характеру; его душе воротит выставлять себя напоказ, восхвалять себя, фиглярствовать, лицедействовать, вытанцовывать, жонглировать принципами и убеждениями, – а без этого за выборы нечего и браться; зато какое это пиршество – выборы – для жидовского чрева, какой это роскошный подиум для гнуснейших еврейских черт!" [1. С. 71–72].

Занимаясь изучением русского национализма Б.С. Миронов должен знать и русскую историю. В истории нашего народа был период, когда с 1136 году существовала Новгородская республика [8]. Для нее была характерна система выборов и народное Вече [9]. Поэтому высказанное автором мнение о том, что выборы «противны русскому характеру» не верно. При этом в другой части работы он пишет о выборах: "Идешь голосовать – сразу думай, кто из кандидатов русский, голосуй только за русского" [1. С. 158].

Еще одно очень странное положение высказывает автор: "Безграмотный, но добросовестный человек есть лучший гражданин, чем бессовестный грамотей, и что формальная образованность вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации" [1. С. 62]. Трудно сейчас представить добросовестного человека и одновременно безграмотным. Как может быть гражданин безграмотным? Этот положение автора отзывает нас к доисторическим временам.

Не менее странным является и другое высказывание Б.С. Миронова: "России предстоит выработать новую систему национального воспитания, и от верного разрешения этой задачи будет зависеть ее будущий исторический путь" [1. С. 63]. О каком воспитании идет речь? Выше автор говорит о воспитании на основе трудов святых отцов, произведений Пушкина, Гоголя, Ильина, Победоносцева. Как в таком случае быть с татарами, мордвинами, якутами и с другими народами населяющими Россию?

В последнее время в России возросло влияние на общественно политическую жизнь религии, особенно православия. В этой связи автор отмечает, "В России необходимо религиозное доверие народа к власти" [1. С. 65]. К какой вере должна относиться власть? Ответа нет. Ранее говорилось о "крепости православной веры" [1. С. 44].

Приведенные примеры из работы Б.С. Мирона полностью подтверждают, что автора рассуждает в русле "восточного" национализма. "Начну с самого главного: России прежде всего нужна сильная власть. Народ должен уверенно чувствовать, что это есть его русская национальная власть, преданная историческому делу, верная, неподкупная. Без этой уверенности не будет ни доверия, ни уважения, ни готовности ей служить. Сильная власть есть национально убедительная власть" [1. С. 65]. Развивая положение о «русской власти», автор забывает, что есть еще и другие народы, которые так же участвуют в вопросах власти.

В работе очень ярко провидится тезис о диктатуре власти: "Сущность диктатуры заключается в кратчайшем решении и полновластии решающего. Для этого необходима одна личная и сильная воля. Никакой коллегиальности – коллегиальность непременно выльется в многоволие, а это – все равно что безволие. И уж, конечно, коллегиальность – это всегда бегство от ответственности" [1. С. 66–67]. И далее "Диктатура имеет прямое, историческое призвание – остановить разложение, загородить дорогу хаосу, прервать политический, хозяйственный и моральный распад страны. Есть в истории такие периоды, когда бояться единоличной диктатуры – значит тянуть в хаос страну и содействовать ее развалу" [1. С. 67]. Б.С. Миронов сторонник диктатуры. Только при диктатуре нет ответственности диктатора при принятии решений. Только коллегиальное обсуждение и ответственность за принятие решения, гарантия успеха.

Вывод автора работы: "Россия сможет расцвести и возродиться только тогда, когда вольна будет русская народная сила, выражающая себя в лучших своих представителях. Вот на это и должен делать ставку – на свободную и благую силу русского народа – будущий российский диктатор. Необходимо дать развитие русской воле, а для этого весь талант диктатора должен быть отдан подбору себе в окружение талантливых, волевых русских людей с самого низа до самого верха" [1. С. 67]. Не понятен тезис автора "Россия возможна только как национальное

государство" [1. С. 68]. Какая нация будет в основе этого государства? Если только русские, то это положение может вызвать сложную ситуацию.

В политической жизни главным вопросом является вопрос о власти. Его Б.С. Миронов решает своеобразно: *"Вернуть себе власть, вернуть себе Отечество, снять с шеи народов России удушающую жидовскую петлю, низвергнуть жидовскую гильотину мы можем только силой оружия, – иного пути нам не оставили сами же жидаы. Лишь национальное восстание способно спасти русский народ и равно с ним – все коренные народы России от реальной жидовской гибели"* (курсив автора – С.П.) [1. С. 114].

В работе нет научных изысканий связанных с темой национализма. Все высказывания Б.С. Миронова носят популистский характер. Поставленная автором тема – русский национализм, требует серьезного, глубокого, внимательного исследования. В этой связи нам представляется логичным подход Эли Кедури английского историка-востоковеда. Он предлагает вместо политического подхода, философский способ понимания национализма – как социальная философия [10].

Как показывает история, национализм – это исторический феномен, который возник при определенных условиях, характерен для определенной эпохи, и выполняет определенную функцию. Более ста лет назад французский философ Эрнест Ренан писал: «В нациях нет ничего вечного. У них есть начало, будет и конец» [11. С. 22].

Национализм сейчас успешно справляется со своей функцией, а эпоха и условия, в которых он возник, не подошла к концу и не исчезли, любые призывы к искоренению национализма крайне опасны. Ведь они ведут к исчезновению нации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Миронов Б.С.** Русский национализм / Отв. ред. О. А. Платонов.– М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 560 с. ISBN 978-5-4261-0088-6.
2. **Weber M.** Nationalism and power-politics – in Stanford Encyclopedia of philosophy – <http://plato.stanford.edu/entries/weber/>).
3. **Reinch P.** World politics of the nineteenth century. N.Y., 1902.
4. **Kohn H.** Nationalism. Its Meaning and History. Princeton. 1955.
5. Breuilly J& Nationalism and State& Chicago. 1994.

- 6. Лазарев М.С.** Национализм на Ближнем Востоке // Сборник Лазаревские чтения. 2012. Вып. 1. С. 27.
- 7. Альтерматт У.** тационализм в Европе / Урс Альтерматт; [Пер. с нем. С.В. Базарновой Рос. гос. гуманитар. ун-т]. – М : РГГУ, 2000. – 366 с.
- 8. Ионов И.Н.** Новгородская республика. Из учебного пособия «Российская цивилизация» // Преподавание истории в школе. 1995. № 6. С. 46-55.
- 9. Лукин П.В.** Новгородское вече / моногр. Ин-т российской истории РАН. - Москва : Индрик, 2014. – 608 с. ISBN: 978-5-91-674-308-1.
- 10. Кедури Эли.** Национализм. СПб.,: Алетейя, 2010. - 136 с.
- 11. Ренан Э.** Что такое нация : Лекция Э. Ренана, чит. в Сорбоне. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : В.Л. Берман, ценз. 1888. – 43 с.

УДК 342.727

Ван Цзюньтао

КИТАЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ НАЧАЛА XX ВЕКА ¹

На протяжении всего XIX и вплоть до середины XX века Китай находился в очень сложных условиях. Западные страны в поисках новых рынков для своих товаров обратили свои взоры на Китай. Великобритания развернула активную торговлю опиумом на юге страны. Китайские власти приказали сжечь британские запасы опиума. Началась опиумная война. В результате этих двух войн, Китай вынужден был подписать в 1860 году не выгодный для себя договор. По этому договору страна была разделена на сферы влияния между крупнейшими западными державами.

Западные государства стали развивать товарно-денежные отношения, что стимулировало создание экономической базы в отдельных провинциях. Наибольшее развитие получили прибрежные южные провинции. Строительство железных дорог, развитие парового сообщения способствовали формированию единой китайской (ханьской) нации.

Однако это был сложный и во многом противоречивый процесс. С одной стороны, общность территории, единый язык, иероглифическая письменность и грамматический строй являлись общими компонентами для всех китайцев. Это способствовало развитию национальной культуры, формированию национальной идентичности. Угроза полного порабощения и раздел страны западными странами, способствовало так же пробуждению национального самосознания и развитию чувства единства интересов китайского народа.

Но с другой стороны, были силы, тормозящие этот процесс. Прежде всего, наличие феодальных пережитков, проявляющихся в раздробленности страны, в засилье иностранного капитала, господствующем положении маньчжурской знати.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224)

В конце XIX века в китайском обществе, в условиях поражения императорской политики Цинской династии, начался процесс пересмотра представления о Китае как о неколебимой империи. Так же продолжился процесс формирования китайской нации, на этой основе возникло национальное движение.

Среди китайской молодежи, получившей традиционное классическое образование формировались оппозиционные движения. Участники этих движений считали, что необходимы не только экономические, но и политические перемены. Эти оппозиционные движения сторонников реформ знаменовали начало нового этапа в развитии китайского национализма. Смысл его заключался в соединении тысячелетней традиции Поднебесной с достижениями западной цивилизации.

Определяющую роль в националистическом движении сыграли группы молодых ученых, выходцев из южных провинций Китая. Среди них можно выделить: Кан Ювэй, Лян Цичао, Тань Сытун и Сунь Ятсен. В данной статье мы остановимся на взглядах первых двух.

Кан Ювэй (1858–1927) выдающийся знаток древней китайской литературы, истории и философии, возглавлял движение за реформы 1898 года, был один из первых теоретиков национализма [1]. Он происходил из семьи гуандунских шэньи. Получил превосходное классическое конфуцианское образование. В 1885 году в возрасте 27 лет, он сдал экзамены на высшее ученое звание цзиньши. Его имя стало широко известно среди китайской интеллигенции, благодаря работам посвященных конфуцианству.

В своих работах Кан Ювэй [2] стремился представить Конфуция, как одного из первых реформаторов китайской традиции. Обращение к его имени определялось необходимостью для обоснования преобразований в Китае в конце XIX века. Будучи страстным почитателем конфуцианства, Кан Ювэй стремился привлечь это учение в своих политических целях [3]. Он использовал испытанный в Китае прием, для подтверждения правильности своих собственных взглядов ссылаться на древнюю историю. Такой прием легче обеспечивал доверие народа, которому ближе и понятней прошлый исторический опыт, чем неизвестные и не

проверенные жизнью нововведения. «Без исторического примера, – писал Кан Ювэй, – трудно добиться доверия, а без доверия народ не будет повиноваться, поэтому во всех своих проектах Конфуций ссылается на предыдущих правителей» [2. Т.1. С. 158.].

Главным содержанием учения Конфуция, по мнению Кан Ювэй, является учение о реформах государственного строя [4; 5]. Так он предполагал провести историческую параллель между конфуцианским учением и необходимостью проведения реформ в Китае [6]. Божественное происхождение императорской власти, по конфуцианскому учению, Кан Ювэй переносил на современность. Правители царствуют только по воле неба, нарушив этот принцип, они теряют все законные права на престол, и небо передает право на правление другому. Созданные Конфуцием образы легендарных правителей: Яо, Шуня и Юя, стали примером добродетельности и объектами подражания для современников.

Будучи хорошо знаком с историей стран Запада и Японии, он стремился соединить некоторые положения конфуцианского учения с идеями Запада. В своих работах Кан Ювэй призывал развивать дух патриотизма. Выдвинутая им программа реформ, строилась на борьбе китайского народа против порабощения. Он выступал как убежденный сторонник монархической власти, считая, что реформы должны быть осуществлены императором [7].

В 1885 году Кан Ювэй опубликовал книгу «Рассуждения о японском патриотизме». В ней автор пытался объяснить возвышение Японии, по его мнению, успех страны восходящего солнца связан с идеей патриотизма. Отсутствие его в Китае привело страну к разобщенности и слабости. Опираясь на сравнительный анализ исторического развития разных стран, Кан Ювэй пришел к выводу о необходимости реформ «сверху».

Для поступления на государственную службу требовалось сдать экзамен. В качестве экзаменационной работы Кан Ювэй составил «Письмо к императору». В нем он писал об опасности угрожавшей Китаю, и призывал императора «изменить существующий порядок, проникнуть в душу народа». Экзаменационная комиссия работу признала крамольной и она не была передано императору. Высказанные Кан Ювэем идеи получили широкое распространение среди китайской интеллигенции.

Толчком к усилению реформаторского движения стала японо-китайская война 1894–1895 гг. Поражение Китая в войне и существенные территориальные потери вызвали в стране национальный подъем. В стране развернулось национальное движение против подписания Симоносекского договора с Японией и за немедленное проведение реформ. Активную пропаганду в этом движении сыграл Кан Ювэй. Он выступал в многих городах страны, его выступления привели к возникновению обществ сторонников реформ.

В течение трех с небольшим лет было организовано двадцать четыре отделения, восемь школ и восемь издательств, занимавшихся распространением знаний о необходимости реформ. Стремясь укрепить общественное движение в поддержку реформ, Кан Ювэй создал весной 1898 года «Общество защиты государства» [8]. Ближайшим сподвижником Кан Ювэя стал видный китайский историк и литератор Лян Цичао.

Ляна Цичао, (1873–1929) философ, историк философии, государственный и общественный деятель. Он родился в провинции Гуандун в помещичьей семье. Он рос усердным, трудолюбивым и любил учиться, в детстве его назвали «чудесным ребёнком». Его отец известный китайский архитектор Лян Сычэн, рано обнаружил у сына тягу к знаниям и стремился дать ему хорошее образование. К 6 годам Лян прекрасно читал классические китайские тексты, в 9 лет начал писать сочинения, состоящие из более чем тысячи иероглифов. В 11 лет он успешно сдал экзамен на степень сюэя (первая, низшая из трёх учёных степеней в системе государственных экзаменов кэцзюй). В шестнадцать он получил вторую ученую степень цзюйжень. В 1890 году Лян исполнилось 17 лет и он поехал в Пекин, для сдачи экзамена на третью ученую степень – цзиньши, но ему не повезло экзамен он не сдал.

Вернувшись из столицы Лян Цичао, побывал в Шанхае, где познакомился с переводами западных книг по истории, социологии, географии. Его увлекли философские труды Ж.Ж. Руссо, И. Канта, Дж.С. Милля, и произведения Ч. Дарвина и Г. Спенсера. Эти работы он использовал в активной пропаганде идей конституционного реформирования государства, демократии и равенства. В своих же работах от стремился синтезировать идеи классической китайской философии с западным либерализмом.

В работах Лян Цичао значительное место занимают вопросы ханьской этнической общности. В его понимании эта нация трактуется как особая раса. Он исследует вопросы выживания, расширения ханьцев, их политику ассимиляции других народов. По его мнению, ханьцы составляют 80% всей желтой расы [9]. «После династии Хань, – писал Лян Цичао, – Китай постепенно приобщился к цивилизации [ханьцы] стали полноценной расой благодаря взаимному слиянию (сян хэ) многих рас» [9].

К положительным качествам ханьцев Лян Цичао относил их способность к расширению своего влияния. В начале китайская нация, представляла собой объединение нескольких племен, но по истечению времени и роста, ханьцы превратились в «не имеющую себе равных огромную нацию, создавшую столь величественное государство» [10]. И далее: «У нее (*китайской нации – В.Ц.*) было два пути собственного роста. Первый состоял в том, чтобы побудить бесчисленные инородческие этносы внутри страны и за ее пределами ассимилироваться с нами. Вторым заключался в непрерывном продвижении людей нашей нации к границам и расширению территории [Китая]. Пяти тысячелетняя история шла этими путями... И за последние 50 лет в этом деле достигнуты весьма крупные успехи» [10. С. 41]

Способность ханьцев активно ассимилировать другие этносы, по мнению Лян Цичао, не приводило к их ассимиляции с другими народами. «В каком бы государстве они (*ханьцы – В.Ц.*) ни находились, писал он, – они все равно сохраняют свои обычаи и привычки и не ассимилируются с [людьми] этого государства.» [11]. Вывод к которому он приходил, что ханьцы обладают «самой мощной ассимиляционной способностью» [12].

Признавая за ханьцами положительные качества, Лян Цичао в тоже время видел и их недостатки. Одним из них он считал раздробленность, отсутствие внутреннего стержня, который бы объединял народ в единое целое. Одновременно он констатировал отсутствие у ханьцев «идеи государства (гоцзя сысян). Ханьцы традиционно воспринимали свою страну как Поднебесную, т.е. весь известный им мир, но не как государство. По мнению Лян Цичао, китайцы «не имеют понятия, в чем различие между государством и Поднебесной», ибо они «никогда сами не сознавали, что их страна является государством» [13].

Однако главным недостатком ханьцев, считал Лян Цичао, ослабление чувства патриотизма [13. С. 66]. Это слабое чувство патриотизма объясняется не отсутствием данного качества в характере ханьцев, а традиционной размытостью их представлений о государстве. Для китайцев, по мнению ученого, государство всегда было чем-то «абстрактным и труднодоступным для понимания» [13. С. 66].

По мнению китайских ученых Цзинь Тяньмину и Ван Цинжэню, Лян Цичао в 1899 году первый в китайском языке, употребил слово миньцзу (в современном значении – «нация») [14]. Слово «миньцзу» (民族) в китайском языке получило значение «нация», позже стали называть этносом. В трактовке Лян Цичао слово «миньцзу» имеет значение «этническая общность», «этническая нация».

Лян Цичао стал первым из китайцев, кто употребил слово миньцзучжуи (民族主义) («национализм»). Общее понятие о национализме он получил из японских изданий, находясь в Японии в вынужденной иммиграции. Это были работы японских авторов, посвященные политической ситуации в конце XIX века. Предлагая одну из первых характеристик национализма, Лян Цичао, видел в нем главное средство для спасения своего отечества. Он называл национализм «великим принципом», возбуждающим «умы людей всего мира», не желающих жить «под гнетом инородцев», «национализм – это самый светлый, честный и справедливый принцип в мире» [15].

В своих работах мыслитель высказывал мнение о необходимости «продвигать» в Китае два вида национализма: малый национализм (*сяо миньцзу чжуи* 小民族主义) и большой национализм (*да миньцзу чжуи* 大民族主义). «Что такое малый национализм? – Это национализм ханьцев в отношении прочих национальностей страны. Что такое большой национализм: – Это национализм всех национальностей Собственно Китая и зависимых территорий в отношении национальностей за пределами страны» [16]. Таким образом он выдвигал идею «большого национализма» и тем самым первый в Китае поставил вопрос о возможности формирования полиэтнического национализма.

Одной из важных сторон национализма, на которую обращал внимание Лян Цичао, это содействие благоприятной атмосферы для

сохранения и развития культуры нации, для подъема и возрождения ее. «Когда прибегают к этому принципу, – отмечал мыслитель, – все нации неизменно стремятся к укреплению собственной самобытности, в полной мере развивают ее особенности. Все исконное – традиции и обычаи, право, литература, изобразительное искусство – становится мерилom самоуважения наций» [17].

Национализм Лян Цичао проявлялся в его убеждении особого предназначения ханьцев в мире. Их исключительной и ведущей миссии в эволюции человечества. Азию мыслитель считал основной и главной частью мира, Китай – главной частью Азии, а Собственно Китай главной частью Китая. Он видел в национализме залог расширение ханьской нации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Селлман Дж. Л. Кан Ювэй // Великие мыслители Востока. – М., 1998. – С. 154–160
2. Кан Ювэй Датуншу шоугао 康有為大同書手稿 [Рукопись «Книги о Датун» Кан Ювэя]. Нанкин: Цзянсу гуцзи чубаньшэ 江苏古籍出版社, 1985. – Т. 1 – 4.
3. Мартынов Д. Е. Кан Ю-вэй: Жизнеописание. – Казань: Ин-т истории АН РТ им. Ш. Марджани, 2010. – 328 с.
4. Сяо Гунцюань 萧公权. Цзиньдай Чжунго юй синьшицзе: Кан Ювэй бяньфа юй Датун сысян яньцзю 近代中国与新世界：康有为变法与大同思想研究 [Китай в Новое время и новый мир: реформы Кан Ювэя и концепция Датун] / Пер. Ван Жунцзу 汪荣祖. Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ 江苏人民出版社, 1997. – 629 с.
5. Максимов Д.А. Политико-правовое учение Кан Ювэя // Современный Китай: право, политика, общественная жизнь: Информ. мат-лы ИДВ РАН. Вып 7. (Сер. В: «Общество и государство в Китае в ходе реформ»). М., 2000. С. 113–120.
6. Куан Болинъ 卞柏林. Кан Ювэй дэ чжэсюэ сысян 康有为的哲学思想 [Философские идеи Кан Ю-вэя]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ 中国社会科学出版社, 1980. – 170 с.
7. Мартынов Д.Е. Теория Кан Ю-вэя в изложении его ученика Лян Ци-чао // Вопросы философии. 2015. № 1. С. 158-166.
8. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй // Избр. произведения: в 5 кн. Кн. 1: История Китая до XX века. – Наука, 2006. - С. 10-415.

9. **Лян Цичао** 梁启超. Бянь фа тун и 变法通议 [Свод мнений о правовой реформе] // Инь бин ши хэ цзи 饮冰室合集 [Сочинения из Кабинета охлаждения жара]. Т. 1. Разд. 1. С. 78.
10. **Лян Цичао**. Уши нянь Чжунго цзиньхуа гайлунь 五十年中国进化概论 [Обзор прогресса Китая за 50 лет] // Инь бин ши хэ цзи. Т. 14. Разд. 39. С. 40 – 41.
11. **Лян Цичао**. Лунь Чжунго жэньчжун чжи цзянлай 论中国人种之将来 [О будущем китайской расы] // Инь бин ши хэ цзи. Т. 2. Разд. 3. С. 50.
12. **Лян Цичао**. Лиши шан Чжунго миньцзу чжи гуаньча 历史上中国民族之观察 [Взгляд на китайскую нацию в истории] // Инь бин ши хэ цзи. Т. 11. Разд. 41. С. 2.
13. **Лян Цичао**. Чжунго цзижо суюань лунь 中国积弱溯源论 [О причинах ослабления Китая] // Инь бин ши хэ цзи. Т. 2. Разд. 5. С. 15.
14. **Цзинь Тяньмин** 金天明, Ван Цинжэнь 王庆仁. «Миньцзу» ицы цзай вого дэ чусянь цзи ци шиюнь вэньти “民族”一词在我国的出现及其使用问题 [К проблеме появления и употребления слова «миньцзу» в Китае] // Шэхуэй кэсюэ цзикань 社会科学辑刊. 1981. № 4. С. 89 – 94.
15. **Лян Цичао**. Гоцзя сысян бяньцянь итун лунь 国家思想变迁异同论 [Сравнительный взгляд на эволюцию идеи государства] // Инь бин ши вэнь цзи. Т. 3. Разд. 6. С. 19 – 20.
16. **Лян Цичао**. Чжэнчжисюэ дацзя Болуньчжили чжи сюэшо 政治学大家伯伦知理之学说 [Учение Блунчли, крупного специалиста в области политических наук] // Инь бин ши хэ цзи. Т. 5. Разд. 13. С. 75 – 76.
17. **Лян Цичао**. Лунь миньцзу цзинчжэн чжи даши 论民族竞争之大势 [О тенденциях в соперничестве наций] // Инь бин ши хэ цзи. Т. 4. Разд. 10. С. 11.

УДК 239

Т. С. Тараканова

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Основополагающие внешнеполитические позиции Китайской Народной Республики закреплены в регулярно издаваемой с 1998 года «Белой книге» [1]. В мае 2015 года вышла очередная девятая по счету «Белая книга». Основное внимание в ней было уделено военной стратегии КНР и положению страны на международной арене. В книге отмечалось, что в условиях постоянных изменений международной геополитической ситуации появляются новые вызовы безопасности стране. В документе подчеркивается, что Китай проводит политику исключительно оборонительного характера:

1. единство стратегической обороны и готовность к тактическому нападению;
2. приверженность принципам обороны, самообороны и ответного удара по противнику;
3. соблюдение позиции «Мы не будем нападать, пока на нас не нападут, но мы непременно дадим отпор в случае нападения» [2].

В девятом издании книги появились новые аспекты внешнеполитических приоритетов КНР в отношении будущего миропорядка:

1. курс на повышение международного положения и перехвата лидерства в военной сфере, расширение влияния Китая;
2. переход к обеспечению безопасности не только прибрежных территорий, но и в открытом море;
3. стремление развивать военное сотрудничество с другими странами, в первую очередь с Россией: «вооруженные силы КНР будут способствовать взаимобмену и сотрудничеству с российской армией в рамках всеобъемлющего стратегического партнерства и координации между Китаем и РФ» [2].

Тема роли Китая на мировой арене, активно обсуждается в экспертных кругах. Китайский исследователь Чжан Байцзя, выделил четыре основных задач на ближайшую перспективу во внешней политике страны:

1. Главной целью внешней политики КНР является защита национального суверенитета и обеспечение экономической безопасности.

2. Отстаивать всеобщий мир, бороться с гегемонизмом, силовой политикой и терроризмом, поощрять установление более справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка.

3. Адаптироваться к различным изменениям в международных отношениях после окончания холодной войны, особенно к всесторонней перестройке отношений крупных держав и небывалому оживлению деятельности различных региональных и межрегиональных организаций сотрудничества.

4. Адаптироваться к влиянию на Китай тенденции экономической глобализации и быстрого развития высоких технологий [3].

В региональных приоритетах внешней политики Китая, можно выделить следующее:

во-первых, развитие отношений с ведущими странами такими как США, Россия, Франция, Германия, Великобритания, так как эти государства являются главными игроками международных отношений;

во-вторых, отношение с соседними странами такими как Япония, Корея, страны Юго-Восточной Азии, так как Китай хочет создать стабильные и мирные условия для развития страны;

в-третьих, это отношение с развивающимися странами Африки и Латинской Америки [4].

Главным направлением во внешней политике КНР являются китайско-российские отношения. Китай делает ставку на стратегические партнерские отношения. В основе официальной внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики лежат важные концептуальных идей. Рассмотрим их подробнее.

Пять принципов мирного сосуществования. В 1953 году Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлаем, во время встречи с делегацией Индии впервые выдвинул «Пять принципов мирного сосуществования»:

- взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности,

- взаимное ненападение,
- невмешательство во внутренние дела друг друга,
- равенство и взаимная выгода,
- мирное сосуществование.

Во время визита Премьера Чжоу Эньлая в Индию и Бирму в 1954 году, была опубликована совместная декларация государств. В ней страны подписавшие декларацию, выступили с призывом к мировому сообществу сделать «Пять принципов мирного сосуществования» всеобщими нормами международных отношений. В 1982 году эти принципы вошли в Конституцию Китайской Народной Республики.

Теория «мира и развития» Дэн Сяопина. В начале 80-х годов XX в. Дэн Сяопин, выступил за проведение масштабных экономических, социальных и политических реформ в стране. Его идеи включали фундаментальную модернизацию Китая по четырем основным направлениям: оборонная промышленность, наука, сельское хозяйство и промышленное производство. Одновременно пересматривалась и внешнеполитическая концепция. Она предусматривала не только экономическую, но и политическую, культурную, социальную открытость КНР миру.

Теория «гармоничного мира». Концепция Дэн Сяопина была дополнена председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао и получила название теория «гармоничного мира». Концепция обнародована в сентябре 2005 года на собрании по случаю 60-летней годовщины ООН. Теория «гармоничного мира» подразумевает построение «гармоничной» Азии и гармоничного мира, содействие миру, развитию и кооперации во всем мире.

Во время посещения Йельского университета в 2006 году Ху Цзиньтао раскрыл основные положения концепции. В ее основе лежат традиционные китайские гармоничные ценности: социальная гармония, единство и взаимопомощь. Они являются неотъемлемой частью китайского народа, его ценностями и культуры. Поэтому Китай всегда выступал в роли строителя гармоничного общества и выступает за хорошие отношения с соседними странами и стремится к тому, чтобы все государства мира жили в гармонии друг с другом [5].

На XVII съезде Коммунистической Партии Китая в 2007 году, Генеральный секретарь Ху Цзиньтао призвал к строительству гармоничного мира для противостояния вызовам, брошенным человечеству в последние десятилетия. В контексте создания гармоничного общества и гармоничного мира особое место отводилось научной концепции развития. Суть ее сводится к всестороннему, гармоничному и устойчивому развитию при едином и комплексном планировании, ориентированном на человека – как главного центра и основы этой концепции [6]. Осуществление строительства гармоничного мира немыслимо без реализации научной концепции развития, а гармоничный мир, согласно китайскому видению, необходимое условие существования человечества в рамках современных тенденций глобализации [7].

В результате внешняя политика Китайской Народной Республики: «стремится использовать достижения других цивилизаций для продвижения к миру и развитию через сотрудничество, стремится играть свою роль в строительстве гармоничного мира, длительных мирных отношений и общего процветания» [8]. Согласно речи Ху Цзиньтао, ключевое положение теории «гармоничного мира» заключается в сотрудничестве всех акторов мировой арены для обеспечения всеобщей безопасности, установления продолжительного устойчивого мира и всеобщего процветания. Преследуя в своей внешней политике цель построения «гармоничного мира», Китай: «будет стараться своим собственным примером, строго соблюдая принципы ООН, активно участвовать в международных делах, выполнять международные обязательства, содействовать установлению нового, справедливого, разумного мирового порядка» [9].

По словам главы Центра сравнительных экономических и политических исследований Юй Кэпин, «выдвинутая Китаем теория гармоничного мира имеет много общего с распространенной в мире теорией глобального управления. Обе они коренятся в заботе об общей судьбе человечества, обе выступают против унилатерализма и гегемонизма, обе подчеркивают решение общих вопросов каждого государства через международное сотрудничество, обе выступают против “мира, управляемого Америкой”, и подчеркивают повышение роли ООН, обе настойчиво утверждают новый мировой политико-экономический порядок.

Это китайский взгляд на глобальное управление, это мировоззрение Китая в условиях новых реалий и тенденций в изменяющемся мире» [10].

Идея строительства гармоничного мира и осуществления мирного развития является не только стратегической концепцией, но и идейной основой внешней политики Китая. Гармоничный мир – это конечная цель, достижение которой и будет направлять деятельность Китайской Народной Республики на международной арене.

Концепция «китайской мечты» Си Цзиньпина. В 2012 году Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин предложил новую внешнеполитическую концепцию – «китайская мечта». Концепция состоит из трех основных компонентов:

- сильное и богатое государство (гоцзя фуцян),
- национальное возрождение (минцзу чжэньсин),
- народное счастье (жэньмин синфу).

Газета «Оучжоу шибао» отмечала, что «китайская мечта» – это общая цель всего китайского народа и желание каждого отдельно взятого гражданина страны, и для ее осуществления будут прикладываться неустанные усилия [11]. Осуществление китайской мечты превратит Китай в богатое, могущественное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное государство. Концепция строительства «гармоничного мира» совпадает с целью достижения «китайской мечты».

Большое место в концепции «китайской мечты» занимает мысль об исключительной роли КНР в качестве страны, продвигающей идею мирного развития и международного сотрудничества, гармоничного мира, китайские традиционные идеалы и ценности, полезные для всего мирового сообщества. Цель реализации концепции «китайской мечты» – построить к 2049 году, к столетию образования Китайской Народной Республики, богатое, могучее, демократическое, цивилизованное, гармоничное современное государство. В интервью, в мае 2013 года, Си Цзиньпин подчеркнул, что Китайская Народная Республика будет не только развиваться сама, но и нести ответственность за развитие всего мира, вносить вклад в это развитие, создавать блага не только для народа Китая, но и для народов всего мира: «Осуществление китайской мечты принесет миру мир, а не потрясения, это шанс, а не угроза» [12].

Таким образом, в основе внешней политики Китайской Народной Республики, претерпевшей существенные изменения за последние десятилетия, обозначился общий тренд на повышение международного престижа Китая как страны дружественной и миролюбивой, а также на открытость страны для различных форматов международного сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Китай: контроль над вооружениями и разоружение (Белая книга) [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИДа КНР. – Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/zfbps/t25317.shtml> (16.03.2016г.).
2. **Лексютина Я.** Первая Белая книга Китая по военной стратегии: новые акценты? [Электронный ресурс] // Новое Восточное Обозрение. – Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2015/06/06/pervaya-belaya-kniga-kitaya-po-voennoj-strategii-novy-e-aktsenty/> (14.03.2016г.).
3. **Чжан Байцзя.** Исторический обзор эволюции внешнеполитических отношений Китая в период осуществления реформ и политики расширения внешних связей (1992-2002) // Проблемы Дальнего Востока, 2003. № 6.
4. **Wang Yizhou.** «中国外交十特色» 2008г. <http://www.docin.com/p-28513220.html>
5. **Юй Кэпин.** Хэсе шицзе линиянь ся дэ Чжунго вайцзяо (Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия) // Ляован синьвэнь чжоукань. 2007. № 17. С. 31.
6. Ху Цзиньтао об углубленном претворении в жизнь научной концепции развития // Газета «Женьминь Жибао» он-лайн. Октябрь 2007. <http://russian.people.com.cn/31521/6283410.html>.
7. **Ли Син.** Россия и Китай в евразийской интеграции: сотрудничество или соперничество? / Ли Син, М. В. Братерский, Д. А. Савкин ; Рос. совет по междунар. делам. - Санкт-Петербург [и др.] : Нестор-История, 2015. – 350 с.
8. A Translation of Chinese President Hu Jintao's Remarks at Yale. 2006. Apr. 21.
9. **Сун Сейфен.** Теория о гармоничном мире и исследования международных отношений // Ляоуу кехуе уанъию (Научное воспитание и исследования) **Сун Сейфен** Теория о гармоничном мире и исследования международных отношений // Ляоуу кехуе уанъию (Научное воспитание и исследования), 2007. №11.
10. **Yue Keping.** Hexie shijie linian xia de zhongguo waijiao (Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия) // Liaowang xinwen zhoukan (Еженедельный обзор периодической печати). 2007. № 17. С. 31.
11. Познакомить мир с "китайской мечтой", март 2013. <http://russian.people.com.cn/31521/8154196.html>
12. **Ломанов А.В.** Китай мечтает вместе с миром. Сентябрь 2013. <http://ru.china-embassy.org/rus/zgm/t1077799.htm>

Раздел VIII.

СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 339.138

М. Ю. Абабкова

**КОНЦЕПЦИЯ СТРАНЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ В БРЕНДИНГЕ
ТОВАРОВ НА ГЛОБАЛЬНОМ РЫНКЕ:
СТРАТЕГИИ И ПРОБЛЕМЫ**

Брендинг в современной экономике – мощный инструмент повышения эффективности интегрированных маркетинговых коммуникаций компании. В мире потребления, где конкурирующие товары не слишком сильно отличаются друг от друга, бренд зачастую является единственным средством, позволяющим компании выделиться, продемонстрировать свою индивидуальность [3, с. 32]. Работа с такими элементами бренда как потребительские ассоциации, страна (место) происхождения, товарный знак, индивидуальность, воображение, символы, эмоциональное преимущество, взаимоотношение потребителя (покупателя) и бренда является важнейшим аспектом процесса брендинга, особенно в рамках рекламной кампании.

В настоящее время в связи с глобализацией экономики такая составляющая бренда как страна (место) происхождения товара (country (place) of origin) занимает далеко не последнее место. Концепция страны происхождения (country of origin), сформировавшаяся в середине 1960-х гг., в первую очередь относилась к стране производства товара, поскольку уже тогда исследователей интересовал вопрос о влиянии информации о стране производства товара на выбор потребителей. В течение длительного периода времени термин «страна происхождения бренда» был

тождественен месту производства товара и месту происхождения бренда. В процессе глобализации экономики родина бренда и местонахождение производства товара под данным брендом стали не совпадать. Однако именно это противоречие позволяет сделать вывод о том, что в восприятии происхождения бренда информация о местонахождении производства играет далеко не последнюю роль [4].

В настоящее время, на смену понятию «страна (место) происхождения» (country (place) of origin) пришло понятие «страна происхождения бренда» (country of brand origin), взаимодействие этих двух понятий определяют концепцию современного брендинга на основе использования имиджа страны (места) происхождения товара (бренда). В 2009 г. в США было проведено исследование, результаты которого показали, что если страна происхождения бренда и страна происхождения продукта совпадают, то это положительно сказывается на отношении потребителя к бренду [12].

Характеристики страны происхождения товара (национальные особенности, экономическая и политическая ситуация, историю, традиции и продукты, производимые в этой стране) создают образ страны, ее стереотипное восприятие потребителями из других стран, которое влияет на восприятие продуктов, произведенных в данной стране [11]. Отмечается, что стереотипное восприятие характеристик страны может влиять на поведение зарубежных потребителей, особенно в ситуациях неопределенности или недоступности дополнительной информации, становясь основой для принятия решения о покупке товара [16]. Чувствительность потребителей к стране происхождения товара зависит от категории товара. Больше всего чувствительность потребителей к стране происхождения товара проявляется для товаров длительного пользования или предметов роскоши, а меньше всего – для категорий товаров с низким уровнем вовлеченности, таких, как шампунь [14].

Следует отметить динамичность фактора страны происхождения, образа страны, а, следовательно, образа бренда товара, связанного с данной страной: имидж бренда товара может меняться под воздействием изменений выше перечисленных характеристик страны происхождения товара (бренда). Восприятие страны и сила стереотипов восприятия

зарубежных брендов зависят также и от того, как относятся к отечественным и импортным товарам в конкретной стране, поскольку даже среди жителей одной страны эти представления могут отличаться.

На протяжении всего развития концепции брендинга маркетологи пытаются установить зависимость между положительным образом бренда и местом его происхождения. Брендированные товары-аналоги из разных стран воспринимаются потребителями по-разному. Исследования, посвященные влиянию страны происхождения продукта на намерение купить, показывают, тем не менее, противоречивые результаты: ряд исследований указывает на прямое влияние имиджа места происхождения товара на предпочтения покупателей, другие исследования указывают на косвенное воздействие места происхождения товара на покупательскую мотивацию.

Так, российскими и зарубежными учеными были получены положительные эмпирические результаты, свидетельствующие о положительном влиянии имиджа места происхождения на оценку бренда при условии позитивного отношения потребителей к месту происхождения [5, с. 358-370].

Использование имиджа страны происхождения товара в процессе брендинга (например, в рекламной кампании) имеет свои положительные стороны. При использовании имиджа места происхождения товара для создания и продвижения бренда нет необходимости создавать ассоциации для восприятия ценности бренда, поскольку большинство потребителей уже имеют определенные ассоциации со странами происхождения бренда или производства товара под данным брендом [15]. Данная составляющая бренда позволяет сокращать издержки на создание бренда товара, произведенного в конкретной стране.

Современное развитие международных рынков приводит к тому, что концепция брендинга на основе использования характеристики «страна (место) происхождения» теряет свою универсальность. В зарубежных публикациях, посвященных брендингу на глобальных рынках, появилось понятие «гибридный продукт» (hybrid product), которое пока не нашло отражения в отечественной литературе [10]. Гибридный продукт является следствием глобализации, поскольку страна (место) происхождения товара становится все менее очевидной для конечного потребителя:

проектирование (дизайн) осуществляется в одной стране, производство – во второй, а сборка (упаковка) – в третьей [4].

Ученые из Венского университета экономики и бизнеса пришли к следующему выводу: решения о переносе производства глобальных брендов в другие страны имеют далеко идущие последствия, в силу того, что в данном случае информация о стране производства имеет слабо выраженное (косвенное) влияние на выбор потребителя. Как показывают современные международные исследования, даже самые сильные бренды страдают от перевода производственных линий в менее престижные страны [13]. Следовательно, можно предположить, что снижение издержек за счет переноса производственных линий в другие страны может быть в конечном итоге незначительным из-за негативной реакции потребителей на имидж страны нового производства товара и, как следствие, снижения их лояльности к бренду.

Тем не менее, использование имиджа страны независимо от места производства при продвижении товаров является популярным приемом современного брендинга. По данным исследований Швейцарского Федерального института интеллектуальной собственности (IGE – IPI), швейцарские производители и продавцы активно используют клеймо «Swiss made» для увеличения престижа товаров под швейцарскими брендами, несмотря на место производства товара и состав комплектующих. Для использования клейма «Swiss made» не менее 50% комплектующих должны быть швейцарскими, однако правила использования клейма пока существуют только в часовой промышленности, где не менее 75% комплектующих и трудовых затрат на производство должны быть швейцарскими [1].

Другой пример: клеймо «Сделано в Австралии» является надежным гарантом качества и привлекает 66% внутренних покупателей, которые активно ищут австралийскую продукцию [1].

С другой стороны, товарные бренды играют все большую роль в формировании имиджа страны и ее национальной культуры, так как именно с их помощью потребители формируют свое мнение о национальных особенностях той или иной страны.

Крупнейшим торговым партнером для Санкт-Петербурга является

Финляндия, несмотря на сокращение торгового оборота, 5% импортных товаров, продаваемых в городе, экспортируются из нее [6]. Товарная структура российского импорта из Финляндии в 1 кв. 2015 г. представлена на рис. 1.

По данным финской таможни, общий объем финского экспорта в Россию в 2013 г. достигал 5,4 млрд. евро, из них доля продовольственных товаров составляла около 400 млн. евро. В связи с санкциями в 1 кв. 2015 г. общий товарооборот между Россией и Финляндией составил 2,7 млрд. долл. США. Таким образом, по сравнению с 1 кв. 2014 года (3,8 млрд. долл.) товарооборот между двумя странами снизился на 28% [7].

Хотя объем финского экспорта в Россию сокращается, популярность финских товаров не снижается, поскольку маркировка «Сделано в Финляндии» для российских покупателей является гарантией высокого качества и надежности.

Рис. 1. Товарная структура российского импорта из Финляндии (1 квартал 2015 г.) [7].

Рассмотрим основные стратегии позиционирования финских продуктов в рекламе, адресованной российскому потребителю, основанные на использовании образа страны происхождения товара.

1. *Образ страны происхождения* может прямо включаться в торговую марку, либо косвенно указываться вместе с торговой маркой в слогане (рис. 2).

Рис. 2. Пример использования образа страны происхождения в рекламном слогане.

Реклама финского магазина K-Rauta включает слоган с указанием на страну происхождения предприятия сферы услуг, хотя многие товары, продающиеся в K-Raute, произведены в других странах. Здесь образ страны происхождения бренда торгового предприятия играет роль «зонтика» для различных групп строительных товаров.

2. *Образ жизни в стране происхождения, сильные стороны страны, которые не связаны собственно с продуктом, иногда негативные стереотипы восприятия национальных особенностей (рис. 3).*

Рис. 3. Пример использования стереотипов восприятия национальных особенностей в рекламе

Реклама гибкой черепицы, произведенной в Финляндии, использует шутивную отсылку к стереотипам восприятия русскими финской речи и национальных особенностей финнов русскими.

3. Традиционное качество товаров, произведенных в стране (например, использование финского флага, рис. 4).

Рис. 4. Примеры использования отличительного качества товаров из страны происхождения в рекламе.

Образ страны-производителя часто используется в рекламе, на упаковке или на самом продукте, при этом применяются более явные символы или слова, чем просто надпись «Сделано в...».

Кроме того, к стратегиям позиционирования финских товаров на основе концепции страны происхождения, можно отнести знаки, размещаемые на упаковке товаров и указывающие на финское происхождение продуктов питания (рис. 5). Данные знаки присваиваются только тем товарам, при производстве которых использовалось не менее 75% финского сырья. Например, финские рестораны получают право использовать эти знаки либо в целом (если вся еда в ресторане финского происхождения), либо отмечать в меню отдельные блюда, в которых использованы продукты финского происхождения.

Avainlippu – произведено в Финляндии, гарантия высокого качества

Joutsenlippu – присуждается лучшим товарам в Финляндии

Joutsenmerkki – товары, производство которых не наносит ущерба окружающей среде

Luomu – продукт произведен из экологически чистого сырья (минимум на 95%), вне зависимости от страны производителя

Kotimaiset kasvikset – экологически чистые продукты, выращенные в Финляндии

Рис. 5 Знаки происхождения [2].

Таким образом, достигается узнаваемость отечественных товаров и большая лояльность к ним. Согласно опросам, более 90% финских потребителей считают, что у них есть право узнавать о месте происхождения товара посредством специальной информации на упаковке.

Концепция страны происхождения товара также может использоваться производителями торговых марок из других стран, когда положительные стереотипы восприятия страны или национальных особенностей эксплуатируются для создания образа качества для собственных товаров. Рассмотрим способы копирования имиджа другой страны при брендинге

собственных товаров.

1) *Мимикрирование брендов.* Компания копирует элементы чужого бренда для продвижения собственного, зачастую менее известного. При данном подходе могут использоваться отдельные элементы бренда: название, дизайн, цвет, рекламные образы и т. д. Данная технология может включать в себя использование основных элементов дизайна бренда, использование фонетического сходства в названии бренда, копирование фирменных цветов, шрифтов и др. При таком подходе обычно копируются не только бренды широко известных товаров, но и товаров высокого качества. Предполагается, что потребитель не только воспринимает копируемый бренд, но и переносит положительный имидж бренда на новый.

Например, новая российская марка сливочного масла «Баба Валя» ООО «Традиция» использовала аналогичные цвета упаковки масла концерна «Valio» и слоган «Можем не хуже вашего» (рис. 6).

Рис. 6. Российская марка сливочного масла «Баба Валя» ООО «Традиция» [9].

Данная марка появилась после введения санкций, когда некоторое время в Санкт-Петербурге и ближайших регионах ощущалась нехватка молочной продукции. Компания воспользовалась введением ответных санкций России против стран Европейского Союза, запрещающих ввоз

сельскохозяйственной продукции с Запада. До этого момента финские производители были главным поставщиком молочной продукции в северо-западном регионе [9].

Санкт-Петербургское УФАС возбудило дело по ст. 14 Закона о защите конкуренции и признало нарушение закона о защите конкуренции в действиях производителя масла «Баба Валя». В связи с тем, что ООО «Традиция» сообщила об изменении дизайна упаковки своей продукции и представило в Санкт-Петербургское УФАС необходимые доказательства, предписание службы было решено не выдавать [8].

2) *Использование образа другой страны при продвижении собственных продуктов.* Этот вариант используется исходя из эстетических соображений рекламиста, руководителя компании и т. д. При этом часто не учитывается специфика копируемого объекта, профиль компании и продукта (рис. 7).

LADA KALINA. МОЯ МАШИНА
Актер Вилле Хаапасаало

от 242 045 руб.
Гарантия 3 года

- ➔ КОНДИЦИОНЕР
- ➔ АБС
- ➔ ДВЕ ПОДУШКИ БЕЗОПАСНОСТИ
- ➔ НОВЫЙ ДВИГАТЕЛЬ 1,4 л (90 л.с.)
- ➔ УСИЛИТЕЛЬ РУЛЯ
- ➔ ЛИТЫЕ ДИСКИ
- ➔ ПОЛНЫЙ ЭЛЕКТРОПАКЕТ
- ➔ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЗАМОК С ДУ

LADA
На всех дорогах страны

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР LADA: 8-800-200-LADA(5232). ЗВОНОК ПО РОССИИ БЕСПЛАТНЫЙ • WWW.LADA-AUTO.RU

Рис. 7. Реклама Лады Калины с использованием образа Финляндии.

В одной из рекламных кампаний финский актер Вилле Хаапасаало рекламировал Lada Kalina, заявляя о соответствии машины высоким требованиям финских потребителей. Интересно отметить, что лингвистический анализ (сравнение названия бренда со словарями слов и имеющихся в языке морфем) на предмет негативных ассоциаций в финском языке не

проводился, хотя в отношении бренда Lada в Финляндии существует шуточное выражение, основанное на игре слов: «Venäläiset säilyttävät heiniä ladoissaan» (русские хранят сено в амбарах (=в Ладах)), поскольку название бренда «Lada» совпадает с финским словом lato (амбар) в множественном числе в падеже инессив.

3) *Использование ассоциаций с другой страной при продвижении собственных продуктов (рис. 8).*

Рис. 8. Реклама с использованием ассоциаций с другой страной при продвижении собственных продуктов.

Например, ООО «Волгастройдевелопмент» в г. Чебоксары строит новый микрорайон «Финская долина». В данном случае используется уникальное торговое предложение, основанное на ассоциациях для продвижения стандартного товара или услуги или перехода на более высокий ценовой уровень.

Таким образом, используя такую составляющую бренда как «страна (место) происхождения», можно отражать в рекламных материалах и кампаниях культуру страны, региона, города и т. д., где изготовлен товар (оказана услуга), учитывать запросы потребителей, для которых он предназначен, а также особенности территории, где он продается. Необходимо учитывать, что для российских потребителей брендинг

зарубежных товаров важен как символ «аутентичности», подлинности, гарантии высокого качества товара. Отечественный потребитель воспринимает бренд с трех позиций: страна-производитель, привлекательность упаковки и торговая марка. Следовательно, в процессе продвижения зарубежных брендов в России разумно дополнять название марки информацией о стране-производителе.

Несмотря на появление гибридных продуктов, имидж места происхождения товаров является важной составляющей современных брендов на российском рынке. В данном контексте первостепенными действиями владельцев брендов в отношении воспринимаемого происхождения товаров являются: изучение воспринимаемого потребителями места происхождения бренда компании и его влияния на целевую аудиторию; управление воспринимаемым происхождением бренда и всеми его элементами; оценка принимаемых решений в отношении бренда (создание нового продукта, реализация рекламной кампании, перенос производства и т. п.) с учетом воспринимаемого российским потребителем места происхождения бренда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бренд России. Создание и продвижение национальных брендов. - http://page42.ru/files/2014/01/13/_Бренд%20России.%20Создание%20и%20продвижение%20национальных%20брендов.pdf.
2. Знаки качества на финских товарах. Что означают? - <http://www.finroute.ru/info/znaki-kachestva-na-finskikh-tovarakh-cto-oznachayut/>.
3. **Карпова С.В.** Современный брендинг: монография / С.В. Карпова. - М.: Издательство «Палеотип», 2011. - 188 с.
4. **Козейчук Д.А.** Воспринимаемое происхождение как точка фокуса при управлении брендами. - http://intelmedia-group.ru/press-centr/publikacii/brand_origin/.
5. **Паненко А.В.** Как европейский имидж продуктов влияет на их восприятие потребителем на российском рынке ритейла // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2015. № 5 (119). С. 358-370.
6. Петербург поощряется с финскими продуктами. - <http://www.tks.ru/reviews/2014/08/07/03>.
7. Торговый оборот между Россией и Финляндией за 1 квартал 2015 года. - <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/3133/>.

8. Экономика сегодня. - <http://rueconomics.ru/131064-vne-konkurentsii-ufas-snyal-pretenzii-s-masla-baba-valya/>.
9. Экспертиза: Valio против Бабы Вали. - <http://www.sostav.ru/publication/ekspertiza-upakovki-valio-i-baba-valya-18550.html>.
10. **Lim K., O’Cass A.** (2001). «Consumer brand classifications: an assessment of culture-of-origin versus country-of-origin». *Journal of Product & Brand Management*, Vol. 10, № 2, pp. 120–136.
11. Nagashima Comparison of Japanese and US Attitudes toward Foreign Products, *Journal of Marketing*, 1970, Vol. 31, № 1.
12. **Sangwon L., Johnson Z., Xin H.** (2009). «Brand origin or product origin?» The Effects of Country of Origin Fit on Brand Evaluation. *Advances in Consumer Research*, Vol. 36, pp. 1013–1014.
13. **Schweiger G., Otter T., Strebinger A.** (1997). «The influence of country of origin and brand on product evaluation and the implications thereof for location decisions». *CEMS Business Review*, № 2, pp. 5–26.
14. **Subhash J. C.** *Handbook of Research in International Marketing*, 2-d ed. (Elgar Original Reference), Edward Elgar Publishing, 2012.
15. **Van Ittersum K., Candel M.J., Meulenberg M.T.G.** (2003) The influence of the image of a product’s region of origin on product evaluation. *Journal of Business research*, Vol 56, № 3, pp. 215-226.
16. **Yi Cai.** *Country-of-Origin Effects on Consumers' Willingness to Buy Foreign Products: an Experiment in Consumer Decision Making*, 2002.

УДК 325

О. А. Мельник, О. А. Смирнова

ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛОЙ В РФ

В июле 2015 года был принят ряд поправок к федеральному закону № 44-ФЗ от 05.04.2013 г., связанных с импортозамещением [1]. Для выполнения данной актуальной задачи необходима не только высокая квалификация как самих отечественных предприятий, так и их рабочих, но и дополнительные ресурсы, а также их рациональное использование.

В качестве дополнительных ресурсов современный предприниматель рассматривает, как правило, ряд основных факторов, а именно:

- Временные затраты труда
- Денежные средства (инвестиции)
- Миграционная рабочая сила

Использование дополнительных инвестиций приобретает практический смысл в условиях, когда предприниматель имеет достаточно времени и рабочей силы для правильного распределения средств в производстве и организации создания продукции или оказания работ и услуг в рамках интенсивного метода.

Интенсивный метод – экономический метод, с помощью которого обеспечивается рост прибыли за счет сокращения затрат на единицу продукции при неизменном объеме производства [2].

При использовании альтернативного метода – экстенсивного – использование денежных средств нуждается в усиленном контроле, так как прогнозирование сопровождается большими рисками и может нанести вред производству.

Экстенсивный метод – экономический метод, с помощью которого обеспечивается рост прибыли за счет привлечения в производство дополнительных ресурсов для увеличения производства [2].

Следует пояснить, что оба метода требуют дополнительных денежных средств. Однако, если при интенсивном методе финансовые вложения идут на разработку и реализацию технологий, позволяющих минимизировать затраты (внедрение тайм-менеджмент, повышение квалификации рабочих, совершенствование внутреннего контроля качества, использование международных стандартов), то при экстенсивном методе инвестиции распределяются на количественное увеличение производительности (закупка дополнительных станков, организация дополнительных рабочих мест, увеличение объемов сырья и материалов, аренда дополнительных цехов, зданий и помещений).

Не менее актуальной проблемой в условиях повышения эффективности производства остается пересмотр подхода к использованию временных затрат труда, основными показателями которого являются производительность труда и эффективность использования рабочего времени.

По данным экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) производительность труда в России ниже, чем в странах Европы. Данный вывод основан на сопоставлении размера годового ВВП страны со временем, затраченным россиянами на производство за год. Последние результаты были опубликованы на официальном сайте ОЭСР 28 ноября 2015 года в 05:46 UTC.

Уровень ВВП в РФ составил 26,4 \$US, в то время как в европейских странах с «отстающей» экономикой показатель приближен к 30. В Латвии он равен 27,3 \$US, в Польше – 29,5 \$US, а в Греции – 35,9 \$US, что превышает российский показатель в 1,4 раза или на 9,5 \$US.

Однако, есть страны, где показатели ниже, чем в РФ: Мексика (20,2 \$US), Чили (26,0 \$US), ЮАР (21,2 \$US) [3].

Что касается эффективности использования рабочего времени, то данный показатель подразумевает не столько разработку и реализацию технологий производства, сколько личную ответственность и квалификацию руководителей предприятий. Также это касается и контрольно-надзорных органов.

3 декабря 2015 года Президент РФ Владимир Владимирович Путин выступил перед Федеральным Собранием с обращением и обозначил основные тенденции во внутренней и внешней политике страны. Наряду с

борьбой против терроризма, российский Президент говорил и о конкурентности производства и улучшении делового климата в стране.

«...За 2014 год следственными органами возбуждено почти 200 тысяч уголовных дел по так называемым экономическим составам. До суда дошли 46 тысяч из 200 тысяч, ещё 15 тысяч дел развалилось в суде. Получается, если посчитать, что приговором закончились лишь 15 процентов дел. При этом абсолютное большинство, около 80 процентов, 83 процента предпринимателей, на которых были заведены уголовные дела, полностью или частично потеряли бизнес. То есть их попрессовали, обобрали и отпустили. И это, конечно, не то, что нам нужно с точки зрения делового климата. Это прямое разрушение делового климата... я прошу Правительственную комиссию по административной реформе совместно с деловыми объединениями представить до 1 июля 2016 года конкретные предложения по устранению избыточных и дублирующих функций контрольно-надзорных органов...» [4].

Использование дополнительных денежных средств и внедрение инновационных технологий по использованию временных затрат труда безусловно кажутся наиболее простыми и удобными решениями для повышения качества отечественных товаров, работ и услуг.

Однако отечественный предприниматель начинает все чаще задумываться о таком ресурсе, как миграционная рабочая сила.

Трудовой (трудящийся) мигрант – лицо, которое с целью найма на работу к иностранному физическому или юридическому лицу на законном основании переезжает на определенный срок в страну, гражданином которой он не является [5].

Труд иностранных рабочих легален и регламентируется (с января 2015 г.) российским законодательством, а именно гл. 50.1, ТК РФ [6].

Найм трудового мигранта представляет собой не такую простую задачу, как может показаться. Для минимизации затрат и достижения реальной экономии средств в данном вопросе работодателю приходится продумывать каждый этап приема и адаптации иностранного сотрудника: въезд на территорию РФ, оформление разрешения на трудоустройство на территории РФ, адаптация к ключевым задачам, рабочему месту и коллективу.

Первый этап осуществляется всегда по-разному в зависимости от

родной страны трудового мигранта и соответственно особенностей законодательства. Например, граждане Узбекистана с 1 января 2016 года не могут ни въехать на территорию РФ, ни покинуть ее по паспорту «старого» образца. Для подобных действий необходим новый биометрический паспорт [7].

Второй этап является более сложным для самого сотрудника – необходимо собрать полный пакет документов для оформления разрешения на трудоустройство

Согласно действующему законодательству, трудовой мигрант обязан сдать комплексный экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации [8]. Работодателю следует уведомить будущего иностранного сотрудника о том, что Российским Тестовым Консорциумом 06.10.2015 г. были разработаны 8 словарей (русско-румынский, русско-китайский, русско-турецкий, русско-киргизский, русско-корейский, русско-вьетнамский, русско-узбекский, русско-таджикский), содержащих информацию для подготовки к тесту [9].

Стоит учесть, что помимо методического материала, необходимы консультанты-преподаватели, которые смогут ответить на вопросы, возникающие в ходе подготовки к сдаче комплексного экзамена, помещения для проведения и организации занятий, проведение тестирования, проверка результатов.

Миграционные потоки, прибывающие в РФ для получения работы, обязаны иметь при себе некоторые средства для того, чтобы оплатить обучение, тестирование и получение патента. А со стороны российских центров тестирования необходимо продумать вопросы по временным затратам труда преподавателей-консультантов, работающих с будущей рабочей силой в лице мигрантов.

Во-первых, количество преподавателей и часы их занятости должны соответствовать оплаченным. В противном случае, преподавательские кадры могут постепенно сокращаться, что, в конечном счете, приведет к некачественной адаптации мигрантов внутри РФ опосредованно к невозможности сдачи комплексного экзамена и как следствие снижению притока трудовых мигрантов и уменьшению дохода в государственную казну Российской Федерации.

Во-вторых, необходимо продумать организацию занятий таким

образом, чтобы минимизировать количество дней, необходимых для адаптации мигрантов. Будущая миграционная рабочая сила, прежде чем стать таковой, вынуждена снимать временное жилье (отели, хостелы, гостиницы) и справлять все те человеческие нужды, чтобы поддерживать себя в работоспособном состоянии (питание, санобработка и т.д.). Конечно, если государство проинвестирует проживание мигрантов в процессе обучения, то занятия можно распределять в течение любого требуемого времени. Однако, целевого финансирования пока не осуществляется, поэтому преподавателям приходится обучать иностранных граждан используя систему тайм-менеджмента.

Тайм-менеджмент – технология организации времени и повышения эффективности его использования [10].

Инструменты тайм-менеджмента настолько разнообразны, что позволяют применять данную технологию практически в любой сфере деятельности.

При обучении мигрантов можно использовать усовершенствованную матрицу Эйзенхауэра (см. таблицу 1). Сущность матрицы – приоритезация задач. В основе заложено два критерия:

- 1) Критерий важности
- 2) Критерий срочности

Таблица 1. Матрица Эйзенхауэра

	Срочные	Несрочные
Важные	I	II
Неважные	III	IV

Нежелательными задачами являются задачи из полей I и IV. Первые потому что создают хорошо знакомую всем, к сожалению, ситуацию «аврала», а последние – потому что отнимают производственное время.

Задачи из поля III подлежат делегированию, а из поля II обязательному планированию и контролю, чтобы не допустить их переход в поле I [11].

Данная матрица может быть легко использована преподавателями. Если ее наложить на весь объем русского языка, истории России и основ законодательства РФ, который знает каждый гражданин нашей страны и

рекомендуется знать иностранному гражданину для сдачи комплексного экзамена, то мы получаем следующую группировку знаний:

Поле I – знания, которые необходимы для получения минимального проходного бала на экзамене (для трудящихся мигрантов он равен 60%)

Поле II – знания, которые желательны для успешного прохождения теста. Например, если человек заволновался в начале тестирования и, возможно, выбрал неверный ответ среди тех 60% заданий, что попали в поле I, то, есть вероятность, что дополнительные знания могут увеличить его результат и помочь получить проходной бал.

Поле III – скорее всего это поле будет разным для разных мигрантов. У кого-то оно окажется пустым, а у кого-то там может оказаться русский язык. Дело в том, что часть трудовых мигрантов очень хорошо говорят по-русски. В таком случае, в этом поле у них как раз окажутся правила по русскому языку. Они их уже знают, но повторение никогда не бывает лишним.

Поле IV – там окажутся знания, которые не обязательны для тестирования. Например, ставки транспортного налога или то, что Павлу I было предсказано, что он проживет ровно столько лет, сколько букв будет на фасаде его дома.

Применение тайм-менеджмента возможно не только преподавателями-консультантами, но и организаторами тестирования.

Иностранцы граждане сдают экзамен в 3 этапа в течение полутора часов:

- 1) Электронное тестирование.
- 2) Написание текста в рамках раздела «Письмо».
- 3) «Говорение» – устная беседа с преподавателем в вопросно-ответной форме.

Перед экзаменом все мигранты приходят на консультацию, где специалист еще раз объясняет нюансы сдачи экзамена и подачи заявлений. Далее тестируемым раздаются бланки регистрации. После их заполнения, группы в 20 человек проводятся в специально оборудованный класс.

В классе установлены компьютеры, на каждом из которых высвечивается присвоенный номер и фамилия мигранта, который будет проходить тестирование [12].

В первую очередь, большое количество времени занимает заполнение бланков и их проверка. К тому же нельзя забывать о человеческом факторе – иностранный гражданин может ошибиться при заполнении бланка и будет везением, если ошибка обнаружится до того, как бланк покинет аудиторию.

Во вторую очередь, не меньше времени требует внесение фамилий в программу для тестирования. И пусть минуту, но все же поиск собственной фамилии иностранным гражданином среди 20 компьютеров.

Иностранные граждане такие же люди, как и мы, поэтому им свойственно волнение. От результата экзамена зависит практически их судьба: где они будут работать в РФ, на что будут жить или придется ли вернуться домой. Усиливает их стресс тот факт, что за сдачу экзамена была внесена немалая сумма. При подобном раскладе очень нежелательно получить неудовлетворительный результат, к тому же передача комплексного экзамена процедура не бесплатная.

Консультирование и экзамен объединены в один день и начинаются утром в 10:30. Экзамен сдают не только трудовые мигранты, но и граждане, желающие получить временную регистрацию или вид на жительство. Если для желающих работать тестирование длится 1,5 часа, то для желающих проживать на территории РФ оно длится на час больше. Консультация проводится всего один раз – утром в день экзамена, посещают ее все, кто предварительно на него записался. Иными словами, если тестируемый попадает во вторую группу, то время затраченное на ожидание растягивается на целый день.

В реорганизации проведения экзамена могут быть задействованы 2 инструмента тайм-менеджмента:

- 1) Снижение временных затрат труда за счет усовершенствования технического обеспечения.

- 2) Перераспределение занятости организаторов.

Усовершенствование технического обеспечения подразумевает написание такой soft-программы, которая позволила бы мигрантам самостоятельно вносить свои фамилии и номера в тест-программу.

Это приведет к тому, что отпадет необходимость вручную заполнять бланки регистрации. Они будут закладываться автоматически в программу

компьютера и прикрепляться к результатам теста, а результаты разделов «Письмо» и «Говорение» прикрепятся согласно присвоенному номеру мигранта.

А также уровень стресса тестируемого мигранта окажется ниже, так как компьютер предложит исправить неверно заполненное поле. Таким образом создадутся условия, где любой человек будет себя чувствовать спокойнее.

А для организаторов уменьшится нагрузка за счет того, что нет необходимости сидеть с частью мигрантов в одной аудитории и помогать в заполнении бланков и наблюдать за прохождением теста экзаменующихся в другой аудитории. Понадобится всего один организатор для проведения консультации в 20 человек одной аудитории и контроля над соблюдением тишины и порядка за время проведения экзамена.

Картина прохождения комплексного экзамена тогда будет представлять собой: иностранные граждане сразу проходят в аудиторию, в которой будут сдавать экзамен, получают консультацию, проходят тестирование, получают результаты. Затем следует перерыв, чтобы подготовить аудитории к следующей группе экзаменуемых. Таким образом, процедура может повторяться, но уже для вновь прибывших мигрантов.

Подобное разделение сдающих комплексный экзамен эффективно даже в тех центрах, где предусмотрено несколько компьютерных классов. В виду того, что везде требуется предварительная запись на экзамен, график работы организаторов приобретает более четкие границы. Это означает снижение затрат на проведение экзамена, следовательно возможное снижение его цены. В конечном итоге, это может стать ключевым фактором в повышении трудовой привлекательности нашей страны для иностранных граждан, которые хотят осуществлять на территории нашей страны трудовую деятельность.

Длительность экзамена это всего лишь малая часть большой проблемы будущего трудового мигранта. Чтобы получить разрешение на работу (патент) иностранному гражданину необходимо также оформить страховой медицинский полис, написать заявление на выдачу патента, получить документ о постановке на миграционный учет и прочие подобные документы. Временные интервалы на оформление всего этого

набора необходимых договоров, справок и заявлений должны быть сведены к минимуму. На сегодняшний день длительность процедуры получения патента максимально достигает 6-ти месяцев, однако, в некоторых субъектах РФ в ноябре 2015 года местными властями принято решение упростить процедуру трудоустройства мигрантов. Так отделением УФМС Южного округа Новороссийска введены льготные условия получения как патента, так и разрешения на проживание для иностранных граждан, изъявивших желание работать на российских строительных объектах Чемпионата мира по футболу 2018 года [13].

Следует отметить, что трудоустройство иностранных граждан освобождает предпринимателя от затрат на поиск персонала необходимой квалификации (в 2015 году не смотря на общий спад притока мигрантов, количество иностранных граждан из ЕАЭС, желающих работать на территории РФ увеличилось) [14].

При этом сокращение сроков получения патента увеличивает производительность, а вместе с тем и рентабельность производства.

Кроме того упрощенный и рациональный прием мигрантов на работу увеличивает доход не только в муниципальную казну, но и пополняет государственный бюджет.

Важное условие для трудоустройства миграционной рабочей силы состоит в профессиональном медицинском осмотре будущего сотрудника, если это необходимо согласно Перечню работ, при выполнении которых медицинский осмотр обязателен (утвержден приказом Минздравсоцразвития РФ от 12 апреля 2011 г. № 302н) [15].

Такой осмотр производится за счет средств компании и наиболее оптимизировать данную процедуру можно только при наличии договоренности с частной клиникой, причем желательно, если их сотрудники владеют иностранными языками. Так, например прохождение профессионального осмотра в холдинге «СМТ» у трудовых мигрантов занимает не более 2–3 часов, включая сдачу анализов [16].

Быстрая адаптация трудового мигранта на рабочем месте означает обеспечение бесперебойной работы предприятия в целом, а следовательно повышение эффективности производства. Для этого необходима личная мотивация будущего сотрудника.

Согласно расчетам «Эксперта РА», одни и те же группы компаний в разных странах показывают разную производительность труда. Например, среди стран БРИК, Россия занимает последнее место (См. Рис. 1) [17].

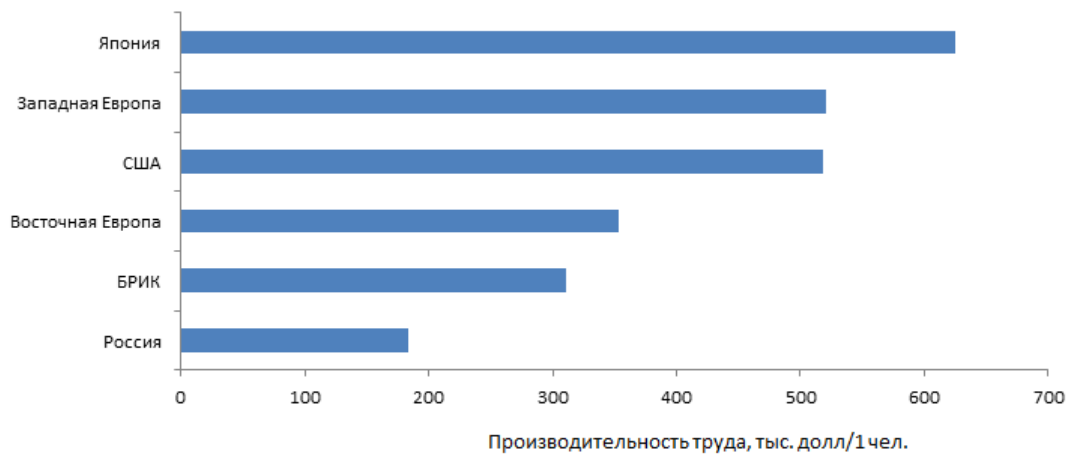

Рис. 1. Расчеты «Эксперта РА»

Что касается Японии, то сотрудникам компании могут предоставляться даже комнаты для сна и отдыха рядом с рабочим местом. Данное решение позволяет максимально снизить риск опозданий. Более того, в Швейцарии (государство Западной Европы) многие крупные компании перешли на 6-часовой рабочий день. По их мнению, это позволит использовать человеческий ресурс более эффективно, так как человеку психологически сложно концентрироваться на работе 8 часов подряд [18].

В России стимулирование сотрудников представляет собой открытый вопрос. Согласно словам журналиста Анастасии Мануйловой газеты «Коммерсант»: «...Материальная мотивация – основной стимул к работе в России, отмечается в исследовании Высшей школы экономики. Ориентация на зарплату преобладает у 63% работников, а интерес непосредственно к содержанию работы – только у 7%. В отсутствие роста зарплат в кризис мотивация к работе у таких сотрудников может исчезнуть – компании же пока больше настроены стимулировать их нематериально...» [19].

В складывающейся ситуации миграционная рабочая сила, нуждающаяся в дополнительном материальном стимулировании, становится привлекательней для работодателей. Но не стоит забывать, что

реальной экономии при использовании данного ресурса можно достичь только рациональной предварительной подготовкой целого комплекса процедур, документов и действий.

Таким образом, самым эффективным и всеобъемлющим дополнительным ресурсом в условиях повышения уровня отечественного производства является человеческий ресурс, а именно – трудовые мигранты. Иностранная рабочая сила снижает затраты на поиск квалифицированных рабочих, увеличивают доходы в бюджеты, помогает стимулировать внутренний оборот денежных средств. При решении вопроса о трудоустройстве иностранных граждан возникает ряд рисков, для решения которых необходимы инструменты тайм-менеджмента:

1. для разработки и внедрения некоторых необходимо целевое финансирование (создание новой soft-программы);

2. необходимы законодательные основы (упрощение, прозрачность и рациональность процедуры получения патента), особенно это актуально в виду последних политических событий в мире;

3. учет временных затрат на оформление и производственную адаптацию мигранта, а также его труда для долгосрочного прогнозирования финансовых результатов предприятия;

4. мотивирование сотрудника как метод ускорения адаптации трудового мигранта.

Сохранение трудовой привлекательности для иностранных граждан – ключ к сохранению хорошей бизнес-репутации страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. № 216-ФЗ от 13.07.2015 г.; № 220-ФЗ от 13.07.2015 г.; № 226-ФЗ от 13.07.2015 г.; № 227-ФЗ от 13.07.2015 г.; № 249-ФЗ от 13.07.2015 г.;
2. Экономический справочник “Econtool.com”;
3. http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PDB_LV
4. Личный сайт Президента РФ <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>;
5. **Ивахнюк И.В.** Международная трудовая миграция: Уч. пос. М., 2005. С. 273.
6. Федеральный закон № 409-ФЗ от 01.12.2014 г. «О внесении в трудовой кодекс Российской Федерации и статью 13 федерального закона «о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» изменений, связанных с особенностями регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства.

7. <http://migrant.ru/v-2016-izmenilis-pravila-vezda-i-vyezda-dlya-grazhdan-uzbekistana/>
8. Федеральный закон № 74-ФЗ от 20.04.2014 г. «О внесении изменений в федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»
9. <http://testcons.ru/?s=в+помощь+мигрантам&submit=>
10. **Кови С.** Семь навыков высокоэффективных людей. 1990.
11. http://s-kalinin.blogspot.ru/2012/08/blog-post_22.html
12. http://tjk.rus4all.ru/city_msk/20150327/725802898.html
13. **Екатерина Яшина** «В Новороссийске упрощают порядок получения разрешения на работу и проживание для гастарбайтеров»: Интернет-газета «Наша газета»; 08.11.2015;
14. <http://mir24.tv/news/society/13566556>
15. Приказ Минздравсоцразвития России от 12.04.2011 N 302н (ред. от 05.12.2014) "Об утверждении перечней вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования), и Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда"
16. <http://clinic-complex.ru>
17. http://www.raexpert.ru/researches/regions/regions_work2013/part1/
18. http://bg.ru/world/shvetsija_perehodit_na_6_chasovoj_rabochij_den-23337/
19. **Анастасия Мануйлова** «Работа зарплату любит»: Электронная газета «Газета Коммерсант»; <http://www.kommersant.ru/doc/2983136>.

УДК 330

Н. Н. Покровская

**ПЕРЕДАЧА ЗНАНИЙ В ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ДИНАМИКА КОМПЕТЕНТНОСТИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ**

Осознанность и компетентность представляют собой две ценности экономики знаний, которые в сочетании дают осознанную компетентность (приобретаемую, например, в рамках обучения, высшего образования), а в отдельности составляют компоненты рентабельности интеллектуального капитала. Рента от человеческого ресурса, получаемая в результате всех действий компании по применению талантов [1], представляет собой вознаграждение компании за усилия, вложенные в приобретение талантов [2] или в «выращивание» своих сотрудников до уровня талантов [3], т.е. до достижения исключительно высокого уровня эффективности.

Компетентность эксперта может быть определена как способность индивида быть полезным бизнесу для решения определенного класса задач [4], формируется с жизненным и профессиональным опытом. Вместе с тем, решение бизнес-задач нередко нуждается также в таких компонентах, как понимание своих ограничений, например, предела возможностей и границ своих знаний, готовность отказаться от принятия полномочий на себя, если эксперт осознает, что его знаний и умений недостаточно или есть иной располагаемый субъект [5], способный решить эту задачу лучше него.

Это качество нередко приписывают агентской деятельности как некоторому типу организации исполнения своих профессиональных задач, в которой агент как самостоятельный, мыслящий и адекватный ситуации субъект принимает решения исходя из максимальной полноты имеющейся в его распоряжении информации [6]. Способность избежать самообмана представляет собой достаточно яркую характеристику, которая, тем не менее, типична скорее не для агента (способного взять на себя риск и обязательство выполнить задачу именно с целью приобрести нужную компетенцию, навык, опыт, умение, знание), а для предпринимателя,

функциональной ролью которого в обществе является комбинирование ресурсов с целью максимизировать результат.

Таким образом, осознанная некомпетентность отражает важную личностную черту как элемент управления корпоративным человеческим капиталом. Так, управленческую компетенцию, состоящую в готовности четко определять иерархию эффективности конкретного человека в определенном классе ситуаций как качество полезности данного индивида среди всех представителей человеческого ресурса и интеллектуального капитала компании, отмечает, в частности, Дж. Уэлч [7].

В свою очередь, неосознанная компетентность, возникающая при выполнении каких-либо действий без необходимого понимания того, как достигается успешность, определяет усваиваемые бессознательно базовые компоненты способности решать задачи. Владение конкретными навыками и не всегда осознанными деталями реального производственного процесса приводят к необходимости, помимо приобретения интеллектуальной собственности (например, патентов) и оборудования, приглашать также специалистов, способных передать компании неосознанные компоненты применения новой технологии, рационального и бережного использования оборудования (например, определение качеств износа, смазки и т.п. по блеску деталей, которое возникает лишь с накопленным опытом) [8].

Понятие неосознанной компетентности приписывают А. Бандуре [9]; А. Маслоу [10], Б. Блуму [11] и ряду других исследователей процесса обучения. Вместе с тем, развитие высоких технологий и, в частности, цифровой экономики, оперирующей параметрическими моделями вплоть до big data, до недавнего времени исключило из процесса передачи знаний те элементы знания, которые могут быть описаны как эмоциональные (аффективные), психомоторные (физиологические) и иные неосознанные или слабо осознаваемые (начиная от лингвистики и использования родного языка и до автоматических действий щелчком мыши или сортировки источников информации по усвоенной репутации Интернет-ресурса).

С возникновением нейротехнологий, применяемых в маркетинге и коммуникациях, по сути, уровень когнитивного компонента востребована еще в меньшей степени: рекламное воздействие нацелено на подсознание, побуждая к действию, например, к импульсивной покупке, «минуя»

осознанную сферу принятия решений. В то же время необходимость передачи технологий и развития творческой и предпринимательской составляющих в условиях экономики знаний и инноваций представляют собой важные сферы, нуждающиеся в осознанности и компетентности.

Эти вопросы актуальны для трех основных субъектов: 1) бизнеса, действующего в условиях постоянного обучения и нуждающегося в непрерывной смене знаний и технологий в рамках инновационного роста, 2) системы образования, являющейся на уровне общества тем социальным институтом, на который возложена функция создания, передачи и трансформации знания, 3) государственного регулирования инноваций, нацеленного сегодня на бюджетное финансирование исследований и развитие академической среды в области поддержки инженерно-технических университетов, но при этом достаточно слабо направленного на поддержку НИОКР и на вложения частных предприятий в развитие человеческого капитала.

Инновационный рост опирается на две составляющие: творческую компетентность, поиск истины или стремление к созиданию, к разрешению противоречия, к решению конкретной задачи, опирающуюся на нестандартное мышление автора, которая должна дополняться и поддерживаться предпринимательской способностью стандартизировать созданное новое, необычное, уникальное, облекать это в понятную и привлекательную, «продаваемую» форму. При этом противоречие стандартизации нестандартного, сочетания уникальности и массовости отражаются в дуализме ролевых моделей предпринимателя и ученого [12].

Инновационный процесс включает последовательные фазы: 1) открытия или изобретения нового, ранее не существовавшего или не известного, 2) оценку практического интереса, 3) воплощение в реальном осязаемом объекте (услуге), прототипе или модели, 4) выявление рыночного спроса и уточнение прототипа в соответствии с максимально выгодной, с финансовой точки зрения, формой для коммерциализации.

Можно отметить, впрочем, что фаза оценки будущего применения продукта или технологии в ряде случаев (в т.ч., согласно классическим работам по инновациям, [13]) может быть первой и даже «нулевой» и принимать форму заказа к ученым и инженерам. Так, в компании Apple,

С. Джобс сначала формировал представление о потребности и делал заказ инженерно-техническому подразделению на разработку продукта, который бы удовлетворял гипотетическую потребность. Лишь затем талантливые специалисты компании воплощали воображаемый продукт в реальность.

Интерпретируя инновационный процесс как последовательность указанных фаз, можно отметить роль создания знаний в рамках НИОКР, которые занимают в инновационном процессе начальное место – создания новой идеи, продукта или технологии, заведомо отделенного временным лагом от момента получения прибыли, что известно из теории жизненного цикла продукта / услуги. НИР (фундаментальное или прикладное научное исследование) находятся в начале инновационного процесса, а ОКР (опытно-конструкторские разработки, приводящие к появлению осязаемого прототипа, модели), расположены в его «середине» и осуществляются уже с учетом потенциального спроса, но еще до формирования коммерческого образца и собственно коммерциализации продукта. Если же говорить о продукте, имеющем форму информации или интеллектуальной собственности, например, образовательной услуги [14], то создание прототипа или образца практически невозможно, формируется лишь план, план-проспект или аннотация. Таким образом, маркетинговые исследования до момента создания продукта в образовательной области или в сферах художественного и интеллектуального творчества, по своей сути, практически затруднены [15] изначально внутренне имманентными факторами и особенностями оказания услуги [16], в частности, невозможностью представить продукт до его создания.

В результате, по мнению Й.А. Шумпетера, финансовый результат инновации вначале отрицателен, поскольку необходимо инвестирование в НИОКР, затем в вовлечение массовых покупателей и в создание массового коммерческого спроса (например, пробная продукция, приглашение для бесплатного ознакомления с услугой), лишь затем с выходом на серийное или массовое производство товара (оказание услуги), первая компания, разработавшая и внедрившая новый товар (услугу, технологию, метод и т.п.), получает резкий рост прибыли (если коммуникационная кампания оказалась успешной) и постепенно, разница в прибыли нивелируется с другими компаниями за счет распространения инновации (имитации на

основе приобретения патентов или на основе промышленного шпионажа, либо разработки конкурентами собственных аналогов, и т.п.). Г. Менш [17] показал, что в условиях спада в рамках экономического цикла, возникает переключательный, или «триггерный» эффект депрессии, позволяющий перейти от предшествующего технологического уклада к новому [18].

Расположение в начальных фазах инновационного процесса означает, что оценка результата НИОКР может осуществляться лишь на прогнозе результатов их коммерциализации. В то же время, если говорить о прикладной науке и о НИР и ОКР, выполняемых по государственному заказу, то первой фазой может идти формирование технического задания со стороны заинтересованного учреждения, например, в оборонном заказе: проектирование оборудования для создания разнообразных станций, специализированных на выполнении конкретных задач. Такая форма инновационного процесса может иметь место и в ситуации крупной корпорации (нескольких компаний), которые создают венчурный капитал для решения конкретной технологической или управленческой задачи.

В условиях высоких технологий, создание совместных предприятий в рамках создания знания возможно лишь для таких зависимых от НИОКР отраслей, как, например, медицина и фармацевтика, где деятельность исследовательских лабораторий и проведение тестовых испытаний является весьма дорогостоящим этапом в создании нового продукта и потому может проводиться объединенными коллективами нескольких отраслевых гигантов.

Эффективность создания совместных научно-исследовательских предприятий (R&D joint ventures) определяется не только высокой ценой, но и, нередко, невозможностью формализовать ряд процедур, включая этические [17] и поведенческие аспекты, которые определяют успешность или неуспешность создания нового знания.

Противоречие между необходимостью формализации параметров и невозможностью обеспечить отражение в формальных документах всего бесконечного многообразия аспектов реальной деятельности приводит к все более четкому разделению экономических исследований по признаку рефлексии: если бихевиористский подход предполагает ориентацию только на максимально подробное описание получаемой реакции на

воздействующий стимул (концепция процессора, или «черного ящика»), то когнитивная экономика и нейромаркетинг стремятся найти взаимосвязи между поведенческими реакциями и внутренним содержанием, смыслом.

Бихевиористский подход оперирует современными передовыми информационными технологиями, например, инструментами big data, позволяющими с помощью мощного математико-статистического аппарата получать корреляционные взаимосвязи. Это позволяет получать убедительные выводы, при этом, нередко эти выводы достаточно хорошо отражают реальное поведение и совершение покупательского выбора.

Однако эти модели не позволяют эффективно прогнозировать инновационные процессы, ни со стороны спроса и новых потребностей, не существовавших до момента расчета big data, ни со стороны предложения, поскольку разработки новых технологий и продуктов нередко опираются на смыслы и ассоциативные связи, находящиеся вне когнитивных процессов как таковых, например, с учетом аффективных, эвристических, ценностно-аксиологических или психомоторных факторов, отличающих реальное проживание жизни современного человека от данных, регистрируемых с помощью вычислительной техники.

Ключевая сложность, с которой изначально сталкивались попытки разработки нейрокоммуникаций, состояла в неопределенности по поводу параметров, в которых следует фиксировать, регистрировать и передавать динамику значимых для человека событий. В частности, в феврале 2016 г. была представлена российская разработка программного обеспечения, позволяющая на основе смартфона с легкостью не только распознавать лица по 80 параметрам, но и находить человека по мгновенно сделанной фотографии в движении или под непредсказуемым углом через страницы социальных сетей (при условии, что обладатель искомого лица участвует в социальных сетях). Таким образом, сегодня распознавание и обнаружение по фотографии стало возможным, что потребовало анализа более чем 80 параметров, а следовательно, определенного математического аппарата и вычислительных возможностей (доступных технологически и по цене).

Нейрокоммуникационные технологии призваны регистрировать и передавать двигательные и эмоциональные компоненты общения, как от собеседника к собеседнику (возможность передавать, например, ощущения

утренней свежести или запаха свежего хлеба), так и в процессе создания рекламного сообщения, формирования репутации, брендинга или деятельности по связям с общественностью, т.е. внешних коммуникаций.

Особенности организации внутренней коммуникационной сети в компании, тем не менее, опираются на более личностный контекст и на прямые непосредственные контакты между сотрудниками, работающими в рамках реализации общего проекта или в одном подразделении над решением аналогичных задач.

Внутрикорпоративные коммуникации представляют собой особую форму коммуникации, основанную, с одной стороны, на высоком уровне взаимного доверия [5], что сочетается с внутрифирменной конкуренцией как отделов, так и сотрудников между собой, а с другой стороны, на общих смыслах и ценностях. Смыслы и видение будущего выражаются не только и не столько в декларируемых этических кодексах или публичных заявлениях, сколько, прежде всего, в реальном наблюдаемом поведении лидеров [20] и значимых участников компании.

В результате, формирование репутации компании как работодателя или распространение корпоративной культуры между подразделениями компании, особенно расположенными в разных регионах и странах, опирается на те, нередко не осознаваемые компоненты, которые невозможно вербализовать и транслировать ни в текстовой, ни в видео- или аудио-форме, которые могут быть оцифрованы. Единственным инструментом оцифрованной передачи сложной смысло-ценностной информации может быть передача легенд о компании, референтных лицах или механизмах и базовых принципах принятия решений.

Однако создать такой миф или легенду невозможно в рамках программного обеспечения, поскольку сложность восприятия человеком тех или иных поступков и решений потребовала бы крайне сложной системы моделирования весов и взаимных отношений между ценностями и этическими принципами, включая нравственные дилеммы или ощущение драйва и азарта. Хотя азарт сам по себе на уровне массового поведения вполне допускает вычислительные операции в инструментарию даже более простом, чем big data, но ценности как подлинно желаемые состояния могут быть, скорее, предметом нечеткой логики и математических методов изучения хаоса, что на сегодняшний день позволяет компьютерной технике

воспроизводить ощущения с помощью нейрокоммуникационных технологий, но не позволяет их производить.

Возвращаясь к вопросу доверия, который в условиях виртуального предпринимательства стоит не менее остро, чем в любой экономической системе, цифровая экономика обладает несомненным преимуществом – возможностью мгновенного поиска многочисленных источников данных, в которых можно получить разностороннюю информацию, и прежде всего, отзывы по индивиду или по компании, с которой субъект планирует заключить ту или иную сделку. Так, например, системы бронирования гостиниц создали свою систему отзывов, в которых рекламные агенты отелей не могут оставить хвалебно-рекламный отзыв, если только не заказали номер и не остановились в рекламируемой гостинице. При этом долевыми модели бизнеса, например, AirBnB или covoiturage (система поездок в автомобиле, когда водитель может взять с собой пассажиров) создали еще более жесткую и подробную систему отзывов, что позволяет обращаться к долевым экономике через анонимные компьютерные системы, аналогичные социальным сетям, без разглашения контактных данных, но с собственными механизмами страхования от неадекватных партнеров по оказанию услуг по проживанию или транспорту.

Доверие может опираться как на предшествующий опыт работы с партнером или с виртуальной системой, так и на личную харизму, и здесь социальные сети формируют достаточно интересный пример отсеивания ложной или искаженной информации о человеке, основанного, все же, так же на темпоральной длительности. Так, для понимания, с кем планируется иметь дело, можно познакомиться со страницей человека или компании в социальной сети, но опираться следует на достаточно продолжительную историю сообщений, полноту визуального ряда и аудиальной информации.

Наконец, цифровая экономика сегодня сталкивается с трудностью воспроизведения неосознанной компетентности в условиях передачи технологий в тех случаях, когда для эффективного применения технологии необходим опыт, который, нередко, имеет форму неявных реакций, например, физическое ощущение необходимого усилия, прилагаемого к рычагу, или восприятие вибрации пола, или ощущение вязкости жидкости. Эти сложности могут иметь принципиальное значение при работе в уникальных или трудных условиях (на значительной высоте, в авиации или

аэрокосмической технике, в Арктике или условиях крайнего холода, в Антарктиде или условиях уникальной природы Байкала, и т.п.). В этих случаях, по сути, единственной возможностью остается лишь личное присутствие и участие грамотного специалиста-эксперта, обладающего профессиональными компетенциями и, прежде всего, накопленным опытом решения аналогичных задач в разнообразных ситуациях.

Можно сделать вывод, что сегодня в цифровой экономике уже выработан ряд механизмов социального и эвристического характера и набор математических и статистических инструментов, которые позволяют разрешать дилеммы передачи явных и неявных знаний через цифровые каналы и цифровыми средствами. Вместе с тем, пока остается вне решения многозначная сфера ценностного и этического восприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Одегов Ю.Г.** Управление талантами – реальность современного менеджмента // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 1. С.92–99.
- 2. Майклз Э., Х. Хэндфилд-Джонс и Э. Экселрод.** Война за таланты – Изд. „Манн, Иванов и Фербер”, 2005.
- 3. Schein E.** Increasing Organizational Effectiveness through Better Human Resources Planning and Development // Sloan Management Review. – 1977. – Vol. 19:1. – P. 1
- 4. Покровская Н.Н., Покровский Б.Н.** Проактивное инвестирование в человеческий капитал и управление талантами: Интерактивные и проектные образовательные технологии и методы обучения и выстраивание траектории формирования профессиональных компетенций в организации. – СПб.: ЗАО «Гуманитарный фонд», 2010. – 108 с.
- 5. Голохвастов Д.В., Микляев В.А.** Логика и структура корпоративного доверия в условиях нестабильности социально-экономической среды // Десятые Ковалевские чтения / Мат-лы науч.-практ. конф. 13–15 ноября 2015 г. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. – 2237 с. – С. 529–531.
- 6. Голохвастов Д.В.** Оптимизация компетентностной модели эффективных рыночных агентов // Государственное управление и экономика: современное состояние и перспективы развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: Северо-Западный институт повышения квалификации ФНС России, 2016. – С. 337–343.
- 7. Welch J., Welch S.** Winning. – New York: Harper Business, 2005. – 384 p.
- 8. Howell, W.S.** (1982). The empathic communicator. University of Minnesota: Wadsworth Publishing Company, 1982. – P. 29–33.
- 9. Bandura, A.** Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall: 1986.

10. 4 stages of learning theory – unconscious incompetence to unconscious competence matrix – and other theories and models for learning and change. – URL: http://www.businessballs.com/consciouscompetence_learningmodel.htm (дата обращения 29.01.2016).
11. **Bloom B.S., Engelhart M.D., Furst E.J., Hill W.H., Krathwohl D.R.** Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals. – Handbook I: Cognitive domain. – New York: David McKay Company, 1956.
12. **Артюшина А., Гладарев Б., Цинман Ж., Черныш А.** Региональный отчет по результатам проекта «Выявление индивидуальных моделей поведения, влияющих на эффективность деятельности инновационных, высокотехнологичных компаний», выполненного по заказу Фонда инфраструктурных и образовательных программ ОАО «РОСНАНО» в 2011-2012 гг. Социальные «портреты» технологических предпринимателей на фоне инновационной экосистемы региона. Случай Санкт-Петербурга. – URL: http://www.rusnano.com/upload/images/infrastructure/Otchet_EUSPb_St-peterburg.pdf (дата обращения 23.12.2015).
13. **Buijs J.** Modelling Product Innovation Processes: from Linear Logic to Circular Chaos // Creativity and Innovation Management. – 2003. – Vol. 12 (2). – pp. 766–793.
14. **Абабков Ю.Н., Абабкова М.Ю.** Маркетинговые исследования потребителей образовательных услуг // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2010. № 2 (4). С. 96–102.
15. **Абабкова М.Ю.** Аспекты формирования продуктовой стратегии образовательной организации в международном образовании // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2010. № 1 (3). С. 67–73.
16. **Абабкова М.Ю.** Ценовые решения образовательной организации на рынке международного образования // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2010. № 4 (6). С. 86–92.
17. **Mensch G.** 1979. Stalemate in Technology – Innovations Overcome the Depression. – New York, NY: Ballinger.
18. **Семиглазов В.А.** Прогнозирование жизненного цикла инновационного товара // Практический маркетинг. 2006. №12. С. 19–27.
19. **Абабкова М.Ю.** Этические конфликты в маркетинговой и рекламной деятельности // Конфликтология. 2014. Т. 1. С. 136–148.
20. **Голохвастов Д.В., Львин Ю.М.** Лидерские и агентские компетенции как основа реализации интересов групп и индивидов // Потребность в новых кадрах для государственной администрации и гражданского общества: политика и экономика. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 19–20 февраля 2015) / Отв. ред. Н.В. Бурова, Н.Н. Покровская. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 182 с. – с. 90–92.

УДК-658.5.008

А. П. Серов

КУЛЬТУРА ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Решение проблемы организации производства заключается в создании условий для внедрения научных знаний и разработок в деятельность предприятия. Этому процессу соответствует развитие организационной культуры многих процветающих фирм, таких как: Coca-Cola, Microsoft, McDonald's и др. Практически каждая успешная организация, предприятие имеет свою организационную культуру в виде совокупности ценностей и норм [1, с.10].

Организационная культура предприятия – это способ взаимодействия экономического сознания и экономического мышления.

Основные особенности организационной культуры (культуры предприятия) как фактора, управляющего экономическим поведением работников состоят в следующем:

1. Культура предприятия включает в себя нормы и ценности внешней и внутренней среды производства.

2. Культура предприятия (культура производства) представляет собой взаимодействие живого и неживого труда, человеческого фактора и технико-технологического потенциала [2, с.105].

Любое предприятие – это, прежде всего, люди. Работники являются важнейшим элементом производственного процесса. Эффективность управления работниками определяется успешной мотивацией их деловых и личностных факторов. К их числу относятся: состояние здоровья, социально-психологическая совместимость с другими сотрудниками трудового коллектива. Анализ методики управления персоналом показывает, что готовность сотрудников к выполнению своих профессиональных обязанностей является многомерным понятием, эта диспозиция объединяет в себе несколько составляющих: субъектно-психологическую готовность (мотивы, установки, ориентации), профессиональные функции (внимание, психомоторика, память, рече-

мыслительные процессы), уровень умственных способностей, работоспособность [3, с. 125].

Технико-технологический потенциал предприятия предопределяется особенностью развития технической реальности в XXI автоматизированной системы промышленного производства, внедрением искусственного интеллекта в трудовой процесс цикла, компьютеризацией технологического цикла, появлением новых электронных приборов.

Культура труда, культура производства являются основной трудовой поведением, предпосылкой качества изделия.

Трудовой процесс – это деятельность человека по производству благ и услуг. Основными характеристиками процессов труда являются: полезность результатов, затраты времени и энергии работников, их доходы и степень их удовлетворения от содержания выполняемых функций.

Сущность трудового процесса определяется следующими основными аспектами:

- Психофизиологическим.
- Технологическим.
- Социально-экономическим.

Психофизиологический аспект труда обусловлен затратами энергии человека и его эмоциональным состоянием;

Технологический аспект – действиями человека, направленными на преобразование ресурсов в блага [2];

Социально-экономический аспект характеризуется полезностью результатов труда и мотивами работников.

Вступление отечественных предприятий в качественно индустриальную эпоху требует новой культуры труда, культуры производства.

Задача состоит в том, чтобы создать новую организационную культуру с демографическими формами внедрения организационных элементов.

Культура организации производства отражает понимание, восприятие сотрудниками предприятия организационных ценностей: целей, роли эффективной хозяйственной деятельности и др.

Культура производства – система ценностей, в основе которой лежит качество продукции.

Культура труда представляет собой совокупность общественных ценностей, норм, привычек, потребностей, интересов, мотивов, выступающих в качестве основы социальной ориентации в сфере трудовых отношений, поведения человека в сфере труда.

Культура управления – это система обобщённая характеристика управленческого труда, отражающая его качественные черты и особенности, степень профессионализма и компетентности работников аппарата управления.

Структура культуры производства состоит из:

1) Культуры условий труда – совокупности объективных условий и субъективных факторов, определяющих поведение человека в процессе производственной деятельности (условия труда):

- санитарно-гигиенические,
- психофизиологические,
- социально-психологические,
- эстетические.

2) Культуры средств труда и трудового процесса (уровень механизации, автоматизации, качество оборудования и планомерность работы предприятия, уровень материально-технического обеспечения, качество выпускаемой продукции, использование передовых методов труда, обеспечение дисциплины, совершенствование организации труда и производства (НОТ).

3) Культуры межличностных отношений (коммуникаций) в трудовом коллективе (социально-психологический климат, разделение всеми работниками ценностей компании).

4) Культуры управления (методы, стиль управления, гуманизм, профессионализм управленцев, удовлетворённость трудом).

5) Культуры работника (совокупность нравственной культуры и культуры труда. Нравственная культура:

- правила поведения работника,
- этикет,
- культура чувств [3, с. 125].

Культуру труда работники определяют исходя из уровня образования и квалификации, его отношения к труду, дисциплинированности (технологическая, трудовая дисциплина),

исполнительности творчества на рабочем месте.

Ведущую роль в культуре производства (предприятия) играют организационные ценности.

Ценности предприятия:

- цели предприятия,
- отношения с потребителями и поставщиками,
- стремление к достижению максимальной эффективности и получению прибыли,
- количественный и качественный уровень социальной политики предприятия.

Способность предприятия создать ключевые ценности является одним из главных источников процветания предпринимателя.

Управление развитием производства в фирмах – это регулирование процесса производства в целях повышения его эффективности, роста производительности труда, улучшение качества продукции.

Основная цель – добиться рационального функционирования производительности подразделения в результате руководства «сверху».

Основным требованием к управлению производством является его приспособленность к новым условиям производственно-технологического цикла:

- к фондоёмким и гибким производством,
- роли человеческого фактора,
- улучшение качества продукции,
- сокращение производственных затрат,
- использование производственных площадей,
- росту сферы услуг,
- техническое обслуживание выпускаемой продукции.

Задачами менеджмента:

- 1) Постоянное внедрение, новых , совершенствование старых,
- 2) сокращение всех видов затрат на производство продукции.
- 3) Повышение качественных потребностей характеризуется при снижении цен на продукцию
- 4) Снижение, издержки

Во всяком производстве существует непрерывность, превращающая в воспроизводство. При этом происходит разделение вновь создаваемого

продукта на: 1. потребляемую и 2. Накопляемую части.

Всякое производство распадается на: производство–обмен–распределение–потребление. Производство имеет территориальную и отраслевую структуру.

Для достижения намеченных целей необходимо:

1) осуществление широкого

- технических

- технологических

- организационно-управленческих мероприятий

2) разработка принципов инвестированной и технологической политики. Эффективное использование технологии включает не только оборудование, но и процедуры организации производства. Компоновку рабочих мест, рациональное использование производственных площадей, обучение работников передовым навыкам, повышение их квалификации.

Современные системы управления характеризуются следующими особенностями:

1) наличие небольших подразделений с меньшим числом, но более высоким уровнем квалификации работников;

2) небольшого числа уровней управления;

3) создание организационных структур;

4) ориентация производства на затраты потребителей;

5) наличие минимальных складских запасов;

6) гибко переналаживаемого оборудования;

7) высокой производительностью труда;

8) низкие затраты;

9) высокое качество продукции [4, с. 533].

Принципы сходств эффективных организационных структур управления производством сводятся к следующему:

- ориентация структурных подразделений на товары, рынок потребителя, а не на выполнение функций,

- основу организационной структуры составляют целевые группы специалистов, а не функции и отделы,

- ориентация на минимальное число уровней управления и широкую среду контроля,

- ответственность каждого работника за конечные результаты и

возможность проявления инициативы.

Под организацией понимается использование организационных ресурсов для достижения стратегических целей компании.

Это разделение труда на уровни подразделений, видов деятельности, формирование структуры власти и механизмов координации выполнения разнообразных рабочих задач.

Организационная культура – инструмент менеджмента по управлению ресурсами производства. Она имеет дело с рабочими задачами и трудовыми ресурсами. Организационная структура определяется как:

- 1) Комплекс формальных задач сотрудников,
- 2) Формальная подотчётность за принимаемые решения,
- 3) Координации деятельности работников.

Организация выполняет множество различных задач. Основной принцип их реализации связан с качеством их исполнения, которое достигается посредством специализации сотрудников.

Управленческая цепочка – это линия властных полномочий, связывающая всех сотрудников организации и определяющая их подотчётность.

Выполнение различных задач предполагает, что каждый сотрудник имеет необходимые полномочия и несёт персональную ответственность за свои действия.

Властные полномочия – это законные официальные права менеджера принимать решения, отдавать приказы, распределять ресурсы, для достижения результатов.

Для социологов понятия «культура» несёт определённый смысл: в традициях, заложенных Э. Дюркгеймом, она рассматривается как система идеалов, ценностей, норм, образцов поведения, системой духовных кодов, информационной программой, мотивирующей человеческое поведение.

Культура производства – это не только внешний вид производственных помещений, своевременная уборка рабочих мест, она прежде всего тесно связана с точным соблюдением технологического процесса, механизацией и автоматизацией работ, компьютеризацией, улучшением морально-психологического климата, рациональной системой организации и управления производством [5, с. 15].

Большое распространение имеет трёхуровневая модель

организационной культуры предприятия [6, с. 298].

В настоящее время выделяют субъективную и объективную культуру предприятия.

1) Субъективная организационная культура включает: ценности, убеждения, ожидания работников.

2) Объективная организационная культура включает:

- физическое окружение организации:

- само здание,

- его дизайн,

- место расположения,

- оборудование и т.п.

Различают также сильную и слабую культуру [7, с. 147].

Выделяют также два типа организационных культур:

1) иерархический тип (бюрократическая культура), 2) развивающийся тип (инновационная культура).

При должной культуре труда быстро растущие предприятия ориентированы прежде всего на достижение поставленных целей задач, учитываются и оплачиваются. Люди хотят совершенствоваться, повышать свою квалификацию, овладевать смежными специальностями, они ориентированы на факторы, обогащающие содержание труда. Эти фирмы живут с системой ценностей, устраивающей всех сотрудников. Система ценностей предприятия представляет критерий, в котором суммируются все остальные признаки успеха.

Таким образом, высокая культура труда, культура производства гарантирует предприятиям экономический, финансовый успех.

Организационная культура современного предприятия предопределяется прежде всего философией предприятия [8, с. 158].

Философия – это не только размышление. Философия – это действие. Не случайно ещё Платон говорил о том, что государством должны управлять философы, или философствующие владыки, а Демокрит призывал правильно мыслить, правильно говорить, правильно делать. Философия – сфера очень конкретного знания, вопреки распространённым представлениям, будто философия – это сфера всеобщих абстракций, пустых «вечных» разговоров. Поэтому философия позволяет рассматривать себя не только в абстрактно-всеобщем плане, а вполне

предметно, применительно к конкретным субъектам и объектам производства. Философия выступает не только как наука о всеобщих законах действительности, но и как наука о специфических законах развития предприятия. В таком контексте философия может выступать в форме экономического сознания, учения о принципах жизнедеятельности предприятия, познания закономерности его развития.

Применение философии в управлении современным производством является обращением к универсальному методу анализа и прогнозирования производственных процессов. Поскольку именно философский подход ко всем сферам и направлениям современного производства позволяет рассматривать все аспекты производственной деятельности, ценностные ориентации производства, организационную культуру предприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Рютгенгер Р. Культура предпринимательства. М. : Эком, 2002.
2. Мескон, Альберт, Хедоури. Основы менеджмента. М. : 2008.
3. Л. Дафт, Ричард. Менеджмент. М. : 2008.
4. Ричард Л, Дафт. Менеджмент. М. : 2008.
5. Родин О. Концепция организационной культуры: происхождение и сущность. концепция организационной культуры: происхождение и сущность. М. : 1998.
6. Герчикова И.Н. Менеджмент. М. : Юнити, 1995.
7. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб: Питер, 2001.
8. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2001.

УДК 239

Чжоу Цзюнь

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Российская империя и Советский Союз на протяжении всего существования проявляли огромный интерес к восточному направлению. В поисках союзника и партнера по геополитическим интересам на долгосрочный период Россия обратилась к своему ближайшему соседу – Китаю. На протяжении столетий складывались партнерские русско-китайские отношения. Наиболее важными вехами, пожалуй, можно назвать 1949 год – признание Советским Союзом КНР. В этой связи, следует отметить тот факт, что СССР стал первым государством, признавшим Китай, как независимое государство [1]. Второе значимое событие – официальный визит М.С. Горбачева в Китай в 1989 году, который, по мнению самих китайцев, явился новой точкой отсчета русско-китайских отношений [2]. Именно с того момента на долгие годы были установлены дипломатические отношения между СССР и Китаем. И даже после распада Советского Союза они не утратили своего бывшего значения.

Сегодня Российская Федерация продолжает политику сохранения отношений с восточным соседом. Активно поддерживает многолетние дружеские связи между двумя государствами, содействует обеспечению безопасности и мира в регионе, разрабатывает меры и принимает решения по устранению нерешенных пограничных вопросов. Одним из таких решений было создание форума «Шанхайская Пятерка» в 1996 году в Шанхае [3]. Данный форум подразумевал регулярные встречи, проводимые руководителями стран на высшем уровне для обсуждения проблем пограничного сотрудничества.

Базой для открытия этого форума послужили два документа: «Российско-китайское соглашение о мерах доверия в зоне границы» [4], и многостороннее «соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в рай-

оне границы». Последнее было подписано между Россией, Китаем, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном в 1997 году во время саммита в Москве [5].

Сближение этих стран диктовалось в первую очередь обострением угрозы терроризма в центральноазиатском регионе и нарушением безопасности приграничных территорий стран шанхайской пятерки со стороны главного очага нестабильности в Средней Азии – Афганистана [6. Р. 3]. Там шла гражданская война между войсками Северной коалиции и движения Талибан. Ситуация в регионе беспокоила не только государств-соседей, но и, усиливавшего свое влияние, военного блока НАТО. Присутствие войск Североатлантического альянса в Азии и вмешательство во внутреннюю политику отдельных государств, в свою очередь, создавала напряженную обстановку среди стран региона. Страны-участники, с момента создания форума, объявили о высокой необходимости и срочности принятия мер для решения неопределенности в приграничных районах и уменьшения американского влияния.

В ходе поисков необходимых условий для разрешения возникших проблем форума проявлялись разногласия относительно характера и перспектив сотрудничества. В этот момент, выяснилось, что государства-участники более сосредоточены на реализации собственных целей, нежели на консолидации во имя обеспечения безопасности в регионе. Например, Китайское правительство предпочитало сотрудничество в сфере политики и борьбы с исламским экстремизмом. В то время как, страны Центральноазиатского региона (Узбекистан, Казахстан, Таджикистан) напротив, старались не акцентировать внимания на «исламской угрозе» из-за возможного усиления активности исламских организаций на территории всех стран Шанхайской пятерки, а переключить внимание форума на решение экономических вопросов. Что касается Российской Федерации, она придерживалась промежуточной позиции между КНР и центральноазиатскими государствами [7].

Совместная интенсивная работа стран на саммитах в Алма-Ате в 1998 г. [8], Бишкеке в 1999 г. [9], Душанбе в 2000 г. [10], несмотря на различные проблемы и противоречия, достигла значительного прогресса. Плодотворные усилия стран и результат, создали атмосферу взаимного до-

верия и сотрудничества между государствами, которая стала именоваться «шанхайским духом» [11]. Одним из результатов продуктивной работы форума явилось то, что на протяжении 7,5 тыс. км была создана полоса пониженной военной активности глубиной 100 км по обе стороны линии российско-китайской границы [7].

Постепенно круг вопросов расширился до сфер внешней политики, экономики, охраны окружающей среды, включая использование водных ресурсов, культуры и т.д. 15 июня 2001 г. руководители пяти стран пришли к соглашению, по итогам которого, Шанхайский форум был преобразован в полноценную организацию многопрофильного сотрудничества. – Шанхайскую Организацию Сотрудничества (далее ШОС) [12]. Государства выступили с данной инициативой для расширения полномочий, так как статус форума не предусматривал активных решительных и широкомасштабных действий для устранения угрозы терроризма. В том же году в состав организации был принят Узбекистан. Форум «Шанхайской пятерки» стал одним из самых ярких примеров в истории многосторонней дипломатии в современном мире, явившийся базой создания ШОС.

Подводя итог выше сказанному, необходимо отметить, что появление новой международной организации – ШОС в центральноазиатском регионе ни в коем случае нельзя считать феноменом, ввиду общности политических интересов стран участниц на протяжении значительных исторических периодов. Предпосылки создания данной организации имеют объективный характер. Осложнение политических связей между странами-членами Шанхайской Организации Сотрудничества были вызваны современными экономическими и политическими трендами: глобализацией, терроризмом, экстремизмом и т.д. Поэтому необходимость поиска консенсуса в рамках политического института повлияло на создание ШОС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Знаменитая речь Мао дзе дуна об образовании новой коммунистической страны 1 октября 1949 года – http://www.rfi.fr/acturu/article_s/118/article_4316.asp – 05.07.2009.

2. Визит Горбачева в Пекин http://vzss.com/index.php?option=com_content&task=view&id=18&Itemid=1 – 16.05.2009.
3. Образование форума «Шанхайской Пятерки» – [wikipedia.org/wiki/ Шанхайская организация сотрудничества](http://wikipedia.org/wiki/Шанхайская_организация_сотрудничества).
4. Российско-китайское соглашение о мерах доверия в зоне границы – <http://www.chinastar.ru/rus/2/2/4> – 15. 08. 2005
5. Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы – <http://www.chinastar.ru/rus/2/2/4>. – 15. 08. 2005.
6. **Matthew Hall**. The Shanghai Cooperation Organisation: A Partner for Stabilising Afghanistan? Centre for Defence and Strategic Studies Australian Defence College – 2009.
7. Системная история международных отношений в 4-х томах. События и документы. 1918–2003. Под ред. А.Д.Богатурова. Том третий. События. 1945–2003. Раздел IV. Глобализация. М, НОФМО, 2003 с. – 357.
8. Досье о ШОС с 1996 года. Алма-Ате в 1998 г – <http://tj.china-embassy.org/rus/zt/shhzzz/t242126.htm> - 24. 03. 2006.
9. Досье о ШОС с 1996 года. Бишкеке в 1999г – <http://tj.china-embassy.org/rus/zt/shhzzz/t242126.htm> - 24. 03. 2006.
10. Досье о ШОС с 1996 года. Душанбе в 2000 г – <http://tj.china-embassy.org/rus/zt/shhzzz/t242126.htm> - 24. 03. 2006.
11. Шанхайский дух – http://dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=7522 – 26.09.2006.
12. Декларация о создании ШОС – http://russian.china.org.cn/archive2006/txt/2002-09/20/content_2043327.htm – 20.09.2002

УДК 339

Т. С. Ягья

О ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

В развитии мировой экономики, международных экономических отношений постоянно происходят определенные изменения, обусловленные происходящими в мире переменами в социальных, политических и экономических сферах, которые не обходятся без процесса транснационализации, транснациональных корпораций (ТНК).

Можно сказать, что ТНК принимают прямое и косвенное участие в мировых экономических и политических процессах, формируя, таким образом, современный и будущий облик мира.

Сегодня ТНК предстают как непосредственные участники мирохозяйственных связей, «двигатели» мировой экономики. Деятельность ТНК охватывает практически все области народного хозяйства, а в сферу их интересов вливается все большее число стран во всех регионах мира. Следует отметить, что многие ТНК по своей экономической мощи вполне сопоставимы с традиционными участниками международных экономических отношений – государствами. Поэтому ТНК оказывают значительное влияние на их экономическое развитие и играют важную роль в формировании международной конкурентоспособности этих стран. Транснационализация как процесс расширения и укрепления деятельности ТНК национальны по формированию капитала и интернациональны по ее функционированию и контролю. Транснациональные корпорации – это компании, контроль над которыми осуществляется, как правило, акционерами одной страны. Однако свою деятельность они осуществляют и в других странах посредством создания филиалов и своих дочерних компаний, имеющих свои службы сбыта, производства продукции и т. д. В качестве ярких примеров ТНК можно назвать американские фирмы «Еххон Mobil», «Wall-Mart Stores» и др. Для того, чтобы международная компания считалась ТНК, необходимо, чтобы доли занятых на зарубежных предприятиях, зарубежных активов и зарубежных продаж не превышали

25–30%. ТНК состоит из материнской корпорации и дочерних филиалов. Материнская компания формирует стратегию развития, осуществляет контроль над финансами и технологиями, участвует в управлении капиталом дочерних компаний. Кроме того, она принимает решение о покупке, учреждении или ликвидации своих подразделений. Следует отметить, что в основном транснациональные корпорации располагаются в США, Японии и странах Европейского Союза.

Характерными чертами ТНК являются: создание системы международного производства, распределенного между многими странами, но контролируемого из одного центра; относительная независимость в принятии решений стран базирования и принимающих стран; высокая интенсивность внутрикорпорационной торговли; глобальная структура занятости и мобильность менеджеров разных стран; разработка, передача и использование передовой технологии в рамках замкнутой корпорационной структуры.

Транснациональные корпорации отличаются от других участников международных экономических отношений. Прежде всего, они осуществляют свою деятельность на большой территории и, имея свои филиалы в зарубежных странах, ведут торговлю своими товарами, не платя при этом таможенные пошлины, и используют при этом природные ресурсы, человеческий и научно-технический потенциал других стран. К тому же, в отличие от других они могут извлекать выгоду из социально-экономического уровня развития страны. Так, например, если в какой-нибудь стране размер заработной платы находится на низком уровне, то не обязательно платить работникам столько же, сколько платят в стране, где расположена материнская корпорация.

Влияние ТНК на мировую экономику обеспечивается посредством вертикальной и горизонтальной интеграции с зарубежными филиалами. Вертикальная интеграция позволяет большинству ТНК получать гарантированное обеспечение сырьевыми материалами и промежуточными товарами через эффективную внутрифирменную торговлю и преодолевать проблемы, встречающиеся на зарубежных рынках. Посредством же горизонтальной интеграции через зарубежные филиалы ТНК могут лучше защищать и использовать монопольную власть, приспособлять свою продукцию к местным условиям и обеспечивать ее высокое качество.

На сегодня возрастает объем инвестирования со стороны ТНК в зарубежные страны, и прежде всего в развивающиеся для подъема их экономики и дальнейшего экономического роста. Таким образом, роль ТНК в процветании развивающихся стран, на рынках которых произведенные дочерними компаниями ТНК товары и услуги набирают обороты, весьма значительна.

Приток ПИИ в развивающиеся страны в 2014 году достиг очередного рекордного уровня – 778 млрд. долл. США, или 54% мировых потоков [1].

Объем продаж иностранных филиалов ТНК составил примерно 26 трлн. долл., объем произведенной этими филиалами добавленной стоимости превышал 9% мирового ВВП, а их экспорт оценивался в 7,5 млрд. долл., составляя треть всей мировой торговли. В заграничных филиалах ТНК занято около 72 млн. чел. [2].

Деятельность ТНК характеризуется огромными масштабами. На них приходится примерно половина мирового промышленного производства, 63 % внешней торговли. ТНК контролирует 80 % патентов и лицензий на новую технику, технологии и «ноу-хау». Под контролем ТНК находится 90 % мирового рынка пшеницы, кофе, кукурузы, лесоматериалов, табака и железной руды, 85 % – рынка меди и бокситов, 80 % рынка чая и олова, 75 % – сырой нефти, натурального каучука и бананов. Половина экспортных операций США осуществляется американскими и иностранными ТНК, в Великобритании этот показатель составляет 80 %, в Сингапуре – 90 % [3].

Вышеизложенное подтверждает тот факт, что ТНК – важнейшая составляющая, которая образует глобальную мировую экономику.

У ТНК имеются неоспоримые преимущества, которые, как правило, рассматриваются в качестве причин их возникновения и активного развития: возможность увеличения прибыльности, повышение эффективности, усиление конкурентоспособности за счет доступа к ресурсам иностранных государств, возможность снижения затрат и рисков. А также ТНК способны продлевать жизненные циклы своих технологий и продукции, по средствам прямых инвестиций получать возможность преодолевать разного рода барьеры на пути внедрения на рынок той или

иной страны путем экспорта и получать информацию о перспективах рынков и конкурентом потенциале фирм принимающей страны.

Все эти вышеизложенные причины (преимущества) обуславливают быстрый рост числа транснациональных корпораций в последнее время. Сейчас в мире насчитывается около 82 000 ТНК, имеющих около 810 000 филиалов в различных странах на всех континентах. Сто наиболее крупных ТНК имеют 70–80% всех зарубежных активов [4].

В итоге можно отметить, что ТНК, превращая мировое хозяйство в международное производство, во многом обуславливает его прогресс по разным направлениям, что приводит к повышению технического уровня, качества продукции, эффективности производства и позволяет совершенствовать формы менеджмента и управления компаниями.

При этом следует учесть, что в настоящее время перед менеджментом ставятся качественно новые задачи, такие как: достижение эффективной работы всех сотрудников компании, внедрение новейших разработок, применение современных методов управления и пр. для достижения максимальной прибыли.

Современный уровень функционирования различного рода фирм, в том числе транснациональных корпораций, требует некоторых изменений в системе менеджмента, например переход от «вертикального» стиля управления к «горизонтальной» системе связей. «Горизонтальное» управление имеет ряд конкурентных преимуществ: не имея никакой иерархии и, соответственно, при отсутствии централизованного планирования сотрудники имеют возможность самостоятельно обрабатывать значительные объемы поступающей информации и самостоятельно принимать решения.

По оценкам Всемирного экономического форума, практика перехода от «вертикального» управления к «горизонтальному» характерна для государств, которые являются лидерами инновационного развития. Из 140 обследованных стран в десятку первых входят Швейцария, Сингапур, США, Германия. Менее развита эта система управления в Индии (55-е место), Бразилии (75-е), Китае (28-е) и России (45-е) [5]. Переход на «горизонтальное» управление знаменует образование сетевых структур, ведущая роль в становлении которых принадлежит как раз

транснациональным корпорациям, формирующим глобальные производственные и маркетинговые сети для установления своего господства на мировом рынке.

Кроме того, выделяется четыре основных принципа построения системы управления ТНК: централизованная система управления; сочетание технологического контроля центра с децентрализацией принятия решений в филиалах; объединение автономных фирм в холдинг на федеративных началах; интегрированная сетевая структура, действующая как единая инновационная система. Гибкие формы организации и управления превратили ТНК в доминирующие субъекты олигопольного рынка и стали одним из решающих факторов формирования сетевого общества, показывая все его преимущества и недостатки.

В зависимости от конкретных особенностей ТНК корпорации применяют следующие виды глобальных управленческих структур: международное отделение; международное отделение, выделяемое в отдельную дочернюю фирму; функциональные (линейные) отделения; отделения по виду выпускаемой продукции; региональные отделения.

Среди американских корпораций наиболее распространена структура, характеризующаяся наличием международного отделения, которое может входить наряду с другими подразделениями в состав головной родительской корпорации или может быть выделено в отдельную фирму. Это объясняется тем, что централизованное управление основными предприятиями на внутреннем рынке и всеми филиалами за границей отдельно по функциям, видам производимой продукции и регионам связано с большими трудностями, поскольку требует объединения управления операциями на внутреннем и внешнем рынках в одном подразделении под единым руководством.

Следует также обратить внимание на то, что ТНК в развитии мировой экономики оказывают как положительный, так и отрицательный эффект. К положительному можно отнести стимулирование транснациональными корпорациями научно-технического прогресса, развитие мирового производства, тенденцию глобализации мировой экономики, а также способствование оптимальному распределению ресурсов, размещению производства и расширению границ международного разделения труда и международного сотрудничества. А

жесткая конкуренции со стороны ТНК местным компаниям, оттеснение любыми способами национального бизнеса и возможная монополизация местных рынков и т.д. может вызвать отрицательный эффект.

Многие транснациональные компании накопили огромный опыт организационного развития. Они добиваются успехов в управлении зарубежными предприятиями, сочетая международную интеграцию производства и локальную гибкость управления. Они опираются на взаимозависимость ресурсов и функций подразделений организации; на набор эффективных интеграционных механизмов их взаимодействия; на мощную корпоративную поддержку и хорошо продуманную стратегию управления в глобальном масштабе. Транснациональные компании достигают такой взаимозависимости между их подразделениями, поощряя распределение между ними не только потоков материальных ресурсов, готовой продукции и капитала, но и опыта и знаний. Сегодня стоит говорить о компаниях, создаваемых на основе интеграции хозяйственной деятельности, осуществляемой в разных странах, т. е. о глобальных ТНК. Возникшие в 80-е годы, именно они определяют будущее развитие мировой экономики; их сферой деятельности является весь мир. Перед такими ТНК важным является осуществление глобальной стратегии, заключающейся в продаже товаров во всем мире, при этом международный сбыт рассматривается не как дополнение к основному бизнесу, а как неотъемлемая часть стратегии; в размещение тех или иных видов деятельности в других странах, чтобы использовать местные преимущества, компенсировать неблагоприятные моменты или облегчить проникновение на национальный рынок; в координации и интеграции различных видов деятельности в масштабах всего мира. Так, к числу глобальных корпораций можно отнести 20–30 крупнейших компаний мира. Наиболее ярким примером можно считать компанию Coca-Cola, разместившую свое производство в 200 странах, швейцарскую компанию Nestlé, которой принадлежит 448 фабрик и промышленных предприятий в более чем 83 странах мира, в которой также работают более 280 000 человек. В качестве еще одного примера может служить нидерландско-британская нефтегазовая компания Royal Dutch Shell, четвертая по величине активов в мире, согласно рейтингу Forbes Global 2000 (май 2014 года) [6]. А в России крупнейшими публичными компаниями являются

Газпром, Лукойл, Роснефть, Сбербанк, Северсталь, Магнит и т. д., перед которыми стоят следующие задачи: всемирное повышение конкурентоспособности и наращивание экспорта (так, для нефтяных компаний необходимо осуществить переход от экспорта мазута к экспорту нефтепродуктов высокой степени переработки, обеспечить развитие экспорта разнообразной продукции нефтехимии); возобновить инжиниринг и строительство объектов за рубежом (например, в сфере добычи полезных ископаемых); развивать торговлю с контрагентами из стран Азии и Африки (речь идет об инвестиционных и инфраструктурных проектах); значительно увеличить инвестирование в основной капитал, осуществить обновление технологической базы, повысить инвестиционную активность и эффективность НИОКР.

В целом можно сказать, что у крупных российских компаний есть потенциал для увеличения экспорта, в том числе высокотехнологичных товаров и услуг, но для этого необходимо осуществление крупномасштабных инвестиций.

Все вышеизложенное позволяет сказать, что функционирование и дальнейшее развитие деятельности транснациональных корпораций, в том числе глобальных ТНК, представляют важную роль в развитии мировой экономики и является ее особенностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Глобальные инвестиционные тенденции // Доклад о мировых инвестициях, ЮНКТАД, 2014 год
2. **Кузнецов А.** Транснациональные корпорации в мире // Мировое и национальное хозяйство, 2014 // Интернет-ресурс // <http://www.mirec.ru/2014-02/transnacionalnye-korporacii-v-mire>
3. **Щанкина И.** Анализ влияния деятельности ТНК на развитие мирового хозяйства // Региональная конвергенция предпринимательства как эффект развития электронной торговли, 2014
4. **Попова А.В., Гриванов Р.И.** Транснациональные корпорации как субъект международных экономических отношений // Мат-лы VII Междунар. студенческой электронной науч. конф. «Студенческий научный форум», 2015 // Интернет-ресурс // <http://www.scienceforum.ru/2015/1053/8190>
5. World Economic Forum. Report Highlights // Интернет-ресурс // <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/report-highlights/>
6. Рейтинг Global 2000: The Biggest Companies Of 2014 // Интернет-ресурс // <http://www.forbes.com/global2000/list/>

Раздел XIX.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 61(091)''1914/1918''(94+470)

А. Я. Массов

**АВСТРАЛИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ ДЛЯ РОССИИ
(К СТОЛЕТИЮ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ПРОЕКТА)**

Во время работы в Архиве внешней политики Российской империи с материалами российских генеральных консулов в Мельбурне удалось обнаружить любопытный документ столетней давности. Речь идет о телеграмме консула А.Н. Абазы от 20 апреля/3 мая 1916 г. с сообщением о намерении граждан Австралии собрать средства для организации и отправки в Россию госпиталя для нужд воюющей русской армии. Вот текст этой, никогда ранее не публиковавшейся, телеграммы:

«По инициативе знаменитой австралийкой певицы Мельба австралийские граждане хотят на свои средства отправить в Россию походный лазарет с полным материалом и личным составом. Если императорское правительство одобрит эту мысль, госпожа Мельба смеет надеяться на августейшее покровительство Ее величества, лично ее знающей вдовствующей государыни. Прошу Ваше высокопревосходительство не отказать снестись по этому делу с генерал-губернатором Австралии по телеграфу. Лазарет был бы всецело предоставлен в распоряжение императорских властей» [1, л. 61].

Содержание этой депеши, которая, судя по всему, была направлена министру иностранных дел С.Д. Сазонову¹, было доложено государю.

¹ Для определения точного адресата этой телеграммы нужны дальнейшие архивные разыскания.

Николай II, как следует из помет чиновников, предложение о госпитале одобрил и 26 апреля (ст. ст.) начертал резолюцию «Согласен. Нужно спросить Ее величество» (то есть вдовствующую императрицу Марию Федоровну) [1, л. 61].

Информация о стремлении австралийцев помочь своим русским союзникам по Первой мировой войне не может не вызвать особого интереса. Интерес этот обусловлен двумя причинами.

Первая из них связана с очень неоднозначным отношением в Австралии к России и русским. Со второй половины XIX в., а точнее со времени Крымской войны, в Австралии на долгие десятилетия утвердилось подозрительное, если не сказать враждебное отношение к русским. В условиях крайне напряженных отношений между Россией и Великобританией в австралийских переселенческих колониях Англии было распространено убеждение, что в случае начала англо-русской войны Россия силами своего военного флота совершит нападение на слабо защищенные прибрежные города Австралии. Лишь после поражения России в русско-японской войне этот страх несколько поутих. Но – как отмечал в 1908 г. в своем донесении российский генеральный консул в Мельбурне М.М. Геденштром – «после несчастной войны страх прошел – недружелюбие осталось» [2, с. 234]. Портили репутацию русских и некоторые члены русской эмигрантской общины Австралии. Речь идет о немногочисленных (не более 500 человек из примерно 11 тыс. русских, проживавших в то время на пятом континенте) политических эмигрантах – участниках первой русской революции, которые активно продолжали заниматься революционной агитацией и в Австралии [3, с. 28, 35–36].

Впрочем, ко времени начала Первой мировой войны стала заметна и противоположная тенденция – улучшения отношений к России и русским. Большинство эмигрантов из России были далеки от политической деятельности и пользовались среди австралийцев репутацией недорогих и неприхотливых работников, обладавших к тому же высоким уровнем квалификации. Контакты на бытовом уровне содействовали постепенному, хотя и медленному укоренению «исключительно благосклонного отношения» к русским «австралийских правительств и общественного мнения» [4, р. 27]. Стремление помочь воюющей России, пожертвовав

собственные сбережения на создание госпиталя, может расцениваться как яркое свидетельство дальнейшего и притом заметного роста симпатий австралийцев к далекой России.

Вторая причина интереса к попытке оборудовать госпиталь для России связана с тем, что ее инициатором стала Нелли Мельба – оперная дива, пользовавшаяся мировой славой и ставшая одним из символов национальной культуры Австралии. В 1891 г. Н. Мельба по личному приглашению императора Александра III гастролировала в Петербурге. Ее выступления в Мариинском театре снискали шумный успех у публики. Государь и его супруга лично выразили Н. Мельбе свою благодарность, певице были преподнесены дорогие подарки [5, р. 72; 6, р. 218]. В Петербурге у Н. Мельбы установились личные контакты с некоторыми деятелями русской культуры, в частности, оперная дива посетила в качестве гостя А.Г. Рубинштейна и пела под аккомпанемент великого пианиста [7, р. 60–61]. Свой интерес и уважение к русской культуре Н. Мельба сохранила на всю жизнь. После революции 1917 г. она оказывала помощь пианисту Я. Спиваковскому и скрипачу и композитору Е. Цимбалисту – русским музыкантам, оказавшимся в эмиграции и приехавшими на гастроли в Австралию [8, с. 194]. Тот факт, что именно Н. Мельба инициировала организацию помощи австралийцев России в годы Первой мировой войны, служит еще одним подтверждением ее симпатий к далекой северной стране и вносит новые штрихи в биографию великой певицы.

По русским источникам судьба предложения о создании и отправке в Россию «русско-австралийского госпиталя» не прослеживалась. Поэтому во время научной командировки в Австралию в 2015 г. автор данного сообщения попытался разыскать австралийские источники об этом любопытном эпизоде из истории отношений двух стран. Отчасти эта попытка удалась. Ряд документов был обнаружен в «Коллекции Т. Пула–Э. Фрида» – собрании документальных материалов по истории русско-австралийских связей, хранящейся в настоящее время в библиотеке Квинслендского университета в г. Брисбене [9]. (Подробнее об этой коллекции см. [10]). Это были ксерокопии документов, извлеченных в свое время из Национального архива Австралии – в основном переписка

должностных лиц австралийских правительственных учреждений по поводу предложения о снаряжении госпиталя для России. Дополнительный материал предоставила австралийская пресса того времени. Обнаруженные источники позволили восстановить эту страничку и истории российско-австралийских связей.

14 июля 1916 г. Н. Мельба выступила в Сиднее с заявлением, в котором предложила создать фонд по сбору денег с целью создания полевого госпиталя для передачи в дар русской армии. В заявлении говорилось о необходимости «тесного объединения усилий австралийцев» для оказания «щедрой помощи русской армии и русскому народу», усилия которых «меняют ход войны» и уже «в значительной степени сломали силу врага». Я знаю, – говорилось в заявлении Н. Мельбы, – что война принесла горе и страдания тысячам и тысячам во многих частях России. Мы не можем облегчить их участь, но мы можем и должны сделать что-либо, чтобы показать наше сочувствие тем, кто принес эти благородные жертвы». По словам Н. Мельбы, ее предложение сделано с «полного одобрения» вдовствующей российской императрицы Марии Федоровны (*видимо, одобрение действительно было получено – А.М.*) и санкционировано австралийским министерством обороны», причем госпиталь должен был быть передан России не от имени какого-либо одного австралийского штата, а стать «даром всего Австралийского Союза русскому народу». Оперная дива выразила готовность возглавить комитет по сбору денег и выступить с благотворительными концертами в Сиднее и Мельбурне, сбор от которых пойдет в фонд создания австралийского госпиталя для русской армии. По мнению Н. Мельбы приблизительная стоимость госпиталя может составить от 40 до 50 тыс. ф. ст. [11].

Предложение Н. Мельбы нашло широкий отклик и поддержку в Австралии. В главных австралийских городах были созданы комитеты по сбору средств для госпиталя, причем в Мельбурне, Сиднее, Хобарте и Аделаиде их возглавили или были избраны почетными казначеями мэры этих городов [12, 13]. О предложении Н. Мельбы широко сообщила колониальная пресса, в газетах публиковались письма читателей в поддержку идеи собрать средства, оборудовать и отправить госпиталь в Россию. Известный сиднейский врач Р.У. Хорнабрук, отметил, что «если

друг австралийца взывает о помощи, австралиец всегда окажет ее с безграничной искренностью», и горячо поддержал идею отправки в Россию госпиталя. «Призыв о помощи исходит от нашего великого союзника – России», и Австралия, писал Р.У. Хорнабрук, сможет «показать на практике свое восхищение мужеством и самопожертвованием русского народа в продолжение многих месяцев этой тяжелейшей войны». Госпиталь станет даром народа Австралии народу России, и «каждый, кто будет лечиться в нем, – продолжал рассуждать Р.У. Хорнабрук, – увидит и почувствует дружеские объятия своего товарища из-за дальних морей, и это не будет забыто» [14]. 16 августа 1916 г. Р.У. Хорнабрук, в течение года служивший врачом на кораблях австралийского флота, дал публичную лекцию в Аделаиде о своем участии в военных действиях. Сбор от лекции, на которой присутствовало более 250 человек и в том числе губернатор штата Южная Австралия Г. Голуэй с супругой, был передан в фонд создания австралийского госпиталя для России [15]. Судя по подписным листам, копии которых хранятся в коллекции Т. Пула–Э. Фрида, множество австралийцев внесли свой вклад в сбор средств для создания госпиталя [9, box 6, folder 4].

Идея создания госпиталя обсуждалась в военных и политических кругах Австралийского Союза, но там она вызвала большой скепсис. Этот скепсис проистекал из соображений военного порядка и, возможно, из-за традиционного и полностью не изжитого предубеждения против России и русских. Первоначально Высокому комиссару (официальному представителю) Австралии в Лондоне министерством обороны Австралии была отправлена телеграмма, где предлагалось выяснить, согласно ли правительство Великобритании на то, чтобы Австралия передала России полностью оборудованный госпиталь на 500 коек. Если да, то далее предполагалось сделать официальное предложение русскому правительству от имени правительства Австралии. Однако в ответе от 5 августа 1916 г. из офиса Высокого комиссара Австралии в Лондоне Э. Фишера указывалось, что организация госпиталя на российской территории не представляется целесообразной, поскольку русские «неспособны оценить с признательностью наши усилия». При этом они вполне в состоянии сами обеспечить должную постановку медицинской

службы в своей армии [9, box 6, folder 4]. Против передачи госпиталя России фактически выступил начальник медицинской службы австралийской армии полковник Н. Хоус. Он считал, что госпиталь, если он будет создан и оснащен, необходимо отправить для обслуживания подразделений английской и австралийской армий в Египте, где остро ощущалась нехватка медицинского персонала [9, box 6, folder 4].

В итоге секретарю комитета по организации австралийского госпиталя в России 29 августа 1916 г. было послано уведомление о том, что «правительство [Австралийского] Союза после соответствующих консультаций... с имперским правительством решило не предлагать госпиталь правительству России, поскольку было решено, что все ресурсы медицинского обеспечения должны находиться в распоряжении британского правительства». Комитету предлагалось наладить сбор средств для госпиталя Британского Красного креста в России, уже работавшего в Петрограде с начала 1916 г. [9, box 6, folder 4].

В министерстве обороны Австралии было подготовлено и передано для публикации в австралийской прессе заявление главы ведомства Дж. Пирса. В нем говорилось, что министр «искренне симпатизирует идее на деле продемонстрировать признательность нашему великому союзнику России» и «в полной мере оценивает благородные намерения» Нелли Мельбы, а также мэров Мельбурна, Сиднея, Аделаиды и Хобарта, инициировавших движение за создание и организацию работы в России австралийского госпиталя. Однако в настоящее время министр «владеет информацией», которая указывает на то, что медицинская служба в российской армии укомплектована достаточно хорошо, «поэтому нет никакой особой необходимости» в укреплении русской медицинской службы австралийским подразделением. А, стало быть, и «нет необходимости, чтобы усилия организаторов движения» по созданию госпиталя «были продолжены» [16]. Это заявление было перепечатано большинством австралийских газет. Через несколько дней в газетах появилось сообщения, что по «причинам, которые следует считать конфиденциальными, было установлено, что посылка австралийского военного госпиталя в Россию невозможна». На заседании в Мельбурне 14 сентября 1916 г. Комитет по сбору средств решил передать уже собранные

деньги в Репатриационный фонд, созданный в начале 1916 г. для поддержки австралийских солдат-участников боевых действий и – в случае гибели – поддержки их проживавших в Австралии родственников [17].

Так, по сути дела, ничем закончилась попытка организовать и отправить в Россию военный госпиталь в качестве дара австралийского народа. Вместе с тем сама эта попытка, проявленный при сборе средств энтузиазм граждан Австралии были продиктованы искренним чувством уважения к мужеству русского солдата и вкладу России в общей борьбе на полях сражений мировой войны. Она, как уже отмечалось выше, стала убедительным свидетельством растущих симпатий австралийцев к далекой и некогда пугавшей их северной стране. К сожалению этот позитивный в своей основе вектор в развитии русско-австралийских связей оказался недолговечным. События Октября 1917 г. вновь возродят крайне негативное и недоверчивое отношение австралийцев к России и русским [18, с. 41–42].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. АВПРИ. Ф. 134 (Архив Война). Оп. 473. Д. 142.
2. Российская консульская служба в Австралии, 1857–1917 гг. (Сб. документов). Сост. и авт. введ. ст. и коммент. А.Я. Массов и М. Поллард. М.: Международные отношения, 2014. 352 с.
3. **Каневская Г.И.** «Мы еще мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 90-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2010. 369 с.
4. **Fried E.** Russians in Queensland. Bachelor of Arts Thesis. Brisbane, 1980. (Manuscript). – University of Queensland Library (Brisbane). 106 p.
5. **Melba N.** Melodies and Memories. London: Nelson, 1980. 253 p.
6. **Perry W.** Dame Nellie Melba: a Centennial Review // The Victorian Historical Magazine. 1961. Vol.31, No 4. P. 210-225.
7. **Murphy A.G.** Melba: A Biography. London: Chatto & Windus, 1909. 348 p.
8. **Петриковская А. С.** Культура Австралии. XIX-XX вв. М.: Восточная литература, 2007. 253 с.
9. Thomas Poole and Eric Fried Collection // University of Queensland Fryer Library, 336.
10. **Массов А.Я.** Коллекция документальных материалов по истории русской иммиграции в Австралии в библиотеке Квинслендского университета // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. 2009. Вып. 11–12. С. 66–69.

11. A Gift of a Field Hospital. Madam Melba's Proposal // The Sydney Morning Herald. 15.07.1916, p.12.
12. Australian Hospital for Russia // The Brisbane Courier. 29.07.1916. P. 5.
13. Hospital for Russia. Effort unnecessary // The Register 11.09.1916. P. 6
14. **Hornabrook R.W.** Australian Hospital for Russia. To the Editor // The Advertiser. 14.08.1916. P.8.
15. For The Russian Hospital // The Mail. 19.08.1916. P. 12.
16. Australian Hospital for Russia Unnecessary // Geelong Advertiser. 11.09.1916. P. 4.
17. Russian Hospital Money. To Be Handed Over // The Age. 15.09.1916. P. 6.
18. **Массов А.Я.** Эволюция отношения белых жителей Австралии к России и русским (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2012. № 8. С. 36–44. ISSN: 2227-3824

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

АБАБКОВА Марианна Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Реклама и связи с общественностью» Гуманитарного института, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: marianna@yandex.ru.

АВАВКОВА Marianna Yu. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya, 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: ma-rianna@yandex.ru.

АБДУЛЛАЕВА Айтадж Ильгар – бакалавр, выпускница кафедры «Международные отношения». Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. email: aitach2502@gmail.com.

ABDULLAEVA Aitadzh I. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. email: aitach2502@gmail.com.

АЛАДЫШКИН Иван Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Гуманитарный институт. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: i-bez@yandex.ru.

ALADYSHKIN Ivan V. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: i-bez@yandex.ru.

БОЛДЫРЕВА Елена Леонардовна – кандидат политических наук, доцент кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: elena1971@yandex.ru.

BOLDYREVA Elena L. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg. E-mail: elena1971@yandex.ru.

БОЧАРОВ Алексей Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: alek.bocharov2014@yandex.ru.

BOCHAROV Alexey A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: alek.bocharov2014@yandex.ru.

БЫСТРОВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: vyb83@yandex.ru.

BYSTROV Vladimir Yu. – St. Petersburg State University. 199034, Mendeleevskaya Liniya 5, Saint- Petersburg, Russia. E-mail: vyb83@yandex.ru.

ВАН Цзюньтао – преподаватель кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: juntao2013@yandex.ru.

VAN Tszyuntao – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: juntao2013@yandex.ru.

ГЛУХОВ Владимир Викторович – доктор экономических наук, профессор, первый проректор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: vicereforme@spbstu.ru.

GLUKHOV Vladimir V. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: vicereforme@spbstu.ru.

ГУРКИН Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «История Отечества, науки и культуры». Санкт-Петербургский Технологический институт (Технический университет). 190013, Московский пр., д. 26, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: rpgurkin@mail.ru.

GURKIN Alexander B. – Peter the Great State Technologic Institute (Technical University). 190013, Moskovsky pr., 26. St.Petersburg, Russia. E-mail: rpgurkin@mail.ru.

ГРИНЁВ Андрей Вальтерович – доктор исторических наук, профессор кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: agrinev1960@mail.ru.

GRINYOV Andrei V. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya, 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: agrinev1960@mail.ru.

ДЕТТЕР Геннадий Филиппович – главный научный сотрудник, начальник отдела регионоведения, Научный центр изучения Арктики. г. Салехард, ул. Республики, д. 73. Россия. E-mail: detter@mail.ru.

DETTER Gennady F. – Chief Researcher, Head of Regional Studies, Scientific Research Center of the Arctic. ul. Republic 73, Salekhard, Russia. E-mail: detter@mail.ru.

ДЬЯКОВ Борис Борисович – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Физико-технический институт имени А.Ф.Иоффе. 194021, Политехническая ул., 26, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: boris.dyakov.39@mail.ru.

D'YAKOV Boris B. – The Ioffe Institute . 194021, Polytechnicheskaya str., 26, St. Petersburg, Russia. e-mail: boris.dyakov.39@mail.ru.

ЗАБЛОЦКАЯ Кира Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, главный редактор научного сборника «Медицина в художественных образах». 02095, ул. Срибнокильская, 24, Киев, Украина. E-mail: karrasko@mail.ru.

ZABLOTSKAYA, Kira V. – edition of the book «Medicine in images». 02095, st. Sribnokilskaya, 24, Kyiv, Ukraine. E-mail: karrasko@mail.ru.

ЗАБЛОЦКИЙ Андрей Витальевич – кандидат исторических наук, учитель истории. Донецкий медицинский лицей. 83003, пр. Ильича, 16, корп.1, Донецк Донецкая Народная Республика, Украина. e-mail: avz86@mail.ru.

ZABLOTSKY Andrey V. – Donetsk Medical Lyceum, 83003, Il'icha prospect, 16, corp. 1; Donetsk, Ukraine. e-mail: avz86@mail.ru.

ЗАЧЕВСКИЙ Евгений Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры «Русский язык», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: archont35@mail.ru.

ZACHEVSKIY Evgenij A. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya, 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: archont35@mail.ru.

ИВАНОВ Виктор Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: iva0603@mail.ru.

IVANOV Viktor A. – Saint-Petersburg State University. 199034, Mendeleevskaya Liniya 5, Saint- Petersburg, Russia. e-mail: iva0603@mail.ru.

КАЙДАШ Андрей Андреевич – студент, Донецкий национальный университет, 83015, ул. Университетская, 24, Донецк, Донецкая Народная Республика, Украина. e-mail: molonlaberus@gmail.com.

KAYDASH Andrey A. – National University of Donetsk, 83015, St. Universitetskaya, 24, Donetsk, DPR. Ukraine. e-mail: molonlaberus@gmail.com.

КАПИЛУПИ Стефано Мария – (Рим, Италия), кандидат философских наук, докторант Римского государственного университета, преподаватель кафедры философии Санкт-Петербургского Политехнического Университета Петра Великого, доцент Русской Христианской Гуманитарной Академии, 191023, наб. реки Фонтанки д. 15, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: s_capilupi@yahoo.it.

CAPILUPI Stefano Maria – (Rome, Italy), PHD State University of Rome “La Sapienza”, senior teacher of Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, assistant professor of Russian Christian Academy for the Humanities, 191023, St. Petersburg, Fontanka Embankment, 15. e-mail: s_capilupi@yahoo.it.

КАМНЕВ Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kamnev4@yandex.ru.

KAMNEV Vladimir M. – St. Petersburg State University. 199034, Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, Russia. E-mail: kamnev4@yandex.ru.

КАРАБУЩЕНКО Павел Леонидович – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений, факультет социальных коммуникаций. Астраханский государственный университет, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, Россия. e-mail: pavel_karabushenko@mail.ru.

KARABUSHCHENKO Paul L. – Astrakhan State University. 414056, Astrakhan, Tatischev 20a. Russia. E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru.

КАЦЫ Дмитрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. 191060, ул. Смольного, 1/3, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: dmitrikatsy@hotmail.com.

KATSY Dmitry V. – Saint-Petersburg State University. 191060, Smolnogo 1/3, St. Petersburg, Russia. E-mail: dmitrikatsy@hotmail.com.

КАШЕВАРОВ Анатолий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kashevar12@mail.ru.

KASHEVAROV Anatoli N. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya, 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: kashevar 12@mail.ru.

КОЛОШИНСКАЯ Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, профессор с возложенными обязанностями заведующего кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского филиала им. В.Б. Бобкова Российской таможенной академии. 192241, ул. Софийская д. 52 Лит А. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: nata_ivanova_75@mail.ru.

KOLOSHINSKAIA Natalia V. – Saint-Petersburg branch named after V.B. Bobkov of Russian Customs Academy. Russia. E-mail: nata_ivanova_75@mail.ru.

КРАСНОЖЕНОВА Елена Евгеньевна – доктор исторических наук, доцент кафедры графического дизайна, факультет архитектуры и дизайна. Астраханский государственный университет, 414056, ул. Татищева, 20а., г. Астрахань Россия. e-mail: eleena@inbox.ru.

KRASNOZHENOVA Elena E. – Astrakhan State University. 414056, Tatishchev st., 20a, Astrakhan, Russia. e-mail: eleena@inbox.ru.

КУЛИК Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: kulik54@mail.ru.

KULIK Sergey V. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: kulik54@mail.ru.

КУПРИЯНОВ Валерий Николаевич – член-корреспондент Российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского, председатель секции истории Северо-Западной межрегиональной общественной организации Федерация Космонавтики России, 197046, Петропавловская крепость, д.3, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kuvnik@yandex.ru.

KUPRIYANOV, Valery N. – North-West interregional public organization Federation of Cosmonautics of Russia, 197046, Peter and Paul fortress, 3, St. Petersburg, Russia, E-mail: kuvnik@yandex.ru.

ЛЕВИТИН Марк Михайлович – доктор биологических наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник – советник директора. ФГБНУ "Все-российский научно-исследовательский институт защиты растений". 196608, шоссе Подбельского, 3, Санкт-Петербург – Пушкин, Россия. E-mail: mark_levitin@rambler.ru.

LEVITIN Mark M. – All-Russian Research Institute of Plant Protection, Podbelskogo, 3, 196608, St. Petersburg – Pushkin, Russia. E-mail: mark_levitin@rambler.ru.

ЛИНЕЦ Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, Пятигорский государственный лингвистический университет. 357500 пр. Калинина, 9. Ставропольский край, г. Пятигорск, Россия. e-mail: linets-history@yandex.ru.

LINETS Sergei I. – Pyatigorsk State Linguistic University. 357500, Ave. Kalinina 9, Pyatigorsk, Stavropol region, Russia. e-mail: linets-history@yandex.ru.

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: a.v.malinov@gmail.com.

MALINOV, Alexei V. – Saint-Petersburg State University. 199034, Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, Russia. E-mail: a.v.malinov@gmail.com.

МАРАСАНОВА Виктория Михайловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой «Реклама и связи с общественностью». Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. 150000, ул. Советская, 14, Ярославль, Россия. E-mail: vmm@uniyar.ac.ru.

MARASANOVA, Victoria M. – P.G. Demidov Yaroslavl State University. 150000, st. Sovetskaya, 14, Yaroslavl, Russia. E-mail: vmm@uniyar.ac.ru.

МАССОВ Александр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологи. Санкт-Петербургский государственный морской технический университет. 190008, ул. Лотманская, 3, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: amassov@gmail.com.

MASSOV, Alexander Ya. – St. Petersburg State Marine Technical University. 190008, Lotsmanskaya str., 3, St. Petersburg, Russia. E-mail: amassov@gmail.com.

МЕЛЬНИК Олеся Андреевна – Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: olesyaandreevnam@gmail.com.

MELNIK Olesya A. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: olesyaandreevnam@gmail.com.

МИХАЙЛОВ Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: dragun66@mail.ru. .

MIKHAILOV Andrey A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya, 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: dragun66@mail.ru.

МИЧУРИН Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: michurinspb@mail.ru.

MICHURIN Alexey N. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya, 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: michurinspb@mail.ru.

MORENO Xavier Julia – доктор, профессор университета Ровира и Вергилия (Испания), Av. Cataluña, 35. e-mail: xavier.moreno@urv.cat.

MORENO Xavier Juliá – Rovira i Virgili University, Tarragona (Spain). Av. Cataluña, 35 e-mail: xavier.moreno@urv.cat.

МУРЗАНОВА Ляйсан Азатовна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Университетская наб, 7/9, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: murzanovala@mail.ru.

MURZANOVA Liaisan A. – St. Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia. E-mail: murzanovala@mail.ru.

МУСАЕВ Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: vmusaev62@mail.ru.

MUSAEV Vadim I. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: vmusaev62@mail.ru.

МУСИН Фрид Саитович – кандидат исторических наук, докторант кафедры гуманитарных дисциплин, Национальный институт бизнеса. 111395, ул. Юности 5/1, Москва, Россия. e-mail: mfs33@mail.ru.

MUSIN Fried S. – National Institute of Business. 111395, St. Youth 5/1, Moscow, Russia. e-mail: mfs33@mail.ru.

НЕТУЖИЛОВ Константин Евгеньевич – доктор филологических наук, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: konstnet@mail.ru.

NETUZHILOV Konstantin E. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: konstnet@mail.ru.

ОСИПОВ Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: idosipov@mail.ru.

OSIPOV, Igor D. – St. Petersburg State University. 199034, Mendeleevskaya Liniya 5, Saint- Petersburg, Russia. e-mail: idosipov@mail.ru.

ПАВЛОВА Елена Яковлевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и музееведения. Белорусский государственный университет культуры и искусств. 220007, ул. Рабкоровская, 17, г. Минск, Беларусь. e-mail: elena_yapavlova@mail.ru.

PAVLOVA Elena Ya. – Belarusian State University of culture and arts. 220007, Rabkorovskaya Street, 17, Minsk; Belarus. e-mail: elena_yapavlova@mail.ru.

ПАВЛЮШИН Владимир Алексеевич – доктор биологических наук, профессор, академик РАН, директор ФГБНУ "Всероссийский научно-исследовательский институт защиты растений" 196608, шоссе Подбельского, 3, Санкт-Петербург – Пушкин, Россия. E-mail: info@vizr.spb.ru.

PAVLYUSHIN Vladimir A. All-Russian Research Institute of Plant Protection, Podbelskogo, 3, 196608, St. Petersburg – Pushkin, Russia. E-mail: info@vizr.spb.ru.

ПЛЕХАНОВ Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор, действительный член Международной Академии Информатизации. 117570, ул. Красного Маяка, 11, 1, 203, Москва, Россия. E-mail: plekhanov.aleksandr@rambler.ru.

PLEKHANOV Alexander M. – Retired. 117570, Krasnogo Mayaka st. 203, 1, 11, Moscow, Russia. E-mail: plekhanov.aleksandr@rambler.ru.

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: pogodin56@mail.ru.

POGODIN Sergey N. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: pogodin56@mail.ru.

ПОКРОВСКАЯ Надежда Николаевна – доктор социологических наук, доцент, преподаватель кафедры «Реклама и связи с общественностью», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: nnp@europa.com.

POKROVSKAYA, Nadezhda N. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: nnp@europa.com.

РАЗУМНЫЙ Виталий Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории». Донецкий национальный университет. 83015, ул. Университетская, 24, Донецк, Донецкая Народная Республика, Украина. e-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru.

RAZUMNYI Vitalii V. – Donetsk National University. 83015, Universitetskaya, 24, Donetsk, DPR, Ukraine. e-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru.

РУДНИК Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Национального минерально-сырьевого университета «Горный», 199106, Васильевский остров, 21 линия д. 2 Санкт-Петербург, Россия. e-mail: rudnik7@yandex.ru.

RUDNIK Sergey N. – National Mineral Resources University (Mining University). 199106, 2, 21st Line, St Petersburg, Russia. e-mail: rudnik7@yandex.ru.

САВЕЛЬЕВ Владислав Витальевич – студент Донецкого национального университета, Исторический факультет, специальность «История». Донецкий национальный университет, 83015, ул. Университетская, 24, Донецк, Донецкая Народная Республика, Украина. E-mail: vladislavavele@yandex.ru.

SAVELYEV Vladislav V. – Donetsk National University. 83015, St. Universitetskaya, 24, Donetsk, DPR, Ukraine. E-mail: vladislavavele@yandex.ru.

САМЫЛОВСКАЯ Екатерина Анатольевна – ассистент кафедры «История», Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru.

SAMYLOVSKAYA Ekaterina A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru.

СЕРОВ Александр Павлович – кандидат философских наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный морской технический университет. 190008, ул. Лощманская, д.3, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: gr_5320@mail.ru.

SEROV Alexander P. – Saint-Petersburg State Maritime Technical University. 190008, Lotsmanskaya str., 3, St. Petersburg, Russia. E-mail: gr_5320@mail.ru.

СОКОЛОВ Алексей Михайлович – доктор философских наук, профессор Института философии. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9, Россия. docentsokolov@yandex.ru.

SOKOLOV Alexey M. – St. Petersburg State University. 199034, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia. docentsokolov@yandex.ru.

СКОРИК Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова. 346428, Просвещения ул., 132, г. Новочеркасск, Ростовской области, Россия. E-mail: s_a_p@mail.ru.

SKORIK Alexander P. – South-Russian State Polytechnical University (NPI) named by M.I. Platov. 346428, Prosveshenia St., 132, Novocherkassk, Rostov region, Russia. E-mail: s_a_p@mail.ru.

СМИРНОВА Ольга Александровна – доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: o.saraf@mail.ru.

SMIRNOVA Olga A. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: o.saraf@mail.ru.

ТАРАКАНОВА Тамара Сергеевна – аспирантка кафедры «Реклама и связи с общественностью», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: tarakanovamara@gmail.

TARAKANOVA Tamara S. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya, 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: tarakanovamara@gmail.

ТРУФАНОВА Лилия Михайловна, аспирант кафедры теории и истории государства и права Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова. 111024, ш. Энтузиастов, д. 21, г. Москва, Россия. e-mail: lily00@mail.ru.

TRUFANOVA Lily M. – Griboedov Institute of International Law and Economy. 111024, Entuziastov shosse, 21, Moscow, e-mail: lily00@mail.ru.

ТУККЕЛЬ Иосиф Львович – доктор технических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: tukkel@mail.ru.

TUKKEL Joseph L. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: tukkel@mail.ru.

УЛЬЯНОВА Светлана Борисовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История», Гуманитарный институт. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: oulianova@mail.spbstu.ru.

ULYANOVA Svetlana B. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya, 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: oulianova@mail.spbstu.ru.

ФОМИЧЕВ Александр Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 199178, Средний пр. В.О., д. 57/43, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: 9953020@rambler.ru.

FOMICHEV Alexander V. – North-West Institute of Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 199178, Sredniy prospect, 57/43, St. Petersburg, Russia. E-mail: 9953020@rambler.ru.

ФОМИЧЕВА Людмила Семеновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История», Гуманитарный институт. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: 9953020@rambler.ru.

FOMICHEVA Ludmila S. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya, 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: 9953020@rambler.ru.

ФОТУНЬЯНЦ Владимир Николаевич – независимый исследователь истории военно-морского флота, общественный деятель. 196128, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: for-de-wind@yandex.ru.

FOTUNYANTS Vladimir N. – 196128, St. Petersburg, [Russia](#). E-mail: for-de-wind@yandex.ru.

ХЛЕВОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения, исторический факультет, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. 295007, пр. Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым, Россия. e-mail: hlevov@mail.ru.

KHLEVOV Alexander A. – V.I. Vernadsky Crimean Federal University. 2950074, Vernadskogo pr. 4, Simferopol, Republic of Crimea, Russia. e-mail: cf_university@mail.ru.

ЧЖОУ Цзюнь – аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29. Россия. E-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

ZHOU Jun – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. E-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

ШМАЧКОВ Денис Андреевич – студент Геологоразведочного факультета, Национальный минерально-сырьевой университет «Горный». 199106, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия д. 2, Россия. e-mail: denisshmachkov@mail.ru.

SHMACHKOV Denis A. – National Mineral Resources University (Mining University). 199106, 21st Line, 2, St. Petersburg, Russia. e-mail: denisshmachkov@mail.ru.

ЭЙДЕМИЛЛЕР Константин Юрьевич – кандидат географических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. 196605, Петербургское шоссе, 10, г. Пушкин, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: keidemiller@gmail.com.

EIDEMILLER Konstantin Yu. – Pushkin Leningrad State University. 196605, St. Petersburg Rd., 10, Pushkin, St. Petersburg, Russia. E-mail: keidemiller@gmail.com.

ЯГЪЯ Талие Саидовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория», Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ». 197376, ул. проф. Попова, 5, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: talie2006@mail.ru.

YAGYA, Talie S. – Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI". 197376, St. Petersburg, Pr. Popov str. 5, Russia. E-mail: talie2006@mail.ru.

**АННОТАЦИИ.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**

Морено Х.Дж. РОЛЬ УЧАСТИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ "ГОЛУБАЯ ИСПАНИЯ" В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА СТОРОНЕ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ПРОТИВ РОССИИ, 1941–1944

Статья посвящена истории 250-ой дивизии испанских добровольцев, сражавшихся во время Второй мировой войны на стороне фашистской Германии против Советского Союза. В российских источниках более известна как «Голубая дивизия». В статье рассматривается значение и роль Голубой дивизии в политическом, дипломатическом, военном, экономическом и социальном аспекта как для Испании, так и для Германии.

ГОЛУБАЯ ДИВИЗИЯ; ИСПАНИЯ; ГЕРМАНИЯ; ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Гринёв А.В. ОЦЕНКА БОЕВЫХ КАЧЕСТВ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ В 1941–1945 ГГ. В НЕМЕЦКИХ МЕМУАРАХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ

В ходе написания статьи было проанализировано более 30 книг – дневников, аналитических работ и мемуаров военнослужащих Вермахта, в которых содержались оценки Красной армии и советских солдат. По мнению немецких авторов, Красная армия была достойным противником, а русский солдат зарекомендовал себя как крайне опасный оппонент.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА; ИСТОРИЯ РОССИИ; КРАСНАЯ АРМИЯ; ВЕРМАХТ; ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Гуркин А.Б. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА

В статье сравнивается восприятие одних и тех же событий Великой Отечественной войны людьми, сражавшимися по разные стороны советско-германского фронта. Анализируются воспоминания и мемуары, повествующие о так называемой «окопной правде». В основном их авторами являются те, кто непосредственно находился на передовой и воевал под Ленинградом.

МЕМУАРЫ; «ОКОПНАЯ ПРАВДА»; ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

Кайдаш А.А. ШТУРМ САУР-МОГИЛЫ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ОСВОБОЖДЕНИИ ДОНБАССА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В данной работе освещены аспекты стратегического значения боев за Саур-Могилу во время Донбасской наступательной операции 1943 года, сохранение исторической памяти в связи с меняющейся социально – политической ситуацией в регионе и значение этой стратегической высоты во время боевых действий на территории Донбасса летом 2014 года.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ; ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; ДОНБАССКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (АВГУСТ 1943); САУР-МОГИЛА; ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Плеханов А.М. ВОЕННАЯ КОНТРРАЗВЕДКА НКВД В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (22 ИЮНЯ 1941 – 20 АПРЕЛЯ 1942 ГГ.)

Статья посвящена основным направлениям служебно-боевой деятельности военной контрразведки НКВД в начале Великой Отечественной войны.

АБВЕР; НКВД; ВОЕННАЯ КОНТРРАЗВЕДКА; ШПИОНАЖ; ДЕЗЕРТИРСТВО; ВОЕННАЯ ТАЙНА; ЗАФРОНТОВАЯ РАБОТА

Рудник С.Н., Шмачков Д.А. ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ: ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ В ИЮНЕ – ИЮЛЕ 1942 ГОДА

Оборона Севастополя была одной из героических страниц в истории войны. Фашисты три раза штурмовали город. Несмотря на героизм защитников Севастополя, которые почти семь месяцев находились в осаде, к июлю 1942 г. резервы были на исходе, и город пришлось сдать врагу. Десятки тысяч солдат были обречены на плен и смерть. На основе мемуаров и открытых источников авторы пытались найти ответ на вопрос, была ли возможность избежать трагического финала?

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ; ТРЕТИЙ ШТУРМ; БАТАРЕЯ; ГАРНИЗОН; БОЕПРИПАСЫ; ЭВАКУАЦИЯ; ПЛЕН

Труфанова Л.М. «ВОЙНА В ЭФИРЕ»: РАДИОИГРЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СПЕЦСЛУЖБ КАК ВКЛАД В ПОБЕДУ (1941–1945 ГГ.)

В статье автор рассматривает радиоигры, как одно из новых направлений деятельности военной контрразведки в годы Великой отечественной войны, на примерах некоторых успешных спецопераций «Смерш».

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; ОРГАНЫ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ; «СМЕРШ»; АБВЕР; РАДИОИГРЫ; «ВОЙНА В ЭФИРЕ»

Мичурин А.Н. СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена советско-китайским отношениям в период 1932–1941 годов, экономической и военной помощи Китаю в этот период и роли Советского Союза в преодолении японской агрессии. Сегодня среди многочисленных проблем истории международных отношений несомненный интерес представляют сюжеты, связанные с аспектами межгосударственных связей приграничных стран. Таким образом тема советско-китайских отношений в годы Второй мировой войны обладает несомненной актуальностью, имеющей множество спорных вопросов. Отдельные, весьма интересные темы в отношениях двух сторон пока остались за границами исследований. Это и тема военных советников в Китае в годы войны и в предвоенный период, имеющая много белых пятен. Довольно слабо изучена или представлена лишь эпизодически в нескольких работах роль Советского Союза в организации и поддержке мощного национально-освободительного движения коренных народов в Китае второй половине 30-х годов – первой половине 40-х годов XX века. В тоже время объем этой помощи и тесные контакты между советскими и китайскими представителями не подвергаются сомнению, что особенно важно в год 70-летия нашей общей победы во Второй мировой войне.

**КИТАЙ; СОВЕТСКИЙ СОЮЗ; ВОЕННЫЕ СОВЕТНИКИ; ВТОРАЯ
МИРОВАЯ ВОЙНА**

Нетужилов К.Е. ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА (1937–1945) В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Данная статья посвящена описанию результатов анализа содержания двух крупнейших советских органов периодической печати – ежедневных центральных газет «Правда» и «Известия» за период с 1937 по 1945 гг. на предмет отражения ими событий японо-китайской войны. Делается вывод о том, что отражение событий японо-китайской войны, тон и характер публикаций в советской периодической печати соответствовали общей политической культуре СССР 1930–1940-х гг. и присущей ей информационной модели. Советские средства массовой информации лишь отчасти воспроизводили реальную политическую ситуацию. Создаваемые печатью образы Китая были больше связаны с внешнеполитическим курсом советского правительства и вытекающими из него задачами чем с реальным положением вещей.

**ЯПОНО-КИТАЙСКАЯ ВОЙНА; ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ; ВОЕННЫЕ
ДЕЙСТВИЯ; ГОМИНЬДАН; ПРОПАГАНДА**

**Самыловская Е.А., Эйдемиллер К.Ю. АДМИНИСТРАТИВНО-
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ**

«РЕЙХСКОМИССАРИАТА КАВКАЗ» И «РЕЙХСКОМИССАРИАТА ТУРКЕСТАН»: ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР

Третий Рейх как государственное образование, даже по историческим меркам, просуществовал символическое количество времени (с 16 августа 1934 г. по 23 мая 1945) г., но след оставленный этим государством в мировой истории совершенно не пропорционален тем считанным годам, за которые это образование было создано и уничтожено мировым сообществом. Несмотря на то, что на некоторых территориях военные или гражданские администрации нацистов и их сателлитов присутствовали считанные месяцы или существовали в исключительно виртуальном виде на дистанционном управлении, так и оставшись в деле на бумаге под сукном, их проекты даже после падения и безоговорочной капитуляции Третьего Рейха в ходе Второй мировой войны, продолжали жить своей, уже собственной жизнью, получая своё развитие исходя из внутреннего движения исторического процесса на уже заблаговременно созданном местными националистами и европейскими нацистами фундаменте. Примером такого рода сугубо гипотетических и виртуальных административно-территориальных образований на мусульманских территориях могут служить «Рейхскомиссариат Кавказ» и «Рейхскомиссариат Туркестан».

МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА; РЕЛИГИОЗНАЯ ГЕОГРАФИЯ; ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ; СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО; СССР; СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ; ТУРКЕСТАН; ЮГОСЛАВИЯ; ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Фомичев А.В., Фомичева Л.С. ЭТА ПОЛИТИКА ИМЕЛА НАЗВАНИЕ: «ПОЛИТИКА УМИРОТВОРЕНИЯ АГРЕССОРА»

В статье анализируются сущность и содержание политики «умиротворения», проводившейся западными демократиями накануне второй мировой войны. Исследуются ее мотивы, этапы и причины провала. Дана оценка советской внешней политики по противодействию фашистской угрозе.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА; ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР; ПОЛИТИКА «УМИРОТВОРЕНИЯ»; СИСТЕМА КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ; ПАКТ МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА

Кулик С.В. ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

Статья посвящена истории формирования и деятельности партизанских отрядов на оккупированной территории Северо-Запада России в 1941–1944 гг. Автор выделяет три основных группы партизанских отрядов и дает характеристику каждой из них, подчеркивая, что в различных районах партизанское движение развивалось неравномерно. В результате автор статьи

приходит к выводу, что историческая заслуга партизанского движения в годы Великой Отечественной войны состоит в том, что оно организационно объединило сопротивление народных масс непосредственно в тылу врага.

ПАРТИЗАНЫ; ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ; ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; СЕВЕРО-ЗАПАД РОССИИ

Линец С.И. КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОКИ, ПРОЯВЛЕНИЯ, МАСШТАБЫ

В статье исследуются причины, проявления и характерные особенности коллаборационизма на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны. Автор, опираясь на архивные документы, научные труды российских и зарубежных ученых, анализирует истоки этого явления, на конкретных примерах показывает распространение коллаборационизма в регионе, характеризует его участников. Подчеркивается, что немецкие оккупационные власти разработали и затем планомерно осуществляли специальную политику среди народов Северного Кавказа по их привлечению на сторону Германии. Делается вывод о провале коллаборационистской политики нацистов к концу битвы за Кавказ осенью 1943 года.

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ; ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ; ГОРСКИЕ НАРОДЫ; КАЗАЧЕСТВО; НЕМЕЦКИЕ ОККУПАНТЫ

Мусаев В.И. СТРАТЕГИЯ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ВОСТОКЕ

Война против Советского Союза имела особое значение для политического и военного руководства нацистской Германии, она выходила за рамки обычного военного столкновения. В понятие освоения «жизненного пространства» входило не только традиционное завоевание территории и покорение других народов, но и заселение завоеванных земель немцами. В германских планах войны на Востоке, наряду с экономической составляющей, присутствовала идеологическая. Для нацистской верхушки это была не только война за «жизненное пространство»: борьба с Советским Союзом трактовалась как столкновение двух мировоззрений, как новый крестовый поход на Восток.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА; ПЛАН «БАРБАРОССА»; «ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО»; ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ

Скорик А.П. ФАШИЗМ С РУМЫНСКИМ ЛИЦОМ НА ЗЕМЛЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В ОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД 1942 ГОДА

В статье исключительно на основе архивных материалов раскрывается взаимодействие местного населения на оккупированной территории с румынами, воевавшими вместе с немцами и совместно с ними утверждавшими фашистский оккупационный режим на донской земле во второй половине 1942 г. Детально, с точным цитированием архивных источников описаны зверства румын в отношении местного населения.

ГРАБЕЖИ; ИЗБИЕНИЯ; ЗВЕРСТВА; КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ; НАСИЛИЕ; ПАРТИЗАНЫ; РАССТРЕЛЫ; РУМЫНЫ; ФАШИЗМ

Савельев В.В. ДОНБАСС НЕПОКОРЕННЫЙ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДПОЛЬНЫХ ГРУПП ГОРОДА СТАЛИНО В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ В 1941–1943 ГГ.

Великая Отечественная война является героической страницей в истории Донецкого края. Донбасс мужественно сражался в 1941 году, отражая натиск превосходящего по силе противника. Дух сопротивления оккупантам не был сломлен в тяжелые дни кровавого фашистского режима. Вместе с Красной Армией войну вели и подпольные организации, нанося удары немецко-фашистским оккупантам в тылу. В статье изучается история советского подполья в городе Сталино в период фашистской оккупации в 1941–1943 гг.

ПАРТИЗАН; ПОДПОЛЬНАЯ ГРУППА; БУДЕННОВСКО-АВДОТЬИНСКАЯ ГРУППА; КОМСОМОЛЦЫ; САВВА ГРИГОРЬЕВИЧ МАТЁКИН; ДОНБАСС; ОККУПАЦИЯ; СТАЛИНО

Аладышкин И.В. «ЭТА ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ...» СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАУКИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Статья посвящена современным исследованиям российских авторов политики нацистской Германии в области науки. Рассматривается проблема исторического континуитета и традиций отечественной историографии национал-социализма. Особое внимание уделяется ключевым противоречиям и полюсам пристрастия в оценке научной жизни в Германии 30–40-х гг. Показано, что ревизия советской историографической традиции репрезентации национал-социализма в качестве апогея немецкого империализма обернулась воскрешением концепции «разрыва» и «несчастливого случая» в немецкой истории. Выявлены и обоснованы перспективы реновации исследовательских стратегий в отношении науки нацистской Германии.

НАУКА ГЕРМАНИИ; НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ; ПОЛЮСА ПРИСТРАСТΙΑ; ПРОБЛЕМА КОНТИНУИТЕТА; ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Дьяков Б.Б. ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЭВАКУАЦИИ

Перед Великой Отечественной войной 1941–1945 Физико-технический институт был большим академическим институтом, насчитывающим 315 человек. Он выполнял важные оборонные работы еще в довоенные годы. Институт и его учение работали в области размагничивания, брони, радаров, будучи почти единственными в стране. Исследования по ядерной физике, прерванные войной, сделались ключевыми в обороне страны.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; ЭВАКУАЦИЯ; ИНСТИТУТ ИОФФЕ; АТОМНЫЙ ПРОЕКТ; РАЗМАГНИЧИВАНИЕ; РАДИОЛОКАЦИОННЫЕ СТАНЦИИ; БРОНЯ; АКАДЕМИЯ НАУК

Заблоцкий А.В. ПЕРСониФИКАЦИЯ КАК ГЛАВНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ОБРАЗА СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ В СОЗНАНИИ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На материалах устной истории, мемуаров, фольклора проанализирована персонификация восприятия фронтовиками советских боевых машин периода Великой Отечественной войны. Боевые машины, представляли в виде персонифицированных образов живых существ, самодостаточных участников войны, верных боевых товарищей, членов семей бойцов, личностей с собственными прозвищами и именами.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; ОБРАЗ; БОЕВАЯ ТЕХНИКА; ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ; ПЕРСониФИКАЦИЯ

Красноженова Е.Е. ОБОРОННАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ОБЛАСТЕЙ И РЕСПУБЛИК НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

В статье показан вклад областей и республик Нижнего Поволжья в Победу советского государства в Великой Отечественной войне. Отмечено, что большое значение в достижении победы под Сталинградом и других операциях действующей армии имела деятельность центральных и местных органов государственной власти – комитетов обороны, партийных организаций и советов. Представлены основные направления их работы в области обеспечения обороноспособности городов Нижнего Поволжья и организации социальной помощи населению региона.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ; СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА; ОБОРОННАЯ РАБОТА; СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА; СЕМЬИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ; НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ;

ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЕ БАТАЛЬОНЫ; ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ; МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

Куприянов В.Н. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ С.С. ЛАВРОВА – ОДНОГО ИЗ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ ПРАКТИЧЕСКОЙ КОСМОНАВТИКИ

Святослав Сергеевич Лавров (12.03.1923 – 18.06.2004), доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Ленинской премии начинал работу с Королевым. Став начальником отдела ОКБ-1, занимался баллистическими расчетами. Позже он стал директором Института Теоретической Астрономии, а затем советником директора Института Прикладной Астрономии в Санкт-Петербурге.

Рассказ о жизненном пути Святослава Сергеевича Лаврова наталкивается на очевидные трудности. Он был не просто математиком, а специалистом, который занимался созданием методов и непосредственным выполнением баллистических расчетов для всех первых советских ракет большой дальности, а также космических запусков – от первого спутника до полета Ю.А. Гагарина и первых стартов к Луне и другим планетам Солнечной системы.

МАТЕМАТИКА; БАЛЛИСТИКА; СПУТНИК; КОРОЛЕВ; ЛАВРОВ

Марасанова В.М. ЗАВОД В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ: ЯРОСЛАВСКИЙ «КРАСНЫЙ МАЯК»

В статье рассматривается подвиг советских людей в тылу на примере старейшего ярославского завода «Красный маяк» (№ 777), перешедшего в годы войны от производства строительного инструмента на военную продукцию. Завод первым в области применил метод конвейерной поточной сборки. Работа с максимальным напряжением сил стала нормой, она компенсировала простои, была конкретным проявлением патриотизма.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; ПРОМЫШЛЕННОСТЬ;
ЯРОСЛАВЛЬ; ЗАВОД «КРАСНЫЙ МАЯК»; КОНВЕЙЕРНАЯ ПОТОЧНАЯ
СБОРКА; АВИАБОМБЫ; СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

Михайлов А.А., Панов Р.А. ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКАЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрена научная, изобретательская и производственная деятельность ученых Ленинградского Политехнического института в условиях блокады Ленинграда вражескими войсками (1941–1944), проанализированы основные направления военно-оборонных исследований и вклад института в

решение задач обеспечения армии и осажденного города техникой, вооружением, средствами защиты от вражеского оружия.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ; ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА; ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; БОЕПРИПАСЫ; ВООРУЖЕНИЕ; ЗАЩИТА ОТ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Мусин Ф.С. НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ЗАЩИТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В ПОГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

В статье рассматриваются проблемы, связанные с пограничной политикой как важнейшей составной части общегосударственной политики. Пограничная политика является действенным инструментом реализации и защиты национальных интересов страны, обеспечения безопасности личности, общества, государства и объектов в пограничном пространстве от внешних и внутренних угроз, соблюдения правовых норм по пограничным вопросам, создания условий по развитию межгосударственных отношений. Более предметно исследуются вопросы пограничной безопасности с учетом исторического опыта защиты экономических интересов Российской империи на границе в XIX в.

ПОГРАНИЧНАЯ ПОЛИТИКА; ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ; БЕЗОПАСНОСТЬ; ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА; ПОГРАНИЧНАЯ СТРАЖА; РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Павлюшин В.А., Левитин М.М. ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ ВСЕСОЮЗНОГО (НЫНЕ ВСЕРОССИЙСКОГО) ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ РАСТЕНИЙ.

Всесоюзный научно-исследовательский институт защиты растений (ВИЗР) был создан в 1929 г. В военные годы институт продолжал вести исследования по защите сельскохозяйственных культур от вредных организмов в блокадном Ленинграде, в Архангельской области, Алтайском крае и Средней Азии. После реэвакуации институт стал активно развиваться и стал ведущим научным учреждением страны по защите растений.

ЗАЩИТА РАСТЕНИЙ; БОЛЕЗНИ РАСТЕНИЙ; ВРЕДИТЕЛИ; СОРНЯКИ

Ульянова С.Б. ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕТСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ДИСКУРСА (1920-е – 1930-е гг.)

В статье рассматривается формирование советского индустриального публичного дискурса в 1920-е – 1930-е гг. Источником составлявших его устных и письменных текстов были, в основном, представители политической элиты. Отмечено, что целесообразность советского индустриального проекта

основывалась, прежде всего, на формировании и развитии военно-промышленного комплекса, а создание «атмосферы осажденной крепости» стало дополнительным фактором формирования индустриального консенсуса в годы первых пятилеток. Сделан вывод о том, что сложившийся в 1920-е – 1930-е гг. индустриальный дискурс способствовал решению задач мобилизации экономики СССР в годы Великой Отечественной войны.

СОВЕТСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ; ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС; ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КОНСЕНСУС; ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС; МОБИЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Хлевов А.А. И.В. СТАЛИН И МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: РАССТАНОВКА АКЦЕНТОВ

Современная Россия сталкивается с рядом проблем, идентичных послевоенным. В частности, особенный интерес вызывает выбор приоритетов И.В. Сталиным в процессе восстановления оборонной промышленности и послевоенного перевооружения армии. В статье высказывается мысль о верном определении магистральных направлений в условиях, кардинально отличающихся от тех, что имели место до войны.

И.В. СТАЛИН; ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ; ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ; НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ; ГЕОПОЛИТИКА

Бочаров А.А. ИЗ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ Н. Н. ШПАНОВА

В статье исследованы жизнь и деятельность советского писателя Н.Н. Шпанова (1896–1961). В его биографии нашли отражение многие характерные черты развития советского общества и его менталитета в 1920-е – 1950-е годы. Военный летчик и инженер в 1920-е годы пропагандирует новые виды техники. В 1930-е годы Шпанов становится одним из основателей жанра военной фантастики в советской литературе. Во время Второй мировой войны работает военным корреспондентом. В 1940-х – 1950-х годах предпринимает попытку в своих романах рассмотреть причины Второй мировой войны с точки зрения советской официальной пропаганды.

Н.Н. ШПАНОВ; СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА; ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА; ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА; СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА

Бочаров А.А., Фотуньянц В.Н. СОВЕТСКИЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ И КИНЕМАТОГРАФ В КОНЦЕ 30 – 40-Х ГОДАХ XX В.

В статье исследовано взаимодействие между советским военно-морским флотом и кинематографом в конце 1930-х – 1940-х годах. Уделено внимание участию флота в создании учебных военно-морских фильмов в конце 1930-х

годов. Рассмотрены четырнадцать художественных и два документальных фильма на военно-морскую тему, снятых советскими кинематографистами с 1938 по 1949 годы. Сделан вывод о том, что эти фильмы, отразившие деятельность советского военно-морского флота накануне и в период Второй мировой войны, стали яркими документами своего времени.

СССР; ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ; ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА; СОВЕТСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ; ВОЕННО-МОРСКАЯ ТЕМА В КИНО

Заблоцкая К.В. МЕДИЦИНСКИЕ СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ В ПЕСЕННОМ ФРОНТОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ (1941–1945 гг.)

На материале песенного фольклора периода Великой Отечественной войны анализируется отношение фронтовиков к военным медикам, их образ в общественном сознании. Исходя из таких особенностей народного творчества 1941–1945 гг., как популярность лирических песен, переработка готовых сюжетов, показана особая роль в медицинских сюжетах женских образов и их символическая нагрузка как воплощения надежды и милосердия на войне.

ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА; МИЛОСЕРДИЕ; ФОЛЬКЛОР; ОБРАЗ, СЮЖЕТ

Зачевский Е.А. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВРЕМЁН «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

В статье рассматривается восприятие Второй мировой войны и в частности войны против СССР, немецкими писателями времён Третьего рейха, выражающее как официальную (Э.Э. Двингер, Г. Бауман, Г. Шуман), так и оппозиционную (Х. Ланге, М. Рашке) точку зрения, касающуюся идеологии ведущейся войны (освобождение Европы от большевизма и колонизация России), отношение к методам ведения войны и к русскому народу как нации.

РОССИЯ; «НЕДОЧЕЛОВЕКИ»; КОЛОНИЗАЦИЯ; БОЛЬШЕВИЗМ; ПОЭТИКА СМЕРТИ; ГЕРОИЗАЦИЯ ВОЙНЫ; ВОЙНА КАК ДАННОСТЬ

Павлова Е.Я. СОБЫТИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОСВЕЩЕНИИ БЕЛОРУССКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

В статье рассматривается освещение событий Второй мировой и Великой Отечественной войн на страницах популярных в Беларуси газет и журналов. Представлена характеристика подхода к подаче материала в государственных и негосударственных СМИ. Автором делается вывод о степени репрезентативности материалов СМИ для использования их в качестве исторических источников по осмыслению современным белорусским обществом событий и итогов Второй мировой войны.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА; ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ; ГОСУДАРСТВЕННАЯ И

НЕЗАВИСИМАЯ ПРЕССА; СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ФРОНТ;
ОККУПАЦИЯ; ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ; ВОСПОМИНАНИЯ
СВИДЕТЕЛЕЙ ВОЙНЫ; СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ВОЙНЕ

Разумный В.В. МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ДОНБАССА КАК
ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена изучению мемориальных комплексов Донбасса как формы исторической памяти Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Автор рассматривает значение мемориальных комплексов, расположенных на территории Донецкой и Луганской области, в сохранении памяти о военных событиях. Памятники войны являются символами народной памяти и соединительным звеном в цепи преемственности ценностей различных поколений. Мемориальные комплексы Донбасса являются символом военной доблести нашего края и служат делу передачи традиций и исторической правды будущим поколениям.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС;
ДОНБАСС; ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ; САУР-МОГИЛА; МИУС-ФРОНТ

Иванов В.А., Колошинская Н.В. «МЫ» И «ОНИ» В ЛАГЕРЕ
157 ДЛЯ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ: ОПЫТ НЕКОТОРОГО
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ (1944–1947 ГГ.)

В современной отечественной и зарубежной историографии военного плена в СССР 1940-х гг. практически не исследуется такой аспект управленческой деятельности советской системы ГУПВИ МВД СССР как её кадровый потенциал и прежде всего в его профессионально-нравственном измерении. Именно сотрудники этой структуры не только организовывали трудовое использование военнопленных и их повседневный быт, но и занимались воспитательной (антифашистской) работой с ними, поощряли и наказывали отдельных из них. В статье заостряется внимание на довольно противоречивом облике таких сотрудников на примере одного из лагерей для военнопленных № 157 на территории Ленинградской области в 1944–1947 гг. Авторы пытаются как бы "сканировать" непростую схему профессионально значимых и лично мотивированных отношений в границах лагерного взаимодействия вообще, объяснить ключевые их доминанты и выявить причины имеющих отступлений от нормы и закона.

УПВИ УМВД СССР ПО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ; ИНОСТРАННЫЕ
ВОЕННОПЛЕННЫЕ; ЛАГЕРЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ; ТРУДОВОЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ; РЕЖИМ СОДЕРЖАНИЯ; СМЕРТНОСТЬ;
ПРЕСТУПЛЕНИЯ; КАДРЫ СОТРУДНИКОВ; 1944–1947 ГГ.

Капилупи С.М. ЧАСТНАЯ БИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ФОНЕ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ ФАШИСТАМИ И КАТОЛИКАМИ

Тема и содержание этой статьи имеют для меня совершенно особое значение, поскольку речь в нем пойдет о моем отце, Энцо Мария Капилупи, которого нет со мной вот уже двадцать лет. В августе 1992 г., почти за два года до смерти, он по моей просьбе наконец-то поделился своими воспоминаниями о войне, чего до этого принципиально не делал. Этот рассказ, записанный мной тогда, как мне кажется, очень ярко передает переживания простого молодого итальянца в конце Второй мировой войны на фоне особых отношений и конфликтов между верующими католиками и фашистами. Биографический сюжет, который хотел бы представить, позволяет на основании частного случая судить о типичных последствиях столкновения готовящегося к войне молодого идеалиста и фашистской военной машины и с противоречиями самой истории. В 16 лет мой отец, живший тогда с семьей в Милане, отправился в казармы берсальеров, чтобы записаться добровольцем на фронт. Это был первый поступок в цепи происшествий, абсолютно переменивших его взгляды, сформированные под воздействием фашистского государства. Позже, когда приближалась Пасха 1944 г., Энцо, у которого была совсем да школьная память о пасхальных каникулах, попросил у командира три дня отпуска, чтобы побывать в Риме и повидать родителей. Нет ничего удивительного, что Энцо получил отказ. Возмущенный до глубины души, он заявил часовому, что идет «немного осмотреться вокруг», и вольно уехал в Рим автостопом в грузовике грузовичка, одного из торговцев-нелегалов. Родителям он лгал, говоря, что дали ему некую временную «свободу». Спустя четыре дня домашние проводили его до вокзала, где Энцо произнес необходимый пароль «Nembo» («облако») и сел на поезд, доставивший его обратно в прифронтовую зону. Искренне не думал, что его за это смогут сильно наказывать. Через две недели с половиной Энцо оказался в поезде, идущем в Германию. Сидел полтора года в немецких лагерях (Торгау и Дахау) как «дезертир». Когда мой отец вернулся домой, от его фашистских убеждений не осталось и следа.

ИДЕАЛЫ; ПРОТИВОРЕЧЬЯ; ФАШИЗМ; КАТОЛИЦИЗМ; ОТЕЦ; ВОЙНА; МИР; ЛАГЕРЬ; ПАСХА; ПРОПАГАНДА

Кашеваров А.Н. ИЗМЕНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФЫ

Статья посвящена анализу внутренних и внешних факторов, обусловивших изменение религиозной политики советского государства в период Великой Отечественной войны. В статье также критически рассмотрены мифы, которые

распространяют некоторые современные церковные и научно-популярные издания касательно причин трансформации государственно-церковных отношений в 1941–1945 гг.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО; РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА; РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ; ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; МИФЫ

Карабущенко П.Л. ЭЛИТА И ВОЙНА.

Феномен войны исследуется многими общественными науками и в настоящей работе мы попытаемся дать анализ этого явления с точки зрения элитологии. Обобщая богатейший опыт всей мировой политической истории, автор показывает, что именно политические элиты были главными творцами войн, извлекая из этой кровавой практики свои властные дивиденды. В этой связи в работе рассматривается целый ряд вопросов: как соотносятся понятия «элита» и «война»; как элиты провоцируют войну; как они себя ведут до, во время и после войны и как распоряжаются ее итогами.

ВОЙНА И МИР; ЭЛИТЫ; ВЛАСТЬ; ЛИДЕРЫ; ВОЖДИ; ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ; ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ; КОНФЛИКТ; ПОБЕДА; ПОРАЖЕНИЕ

Абдуллаева А.И. СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В работе рассматриваются системы образования в России и Финляндии, так как каждая национальная школа выработала свой подход к объекту изучения. Выявляются их плюсы и минусы, существующие проблемы и возможности их разрешения. При этом рассматривается опыт реформирования системы образования в Финляндии и возможность его использования в России.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ; ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ; ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ; ОБЩЕДОСТУПНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ; ПРЕСТИЖНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ; КАЧЕСТВО ОБУЧЕНИЯ

Болдырева Е.Л. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена обзору основных методов и методологии исследования проблемы национальной безопасности

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ; МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ; МЕТОДОЛОГИЯ

Быстров В.Ю. ФРАНЦУЗСКОЕ НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВО И ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье обсуждаются проблемы теоретического обоснования европейской идентичности, нашедшей свое воплощение в создании Европейского Союза. В качестве одного из наиболее влиятельных мировоззренческих факторов рассматривается такое философское течение, как французское неогегельянство. Особая роль принадлежит Александру Кожеву, создавшему оригинальную интерпретацию политической философии Гегеля.

ЕВРОПА; ПОЛИТИКА; РЕЛИГИЯ; НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВО; ДИАЛЕКТИКА

Глухов В.В., Деттер Г.Ф., Туккель И.Л. ТИПОЛОГИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Выделение Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) в самостоятельный объект государственного управления и социально-экономического развития стимулирует дальнейшее углубление многоцелевых системных исследований Российской Арктики. Установление качественных взаимосвязей между группами регионов с близкими значениями взятых за основу показателей является задачей по типологизации регионов. Предложенная типологизация субъектов АЗРФ и их муниципальных образований, оценки уровня экономического, научно-образовательного и инновационного развития позволят регионам более точно формировать многоуровневую пространственную инновационную политику, а также обосновано использовать предложенные специфические модели трех типов – генерирующие, развивающиеся и внедряющие – при создании локальных инновационных систем.

АРКТИЧЕСКАЯ ЗОНА РФ; МАКРО, МЕЗО И МИКРОРЕГИОНЫ; ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПОДСИСТЕМА; ТИПОЛОГИЗАЦИЯ; МНОГОУРОВНЕВАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА; РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ; МОДЕЛИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Камнев В.М., Соколов А.М. ФИЛОСОФИЯ И ЖУРНАЛИСТИКА: РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

В статье поставлена задача анализа особенностей русской предреволюционной консервативной журналистики. Истоки и характер этих особенностей авторы связывают с пониманием различия между философским и публицистическим дискурсом. Это различие образует противоречие, выступающее движущей силой историко-философского процесса в России. Авторы показывают, что многие проблемы, поставленные в свое время консервативной журналистикой, сохраняют свою актуальность.

КОНСЕРВАТИЗМ; ЖУРНАЛИСТИКА; РЕЛИГИЯ; СЕМЬЯ;
ГОСУДАРСТВО

**Кацы Д.В. НАКАНУНЕ МАЙДАНА: ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВО
УКРАИНЫ КАК КОМПОНЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ**

В статье рассматриваются особенности вхождения украинского общества в глобальное информационное пространство в 2012-13 г.г. К наиболее значимым из них отнесены: «промежуточное» положение Украины в складывающейся системе европейской безопасности, рост вовлеченности населения страны в процессы интернет-коммуникации, обострение конкурентной борьбы на региональных и глобальных уровнях при развитии общей тенденции к усилению государственного контроля за распространением информации во Всемирной сети.

ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО; КОНТРОЛЬ
ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ; ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ;
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

**Малинов А.В. ПОНЯТИЕ «НАРОДНОСТЬ» В ИСТОРИОСОФСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ С.С. УВАРОВА**

В статье рассматривается известная идеологическая триада Сергея Семеновича Уварова (1786–1855) «Православие, Самодержавие, Народность». Показано, что она связана с историософской концепцией Уварова, которая разрабатывалась им в период Наполеоновских войн. Основные элементы этой консервативной формулы находили обоснование в его философии истории.

С.С. УВАРОВ; ИДЕОЛОГИЯ; ИСТОРИОСОФИЯ; ПРАВОСЛАВИЕ;
САМОДЕРЖАВИЕ; НАРОДНОСТЬ

**Мурзанова Л.А. ПРИНЦИП ЦЕЛОСТНОСТИ КАК ОСНОВА
ЭКОЛОГИЗМА В КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ**

Данная статья посвящена проблеме экологического сознания и становления экологической культуры. Обозначено, что глобальные проблемы, захлестнувшие мир в XX веке, показали необходимость переосмысления отношения человека к природе, космосу и к своей сущности на мировоззренческом уровне. Рассмотрена история развития экологической этики и ее основные направления, такие как экософия, глубинная экология, этика ответственности. При этом подчеркивается, что в рамках либеральной идеологии борьба за сохранение природы остается на антропоцентрических позициях с договорным типом деятельности человека. Только в консерватизме автор видит основания для осуществления гармонии бытия, единства человека и космоса, следованию естественному историческому процессу. Также отмечается, что чувство ответственности за наследие, доставшееся нам и передаваемое потомкам,

вырастает из чувства привязанности и принадлежности к этому наследию. На основании анализа идей русских космистов и религиозных философов о единстве человека и космоса, всеединстве и соборности автор приходит к выводу, что именно в принципе целостности заключена основа для формирования экоцентрического мировоззрения.

КОНСЕРВАТИЗМ, ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА; ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ; ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, КОСМИЗМ; РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ; ЦЕЛОСТНОСТЬ

Осипов И.Д. ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА ИДЕОЛОГИИ ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА В РУССКОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ

В статье анализируются некоторые ключевые проблемы критики идеологии европоцентризма в России. В частности, в этой связи анализируются концепции консервативных мыслителей России-славянофилов, византизм, евразийство. Делается вывод о некоторых объективных и субъективных сторонах формирования идеологии европоцентризма, которые стали предметом критики отечественных консервативных писателей.

ФИЛОСОФИЯ; КУЛЬТУРА; ИДЕОЛОГИЯ; КОНСЕРВАТИЗМ; ЛИЧНОСТЬ

Погодин С.Н. «РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ» Б.С. МИРОНОВА

В статье рассматриваются взгляды на русский национализм Б.С. Миронова. Являясь одним из идеологов русского национализма, он пытается дать свое определение национализма. Выдвинутые основные положения носят популистский характер.

НАЦИОНАЛИЗМ; НАЦИЯ; РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ; ГОСУДАРСТВО; ОБЩЕСТВО

Ван Цзюньтао. КИТАЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ НАЧАЛА XX ВЕКА.

В статье рассматриваются вопросы формирования национализма в Китае. В конце XIX века в китайском обществе, начался процесс формирования китайской нации. Одновременно возникло национальное движение, во главе которого стояли Кан Ювэй, Лян Цичао. Кан Ювэй в своих работах призывал развивать дух патриотизма. Выдвинутая им программа реформ, строилась на борьбе китайского народа против порабощения. В работах Лян Цичао значительное место занимают вопросы ханьской нации. Он стал первым из китайцев, кто употребил слово «национализм».

НАЦИОНАЛИЗМ; НАЦИЯ; КИТАЙ; КИТАЙЦЫ; ХАНЬЦЫ; КАН ЮВЭЙ; ЛЯН ЦИЧАО

Тараканова Т.С. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье анализируется концепция внешней политики Китайской Народной Республики. Основа этой концепции рассматривается в «Белой книге». Документ был издан в 2015 году. В нем подчеркивается, что Китай проводит политику исключительно оборонительного характера. Официальная внешнеполитическая стратегия страны строится на концептуальных идеях: пять принципов мирного сосуществования, теории «мира и развития» Дэн Сяопина, теории «гармоничного мира», концепции «китайской мечты» Си Цзиньпина.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА; МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; ПЯТЬ ПРИНЦИПОВ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ; ТЕОРИЯ «МИРА И РАЗВИТИЯ»; ТЕОРИЯ «ГАРМОНИЧНОГО МИРА»; КОНЦЕПЦИЯ «КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ»

Абабкова М.Ю. КОНЦЕПЦИЯ СТРАНЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ В БРЕНДИНГЕ ТОВАРОВ НА ГЛОБАЛЬНОМ РЫНКЕ: СТРАТЕГИИ И ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются стратегии брендинга товаров на международном рынке на основе концепции страны происхождения. Исследуется эволюция концепции страны происхождения товара в брендинге, появление понятий «страна происхождения бренда» и «гибридный продукт». Автором анализируются основные стратегии брендинга финских товаров, охарактеризованы основные проблемы международного брендинга.

БРЕНДИНГ; СТРАНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРА В БРЕНДИНГЕ; СТРАНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ БРЕНДА; ГИБРИДНЫЙ ПРОДУКТ; СТРАТЕГИИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ФИНСКИХ ПРОДУКТОВ; ПРОДВИЖЕНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ БРЕНДОВ В РОССИИ

Мельник О.А., Смирнова О.А. ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛОЙ В РФ

Данная статья посвящена проблемам управления миграционной рабочей силой в производственных процессах согласно принятым В.В. Путиным стратегиям развития Российской Федерации. Миграционная рабочая сила рассматривается и как дополнительный человеческий ресурс в условиях повышения конкурентоспособности производств, и как инструмент повышения деловой привлекательности страны. Однако, для рационального использования данного ресурса, а также его количественного и качественного увеличения необходимо провести ряд преобразований, связанных с организацией работы миграционного потока рабочей силы.

РЕСУРСЫ; КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ; МИГРАЦИОННАЯ РАБОЧАЯ СИЛА; ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ; ТРУДОВАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ; БИЗНЕС-РЕПУТАЦИЯ

Покровская Н.Н. ПЕРЕДАЧА ЗНАНИЙ В ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ДИНАМИКА КОМПЕТЕНТНОСТИ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье анализируются теоретические подходы к разрешению дилеммы передачи явных и неявных знаний в контексте значимого объема неосознанной компетентности в условиях необходимости оцифровывания существенного объема параметров и критериев данных. Вычислительные возможности компьютерного оборудования, математического аппарата, статистических методов, кибернетики и информационных технологий позволяют решить часть проблем создания, передачи и трансформации знаний. Выработаны специфические социальные алгоритмы и методы формирования доверия, репутации, лидерства, ответственности, которые позволяют эффективно развиваться виртуальному предпринимательству и другим формам цифровой экономики в контексте инновационного роста.

ЗНАНИЯ; ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА; КОММУНИКАЦИОННАЯ СЕТЬ; ВИРТУАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ; КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Серов А.П. КУЛЬТУРА ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Особенности организационной культуры связаны с эффективной деятельностью работника и техническим потенциалом предприятия. Реализация деловых и личностных качеств работников, оптимальное использование возможностей и работников, и предприятия зависят от продвинутого управления, высокой степени трудовой дисциплины и качества товаров. Новизна данной статьи заключается в выявлении специфики взаимодействия организационной культуры и философии предприятия с целью научной организации труда и производства.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА; КУЛЬТУРА ПРОИЗВОДСТВА; КУЛЬТУРА ТРУДА; КУЛЬТУРА ПРЕДПРИЯТИЯ; УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ; ТЕХНИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ; ТРУДОВОЙ ПРОЦЕСС; ЦЕННОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ; НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА; УПРАВЛЕНИЕ; ФИЛОСОФИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Чжоу Цзюнь. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

в статье анализируются исторические условия создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Главным определяющим событием создания организации стали решения форума «Шанхайская Пятерка» (название происходит от пяти стран участников форума Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Таджикистан) в 1996 году в Шанхае. Основанием для открытия форума послужили два документа: «Российско-китайское соглашение о мерах доверия в зоне границы» и многостороннее «соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы». В центре внимания организации стоят вопросы внешней политики, экономики, охраны окружающей среды, включая использование водных ресурсов, культуры и т.д.

КИТАЙ; РОССИЯ; УЗБЕКИСТАН; КАЗАХСТАН; ТАДЖИКИСТАН; ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА; РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ; САММИТ

Ягья Т.С. О ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Статья посвящена транснационализации в мировой экономике. В ней раскрываются понятие и суть транснационализации, особенности и способы управления ТНК. Рассматриваются характерные черты ТНК, положительные и отрицательные эффекты функционирования, а также сказано о влиянии ТНК на мировую экономику и, в частности, на экономику развивающихся стран.

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ; ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ КОРПОРАЦИЯ; МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА; ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ; ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ; «ВЕРТИКАЛЬНОЕ» И «ГОРИЗОНТАЛЬНОЕ» УПРАВЛЕНИЕ

Массов А.Я. АВСТРАЛИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ ДЛЯ РОССИИ (К СТОЛЕТИЮ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ПРОЕКТА)

В статье освещается попытка сформировать, оснастить и передать в дар России австралийский военный госпиталь. Эта попытка была предпринята в 1916 г. по инициативе звезды австралийской оперной сцены Нелли Мельбы в знак уважения и признательности Австралии русскому народу – своему союзнику на полях сражений Первой мировой войны. Предложение Н. Мельбы вызвало большой энтузиазм среди австралийцев, однако начавшаяся кампания по сбору средств была приостановлена, поскольку военные авторитеты Австралии и Великобритании посчитали нецелесообразным отправлять силы медицинского обеспечения армии за пределы Британской империи. Вместе с тем попытка оснастить и подарить госпиталь русским союзникам стала убедительным свидетельством растущих симпатий австралийцев к России.

РОССИЙСКО-АВСТРАЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ; Н. МЕЛЬБА; ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА; ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ

**ABSTRACTS.
KEYWORDS**

Moreno X.J. THE MEANING OF THE “BLUE SPAIN” FIGHT IN RUSSIA, 1941–1944.

The paper is devoted to the history of the 250th Division of Spanish volunteers, who fought alongside Nazi Germany against the USSR. In Russian historical sources this Division is known as the "Blue Division". The paper considers the role and the significance of the Blue Division in political, diplomatic, military, economic and social aspects for both Spain and Germany.

BLUE DIVISION, SPAIN, GERMANY, WORLD WAR II.

Grinyov A.V. THE EVALUATION OF MILITARY QUALITIES OF RED ARMY IN 1941–1945 BY GERMAN MEMOIRS AND ANALYTIC MATERIALS.

During the writing of this article were analyzed about 30 books – diaries, analytic materials, and memoirs of the servicemen of the Wehrmacht, which contended the evaluations of qualities of Red Army and Russian soldiers. According the opinion of German authors, the Red Army was an estimable enemy and Russian soldier showed oneself as extremely dangerous opponent.

SECOND WORLD WAR, RUSSIAN HISTORY, RED ARMY, WEHRMACHT, WAR MEMOIRS.

Gurkin A.B. ON BOTH SIDES OF THE BATTLEFRONT.

The article compares the descriptions and perceptions of the same events by people who fought on different sides of the Soviet-German front during World War II, analyzes memoirs of tellers about the so-called «trench truth». Basically, the authors are the ones who were directly located on the frontline and fought near Leningrad.

«TRENCH TRUTH», GREAT PATRIOTIC WAR, SIEGE OF LENINGRAD.

Kaydash A.A. THE ASSAULT OF SAUR-MOGILA: STRATEGIC IMPORTANCE IN THE LIBERATION OF DONBASS, YESTERDAY AND TODAY.

In this paper highlights aspects of the strategic importance of the battle for the Saur - Mogila the Grave during the Donbass offensive in 1943, the safe of historical memory in relation to the changing socio – political situation in the region and the

importance of this strategic elevation during the fighting on the territory of Donbass in summer 2014.

MILITARY HISTORY, THE GREAT PATRIOTIC WAR, DONBASS STRATEGIC OFFENSIVE (AUGUST 1943), SAUR-MOGILA, HISTORICAL MEMORY.

Plekhanov A.M. MILITARY COUNTERESPIONAGE OF PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR INTERNAL AFFAIRS AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON JUNE 22 1941 – APRIL 20 1942).

Article is devoted to the main directions of office and fighting activity of military counterespionage of People's Commissariat for Internal Affairs at the beginning of the Great Patriotic War.

ABVER, PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR INTERNAL AFFAIRS, MILITARY COUNTERESPIONAGE, ESPIONAGE, DESERTION, MILITARY SECRET, WORK BEHIND A FRONT LINE.

Rudnik S.N., Shmachkov D.A. FEAT AND TRAGEDY: THE LAST DAYS OF SEVASTOPOL DEFENSE IN JUNE – JULY 1942.

The defense of Sevastopol was one of heroic pages in the history of World War II. Fascists stormed the city three times. Despite the heroism of Sevastopol defenders, who nearly seven months were in a siege, in July 1942 reserves were on an outcome and the city had to be handed over to the enemy. Thousands of soldiers were doomed to captivity and death. Based on the memoirs and public sources, the authors tried to find the answer to the question, was it possible to avoid the tragic ending?

DEFENSE OF SEVASTOPOL, THIRD STORM, BATTERY, GARRISON, AMMUNITION, EVACUATION, CAPTIVITY.

Trufanova L.M. «JAMMING WAR»: FUNKSPIEL OF THE SOVIET INTELLIGENCE SERVICES AS A CONTRIBUTION TO THE VICTORY (1941–1945).

The article deals with Funkspiels as one of the direction of the military counterespionage during the Second World War. The author cites certain successful special operations SMERSH as an example.

WORLD WAR II (THE GREAT PATRIOTIC WAR), MILITARY COUNTERESPIONAGE, SMERSH, ABWEHR, FUNKSPIEL, JAMMING WAR.

Michurin A.N. THE SOVIET-CHINESE RELATIONS ON THE EVE OF WORLD WAR II.

Article is devoted to the Soviet-Chinese relations during 1932–1941, economic and military aid to China during this period and roles of the Soviet Union in

overcoming of Japanese aggression. Today among numerous problems of history of the international relations undoubted interest is represented by the plots connected with aspects of interstate communications of the border countries. Thus the subject of the Soviet-Chinese relations in the years of World War II possesses the undoubted relevance having a set of controversial issues. Separate, very interesting subjects in the relations of two parties remained behind borders of researches so far. It and a subject of military advisers in China in the years of war and during the premilitary period, having many white spots. The role of the Soviet Union in the organization and support of the powerful national liberation movement of indigenous people in China to the second half of the 30th years - the first half of the 40th years of the XX century is quite poorly studied or presented only incidentally in several works. In too time the volume of this help and close contacts between the Soviet and Chinese representatives aren't called in question that is especially important in a year of the 70 anniversary of our general victory in World War II.

CHINA, SOVIET UNION, MILITARY ADVISERS, WORLD WAR II.

Netuzhilov K.E. THE SINO-JAPANESE WAR (1937–1945) IN THE REFLECTION OF THE SOVIET PERIODICAL PRESS.

This article is devoted to the description of the results of the content's analysis of the two largest Soviet printed media periodicals daily Central newspapers «Pravda» and «Izvestia» in the period from 1937 to 1945, in order to reflect the events of Sino-Japanese war. It is concluded that the reflection of the events of the Sino-Japanese war, the tone and nature of publications in the Soviet periodical press complied with general political culture of the USSR in 1930–1940's and its incident to information model. Soviet media only partly covered the real political situation only in a small extent. The images of China created by media have more to do with foreign policy of the Soviet government and the ensuing tasks than with the real situation.

SINO-JAPANESE WAR, PERIODICALS, WARFARE, THE KUOMINTANG, PROPAGANDA.

Samylovskaya E.A., Eidemiller K.Yu. ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL ORGANIZATION PLANNED «REICHSKOMMISSARIAT CAUCASUS» END «REICHSKOMMISSARIAT TURKESTAN»: ISLAMIC FACTOR.

The Third Reich, as a state, even by historical standards, sift-schestvoval symbolic amount of time (August 16, 1934 to May 23, 1945) was, but the trail left by the State in the history of the world completely proportional to the sensed data, for which This education was created and destroyed by the world community. Under the framework of its establishment, it has been developed and has been adopted by the doctrine of administrative-territorial construction of the so-called «Thousand Year Reich», with its

expansion into neighboring territory from North Africa to East Turkestan, and from Scandinavia to the Sudano-Sahelian region. Exceptional strength of only one weapon to subdue such a vast territory was not possible then or even now. For this reason, one of the main tools in the construction of the future state should be differentiated propaganda.

MUSLIM COMMUNITY, RELIGIOUS GEOGRAPHY, HUMANITARIAN GEOGRAPHY, SOCIO-CULTURAL SPACE, THE USSR, NORTH CAUCASUS, TURKESTAN, YUGOSLAVIA, THE GREAT PATRIOTIC WAR, THE SECOND WORLD WAR.

Fomichev A.V., Fomicheva L.S. THIS POLICY HAD THE NAME: «POLICY OF APPEASEMENT OF AN AGGRESSOR».

In article the essence and the maintenance of the policy of «appeasement» pursued by the western democracies on the eve of World War II are analyzed. Its motives, stages and the reasons of a failure are investigated. The assessment of the Soviet foreign policy on counteraction to fascist threat is given.

WORLD WAR II, FOREIGN POLICY OF THE USSR, POLICY OF «APPEASEMENT», SYSTEM OF COLLECTIVE SECURITY, MOLOTOV-RIBBENTROP PACT.

Kulik S.V. PARTISAN MOVEMENT IN NORTHWEST RUSSIA.

The article deals with the history of the formation and activities of partisan groups in the occupied territory of the North-West of Russia in 1941–1944. The author distinguishes three main groups of partisan groups and gives a description of each of them, pointing out that the partisan movement developed unevenly in various districts of the North-West of Russia. As a result, the author concludes that the historical merit of the partisan movement during the Great Patriotic War is organization of union resistance of the masses into the enemy's rear.

PARTISANS, PARTISAN MOVEMENT, GREAT PATRIOTIC WAR, NORTH-WEST OF RUSSIA.

Linets S.I. COLLABORATION IN THE NORTH CAUCASUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: ORIGINS, MANIFESTATIONS, SCALE.

The article examines the causes, manifestations and typical features of collaboration in the North Caucasus during the Great Patriotic war. The author, basing on archival documents, scientific works of Russian and foreign scientists, analyses the origins of this phenomenon, shows the spread of collaboration, characterizes its participants. It is emphasized that the German occupation authorities have developed and then systematically implemented special policies among the peoples of the North

Caucasus to attract them on the side of Germany. At the same time Nazis policy by the end of the battle for the Caucasus in the autumn of 1943.

COLLABORATIONISM, THE GREAT PATRIOTIC WAR, THE NORTH CAUCASUS, PEOPLES OF THE CAUCASUS, THE COSSACKS, THE GERMAN INVADERS.

Musaev V.I. STRATEGY OF THE GERMAN OCCUPATION POLICY IN THE EAST.

The war against the Soviet Union was of special significance for the political and military leadership of Nazi Germany, it went beyond a plain military clash. The notion of mastering the «living space» («Lebensraum») included not only traditional conquest of the territory and subjugation of other nations, but also settlement of the Germans in the conquered lands. German plans of the war in the East, along with the economic component, included also the ideological one. For the Nazi leaders it was not only a war for the «Lebensraum»: struggle against the Soviet Union was treated as a clash of two worldviews, as a new crusade to the East.

WORLD WAR TWO, «BARBAROSSA PLAN», «LEBENSRAUM», OCCUPATION REGIME.

Skorik A.P. ROMANIAN FASCISM FACE IN THE LAND OF THE DON COSSACKS IN THE OCCUPATION PERIOD IN 1942.

This article on the basis of archival materials analyzes hereby created interaction of the local population in the occupied territories with the Romanians, who fought with the Germans and with them assertion-awaited Nazi occupation regime on the Don land in the second half of 1942. The author in detail with the exact citation of archival sources Romanians are described atrocities against the local population.

ROBBERY, BEATINGS. BRUTALITY, COLLABORATION, VIOLENCE, GUERRILLAS, SHOOTINGS, ROMANIANS, FASCISM.

Saveliev V.V. UNBOWED DONBASS: THE ACTIVITY OF UNDERGROUND GROUPS IN CITY STALINO DURING THE PERIOD OF NAZI OCCUPATION IN 1941–1943.

The Great Patriotic War is a heroic chapter in the history of Donetsk region. Donbass fought bravely in 1941, reflecting the onslaught of the superior strength of the enemy. The spirit of resistance to invaders was not broken in the hard days of the bloody fascist regime. Together with the Red Army and the war waged underground organizations, hitting the German fascist invaders in the rear. This article examines the history of the Soviet underground in the city of Stalin in the period of Nazi occupation in 1941–1943 years.

THE GUERRILLA, UNDERGROUND GROUP, BUDENNOVSKO-AVDOTYINSKY GROUP, THE KOMSOMOL MEMBERS, SAVVA GRIGORYEVICH MATYOKIN, DONBASS, OCCUPIED BY STALINO.

Aladyshkin I.V. «THIS SAD STORY...» OF MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF SCIENCE IN NAZI GERMANY.

The article is devoted to modern studies in Russia of Nazi Germany's policy in science. Considers the problem of historical continuity and traditions of Russian historiography of national socialism. Special attention is paid to the key contradictions and the poles of the biases in the assessment of the scientific life in Germany 30-40-ies. Showing that the revision of the Soviet historiographical tradition of representation of national socialism as the culmination of German imperialism resulted in the resurrection of the concept of «rupture» and «accident» in German history.

GERMAN SCIENCE, NATIONAL SOCIALISM, POLES OF THE SCIENTIFIC PREFERENCES, PROBLEM OF HISTORICAL CONTINUITY, HISTORIOGRAPHICAL TRADITIONS.

D'yakov B.B. IOFFE INSTITUTE AND ITS SCIENTIFIC ACTIVITY IN EVACUATION.

Before the Great Patriotic War 1941–1945, the Ioffe Institute was a large academic institute with a staff about 315 peoples. Its works for the defense tasks were of importance in pre-war years. Institute and its scientists deal with degaussing, armor, radars, being almost the soles specialists in these arias. The nuclear physics interrupted by the war became a clue issue for the state defense.

GREAT PATRIOTIC WAR, EVACUATION, INSTITUTE IOFFE, ATOMIC PROJECT, DEGAUSSING, RADARS, ARMOR, ACADEMY OF SCIENCES.

Zablotsky A.V. Zablotsky A.V. PERSONIFICATION AS THE MAIN FEATURE OF THE IMAGE OF SOVIET MILITARY EQUIPMENT IN THE MINDS OF PARTICIPANTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR.

On materials of oral history, memoirs, folklore personification of perception by veterans of the Soviet military equipment in the period of the Great Patriotic War is analyzed. Such personified images of military equipment as living beings or people as those, self-sufficient soldiers, faithful fellow soldiers, members of families of fighters are presented, to the personality with own nicknames and names.

GREAT PATRIOTIC WAR, SOCIAL CONSCIOUSNESS, IMAGE, MILITARY EQUIPMENT, PERSONIFICATION.

Krasnozhenova E.E. DEFENSE AND SOCIAL ECONOMIC ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES REGIONS AND REPUBLICS OF THE LOWER VOLGA REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945).

The article shows the contribution of the regions and republics of the Lower Volga to the victory of the Soviet state in the Great Patriotic War. It was noted that the importance in achieving victory at Stalingrad and other operations of the army was the work of central and local public authorities – defense committees, party organizations and councils. The main directions of their work in the field of defense cities of the Lower Volga and the organization of social assistance to the population of the region.

THE GREAT PATRIOTIC WAR, THE LOWER VOLGA, THE BATTLE OF STALINGRAD, DEFENSE WORK, SOCIAL FIELD, MILITARY FAMILIES, PEOPLE'S MILITIA, DESTROYER BATTALIONS, FOOD SUPPLYING, HEALTH CARE.

Kupriyanov V.N. THE LIFE OF S.S. LAVROV – ONE OF THE FOUNDERS OF PRACTICAL ASTRONAUTICS.

Svyatoslav Sergeevich Lavrov (12.03.1923 – 18.06.2004) D.Sci. (Tech.), Professor, corresponding member of RAS, Lenin prize-winner was a member of Sergei Korolev's initial team of engineers. Later he became Deputy Chief of the Design Department at OKB-1, specializing in ballistics. Lavrov served as Director of the Institute of Theoretical Astronomy and later Counsellor to Director at the Institute of Applied Astronomy in St. Petersburg.

MATHEMATICS, BALLISTICS, SPUTNIK, KOROLEV, LAVROV.

Marasanova V.M. PLANT IN THE WAR: YAROSLAVL «CRASNY MAYAK».

The article considers the heroism of Soviet people in the rear on the example of the oldest Yaroslavl factory «Crasny mayak» (№ 777), which passed during the war from the production of construction tools to military products. This plant was the first in the Yaroslavl region which apply the method of the conveyor assembly line. The work with maximum efforts has become the norm; it compensated the downtimes and was a concrete manifestation of patriotism.

GREAT PATRIOTIC WAR, INDUSTRY, YAROSLAVL, THE PLANT «CRASNY MAYAK», CONVEYOR ASSEMBLY LINE, BOMBS, SOCIALIST COMPETITION.

Mikhailov A.A., Panov R.A. INVENTIVE AND PRODUCTION ACTIVITIES IN THE LENINGRAD POLYTECHNIC INSTITUTE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.

The article considers the scientific, inventive and industrial activity of scientists of the Leningrad Polytechnic Institute during the siege of Leningrad (1941-1944), analyzes the main directions of the military defence research and the contribution of the Institute in the providing the army and the besieged city equipment, arms, means of protection from enemy weapons.

LENINGRAD POLYTECHNIC INSTITUTE, THE GREAT PATRIOTIC WAR, THE SIEGE OF LENINGRAD, INVENTIVE ACTIVITY, AMMUNITION, WEAPONS, PROTECTION AGAINST CHEMICAL WEAPONS.

Musin F.S. SOME APPROACHES TO THE PROTECTION OF THE ECONOMIC INTERESTS OF RUSSIA IN THE BORDER-SPACE: THE HISTORY OF THE ISSUE.

The article considers the problems connected with the border policy as a major part of the national policy. Border policies is an effective instrument of realization and protection of the national interests of the country, ensuring the security of individual, society, state and objects in the border area from external and internal threats, the observance of legal regulations on border issues, the creation of conditions for the development of interstate relations. More specifically explores the issues of border security in the light of the historical experience of the protection of the economic interests of the Russian Empire on the border of the XIX century.

BOUNDARY POLICY, ECONOMIC INTERESTS, SECURITY, THE STATE BORDER, THE BORDER GUARD, THE RUSSIAN EMPIRE.

Pavlushin V.A., Levitin M.M. MILITARY AND POST-WAR YEARS OF ALL-UNION (NOW ALL-RUSSIAN) INSTITUTE OF PLANT PROTECTION.

The All-Union research institute of plant protection was created in 1929. In military years the institute continued to conduct researches on protection of crops against harmful organisms in blockade Leningrad, in the Arkhangelsk region, Altai Krai and Central Asia. After re-evacuation the institute began to develop actively and became the lead scientific institution of the country on plant protection.

PLANT PROTECTION, PLANT DISEASES, INSECTS, WEEDS.

Ulyanova S.B. MILITARY ASPECTS OF SOVIET INDUSTRIAL DISCOURSE (1920S–1930S.).

The article examines the formation of the Soviet public industrial discourse in the 1920s – 1930s. Its main source were various texts, written by the political elite members. It notes that an expediency of the Soviet industrial project based on objectives of the military-industrial complex. The «besieged fortress sense» became an additional factor of the «industrial consensus» in that period. As a result the author

makes the conclusion that the industrial discourse contributed to the mobilization of the Soviet economy during the great Patriotic war (1941—1945).

SOVIET INDUSTRIAL PROJECT, INDUSTRIAL DISCOURSE, INDUSTRIAL CONSENSUS, MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX, MOBILIZATION OF THE ECONOMY.

Илевов А.А. J. STALIN, INDUSTRIAL AND TECHNICAL ASPECTS OF THE NATIONAL SECURITY OF THE POSTWAR PERIOD: ACCENTS AND PRIORITIES.

Modern Russia is facing a number of challenges, identical postwar. In particular, a special interest is the choice of priorities of J. Stalin in the recovery process of the defense industry and the postwar rearmament. The article expressed the idea of the right definition of the main directions in conditions radically different from those that took place before the war.

J. STALIN, THE MILITARY INDUSTRY, REARMAMENT, NATIONAL SECURITY, GEOPOLITICS.

Bocharov A.A. FROM THE BIOGRAPHY OF THE WRITER N. N. SHPANOV.

The article studies the biography of the Soviet writer N. N. Shpanov (1896–1961). The article explores the life and work of the soviet writer N. Shpanov (1896–1961). In his biography reflects many features of the development of Soviet society and his mentality in the 1920s – 1950s. The military pilot and an engineer in the 1920s, promoting new types of technology. In 1930s Shpanov becoming one the founders of the genre of science fiction in the Soviet military literature. During World War II, working as a war correspondent. In the 1940s – 1950s, taking in his novels attempt to show the causes of the Second World War from the perspective of official Soviet propaganda.

N.N. SPHANOV, SOVIET LITERATURE, MILITARY SCIENCE FICTION, WORLD WAR II, SOVIET PROPAGANDA.

Bocharov A.A., Fotunianz V.N. THE SOVIET NAVY AND THE CINEMA IN THE LATE 1930S – 1940S.

The article studied the interaction between the Soviet Navy and cinema in the late 1930s – 1940s. Attention is paid to the participation in the creation of Fleet naval training films in the late 1930s. Considered fourteen fiction and two documentaries on the naval theme, taken by Soviet filmmakers from 1938 to 1949. The conclusion is that these films reflect the activities of the Soviet navy before and during World War II, it became bright documents of their time.

THE USSR, THE SOVIET NAVY, WORLD WAR II, SOVIET CINEMA, THE NAVAL THEME OF THE MOVIE.

Zablotskaya K.V. MEDICAL STORIES AND IMAGES IN FRONT-LINE FOLKLORE SONG (1941–1945 ГГ.).

The ratio of soldiers to the military physicians, their image in the public consciousness are analyzed on the base of folk songs of the Great Patriotic War. On the basis of such features folk art in 1941–1945, as a special popular of lyric songs, processing of fixed plots, it is proofed the special role women's images in medical subjects and their symbolic value as the embodiment of hope and charity in war.

MILITARY MEDICINE, CHARITY, FOLKLORE, IMAGE, STORY.

Zachevskij E.A. THE SECOND WORLD WAR THROUGH THE EYES OF GERMAN WRITERS «OF THE THIRD REICH» PERIOD.

This article discusses the perception of the Second world war and in particular the war against the USSR, by the German writers of the Third Reich period, who expressed the official point of view (E. E. Dwinger, G. Baumann, Schumann) and the attitude of opposition (H. Lange, M. Raschke) concerning the ideology of the ongoing war (the liberation of Europe from Bolshevism and colonization of Russia), and showed the relation to the methods of warfare and to the Russian people as a nation.

RUSSIA, SUB-HUMAN, COLONIZATION, BOLSHEVISM, THE POETICS OF DEATH, GLORIFICATION OF WAR, WAR AS A REALITY.

Pavlova E.Ya. ARTICLES OF THE BELARUSAN STATE AND PRIVATE PRESS ABOUT THE EVENTS OF THE WORLD WAR II.

The article deals with the newspapers' and magazines' articles devoted to the period of the World War II published in Belarus. Chronologically the article embraces the period from 2000 up to 2014. The comparative analysis of popular state and independent mass media approaches in understanding the period of the World War II is given and the main problems of every actual war aspect are determined.

GREAT PATRIOTIC WAR, WORLD WAR II, ACTUAL PROBLEMS OF WAR HISTORY, STATE AND INDEPENDENT PRESS, PROFESSIONAL AND AMATEUR HISTORIANS, NEW IMAGES AND NEW CHARACTERISTICS OF TRADITIONAL IMAGES, SOVIET-GERMAN FRONT, OCCUPATION, PARTISAN MOVEMENT, WAR WITNESS' MEMORIES, MEMORY POLICY.

Razumnyi V.V. THE MEMORIAL COMPLEXES OF DONBASS AS FORMS OF HISTORICAL MEMORY OF GREAT PATRIOTIC WAR.

This article is devoted to the study of memorial complexes of Donbass as forms of historical memory of Great Patriotic War 1941 – 1945. Author explores the value of

memorial complexes, which are located on territory of the Donetsk and Luhansk regions. War monuments are the symbols of folk memory and connecting link in the chain of succession of values of different generations. Memorial complexes of Donbas are the symbol of military memory. Moreover, they can serve to the matter of transmission of traditions and historical true to the future generations.

GREAT PATRIOTIC WAR, MEMORIAL COMPLEX, DONBASS, HISTORICAL MEMORY, SAUR- MOGILA, MIUS-FRONT.

Ivanov V.A., Koloshinskaia N.V. THE «WE» AND «THEY» IN THE CAMP № 157 FOR GERMAN PRISONERS OF WAR: EXPERIENCE OF SOME SOCIOCULTURAL PORTRAITURE (1944–1947).

In both, contemporary Russian and foreign historiography of war captivity in the USSR of 1940's, it is almost not researched, such aspect of administrative work of the soviet system GUPVI MVD SSSR (Main Administration for Affairs of Prisoners of War and Internees) as its personnel potential and, first of all, in its professionally-moral dimension. The very members of this organization not only organized the use of prisoners of war labour and their everyday life, but also did educational (anti-fascist) work on them, encouraged and punished certain individuals. The article is focused on rather controversial character of such members by the example of one of the prisoner-of-war camps – number 157 – in Leningrad Oblast in 1944–1947. The authors attempt, as it were, to «scan» a complex scheme of professionally significant and personally motivated relations in the limits of camp interaction in general, to explain their major dominant ideas, and reveal the reasons of departure from norms and the law.

GUPVI MVD SSSR OF LENINGRAD OBLAST, FOREIGN PRISONERS OF WAR, PRISONER-OF-WAR CAMPS, THE USE OF FORCED LABOR, IMPRISONMENT REGIME, DEATH-RATE, CRIMES, PERSONNEL, 1944–1947.

Capilupi S.M. PRIVATE BIOGRAPHY IN THE CONTEXT OF THE SECOND WORLD WAR, IN THE BACKGROUND OF THE HISTORY OF RELATIONS AND CONFLICTS BETWEEN FASCISTS AND CATHOLICS.

The subject and content of this article are for me quite special significance because it will be about my father, Enzo Maria Capilupi, who is not with us on this Earth already twenty years. In August 1992, almost two years before his death, he was at my request finally shared his memories of the war, which up to this principle did not. This story written by me then, as it seems to me, very vividly conveys the simple experiences of a young Italian at the end of the Second World War on the background of the special relations and conflicts between believers Catholics and fascists. Biographical story that I would like to submit, allows on the basis of the particular case to judge the typical consequences of a collision between the embattled

young idealist and Nazi war machine and the contradictions of history itself. In 16 years, my father, then living with his family in Milan, went to the barracks «Bersaglieri» to enlist the front. This was the first act in a chain of accidents, absolutely changing his views, formed under the influence of the fascist state. Later, when the Easter of 1944 was near, Enzo, who had school memory of the Easter holidays, asked the commander leave to go to Rome and see the parents. It is not surprising that Enzo was refused. Outraged to the core, he said the sentry that he goes to «a little look around» and voluntarily went to Rome hitchhiking in the truck, one of the traders-illegals. To parents he lied, saying that they gave him a kind of temporary «freedom». Four days later, they accompanied him to the home station, where Enzo said desired password «Nembo» («cloud») and took the train that brought him back to the frontline zone. He sincerely did not think that militaries will to punish him severely. After two and a half weeks Enzo was in the train to Germany. He sat one year and six months in German concentration camps (Dachau and Torgau) as a «deserter». When my father came home of his convictions fascist there remained no trace.

IDEALS, CONTRADICTIONS, FASCISM, CATHOLICISM, FATHER, WAR, PEACE, LAGER, EASTER, PROPAGANDA.

Kashevarov A.N. CHANGE THE RELIGIOUS POLICY OF THE SOVIET STATE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: REALITY AND MYTHS.

The paper analyzes the internal and external factors that caused the change of religious policy of the Soviet state during the Great Patriotic War. The article also critically examined the myths that are spreading some modern ecclesiastical and scientific and popular publications about the causes of the transformation of state-church relations in 1941–1945 years.

THE GREAT PATRIOTIC WAR, THE SOVIET STATE, RELIGIOUS POLICIES, THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH, PATRIOTIC ACTIVITIES, MYTHS.

Karabushchenko P.L. THE ELITE AND THE WAR.

The phenomenon of war is studied by many social sciences. In this paper we attempt to analyze this phenomenon from the perspective of elitology. In this regard we face a number of issues: how to relate to the concept of the «elite» and the «war»; how the elite provokes the war; how they behave before, during and after the war and how they manage its results.

WAR AND PEACE, ELITE, POWER, LEADERS / CHIEFS, POLITICAL HISTORY, POLITICAL SYSTEM, CONFLICT, VICTORY, DEFEAT.

Abdullaeva A. I. EDUCATIONAL SYSTEMS OF RUSSIA AND FINLAND: COMPARATIVE ANALYSIS.

The article is dedicated to educational systems of Russia and Finland. Both countries have developed their own approach to education. This paper identifies advantages and disadvantages of both systems, current problems and possibilities of their resolution. Additionally, the paper examines the experience of reforming the educational system in Finland and the opportunity for its use in Russia.

EDUCATIONAL SYSTEM, SECONDARY EDUCATION, POST-SECONDARY EDUCATION, ACCESSIBILITY OF EDUCATION, PRESTIGE OF EDUCATION, QUALITY OF EDUCATION.

Boldyreva E.L. METHODOLOGICAL PRINCIPLES AND METHODS OF NATIONAL SECURITY RESEARCH.

This article describe the basic methods and methodology of national security researches.

NATIONAL SECURITY, RESEARCH METHODS, METHODOLOGY.

Bystrov V.Yu. FRENCH NEO-HEGELIANISM AND PROBLEMS OF EUROPEAN INTEGRATION.

In the article there are discussed problems of a theoretical substantiation of the European identity which has found the embodiment in creation of the European Union. As one of the most influential world outlook factors there is considered such philosophical current as the French neohegelianism. The special role belongs to Alexandre Kojève who has created original interpretation of political philosophy of Hegel.

EUROPE, POLICY, RELIGION, NEOHEGELIANISM, DIALECTICS.

Glukhov V.V., Detter G.F., Tukkel I.L. TYPOLOGY OF RUSSIAN ARCTIC REGIONS AND THE FORMATION OF LOCAL INNOVATION SYSTEMS.

Isolation of the Arctic zone of the Russian Federation (Russian Arctic) as an independent object of public administration and socio-economic development promotes the further deepening of multi-system research of the Russian Arctic. The establishment of quality relationships between groups of regions with similar values are taken as the basis of indicators is a task for the typology of regions. The proposed typology of subjects of the Russian Arctic and their municipalities, assess the level of economic, scientific, educational and innovative development will allow the regions to more accurately generate a multilevel spatial innovation policy, as well as the

justified use specific models of three types offered – generating, developing and implementing – with the creation of local innovation systems.

ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION, MACRO, MESO AND MICRO-REGIONS, THE TERRITORIAL SUBSYSTEM, TYPOLOGY, MULTI-LEVEL INNOVATION POLICY, REGIONAL AND LOCAL INNOVATION SYSTEMS, INNOVATIVE DEVELOPMENT MODEL.

Kamnev V.M., Sokolov A.M. PHILOSOPHY AND JOURNALISM: RUSSIAN CONSERVATISM ON THE EVE OF REVOLUTION 1917.

In the article there is put forth a task of the analysis of features of Russian prerevolutionary conservative journalism. Authors connect sources and character of these features with understanding of distinction between a philosophical and publicistic discourse. This distinction forms the contradiction acting as a motive power of historical and philosophical process in Russia. Authors show that many problems, put in due time by conservative journalism, keep the urgency.

CONSERVATISM, JOURNALISM, RELIGION, FAMILY, STATE.

Katsy D.V. ON THE EVE OF THE MAIDAN: UKRAINIAN ONLINE SPACE AS A COMPONENT OF POLITICAL ACTIVITY.

The article deals with a number of aspects that characterized the ways of Ukrainian society involvements into the global information space in 2012–2013. The most important of them were the intermediate position of Ukraine in the emerging system of European security, availability of Internet-based information and communication technologies, growing competition on the regional and global levels combined with the world-wide trend to increase control over the information from World Wide Net by sovereign states.

GLOBAL INFORMATIONAL SPACE, CONTROL OF INFORMATION, INFORMATION SOVEREIGNTY, UKRAINIAN LEGISLATION.

Malinov A.V. THE CONCEPT OF «NATIONALITY» IN HISTORIOSOPHIC CONCEPT OF S.S. UVAROV.

The article discusses the famous ideological triad of Sergei Semenovich Uvarov (1786–1855) «Orthodoxy, Autocracy, Nationality». It is shown that it is associated with historiosophical Uvarov conception, which was developed by him in the period of the Napoleonic Wars. The basic elements of this conservative formula finds its foundation in the history of philosophy.

SS UVAROV, IDEOLOGY, PHILOSOPHY OF HISTORY, ORTHODOXY, AUTOCRACY, NATIONALITY.

Murzanova L. A. THE PRINCIPLE OF INTEGRITY AS THE BASIS OF ENVIRONMENTALISM IN CONSERVATIVE THOUGHT.

This article is devoted to a problem of ecological consciousness and formation of ecological culture. It is designated that the global problems which have overflowed the world in the 20th century, have shown necessity of reconsideration of the relationship between a person and nature, space and self-identity at the ideological level. Considered the history of development of environmental ethics and its main directions, such as ecosophy, deep ecology, ethics of responsibility. At the same time it is emphasized that within the framework of liberal ideology, the struggle for preservation of nature remains anthropocentric positions with a contractual type of human activity. Only in conservatism the author sees grounds for the harmony of life, unity of man and space, following the natural historical process. It is also noted that the sense of responsibility for the legacy we have inherited and transferred to descendants grows out of attachment and belonging to this heritage. Based on the analysis of ideas of the Russian cosmists and religious philosophers about unity of the person and space, the author comes to the conclusion that the basis for the formation of ecocentric outlook lies in the principle of integrity.

CONSERVATISM, ECOLOGICAL ETHICS, GLOBAL ENVIRONMENTAL PROBLEMS, RESPONSIBILITY, COSMISM, RUSSIAN PHILOSOPHY, INTEGRITY.

Osipov I.D. PHILOSOPHICAL CRITICISM OF EUROCENTRISM IN RUSSIAN CONSERVATISM.

In this article analyzes some of the key issues of ideology critique of Eurocentrism in Russia. In particular, in this connection, analyzes the concepts of Russian conservative thinkers-Slavophiles, Byzantinism, Eurasians. The conclusion of some objective and subjective aspects of the formation of the ideology of Eurocentrism, which became the subject of criticism of domestic conservative writers.

PHILOSOPHY. CULTURE. IDEOLOGY. CONSERVATISM. PERSONALITY.

Pogodin S. N. "RUSSIAN NATIONALISM" B.S. MIRONOVA.

The article discusses views on Russian nationalism B.S. Mironov. Being one of the ideologists of Russian nationalism, he tries to give his definition of nationalism. Put forward by the main provisions are populist in nature.

NATIONALISM, NATION, RUSSIAN NATIONALISM, THE STATE, SOCIETY.

Van Tszuyntao. CHINESE NATIONALISM OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY.

In article questions formation of nationalism in China are considered. At the end of the 19th century in the Chinese society, process of formation of the Chinese nation

began. At the same time there was a national movement of which Kan Yuwei, Liang Qichao were at the head. Kan Yuwei in the works urged to develop patriotic spirit. The program of reforms which is put forward by it, was under construction on fight of the Chinese people against enslavement. In works Liang Qichao the important place is taken by questions of the hansky nation. He became the first of Chinese who used the word "nationalism".

NATIONALISM, NATION, CHINA, CHINESE, HAN, KAN YUWEI, LIANG QICHAO.

Tarakanov T.S. MAIN THEORETICAL APPROACHES TO FOREIGN POLICY IN PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA.

The article analyzes the concept of foreign policy of the People's Republic of China. The basis of this concept is seen in the "White Paper". The document was published in 2015. It stresses that China pursues a policy of exclusively defensive character. Official foreign policy strategy of the country based on conceptual ideas: the five principles of peaceful coexistence, the theory of "peace and development" Deng Xiaoping theory "harmonious world" concept "Chinese dream" Xi Jinping.

PEOPLES REPUBLIC OF CHINA, INTERNATIONAL RELATIONS, THE FIVE PRINCIPLES OF PEACEFUL COEXISTENCE, THE THEORY OF "PEACE AND DEVELOPMENT", THE THEORY OF "HARMONIOUS WORLD" CONCEPT "CHINESE DREAM."

Ababkova M.Yu. COUNTRY OF ORIGIN CONCEPT IN GLOBAL BRANDING. STRATEGIES AND ISSUES.

The article deals with international branding strategies based on country of origin concept. Evolution of country of origin concept is investigated. New branding concepts such as country of brand origin and hybrid product are presented. The author also looks into distinguishing features of Finnish goods branding in Russia, the main issues of international branding are revealed.

BRANDING, COUNTRY OF ORIGIN IN BRANDING, COUNTRY OF BRAND ORIGIN, HYBRID PRODUCT, FINNISH GOODS POSITIONING STRATEGY, INTERNATIONAL BRANDS PROMOTION IN RUSSIA.

Melnik O.A., Smirnova O.A. TIME MANAGEMENT FOR CONTROLLING LABOR MIGRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION.

This work is devoted to the problems of migration work force`s control in the production process due to the accepted strategies in Russian policy. Migration work force is considered to be either as extra human resource in conditions of increasing the competitiveness of enterprises or as a tool of increasing of the business attractiveness of the country. However, it is necessary to carry on a number of changes connected

with the organization of the migration work force` working in order to use this resource rationally and also to improve it qualitatively and quantitatively.

RESOURCES, COMPETITIVENESS, MIGRATION WORK FORCE, TIME-MANAGEMENT, WORK ATTRACTION, BUSINESS-REPUTATION.

Pokrovskaya N.N. TRANSFER OF KNOWLEDGE IN VIRTUAL COMMUNICATING: UNCONSCIOUS COMPETENCE IN DIGITALIZED ECONOMY.

The article analyzes the theoretical approaches to solving dilemmas of the transfer of explicit and tacit knowledge within the context of a significant volume of unconscious competence in the conditions of digitization of a substantial amount of parameters and data criteria. Computational capabilities of hardware, mathematical tools, statistical methods, cybernetics and information technologies permit to solve some of the problems of creation, transfer and transformation of knowledge. Specific social algorithms and methods are produced for building the trust, reputation, leadership, responsibility, which can effectively develop a virtual business and other forms of digital economy in the context of innovation-based growth.

KNOWLEDGE, DIGITAL ECONOMY, COMMUNICATION NETWORK, VIRTUAL CONTACTS, COMPETENCY.

Serov A.P. CULTURE OF MODERN PRODUCTION ORGANIZATION.

The main features of organizational culture refer to effective functioning of human factor and technical potential of the enterprise. Realisation of business and personality values of employees, optimal application of the facilities depend on advanced management and high quality of labor behavior and quality of goods. The innovation of the article lies in the revealing of peculiarity of correlation between organization culture and philosophy of enterprise concerning scientific organization of labor and enterprise.

CULTURE OF ORGANIZATION, CULTURE OF PRODUCTION, CULTURE OF LABOR, CULTURE OF ENTERPRISE, PERSONNEL MANAGEMENT, TECHNICAL POTENTIAL, LABOR PROCESS, ENTERPRISE VALUES, SCIENTIFIC LABOR ORGANIZATION, MANAGEMENT, PHILOSOPHY OF ENTERPRISE.

Zhou Jun. THE HISTORICAL CONDITIONS OF CREATION OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION.

The article analyzes the historical conditions of creation of the Shanghai cooperation organization (SCO). The main defining event of the creation of the organization was the decision of the forum Shanghai Five (the name comes from the five mill forum members Russia, China, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan) in

1996 in Shanghai. The basis for the opening of the forum was two papers: "Russian-Chinese agreement on confidence-building measures in the border area" and multilateral "agreement on mutual reduction of armed forces in the border area". The focus of the organization are the issues of foreign policy, Economics, environmental protection, including the use of water resources, culture, etc.

CHINA, RUSSIA, UZBEKISTAN, KAZAKHSTAN, TAJIKISTAN, SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION, RUSSIAN-CHINESE RELATIONS, THE SUMMIT.

Yagya, T.S. TRANSNATIONALIZATION IN THE WORLD ECONOMY.

The article is devoted to the transnationalization in the world economy. It reveals the concept and the essence of transnationalization, the peculiarities and how to control TNCs. Discusses the characteristic features of TNCs, positive and negative effects of the operation, and is said about the impact of TNCs on the global economy and, in particular, on the economies of developing countries.

TRANSNATIONALIZATION, TRANSNATIONAL CORPORATION, WORLD ECONOMY, FOREIGN DIRECT INVESTMENT, GLOBAL TRANSNATIONAL CORPORATION, «VERTICAL» AND «HORIZONTAL» MANAGEMENT.

Massov A.Ya. AUSTRALIAN MILITARY HOSPITAL FOR RUSSIA (ON THE CENTENARY OF THE FAILED PROJECT).

The article covers the attempt to create, equip and donate to Russia Australian military hospital. This attempt was made in 1916 on the initiative of the Australian opera star Nellie Melba as a sign of Australia's respect and gratitude to the Russian people which was the Australian ally in the First World War battlefields. The offer of Melba aroused the great enthusiasm among the Australians, but commenced fundraising campaign has been interrupted since the military authorities of Australia and the United Kingdom considered it inappropriate to send Army medical forces outside the British Empire. However, an attempt to equip and donate the hospital to Russian allies became convincing evidence of the growing sympathy of Australians to Russia.

RUSSIAN-AUSTRALIAN RELATIONS, N. MELBA, THE FIRST WORLD WAR, A MILITARY HOSPITAL.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I. ВОЕННОЕ ИСКУССТВО И БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН. ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Морено Х. Дж. Роль участия добровольческого движения "Голубая Испания" в военных действиях на стороне фашистской Германии против России, 1941–1944	5
Гринёв А.В. Оценка боевых качеств Рабоче-крестьянской Красной армии в 1941–1945 гг. в немецких мемуарах и аналитических материалах	15
Гуркин А.Б. По обе стороны фронта	43
Кайдаш А.А. Штурм Саур-Могилы: стратегическое значение в освобождении Донбасса вчера и сегодня	51
Плеханов А.М. Военная контрразведка НКВД в начале Великой Отечественной войны (22 июня 1941 – 20 апреля 1942 гг.)	57
Рудник С.Н., Шмачков Д.А. Подвиг и трагедия: последние дни обороны Севастополя в июне – июле 1942 года	71
Труфанова Л.М. «Война в эфире»: радиоигры отечественных спецслужб как вклад в Победу (1941–1945 гг.)	84

Раздел II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мичурин А.Н. Советско-китайские отношения накануне Второй Мировой войны	92
Нетужилов К.Е. Японо-китайская война (1937–1945) в отражении советской периодической печати	104
Самыловская Е.А., Эйдемиллер К.Ю. Административно-территориальная организация планирования «Рейхскомиссариата Кавказ» и «Рейхскомиссариата Туркестан»: исламский фактор	113
Фомичев А.В., Фомичева Л.С. Эта политика имела название: «Политика умиротворения агрессора»	123

Раздел III. ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кулик С.В. Партизанское движение на северо-западе России	133
Линец С.И. Коллаборационизм на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: истоки, проявления, масштабы	148
Мусаев В.И. Стратегия немецкой оккупационной политики на Востоке ..	166
Скорик А.П. Фашизм с румынским лицом на земле донских казаков в оккупационный период 1942 года	181

Савельев В.В. Донбасс непокоренный: деятельность подпольных групп города Сталино в период немецко-фашистской оккупации в 1941–1943 гг. 188

Раздел IV. НАУКА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. НАУКА И ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС СССР И ЕГО РОЛЬ В ПОБЕДЕ НАД АГРЕССОРОМ

Аладышкин И.В. «Эта печальная история...» современной отечественной историографии науки нацистской Германии 195

Дьяков Б.Б. Физико-технический институт и научная деятельность в эвакуации 205

Заблоцкий А.В. Персонификация как главная особенность образа советской военной техники в сознании участников Великой Отечественной войны 213

Красноженова Е.Е. Оборонная и социально-экономическая деятельность органов государственной власти областей и республик Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 220

Куприянов В.Н. Жизненный путь С.С. Лаврова – одного из основоположников практической космонавтики 232

Марасанова В.М. Завод в условиях войны: ярославский «Красный маяк» 244

Михайлов А.А., Панов Р.А. Изобретательская и производственная деятельность в Ленинградском политехническом институте в годы Великой Отечественной войны 253

Мусин Ф.С. Некоторые подходы к защите экономических интересов России в пограничном пространстве: к истории вопроса 268

Павлюшин В.А., Левитин М.М. Военные и послевоенные годы Всесоюзного (ныне Всероссийского) института защиты растений 277

Ульянова С.Б. Военные аспекты советского индустриального дискурса (1920-е – 1930-е гг.) 287

Хлевов А.А. И.В. Сталин и материально-технические аспекты национальной безопасности послевоенного времени: расстановка акцентов 294

Раздел V. ОТРАЖЕНИЕ ВОЙНЫ В ИСКУССТВЕ.

ИСКУССТВО НА ВОЙНЕ

Бочаров А.А. Из биографии писателя Н. Н. Шпанова 308

Бочаров А.А., Фотуньянц В.Н. Советский военно-морской флот и кинематограф в конце 30 – 40-х годах XX в. 321

Заблоцкая К.В. Медицинские сюжеты и образы в песенном фронтовом фольклоре (1941–1945 гг.) 333

Зачевский Е.А. Вторая Мировая война глазами немецких писателей времён «Третьего рейха» 338

Павлова Е.Я. События Второй мировой войны в освещении белорусских периодических изданий	354
Разумный В.В. Мемориальные комплексы Донбасса как форма исторической памяти Великой Отечественной войны	371
Раздел VI. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: НА ГРАНИ ВОЗМОЖНОГО	
Иванов В.А., Колошинская Н.В. «Мы» и «они» в лагере 157 для немецких военнопленных: опыт некоторого социокультурного портретирования (1944–1947 гг.)	378
Капилупи С.М. Частная биография в контексте Второй мировой войны на фоне истории отношения и конфликтов между фашистами и католиками	392
Кашеваров А.Н. Изменение религиозной политики советского государства в период Великой Отечественной войны: реальность и мифы.	405
Карабущенко П.Л. Элита и война	420
Раздел VII. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
Абдуллаева А.И. Система образования России и Финляндии: сравнительный анализ	431
Болдырева Е.Л. Методологические принципы и методы исследования национальной безопасности	440
Быстров В.Ю. Французское неогегельянство и проблемы европейской интеграции	449
Глухов В.В., Деттер Г.Ф., Туккель И.Л. Типологизация регионов арктической зоны Российской Федерации и формирование локальных инновационных систем	458
Камнев В.М., Соколов А.М. Философия и журналистика: русский консерватизм в преддверии революции 1917 г.	487
Кацы Д.В. Накануне майдана: онлайн-пространство Украины как компонент политической активности	498
Малинов А.В. Понятие «народность» в историософской концепции С.С. Уварова	519
Мурзанова Л.А. Принцип целостности как основа экологизма в консервативной мысли	527
Осипов И.Д. Философская критика идеологии европоцентризма в русском консерватизме	539
Погодин С.Н. «Русский национализм» Б.С. Миронова	546
Ван Цзюньтао. Китайский национализм начала XX века	557
Тараканова Т.С. Основные теоретические подходы к внешней политике Китайской Народной Республики	565

Раздел VIII. СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Абабкова М.Ю. Концепция страны происхождения в брендинге товаров на глобальном рынке: стратегии и проблемы	571
Мельник О.А., Смирнова О.А. Тайм-менеджмент как инструмент управления миграционной рабочей силой в РФ	584
Покровская Н.Н. Передача знаний в виртуальной коммуникации: динамика компетентности в цифровой экономике	596
Серов А.П. Культура организации современного производства	606
Чжоу Цзюнь. Исторические условия создания Шанхайской Организации Сотрудничества	614
Ягья Т.С. О транснационализации в мировой экономике	618

Раздел XIX. ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Массов А.Я. Австралийский военный госпиталь для России (к столетию несостоявшегося проекта)	625
Сведения об авторах	633
Аннотации. Ключевые слова	644

CONTENTS

Section I. ART OF COMBAT AND MAIN BATTLES DURING WORLD WAR II AND GREAT PATRIOTIC WAR. ISSUES OF HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

Moreno X.J. The Meaning of the “Blue Spain” Fight in Russia, 1941–1944 ...	5
Grinyov A.V. The Evaluation of Military Qualities of Red Army in 1941–1945 by German Memoirs and Analytic Materials	15
Gurkin A.B. On Both Sides of the Battlefield	43
Kaydash A.A. The Assault of Saur-Mogila: Strategic Importance in the Liberation of Donbass, Yesterday and Today	51
Plekhanov A.M. Military Counterespionage of People's Commissariat for Internal Affairs at the Beginning of the Great Patriotic War (on June 22 1941 – April 20 1942)	57
Rudnik S.N., Shmachkov D.A. Feat and Tragedy: the Last Days of Sevastopol Defense in June – July 1942	71
Trufanova L.M. «Jamming War»: Funkspiel of the Soviet Intelligence Services as a Contribution to the Victory (1941–1945)	84

Section II. INTERNATIONAL RELATIONS BEFORE AND DURING WORLD WAR II

Michurin A.N. The Soviet-Chinese Relations on the Eve of World War II	92
Netuzhilov K.E. The Sino-Japanese War (1937–1945) in the Reflection of the Soviet Periodical Press	104
Samylovskaya E.A., Eidemiller K.Yu. Administrative-Territorial Organization Planned «Reichskommissariat Caucasus» end «Reichskommissariat Turkestan»: Islamic Factor	113
Fomichev A.V., Fomicheva L.S. This Policy Had the Name: «Policy of Appeasement of an Aggressor»	123

Section III. OCCUPATION POLICY, GUERRILLA WARFARE AND COLLABORATIONISM IN WORLD WAR II

Kulik S.V. Partisan Movement in Northwest Russia	133
Linets S.I. Collaboration in the North Caucasus During the Great Patriotic War: Origins, Manifestations, Scale	148
Musaev V.I. Strategy of the German Occupation Policy in the East	166
Skorik A.P. Romanian Fascism Face in the Land of the Don Cossacks in the Occupation Period in 1942	181
Saveliev V.V. Unbowed Donbass: the Activity of Underground Groups in City Stalino During the Period of Nazi Occupation in 1941–1943	188

Section IV. SCIENCE DURING WORLD WAR II. SCIENCE AND MILITARY - INDUSTRIAL COMPLEX IN USSR, ITS CONTRIBUTION TO VICTORY IN WAR

Aladyshkin I.V. «This Sad Story...» of Modern Russian Historiography of Science in Nazi Germany	195
D'yakov B.B. Ioffe Institute and its Scientific Activity in Evacuation	205
Zablotsky A.V. Personification as the Main Feature of the Image of Soviet Military Equipment in the Minds of Participants of the Great Patriotic War	213
Krasnozhenova E.E. Defense and Social Economic Activities of Public Authorities Regions and Republics of the Lower Volga Region During the Great Patriotic War (1941–1945)	220
Kupriyanov V.N. The Life of S.S. Lavrov – One of the Founders of Practical Astronautics	232
Marasanova V.M. Plant In the War: Yaroslavl «Crasny Mayak»	244
Mikhailov A.A., Panov R.A. Inventive and Production Activities in the Leningrad Polytechnic Institute During the Great Patriotic War	253
Musin F.S. Some Approaches to the Protection of the Economic Interests of Russia in the Border-Space: the History of the Issue	268
Pavlushin V.A., Levitin M.M. Military and Post-War Years of All-Union (Now All-Russian) Institute of Plant Protection	277
Ulyanova S.B. Military Aspects of Soviet Industrial Discourse (1920s–1930s)	287
Hlevov A.A. J. Stalin, Industrial and Technical Aspects of the National Security of the Postwar Period: Accents and Priorities	294

Section V. WAR IN ART. ART IN WAR

Bocharov A.A. From the Biography of the Writer N. N. Shpanov	308
Bocharov A.A., Fotunianz V.N. The Soviet Navy and the Cinema in the late 1930s – 1940s	321
Zablotskaya K.V. Medical Stories and Images in Front-Line Folklore Song (1941–1945 гг.)	333
Zachevskij E.A. The Second World War Through the Eyes of German Writers «of the Third Reich» Period	338
Pavlova E.Ya. Articles of the Belarusan State and Private Press About the Events of the World War II	354
Razumnyi V.V. The Memorial Complexes of Donbass as Forms of Historical Memory of Great Patriotic War	371

Section VI. SPIRITUAL LIFE IN WORLD WARS. WAR DAILY LIFE: LIFE AT THE EXTREMES

Ivanov V.A., Koloshinskaia N.V. The «We» and «They» in the Camp № 157 for German Prisoners of War: Experience of Some Sociocultural Portraiture (1944–1947)	378
--	-----

Capilupi S.M. Private Biography in the Context of the Second World War, in the Background of the History of Relations and Conflicts Between Fascists and Catholics	392
Kashevarov A.N. Change the Religious Policy of the Soviet State During the Great Patriotic War: Reality and Myths	405
Karabushchenko P.L. The Elite and the War	420

**Section VII. NATIONAL IDEOLOGIES AND NATIONAL POLICIES
IN THE MODERN WORLD**

Abdullaeva A.I. Educational Systems of Russia and Finland: Comparative Analysis	431
Boldyreva E.L. Methodological Principles and Methods of National Security Research	440
Bystrov V.Yu. French Neo-Hegelianism and Problems of European Integration	449
Glukhov V.V., Detter G.F., Tukkel I.L. Typology of Russian Arctic Regions and the Formation of Local Innovation Systems	458
Kamnev V.M., Sokolov A.M. Philosophy and Journalism: Russian Conservatism on the Eve of Revolution 1917	487
Katsy D.V. On the Eve of the Maidan: Ukrainian Online Space as a Component of Political Activity	498
Malinov A.V. The Concept of «Nationality» in Historiosophic Concept of S.S. Uvarov	519
Murzanova L. A. The Principle of Integrity as the Basis of Environmentalism in Conservative Thought	527
Osipov I.D. Philosophical Criticism of Eurocentrism in Russian Conservatism	539
Pogodin S. N. "Russian Nationalism" B.S. Mironova	546
Van Tszyuntao. Chinese Nationalism of the Beginning of The 20th Century .	557
Tarakanova T.S. Main Theoretical Approaches to Foreign Policy in People's Republic of China	565

Section VIII. STRATEGIES OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Ababkova M.Yu. Country of Origin Concept in Global Branding. Strategies and Issues	571
Melnik O.A., Smirnova O.A. Time Management for Controlling Labor Migration in the Russian Federation	584
Pokrovskaya N.N. Transfer of Knowledge in Virtual Communicating: Unconscious Competence in Digitalized Economy	596
Serov A.P. Culture of Modern Production Organization	606
Zhou Jun. The Historical Conditions of Creation of the Shanghai Cooperation Organization	614

Yagya T.S. Transnationalization in the World Economy 618

Section XIX. ISSUES OF WORLD WAR I HISTORY

Massov A.Ya. Australian Military Hospital for Russia (on the Centenary of the Failed Project) 625

Authors 633

Abstracts. Keywords 664

Альманах

**«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»**

№ 8 (31) 2016

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.

Редакция альманаха:

Павлова О.К. – литературный редактор, корректор

Марченко М. – дизайн обложки

Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Гришина Н.Ю. – перевод на английский язык

Манцерова И.В. – выпускающий редактор

Подписано в печать 10.09.2016	Печать цифровая	Формат 60x84/16
Усл. печ.	Тираж 100	Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного редакционной коллегией,
в типографии издательства Политехнического университета.
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

Аlманас

**«Россия в глобальном мире»
«Russia in the Global World»**

№ 8 (31) 2016

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

Registration Certificate PI number FS77-52142 oa 11 December 2012

Editorial Board of Almanac:

Pavlova O.K. – Literary editor, proofreader

Marchenko M. – cover design

Liutinskaia O.V. – DTP

Grishina Natalia Yu. – the English translation of

Mantcerova Irina V. – Managing Editor

Signed for printing 10.08.2016 Format 60x84/16

Conventional Printed Sheet

Circulation

Order

Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ **в альманахе «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»**

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Альманах «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Несколько лет социально-теоретический альманах «Россия в глобальном мире» издавался как Приложение к научно-историческому журналу «Клио».

С 2013 г. Альманах выпускается два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»** с правом опубликования статей на русском и английском языках.

Альманах зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52142 от 11 декабря 2012 г.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях Альманаха отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски Альманаха рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегией руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов Альманаха ссылка обязательна.

Альманах освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области истории, философии, культурологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме, начинаться с формулировки целей и завершаться выводами, рекомендациями по внедрению результатов в практику и оценке перспектив дальнейшего развития проблемы. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения.

Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей 8-10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – не менее десяти.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – множитель 1,2; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,5 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

— **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);

— **сведения об авторах блоком /Authors** (на русском/английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;

— **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;

— **аннотация /Abstract** (на русском/английском языке): не менее 50-55 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;

— **ключевые слова/ Keywords** (на русском/английском языке);

— **текст статьи** на русском языке, в соответствии с техническими требованиями;

— **список литературы** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Текст статьи должен содержать ссылки **на все источники** из списка литературы.

Статьи без приставейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов Альманаха.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции:

**Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д.28;
тел.: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.**